

антология
пермской
литературы

Геннадий
ВЕРШИНИН

**СОЛНЕЧНЫЙ
ВАГОН**

сборник прозы

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание книги «Солнечный вагон» (сборник прозы) Геннадия Васильевича Вершинина и подготовка её электронной версии в рамках проектов «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) и «Литературное Прикамье» осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель» благодарят Пермское отделение ВТОО «Союз художников России» и галерею «Марис-Арт» за содействие в оформлении серии «Антология пермской литературы».

На обложке, титульном листе: «Старая улочка Чусового», холст, масло, 2018 г. — работа художника Вадима Сивохина.

На форзаце: «Город Чусовой. Есть такая улица...», холст, масло, 2019 г. — работа художника Вадима Сивохина.

На стр. 443: «Портрет А. Л. Решетова» — работа художника Нины Горлановой.

том тридцать второй

Геннадий
ВЕРШИНИН

**СОЛНЕЧНЫЙ
ВАГОН**

сборник прозы

«Пермский писатель»

Пермь

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
В37

антология пермской литературы • том 32

Геннадий Васильевич Вершинин
Солнечный вагон
сборник прозы

Вершинин Г. В.

В 37 **Солнечный вагон:** Сборник прозы. — Пермь: Пермский писатель, 2021. — 464 с. — (Антология пермской литературы; т. 32).
ISBN 978-5-6044740-6-8

В новой книге «Солнечный вагон» пермский прозаик Геннадий Вершинин предстаёт как многожанровый писатель. Так, в написанном с большой любовью к малой родине очерке «Зарекá ты моя, Зарекá...» автор выступает в роли краеведа. Тему малой родины раскрывает и повесть «Живая вода», но она уже написана пером писателя-фантаста. В ней автор пытается создать мир, в котором был бы счастлив каждый. А счастье, в его понимании, когда рядом люди — добрые и работающие, чуткие и совестливые, преданные родному краю. В жанре юмористического рассказа написаны «Лапшеллеры», «Подарок» Деда Мороза, «Медвежатник», «Романтическое свидание», «Импичмент». Есть в книге и сказки для детей и взрослых — «Юля, Рома и Гриза», «Медведь и Таймень».

Название книги (по одноимённому рассказу «Солнечный вагон») не случайно: теплом и светом пронизано большинство произведений Геннадия Вершинина.

Издание адресовано широкому кругу читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-6044740-6-8

9 785604 474068

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Г. В. Вершинин, текст, 2021
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2021
© ПКОО «Пермский писатель», 2021

СИБИРЯК ИЗ ОВСЯНКИ.

Этюды о писателе

И был сентябрь...

Давно бредил я встречей с Виктором Петровичем Астафьевым. И вдруг узнал: известный писатель с мировым именем должен приехать в Чусовой 11 сентября 1997 года.

Я в те дни «загорал» на больничной койке — и запаниковал. Как быть? Сбежать? Неудобно. Пошёл к лечащему врачу со слёзной просьбой выписать меня из больницы досрочно.

Врач, слава Богу, пошёл навстречу, но настоял на амбулаторном лечении. Пообещав ходить на процедуры, я вернулся домой и сразу же сообщил Виктору Семёновичу Хорошавцеву, давнему другу писателя и моему напарнику по рыбалке и шахматам, приятную новость:

— Виктора Петровича и его сына Андрея будут встречать в пять часов вечера на границе Чусовского и Лысьвенского районов.

— Приду непременно! — обрадовался он. — Кто знает, может, больше не увидимся.

Накануне встречи я заглянул и к Секлетинье Савватеевне Опариной, или попросту Секлете, как зовут Виктор Петрович и Мария Семёновна няню, водившуюся с их детьми в крохотном домишке на улице Партизанской, 76, когда Астафьевы жили в Чусовом.

Секлета сказала примерно то же самое, что и Хорошавцев.

С Виктором Петровичем у меня к тому времени завязалась переписка: от коллег из «Чусовского рабочего» узнал точный адрес писателя, ну и написал. Безо всякой надежды на ответ — ему ли, всемирно известному писателю, пребывавшему в ту пору в зените славы, до какого-то провинциала? Но где-то через месяц, в январе 1993 года, пришло мне его письмо из Красноярска:

«Уважаемый Геннадий Васильевич!

От Вашей весточки и от газетных вырезок повеяло давним, уральским, моей творческой молодостью. Я сейчас совершенно обессилен, заканчиваю черновик второй книги романа „Прокляты и убиты“ (первая книга опубликована в журнале «Новый мир» № 10–12 за 1992 год. — Г. В.), и со временем совсем плохо у меня, а у Марьи Семёновны того плоше, она ведёт дом, в котором двое детей-сирот, печатает мои рукописи и ещё умудряется иногда что-то написать — это после пучка тяжелейших болезней, в том числе двух инфарктов — во, уральская порода!

Рукописи Ваши, точнее, вырезки, особенно про рыбалку, читал я с удовольствием, сам-то из-за болезни лёгких зимнюю рыбалку закинул, но летом и осенью бываю в тайге, ловлю, чего клюёт, чаще хариуса и ленка.

Весной, прошлой уже, я был в Перми, Чусовом (нужно для романа), собирался и в Лысьву, у нас там на улице Лесной, в доме № 33 а, живёт бывшая нянька, которая нам ближе всякой родни, фамилия её Опарина (по мужу), зовут Секлетинья, на Лесной же жили крёстный и крёстная Марии Семёновны, которые вместо отца-матери нам были, но не получилось у меня, времени не хватило для поездки в Ваш город.

Был и в местном издательстве, они как раз верстали „Робинзон Крузо“ и ещё что-то из мировой классики, а местных авторов совсем не издают, если уж за свой счёт. Но и этого с определённой уверенностью сказать не могу, связи мои с Уралом ослаблены и случайны. Старею, скоро 70 лет, и на всё меня уже не хватает. Закончить бы роман успеть — это моя главная книга.

Если поухаживаете за могилой Сергея Семёновича, Вам зачтётся перед Богом. Мы далеко. Где-то рядышком лежат Алексей Ефимович и Серафима Андреевна Ходыревы, наши крёстные, наверное, всеми забытые, а может, Секлета их обихаживает, она тоже у них жила до замужества.

Ну, кланяюсь Вам, желаю здоровья и всего хорошего Вам и Вашим близким. Уралу поклон отдельный от меня и Марии Семёновны.

Виктор Астафьев».

Я искренне поблагодарил Виктора Петровича Астафьева за ответное письмо.

В декабре 1994 года получаю новогоднюю открытку:

«Написать мне ладом Вам некогда — только недавно сдал в журнал и готовлю для отдельного издания две книги романа „Прокляты и убиты“. Вот сейчас и правлю эту повесть, осенью написанную, печатать буду в журнале „Знамя“, и ни сил, ни времени...

Спасибо за очерк о Секлете — он мило написан, спокойно, с любовью к слову и людям. Спасибо!

С Новым годом!

Кланяюсь. Виктор Астафьев».

А позднее я с нескрываемым волнением читал обстоятельный ответ писателя из Овсянки на моё письмо, в котором просил бывшего корреспондента «Чусовского рабочего» Виктора Астафьева поделиться своими воспоминаниями и от имени редакции приглашал его на 75-летний юбилей газеты:

«Дорогой Геннадий!

Вот сейчас и есть то время, когда я от усталости пребываю в страсти — написал большую повесть (журнал „Знамя“ № 4) и истратил остаток сил, хотел дать повести полежать, но из „Знамени“ прямо домой закинули мне редактора, и пришлось готовить в печать неотлежавшуюся рукопись. Были и текущие дела, перед праздниками — много. Измотали меня вконец. Уехал в деревню садить огород — весна плохая, и народ, разогнавшийся в праздники, гуляет, отмечает, празднует, достаёт и в деревне, целится камерами, фотоаппаратами, тянет из души патриотическое слово о Родине и народе дорогим, да о Великой Победе. А у меня их нет да и не было в душе-то, ибо я раньше других сперва почувствовал, а потом и увидел трагедию своего народа... Оказывается, можно жить и в помойке, пусть и в облике животного. Нашлось (и немало) так уже униженных, до скотства доведённых, что им помойка — дом родной. Погибает наш бедный народишко, погибает, и вроде как бы не осознаёт этого, что давно его лишили сознания и разума. Уж коли он снова за большевиками, а не за Богом устремился, значит, сам себя и приговорил к кончине. Дело в сроках, но большевички сократят эти сроки и, погибнув во зле и смраде, погубят и страну, и народ.

С „Искрой“ лысьвенской у меня тут вспыхнула переписка по поводу романа. Хорошую стали газету в Лысьве делать.

А приехать? Ох, Геннадий, боюсь, что Вы забыли о моём возрасте, да и Мария Семёновна болеет давно и тяжело. Вот в тайгу отдышаться уеду. В середине июня сулятся приехать Валентин Курбатов. К его приезду и вернусь домой. В деревне у меня есть избушка для гостей, он там любит поспать, почитать, в холодный Енисей ходит купаться, а главным образом мы с ним треплемся, да вслух друг дружке читаем Гоголя. Башковитый, высокообразованный и глубоковерующий мирянин — Курбатов-то, хоть и в варначем городе Чусовом вырос.

Газета „Чусовской рабочий“, которую я поздравляю со славным юбилеем и желаю, чтоб она „рабочим“ и осталась, а стало быть, в меру средств и возможностей, жила, или уж точнее — мучилась с этими самыми рабочими, выражала их чаяния (любимое и пробольшевицкое слово, затасканное, как рабочая акула), ну, проще сказать, помогала им жить, беды преодолевать, быть их собеседником и другом по времени и доверительности.

„Чусовской рабочий“ — большая любовь моя. Любовь — оттого, что здесь я впервые столкнулся с творческим коллективом, который, как ни пытались сделать подъярёмным, партийным тяглом, вывёртывался из гужей и порой норовил ускакать в чисто поле. Но как ускакать? Далеко

не ускользнешь с путами на ногах, с моралью и установкой идеологической: „Не верь глазам своим, а верь партийной совести“. А у партии там, где совести быть, шерсть выросла, что она с успехом и ныне доказывает.

И всё же нам удавалось делать газету, порой и достойного уровня — уж как там наш „фюрер“, Григорий Иванович Пепеляев, изворачивался, как цензоров явных и природой рождённых вокруг пальца обводил, какой характер проявлял, какой крестьянской сметкой обладал — одному ему известно. И если он жив, ему первый мой привет и поздравление.

...В зрелом возрасте я постиг, что величайшее творение литературы — это „Дон Кихот“ Сервантеса, и по мощи таланта, даже не таланта, а бесовства какого-то, архигениальности с Сервантесом может сравниться только Гоголь. Вот их бы и взял с собой и беру, куда ни еду, вот только необитаемого острова найти не могу, а если найду полу-пустую деревню со святыми старушками — глядь, уже сволочь рядом селится, то расстрига-большевик, то стукач или сексотка.

Обнимаю, желаю, кланяюсь.

Виктор Петрович.

28 мая 1995 года, с. Овсянка».

А из этого письма я и узнал, что Виктор Петрович собирается навестить Урал, Чусовой, где прошла его литературная молодость:

«Дорогой Геннадий!

В день Рождества Христова желаю тебе всяческого добра и радостей земных. Пишу совершенно больной, перед Новым Годом упал, зашиб почки, повредил рёбра. И вообще стали мы с Марьей Семёновной сдавать. Подрастили внуков — Витя уже живёт отдельно, Поле 11 января исполняется 14 лет — и вот что-то ослабло в нас, дак года. Весной мне стукнет 73 года. Сейчас ничего не пишу — последняя маленькая повесть „Обертон“ напечатана в „Новом мире“ № 8 в прошлом году. Сейчас всё время и силы уходят на издание собрания сочинений. Посылаю тебе буклет — там всё описано. А сам ложусь в постель, ещё не могу подолгу сидеть за столом.

Поклон Чусовому и чусовлянам, отдельный — Вите Хорошавцеву. Возможно, если буду здоров, осенью побываю на Урале — в Чусовом и Кучино. Общество „Мемориал“ организует встречу на Енисее по лагерям и смертным местам и зазывает к себе. Вся программа проходит под эгидой ООН и на средства её, если, конечно, к той поре не восторжествует фашизм доморощенный.

Кланяюсь. Виктор Астафьев.

7 января 1997 года».

Переписка — одно, а личная встреча, причём первая, — это совсем иное.

...И вот четверг, 11 сентября. В пятом часу, к концу рабочего дня, в редакцию пришёл Виктор Семёнович Хорошавцев. Я его никогда не видел таким прифранчённым — в светлом костюме, при галстукке и в шляпе. Да и где бы увидел? Мы чаще встречаемся на рыбалке в Плесо, а там — совсем другая экипировка. Семёныч даже свою неизменную тросточку-«лошадку» оставил дома, чтобы не выглядеть перед другом немощным.

Без четверти пять редакционная «Нива» выринула на трассу Чусовой — Лысьва. Едва выехали за город, как сразу попали в изумительное царство бабьего лета. Златокудрые берёзки и румяные осинки выбежали из леса и остановились в раздумье у дороги: переходить её или нет? Ишь, как принарядились уральские красавицы: тоже, видеть, рады приезду земляка-природолюбца.

На остановке «Берёзка» — а это и есть граница двух районов — маячила одинокая женская фигура. Никак Секлета? Точно, она. Приехала из Лысьвы.

Спустя несколько минут прибыли и встречающие из администрации Чусового во главе с мэром Виктором Бурьяновым.

Здесьние телевизионщики, узнав, что на встречу приехала няня детей Астафьевых, устремились к Секлете и давай выпытывать, как жилось в семье писателя в 1950-е. Впервые попав под прицел телекамеры, Секлета смущается, отвечает односложно: дескать, жизнь была трудная, послевоенная, но рук не опускали, работали...

Между тем прошёл час. Начальник ОВД Виктор Подлесных и главный гаишник города Александр Вылегжанин по рации связались с кунгурскими коллегами. «Выехали, ждите», — ответили из Кунгура.

В рядах встречающих почётного гостя уже полная боевая готовность. Девчата из Дворца культуры переоделись в яркие сарафаны: им предстоит встретить писателя по русскому обычаю — хлебом, солью. А пока мы угощались арбузом, припасённым кем-то из окружения мэра города.

Но вот из-за поворота показалась машина с мигалкой, а за ней — две белые «Волги». Наконец-то прибыли!

К машинам, тормознувшим у щита с надписью «Чусовской район», направились Виктор Бурьянов и его команда. Из машины вышли сын Виктора Петровича Андрей, среднего роста, худощавый, лет сорока пяти, Виктор Шмыров, директор Кучинского музея политических жертв, Валерий Бодряшкин, фотокорреспондент газеты «Красноярский рабочий». Он моложе, но с бородкой.

Виктор Петрович несколько замешкался. Выйти из машины ему помогли Бурьянов и Семёныч. Астафьев и Хорошавцев обнялись — столько лет не виделись! Так, втроём — три Виктора — они и перешли на другую сторону дороги, где у обочины гостей поджидали с караваем на вышитом рушнике девчата в кокошниках.

В этот момент к Астафьеву с микрофоном в руке подошла корреспондент Чусовского телевидения Оксана Покидько.

— Виктор Петрович, — спросила она, — какие чувства Вы испытываете, ступив на чусовскую землю?

— Ой, давайте пока не будем трогать чувства, — засмеялся Астафьев.

Меня поразил его довольно-таки молодой, с задоринкой, сочный голос.

Поначалу же Виктор Петрович казался усталым, болезненным, выглядевшим старше своих лет. А заговорил — и этого не чувствовалось.

Зазвучала величальная. Гости отщипнули от каравая по кусочку хлеба.

Сосредоточив всё внимание на писателе, я чуть было не упустил из виду встречу Андрея со своей няней. Они стояли несколько в сторонке и оживлённо беседовали.

Сорок с лишним лет не виделись, а ведь узнали друг друга! Через минуту по-семейному обнимал Секлету и Виктор Петрович. Для него встреча с няней, любимицей их семьи, здесь, на границе двух районов, была неожиданным и приятным сюрпризом.

Все расселись по машинам, и кортеж направился в город, в мэрию. На сопровождающих автомобилях — одна из области, другая здешняя — вновь зажглись мигалки.

Виктор Петрович, от природы простой и скромный, не любит таких пышных приёмов. Не случайно в интервью «Известиям» (6 декабря 1997 года) писатель не без иронии заметил:

«Недавно ездил в Чусовой навестить могилы первой дочери и родителей Марьи Семёновны... И вот в Чусовом, где мы с голоду чуть не умерли, где дочку уморили, меня встречали хлебом-солью, мигалками, девчонок в кокошники нарядили. Помпезную ограду соорудили вокруг халупки, где мы жили...».

В здании администрации к Виктору Астафьеву, окружённому официальными лицами, не так-то легко было подступиться, и я переключился на Андрея, интересного, общительного собеседника. Ни в разговоре, ни в манере его поведения не проскальзывало и намёка на

то, что он сын великого русского писателя. Андрей и не помышлял красоваться в лучах отцовской славы.

Мы стояли в коридоре у стенки и вспоминали нашу студенческую жизнь. Вышло так, что оба учились в одном университете в одни и те же годы, только на разных факультетах: Андрей — на историческом, а я окончил филфак. Проходивший в эту минуту по коридору Виктор Петрович приостановился и тронул меня за локоть:

— Геннадий, спасибо, что Секлету привёз.

В субботу, 13 сентября, я наострил лыжи в Кучино. Знал, что Астафьев намеревается посетить здешний музей.

До Кучино удачно доехал с редактором «Чусовского металлурга» Николаем Окуловым на его машине, но там писателя ещё не было.

Застали Виктора Петровича в деревне Тёмной, в небольшой уютной крестьянской избе, в которой жили работники музея. Поздоровались. Я с ходу спросил, можно ли взять у него интервью для «Чусовского рабочего».

Виктор Петрович, одетый в простую рубашку, закинул на плечо полотенце и, направляясь к колодцу, улыбнулся:

— Погоди немного, дай хоть ополоснуться. Интервью я пообещал Коле Гашеву из «Звезды». Вот и ты тут же задавай вопросы. Куда вас денешь? Тем более ты из «Чусовского рабочего», где когда-то и я работал.

Виктор Петрович с наслаждением умылся колодезной водой, отнёс полотенце в избу и через минуту вышел в накиннутой на плечи куртке, присел на скамейке возле палисадника — вот, дескать, теперь и терзайте мою душу.

Он был в хорошем настроении, чем мы и воспользовались с Николаем Гашевым, включив свои диктофоны.

Первое, что нас интересовало, — судьба третьей книги «Прокляты и убиты».

— Третья книга была у меня в черновике, — сказал Виктор Петрович. — Я её разобрал на три повести «Как хочется жить», «Обертон» и «Весёлый солдат». Всё уже опубликовано, кроме последней повести. А вот сейчас открыл их — остатки. И хотел дать, как вариант, тринадцатый том. Встал, походил. Смотрю, а что править-то? Есть просто повесть о нашей жизни с Марьей Семёновной в городе Чусовом.

Повесть большая, на двенадцать листов. Вообще, тринадцатый том — он ещё не до конца составлен — потребовал очень много поисков, работы. Там варианты: два киносценария, две пьесы будет,

отрывки, не вошедшие в «Последний поклон» и «Звездопад». Вот таким образом, сделав три повести, я избавился от третьей книги. Мне её не осилить. Я сейчас уехал, совершенно всё у меня расстроено: сон, желудок, давление. Думаю, вот у ребят в Тёмной отдохну. — и улыбнулся. — Отдохнёшь от вас тут..

По поводу же цели своей поездки на Урал Виктор Петрович заметил:

— Вся эта округа мне знакома до бесконечности. Слава Богу, тут ничего не изменилось. И город Чусовой не прибыл, а маленько убыл. В том смысле, что меньше дыма стало, газа. По сравнению с тем, как было. Зелени прибавилось. Когда-то я его знал, как каторжный, голый город. А Андрей, сын мой, любит этот городишко. Он тут рос. Вчера мы ходили целый день по нему, хохотали, вспоминали людей хороших. Ничего плохого вчера не вспоминалось, ничего. Но самое трогательное — избушку мою под музей делают. Но там мало что осталось от её прежнего облика. Дверь я узнал, половицы. Внутри же всё перепланировано, печка переложена.

На кладбище, самое главное, сходили, навестили доченьку, его (кивнул на Андрея) бабушку, дедушку. Он на деда сейчас страшно похож, на Семёна Агафоновича. Нашли Таисью, Манину сестру. Поклонились могилкам. Вот это самое главное. Ради этого Марья Семёновна меня и отпускала. А так бы, наверно, ни шиша не отпустила. Она и сама собиралась. Я говорю: «А помрёшь там?» А она мне: «Ну чё, там и схороните со своими вместе».

Николай Гашев спросил, какое у Астафьева осталось впечатление о музее политических репрессий.

— Тот период мне хорошо известен. К сожалению, видел всё это в худшем исполнении, в действии. Но Бог меня берёт. Я тоже мог быть на месте Бородина. Строптив был, ещё из армии мог загреметь. Но Бог сохранил. Кучинский лагерь для политзаключённых — это ужасная тайна нашей действующей коммунистической партии, которая надеется, что всё это будет восстановлено. Но моё сознание говорит — восстановлению такое не подлежит. Скорее, они туда сами угадают, кто восстанавливать будет. Сейчас они получают оппозицию, какую не выдвали: от огромной части народа, от интеллигенции, тех же зеков. А они не привыкли к сопротивлению, ты это знаешь. За три дня, как сопротивляться начали, тут же лапы подняли. И сдали государство, и всё. Ну, будем надеяться, что не обезумеет народ. Вот столкновения возможны. Только что встречался с Лебедем Александром Ивановичем. Заезжал ко мне. Они проводили в Красноярске

региональный съезд своей партии. Ничего мужик, ничего. Я генералов хоть и не люблю, но этот как раз из тех генералов, которых могу терпеть.

— У Вас были два президента: Горбачёв, Ельцин. Теперь вот Лебедь, — продолжил тему Гашев. — В предвыборной борьбе вы помогли нашему Игумнову. Что вам это даёт?

— Кроме хлопот, дёрганий — ничего не даёт... Был бы я счастлив, если б вообще меня оставили в деревне, в покое. Тут с Андреем мы ездили на пять суток в тайгу за хариусом...

— И кто кого обрыбачил? — не удержался я, как заядлый рыбак, от вопроса.

Астафьев улыбнулся:

— Он, конечно. Таких харюзей ворочал. Сначала, когда маленьким был, всё робел на Быковке: «Не, папа, не поймать». А как поймаю, через полтора месяца уже меня обрыбачил. А сейчас тем более.

— Виктор Петрович, — спрашиваю уже смелее, — в этот приезд Вы Чусовой увидели таким же варначым, как однажды назвали, или что-то изменилось?

— Чтобы узнать перемены в характере, надо пожить. А внешний вид, конечно... Завод производит, как всегда, удручающее впечатление. Старьём этим, железом торчащим... Но, слава Богу, что-то в нём изменилось, и всё заросло тополями, диким клёном, рябинами, где и не росло ничего никогда. Деревья очень многое укрыли. А тот старый город, который я знал, таким же стоит. На косогоры смотрю — ничего не прибыло. Всё то же самое. Когда по городу ходили, Андрейка удивлялся: те же бараки. Всё узнаваемо. Но, к сожалению, как кого ни коснёшься близко, всё смерть, смерть... Вчера, сказали мне, умерла Вера Афанасьевна Дружинина. Помянуть надо. Это мой классный руководитель в вечерней школе. Она очень много добра сделала для меня и семьи. Моя, так сказать, платоническая любовь.

— Пепеляев, Ваш бывший редактор, тоже умер, — вспомнил я. — Не так давно.

— Пепеляев умер? А это я не знал. Ну, он же глухой старик был, а Вера-то Афанасьевна на шестьдесят седьмом году жизни умерла. Вот, вчера выскочили на мыс, ну давай кума своего искать. Очень много внимания в повести («Весёлый солдат». — Г. В.) этому куму отведено. Замечательный был человек Сашка Ширинкин. Сунулись к соседям. И соседка рассказала: и он, и Маруся уже умерли. Живёт сын Вовка, он на работе был. В общем, куда ни сунешься... Какие карточки коллективные смотришь — вот этого, того уже нет.

Я в ужасе от того, кто доживает до 90—95 лет. Он живёт, окружённый покойниками. Это ужасно. Не боюсь смерти, к ней отношусь спокойно. И так уже перебрал немножко. Но всё-таки у живого должны быть живые чувства.

— В чём заключаются Ваши обязанности как члена совета по культуре при президенте?

— Ни в чём, Коля, — Астафьев повернулся к Гашеву. — Время от времени мне присылают бумаги то на подпись, то с обращением. И всё. Я ни разу не был ни на одном совете. И у губернатора в совете тоже не был. Некогда мне. Я занимаюсь своим делом, слава Богу. Эта повесть последняя взяла такие силы, что руки стали дрожать. А третью книгу мне не осилить, нет. Может быть, отдельные куски, как рассказы, напечатают. Сейчас вон Ольховиков из Чусового прислал роман. По-моему, я уже «бортал» его. В литературе сейчас переходный период, очень сложный. В истории ещё такого не было, когда деревенское, так сказать, общество перешло в городское и рождает новое — литературу новой культуры на асфальте.

Надо проявлять, конечно, терпение. Некоторые кричат: всё умерло, литература кончилась, культура кончилась, театр умер! Ничего не умерло. Ну отпели, отголосили, оплакали по деревне. А сейчас ребята пробуют перо, как всегда, путают — молодые. Фокусничают. А что в двадцатых годах Каменский делал? Бурлюк, Маяковский? Не фокусничали что ли? Фокусничали. Говорят, безвременье сейчас. Но безвременье — тоже время. У времени ни конца, ни начала мы не знаем. Безвременье — это идущая жизнь. Как она идёт? В Чусовском районе она затормозилась, а в деревне, кроме убыли, ничего почти не изменилось. Ну, ворюга-директор продал завод, построил себе дачу, ближним. Но эта дача — скромная дача коммуниста по сравнению с тем, что у нас, в Сибири, строят.

— Проза сейчас какая-то неинтересная, — вернулся на литературную стезю Николай.

— В «Новом мире» вторая половина журнала, как всегда, интересная, — возразил Виктор Петрович. — Вот девятый номер пришёл — переписка Горького со Сталиным, записки нового русского. Много там интересного. По-прежнему Кураев работает. В десятом или в одиннадцатом пойдёт его повесть. Но я бы таких, как Мелехин, не печатал бы, конечно.

— Виктор Петрович, Вам не мешала работа в «Чусовском рабочем», не отвлекала от творчества литературного? Или, наоборот, что-то давала? — выудил я из блокнота заранее записанный вопрос.

— Мне стоило огромного усилия переключиться с «Чусовского рабоче-го» на прозу. Это отняло несколько лет: надо же было побеждать газетные штампы. Но зато сколько впечатлений, житейских наблюдений, сгодившихся потом для моих рассказов! Я ведь всё горнозаводское направление исходил, потом на радио полтора года работал. Весь Урал где с ружьем, где с удочкой, где как газетчик избородил. Здесь больше как газетчик бывал. Четыре человека всего сотрудников было, а газета пятиразовая. Я в ней вёл лес и транспорт. Но уезжает кто в отпуск — писал и о сельском хозяйстве. Заводом я мало занимался. Виктор Фёдорович Волхонский освещал дела заводские. Он на кладбище давно лежит, умер прямо на работе... А все эти деревушки знакомы мне.

Один раз между Махнутино и Борисово чуть не замёрз. Пошёл пешедралом в ботах. И в Борисово меня метель страшная застала. Я шёл по столбам, дорогу потерял. Нигде не пускают ночевать. В один дом стучался, в другой — ну «гостеприимные» такие уральцы. Иди к бригадиру, говорят. А где он, бригадир, живёт? Чёрт его знает. А там была трагедия перед этим. Я после расскажу. Ну, наконец, к одной старухе стучусь. — «Не пушшу». «Непустишь — подожгу», — говорю. Ну, а что делать? Всё, конец. Так курва отбросила крючок. Сама — на печь, я — тут.

Всякие впечатления были. Здесь, в Борисово, страшная трагедия произошла. Одно время был председателем колхоза Николай Иванович или Иван Николаевич — лет под сорок мужик. Фронтовик, вот так руки у него не было. Имел он пятерых сыновей. Что они 1 Мая загуляли, что за собрание было? Гуляли-то два раза в году — в Новый год да 1 Мая. Ну, конечно, наставили браги, нажрались. Видимо, ему от браги да от скудной закуски плохо стало. Он под ночь-то и побрёл в поле, упал в борозду, уснул. А в поле пахал его брат. И он его запахал — на куски разделал... Поэтому у меня о Борисово, когда проезжаю, такое мрачное воспоминание. Никто ведь того мужика толком и не помнит, не знает — жил, жил и не стало. Может, семнадцатый, может, двадцатый председатель был.

— Из Чусового вышло с десяток писателей, — напомнил Гашев Астафьеву. — Чем это объяснить?

— Десяток членов Союза писателей. Писатель — это немножко другое. Я говорю, что лучше всего писатели заводятся в саже, — рассмеялся Астафьев. — А этого здесь хватало в ту пору. Вот как опарыш заводится, так и мы заводились. Кому удалось на свет выбраться, а кого придавило.

— Виктор Петрович, бывает, строка не пишется. И вообще хандра. Что Вы в таких случаях делаете? — прошу писателя поделиться опытом.

— Хандра? Раньше выпивал. Сейчас не могу. Лучшим временем для работы была непогодь. Я писал часто оттого, что в лес с моими лёгкими никуда не сунешься, не выйдешь. А сидеть у стены и смотреть не могу, читать одним глазом устаю. Вот садишься и работаешь.

— Вот Вы писатель, рыбак, охотник, муж, отец, дед. В каком качестве себя более комфортно чувствуете?

Виктор Астафьев заразительно засмеялся:

— Ну вопрос, однако — «комфортно чувствуете». Не-е, научился в Чусовом «комфортно» произносить. Когда здоров, так хочется и бабу завалить. Охотником? Я уже давно не охочусь. Но больше всего комфортнее, лучше себя чувствую, когда идёт работа. Вот это самые великие, самые счастливые минуты. Я тогда становлюсь добрым, ласковым. Марья Семёновна всё прекрасно знает и эксплуатирует это дело. А потом терпит, когда уж пыл литературный пройдёт.

— Мария Семёновна у нас в Лысьве училась, — говорю я, — в техникуме...

— Училась. Там Секлета живёт. Она растрогала вон Андрея. Она же с ним водилась. Я её не сразу узнал. Я босиком сюда ехал, разулся, Марья Семёновна ботинки новые выдала, а они давят. Сейчас уж ничего. А в дороге ноги отекли, я и скинул обутки. И тут делегация — хлеб да соль. А я обуться не могу, Витька помог потом. И поэтому Секлету не сразу признал. Смотрю, Андрей с ней обнимается. Я уж понял тогда — Секлета...

— Между Лысьвой и Чусовым издавна идёт негласное соревнование. Вы знаете их, бывали в обоих городах...

— Нет, Лысьва не может спорить с Чусовым. Она обывательская, всегда более сытая. Всегда какой-то заскорузлый немножко город. А тут, в Чусовом, пролетарии живут. Тут тебя запросто приколот и запросто спасут. Здесь не было случая, — мы же тут ездили по всем рекам, — чтоб оставили в тайге. Наматерят, конечно, но никогда не бросят. Ни в метель, ни в пургу.

Помню, этот — как его? — Женька ехал из-под Вереино, красивое такое село, тащил он нас на буксире до Чусового. До Лямино дотащил: «Петрович, всё не могу. Деньги есть?». Есть. И по брёвнам побежали за водкой. И напились все, из горла пили, селёдкой закусывали. А когда уезжать стали, тут ещё на двух лодках пристали. И им налили. Это в Чусовом было запросто. И кто среди этого корья-щепья

увидел утку живую? Мамочки, как они стали палить! Палили, палили. Я смотрю — утка-то около меня. Одностволка у меня была, я в упор по спине — бух! И бросил им: берите, пока не перебили друг друга. Это чусовские. А лысьвенские? Вот характерная деталь. Сидят на Кутамыше в таком полувагончике чусовляне и лысьвенцы. Рыбачить на лёд не выйдешь: метель. Играют в карты. Ну, засаленная такая колода, уже по краям порватая. Ага. Сидели-сидели, играли-играли. Ну, кто спит. Лысьвенцы ушли. Хватились — колоды карт нет. Ушлые лысьвенские ребята.

Когда зашёл разговор о дискуссии по роману «Прокляты и убиты». Виктор Петрович усмехнулся:

— Однажды из Москвы мне даже прислали протест против романа, заверенный комитетом ветеранов. Раньше бы комитетом компартии заверили. Знал я коммуняк. Был такой Иван Яковлевич — секретарь по пропаганде. Я его прозвал Ванькой-идеологом. Кстати говоря, чусовской родом. Работал на стане «250». Лётчик-истребитель, четырежды сбитый. Он как мужик-то ничего. Но только зачем в кресло садиться? Я ему говорю: «Ну, скажи, что в нашей идеологии? Всё г...». Он: «Ну, уж будто и так? Я что, задаром что ли деньги получаю?». Я ему: «Задаром. Шёл бы обратно на стан». — «Да израненный я весь. Ну, чё не ладно, чё?». А я ему: «Вот завод артиллерийский, а на нём трёхметровыми буквами „Наша цель — коммунизм“». «Ну и чё такого? — спросил Ванька-идеолог и спохватился. — Постой, постой. Где говоришь?» — «На артиллерийском заводе, в Мотовилихе». Он на меня так уставился: «Во, как у тебя голова-то устроена. Мне даже и не приходило». Я говорю: «Раз не приходило, тебе и сидеть здесь нечего».

На этом наша беседа завершилась, поскольку приехали губернатор области, его коллеги и телевизионщики. После короткой беседы Геннадий Игумнов и Виктор Астафьев отправились в Кучино, где посетили мемориал жертв политических репрессий «Пермь-36».

...Какое у меня сложилось представление об Астафеве? Около трёх лет я с ним переписываюсь, внимательно слежу за его публикациями в периодике, выступлениями по телевизору, а вот живьём писателя увидел впервые. Но было такое ощущение, будто давно знаком с ним лично. Может, потому что ростом, говорливостью и комплекцией — клáдью, сказала бы моя мать, — он здорово походил на моего покойного тестя Константина Филаретовича Фефилова, которого я очень уважал.

С Астафьевым можно поспорить, с чем-то не согласиться, но у него на всё имелось своё собственное мнение. Да, проскальзывала

в его речи ненормативная лексика, но в его исполнении — скороговоркой, с улыбкой, без всякой злобы — она как-то не звучала чересчур грубовато и пошло.

В беседе Виктор Петрович был раскрепощён, говорил без зауми, шутил. У него отличная память. События многолетней давности из жизни в Чусовом Астафьев описывал в деталях, образно, перемежая свою речь народным говорком, характерным для уральской глубинки. В общем, Виктор Петрович рассказчик отменный, завораживающий.

И ещё меня приятно поразили его душевность, забота о людях, скажем так, не занимающих высокие посты. К примеру, когда вся кавалькада доехала до администрации, Виктор Петрович, прежде всего, замолвил слово о шофёрах:

— Накормите их, пожалуйста. Неловко себя чувствую, когда про них забывают, уделяя всё внимание моей персоне.

В Кучино Виктор Петрович, подписывая мне свою книгу, вспомнил о няне и попросил меня заехать к ней:

— Узнай, как она добралась до дома. И ещё передай: пусть обязательно соберётся к нам в Красноярск. Мы с Марьей Семёновной будем ждать.

Заметно было, что Виктор Астафьев устал от репортёров, суеты вокруг его имени. А вот в общении с Семёнычем, Секлетой, с друзьями молодости находил неподдельное отдохновение.

Я быстро нашёл общий язык и с Андреем. Главным делом жизни Астафьева-младшего стала реставрация древнерусской живописи: икон, фресок. Занимается этим увлеченно. Душой он мягче отца. Пока Виктор Петрович беседовал с губернатором, Андрей мне рассказывал:

— Как-то папа взял меня на охоту. Ну и подстрелил я, вернее, ранил, какую-то пичугу. Отец говорит: «Добивай». А у меня рука не поднялась. С тех пор ружьё в руки не беру. Не вышел из меня охотник.

Андрей живёт в Вологде. Бывают в его жизни, как и у многих из нас, чёрные полосы. В таких случаях он всегда идёт к надёжному причалу — к семье: у Андрея прекрасная жена Татьяна, сын Евгений учится в Москве.

И для меня, как и для многих жителей Чусового и Лысьвы, встреча с Виктором Астафьевым, добрые книги которого трепетно трогают душу, тоже стала чем-то вроде причала, маяка, так необходимых для жизни в смутную пору происходящих перемен.

Картошка в мундире

— Свари-ка, Секлета, на сегодня картошку в мундире, — попросила Мария Семёновна перед тем, как отправиться на работу. — Придём и поужинаем с селёдкой.

— Ладно, — отозвалась стройная синеглазая девушка. А сама задумалась: «В каком же это ещё мундире варить картошку? Где его взять?» Переспросить постеснялась, да и поздно было: хозяйка уже затворила за собой дверь.

Загоревала Секлетинья: «Не слыхала я про картошку в мундире. Никто у нас в деревне эдак не говорил, хотя на картошку больше и нажимали. А может, так городские какое-то своё блюдо из неё называют?»

Она огляделась. Махонькая кухня с русской печью посередине, у единственного окна — обеденный стол, под ним куры. В углу — самодельные полочки для посуды, заботливо прилаженные Виктором. В другом углу — рукомойник, у стены, ближе к печке, — топчан, служивший Секлете кроватию.

Вторая половина избы разделена дощатой перегородкой, образовавшей две комнатухи. В одной, с двумя окнами, стоял стол, на нём — стопка бумаг, чернильница с ручкой и пишущая машинка. В углу — семейный сундук, вдоль перегородки — стеллаж с книгами, на стене — радио-тарелка. Во второй комнатке (весь-то домишко четыре на четыре метра) у окна — железная кровать Марии и Виктора. Напротив, у печи — койка для ребят: четырёхлетней Иринки и двухгодовалого Андриюши. Они мирно посапывали. Между койками — тумбочка. Вот и вся немудрёная обстановка в домике Астафьевых по улице Партизанской, 76.

Сюда осенью 1952 года и привёл Секлету её дядя Евстратий Иванович. Он жил по соседству с Виктором и Марией и, прослышав, что им нужна няня для малых ребятишек, пристроил к ним племянницу, приехавшую из голодной вятской деревни Слудки в Чусовой в поисках работы.

Устроиться же в ту пору было непросто, а ей, с ученическим паспортом, без справки с места прежней работы, тем более. Спасибо Виктору и Марии, приютили бедную деревенскую девушку, которой шёл тогда девятнадцатый год.

Поначалу Секлетинья страшно робела. Как же, Виктор Петрович, корреспондент городской газеты «Чусовской рабочий», книги пишет, писатели из Перми (Секлета запомнила Владимира Черненко) к нему

приезжают! Мария Семёновна — бухгалтер пошивочной мастерской, а по вечерам печатает рукописи мужа. Позднее и у неё самой появились прекрасные книги. Большие люди, учёные. А она, Секлетинья, кто такая? Даже не знает о картошке в мундире.

— Да они очень простыми оказались, — вспоминала Секлетинья Савватеевна при первой моей встрече с ней. — Миля, так я привыкла звать Марию, из многолетней семьи железнодорожника. Пелагею Андреевну, мать её, до сих пор помню. Бойкая была. Бедно они жили. И Виктор лиха хлебнул: мать утонула в Енисее, потом детдом, училище, война. Виктор с Милей на фронте и познакомились.

Вернулся он израненный. Шинелишка, гимнастёрка да брюки — в том и женился. И у Мили приданое — всё, что на ней. Что там говорить, трудно было после войны. Но жили дружно. Как-то всё у Марии с Виктором шло за соглас. Ругани меж ними я не слыхивала. И ко мне они относились как к родной.

Помню, приехала из деревни в одной телогрейке, на люди-то не в чем показаться. Так Миля мне своё пальто дала, платье. И питались все за одним столом, не делились. Еда — картошка, капуста, каши да чай. Для ребят, правда, от соседей молоко брали. Ну, по праздникам пельмени стряпали. Миля добрая стряпуха и вышивать мастерица. И по домашнему хозяйству мы с ней всё делали вместе: печку белили, полы мыли. Не разделяли работу. Ко мне, бывало, мой брат Афанасий — он в Чусовом ремесленное училище заканчивал — прибежал. Так и его посадят за стол, накормят.

Какими были дети? Все они в таком возрасте одинаковы. Бывало, и подерутся. Так я их в разные углы поставлю — ничего, помогало. А на Андрейку, порой, и Иринкины платья надевали. Это уж когда у Виктора книг поболее появилось, полегче-то стало. Чуть меньше года я у Астафьевых в няньках была. Платили сто рублей, а за жильё не брали, хотя я у них ещё около двух лет жила, пока не перебралась в общежитие — Виктор помог. Он же и на работу, в столовую номер семь, устроил.

Ой, да если бы не Виктор с Милей, не знаю, как бы и сложилась моя судьба. Очень они меня поддержали в те трудные годы, хоть и самим несладко жилось. Я им так благодарна. Мы ведь и сейчас переписываемся. И ко мне на свадьбу в Лысьву они оба приезжали. И ещё не раз бывали. Виктор весёлый в компании, поёт, у него голос хороший. Он, кстати, мне крёстным отцом приходится. Миля пишет: приезжай в гости хоть когда, дорогу оплатим. В Перми-то я у них останавливалась, ночевала. Потом они в Вологду уезжали,

там не бывала. И в Красноярск, где сейчас живут, не навевывалась. А так хочется увидиться. А куда от своего дома уедешь? Сейчас такое время страшное — ничего оставить нельзя. Последний раз мы с Милей встречались в восемьдесят шестом году, она на похороны брата-фронтовика Сергея Семёновича сюда приезжала. И Виктор, и Миля дороги мне, связь с ними у меня, пожалуй, крепче, чем с родными...

В Лысьву Секлетинья (в обиходе её все называют Светланой) переехала в 1956 году, хотя и не отпускали её из столовой: шибко работающей да сноровистой девка оказалась. Да зарплата больно мала. А по молодости хочется ведь и одеться. Устроилась в Лысьве в сутуночный цех металлургического завода, выучилась на оператора-машиниста, отсюда и на пенсию вышла. Только не велика она — 84 тысячи рублей. Но уныния и отчаяния на её лице я не увидел. Не оттого ли, что она, на себе испытавшая и военное лихолетье, и послевоенные тяготы, дорожит каждым мирным днём и незатейливо радуется солнышку, выращенной на своей грядке морковке? Да и деревенские люди — заметил — крепче характером, более стойкие к житейским невзгодам.

— Чем же всё-таки закончилась та история с картошкой в мундире? — напомнил я.

Секлетинья Савватеевна улыбнулась:

— Думала я, думала и решила, что так называют специальную посудину, в которой можно сварить картошку. Стала искать. В голбец слазила. На глаза попался берестяной бурак, тус по-здешнему. Покрутила, повертела — нет, не сварится в нём. В общем, ничего я не нашла. Намыла картошки, залила её в чугунок водой, сижу, жду хозяев, переживаю.

Первым пришёл Виктор. А вскоре и Миля. «Ну что, спрашивает, сварила картошки?». — «Да нет, — говорю, — мундир не нашла». — «Ничего, — смеётся Миля, — сейчас найдём». Поставила она чугунок на плиту, и через полчаса картошка в мундире была готова.

С той поры при встречах обязательно этот случай вспоминаем, хочем. Ещё один раз забавно вышло.

Виктор и Миля ушли в городскую баню. Я ребят уложила. Дверь — на крючок и тоже прилегла. Да так крепко уснула, что не слышала, как они из бани пришли. Стучались-стучались, а я сплю, как убитая. Пришлось Виктору снимать дверь с петель...

Долго мы ещё беседовали с Секлетиньей Савватеевной. Она даже помолодела от воспоминаний. Словно опять с Виктором, Марией и ребятами прошлась по ягодным и грибным местам, хорошо

известным Астафьеву, рыбаку и охотнику. Будто вновь ощутила вкус и дымок от ухи, сваренной на берегу Усьвы, где иногда по выходным отдыхали всей семьёй. Словно наяву оказалась в деревянном домике Астафьевых, услышала голос Виктора, отложившего на миг ручку: «Ну-ка, женщины, послушайте, как вам глянется со стороны?» И читает рукопись новой повести.

Или он же только уже у неё в гостях в Лысьве говорит: «Ну что ты, Секлета, суетишься, хлопочешь? Что поставишь на стол, то и ладно, делай по-своему. Ты нас не знаешь что ли?»

Вспомнился долгий зимний вечер в Чусовом. Виктор за столом пишет, Андрейка рядом крутится, мешает. Отец прогонит его, тот снова лезет. Виктор уже не выдержал, закричал. Андрейка отошёл в сторону и вдруг запел: «Каким ты был, таким ты и остался...» До того это вышло забавно, к месту. Мы все, в том числе и сердитый минуту назад Виктор, так и грохнули от смеха.

Есть в семейном альбоме Секлетины Савватеевны любительские снимки Астафьевых — Виктора и Марии, их детей, внуков — все три поколения. В шкафу книги с дарственными надписями Виктора Астафьева и Марии Корякиной-Астафьевой. Не пропускает и телепередачи с их участием.

— Постарел же Виктор, — говорит Секлетиныя. — Объёмный стал, живот появился. Ну да и мы уже не те...

Как нам сейчас не хватает искренних, тёплых отношений! Не продуктов, не куска хлеба насущного, а именно доброты, сопереживания, радушия, заботы о ближнем человеке, духовной чистоты, без чего немислимо оздоровление общества. Какую вместительную душу надо иметь, тому же Виктору Астафьеву, чтобы, несмотря на болезни и чрезмерную загруженность, помнить о простой русской женщине из глубинки, обо всех, с кем сводила его судьба.

А какие душевные письма писала Секлете Мария Семёновна! И пока были живы Виктор Петрович и Мария Семёновна, эта связь не прерывалась. Видно, старая дружба, как вино: чем старше, тем крепче.

В Сибирь, к Виктору Астафьеву

Накануне Нового, 1998 года, я заглянул в Лысьве на улицу Лесную, где в ладном уютном домике живёт Секлетиныя Савватеевна Опарина.

Потолковали о житье-бытье, погоде — и вдруг Секлета спохватилась, всплеснула руками:

— Ой, Гена, я же письмо от Мили получила! В гости зовут, в Красноярск, и тебя тоже приглашают.

— Меня?! Покажи письмо.

И только когда я своими глазами выхватил из письма Марии Семёновны слова «...пусть приезжает и Геннадий», понял, что это не шутка.

Побывать в гостях у русского писателя, широко известного и в нашей стране, и за рубежом, — разве это не предел мечтаний?

Сборы были недолги: на дорогу где-то подзаянл, где-то чувовские предприниматели подсобили. Из Лысьвы мы выехали с Секлетой 22 февраля морозным утром: законный термометр показывал 25 градусов ниже нуля. Сели в предпоследний вагон. Поначалу обрадовались: вагон с полками, можно поспать. Но в нём оказалась такая холодина — аж парок изо рта шёл. Чтoб не заморозить попутчицу, у которой к тому же прибалывала нога, я пошёл искать вагон потеплее. Проходя мимо нашего проводника, мужчины кавказской наружности, обронил:

— У вас же задубеть можно.

— А что делать? — развёл он руками. — Вагон старый. Ему лет тридцать будет в понедельник. Топи не топи — никакого толку.

Мы перебрались в соседний, последний вагон, где было значительно теплее. Может, потому что его обслуживала женщина? Ведь женщине на руду написано хранить огонь в очаге.

В Перми нас утром встретили Михаил и Татьяна Черепановы. Миша работает заведующим экспозиционным отделом Кучинского музея жертв политических репрессий, а Татьяна — журналист «Пермских новостей».

У наших гостеприимных друзей мы и остановились до поезда. Вечером они нам с Секлетой помогли добраться до вокзала. К нашим поклажам добавилась ещё одна — огромная сумка со шкурой медведя. Подарок писателю от чувовских охотников.

В 20 часов 5 минут по московскому времени фирменный поезд «Байкал» отошёл от Перми II. До свидания, морозный, заснеженный Урал! Утром мы проснёмся уже в Сибири, тоже, наверное, занесённой снегом, более того из Европы да сразу в Азию угодим.

В отличие от лысьвенского поезда, в вагоне экспресса «Москва — Иркутск» было очень тепло и уютно. Проход застелен ковровой дорожкой. В бачке всегда кипяток. Правда, места нам с Секлетой достались

в разных купе, но это, как оказалось, только на одну ночь: в Тюмени сошло много народу, и я перешёл к Секлете.

Утром мы классно позавтракали. Секлета напекла в дорогу целое беремя мясных пирожков, угощала ими — щедрая русская душа! — и наших соседей по купе: Володю из Улан-Удэ и Валеру из Иркутска, офицера Российской армии. О нём я ещё расскажу. А пока мы уплетаем пирожки, пьём ароматный кофе (опять же Секлета прихватила с собой) и смотрим в окно. И всё поражаемся. А где же знаменитая сибирская тайга? Вдоль дороги самые что ни на есть уральские берёзки, ели, сосны, и стоят они не сплошной стеной.

За Тюменью вообще долго не было леса — что-то вроде степей. И что любопытно: очень мало снега, вся прошлогодняя трава на виду. У нас-то на Урале его нынче ого-го! Гаражи по крыши замело.

Обращаем внимание и на пристанционные сибирские дома — приземистые, со ставнями на окнах, большей частью расписными.

На станции Ишим выхожу подышать свежим воздухом и тут же налетели торговки, предлагая пиво, горячую картошку, котлеты, семечки. Торгуют и в ларьках на перроне. Поинтересовался ценами. Банка сгущённого молока здесь стоит шесть тысяч рублей, а в Перми на рынке я приобрёл сгущёнку в дорогу за четыре тысячи. Продукты — беляши, печенье, минералку и даже шампанское с водкой — можно приобрести и в поезде: женщина из вагона-ресторана ходит по проходам с тележкой. Но всё очень дорого. Поэтому пассажиры берут в дорогу в основном свои домашние припасы.

Конечно, не одной едой и гляденьем в окно мы занимались в дороге. Секлета много вспоминала о чусовском периоде жизни Астафьевых:

— Хорошо помню Милину маму, Пелагею Андреевну. Они с Семёном девятых детей на ноги подняли. Когда ребята-то малые были, соседи всё поражались: «Как ты, Пелагея, их одних оставляешь? Они же без присмотра чёрт-те что могут дома натворить». Пелагея только улыбнётся: «Да пока ничего. Домой приходим с покоса — печка на месте стоит, не сдвинута. Ну и слава Богу».

Виктор-то в Чусовом, когда корреспондентом работал, однажды чуть концы не отдал. За какую-то статью его ножом пырнули. Ещё бы немного — и до сердца достало бы. Выжил. И парней тех простил. А то, что писателем он стал, так это во многом благодаря Миле. Какой-то период у него был — не писалось и всё тут. Он даже совсем забросить собирался писательское ремесло. Да Миля уговорила, подержала, подбодрила...

Ближе к Красноярску гадаем, кто нас встретит? Сам ли Виктор Петрович? Или, может, пошлёт фотоко́ра Валерия Бодряшкина, с которым он приезжал прошлой осенью в Чусовой?

Да, я же обещал рассказать о нашем попутчике. Вы уж простите за отступление, но до того интересный попался человек — не могу удержаться, чтобы не сказать о нём хоть пару слов.

Зовут его Валерий Мишин. Ему тридцать шесть лет. Служит в Иркутске. Командир полка, подполковник. Женат во второй раз. С первой женой развёлся.

А вышло так. Послали его на задание на два дня, а он с товарищами управился за один. Сдал в части пистолет и в четвёртом часу ночи пошёл к себе домой — в офицерское общежитие. Открыл дверь комнаты своим ключом, включил в прихожей свет, и первое, что бросилось в глаза — чужие солдатские сапоги. Схватился за кобуру, а она — пустая. Да и ладно, а то бы наделал Валера сгоряча дел.

Служил он в Афганистане, где в 1979 году погиб его старший брат. Повидал такого — волосы дыбом встают от его рассказов. Летал на вертушке, и его экипажу зачастую приходилось вывозить с поля боя раненых и убитых. Не всех удавалось спасти: бывало, на его глазах чиркнет вертолёт винтом по скале — и весь экипаж вместе с машиной в ущелье.

Приходилось ему нередко сопровождать груз 200. Увиденное и пережитое так повлияло на психику воина, что однажды, уже в мирное время, на виду у прохожих Валера в центре Душанбе упал плашмя на асфальт, увидев пулей летящего на него... воробья. Он всё ещё был на войне, где инстинкт самосохранения срабатывал безотказно.

Орден Красной Звезды (есть ещё и медаль «За боевые заслуги») Валерий Мишин получил за сопровождение и прикрытие вертолёта, у которого отказал один двигатель. Благодаря его действиям оба экипажа и техника были сохранены.

Некоторые из его друзей «сломались» в мирное время.

— Только из моих знакомых четверо застрелились, — вздохнул мой собеседник. — Среди них был и подполковник. Из-за чего? Приходит офицер домой со службы, а жена: «Где деньги? Ребята голодные. Чем я их кормить буду?» Плюс условия быта: даже горячей воды не было. Ну и не выдерживали нервы.

И без того чёрные глаза моего собеседника становятся ещё темнее.

Сейчас у Валеры, по сути дела, второй Афган — борьба за выживание. Чтобы как-то оградить от голода личный состав, командир полка Мишин всевозможными путями приобрёл для части...

200 кур-несушек и несколько дойных коров. За счёт них и пережили самое трудное время. И ведь нашлись злые языки, сообщили куда следует: дескать, командир для своей семьи обзавёлся живностью. Но видно, есть всё же справедливость на белом свете: суд оправдал подполковника Мишина.

Обо всё́м этом он рассказывал 23 февраля, в День защитника Отечества, который мы отметили боевыми ста граммами.

Прощаясь, Валерий попросил:

— Пожми от меня писателю-фронтовику руку. Он-то знал, за что воевал.

Сам пришёл

В Красноярск мы прибыли 24 февраля точно по расписанию — в 11 часов 42 минуты или по местному времени в четвёртом часу дня. Разница с Москвой здесь четыре часа.

Ещё из окна вагона я увидел на перроне коренастую плотную фигуру человека в коричневой дубленке. Мужчина стоял, повернувшись спиной к ветру.

— Секлета, узнаешь Виктора Петровича?

— Ой, и верно. Виктор! Сам пришёл!

Мы вышли из вагона. И Виктор Петрович крепко обнял няню, которая, по его словам, была ближе всякой родни. Я не знал: обнять мне писателя или просто пожать руку? Ведь до этого я встречался с Астафьевым только один раз, когда он прошлой осенью приезжал в Чусовой.

Виктор Петрович сам разрешил мои сомнения: запросто обнял и спросил:

— Как доехали?

— Спасибо, хорошо.

— Тогда пойдёмте к машине.

Втроём мы пошли к привокзальной площади. Виктор Петрович обернулся ко мне:

— Геннадий, сумки-то тяжёлые, поди? Давай помогу.

Но я видел, как он медленно и одышливо переходил через пути, и мотнул головой:

— Донесу, Виктор Петрович.

— Как у Мили здоровье? — устроившись вместе со мной на заднем сидении серой «Волги», спросила Секлета.

— Сегодня лучше. Встала уже. А то тут три дня отлёживалась. Сердце.

— А Поинка дома? — спросил я о внучке Виктора Петровича.

— Шмыгалка-то? — улыбнулся дед. — Усидит она, кажется, дома.

По пути в Академгородок, где живут Астафьевы, Виктор Петрович шутил, показывал Красноярск и рассказывал о его достопримечательностях.

Вскоре мы подъехали к дому писателя. Обычная пятиэтажка с четырьмя подъездами. Выходя из машины, Виктор Петрович, ступив на голый асфальт (зима в Сибири была на удивление малоснежной), пояснил:

— Это к приезду Ельцина возле нашего дома заасфальтировали. А раньше ямы да колдобины были. Когда местные власти узнали о предстоящей встрече президента со мной, заместитель главы администрации Красноярска дал задание строителям: «Срочно проложить асфальт к дому Астафьева!», а те перепутали и начали асфальтировать дорогу к соседнему зданию.

Один из жителей по простоте душевной возьми да и скажи дорожникам:

— Писатель-то не в этом доме живёт, а рядом, в четырнадцатом, а у нас пятнадцатый.

Строители мигом свернули работы и перешли сюда. А там так и не доделали. Сколько я потом журил соседей: дескать, зачем вы рано сказали, что не тот дом, сейчас бы и у вас всё было благоустроено.

К себе в квартиру на четвёртый этаж Виктор Петрович поднимался грузно, с остановками, раза три отдыхал, наваливаясь на перила. Сказывались фронтовые раны, работа в горячем — литейном — цехе Чусовского депо да холодные ночёвки в тайге, на берегу реки. Вот и надсадил лёгкие, одно из которых к тому же прострелено. Ну и возраст даёт о себе знать: нынче первого мая Виктору Петровичу исполнится 74 года.

Дверь открыла маленького роста седая женщина, аккуратно и со вкусом одетая. Секлетинья воскликнула:

— Мила, здравствуй, голубушка моя!

— Секлета, родненькая, приехала!

Женщины порывисто обнимаются, целуются и от избытка чувств упали бы, не будь стоявшего в прихожей низенького столика, на который их и качнуло. Минуты две они не могли прийти в себя от радости.

— Вот редька да г...но не видалися давно, — смеется Астафьев.

Только тут Мария Семёновна заметила меня и с улыбкой подала руку:

— А это и есть Геннадий, который в Лысьве ухаживает за могилой моего брата-фронтовика? Ну, давайте все к столу. Я давно вас поджидаю.

За накрытым круглым столом в домашней библиотеке роль тамады как-то сама по себе переходит к Виктору Петровичу:

— Ну что ж, выпьем за встречу на сибирской земле! Мы с Геной водочки хряпнем, а женщины пусть шампанским побалуются.

После первой рюмки, немного закусив, Виктор Петрович спохватился:

— О, у нас же пиво есть! «Купеческое». В Красноярске делают. Прекрасное пиво. Гена, открывай, — и Виктор Петрович указал вилкой на бочонок пива, что стоял на краю стола.

Я подошёл к бочонку. Литра четыре, а то и поболее в нём будет. Металлический. Никаких отверстий с первого раза в нём не обнаружил. По правде говоря, я впервые увидел пиво в такой ёмкости. Как же бочонок-то открывается? Кручу его со всех сторон.

— Там рядом пакетик лежит. В нём инструкция, наверно, должна быть, — подсказывает Виктор Петрович.

В полиэтиленовом пакете кроме инструкции оказалась и небольшая пластмассовая трубка с краником. Приспосабливал я трубку к бочонку, приспособлявал — ничего не получается.

— Виктор Петрович, помощь ваша нужна.

И мы уже вдвоём толкемся вокруг бочонка.

— Один конец трубки вставляй в это углубление и дави сильнее, — советует Астафьев, глянув сначала на рисунок в инструкции.

Я и даванул. И вдруг из трубки хлынула тугая струя пива и окатила писателя с ног до головы. Я резко отклоняю бочонок, и струя со всей мощью ударяет в потолок. Только тогда я догадываюсь зажать ладонью трубку.

— Во, гости понаехали! Не успел за столом посидеть, уже пивом облили, — смеётся Виктор Петрович и идёт переодеваться.

Ну и балда же я! Прежде чем вставить в углубление трубку и давить, надо было краник-то закрыть. Что-нибудь да со мной приключается. То жену в день свадьбы шампанским окачу, то живого классика — пивом...

Из-за этого бочонка нам пришлось ненадолго прервать застолье. Марья Семёновна принесла мокрую тряпку, которой я, стоя на стремянке и поддерживаемый Секлетой, стёр с потолка жёлтое пятно.

И хотя ни Виктор Петрович, ни Марья Семёновна не упрекнули меня в неловкости, я какое-то время чувствовал себя не в своей тарелке. И чтобы как-то сгладить ситуацию, предложил:

— У меня капуста солёная есть — жена в дорогу снабдила. Забыл ведь достать. Можно я принесу?

— Выкладывай. Есть капуста — и на столе не пусто. — Виктор Петрович после второй рюмки, отведав уральской закуски, похвалил: — Хороша!

Непринуждённый разговор, шутки-прибаутки Астафьева — и я уже не испытываю никакого дискомфорта ни в этот вечер, ни в последующие дни, словно приехал в гости к самым близким родственникам.

Спать меня уложили на широком мягком диване в библиотеке, рядом с рабочим кабинетом писателя.

Как мне спалось первую ночь в гостях? Да разве уснёшь, когда Виктор Петрович перед сном подсунил мне рукопись новой повести «Весёлый солдат», рассказывающей о его чудовском периоде жизни.

Сидим на кухне. Завтракаем. Пьём чай с бутербродами, колбасой и сыром. Виктор Петрович, как всегда, в центре внимания. Рассказывает очередную байку:

— Работал я в ту пору собкором областного радио по Горнозаводскому округу. Дали очередное задание — подготовить репортаж с посевной. Добрался пешком до Саломатово. Это центральная усадьба колхоза «Красный пахарь». Захожу в контору. Никого. На стене — сводки о ходе посевных работ с фамилиями передовиков. В основном все Третьяковы. Выбрал я из них самого передового. Глянул в окно. Вижу — на поле за деревней трактор боронит. Думаю, что я буду человека отрывать в такую горячую страду? Взял и закатил репортаж с лирическим вступлением, потом там у меня якобы идёт беседа с трактористом, рассказ о нём и т. д. Короче, выдал я этот репортаж по телефону. А в шесть часов вечера его передали по областному радио. Через день-другой встретился я с председателем того колхоза, тоже по фамилии Третьяков. Он и говорит: «Всё хорошо у тебя вышло. И о брате моем, трактористе, складно рассказал. Только как же ты с ним беседовал? Он же с рождения глухонемой». Да, схлестнул я тогда, — улыбается Виктор Петрович. — Это, Гена, я для тебя байку припас. Мотай на ус. Факты журналист должен проверять досконально, а не домысливать.

После завтрака я расстилаю медвежью шкуру на ковер в балконной комнате и зову Виктора Петровича, корпящего над рукописями в рабочем кабинете.

Астафьев отрывается от бумаг, кладет на стол чернильную ручку:

— Ну, пойдём, глянём.

Входит в комнату, садится на диван, пристальным взглядом оглядывает шкуру огромного медведя, распластавшегося по диагонали из одного угла комнаты в другой, и, вытерев висевшим на шее полотенцем пот со лба, грустно роняет:

— А ведь он на овсы шёл полакомиться, перед зимой весу набрать. Тут, на овсах, его и торкнули. И не думал не гадал Михайло, что вот здесь на полу окажется...

Работает Виктор Петрович до умопомрачения много. Порой часов до двух ночи не гаснет свет в его кабинете, где он спит на диване у стены, на которой висит шкура северного волка — подарок здешних охотников.

Кстати, о подарках. Более всего Виктора Петровича тронул подарок неизвестного рыбака. Как-то глухой поздней осенью в очень мрачном настроении поднимался он к себе в квартиру. Подходит к двери, а на ручке висит полиэтиленовый кулёк с мелкой рыбёшкой («несколько харюзков, две сорожки с ложку, да три окунька-хунвейбина»), а в кулёке записка: «Автору „Царь-рыбы“ от рыбака».

Астафьев знал, что наловить рыбы в такую непогодь и бесклёвье на Енисее чрезвычайно трудно. Рыбак наверняка целый день мёрз на реке и весь скудный улов отдал писателю.

Виктор Петрович в тот же день обзвонил всех своих друзей, созвал на уху. И это была самая вкусная уха в его жизни. Позднее Астафьев написал в «Затесях» короткий рассказ «Самый памятный гонорар», надеялся, что рыбак объявится, откликнется когда-нибудь. Но герой его рассказа, которому писатель хотел от души пожать руку, так и не объявился.

Сейчас Виктор Петрович трудится над четырнадцатым томом своего полного собрания сочинений, состоящего из пятнадцати томов. В него войдёт переписка с читателями, друзьями, коллегами по писательскому цеху. Кроме того, он корректирует, считывает вёрстку повести «Весёлый солдат». Плюс постоянные телефонные звонки, ежедневная корреспонденция, которую тоже необходимо перечитать, а кому-то дать ответ.

Однажды Виктор Петрович признался мне:

— На книги времени уже не хватает, разве что газеты просмотрю.

Из-за занятости писателя я в первые дни никак не мог подступиться к нему. Когда же заикнулся об интервью, Виктор Петрович с ходу предложил другой вариант:

— Для интервью у меня, Гена, времени нет. Я тебе лучше дам журналы с моими беседами. Выберешь, что надо, скомпозируешь. А пока отдыхай, читай, наблюдай.

И я забираюсь в домашнюю библиотеку, читаю; головы не выдавать — столько журналов, книг надавали мне Виктор Петрович и Мария Семёновна. Как-то Виктор Петрович, направляясь в свой кабинет, приостановился возле меня:

— Ты хоть фотоаппарат-то взял с собой?

— Нет, — говорю.

— Ну и мурак ты, Генка. Что за корреспондент без фотоаппарата?

Через пару дней я держал в руках современный со вспышкой фотоаппарат, который Виктор Петрович позаимствовал у своего друга из здешней телекомпании Сергея Кима.

Режим дня у Виктора Петровича своеобразный. Встает он в десятом часу утра. Делает зарядку, завтракает и работает над рукописями. В обед Виктор Петрович может себе позволить для аппетита одну-другую (но не более) рюмочку водки. При этом не забывает и про меня. После обеда Виктор Петрович отдыхает: спит у себя в кабинете. Сон короткий — и снова за работу. Потом ужин — и опять работа, порой до глубокой ночи.

«Неужели у писателя, — думаю я, — не бывает выходных, отпусков?» Правда, по вечерам Виктор Петрович находит время посидеть перед телевизором. Из телевизионных передач предпочитает «Новости» и фильмы о лейтенанте Коломбо. Их он не пропускает.

— Нравится мне этот сериал, — говорил он. — Какой аналитический ум у этого Коломбо, какое логическое мышление, а? И артист хорошо играет.

Подъезд, в котором живёт знаменитый писатель, самый что ни на есть рядовой. На некоторых этажах темно: кто-то лампочки вывернул, поживился. Почтовый ящик с номером квартиры Астафьевых обгорелый. Подожгли шалопаи какие-то ради потехи или от нечего делать. Всё как и у нас на Урале. Где живём, там и гадим.

Наконец Виктор Петрович выходит из кабинета:

— Гена, пошли чай пить.

Идём. А Мария Семёновна с Секлетой стол ещё не накрыли. Он незлобиво выругался:

— Вот... двое вятских на кухне и мужиков морят голодом.

Эту особенность писателя — использование в речи ненормативной лексики — подмечали многие. По этому поводу у нас как-то с Марией Семёновной зашёл разговор.

— Я уж, Гена, к этому его недостатку привыкла. Но как говорил английский писатель Сомерсет Моэм: «Самый большой недостаток человека — не иметь недостатков вовсе», — улыбнулась МарСем.

Что меня ещё поразило в Астафьеве? При всей своей занятости он был очень внимателен к гостям. Виктор Петрович принял нас как родных.

Отложив свои срочные дела, свозил нас с Секлетой и в литературный музей, и в музей-пароход «Святой Николай», и на дачу в Овсянку, и на Красноярскую гидроэлектростанцию.

Как-то сидим на диване, смотрим телевизор. Виктор Петрович вдруг встаёт, уходит к себе в кабинет. Через пару минут возвращается:

— Всё, Гена, договорился я насчёт завтрашнего дня. Позвонил другу. Отвезёт он тебя до вокзала. Чё ты будешь по автобусам с багажом мотаться?

В другой раз, когда я один приезжал, сказал: «Гена, только по-честному. Надо тебе оплатить командировку? Сколько стоит билет до Перми?» — «Не надо, — говорю. — Спасибо, Виктор Петрович, за заботу. Мне спонсоры помогли с поездкой».

И даже такая малюсенькая деталь. Сажу на диване в библиотеке вечером и при свете ночника читаю «Комсомолку». Виктор Петрович шагает в свой кабинет, останавливается возле меня и говорит:

— Ну, что ты огонь большой не можешь включить? Темно ведь читать-то.

И всё это на ходу, безо всякой рисовки. А как он энергично возразил, когда я однажды через день-другой после приезда засобирился домой:

— Да ты что? Только приехал и обратно? Мы же ещё в Овсянке не побывали, музей литературный не посмотрели. Оставайся — и никаких!

Ещё пример. Обедаем на кухне. В прихожей раздаётся звонок. Это были добрые старые знакомые Астафьевых, красноярские журналисты — две молодые женщины и мужчина. Виктор Петрович и Мария Семёновна, отвергая всяческие отговорки гостей, усаживают их за стол.

Приходилось мне общаться со многими людьми, ночевать у них, но такое тепло, радушие, заботу о чужом человеке (с Марией Семёновной я вообще не был знаком, а Виктора Петровича увидел второй раз) я редко встречал. При всей своей знаменитости оба они оказались очень простыми людьми, сердечными и щедрыми на доброту.

Бывает Астафьев и ершистым.

Как-то идём с Виктором Петровичем на почту. С тех пор, как у них подожгли почтовый ящик, за корреспонденцией и газетами Астафьевы ходят на почту. Чаще всего это делает внучка Полина. Возле рынка встречаем депутата краевого Законодательного собрания Виктора Зубарева. Молодой импозантный человек. Предприниматель, он представлял интересы Александра Лебеда, баллотировавшегося на пост губернатора Красноярского края.

— Ну, как, тёзка, дела? — засыпает вопросами депутата Виктор Астафьев. — За Лебеда агитируешь? А пройдёт он? Нашему народу надо хоть захудалого, но своего. Хотя, бывает, и свои так осточертят, что согласны на варяга. И чё ты в политику влез? Семья-то как? Родила Наташа?

— Нет ещё. Есть кое-какие проблемы в этом плане.

— Вот ими и надо заниматься, потомство производить, а не в политику углубляться, — по-отечески советует Виктор Петрович.

Обратно возвращаемся той же дорогой, через берёзовую рощу.

— Ну вот опять есть работа — почту разбирать. Не успеваю уже всем ответить. И радуюсь, когда деликатные читатели попадают, приписывая в конце: зная вашу загруженность, ответ можете не писать. А вообще-то, ой как не достает людям культуры. За шмотками гоняются, кто побогаче — дач понастроили, машины понакупили, а добрую книжку годами в руках не держали. А уж поперемалявать косточки, посудачить каждый горазд.

Тут в Овсянку как-то приезжала дама из каких-то контролирующих органов. Шуба нараспашку, и напрямиком в библиотеку. «Ну-ка, покажите, — это нашим девкам-библиотекарям говорит, — как тут народный писатель живёт». Они ей: «Это библиотека, а не дача Астафьева». — «Как? Разве он не здесь живёт? Для кого же он тогда её строил?» А девки у нас не робкого десятка. «По крайней мере, не для вас», — отвечают. Когда же ей показали мой дом в Овсянке, где летом живу и работаю, она фыркнула: «И это дача писателя? У меня и то лучше». Да, есть люди, в числе их и коммунисты, которые быстро приновились к новой жизни, катаются как сыр в масле.

Мы, Виктор Петрович, Сергей Ким, Полинка и я, едем в Овсянку. Виктор Петрович подзуживает молодого руководителя телекомпании:

— Я когда-нибудь, Серёга, прикончу тебя с этой рекламой. Ну что такое? Как только самое интересное место, вы бац — рекламу втыкаете!

Я с первой встречи обратил внимание на непринуждённость в отношениях Астафьева и Кима. Ну, думаю, Сергей за словом в карман не полезет. И точно:

— Кстати, Вы, Виктор Петрович, едете сейчас на машине, приобретённой на средства от рекламы. Ну хорошо. Давайте мы вас выберем в совет критики по рекламе...

— Согласен. Но тогда я эти прокладки и памперсы на экран не пушу.

— ...а зарплату мы вам определим в зависимости от доходов рекламы.

— Ну и жук же ты, Серёга! — хохотнул Виктор Петрович.

В Овсянке у писательского домика — обычной крестьянской избы с пристроенным к ней гаражом — нас облаивают три собаки.

— Борман! Уймись! — шикает на здоровенного пса соседка Виктора Петровича, пожилая женщина в телогрейке.

— До чего громогласная собака, — говорит Астафьев. — Как начнёт часа в четыре ночи лаять, весь сон отшибает. Я уж и ружьём пробовал её попутать.

— А в собачек, дедушка, нельзя стрелять, — заступается Полина.

— Вот защитница объявилась. Да я потому и промазал, чтоб тебя не расстраивать, — Виктор Петрович оборачивается ко мне и Сергею. — Однажды Полька, совсем ведь маленькая ещё была, гостила у меня на даче, гуляла по деревне и отвязала соседского бычка. Ведёт его на веревочке домой. «Ты куда его повела?» — спрашивают соседи. «К дедушке, — отвечает. — У него ведь нет коловки». Пришлось обратно вести.

Дед с хитрой улыбкой глядит на внуку.

Мы останавливаемся напротив огорода астафьевского домика.

— Всё там, кроме старой яблони, я сажил своими руками. Черёмуху, рябину. А кедр уже и плоды начал давать. Но больше я цветами в огороде занимаюсь. Сейчас-то всё это под снегом, — показывает Виктор Петрович своё хозяйство.

В Овсянской библиотеке, куда мы потом заехали, молодые сотрудницы встретили Виктора Петровича как отца родного и ни за что не отпустили, пока он не отведал их домашних солений.

Астафьеву больше всего понравилась квашеная капуста. Управившись с ней, Виктор Петрович взял тарелку в руки:

— А можно я по-деревенски? Без эстетики? — и выпил через край капустный рассол.

Женщины понятливо заулыбались.

После посещения Овсянской библиотеки поехали на сельское кладбище, где похоронена Ирина — дочь Марии Семёновны и Виктора Астафьева. Лопату с собой не взяли. Она, впрочем, и не понадобилась, хотя Виктору Петровичу и эта малоснежная тропинка от дороги до могилки давалась с трудом.

На строгом прямоугольном памятнике, над которым склонилась берёзка, высечено только одно имя: «Ирина».

Постояли. Помолчали. Возложили цветы. Поклонились.

— Вот сюда и мы с Марьей ляжем, — Виктор Петрович указал нам с Сергеем и Полинкой на свободные места рядом с Ирининой могилой, обнесённой чугунной оградкой.

— Виктор Петрович, зачем Вы так? — сказал писателю Сергей Ким. — Не торопитесь.

— А что? Я к этому спокойно отношусь.

...При возвращении из Овсянки Поинка сладко уснула в машине. Виктор Петрович улыбнулся:

— Умаялась школьница. Столько-то пятёрок потаскай — вот и притомилаась.

Вечер поэзии на двоих

Из отдельных эпизодов поездки в Красноярск и Овсянку, на родину писателя, из наблюдений за ним в кругу семьи и среди гостей у меня сложился — и довольно устойчиво — образ эдакого неунывающего простоватого балагура, не признающего аристократических манер. И как-то этот стереотип бодрячка из народа рухнул в одночасье.

Это было незадолго до моего отъезда. После ужина я, как обычно, с головой уходил в чтение, благо возможностей для этого в домашней библиотеке писателя, ставшей на неделю моей спальней, было более чем достаточно.

Сию, значит, почитываю. Подходит Виктор Петрович.

— Что, Гена, читаешь?

— Воспоминания Марьи Семёновны о Николае Рубцове.

— Да... Светлые у Коли стихи. Светлые и печальные.

Виктор Петрович присел к столу.

И тут как-то сам по себе у нас зашёл разговор о поэзии и поэтах. Астафьев прочёл наизусть пушкинское «Я Вас любил», а после добавил:

— Любовь и женщина двигают поэзией.

О Пушкине он говорил с особым почтением, рассказывал такие мельчайшие подробности из его биографии, каких в школьном учебнике не встретишь. У Астафьева исключительная память. Он даже перечислил фамилии всех художников, рисовавших Пушкина. С большой симпатией отзывался Виктор Петрович о полубоге Лермонтове, Баратынском, испанском поэте Хименесе — лауреате Нобелевской премии.

— А как Вы относитесь к Высоцкому? — спросил я.

— Высоцкий — временное явление, дань эпохе. С годами поклонников у него поубавится, хотя в своё время он был нужен. Но стихи у него слабые. Мне от силы два-три стихотворения нравятся.

Услышав такой отзыв, я, выросший на песнях Высоцкого, полез в бутылку:

— Виктор Петрович, как же так? А его песни из военного цикла? Помните строчки: «Для меня будто ветром задуло костёр, когда он не вернулся из боя»? Какой образ, сравнение, а? Вам, как фронтовику, наверняка должны быть близки эти строки.

— Образ, сравнение... Уходить надо в стихах, да и в прозе, от красивостей. Ты посмотри, как у Тютчева написано. — Виктор Петрович взял с полки книгу. — Вот послушай:

*Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.*

*Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу,
Чего желать? О чём тужить?
День пережит — и слава Богу!*

Смотри, как всё просто и ясно сказано. В стихах должна быть абсолютная точность. А вот ещё послушай:

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерёв,
Багряных листьев томный, лёгкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землёю*

*И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всём
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья.*

— Божественной стыдливостью страданья... — как бы про себя повторил Астафьев. — Чудесные, пронзительные строки! Я у себя в Овсянке частенько беру, перечитываю Тютчева. Иной раз такое скверное настроение, а почитаю — и так отраднo на душе становится.

Из современных поэтов Виктор Петрович выделил Николая Аушева и Ольгу Постникову из Костромской области.

— У Николая есть замечательное стихотворение о лошади. А с Олей я встретился, когда мне вручали премию Шукшина. Ну, думаю, сейчас подойдёт девица в обтянутых джинсах, намакияженная, а передо мной предстала скромная девушка в вышитой рубашке безо всякой штукатурки. И стихи у неё такие же простые, искренние. На днях получил письмо от внучки Матвея Савинцева, героя моего первого рассказа «Сибиряк». Умница. Добротные стихи. От поэзии ей сейчас не отстать. Только что вот её ожидает за литературным углом?

В вопросе, заданном скорее самому себе, сквозила тревога. Тепло вспоминал Виктор Петрович и о своих встречах с Булатом Окуджавой, сборник стихов которого с дарственной надписью стоит на самом видном месте в книжном шкафу.

— При встрече Булат по-дружески бодал меня головой. И про здоровье никогда не спрашивал: коли встретились, значит живы, и нечего про здоровье толковать.

Часа полтора говорили мы о поэзии. Я-то больше слушал, поражаясь тонкому чутью прозаика на хорошие стихи классиков и современников — наших и зарубежных, творчество и судьбу которых Астафьев знал — дай Бог каждому так. И когда сказал ему об этом вслух, Виктор Петрович, тронув у виска лучики-морщинки, рассмеялся:

— Ну, так я же профессионал.

— Вот почему Вы любите смотреть фильмы про Коломбо! Тот тоже под простачка косит, а в своём деле непревзойдённый спец, профессионал до мозга костей, — осмелился я на сравнение.

— Так Вася Шукшин в сапогах вон ходил, а такое выдавал! — с улыбкой отреагировал Виктор Петрович. И, вставая, уже серьёзно добавил:

— Да... Мы-то с тобой поговорили, стихи почитали, а часто ли нынче люди открывают добрую книгу? Им сейчас абсолютно не до поэзии...

Как я пожалел, что во время нашей беседы не включил диктофон! Ведь я же передал лишь малую толику из того, о чём рассказывал Астафьев. А это был прекрасный монолог о поэзии — живой, не академический, с яркими примерами и житейскими историями из биографий Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Рубцова. Покоряла неповторимая доверительная интонация рассказчика. Потому-то, с первых минут увлечшись беседой, я совершенно забыл о диктофоне...

Наутро, увидев меня с томиком стихов Тютчева, Виктор Петрович заулыбался:

— Что, раззадорил я тебя вчера?

Мне же было не до смеха. После вчерашнего разговора меня взяла оторопь — до чего же я ещё зелёный, как многого не знаю, сколько не прочитано нужных книг!

Оставшись один, я совсем другими глазами оглядел астафьевскую библиотеку: Достоевский, Тургенев, Лесков, Шишков, Солженицын, Замятин, Сологуб, Гумилёв, Данте, Рабле, Моруа, Ремарк... Да разве перечислишь всех авторов, стоящих плечом к плечу на полках под стеклом книжных шкафов! А сколько ещё специальной литературы — от «Говоров Среднего Приобья» до «Истории дипломатии». Отдельный шкаф занимают книги из серии «Жизнь замечательных людей». Собирать и читать «ЖЗЛ» — любимое занятие писателя в недавнем прошлом.

С книжных полок меня пристально разглядывали классики, и показалось, будто один из них произнес: «Да, брат, немало надо перелопатить словесной руды, чтобы извлечь из неё ценную породу».

Я на всю жизнь запомню тот поэтический вечер на двоих, устроенным Виктором Петровичем. А, может, ему самому захотелось окунуться в волну поэзии или он, как бывший журналист, почувствовал, что мне не достаёт какой-то изюминки для будущих моих заметок? Но я бесконечно благодарен Астафьеву за поэтический вечер для двоих.

Теперь, «когда на сердце тяжесть», я включаю магнитофон с подаренной Виктором Петровичем кассетой. На ней записан романс (музыка Владимира Пороцкого) на стихи Астафьева.

Да, оказывается, закоренелый писатель-прозаик в душе всегда оставался поэтом.

И стихи не могли не родиться.

*Над Енисеем осени круженье,
И листья светло падают в реку.
И острова плывут, как листьев отраженье,
А сердце рвётся вслед прощальному гудку.
Тревоги нет, а лишь тоска. И горе
Листом увядшим над рекой кружит.
И не слезой, а песней о далёком море
В краю полночном память, память прозвучит.*

Припев:

*Ах, осень, осень, зачем так рано,
Зачем так скоро прилетела ты?
Зачем ты утренним туманом
Закрыла летние цветы?*

*И улетают птицы, нами недобитые.
И в небе стон стоит, прощальный стон —
То пролетают годы, нами не дожитые...
Над Енисеем листьев, листьев перезвон.*

Припев:

*Ах, осень, осень, зачем так ярко,
В час угасанья ярко светишь ты?
Зачем в груди так холодно, так жарко
От этой неизбывной красоты?*

Виктор Петрович не всегда представлял человеком словоохотливым и открытым, сыпавшим байки налево и направо. Бывало, выйдет из кабинета усталый, иной раз и в кальсонах, прошаркает грузно до кухни и такой же молчаливый, сосредоточенный, весь ушедший в себя, вернётся обратно к письменному столу.

Работы у него, конечно, уйма, и наверняка наш приезд оторвал его от каких-то важных срочных дел, которые потом придётся навёрстывать. Но ни разу Виктор Петрович ни словом, ни взглядом не выказал нам упрека.

Бывал Виктор Петрович и рассерженным. Как-то разговорились о работе культурных учреждений.

— Всё по-советски делается! — возмутился он. — В выходные дни музеи закрыты. Это точно так же, как однажды ко мне приезжал профессор из Женевы. Заговорились мы с ним, проголодались, кинулись в столовую, а она в самое обеденное время закрыта. Я тогда его к себе в Овсянку затащил, купив предварительно по пути колбасы да ещё кое-чего...

И совсем Астафьев непримирим, когда люди безжалостно относятся к природе. Впрочем, эта проблема наиболее полно отражена в «Царь-рыбе», где каждая строчка призывает к разуму человеческому по отношению к природе, ко всему живому на земле.

Мария Семёновна дала посмотреть семейный альбом с любительскими фотографиями. Сижу, вглядываюсь в пожелтевшие чёрно-белые снимки. Ко мне подсел Виктор Петрович:

— Ну-ка, ну-ка, что там у тебя? Та-а-к, это же коллектив редакции «Чусовского рабочего». Вон Гена Блинов, а это Серёга Балахов... Кстати, дружный коллектив в ту пору был, непьющий. Один раз, правда, мы что-то отметили да прошлись по городу с песнями — сколько потом разговоров-то было! Досталось тогда всем от Григория Ивановича Пепеляева, редактора нашего. А это мы с Васей Беловым, а тут с Женей Носовым. Что там дальше? Встреча с фронтовиками. А это выпускники литературных курсов. Как много уже умерло нашего брата... Феда Абрамова нет. Вон он стоит. И Верочки Пановой тоже нет. А какие все были молодые! Здесь мы на рыбалке у Вильвенского моста. Вон и Марья Семёновна. Сколько я ей доставлял хлопот! А вот, поди ж ты — переждёт, приткнётся ко мне и опять счастливая. Тут я на море отдыхаю. Девочка? Да из отдыхающих дочь чья-то. Возле меня почему-то всегда крутилась ребятня. Да и я любил поиграть с детьми. Ну видно же, что я поддатый, так ведь нет — лезут с микрофонами. Это я в Болгарии был. А вообще-то многих из нас сгубила пьянка... Это мы с Володей Радкевичем. В ту пору он, пожалуй, был самым заметным в Пермской писательской организации...

Нашёл я в альбоме и известную фотографию Астафьева-рыбака со щукой. Снимок тот позднее поместили многие центральные газеты и журналы. А снимал его наш земляк Виктор Хорошавцев после удачной рыбалки на Яйве.

Весьма любопытно было наблюдать за Виктором Петровичем во время просмотра фотографий. Воспоминания молодости заигдали в его глазах озорные огоньки. Он будто вновь шёл с удочкой по своим заветным рыбацким местам, выпивал чарку с друзьями, общался с коллегами по литературному цеху на писательских конференциях, любовался с борта парохода скалистыми берегами Енисея, бродил с ружьём по тайге.

— Виктор Петрович, — воспользовался я его ностальгическим настроением, — вот на этой фотографии Вы вспомнили своего коллегу по «Чусовскому рабочему» Геннадия Блинова. Я ведь перед поездкой

к Вам был у Геннадия Александровича в гостях. Записал его воспоминания. Прочешь?

— Какой разговор? Конечно. — Виктор Петрович уселся поудобнее.

Я принёс из балконной комнаты сумку, вынул из неё рукопись.

— «Астафьевские приколы» — так я назвал воспоминания Геннадия Блинова. Как в «Чусовском рабочем» их опубликуют, я вышлю Вам газету. А пока прочту то, что мне показалось самым любопытным, прикольным, как теперь говорят:

«Вообще-то мы жили дружно, весело. Витька никогда не унывал. Порой такой хохот в редакции стоит — это Астафьев очередной концерт с матом и рассказами закатил. И сам хохочет громче других — умереть! Маткаться-то уж любил. Мы его иной раз и приструнивали. Хотя у него вроде и не мат получался, а какая-то музыка японская, симфония. А ещё он был большой мастак на розыгрыши. Работал у нас в ту пору бухгалтером Николай Николаевич, фронтовик, старичок уже. А к нам тогда ко всем прилеплась страсть — шахматы. Игнали даже по ночам, в редакции и спали. Бабы мужиков своих теряли. А Николай Николаевич играл хреново. „Погодите, — шепчет Витька. — Сейчас мы устроим штуку“. И бухгалтеру: “Ты, Николай Николаевич, надень свою шапку и будешь выигрывать“. А нам подмигивает одним глазом. Шапка у Николая Николаевича была особенная — хоть и поношенная, но папаха, причём командирская. Он в Чапаевской дивизии воевал. Наш доверчивый старичок совет Астафьева принял всерьёз. „Попробую“, — говорит. И сел в папаху играть с Серёгой Балахоновым. Серёга продул. „Ух ты! Выиграл ведь! Виктор, давай теперь с тобой“.

И опять выиграл Николай Николаевич, хотя Астафьев неплохо играл в шахматы. Настала моя очередь. Расхрабрился Николай Николаевич и папаху скинул: знал, что я игрок никудышный, фигуры лишь умею переставлять. А я возьми да и выиграй у него. Совершенно случайно. Ребята смеются: придётся, говорят, тебе, Николай Николаевич, снова папаху надевать, ведь теперь с Волхонским играть. А он у нас самым сильным шахматистом был, где-то на уровне первого разряда играл. А мы: „Давай, давай! Шапка тебя выручит!“ Деваться некуда, надевает Николай Николаевич свою папаху и выигрывает у самого Волхонского, который, ясное дело, поддался. Мы ржём до упаду, по полу катаемся. Только тогда старик додул, что его разыгрывают.

Или ещё такой случай. Завёл у нас редактор книгу учёта. Уходит кто на задание — запиши в книге, куда направился, время ухода и прихода поставь. И распишись. Надоело это всем хуже горькой редьки. И вот

однажды Витька записывает в том талмуде: „Ушёл в туалет пос...ть“. Сделав своё дело, облегчённый, расписался в журнале и время прихода поставил. А редактор по утрам первым делом эту учётную книгу читал. Прочитал наш фюрер астафьевскую запись, ничего не сказал, но на другой день книги не стало.

И ещё от одной бюрократической замашки отучил редактора Астафьев. В нашем кабинете был установлен звонок. Для внутренней связи корреспондентов с редактором. Нажимает он у себя кнопку: один звонок — идти к редактору Певневу, два звонка — к Волхонскому, три — к Астафьеву и т. д. Витька и подговорил нас перепутывать звонки. Даст фюрер два звонка, а к нему вместо Волхонского с палкой ковыляет Певнев, три раза позвонит — я иду. Вот так мурыжили мы его, мурыжили — и вынужден он был отказаться от звонков. Да и к чему они? Ведь из редакторского кабинета до нашего — пара шагов. К тому же звонок — то уж больно был сильный, трескучий, как на переезде у шлагбаума».

— Так всё и было! — смеётся Астафьев. — И Гришу Пепеляева, редактора нашего, мы, действительно, меж собой звали фюрером. А Гена Блинов, кстати, был первым читателем моей первой повести «Тают снега». Читал он её в рукописи. Его, как агронома по профессии, я попросил проверить, правильно ли я назвал встречающиеся в повести агротехнические приёмы и сельскохозяйственный инвентарь.

Надо сказать, в Красноярске очень уважают Астафьева. Узнают и здороваются на улицах. А кто посмелее — просят и сфотографироваться с ним. Раз у семилетней девчонки Танюшки (разговорился с ней, гуляя по Академгородку) нарочно поинтересовался, кого она считает самым главным писателем. Так она сразу, без запинки назвала Астафьева и даже дом показала, где он живёт.

Предвижу язвительные усмешки недругов Астафьева (а такие есть и среди моих знакомых): вот, мол, погостил у знаменитого писателя, так теперь готов его на божничку поставить. А он, дескать, такой-сякой, коммунистов и власть советскую чернит на каждом углу, хотя от той же власти в своё время столько имел почестей и наград. И армию охаял, её полководцев. И вообще, мол, сейчас у него больше старческого брюзжания, нежели творчества.

Да, многим тогда не по нутру пришлось правда писателя о войне и его горькие слова о земляках, погрязших в пьянстве.

Тем не менее в трудное для России время он не покинул Родину и не собирается этого делать. Вот что написал Виктор Петрович в подаренной мне книге «Русский алмаз»:

«Гена, тут на обложке моя Родина и я среди неё. Я её люблю и счастлив, что доживаю свой век на родной стороне, о ней печалюсь, на неё сержусь, порою славлю, порой плююсь. Быть нам веки вечные вместе — и лучшей доли не пожелаю себе».

И ранее, познакомившись с Астафьевым по его книгам, и тем более сейчас, пообщавшись с ним, говорил и говорю: это наш писатель. Самый, что ни на есть земной.

Земной, потому что корнями врос в родную землю. Живёт среди людей, о них и для них пишет. Земной, потому что ему не чуждо ничто человеческое. И не стареющий, потому что книгам его уготована долгая жизнь. И ранимый, потому что муки и страдания народные болью отзываются в сердце писателя. И дающий нам надежду, потому что, читаешь Астафьева, и душа тянется к светлomu, как бы горька и тяжела ни была жизнь. И мудрый, потому что писатель, поводырь российской глубинки, открывает людям глаза на многие вещи и явления, происходящие с нами и со страной.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим удивительным человеком и одним из лучших людей XX века.

Спутница писателя

Жену Виктора Петровича называют то Марией Семёновной, то Милей. Сама Мария Семёновна в своей книге «Земная память и печаль» так объясняет происхождение двух имен:

«После обеда зашла к нам Серафима Андреевна (Ходырева. — Г. В.), как всегда хорошо одетая, поздоровалась и, будто не замечая зачем её позвали, подошла к маме, справилась о здоровье.

А мама того и ждала:

— Серафима Андреевна! Окрести, пожалуйста, не откажи. Дочку Бог дал...

— А какое имя дали? Как назвали дочку? Может, Анной или Марией?

Папа взял кисет, спички и вышел из избы, а мама от чего-то с виноватостью призналась, что отец записал Марией. Значит, Марией и будет...

— Не пойду крестить! — неожиданно рассердилась Серафима Андреевна. — Марьи да Иваны — грибы поганы!

Походила туда-сюда, снова к кровати подошла, подумала.

А мама опять:

— *Окрести девчонку, голубушка! Не оставаться же ей некрещённой. Сходи, окрести, пожалуйста.*

— *Ну ладно, — милостиво согласилась Серафима Андреевна. — Тогда хоть Милей её зовите. Только не Марией.*

Так и пошло: Миля да Миля. И в семье тоже звали Милей. Но не папа — он всю жизнь, до последнего часа, иначе как Марией меня не называл, хоть выпивший, хоть больной — Мария! — и всё тут».

Однажды под вечер Мария Семёновна попросила меня почистить щуку, подаренную Виктору Петровичу кем-то из знакомых. Здоровая такая щука, килограмма на три с лишним. Рыбина, видать, давненько лежала на балконе — пообветрела, подзасохла. Чистить её — одно мученье. Я и ножом скоблю чешую, и руками пытаюсь содрать, а до головы ещё ой как далеко. Взмок весь. И тут на кухню заходит Мария Семёновна. Села напротив. Глядела, глядела на мои потуги и говорит:

— Давай, Гена, я тебе хоть стихи почитаю. Может, скорей дело пойдёт.

— С удовольствием послушаю!

И Мария Семёновна стала наизусть читать стихи Блока, Есенина, Рубцова, Тютчева. Она их любит, много знает и читает вдохновенно, с чувством. У неё на рабочем столе всегда лежат три-четыре поэтических сборника. И только выпадет свободная минутка, что бывает нечасто, Мария Семёновна открывает книгу со стихами и радуется, когда встречает проникновенные, не вторичные строчки.

— Меж болотных стволос красовался восток огнеликий... Шесть слов всего, а перед глазами целая картина — видение природы. Это у Коли Рубцова. — Мария Семёновна задумалась. — Замечательный поэт. Почему Всевышний таким людям на Руси столь мало жизни отводит?

Прочёл и я несколько своих стихотворений. Так незаметно, со стихами, воспоминаниями моей собеседницы о фронтовых буднях, о жизни на Урале и в Сибири я и дочистил щуку.

В другой раз Мария Семёновна подошла ко мне и, как всегда с улыбкой, мягко и вроде как извиняюще попросила:

— Гена, ты в телефонах разбираешься? Посмотрел бы, может, отремонтируешь? У меня мужика-то ведь в доме нет. Только писатель.

По телефонным аппаратам я, вообще-то, не специалист, но тут, к счастью, не ударил в грязь лицом, как с пивом: нашёл в проводе обрыв, подсоединил — и телефон заработал. И в прихожей перегоревшие лампочки заменил, и в магазин за продуктами ходил.

Опять вижу ухмылки недоброжелателей: вот, дескать, съездил к писателю, а сам у него на побегушках был, шестерил и этому рад. Да пускай хоть что говорят. Я нисколько не считал для себя зазорным помочь этой хрупкой болезненной женщине, на которой в основном держится домашнее хозяйство.

Несмотря на её возраст (Марии Семёновне шёл 78-й год, и здесь, на мой взгляд, уместно указать возраст) в квартире Астафьевых нет домработницы. Полинка, конечно, помогает по дому, но главные-то хлопоты всё равно лежат на Марии Семёновне. А она, между прочим, как рассказывала Секлета, перенесла два инфаркта и после одного из них находилась в состоянии клинической смерти... И сейчас Мария Семёновна постоянно принимает сердечные лекарства. А ведь надо прибраться в шести комнатах, обед приготовить, постирать, и на воспитание внучки требуется немало времени, тем более у Полинки — она учится в девятом классе — сейчас переходный возраст.

Вдобавок ко всему Мария Семёновна печатает рукописи мужа, почерк у которого чёрт ногу сломит, следит за порядком в архиве, ведёт переписку с писателями, читателями и друзьями семьи. И между делом написала более десяти книг!

Подготовлена к печати ещё одна — «Свёкор» — об отце Виктора Петровича. Я прочёл её в рукописи у Астафьевых. Замечательная вещь! Тепло и с юмором она написана. Из всех её опубликованных книг презентация была только по одной, последней — «Земная память и печаль». Печатается Мария Корякина-Астафьева и в периодике. Я поражаюсь энергии, работоспособности и аккуратности этой женщины.

«По этой девочке в сатиновой юбочке в складочку и белой кофточке с отложным воротничком, — говорили учителя, — можно было сверять время: пришла в школу — значит, через десять минут начало урока».

— Когда мама уходила на родительское собрание, — вспоминает Мария Семёновна, — чего только мы не делали: и кастрюли почи- стим, и полы вымоем, приберёмся, лишь бы только мама не ругала. Боялись. И всё равно это была прекрасная пора.

Окончив школу, она поступила в Лысьвенский металлургический техникум, но после трёх курсов вынуждена была из-за безденежья бросить его и устроиться на работу.

В Чусовом работала лаборантом на металлургическом заводе. Некоторое время была и корреспондентом местного радиовещания.

Когда началась война, Мария Корякина поступила на курсы медицинских сестёр, практику проходила в эвакогоспитале № 2569, где

её избрали комсоргом и поручили ей агитировать молодёжь идти добровольцами на фронт. Она же сама написала заявление, прочитала его на собрании госпитальных сестричек — мол, делайте как я, если пожелаете.

На третий день в госпиталь из военкомата на имя Корякиной пришла повестка о призыве на фронт. А до этого из их семьи ушли воевать уже четверо.

— Я, наверное, вместо пятнадцати минут часа два шла до дому в тот день, — рассказывает Мария Семёновна. — Всё думала, как же сказать-то? Дома залезла на печь, ёрзаю. Но говорить-то всё равно надо. Потом решила: «Мама, меня на фронт отправляют». Она так и выронила нож, которым лучину щепала, а на меня даже не глянула и вышла в сени. А папа поглаживает себя по колену и говорит: «На войну, значит, собралась? Ну, собралась, дак чё поделаешь? Только ты для начала сходи в огород да в канаве, в снегу полежи. На войне всяко может быть. Там, Марья, ещё и стреляют».

Служила Корякина в цензурном отделе. И однажды неумышленно, от усталости, перепутав конверты, положила солдатское письмо в папку «СМЕРШ». И такое началось! С Марии сняли солдатский ремень, сорвали погоны — и под конвой. На неё топали ногами, кричали, матерились. Две недели её и всю родню до подноготной перетряхивали, но обошлось.

— А иногда мне жаль бывает тех лет. Не будь я на войне, я бы... не поела досыта яблок на Украине. Я бы не встретила Витю, — улыбается Мария Семёновна. — Правда, и болезни все оттуда. Как-то под Калинином две ночи в воде по пояс сидели. Тогда у меня начался туберкулез, хотя я очень крепкий человек.

Весьма любопытна история фронтовой встречи и женитьбы Виктора Петровича и Марии Семёновны.

Вот как они сами об этом рассказывают в телефильме о супружеской чете, который как-то вечером мы с удовольствием посмотрели по домашнему видео.

Мария Семёновна:

«Наша часть стояла в селе Станиславчик Винницкой области на Украине. Это очень красивое село было. А Витю после госпиталя признали годным к нестроевой и направили в часть, которая находилась от нас поблизости. Тут и познакомились, решили расписаться. Идём мы раз с Витей, а наши в столовую собираются. Спрашивают нас: „Куда это вы?“ А там рядом сапожная мастерская. Я им: „Да вот сюда, в

сапожную“. Почему так сказала, сама не знаю. А Витя говорит: „Нет, мы в ЗАГС“. И все — за нами. А сотрудница ЗАГСа: „Вы с ума походили? Тут ведь пол провалится — столько народу!“ Они: „Мы свидетели“.

В общем, в том ЗАГСе нам и выдали прошлюб — свидетельство о браке по-украински. Когда началась демобилизация из армии, мы подали рапорт, командир части подписал, и я с Витей поехала в Чусовой».

А вот о том же самом в изложении Виктора Петровича:

«Все спрашивают, как я выбрал Марию Семёновну. Вот, значит, строй идёт. А взади идёт маленькая бабёнка, и сапоги задом наперёд. У неё нога тридцать третьего размера, а самый крайний размер в армии — тридцать девять. И она ещё идёт влево. Она же левша. Я сидел на горе и сказал: „Вот эта шалопутная придурочная баба и будет моей женой. Поскольку я сам шалопут, всё иду не туда. Вот она и будет моей бабой“.

Господь помог мне на фронте выжить, Господь меня и с Марьей свёл».

Об этом эпизоде Виктор Петрович в фильме рассказывает во время застолья, и, видимо, не без доли художественного вымысла. Потому-то Мария Семёновна во время просмотра фильма с улыбкой заметила: «Ну, тут он явно приукрасил насчёт сапог, которые у меня задом наперёд».

Но если серьёзно, Виктор Петрович очень признателен своей Марии, вынесшей на своих плечах все прелести жизни жены писателя, в немалой степени благодаря которой он и достиг в литературе таких убедительных высот. Ведь без надёжного тыла ни один полководец не добивался успехов.

— Сотню раз наша семья могла распасться, если бы это зависело от меня, сотню раз, — рассказывает Виктор Петрович. — И по забывчивости, и по психозу — как угодно. Мария Семёновна, переступая через себя, сохраняла семью. И однажды моя покойная дочь сказала: «Мама, как ты живёшь с папой? Я бы не смогла». Она и говорит: «Вот поэтому ты и одинокая, с двумя детьми».

При своей изумительной профессиональной памяти Астафьев не помнит даты дней рождения собственных детей, но поздравить жену с днём свадьбы не забывает, даже находясь в зарубежной поездке. Вот какое письмо получила Мария Семёновна от мужа из Колумбии:

«Дорогая Маня! Не мог сказать тебе по телефону. Но сегодня, в наш с тобой праздничный день, я говорю тебе в письме: „Я люблю тебя больше всех людей в жизни. Береги себя. Будешь ты — буду я, будут внуки“».

Виктор Петрович, вспомнив как-то про интервью, которое я хотел взять у него, предложил:

— Ты у Марьи Семёновны лучше возьми. Она много тебе расскажет.

И вот однажды мы с Марией Семёновной уселись за столом в библиотеке и я, включив диктофон, попросил её рассказать о себе и своей жизни.

— Я никому не завидую, у кого там лучше что-то есть, — начала она свой рассказ. — От этого мне легче жить. И если люди говорят: «Ах, какую большую квартиру получили!» — у меня первая мысль: «Боже мой, а уборки-то сколько!» И сейчас, когда у меня впереди осталось немножко, стараюсь прожить дарованный мне Богом отрезок жизни рационально. О крупных книгах уже не мечтаю не потому, что не хочется, а потому, что у меня упало зрение...

Я очень люблю «Затеси» Виктора Петровича. Маленькая вроде картинка, а сколько в ней содержания! «Оду огороду» тоже люблю. Всё чаще начинаю задумываться о душе. Вот отлетит душа, но и там, в царстве небесном, она будет страдать, горевать за брэнное тело, покинутое на земле. И это очень печально. Я грешный человек. Все грешные, наверное. Один Бог без греха. Утром встаю, перекрещу лоб: «Господи великий, всемогущий, помоги мне пережить день наступающий. Дай нам хлеб насущный». Потом Матерь Божью прошу, чтоб она молила за нас Бога и сохранила мужа моего милого, сына. И всех перечислю... Мы в долгу перед всеми, кто нам делает добро, помогает.

— *Как Вы, Мария Семёновна, стали печататься?*

— Однажды — это было в Быковке — Виктор Петрович пришёл с охоты, простыл. Я ему налепила горчичников. И пока он под ними лежал, прочитала свой первый рассказ. «Это кто написал? Ты что ли? Так надо напечатать». И через некоторое время приносит областную газету: «Читай!»

У меня одна половина серой массы всегда занята: надо сварить, купить, кого-то принять. А как только освобождаюсь, надо немедленно её чем-то заполнить, но не политикой. Я газет не читаю. Зато очень много читаю стихов, раньше любила серию «ЖЗЛ», когда у меня со зрением было получше.

Когда-то вела дневник, но ведь его с собой не будешь всегда таскать. И, бывало, сидим в ресторане, Виктор Петрович что-нибудь такое скажет — я на салфетке пять слов запишу, потом восстановлю.

— *Бывали у Вас с Виктором Петровичем минуты отчуждённости?*

— Минуты отчуждённости? У кого они не бывают? Витя, случилось, и уезжал от меня. Чего греха таить? Я как-то всё это вуалировала. Ночь-то моя, в подушку наревусь... Но в нашей семье никто не

расходился, второй раз не женился. И я не хотела нарушать такую традицию.

Я много сделала для того, чтобы Виктор Петрович был от меня в зависимости. Он никогда не стирал себе платочки, носки, ничего не гладил, не ударил пальцем по машинке. Все его книги, которые ты видишь, — это всё перепечатано мной не по разу. «Пастушку» я перепечатывала четырнадцать раз! В рукописи её читала и как-то подметила: «Люсю ты сделал такой умницей, безропотной, ангелицей, а муж у неё такой злодей. Витя, так не бывает в жизни». Он вскипит: «Ты, мужичка, ничего не понимаешь». Я уйду. Потом он подойдёт: «А вот тут ты права. Тут надо переделать. Тут я не додумал». И тогда нет меня счастливей. И что-то хочется ещё такое нужное подсказать. А лучше вроде и невозможно.

Трудно я печатала повесть «Весёлый солдат». Витя дал мне папку, а сверху на листке написал: «Маня, повесть тяжёлая, до предела обнажённая. Тебя, наверное, многое смутит, но ты не тронь ни слова. Разве что карандашом тихонько пометь». Допечатала я рукопись уже ночью и на листке ему тоже написала: «Витя, спасибо, что ты написал эту повесть, как хотел. И тем самым избавил меня от постоянных тревожных ожиданий...»

Что тут говорить? Мне трудно представить жизнь без него. И зачем мне она тогда? Мне ещё тётушка, которой я в жилетку плакалась, говорила: «Я всё, Миля, понимаю. Тебе всех трудней живётся. Но и всех интересней».

— *Где вам лучше всего жилось?*

— В Перми и Быковке. Это был самый красивый период жизни: покупали билеты на симфонические концерты, на балет. В театр ходили. Однажды задержалась в фойе. Он сидит в зале и думает: «Сейчас Маня придёт и будет считать петли на вязаной кофточке впереди сидящей женщины». Я села, и конечно, — так, две вместе, два накида, две вместе, три накида. Он как захохочет на весь зал.

И на футбол, и на хоккей ходили, болели до того, что в разные углы разойдёмся. А уж когда Лысьва играла в футбол с Чусовым — тут мы не пропускали.

Это было чудесное время. Очень люблю, когда к Виктору Петровичу приезжают интересные люди. Присутствовать при их разговорах, слушать этих людей — одно удовольствие. Я благодарю судьбу, что столько видела, столько интересных встреч и людей было.

Жалею, что не могу сейчас выезжать в Овсянку, потому что здесь ребята. С ними надо быть. А в Овсянку-то и приезжают чаще всего

к Виктору Петровичу. Так я теперь люблю Енисеем только с балкона. Вид с него прекрасный. Сяду на стремянку и мечтаю. Вот бы кто мне ещё подзорную трубу подарил. Витя привез её откуда-то, но также легко и отдал кому-то.

Сколько лет мы живём с Виктором Петровичем, столько лет живёт вина перед первой дочкой Лидочкой, которую мы не смогли уберечь, оградить от голодной смерти. Ей и годика не было, когда умерла... Я без содрогания не могу даже вспомнить, что нам пришлось пережить. Но ещё более убийственное горе мы пережили, когда дочь Ирина умерла от приступа ишемии во сне, от усталости, оставив нам двоих детей — Витю и Поленьку. Она умерла на тридцать девятом году жизни... Когда мы приехали с кладбища от Иринушки, сели, поминули, и как Виктор Петрович заплачет: «Никогда я не думал о своём возрасте, о своих годах, а теперь я очень сожалею, что так нам много лет и так малы наши внуки».

Можно было бы Витю (внука. — Г. В.) защитить от армии. «Красной армии штыки, чай, найдутся...» И без Вити нашего обошлись бы. Но мне же надо его к чему-то приучить, пока мы ещё живы, у нас впереди-то осталось маленько. Так, может быть, хоть он там специальность какую-нибудь приобретёт. Да и к дисциплине, порядку приучится.

— *Над чем Вы сейчас работаете?*

— Вот написала «Земную память». Я её так изнурительно создавала. Письма писала дальним родственникам, чтоб они дополнили мои сведения. Но они пишут больше о своих детях и внуках, которых я уже никогда не узнаю. В книге я сделала попытку составить родословную Корякиных. Я, наверное, ради этого осталась жива из такой огромной семьи, одна из девяти детей. Ни папы, ни мамы, ни дядьёв... В книге не скрывала недостатки, какие были в моей родне. Пробовала писать и родословную Виктора Петровича. Страниц пять написала, но никто ничего не помнит, не знает. Получалось, как в песне: «В каждой строчке только точки...» Нет в Астафьевском роду никого, кроме Виктора Петровича, кто был женат один раз. Три-четыре раза. У них тоже были дети. Запутаться тут.

Последний раз ездила в Чусовой три года назад. Об этой поездке рассказала в очерке «Я не смогла сказать „Прощай“».

Я тогда встретилась с двумя своими учительницами по литературе и истории. Сначала зашла к Прасковье Кузьминичне Исаковой, она у нас читала обществоведение. Одевалась всегда опрятно, не вызывающе. Это сейчас чёрт-те что — того и гляди, ресницы отвалятся.

А вторая Зоя Павловна Дружинина. Она умерла в прошлом году...

Муж её преподавал слесарное дело. Для меня Зоя Павловна была эталоном учительницы. Юбочка в складочку, туфельки на невысоком каблуке, белоснежная кофточка с чёрным или красным шнурочком. В одежде никакого изыяна. Как говорят француженки: лучше десять морщин на лице, чем одна на чулке. По этому принципу она жила. Не было урока, чтобы она не выделяла время под устное чтение. И сама читала выразительно, с интонацией. Это были прекрасные уроки преподавания. Сколько чувств я пережила перед встречей с Зоей Павловной! Мне-то в том году исполнилось 75, а ей? Думаю, встретит меня грузная, бесформенная женщина с потухшим взглядом, с провалами памяти. Я так боялась. Дверь открыла молодая женщина — её дочь. Стоим, объясняемся. И тут выходит Зоя Павловна: «Миля!» Она помнит, как меня зовут! Помнит, что на башмачках моих были скобочки, чтоб не снашивались.

Порой думаю, вот приехать бы сейчас домой, только бы недельку выгадать — я бы ух сколько нагвоздила! А той недельки, как всегда, не выкраивалось...

Худо-бедно урывками книги писала, печаталась в периодике: «Литературной России», «Работнице». Но мне было трудно: варилась в собственном соку. Витя всё работает, занят. В Союз писателей приду: «Ребята, я вот тут чего-то написала, почитали бы». Они: «Марья Семёновна, да рядом с тобой такой кит. А мы тебя судить? Нет уж, уволь». А Вите некогда было читать мои творения. Разве что сама прочту ему между делом. Как-то — это было в Сибле, на Вологодчине — он много работал, глаз у него устал. Я приложила к глазу вату, смоченную тёплым чаем. И пока он лежал, прочитала ему «Нужны трёхцветные кошки».

Из военной тематики у меня, пожалуй, единственная вещь «Пешком с войны». А так я вольнодумец. Есть о природе, о животных, а больше о женских судьбах. Это сочинения на произвольную тему. Вот Виктор Петрович войну знает досконально. Он и разведчиком, и связистом был.

Однажды вечером возвращаюсь домой. Глянула: в окнах свету нет. Поднимаюсь, раздеваюсь, кричу: «Витенька, тебе плохо?» А он лежит у себя в кабинете на диване: «Маня, послушай, какая прекрасная лютневая музыка звучит!»

Отправляю много материалов в рукописный отдел Пушкинского дома, где открыт личный литературный фонд Виктора Петровича, в Пермский архив, Постникову.

Мои «Знаки» Виктор Петрович не принял. Кому хочется знать о себе правду? («Знаки жизни» — документальная автобиографическая повесть М. С. Корякиной-Астафьевой. — Г. В.).

Он иногда в два часа ночи придёт: «Маня, тут ещё надо три страницы перепечатать». Печатаю. Вот последний раз перепечатывала «Весёлого солдата». А правка у него ужасная. Печатаешь и ведь одновременно читаешь, интересно. Горжусь, что была первой читательницей всех его произведений.

Что тут говорить? Мне трудно представить жизнь без него. И зачем она мне, когда его не будет? Больно не тому, кто умирает, а тому, кто остаётся.

— *Хорошо Вы, Мария Семёновна, сказали. Так оно и есть.*

— Как-то в «Артеке» были. Виктор Петрович там что-то читал, рассказывал, отвечал на вопросы. И поднимает руку одна пионервожатая: «У меня вопрос к Марье Семёновне». Витя смеётся: «Отдувайся». А девушка спрашивает: «Легко ли быть женой писателя?» Я встала и говорю: «Женой вообще быть непросто. Она должна уметь шить, вязать, варить, гостей принимать, разговор поддерживать, семейный бюджет соблюдать, дом содержать. А быть женой писателя ещё трудней, но и интересней».

Ложусь спать, закрываю глаза и думаю: «А почему она, моя героиня, в Сарапул-то поехала? А как там, в Москве, внук мой? Что у Андрея?» О политике мне некогда думать.

Я счастлива, что мы так много ходили в театр. В Лысьве мы слушали оперетты лилипутов, «Веселую вдову» во Дворце культуры, что на берегу пруда. Благодарю судьбу, что столько всего видела с Виктором Петровичем, потому что одна я бы не пошла в театр. Это было интересное время.

Когда стали сводить концы с концами, я много ездила. И если оказывалась, к примеру, в Югославии, где уже Виктор Петрович побывал, гуляя по улицам, бульварам, думала: «Вот здесь Витя ходил». Я этим очень дорожила. В Париже жила в отеле на нижнем этаже, как раз у выхода напротив метро. Всю ночь шум, гам. После Парижа никуда не хотелось ехать. Только на родину, домой. Я за счёт крепких родовых корней и живу долго.

Взрослеешь, переходишь из одного возраста в другой. О чём-то имеешь одно представление, а потом оно может измениться. Я со многим не соглашаюсь, на компромиссы не иду.

Любила вечерние часы, когда разговаривали с Витей о том, как день прошёл.

Изречения мудрых не коллекционирую, русская речь и так богата ими. К примеру, не соврут тому, кто не спросит. Автора не помню.

Про меня завистливые языки иногда поговаривали, мол, за неё муж пишет. Compliment, конечно, приятный. Это ж, выходит, я на уровне Астафьева пишу. А Витя по этому поводу говорит: «Мне бы своё, дай Бог, написать». На одном из творческих вечеров меня спросили: «А писал ли Виктор Петрович о Вас в какой-нибудь книге?» Я ответила: «Ну, уж если ему вовсе не о чем будет писать, тогда напишет». Пока у него до меня руки не дошли. Своих замыслов вполне достаточно.

— *Что для Вас значат Лысьва и Чусовой?*

— Люблю Чусовой, Лысьву. В Лысьве запомнились шумные свадьбы. «Эмальчашка» пошла плясать!

В Лысьве, на улице Цветочной, крестные мои жили: Серафима Андреевна и Алексей Ефимович Ходыревы. Как-то Виктор Петрович сидит в таком нервном напряжении, выйти из него не может. Я ему: «Витя, ты бы написал рассказ про подаренное крестным ружьё». Он его, бывало, то на крыльце, а то у себя в кабинете чистит, приговаривая: «А ведь мы с тобой там-то были, здесь...» И прекрасный рассказ получился до того места, где Виктор Петрович стал рассуждать о политике. Это чудно. Но он сам себе барин. Как хочет, так и пишет.

У меня были мудрые родители. Стало тесно жить, начали строить полтораэтажный дом. Ещё не был подшит карниз, а мы уже расшивали филейные скатерти, шторочки, на одно окно поставили цветы герани, на другое — трёхламповый приёмник. И всех нас сфотографировали. Я плакала над этой фотографией. Мне хотелось сказать: «Смотри, какой ты был! А ты — какая молоденькая!» А мне некому сказать... Что прошло, то уж миновало: и нужда, и голод.

Как только мои родители устояли на ногах в голодные тридцатые годы? Может, потому, что никто не сидел без дела. Сыновья делали папе дратву, мы вязали. Первые фабричные чулки мне купили только в пятом классе. Я их будто сейчас вижу — коричневые, в резинку. А так всё сами на себя вязали: носки, варежки. Мама красила их или свекольным рассолом, или сажей. Хотелось бы одеться по красивее, как, например, Люся Фетисова, у которой уже было пианино. Но нам некогда было завидовать. Мама из двух стареньких платьев шьёт одно, и мы рядом — со спицами в руках. Сейчас дети смотрят по телевизору прокладки да всякую всячину со стрельбой и насилием. А мы все гуськом ходили в библиотеку.

Однажды я с фронта написала в Чусовскую библиотеку письмо с просьбой выслать книги. Выслали. Так у нас в части образовалась своя передвижная библиотека.

Спустя много лет — мы в Вологде жили — приходит мне приглашение из городской библиотеки Чусового на юбилей. Я приехала, и Екатерина Ивановна Леготкина на том вечере представляет меня: вот, дескать, Мария Семёновна на фронте работала в передвижной библиотеке, а в детстве в нашу ходила вместе с братьями и сёстрами, вот её письмо, опалённое пороховым дымом, которое она писала домой в передышках между боями. А это я подпалила краешек бумаги на огне от свечки, когда сушила чернила, потому что почтальон, пожилой солдат, всегда нас торопил: «Девки, пишите скоряе! Сейчас пойду отправлять».

И вдруг слышу на вечере про моё письмо, «опалённое пороховым дымом». Вот, какая фантазия у людей! Это корреспонденту «Чусовского рабочего» — была заметка о нашей семье в этой газете — таким представилось моё письмо. Я тоже работала корреспондентом на радио, но до такого не додумалась бы.

Прихожу раз домой, вижу на листке Витиным почерком написано: «Маня, ликуй!» И на листке приклеена маленькая, уже пожелтевшая вырезка из газеты о том, какие выдающиеся талантливые люди были левшами. В тот же вечер к нам гости нагрянули. Я взяла и зачитала эту заметку, добавив в конце: «...и Корякина-Астафьева». Витя на меня так посмотрел: «Там этого нету!» Смеюсь: «Так газета-то старая, вон как пожелтела! Давно вышла. Обо мне тогда просто не знали».

Беседа с Марией Семёновной получилась насыщенной, интересной и поучительной. Я бережно храню ту магнитофонную запись, сделанную в Красноярске.

Предпоследний перед отъездом день. Упаковываюсь. А «бутору» набирается немало. Одних только книг — Виктор Петрович и Мария Семёновна надарили — полная сумка. Да ещё рукописи Астафьева для Пермского архива... И в это время подходит Мария Семёновна, протягивает сто тысяч рублей (деноминации ещё не было):

— Возьми, Гена, в дороге пригодятся.

Пробовал отказаться, но Мария Семёновна и слушать не захотела:

— Бери, бери. Наденьке хоть на 8 Марта что-нибудь купишь.

Мне вспомнилась мама. Она также мне, студенту, перед отъездом на учёбу всегда давала червонец.

У себя дома я нет-нет да и достаю из своего архива письма писательской четы из Красноярска, перечитываю. Полагаю, будет уместным опубликовать в книге и некоторые письма Марии Семёновны.

«Дорогой Гена!

Я пишу тебе опять через долгое молчание. Извини. Надеюсь, сам ты и твоё славное семейство в полном здравии и благополучии. Ещё надеюсь и на то, что уже нет длительного сбоя в работе почтовиков — железнодорожники отказывались включить почтовые вагоны в составы из-за долгов.

По ТВ показали однажды Ярославский вокзал, забитый мешками с письмами, бандеролями и посылками. Это ужасно! Мне это напомнило войну, поскольку там я немалое время была связана с почтовыми отправлениями. Какие завалы обрушивались на нас, особенно после отступления, да и после наступления тоже. Нам предстояло их обрабатывать, раскидать по ячейкам, опять же набить ими мешки, и они уже следовали в нужном направлении с надеждой, что всё-таки дойдут до адресата. С короткими перерывами на еду и сон мы слеповали при керосиновых лампах, с постоянной мыслью: тот, кто написал письмо родным или близким, за это время уже десять раз мог быть убит...

Я и тогда, и сейчас переживаю странное чувство, как бы сожалею о том, что вот пишу письмо (иногда кажется, что уж написала — так давно собираюсь это сделать) и как бы играю в одни ворота. К примеру, пишу о чём-то интересном, важном (на данный момент), но пока письмо дойдёт, пока его прочитают, пока соберутся ответить — сколько воды утечёт... А письма то с глубокой обороны, то в перерыве между боями... Естественно, помнишь и о том, что кроме всего прочего мы постоянно пребываем в зависимости от обстоятельств разного толка и значения.

Я за время затянувшегося молчания успела полежать в больнице с приступом мерцательной аритмии, и этот приступ, видимо, спровоцировал мой давний паралич — опять стали до неприличия трястись руки. Тогда я долго приходила в себя, хотя была ещё сравнительно молода, теперь же не знаю, пройдёт ли эта тряска, как и что будет, но помню, как говаривал батюшка Тургенев: „Пусть идёт, как идёт...» Писать пока не могу совершенно, хлеб ли режу, картошку ли чищу — глаза бы не глядели, но раз надо, значит, делаю, как могу, а пока и печатаю, через раз попадаю на нужную букву, однако ложку мимо рта не проношу. А вообще понимаю: в нашем возрасте не болеть уже неприлично.

В сентябре здесь (в основном в Овсянке) прошли литературные встречи. Было многолюдно, даже очень. К этому событию приурочили и открытие часовни, в первый день работы конференции её и освятили, а перед закрытием встреч заложили небольшой скверик. Встречи прошли интересно и плодотворно. Виктор Петрович каждому приглашённому вручил по комплекту — 15 томов! — собрания сочинений. Книги изданы очень хорошо — это такой нечастый случай, когда внешний вид в полном соответствии с содержанием. Я лишь недавно проверила: за два года смогли издать все 15 томов!

Я на встречи не ездила — многолюдство стало меня утомлять. Зато многие знакомые приезжали к нам сюда и мы славно гоняли чай и не только, то устроившись в кухне, то расположившись в библиотеке. Наговорились, навспоминались, попечалились, посмеялись. Лишь печалит то, что со многими милыми сердцу людьми я уж попрощалась навсегда, уж более не увижусь на этом свете — жестокая неизбежность, хотя сердце мириться с этим никак не хочет...

У нас пока осень (опять вернулась!), лист опал ещё не весь, трепещет на ветру, яркий и красивый. И если б не случились сырые похолодания, заморозки и снег, природа подольше бы радовала этой дивной порой увядания.

Однако печалит не только то, что вот и лето пролетело, и осень, и день на убыль, впереди пора затяжных ненастий и холодов, и кто знает, доживу ли я до следующего обновления в природе и в душе...

Дорогой Гена! Я желаю тебе и твоему семейству всего самого доброго и хорошего, хотя и понимаю: где всего этого взять-набраться?

Храни вас Бог!

От Виктора Петровича приветы. Он неважно себя чувствует — медленно выходит из него усталость, особенно проведение такого громоздкого и беспокойного мероприятия, да и нездоровье.

Ну, будьте все здоровы! Преданно ваша МарСем.

24.10.98».

* * *

«Дорогой Гена!

Спасибо тебе за письмо и прости мне, что я непростительно долго задержалась с ответом.

Вчера я наконец-то закончила „борьбу“ со всякого рода скопившимися делами, оставив на потом, когда подкопятся силы и потеплеет погода, уборку на балконах и мытьё окон, но всё это — если позволит здоровье.

...Виктор Петрович на неделю скрылся в Овсянке после такой громоздкой работы от всякого рода корреспондентов (увы, не все такие тактичные, как ты!) и предвыборных хлопотунов — скоро грянут выборы губернатора. С Полей мы вдвоём, вот я и пытаюсь время от времени посидеть за машинкой и потихоньку-помаленьку отвечать на скопившиеся письма, перед которыми непростительно задолжалась.

К сожалению, некоторые из тех, с кем я пока не прервала переписку — способ общения, — уже не понимают моё затянувшееся молчание: возраст, нездоровье и напряжение, я уже не способна бежать впереди себя, как в былые времена...

До сих пор не могу ещё поверить, что сдали три последних тома собрания сочинений Виктора Петровича. Конечно, это пока ещё не последний для него марш-бросок, надо досылом прокомментировать повесть и рассказ, а там и вычитка вёрстки. А пока на подходе 11-й том, а с 10-м что-то застопорилось... Гляжу и глазам не верю, что ни на столах, ни на диванах нет папок и вороха бумаг. Разобрала и определила по папкам и альбомам множество фотографий — разрушили мой порядок, отбирая какие-то для экспозиции к открытию литературного музея; часть отбирала для архивов в Пушкинский дом (рукописный отдел для пополнения фонда В. П. — Г. В.), отобрала и в Пермский архив, и в Чусовской.

Десять дней с утра до вечера работала редактор (А. Ф. Гречицкая. — Г. В.), приехавшая из Москвы, трудолюбивая, опытная, знающая творчество В. П. вдоль и поперёк. Иногда мы с ней усаживались за пишущие машинки, разместившись в разных комнатах. Виктор Петрович, предельно уставший от этой громоздкой работы, терял то очки, то страницы, то матерился, то хохотал, «пылил», когда долго не могли установить (в томах переписки) даты, фамилии авторов и прочее.

Когда Агнесса Фёдоровна, закончив нумерацию последнего тома, принялась взглядом сверять, нет ли где сбоев, я накрыла в кухне стол и мы, попивая шампанское, засиделись до пяти утра, а в восемь её самолёт в Москву!..

Нанимала мастера, чтобы перетянуть наш большой диван и кресла. Он работает, я у него на подхвате. Сделал очень хорошо и добротное, теперь таких не продают.

Урывками написала «Свёкра», но ты об этом знаешь. Витя-младший сегодня вернулся из Москвы — ездил по делам, позвонил, сказал, что съездил очень удачно. Дай-то Бог!

Я же молитвенно прошу-уговариваю своё хилое сердце потерпеть, поработать ещё, хотя беречь-то его надо было раньше, но кабы знать, где та соломинка... И пожить ещё охота, почитать всласть, чего захочется, пока натруженное зрение вовсе не отказало, повспоминать минувшее, пережитое, подивиться на природу. Как-то Ахматова написала: «Я пока люблюсь белым светом, я пока не верю, что умру...» Наверно, тоже ещё в молодости написала? Я же верю, ещё как верю!.. И всё-таки болезненно воспринимаю, когда меня жалеют. Другое дело, с боязнью думаю, когда настанет время моей ненужности. Когда тебя не надо, а ты тут... Этот страх, наверно, сильнее, чем страх перед смертью...

Ох, прости, Гена, что-то меня не туда повело...

Виктор Петрович собирается домой 1 апреля. Шмыровым, хоть кратко, но написала. Желаю тебе и твоему семейству благодати на каждый день.

С глубокой симпатией — я, МарСем.
23.02.99».

* * *

«Дорогой Гена и всё твоё милое семейство!

Прости, пожалуйста, что так давно тебе не писала. Даже и оправдываться не стану, проще сказать — вовсе не письменное было настроение по разнообразным причинам. Да и новости интересные почти не случаются, однако жизнь не проклинаям из-за того, что она такая-рассякая. Нечто подобное (всякие беды и вакханалии) случались почти всегда на стыке веков, а тут ещё и новое тысячелетие. Вот говорю об этом, а сама пока даже не представляю и того, что через год будем писать, к примеру, «две тысячи первый год». Иногда думаю: Боже мой, ведь возникнет неисчислимое множество проблем в том понимании, что даже штемпеля на почте придётся менять, переходить с «тысячи» на «двухтысячье». Вон сколько было всяких хлопот, споров, когда стали переименовывать названия городов, понадобилось переделывать печати, грифы на официальных бумагах...

Да что об этом? Главное — выжить, а ещё главнее — заставить людей работать (как бывало: пока ноги держат, пока руки владеют): вернуть сознание, чтоб люди понимали, что без труда, как говорится... А власть предрежащим — возвращать людям, как величайшую ценность, уважение к ним, чтоб без забастовок и иных вынуждений люди жили бы нормальной жизнью... Что-то я не о том говорю. Я просто

помню, как мы носили подшитые катанки, вязали себе чулки, носки, варежки, не стыдились заплаток, чтоб в праздники одевались по-праздничному, а в будни — по-буднему, чтоб мужики вспомнили, как править пилы, литовки, как класть печи, стеклить рамы... Чтоб перестали рекламировать, какого совершенства достигли в жизни: двери железные, окна на решётках, одеты в шубы и шапки из дорогого меха, а на жизнь жалуется... А пока, где густо (у новых русских), где пусто, когда врачи, учителя и прочие читают в магазинах ценники, а в кошельках и считать нечего...

Слава Богу, что мы лишены чувства зависти, только обидно — не за такую же жизнь воевали и жизни отдавали...

Вот у нас уж дверь не закрывается — и журналисты, и представители разные уже засуетились насчёт юбилея Виктора Петровича. А он напряжённо работает, пишет любимые свои «Затеси». Предложили издать новую книгу, а рукопись надо сдать в марте, чтобы успеть.

Витя-внук, коль не задалась работа в фирме, которую он открыл, (не то время) сейчас уже около месяца работает в отделе при администрации края, что-то по культуре, иногда звонит, иногда приезжает, живут с Наташей, говорит, нормально. Дай-то Бог! Полина в школе, как она сама говорит, отсиживает десятый класс, а дальше с наивной самоуверенностью собирается поступать в техникум, да не где-нибудь, а в С.-Петербурге, а того не думает, что никто, нигде не ждёт её...

Радуюсь тому, что заметно начал прибывать день, но тут же мысль: не надо бы мне торопить время, однако, не я одна, как послушаю, и другие тоже не успевают считать не дни, недели!.. А жизнь всё короче, сил всё меньше, успех в делах убывает на глазах. Жестокая неизбежность...

Андрей в Вологде живёт. Даже не знаю, как и сказать, если зарплату не дают, а картошка на рынке (своя вовсе вымокла) 6 рубликов, что масло не помнят, когда и покупали, а оба, увы, не богатырского здоровья, но работающие с полной отдачей сил, о получке денег вроде уж и надежды потеряны. Поговорю по телефону, вроде успокоюсь, что здоровые, но они и никогда не жаловались — я все равно помочь ничем не могу. А Женя в МГУ учится успешно, упорно, ест кашу из хлопьев, говорит, в ней белка много...

Погода у нас пока ни то ни сё, как предзимье — такая ранняя нынче Пасха. Тут будет как будет. У меня голова болит, как отвести юбилей Виктора Петровича. Это жестокая обязанность, особенно в наши-то годы.

И всё равно благодарим Бога за каждый дарованный нам день жизни. Я на днях упала в ванной, а там стремянка, и табуретка, и ванна, и стиральная машина, и вообще чего в ней только нет, поскольку она рабочая. Зашиблась ужасно, но обошлось без переломов, врач со «скорой» посмотрел, порасспрашивал. Давление — 200! И сердце замирает, а у меня одна мысль: не случилось бы инфаркта или инсульта, тогда уж, думаю, моё дело — табак... Понемногу прихожу в себя, вся в синяках, но голова обретает вроде внешне уже и приличное состояние, а утром, как встану, чувство такое, будто сквозь молотилку прошла... Старость — не радость...

А вообще всё терпимо, и знаем — лучше не будет, а так пожить бы ещё не мешало.

От Секлеты письма приходят редко, я понимаю, ей не до писем, не забывает, и слава Богу.

Гена, мы тебе и семейству твоему желаем всего, чего желаешь себе, только во много раз больше. Все будьте здоровы и благополучны. Всем всего доброго.

Обнимаю преданно.

Виктор Петрович и Мария Семёновна.

Рука по-прежнему почти не пишет. Секлете при случае передавай привет. Мы её по-прежнему помним и любим.

МарСем. Март 1999 г.»

* * *

«Дорогой Гена и твоё славное семейство!

Пишу очень кратко, чтобы поздравить с приближающимися праздниками, желая всего доброго и хорошего! Письмо твоё славное получила, большое за него спасибо!

У нас сплошная суета, из которой светлое событие — балетный спектакль по «Царь-рыбе». Я до последнего времени пыталась, однако не смогла себе представить, что там будет. А спектакль получился неожиданный, искромётный и, за малым исключением, красивый. А вообще — всё народ, всё обязанности, всем всё надо, и между этим, в передышку, Виктор Петрович вальнётся и спит часок-другой и опять в «бега»: то поздравить юных хоккеистов, футболистов ли, то поздравить с юбилеем ансамбль танца, то открыть выставку, то ещё, ещё, ещё, и я теперь его мало вижу, лишь записываю, кто звонил, и передаю, что велено. Иногда придет почти в нормальном состоянии, то поддагтый, немало раздражённый (из-за сахарного диабета принимать-то бы и не надо), усталый и, конечно же, менее здоровый, нежели был утром.

Весна странная, как, бывало, говорили Андрей и Ирина, мол, то смехота, то ревота... Ночи холодные, дни иногда мглисто-сырые, иногда солнечные, но зато со сногшибательным ветром.

Все новости — сплошная суета, и я молю Бога, чтоб поскорее этот юбилей прошёл. Один заботный праздник прошёл — премьеры балета, приезжало много гостей, даже из Испании и Италии.

Перед юбилеем должен ещё съездить в Москву: в Публичной библиотеке будет встреча Виктора Петровича с избранными читателями, затем презентация полного библиографического справочника, посещение Третьяковки, 29-го, как край, надо быть дома, поскольку будет вручение премии из фонда своего имени молодым дарованиям (всего их пять).

Ну и ладно, на этом заканчиваю — машина остановилась, значит, бельё выстирано, а затем на кухню — готовить обед и попутно приготовить закуски на случай, кого угощать придётся.

Будьте здоровы и благополучны! Обнимаю вас всех.
Ваша МарСем. 19.04.99».

* * *

«Дорогой Гена, я наконец-то получила от тебя письмо и безмерно ему рада. Даже как бы не самому письму, а весточке о том, что ты есть, что любишься белым светом — и это с годами дороже дорогого!

О своём житье-бытье и писать не стану, настолько оно тревожно, сложно, так много перегрузок и не столько физических, хотя и они неизбежны и подчас совершенно не по возрасту, да куда от них денешься? Больше беспокоящих и не покидающих меня ни днём ни ночью, они поднимают меня с постели, как бывало кофеёк (теперь-то я уж, к сожалению, и этого себе не могу позволить), а теперь лекарства подталкивают в спину, и я весь день, во всех делах пытаюсь быть предельно рациональной: пошла в кухню, по пути уж и забыла, зачем шла, но тут же объявится другое заделье, значит, не напрасно шла, а тут и забытое снова придёт на ум...

Пожалуй, единственный светлый лучик в последнее время сверкнул — вышла моя, уже как бы юбилейная книжка, хорошо, благородно изданная и много в себя вместившая. И я не сетую, что всё содержание набрано и помещено «в подбор» — это значит, не с отдельной страницы, а одно за другим. Да это ли беда?

Это не праздник, это событие в моей жизни и, слава Богу, что я до него дожилась! И, слава Богу, добрые люди помогли очень в её издании. Ведь прежде за вышедшую книжку ещё и гонорар, большой,

маленький ли, но платили, а теперь всё по-другому. Я, конечно же, не пошла бы с протянутой рукой собирать рубли, которые нынче ничего не значат, и это очень обидно (как артист Луспекаев в «Белом солнце пустыни» сказал, что за державу обидно...). Это воистину. Мне предложили издать мою книгу почти полностью за казённый счёт, недостающее покроют выручкой от реализации книги.

Но... Как не устаёт утверждать один хороший человек: беда не любит оставлять радость в одиночестве. И я то и дело в этом убеждаюсь. В понедельник рано утром Витю увезли в больницу в тяжёлом состоянии.

Я вздрагиваю при каждом телефонном звонке — не из больницы ли, не скажут ли чего убийственно-страшного...

Ну, ладно. На этом и закончу своё письмо, такое „с уклоном не в ту сторону“. Хорошо, что есть приятный повод — книга, которую запечатаю в бандероль и, кто зайдёт из надёжных, попрошу отправить.

Здоровья, благополучия возможного и всего хорошего!

Целую — МарСем.

Август, 2000 г.»

* * *

«Дорогой Гена!

Мне бы давно надо написать вам, да я запуталась в делах и заботах, как рыбёшка в бредне, и, конечно же, нездоровье во всё вмешивается не к месту, без надобности, но его ничего не касается. Нет, касается, да ещё как касается, ибо оно производное всего, на что реагируют ум и сердце (думаю, представляю, в каких рубцах, часто кровоточащих, моё сердце)... Ну, моё-то ладно, я — давнишняя, но ведь и у многих молодых оно не способно безболезненно, равнодушно переваривать всё происходящее вокруг...

Теперь позади и юбилей мой — слава Богу, миновала эта жестокая обязанность именинника! Затем прошли уж и Литературные встречи. Правда, я в Овсянку и на всякие мероприятия по их поводу не ездила, но и здесь я не была одна — перебивали многие, знакомые и милые сердцу люди, однако их тем более надо было принять, как желанных гостей. И вот ещё одно мероприятие — 26 октября исполняется 55(!) лет, как мы с Виктором вместе. И дата солидная, но и хлопоты предстоят, а я ещё от тех хлопотных праздников не успела дух перевести.

А мои ум и сердце переполнены совсем иными, куда более важными, невесёлыми и трудными делами-заботами. Пытаюсь сформу-

лировать свою последнюю волю... И более того — будь наши законы совершенными, включающими исключения из правил и гарантирующими полное и точное исполнение тех моих распоряжений, сделанных в завещании. А как столкнулась — записалась на приём к нотариусу для консультации, то и оказалось, что в нём, в завещании, всё должно быть только конкретно, как теперь принято называть это целевым назначением.

А ведь не пишут завещания молодые, их пишут те, у кого жизнь на исходе. Вот и получается, что я могу завещать что хочу (и могу) только прямым наследникам. А я из кожи лезу, бьюсь, чтоб не ушли наши с В. П. желания сохранить нашу квартиру как музей и присвоить ей статус «Квартиры-музея В. П. Астафьева». И я уже многое для этого сделала: наняла двух надёжных и профессионально работающих людей, чтоб полностью сняли интерьер квартиры, каждой комнаты по отдельности, проходы, коридоры, кухню, короче, всё! Записали всё на видеокассету, на днях отдала фотографии, сделанные как подлинное свидетельство того, что было, и два специальных альбома, чтоб сохранить вид нашей квартиры, поскольку она ведь, по существу, уже и есть музей.

Сделала опись картин (размер, вид исполнения, автор) и их сфотографировали, чтобы тоже поместить в специальный альбом. Ползала, как таракан. Составила списки тех картин, которые украшают стены нашей квартиры, и из запасников, хранящихся в нашей частной коллекции. У нас же огромная, хорошо подобранная библиотека; очень много магнитофонных и видеокассет, на многих из них присутствует Виктор Петрович. Очень много грампластинок, на которых прекрасная классическая музыка, на других записаны поэты Симонов, Рубцов, Луконин, Фёдоров, писатели Солженицын, Солухин и другие.

Я лишь часть упомянула из того, чего есть. Это кроме книг и пр. Печально и больно обо всём этом говорить, а сердце содрогается от мысли: неужели нам уже надо потихоньку распродавать и раздавать то, что мы с В. П. копили и берегли 55 лет!

Но, как оказывается, то, что я делаю, о чём умоляю (пока тайно, но нотариус сказала, что никаких ссылок и пожеланий в завещании быть не должно). Вот те раз! Сам Господь сделал так, чтоб именно здесь появился такой человек, который достойной своей жизнью и трудом прославил не только Сибирь, но и Отечество за его пределами... И вдруг все мои усилия, не себя ради, как горох в стену!.. А я-то думала: ну и что, пусть переизберут мэра города, губернатора ли, но

и их преемники должны были бы с гордостью принять мою эстафету и с честью сохранить это свидетельство о жизни и работе их знаменитого земляка, выдающегося писателя...

Ох-хо-хо! Мне бы хоть с обычным-то завещанием успеть всё оформить, пока В. П. не уехал в санаторий, а я что-то часто стала умирать... Ну никто, как Бог.

В остальном всё терпимо. Договариваюсь со знакомыми, кто как-то связан с книготорговлей или имеют свои магазины, и выдаю им по три-четыре пачки книг (пока своих) на продажу. Бывает хоть и невелика выручка, но всё же к пенсионному нашему бюджету прибавка, в который я никак не могу уложиться. И Полину бы надо приодеть к зиме. На осеннюю пору вроде одели-обули, а впереди зима, затяжная, с морозами и метелями. Да и сейчас погода, увы, не радует. Как хорошо сказано об этом состоянии природы у Галины Беловой:

*Предзимье. Странная пора,
Не холодно, но как-то знобко.
Зима переступила робко
Грань осени ещё вчера.
Но не вошла, а у дверей
Присела робкой ученицей.
И всхлипывая, плыли птицы
Ночами чёрными над ней.
Распластанные в вышине,
Роняя перья у излучин,
Ещё надеялись на лучшее...*

Никаких новостей, кроме усталых, тревожных мыслей, не накопилось. Слава Богу, что пока солнце не сорвалось со своей орбиты, не расколослась планета, ночи хоть и полусонные, но всё равно проходят, и наступает рассветное утро.

Вот думаю: хотя бы завершить побыстрее оформление моей последней воли, тогда, может, переведу дух и, если хватит сил, начну подбирать книги — и свои, и Витины, и других авторов, которые без автографов, но которые мы уж никогда не соберёмся перечитывать заново — часть для военного госпиталя инвалидов, через бибколлектор — для районных библиотек, чтоб передали и в читальные залы, и на абонемент.

А после наведу ревизию в своих вещах, у В. П., просмотрю и решу, что к чему...

Читаю мало — стало сильно падать зрение, однако же стихи почи-
тываю. Презентация книги прошла хорошо. Когда (уж в конце) пред-
ложили выступить и мне, я поблагодарила губернатора за помощь
в издании моей заветной книги, поблагодарила издателя и тех, кто
устроил мне этот праздник, а под конец не удержалась и прочитала
стих:

*Мне никогда ещё не снилась старость,
Мне кажется, она венец всему,
Когда свершилось всё, о чём мечталось,
Когда бездельно сердцу и уму.
Мне кажется, бездельно, беззаботно
Наступит день (не скоро, не теперь),
Я за собой сама прикрою плотно
Беззвучно обесцвеченную дверь.
Сама скажу: огни уже не светят,
Цветы не пахнут, птицы не поют,
Ни горя нет, ни радости на свете...
Возьми меня, безлика, в приют.
И станут тонко гладенькие спицы
Разматывать пушистые клубки...
Ничто не потревожит, не приснится...
Но отчего ж так плачут старики?!*

Тишина наступила, вроде так говорить не принято. И я сказала,
что считаю себя счастливым исключением! И сорвала аплодисменты,
да продолжительные, когда все аплодировали стоя!

Может, и хорошо, что никаких юбилеев прежде я не отмечала, те-
перь (уж точно) отмечать тем более не стану. Значит, так тому и быть...

Вот пишу письмо, а сама всё посматриваю в окно: горы в тонком
пока ещё снегу; ели зелёные, лиственницы тёпло-жёлтые, а берёзы
уж почти голые, на редких пока ещё держится лист.

Виктор Петрович после обеда уже угнездился в своей постели и, по-
хоже, заснул. А я вот пока постукиваю на машинке, но поскольку руки
мои работают, как им вздумается, и пробивают страницы насквозь, и
потому страницы мои, как решето, и потому я сначала пойду на кухню,
вымою послеобеденную посуду, а затем отправлюсь в свою архивную,
там на морозильной камере, заменяющей стол, пристроен ксерокс, и
я с его помощью переведу свой дырявый текст на нормальный, затем
вычитаю (выловлю опечатки и ошибки и определю письмо в конверт).

А завтра воскресенье, значит, послезавтра постараюсь отправить своё послание на почту — попрошу того, кто зайдет из надёжных, чтоб не затаскали в кармане или в сумке не забыли бы.

Ну, вот и всё! Хватит и вам, и себе голову морочить. Шлю самые добрые пожелания в делах и в жизни, главное, желаю здоровья.

Преданно — МарСем.

Сентябрь, 2000 года».

* * *

«Дорогие Надя и Гена!

Я нынче никому не писала ни поздравлений, ни писем вообще. А тебе, Гена, пишу из-за крайней необходимости, потому что где-то не могу найти твой номер телефона — проще было бы позвонить. Но прошу тебя, возьми журнал „Урал“ пятый номер за 2004 год. Почитай свои воспоминания о Викторе Петровиче. Перечитай, а потом подумай насчёт издания книжечки. Она может получиться славная. Игарский музей вечной мерзлоты издал милую книжечку «Игарка — по астафьевским местам». Тоже воспоминания. Книжка неповторима, уникальна, много фотографий, и это замечательно! И твои воспоминания написаны блистательно. Так что подумай об отдельном издании. Денег у меня на это, конечно, нет. Есть только мечты и время.

Вот пока и всё. Будьте здоровы и благополучны!

Помню и люблю — Ваша МарСем.

24.02.10.

Академгородок, Красноярск».

Это было последнее письмо Марии Семёновны... Большинство из её писем я передал в Чусовской музей Виктора Астафьева.

Внучка

Эта черноглазая подвижная девчонка пятнадцати лет от роду доставляет немало хлопот бабушке и дедушке. Кому не хочется в таком возрасте (а сейчас тем более весна!) погулять с друзьями или, как теперь говорят, потусоваться. А бабушка с дедушкой строгие, воспитывают внучку в духе своих устоявшихся взглядов на жизнь. Отсюда порой и конфликты. Впрочем, как и в любой семье.

Есть у Полины свои домашние обязанности: за продуктами в магазин сходить, уборку сделать, почту принести. Полинка понимает, что

надо помогать: бабушка с дедушкой старенькие уже, больные. И она, в принципе, не уваливает от работы, но на улице сейчас так заманчиво...

Три с небольшим годика было Поле, когда у неё умерла мама. И по этой причине Полинка, возможно, что-то недобрала из детства.

Накануне отъезда из Красноярска я увидел во дворе Полю, качающуюся на качелях. Увидев меня, она засмушалась, прыгнула, и я спросил её:

— Поля, тебе за то, что ты внучка писателя, наверняка достаётся в школе. От кого больше — от ребят или от учителей?

— Достаётся, — улыбнулась она. — И больше от учителей. Ребята-то ничего. А учителя, чуть двойку получу, сразу: «У тебя такой знаменитый дед, а ты двоечница». Или какой проступок совершу, ну там, с девчонками подерусь из-за парней, — тоже: «Полина, у тебя такой известный дедушка, а ты что себе позволяешь?» А мне живётся с ними, как с обычным дедушкой и обычной бабушкой. Только посложнее. Потому что дед постоянно в отъездах, бабушка постоянно печатает. И люди почти каждый день звонят, приходят.

— Кем ты, Поля, собираешься стать?

— Если не получится медсестрой или врачом, займусь бизнесом. А может быть, спасателем стану или каскадёром. Это моя жизнь. Я не могу без этого. Я должна заниматься тем, что опасно. Не люблю сидеть.

— И были такие ситуации, связанные с риском?

— Были. У нас девчонка на скалу полезла, нога подвернулась, и она сорвалась, на руках только повисла. Мы с подружкой полезли её спасать. Сами срывались, но её затащили.

— У тебя, смотрю, в комнате книг много. А дедушкины и бабушкины читаешь?

— Читала и много.

— В какой-нибудь спортивной секции занимаешься?

— Занималась в секциях единоборства и верховой езды. За школу бегаю.

Кроме лошадей (в секцию верховой езды она ходила шесть лет) у Поли есть ещё одно увлечение — собаки. Когда-то у неё была собачка Малышка, от которой теперь есть уже и внуки. Но сейчас в доме собак не держат.

— У дедушки на них лёгочная аллергия, — объяснила Полинка.

Сейчас собаки обитают в голубятне, оставшейся после хозяина, который сменил микрорайон. Вместе с подружками Поля и ухаживает за братьями меньшими.

Как большинство подростков, она обострённо воспринимает всё происходящее вокруг. Однажды ехала с подружками в автобусе, они даже место уступили одной бабуле, а та, увидев их накрашенными, обозвала шлюхами. И вынуждены девчонки и мальчишки искать свои способы самозащиты, порой неадекватные. Особенно их донимает в школе учитель физкультуры, которому ничего не стоит пнуть ребёнка. Так его за это уже «мочили» и парни, и девчата. А тому всё неймётся. Правда, есть и душевные преподаватели, среди которых Полина выделила учительницу русского языка и литературы.

Поинтересовался я и насчёт наркомании. В наших-то уральских городках — Чусовом и Лысьве — она приобретает всё больший размах. Сам находил в своём подъезде использованные шприцы. А как тут, в Красноярске?

— Мне это не грозит. Я уколов боюсь. Хотя кое-кто из моих знакомых уже колется, — ответила Полина.

Во время нашей беседы услышал я от неё новое для себя слово «толкунцы».

— Это те, кто увлекается прошлым: мечами, щитами, доспехами, — пояснила Полинка.

А ещё её знакомые мальчишки занимаются кикбоксингом, изучают историю родного края и даже в театр ходят. Это тоже своего рода «толкунцы».

Ищет себя молодёжь. А мир такой жестокий, столько в нём несправедливости, хамства и лжи, и всему этому надо противостоять. Кем станет, а главное, какой будет внучка писателя во взрослой жизни? Трудно сказать. Но я искренне желаю Полине хороших и верных друзей, интересной, по душе работы, любящего и надёжного спутника жизни. И ещё пусть она бережёт дедушку и бабушку. Они у неё замечательные. Старики худого не посоветуют.

Сам и проводил

Неделя в Красноярске пролетела незаметно, как одно мгновение.

Чем примечателен краевой центр? Это промышленный город с населением около миллиона человек. Сибиряки работают на машиностроительном, химическом, алюминиевом и металлургическом заводах. Есть Красноярская ГЭС, нулевой цикл которой строили эски, а уж потом объявили её комсомольско-молодёжной стройкой.

Предприятия, как и повсюду в России, работают вполсилы, с натугой. С зарплатой задержки. Безработные, бомжи, нищие — это тоже сегодняшний Красноярск. Как-то ко мне подошёл мужчина в поношенном пальто: «Из зоны еду. Ни копейки за душой. Дай хоть на хлеб». Дал. Может, и в самом деле на хлеб, а не на пропой.

В городе много музеев. Мы побывали в литературном музее и в музее-пароходе «Святой Николай», на котором добирался в Шушенскую ссылку Ленин. Плавал на нём и Николай П.

Большое впечатление оставил литературный музей, особенно раздел, посвящённый репрессированным писателям, где сохранились самодельные — из бумаги — шахматы Всеволода Смирнова, отрывки поэм на лоскутах натальной рубахи...

С любовью оформили сотрудники музея комнату, представляющую жизнь и творчество писателя-земляка Виктора Астафьева. На фоне природы и крестьянской избы отражены пути становления писателя. Зал украшает скульптура Сергея Лавренёва, выполненная им по мотивам «Пастуха и пастушки». Рядом экспонаты, посвящённые «Царь-рыбе», разделы «Астафьев и кино», «Астафьев и театр», «Астафьев и музыка». Нет сфер, которые бы не охватил в своём творчестве талантливый литератор.

Пишущая машинка, на которой Мария Семёновна печатала произведения Виктора Петровича, часы, прошлюб — это из экспозиции, посвящённой его верной жене и подруге.

Есть здесь и письма читателей. Вот одно из них: «Я очень люблю читать Ваши книги. Они очень хорошие и интересные. Я увидела Вас по телевизору. Вы были таким грустным, и мне захотелось Вас подбодрить. Ксения Лабазова, шестой класс».

В литературном музее предусмотрены специальные программы и мероприятия для детей детсадовского возраста, школьников и студентов.

Ходили с Виктором Петровичем и в действующую церковь Праксёвьи-мученицы, где мы с Секлетой поставили по свечке. С холма, на котором стоит церковь, открывается изумительный вид на Енисей и город. В центре Красноярска много старинных зданий, их, в отличие от Перми, в период интенсивного строительства сохранили.

Красноярцы показали нам с Секлетиной людьми спокойными, уравновешенными, обстоятельными, приезжому подробно объяснят, как пройти или доехать, к примеру, до рынка, до вокзала. Вместе с тем, на лицах у большинства прохожих некая тень озабоченности, усталости.

Ещё остался в душе неприятный осадок после того, как прошёлся по бесснежному берегу Енисея в Академгородке. Вся тропинка, по которой спускался к воде, усеяна битым бутылочным стеклом, банками из-под пива, рваными полиэтиленовыми кульками. В одном из своих рассказов Виктор Астафьев назвал землю «летающей в пространстве птицей». Здесь, на захламлённом берегу Енисея, подумалось: «Зачем же люди подрезают крылья нашей птице-земле?»

В первый весенний день с утра сбегал в магазин, купил скромный букетик живых цветов и подарил их Марии Семёновне:

— С приходом весны!

Мария Семёновна приятно удивилась и даже сделала изящный книксен.

В этот день, вечером, я уезжал из Красноярска. К обеду Секлета испекла огромный пирог из нельмы. Пекла его в жарочном шкафу электрической плиты «Лысьва-15», изготовленной на нашем металлургическом заводе и установленной в кухне Астафьевых!

Секлета с первого дня приезда, как пчёлка, помогала Марии Семёновне по хозяйству. Она и осталась ещё на недельку, чтобы разгрузить её от домашних забот. Виктор Петрович как-то даже заметил:

— Ты, Секлета, будто от нас и не уезжала.

Посидели. Выпили на посошок. Мне в дорогу отрезали пирога, положили и другой снеди.

За полчаса до отправления поезда подъехал на узике Анатолий, друг Виктора Петровича, и мы троём отправились до вокзала. Анатолий помог занести вещи в вагон.

Прощальные объятия. Виктор Петрович просит передать привет мэру Чусового Виктору Бурьянову, Виктору Семёновичу Хорошавцеву, другу по рыбалке, всем чувовлянам.

Виктор Петрович тяжело поднимался по перекидному мосту, останавливался передохнуть (в этот безветренный день над городом стоял смог). Я провожал взглядом медленно удаляющегося писателя и мысленно желал доброму и мудрому человеку крепости духа и тела.

В вагоне я намеренно задал вопрос соседям по купе Зине и Гале из Минска:

— Кто, на ваш взгляд, самый издаваемый и читаемый писатель в России и Белоруссии?

Они почти в голос ответили:

— Астафьев и Быков.

Это мнение простых людей, а вот патриарх советской литературы Сергей Михалков называл Виктора Астафьева самым великим писа-

телем современности, хотя политические взгляды обоих, мягко говоря, не на одной чаше весов.

... Чем дальше увозил меня поезд от Красноярска, тем ближе и роднее становились мне Виктор Петрович и Мария Семёновна.

Снова в дорогу

Мысль проведать тяжелобольного земляка-писателя Виктора Астафьева возникла у меня после телефонного разговора с Марией Семёновной.

Это было в начале августа 2001 года, когда я только что вышел на работу после отпуска. Помнится, тогда МарСем (так она подписывалась в письмах) отчехвостила меня по первое число: дескать, что же ты, Гена, не написал, не поддержал Виктора Петровича в трудную минуту. И добавила:

— Отовсюду, даже из-за границы, шли письма с сочувствиями и пожеланиями здоровья Виктору Астафьеву, а из Перми и Чусового, где писатель провёл столько лет, — ни звука...

Справедливое замечание.

Нет, я не пропускал ни одной вести о болезни Виктора Астафьева, переживал за него. А написать попросту не решался, не хотел лишний раз тревожить писателя. Думал: до моего ли письма в те дни Марии Семёновне и Виктору Петровичу? Оказалось, напрасно не написал.

Вдруг коллега, редактор многотиражной газеты «Фанерщик Прикамья» из посёлка Уральский Татьяна Слотина, большая поклонница таланта Виктора Астафьева, предложила съездить в Красноярск, передать приветы от земляков-уральцев и просто чем-то помочь.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик, позвонил Марии Семёновне. И услышал:

— Приезжайте! Ждём.

К сборам подключилась редактор «Чусовского металлурга» Людмила Максимовна Ковригина. Мне, как посланцу завода, оформили командировку на десять дней. Исполняющий обязанности генерального директора металлургического завода Анатолий Александрович Карпов без проволочек, подписал распоряжение о выделении больному писателю материальной помощи в размере пяти тысяч рублей.

В те дни было уже известно, что усилиями депутатов-коммунистов Законодательное собрание Красноярского края отказало классу русской литературы Виктору Астафьеву в дополнительной

ежемесячной пенсии в размере 3500 рублей из краевого бюджета.

Это возмутило всех здравомыслящих людей. И не случайно, когда о моей предстоящей поездке к известному в России и за рубежом писателю узнали чусовляне и лысьвенцы, мои земляки натащили столько подарков и посланий, что они едва уместились в рюкзаке и двух огромных сумках.

Словом, собирали меня всем миром.

И вот я пригородным поездом отправился до Перми, где встречу с Татьяной, и вместе с нею поеду дальше, в Красноярск.

Пляжу в окно. На угор, почти к самой железной дороге, выбежали провожать меня берёзки, машут руками-ветками: «Счастливого пути!»

Так и мы, мальчишки, выбегали в детстве к проходящим поездам, глядели на прильнувших к окнам пассажиров и махали им вслед:

— До свиданья, до свиданья!

И так на сердце радостно становилось, когда и нам в ответ иной пассажир помашет рукой.

Теперь, увы, никто из ребятишек не выбегает к поездам. Да и в самих вагонах всё реже слышишь звонкие детские голоса. Докатилась Россия до смертности, превышающей рождаемость...

По вагону дважды прошёл неказистый мужичок бомжеватого типа с дешёвенькой сумкой в руках. В сумке побрякивали пустые бутылки.

Проходя мимо пассажиров, мужичок наметанным глазом окидывал свободные места: не оставил ли кто на скамейке или под ней пустую стеклотару? Эх, простой народ и опорожнённой бутылке рад...

Ближе к Перми в вагоне появилась невысокого роста женщина с огромной на колесиках сумкой:

— Пирожки с капустой, картошкой. Пиво, мороженое!

Её сменил шустрый молодец с пачкой газет:

— Уважаемые пассажиры! Предлагаю газету «Империал». Она издаётся только в Екатеринбурге, в киосках её в продаже нет. В сегодняшнем номере: СПИД добрался до министров, подробности биографии Валентина Гафта. А также анекдоты, кроссворды, гороскоп.

Сработала реклама. Купил. Научились торговать и у нас. Жизнь заставила.

На вокзале, в условленном месте, встретил Татьяну Слотину, распоронную, средних лет женщину с огромной сумкой.

Наш поезд Москва — Иркутск прибыл в Пермь с опозданием на сорок минут. Но ничего, главное — пришёл. Устроились, поужинали и улеглись спать. Проснулись уже в Тюменской области. Наши соседи

по купе — Тоня из Норильска и омич Геннадий. Узнав, что мы едем в гости к Астафьеву, они попросили передать привет писателю и от них.

— Пусть скорей поправляется, — пожелала Тоня.

— Я с удовольствием перечитываю его «Царь-рыбу», — сказал Геннадий.

— Кланяйтесь Виктору Петровичу от меня.

За станцией Называевской увидел поле с поднятой зябью. Сердце радостно ёкнуло — живы крестьяне! И даже вперёд заглядывают, коль об урожае будущем заботятся. А Тоня заинтересовалась другим:

— Почему вороны выют на берёзах гнезда возле самой железной дороги? Ведь от поездов такой шум.

— Хитрые птицы, — заметил я. — Они давно приспособились к цивилизации, сами жмутся к человеку, от которого им кое-что перепадает — те же остатки пищи, что из окон выбрасывают пассажиры.

Познакомились и с Антониной Васильевной Лекомцевой из соседнего купе. Приятная старушка восьмидесяти лет. Едет с внучкой из Закамска к родственникам в Иркутск. В прошлом учитель истории, 37 лет стажу. Тоже оказалась поклонницей Виктора Астафьева:

— Я ночами не спала, зачитывалась им. Писатель правдивый. И человек честный, бескорыстный. Дай бог ему здоровья.

У Антонины Васильевны, дочери репрессированного отца, бесплатный проезд. Вчера она чуть не стала жертвой пьяного в дымину командировочного, свалившегося на неё с верхней полки.

Проехали полустанки с красивыми названиями: Красная Речка, Клубничная, Грибная, Рябиново. Интересно, а если грибник сойдёт на Клубничной, собирает он грибов или ему придётся довольствоваться только клубникой?

Погода изумительная: небо голубое, без единого облачка, на тронутых позолотой берёзах лист ещё не весь опал. Даль прозрачна и чиста. Однако ближе к Ачинску картина резко меняется — груды металлолома, ржавая техника, сваленные в беспорядке деревья заполонили пристанционную улицу одного из посёлков. Не за что глазу зацепиться за что-нибудь светлое. Неужели людям приятно жить среди хламья?

Гостинцы с Урала

Вот и Красноярск, знакомый мне по первой поездке. С трудом, как навьюченные верблюды, пробираемся к выходу в город.

Тут и таксист подскочил:

— Подвезти?

Переглянулся с Татьяной. Поедем. Бог с ним, со стольником. Скорей бы увидеться с Астафьевыми.

Мы удачно добрались до гостиницы, откуда я сразу позвонил Марии Семёновне.

— С приездом, Гена! — обрадовалась она. — Давайте немедленно к нам!

Через час эта добрая женщина вовсю хлопотала вокруг нас:

— Проходите, раздевайтесь. Как доехали?

Объятия, расспросы — всё как три года назад. В прихожей то же самое старенькое трюмо с двумя тумбочками, та же на стенке картина Ильи Глазунова, подаренная автором Виктору Астафьеву.

Мария Семёновна так же приветлива и гостеприимна, как прежде. На правой руке её забинтован указательный палец.

— Рыбу чистила, — пояснила, — и костью уколола. Что-то плохо заживает.

Я всё оттягивал момент встречи с Виктором Петровичем. Перед отъездом в Красноярск я побывал у Леонарда Дмитриевича Постникова, друга семьи Астафьевых, и слышал, что состояние здоровья писателя довольно сложное, будто бы совсем не встаёт. Не хотелось видеть Виктора Петровича — на людях бодрого, сыпающего прибаутками, каким запомнился в первый приезд, — немощным.

Мария Семёновна словно угадала мои мысли:

— Проходите, поздоровайтесь с Виктором Петровичем. Ждёт он вас.

Астафьев лежал в домашней библиотеке на железной кровати.

— Из больницы, — сказал он, — койку привезли.

Обнялись. Я представил Татьяну. Виктор Петрович засуетился:

— Ну вот, гости с Урала прикатили, а я тут разлёживаюсь. Неладно ведь, сейчас встану.

По улыбке, по хрипотце в голосе — всё тот же Астафьев. Он присел на кровати. Встал и, опираясь на тросточку, неспешно перешёл к столу. Сел на стул. Я спросил:

— Начнём с гостинцев?

— Тащи.

Мы с Татьяной перенесли из прихожей рюкзак и сумки. На стол из них перекочевали сушеные грибы, соленья-варенья Постниковых и няни детей Астафьевых — Секлеты,стряпня моей жены, свежие газеты Чусового и Лыссы, подарочные книги от главы администрации Чусового Виктора Бурьянова и генерального директора ЛМЗ Влади-

мира Ганьжина, набор эмалированной посуды от лысьвенских металлургов.

— Ух ты, какую посуду стали выпускать в Лысьве! — воскликнул Виктор Петрович.

Достал и красиво оформленные фотоколлажи директора дома-музея В. П. Астафьева в Чусовом Владимира Маслянки, юбилейные с эмблемой завода кружки, книгу «Лысьвенская шкатулка» Василия Балицкого с дарственной надписью автора, письмо и газетные зарисовки известного в Лысьве природолюбца Геннадия Сулова. Геннадий Петрович, передавая мне свою скромную посылку, с завистью заметил: «Как здорово! Ты к такому великому человеку едешь, общаться с ним будешь. А мне бы хоть бы разик живую его увидеть, постоять с ним рядышком...»

Татьяна подарила Виктору Петровичу и Марии Семёновне свою книгу о посёлке Уральском и тружениках фанерного комбината с мастерски выполненными снимками (что и отметил Виктор Петрович!) нашей уральской природы, реки Камы.

Все подарки сопровождалась душевными письмами с искренними пожеланиями здоровья земляку-писателю и его жене. Если приводить тексты каждого послания, дня не хватит. Но одно из писем зачитал полностью:

«Дорогие Виктор Петрович и Мария Семёновна! Примите искренний привет от чусовских металлургов. Дошло до нас известие о нездоровье Виктора Петровича. Решили для поддержания духа послать к вам гонца-журналиста нашей заводской газеты Геннадия Вершинина. Он привезёт вам наш поклон, расскажет, чем живёт ваша литературная родина.

В Чусовом, как было и раньше, металлургический завод — главный кормилец городского бюджета, Чусовское отделение дороги закрыли. Лесники всё, что можно было вырубить, вырубали. Завод же стоит на ногах крепко. Чусовской металл, рессора востребованы на рынке чёрных металлов. Этим живём и планы на будущее строим. Задумали и уже начали большую реконструкцию. Намереемся к 2007 году капитально обновить производство.

Поправляйтесь и приезжайте полюбоваться на чистое чусовское небо. „Лисьих рыжих хвостов“, которые пока ещё „украшают“ чусовской пейзаж, тогда уже не увидите. И шлаковых отвалов на Усьве поубавится. Мы их начали перерабатывать на строительный щебень. Так что выздоравливайте, Виктор Петрович, скорей, набирайтесь сил. Вы нам очень нужны.

Послевоенный Чусовой Вы с Марией Семёновной воссоздали в своих произведениях. А кто новый Чусовой увековечит для потомков? Желаем Вам бодрости и силы духа!

Почитатели Вашего таланта — исполняющий обязанности генерального директора Чусовского метзавода Анатолий Карпов и председатель профкома Владимир Гамбург».

Прочитав ещё и послание коллег-журналистов из «Чусовского рабочего», я передал Виктору Петровичу от заводчан материальную помощь.

И он... заплакал:

— Извините, слезливый я стал.

И чтобы как-то переключиться, Астафьев придвинул к себе маслянокские фотоколлажи.

— Ты смотри-ка! — воскликнул Виктор Петрович. — Это же Гена Блинов. А вот Серёга Балахонов. И я тут. Все из «Чусовского рабочего». Чё-то выбежали, на полянку улеглись, тут нас кто-то и щёлкнул.

— Давайте-ка чай пить, — предложила Мария Семёновна.

Почаевничав, мы, боясь переутомить Виктора Петровича, уехали ночевать в гостиницу.

С утра, 7 октября, съездили на вокзал за билетами. Купить не удалось: на проходящий поезд надо брать билет за день-два до отправления.

Обедали у Астафьевых. Мария Семёновна угостила «Токаем», и сама не отказалась от рюмочки. Виктор же Петрович после инсульта спиртного в рот не берёт. Врачи не разрешают. Да он и сам на рожон не лезет:

— Выпить-то недолго, но ведь и загреметь можно сразу туда.

После обеда предложил Марии Семёновне помочь по дому, по хозяйству.

— Не беспокойся, Гена, найдётся тебе работёнка, — улыбнулась Мария Семёновна. — Раз приехал, так я ведь найду, чем загрузить тебя. Ручку надо в ванной на стене приспособить, чтобы Виктору Петровичу удобнее было вставать из ванны...

Почти до полуночи засиделись с Марией Семёновной на кухне.

Говорили «за жизнь». Мария Семёновна с теплотой вспоминала родной Чусовой, людей, с которыми её сводила судьба: няню Секлету, крестных Серафиму Андреевну и Алексея Ефимовича Ходыревых.

— Вот за могилкой моего брата Сергея Семёновича ты, Гена, при-

смаatrиваешь. Спасибо. А за могилами моих крестных ухаживает ли кто-то?

Вопрос, увы, повис в воздухе, и Мария Семёновна с болью поведала о том, что сгорел в Быковке, на Сылве, их домик, где Виктору Петровичу так хорошо писалось и куда приезжало к ним столько интересных людей, писателей. Будто снова пережила и вологодский период жизни:

— Был в моей судьбе такой момент — совсем невольно стало. Витя в ту пору уехал к себе на родину в Овсянку. То ли вернётся ко мне, то ли нет. И я решила. Целую горсть снотворных таблеток развела в стакане. Помолилась. За стаканом — он на краю стола стоял — потянулась и по неосторожности столкнула его на пол. Стакан — в мелкие дребезги. И тогда я опомнилась. Что же я делаю?

Правда, когда приехала в Овсянку, тоже ведь несладко поначалу было. Соберусь стирать — тётки Виктора Петровича рядом на лавочку усядутся и во все глаза за мной наблюдают. Выжму я рубашку крепко — одна из тёток и скажет: «Вот она и мужем также крутит». Я тогда полегче стала выкручивать. Другая тут же заявляет: «Что, посильнее-то отжать — руки отсохли что ли?» А кто-то из родственников спрашивает: «Ты Виктору какой по счёту женой приходишься?»

Слушал я Марию Семёновну и поражался: столько на её долю выпало испытаний, потерь, а она не сломалась, держится, хотя, как сама говорит, «разум порой не всегда стыкуется с сердцем». Да за такие работоспособность и стойкость Марию Семёновну в пору заносить в Книгу рекордов Гиннеса.

И в эти дни, пока гостили у Астафьевых, я не видел, чтобы Мария Семёновна прилегла днём отдохнуть. Она в постоянных хлопотах.

При всей этой суете Мария Семёновна остается очень чуткой и внимательной к мужу и к гостям, для которых она настоящий ангел-хранитель.

Я раз засобирался на улицу покурить, так Мария Семёновна и тут углядела:

— А что там мёрзнуть-то? Кури на балконе. Там и виноград есть. Поешь.

И когда спать укладывался, так Мария Семёновна ещё и плед принесла:

— Вдруг ночью прохладно будет.

Ах, добрая, заботливая... Чуть было не написал «мама». И, пожалуй, не ошибся бы. Ведь я был окружён поистине материнской заботой.

Бабы командуют

На другой день зашли с утра отметить командировки в редакцию газеты «Красноярский рабочий». Заместитель главного редактора Игорь Рак, узнав, кто мы и откуда, подозвал корреспондентку:

— Наташа, ты у нас астафьевед. А тут гости к нему с Урала приехали. Напиши информацию.

Наталья Сангаджиева порасспросила нас о том о сём и, когда мы сказали, что собираемся съездить в Овсянку, договорилась с транспортом для нас:

— К двум часам подходите, на нашей «Волге» съездите.

И, действительно, в третьем часу молодой водитель Сергей Стефанюк вёз нас с Татьяной в Овсянку. Он рассказывал о достопримечательностях Красноярска и его окрестностей:

— С этой смотровой площадки, — кивнул Сергей на высокий угор, — можно сделать неплохие снимки с видами на Енисей.

Сам Сергей — заядлый рыбак. Недели полторы назад принёс домой почти полное ведро хариусов. Что ж, неплохое подспорье для семьи. Жена-то его — врач с высшим образованием, но получает весьма скромную зарплату.

На родине писателя побывали в знаменитой Овсянской библиотеке, «соединившей прошлое и будущее, вобравшей в себя мудрость народную и передающей её новому поколению». С приездом в родное село Виктора Астафьева эта сельская библиотека-музей стала истинным центром духовного развития сельчан. За последние годы здесь побывало множество политиков и деятелей культуры России: Михаил Горбачев и Борис Ельцин, Никита Михалков и Александр Солженицын, Валентин Распутин и Сергей Залыгин, оставившие в книге отзывов добрые слова и пожелания.

Библиотека создана прежде всего для юных читателей Овсянки, близлежащих посёлков Слизнево, Молодёжного и города Дивногорска. Здесь дети занимаются в театральной студии, для них проводят литературные викторины и встречи с интересными людьми.

Есть уже проект постановления администрации края об объявлении посёлка Овсянки заповедным местом, но пока каменные строения «новых русских» теснят деревеньку к воде.

С хранителем фондов библиотеки Валентиной Швецовой мы побывали у двоюродной сестры Виктора Петровича — Капитолины Тимофеевны. Она выписала для Астафьева полмешка картошки, кабачки, тыкву, морковь, соленья-варенья.

Капитолина Тимофеевна съездила с нами на могилку Ирины, куда мы возложили цветы.

Вернувшись в Академгородок, поведали о поездке Виктору Петровичу, и он опять взгрустнул:

— А я-то уж сколько у дочери на могилке не был...

9 октября купили билеты на скорый поезд Благовещенск — Москва. Стоимость одного билета от Красноярска до Перми 940 рублей. Это в два с лишним раза дешевле, чем на фирменном поезде, которым ехали вперёд (тогда один билет обошёлся в 2132 рубля), но почти в четыре раза дороже по сравнению со стоимостью билетов трёхгодичной давности. Вот такой «прогресс» с ценами на железнодорожные билеты.

Потом побывали в литературном музее, сходили в церковь и поставили по свечке за здоровье Виктора Петровича и Марии Семёновны. И поехали в Академгородок, к Астафьевым.

На берегу Енисея — благо была солнечная погода — Татьяна сделала несколько снимков. В этот день сфотографировались также с Виктором Петровичем и Марией Семёновной у них в квартире.

В доме находилась молодая сиделка Надя. Она позвала Виктора Петровича на зарядку, проводимую с ним ежедневно.

Надо было спуститься на площадку, и я пошёл за ними, чтобы в чём-то помочь писателю, и услышал, как Надя в довольно-таки решительной форме сказала Астафьеву:

— Это что такое, Виктор Петрович? Вы сегодня ленитесь. Ну-ка, левой ногой посмелее ступайте. Что Вы её волочите?!

Виктор Петрович, опираясь на тросточку, ухмыльнулся:

— Вот, Гена, до чего я дожил. Бабы командуют.

С моей подстраховкой он преодолел девять ступенек. Передохнул и стал делать упражнения. Обрато после зарядки вернулся в квартиру сам, держась за перила.

Тяжело переживал Виктор Петрович свою немощь. Как-то пришла из поликлиники медсестра, села в домашней библиотеке с Виктором Петровичем за стол, разложила на нём деревянные кубики, шарики и прочие мелкие детали и попросила Астафьева левой парализованной рукой брать их, складывать в фигурки — для разработки пальцев. Получалось это у него с трудом. Мы с Марией Семёновной стояли рядом, смотрели.

Виктор Петрович гневно зыркнул на нас и довольно резко, жёстко прикрикнул:

— Ну, чё устались? Чё не видали? Заняться вам что ли нечем?

Никогда я не видел Виктора Петровича таким раздражённым. Марию Семёновну и меня будто ветром сдуло.

После я осознал поведение Астафьева: да просто Виктору Петровичу, раньше жизнерадостному и неунывающему, не хотелось выглядеть в глазах окружающих слабым, физически зависимым от других...

В этот вечер я по просьбе Марии Семёновны ремонтировал трюмо, расшатавшиеся стулья. Пока этим делом занимался, подумал: «Видать, не настолько Астафьевы богаты. Будь они таковыми, не проще ли было заменить устаревшую мебель новой?»

Вспомнилось, как Мария Семёновна нанимала специалиста обтянуть старенький диван. Это было три года назад, когда мы гостили с Секлетой. Новый русский наверняка выбросил бы старьё и купил что-то более современное. И как-то во время ужина, слово за слово, разговор вновь коснулся этой темы.

— Люди думают, что мы богатые выше головы, — Мария Семёновна потянулась за чайником. — А я уж и не отпираюсь. Надоело. Да, я приготовила себе всё смертное. И даже на похороны откладывала 15 тысяч рублей. Только я в эту заначку уже раза три заглядывала: то на лекарства, то ещё на что-нибудь. Ну да ладно. Гена, тебе ещё чаю подлить?

— Чё вы мужика чаем-то потчуете? — встрял Виктор Петрович. — Ему покрепче чего надо. И сварите-ка завтра уху из хариуса.

На другой день, действительно, Надя-сиделка сварила уху.

— Как сибирский хариус, Гена? — спросил после обеда Виктор Петрович.

— Хороша, — говорю, — уха из хариуса.

А Астафьев рассмеялся:

— И ты такой же. Бабы перепутали — они же из сига уху сварили. И ты, рыбак, туда же: «Хороша уха... из хариуса».

У него свой Бог

В предпоследний перед отъездом день, 10 октября 2001 года, нам удалось с Татьяной подольше побеседовать с Виктором Петровичем. Этому поспособствовала Мария Семёновна. Видит, что мы мнёмся, сама и предложила:

— Идите, пока он за столом сидит. Пообщайтесь. Вы же завтра уезжаете.

Ну, мы с диктофонами и подсели к Астафьеву, стали по очереди задавать ему вопросы.

— Виктор Петрович, — начал я, — как Вы относитесь к последним событиям? Американцы развернули операцию «Возмездие», бомбят города Афганистана. Это что? Ведь снова будут «прокляты и убиты»...

— Не поймёшь, — Астафьев задумался. — Наши вроде бы стараются не втягиваться в войну эту. Но ведь это всегда происходит против воли народа. А что касается теракта в Нью-Йорке, так это Америка пожинает свои плоды за Хиросиму и Нагасаки, за Вьетнам и Ирак, за Югославию. Даром такие вещи не проходят.

На более мирный вопрос Татьяны (об отношении писателя к творчеству жены) Виктор Петрович с улыбкой ответил:

— Я не всё читал у Марьи Семёновны. Из написанного мне нравится её повесть «Отец». Когда-то она мне дала эту рукопись. Я сказал: «Ну пиши, время найдёшь дак». И она находит его между.. стиркой и варением щей.

— Мария Семёновна говорила нам, что Вы попробовали наговорить на диктофон новую повесть. О чём она?

— Это давно выношенная повесть о деревне и о собаке, которую я туда привёз. Но ничего не получается. То, что я надиктовал, потом расшифровали, прочитал — текст чужой. Я не приспособлен для работы с какими-то машинами. Ручка у меня — главный инструмент. Я и на машинке-то не умею печатать. Марья Семёновна всё печатает.

— Говорят, женщине столько лет, на сколько она выглядит, — сказала Татьяна. — А как определить возраст писателя? По написанным книгам? Наградам?

— Писатели... Большинство всё-таки умирает рано. Это работа на износ. То, что я прожил столько лет, семьдесят семь, — это я добираю мамин непрожитый век. Она погибла в двадцать девять лет. Вот здесь недалеко её нашли, на той стороне Енисея...

— Виктор Петрович, к существующим библейским заповедям Вы бы добавили что-то своё? Или не стоит?

— Нет, не стоит. Те заповеди, которые уже были, коммунисты пытались приделать к себе, добавляли одно-два слова. А они остались, какими и должны остаться: не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего, работай в поте лица своего и будешь счастлив трудом своим... Есть вечные истины. Кто их придумал — мудрый человек.

— Многие учёные, писатели задумываются над обустройством России. Откуда, на Ваш взгляд, пойдёт её возрождение?

— Да из самой же России, где бы ни жили: на Урале, в Сибири, в Поволжье... Лишь бы не мешали, особенно крестьянам. Сейчас им земельные наделы дали. Кто их забросил, пусть и ходит, в ящиках мусорных побирается. А кто хочет работать... Вот у нас в Новосёловском районе неподалёку отсюда урожай ниже 20 центнеров с гектара не получают. Это отец с сыном и семьями своими живут одним хозяйством. Есть у них свои комбайны, трактора, автомашины. Я ехал однажды в дождь, снег. Везде хлеб стоит, погибает. А тут смотрю — поля убраны. Спрашиваю: «Чьё это?» Мне называют фамилию этих фермеров, забыл её. Так вот у путного хозяина-хлебопашца всё есть — даже ГСМ с запасом на следующий год.

— Если бы встретились два участника Отечественной войны, к примеру, ваш Щусь из «Проклятых и убитых» и Андрей Болконский из «Войны и мира», нашли бы они общий язык?

— Какой неожиданный и трудный вопрос ты задал, Гена. Наверное, точек соприкосновения у этих героев было бы очень мало. Думаю, что уровень наших офицеров гораздо ниже, чем у Болконского — нравственно и духовно. Получается, будем считать, «Жестокие романсы». Рассказ такой у меня есть о знакомом офицере. И вообще, говорят, что люди девятнадцатого века, перемести их в наше время, прожили бы на земле в наших климатических и экологических условиях всего восемь месяцев. Задохнулись бы.

— На ваш взгляд, свободнее ли стал человек в нынешней России?

— Человек настолько свободен, насколько себе позволяет. Кто хотел, тот и при советской власти был свободен. Было таких полно, я знаю. А если хотят быть рабами — у нас и их тоже много. «Шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения». Пожалуйста, у нас желающих море и стрелять, и шеренгами по четыре в ряд ходить на лесоповал. Правда, уж рубить-то почти нечего. Дорубают... Себя я всегда считал внутренне свободным человеком.

Я не вступал ни в пионеры, ни в комсомольцы, ни в партию. Это время тратил на другие полезные дела: читал много, как-то совершенствовался. А иные как были дикарями, так ими и остались: бегают со знамёнами, портретами, хотят вернуть прошлое, которое они хвалят. Забыли они всё: наши жилища, наши больницы, пустые прилавки... А ведь и ребятишки наши верят, что в прошлом было хорошо. И очень немного тех, кто верит в будущее. И учатся они качественно лучше, о чём говорила и моя знакомая Галина Семёновна Шленская, профессор государственного педуниверситета. Она недавно в гостях у меня была.

— Не кажется ли Вам, Виктор Петрович, что сейчас идёт борьба не коммунизма с капитализмом, а борьба религий? — обратилась к писателю Татьяна с явно не «женским» вопросом.

— То, что сейчас происходит, удивительно. Всем нам сулили мирный двадцать первый век, а он начался сразу так бурно, жестоко. В двадцатом веке только четырнадцать лет не было войны, но хоть их прожили спокойно, а сейчас — без передышки. Мир явно раскололся на две половины — мусульман и христиан. Причём у мусульман, по сравнению с нами, больше преимуществ: они не пьют, не курят, жён держат в кулаке, дисциплина — будь здоров. Идут, идут, посреди улицы бух на колени, молятся. И тут они на какое-то время отключаются от действительности, от хамства. Хотя бы в это время покой у них на душе. А как с христианством будет, я не знаю. Потому что уж очень тесно власти христианские переплелись с властью действующей...

Когда-то на том месте, где сейчас администрация, где губернатор заседает, был самый большой собор в Красноярске. Его в тридцать девятом году взрывали в несколько приёмов. Рвали так, что во всей округе вылетали стёкла из окон. Сейчас тот собор, конечно, не восстановить. Но где люди берутся за восстановление — Бог им помогает. Сейчас заканчивается реставрация одного из соборов, где раньше был пушной склад, в котором на одиннадцать миллионов(!) рублей сгноили пушнины. В Базаихе на пути в Овсянку облагородили монастырь, а раньше был склад утильсырья...

У меня, как, наверное, и у каждого, свой Бог. Это не значит, что я идолопоклонник. Но в душе верую. Бабушка научила меня маленького молиться, окрестила меня. Причём крещён я дважды. Я никогда не изменял своего отношения к вере. Ни вправо, ни влево не шёл. Просто был спокоен. И это спасло меня на фронте. Не раз и не два. Казалось, порой уже край, смерть подходит, — нет, опять кто-то свыше руку помощи подаёт, знак какой-то и отводит меня от ямы-пропасти. У меня свой Бог. Я по-своему его ощущаю, по-своему вижу. Бог — дух. А дух у каждого свой.

— Кого из писателей Вы более всего уважаете, цените?

— Назвать трудно, половина поумирала. А новых не знаю. Но это всё те же, кого я любил, кому не изменял своих привязанностей, — Распутин, Солженицын, Вася Белов, Евгений Иванович Носов — друг мой.

— У Вас прекрасная проза. Вы один из последних прозаиков классического типа. А за Вами-то никого нету...

— Ну как нету? Будут. Всякие будут. Просто, может, сейчас какая-то остановка, какое-то замешательство. Но это было и не раз в нашей истории, в нашей литературе. Какой-то сбой жизненный. Измельчала жизнь — измельчала литература. Но наладится жизнь — наладится и литература.

— Если Вам друг стреляет в спину, Вы делаете ответный выстрел?

— Да, бывало, предавали меня. Я просто переставал замечать такого человека, переставал считать его знакомым, наказывал не пускать домой. Всё. Больше я с ним не знаком, не знаю, — Астафьев вытер полотенцем вспотевший лоб.

— Виктор Петрович, — от меня не ускользнул его жест. — Мы Вас, наверно, уже утомили...

— Есть немного.

— Ну, тогда последнее. Что передать вашим землякам из Чусового, Лысьвы?

— И чусовляне, и лысьвенцы пусть знают, что я их очень люблю. А что иногда «прокачусь» по ним, так это местная пресса приучила их по шёрстке гладить. А кто чуть против шерсти, тот уже и враждебен им. Нет, я очень хорошо отношусь к уральцам. Всё также тоскую по этим местам, как дети мои тоскуют. У меня сын Андрей или тот же Курбатов — как приедут, так бредят Чусовым. А годы там прожиты тяжёлые, трудные. Ну и что ж? Это не забывается. Как сложилась жизнь — её назад не повернёшь. И пусть меня земляки извинят, что у меня язык заплетается. Но я не пьяный, не пью уже давно. Просто болезнь такая постигла. Какое-то время вообще не говорил. Или говорил так, что не разберёшь совсем. Что пожелать? Пусть плавят металл, перестраивают завод, город, убирают дымы. Пусть всё благоустраивается. Пусть берегут реки — у чусовлян их три. Особенно Чусовую пусть берегут. Мы «берегли» в своё время, там лес весь повырубили, сплавать нечего стало. Здесь, на Мане, я сплав леса остановил, помог властям. Не отступился, пока не остановили. И сейчас Мана ожила, берега зелёными стали. Но опять туристы на неё навалились, столько за собой мусора оставляют, огня, пепелищ. Мы ведь не успокоимся, пока всё не погубим. А Мана наша, как и Чусовая, величиной и красотой необыкновенная...

— Спасибо, Виктор Петрович. Дай Вам Бог здоровья. Поправляйтесь скорее, — благодарим Астафьева за беседу.

Тогда мы ещё не предполагали, что наше интервью с писателем станет последним...

Перед отъездом

На дорогу Виктор Петрович дал нам по паре своих последних книг с автографом. Свои книги подарила и Мария Семёновна.

Татьяна вручила Марии Семёновне и Виктору Петровичу цветы, сердечно попрощалась и уехала в гостиницу упаковывать вещи, закупать в дорогу провиант, а я остался до вечера.

Проводил Марию Семёновну до больницы — к хирургу на приём она собиралась попасть.

— Меня не дожидайся, — сказала Мария Семёновна. — Вдруг Виктору Петровичу помощь понадобится. Он сегодня помыться хотел.

Но обошлось без меня: дюжие ребята-массажисты из поликлиники приходили, подсобили.

Забегала Полинка (она живёт отдельно, учится на физкультурном факультете в колледже), посекретничала с бабушкой, та ей положила в сумку картошки и прочей снеди. На прощанье Полинка заглянула к Виктору Петровичу:

— Деда, как дела? Поправляйся. Я побежала.

Стал и я собираться. Книги, статьи из «Красноярского рабочего», отскерокопированные Марией Семёновной, подарки для Секлеты — всего набралось порядочно опять. Я поблагодарил хлопотунью Марию Семёновну, вернувшуюся из больницы, за гостеприимство. Виктор Петрович, отдохавший в другой комнате, услышал:

— Гена, а ты что? Ко мне и попрощаться не зайдёшь?

— Ну что Вы, Виктор Петрович? — Я подошёл к его кровати. — До свидания, держитесь. Вашему брату, фронтовикам, стойкости не занимать. Так что всё у Вас направится. Извините, коли что не так. Нашумели, поди?

Мы обнялись. В горле запершило: не люблю прощаться, и я шагнул к прихожей.

— Постой, зайти в мой кабинет, — остановил меня Астафьев. — Там на приступочке найдешь книгу «Благоговение». Неси её, подпишу.

Из всех изданных произведений писателя книга «Благоговение», выпущенная к 75-летию автора, уже стала редчайшим изданием: тираж её всего лишь 1000 экземпляров, разошлась в качестве подарков друзьям и знакомым.

— Спасибо, Гена, что приехали, — Виктор Петрович размашисто расписался на подаренной книге. И пожал руку.

Мария Семёновна проводила меня до дверей.

Я вышел из подъезда. Поёжился. Моросил мелкий дождь. С Енисея дул порывистый ветер. А перед обедом даже снежок пролетал. Надо же, все дни, пока гостили, стояла благодатная погода, а как уезжать — заморозило. Метров двадцать не дошёл до автобусной остановки, когда увидел набирающую ход «тройку». Я с досадой развёл руками. Шофёр заметил мой жест и тормознул.

Наш поезд № 249 Благовещенск — Москва задерживался на... десять часов. Пути там, что ли, так тщательно проверяют, ремонтируют? Или колеса спустили? Накачивают. Поди, разберись.

Сдали мы с Татьяной вещи в камеру хранения. Прошлись по магазинам. Всё, примерно, то же самое, что и у нас на Урале, только чуть дороже.

На одной улице наткнулись на павильончик, на котором вприпрыжку друг к другу красовались две вывески: «Каравай» (свежий хлеб) и «Соблазн» (нижнее женское бельё). Весьма забавное соседство! Посетили краеведческий музей, заехали попрощаться к коллегам из «Красноярского рабочего». И снова на вокзал.

Ближе к одиннадцати часам вечера мы разместились на своих плацкартных местах.

«Вот и снова вагонная полка, и на стыках колес перестук». Мыслями же мы всё ещё в Красноярске, у Астафьевых. И не только мыслями. Мы словно продолжаем беседовать с Виктором Петровичем и Марией Семёновной. Татьяна уткнулась в книжку «Сколько лет, сколько зим!» Марии Семёновны. А я читаю «Благоговение» Виктора Астафьева.

Так, вчетвером — Виктор Астафьев, Мария Астафьева-Корякина, Татьяна, я — мы и доехали до Перми.

В Перми я простился с Татьяной, сел в пригородный поезд Пермь — Лысьва и продолжил читать Виктора Астафьева.

Удивительная штука. Чем глубже я вчитывался в затеси из подаренной книги, тем больше у меня появлялось ощущение, будто не я читаю написанное, а сам Виктор Петрович сидит рядом и рассказывает что-то наболеевшее, тронувшее его душу:

«Я был на рыбалке, на зимней, на уральской реке Кутамыше. Нахлебавшись чистого воздуха, уработавшись при долбёжке и сверлении льда, едва приволок ноги в избу, где рыбаки, будто бойцы на фронте, спали вповалку, где кто упадёт и втиснется меж телами... Вдруг что-то переменялось в беспросветной ночи, забыл я про всё на свете, и даже позывы

до ветру во мне остановились. Радио над кроватью могучим, каким-то упругим, буревым голосом взывало:

— Лю-ю-юди мира, на минуту встаньте, слушайте!..

Это было потрясающе-редкостное в наши дни, да и небывалое откровение иль явление искусства. Весь огромный и блистательный концерт прослушал я, затаившись во тьме, плача от восторга и укрепляющейся уверенности, что ничего, мы ещё подержимся, мы ещё поживём, мы ещё...»

Я выглянул в окно — Алебастрово. А ведь от этой станции зимней тропой хаживал Астафьев до Кутамыша, где и родилась у него эта затесь. По этой же самой тропе и я добирался на лыжах до деревни. Возможно, мы и ночевали в одной и той же избе, только в разное время. И я на берегу реки, у костра ощущал «ту долгожданную миротворность в природе, когда слышно лишь младенчески чистую душу её».

Поезд тронулся дальше. Мимо окон поплыли берёзки и осинки. Большинство из них уже скинуло яркий осенний наряд. Другие же ещё стояли во всей красе.

Деревья, как и люди, все разные, по-своему встречают надвигающееся предзимье. Дунул ветерок, и вот ещё один жёлтый листочек закружился в воздухе. Сколько раз я пытался подглядеть именно тот момент, когда листок отрывается от ветки. И ни разу не удавалось увидеть. Вроде гляжу, не мигаючи, на выбранный мною лист, но с порывом ветра «мой» остаётся на ветке, а соседние, крутанувшись, светлыми звёздочками падают на остывшую землю. Видно, не хочет лист, чтобы за ним наблюдали в момент ухода его из жизни. Это тайна. Так и у человека душа отлетает тихо, незаметно.

Тут я вспомнил, что у Астафьева тоже есть миниатюра об осеннем листе. Может, он её и в «Благоговение» включил? Смотрю оглавление. Точно! «Падение листа» — так называется затесь. Глаза сразу выхватили пронзительные по своей сути строчки:

«Медленно, неохотно и в то же время торжественно падал он, цепляясь за ветви, за изветренную кожу, за отломанные сучки, братски приникая ко встречным листьям, чудилось: дрожью охвачена тайга, которой касался падающий лист, и голосами всех живых деревьев она шептала: «Прощай! Прощай!.. Скоро и мы... Скоро и мы... Скоро... Скоро...»

Подписывая мне в один из вечеров свою новую книгу «Пролётный гусь» (только что изданную), Виктор Петрович спросил меня:

— Как там Лысьва? Пруд стоит? Завод работает? — И добавил: — Действие-то рассказа «Пролётный гусь», который и дал название

книге, происходит в Лысьве. Я разве что название городка изменил. Но там и пруд упоминается, и завод, выпускающий эмальпосуду.

Поэтому я, лысьвенец, с особым трепетом в поезде прочитал «Пролётного гуся».

Честно говоря, у меня вначале было сомнение — так же ли здесь Астафьев литературно силён, как, допустим, в «Царь-рыбе» или в «Последнем поклоне»? Всё-таки возраст. А прочитав рассказ о невыносимо горькой судьбе вернувшихся с войны молодых героев, могу сказать: есть ещё у писателя порох в пороховницах. И хотя конец рассказа омрачён жуткой безысходностью, но с какой любовью вырисованы его герои — простые русские люди, совестливые и страдающие. Причём, воссоздавая тяжелейшие послевоенные годы, автор ничуть не сгущает краски. Об этом я сужу и по рассказам своей матери, тоже вдовы фронтовика, которой после войны ради лишней копейки приходилось и сенокосить у чужих людей, и полы мыть, и даже памятники красить на кладбище.

...На земле по-прежнему льётся кровь, бесчинствует насилие. До каких пор люди будут убивать друг друга? И приходят на память исповедальные мысли Виктора Астафьева, высказанные вслух четыре десятка лет тому назад, актуальные и ныне, в третьем тысячелетии:

«Ни Бог, ни природа не виноваты, что ты стал тем, чем стал. Ищи в себе виноватого, тогда не будет виноватых вокруг. Уверни тлеющий фитиль, погаси зло в себе, и оно погаснет в других, только так, только так и не иначе — это самый лёгкий, но и самый сложный путь к людскому примирению».

С верой в добро

В третий раз еду в Красноярск. Меня позвала к себе телеграммой Мария Семёновна. И я отправился к ней и Виктору Петровичу Астафьеву. Я не оговорился. Пусть нет с нами вот уже более года замечательного писателя и человека, я не верю в это. Можно, конечно, сказать привычное: зато остались его книги, выстраданные, написанные сердцем. И пока жива русская литература, пока у людей есть тяга к слову, правде, книги Астафьева будут читать и перечитывать.

А как быть тем, кто лично знал писателя, беседовал и сидел с ним за одним столом? По крайней мере, мне, имевшему счастье получать от Виктора Петровича письма, встречаться с ним и на уральской земле, и в его родной Овсянке, слышать доверительный, с хрипотцой

голос, сейчас очень тяжело. Говорю это не ради красного словца и желания приобщиться к славе писателя. Тяжело, потому что начинаю мерить свою жизнь по Астафьеву. А как бы он поступил на моём месте? Что бы ответил в той или иной ситуации? И чувствую: вот тут бы Виктор Петрович не отмолчался, заступился, а я не полез на рожон, побушевал внутри себя, не бросился в атаку..

Да, Виктор Астафьев всегда оставался бойцом, не подстраивался под веяния времени, не кривил душой, за что его и называют совестью русского народа. Ноша эта ой как тяжела! Пронести её через всю жизнь дано далеко не каждому человеку.

А может, не надо таких громких эпитетов, как «совесть народа, великий сын земли русской, глыба отечественной литературы и культуры», коими наделили писателя после его смерти? Может, просто прислушаться к его житейским словам, ставшим сегодня афоризмами?

В работе и только в работе душа человеческая.

Творя хлебное поле, человек сотворил себя.

Красивое да доброе видеть — может, в этом-то счастье и есть.

Счастье и понятие его — дело не постоянное, текучее, но бесспорно одно — общение с природой, родство с нею, труд во имя неё — есть древняя, неизменная, самая, быть может, надёжная радость в жизни человека.

Любить и страдать любовью — и есть человеческое предназначение.

Любовь — это творчество. Всегда творчество. Мы любим в других, чего нет в нас; если нет этого и в других — выдумываем, внедряем, делаем людей лучше, чем они есть на самом деле.

Любовь и женщина двигают поэзию.

Чем больше дано человеку ума, совести, доброты, тем больше он страдает.

Большая часть наших сил уходит на преодоление самих себя, своего гражданского и нравственного несовершенства.

Никакое предательство и никакая подлость даром не проходят.

И открой в себе память! Навстречу тому открой, что хочется тебе вспомнить, и забудь то, что хотелось бы забыть...

Что бы в нашей жизни ни происходило, а жить нужно весело. Это же счастье — жить на Земле!

Он и одну из своих последних повестей о жизни в Чусовом назвал «Весёлый солдат», хотя жилось молодым Астафьевым в этом городе отнюдь не весело.

...За окном наперегонки с поездом, ничуть не отставая, мчался белый конь — декабрь. А в нашем вагоне размеренно текла та самая жизнь, которую хорошо знал и любил Виктор Астафьев. Моя нижняя соседка по купе Евгения Ивановна, пенсионерка из Москвы, залив кипятком вермишелевый суп, доставала сумку с домашней снедью. Напротив меня посапывал, отвернувшись к стенке, немногословный иркутчанин Николай. Елена, женщина бальзаковского возраста, уткнулась в газету со сканвордами. На боковых сиденьях устроились пермяки Константин и Алексей. Они оживлённо разговаривали и втихаря, чтобы не увидел проводник, попивали водочку, закусывая жареной курицей.

По проходу летали, дурели мальчишки Эдик, Дима и Ваня. Особенно забавным был самый младшенький — трёхлетний Эдик. Он ехал до Иркутска с бабушкой, постоянно шпынявшей непоседливого внука: туда не лезь, сиди спокойно. Оказалось (в вагоне всё равно, как в деревушке, новости быстро расходятся), что Эдик живёт только с бабушкой: мать-пьяницу лишили материнства, отец сидел в тюрьме за убийство. Сын его совсем не помнил. Но что удивительно, мальчонка не очерствел душой, очень общительный и доверчивый. То ко мне подойдёт, посидит на коленях, то — к другому.

Однажды устроился на коленях у Алексея (ему лет тридцать, на свадьбу к брату ехал в Новосибирск), прижался к нему и залопотал:

— Будешь моим папой? Я тебе машинку дам поиграть.

У женщин слёзы на глазах выступили. Алексей растерялся, не сразу нашёл, что ответить. Отодвинул стакан с «чаем»:

— Да ты, брат, ещё букву «р» не выговариваешь. А знаешь такую скороговорку? Ехал грека через реку. Видит грека в реке — рак. Сунул

грека руку в реку. Рак за руку грека — цап! Выучишь — и буква «р» от зубов будет отскакивать. Держи конфетку.

— Спасибо, — Эдик спрыгнул с колен и убежал к бабушке.

Евгения Ивановна задумчиво произнесла:

— Первый раз вижу такого ласкового парнишечку. Пока он ещё всем верит, всех любит. А жизнь-то наша ой какая нынче жестокая. Дичают люди.

В моей же голове прошелестел страницами «Последний поклон» Виктора Астафьева.

Эх, Эдик, Эдик, ты же в чём-то повторяешь судьбу озорного и впечатлительного мальчика Вити из Овсянки, воспитанного бабушкой Катериной Петровной. Дай Бог, чтоб на твоём пути встречалось больше добрых людей!

В Омске, накинув дублёнку, я выскочил на перрон купить сигарет. У киоска в очередь за мной встал мужчина лет сорока пяти, в кроличьей шапке. Сбоку подошёл ещё один, помоложе, в кепке. Вдруг стоящий за мною мужчина поскользнулся и, падая, зацепил меня. Я, чтобы сохранить равновесие, замахал руками и едва не упал: меня подхватила «Кепка». Поднявшись, «Кролик» с виноватой улыбкой стал любезно извиняться.

— Ничего, с кем не бывает, — ответил я ему.

А «Кролик» почему-то передумал стоять в очереди, прихрамывая, отошёл от киоска и скрылся в толпе. Тут подошла моя очередь. Я сунул руку в боковой карман, но кошёлка в нём не оказалось.

Скорее всего, «Кепка» и «Кролик» были в одной связке и лихо разыграли спектакль с падением. Очевидно, в тот момент, когда я повалился и меня подхватил молодой, он и выудил из моего кармана бумажник.

Об этом я рассуждал уже в вагоне, когда поезд отошёл от Омска. Что я пережил, лишившись четырех тысяч рублей, читателю нетрудно представить. При этом ехал я в малознакомый город, в гости к Марии Семёновне Астафьевой, которую меньше всего хотелось беспокоить своими проблемами. Рублей триста у меня, правда, осталось: в пиджаке во внутреннем кармане. Но ведь их на обратный билет не хватит даже на полдороги.

Ближе к Барабинску по вагонам пошли «коробейники», предлагая пуховые шали из козьей шерсти, меховые шапки, бижутерию. Евгения Ивановна остановила одного из них, рослого парня лет двадцати:

— Как тебя зовут?

— Володя.

— Что же ты, Володя, крепкий, здоровый парень, таскаешься по вагонам с сумками? Другой работы не нашлось?

— Студент я. Живу с матерью, отца нет. На одну стипендию мне никак не протянуть. Вот по выходным дням и подрабатываю: мать шали вяжет, а я продаю. Купите, недорого возьму.

Евгения Ивановна смягчилась:

— Хорошо. Давай так, Володя. Выбери мне шаль сам, будто для своей мамы в подарок покупаешь.

— Да у меня мама рукодельница, каких ещё поискать. Вот, пожалуйста, — Володя растряхнул шаль.

Евгения Ивановна купила её, не торгуясь, за двести рублей.

Поезд подходил к Боготолу. Константин засобирался на выход. Помятый, с глубокого похмелья, он и не помнил, как проводник ночью помог ему с пола перелечь на нижнюю боковую полку.

Константин полез во внутренний карман пиджака: на месте ли кошёлек? Пусто! Перерыл все свои сумки — нет бумажника. То ли, падая, выронил его, то ли сонного ночью кто-то обшмонал — пойдй сейчас разберись.

Константин, однако, не унывал, допил остатки вчерашнего пива.

— Кошёлек — ерунда, — сказал он. — В нём на карманные расходы и было-то. Командировочные деньги у меня припрятаны в другом месте...

Надо же, за одни сутки на наших глазах в вагоне прокрутилась вся сегодняшняя жизнь России с её сиротскими детьми и беспробудным пьянством, воровством и убогим сервисом.

В Красноярск поезд пришёл точно по расписанию. Похоже, закон, согласно которому железная дорога теперь обязана возместить пассажирам ущерб за опоздание поезда, начинает действовать.

Сибирь встретила нашей уральской погодой — около 10 градусов ниже нуля. Когда уезжал из Перми, у нас даже покрепче мороз был — за 25. Решил прежде заехать к Татьяне Григорьевне Ефимовой, родной сестре пермского журналиста, редактора газеты «Луч» Ивана Ёжикова: просил передать ей пакет. От неё проще позвонить Марии Семёновне.

К Татьяне Григорьевне, проживающей в микрорайоне на правом берегу Енисея, попасть оказалось непросто. Железная дверь с кодовым замком: за семью запорами скрываются ныне горожане, опасаясь квартирных грабителей. Не то что в былые времена в деревне — приткнул ворота батошкой, и никто чужой не зайдёт.

С полчаса топтался я у дверей, пока не подошла женщина из этого подъезда.

Татьяна Григорьевна, сухощавая, лет 75 старушка, обрадовалась весточке и посылке от брата. А когда узнала, что я приехал к вдове писателя, попросила передать ей привет:

— Дай Бог ей здоровья и терпения. По себе знаю, как несладко одной, без опоры. Звони скорей, может, помощь ей нужна.

С волнением набираю выученный наизусть номер телефона квартиры Астафьевых.

— Гена, ты с работы звонишь? — спросила МарСем. — Из Красноярска уже?! Так приезжай побыстрей. Жду.

Довольно-таки бодрый голос Марии Семёновны обрадовал, развеял сомнения. Накануне поездки я звонил ей из Лысьвы, и тогда она сильно недомогаала: в голосе сквозила печаль и усталость. А сейчас вроде лучше.

— Выезжаю, — говорю и прощаюсь с Татьяной Григорьевной.

Вот и знакомая пятиэтажка в берёзовой роще на левом берегу Енисея. Дверь в подъезд тоже железная, но замок сломан, не закрывается. Да и в последний приезд сюда, в прошлом году, я заходил без проблем — всегда открыто. Ещё удивлялся: уж входную дверь подъезда, где живёт уважаемый писатель, Почётный гражданин Красноярска, могли бы коммунальщики отремонтировать. Нет, всё по-нашенски: покорёженные дверцы почтовых ящиков, обшарпанные стены, пепел и окурки на площадках.

Мария Семёновна встретила очень радушно, обняла как родного сына:

— С приездом! Что-то ты, Гена, долгонько добирался.

— Здравствуйте, Мария Семёновна. С поручением от друга заезжал к его сестре.

Я стал распаковывать сумки с подарками, но Мария Семёновна решительно остановила меня:

— Нет, нет. Сначала на кухню. Проголодался с дороги-то.

Эта маленькая добрая женщина была всё так же приветлива и энергична, как прежде. За ужином Мария Семёновна поведала, почему вызвала меня телеграммой в декабре:

— В ноябре на години Виктора Петровича столько народу пришло, что мы с тобой, Гена, толком бы и не поговорили. А сейчас никого. Так что о гостинице не может быть и речи. Да и мне поможешь с архивами Виктора Петровича разобраться.

За столом Мария Семёновна подробно расспросила меня о жите-бытье, поинтересовалась, как «бегает» Секлета, как дела у Леонарда Постникова, что новенького в родном ей Чусовом. Само собой, в тот вечер мы помянули по русскому обычаю Виктора Петровича...

Без него Марии Семёновне живётся неимоверно тяжело. Я даже не имею в виду операции, следовавшие одна за другой. Это уже следствие. Я говорю о состоянии души. Ведь 56 лет по жизни рука об руку прошагали, и вот его не стало. До сих пор Мария Семёновна не может этого осознать, принять.

А злые языки поговаривали: вот, мол, она какая — на похоронах ни слезинки не проронила. Эх, люди, люди! Вам ли судить о том, что у Марии Семёновны на сердце? Почему за правду принимают наружность человека и не умеют заглянуть внутрь?

Слава Богу, и добрые люди есть на земле, подставили плечо, помогают, и сейчас она стойко переносит все лишения, выпавшие на её долю. Мария Семёновна благодарна Сергею Киму, Валентине Ярошевской, всем друзьям семьи, не оставившим её наедине с трудностями:

— Серёжа навещал меня и в больнице, и после операции. Он всё и устраивал.

После ужина мы принялись за подарки.

— Ах, какие красивые сковородки делают в Лысьве — со стеклянной крышкой. А уют? Какой изящный, лёгонький! — Мария Семёновна искренне благодарила уральцев — металлургов и машиностроителей, работников чулочно-перчаточной фабрики, моих коллег из газеты — за гостинцы и поддержку.

Передал я ей приветы от Нины Михайловны Золотовой, Клавдии Васильевны Русских, с которыми она училась до войны в Лысьвенском металлургическом техникуме.

Помнит их Мария Семёновна, кланяется. Отложила в сторону газету «ГородЪ» с моими воспоминаниями о Викторе Астафьеве, «Искру» со статьей Геннадия Суслова о писателе-земляке:

— Потом прочитаю.

Увидев банку с малиновым вареньем — подарок няни — всплеснула руками:

— Ах, Секлета, голубушка, спасибо! Но нельзя мне сладкого: диабет. А вот Полинка обрадуется.

Мы сидим с Марией Семёновной в домашней библиотеке, почти все стены которой от пола до потолка уставлены стеллажами с книгами. На одной более-менее свободной от книг стене — портрет Вик-

тора Петровича. Кажется, он внимательно прислушивается к нашему разговору. И сойди сейчас с полотна, он непременно продолжил бы беседу очередной байкой, каких у него в голове было на любой случай жизни. А может, по-детски непосредственно зачерпнул бы ложкой варенья из банки и, со вкусом отведав, похвалил бы: «Вкусно! Научилась Секлета варенье делать. А то раньше не знала даже, что такое картошка в мундире».

Оглядываю книжные полки:

— Мария Семёновна, какие стеллажи ещё не переписаны? Показывайте.

— Хватит, Гена, тебе работёнки, хватит. Не переживай. Ну коли уж так не терпится, начинай с этих, у окна. Стремянка знаешь где. Бумага чистая на столе. Так что с Богом! — улынулась Мария Семёновна.

Сама она принялась разбирать, сортировать разложенные на столе фотографии Виктора Петровича. Поначалу дело у меня продвигалось довольно бойко — выпишу с корешка автора, название книги, не доставая её с полки, и дальше. А потом руки как бы не по моей воле вынимали книгу из плотного ряда, раскрывали, а глаза пробегали по строчкам. Хотелось понять, какая же мысль Диккенса, Толстого, Беранже заинтересовала Виктора Петровича. И порой так увлекался, что МарСем вытаскивала меня из книжного царства на грешную землю:

— Гена, ты бы хоть перекурил.

— Спасибо, Мария Семёновна. Пожалуй, не откажусь. А что, неужели Виктор Петрович все эти книги перечитал? Их же здесь тысячи.

— Нет, конечно. С его-то зрением. Но классиков, русских и зарубежных, близких ему по духу современников Виктор Петрович неплохо знал и выписывал кое-что себе в записную книжку, особенно стихи. Из того, что у нас есть, я, пожалуй, больше его перечитала. Порой на время выйду из строя, руку, к примеру, сломаю, а в душе радуюсь: можно отдохнуть от домашних дел, от машинки и с головой окунуться в книжный мир.

Спать меня Мария Семёновна уложила в рабочем кабинете Виктора Петровича, на его кровати.

Стоит ли говорить, что я почти всю ночь не сомкнул глаз? Разве уснёшь в такой непривычной обстановке, рядом с письменным столом, за которым Виктор Астафьев писал сердцем и кровью «Проклятых и убитых», «Весёлого солдата», а незадолго до смерти своё завещание и эпитафию той лежащей на столе простой чернильной авторучкой, ещё хранящей тепло его ладони?..

Разве уснёшь, если Мария Семёновна подарила недавно изданную иллюстрированную книгу «Прощание. Последний поклон Виктору Астафьеву» и красноярский литературный журнал «День и ночь», посвящённый памяти писателя?

В «Прощании» опубликованы телеграммы с соболезнованиями от президента России Владимира Путина, Правительства и Думы, от патриарха Московского и всея Руси Алексия II, видных политических деятелей, артистов и писателей, друзей и благодарных читателей — поклонников творчества Виктора Астафьева, материалы краевых и центральных газет и журналов, откликнувшихся на смерть писателя.

Вот некоторые из них:

«Сорок дней назад одним шрамом на земле стало больше: приняла она ещё одного своего защитника. И долго будет от этой раны больно взрастившей его земле. Астафьевской земле. «Пашни-то деревенские у нас были поимённые», — говорил писатель...» (*«Сегодняшняя газета»*, В. Майстренко)

«Вписана последняя земная „затесь“ Виктора Петровича. Но „печаль моя светла“, ибо я доподлинно знаю, что, призвав его к себе, Господь вознесёт его душу над всеми нами строгим судьёй, сильным защитником и нежным весёлым другом». (*Никита Михалков*)

«Несмотря на то, что он болел, был немолод, он имел стержень — крепчайший нравственный стержень, который, как говорится, держал его на плаву». (*Анатолий Приставкин*)

Но более всего меня потрясла опубликованная в книге предсмертная записка Виктора Петровича:

*«Жене. Детям. Внукам. Прочеть после моей смерти.
Эпитафия.*

Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание.

Виктор Астафьев».

Эту записку нашли после смерти в его бумагах на письменном столе. Сколько горечи и правды в этих строках! О чём думал тяжелобольной писатель, когда брал ручку, чтобы написать эпитафию? Не послужила ли поводом травля писателя, организованная в некоторых газетах и журналах вскоре после выхода в свет одной из последних его повестей «Весёлый солдат»?

Авторы тех «эссе» клеймили писателя, защитника Отечества, за очернительство, принижение героизма советского народа в борьбе с вероломным врагом. Впрочем, ему это было уже не ново: шельмование началось ещё после «Проклятых и убитых». Его, солдата-окопни-

ка, трижды раненного, контуженного, пытались научить любви к Родине и народу. Астафьев потому и писал горькую правду о кровавой, страшной и грязной войне, чтобы она не повторилась. Вполне вероятно, что поводом для публичных нападок на писателя послужили его эмоциональность, скорые, может быть, не до конца взвешенные высказывания. Сам Виктор Петрович однажды искренне признался:

«Много запальчивости, много лишнего, много вздорного наговорил я за эти быстротекущие годы, особенно в интервью и разного рода беседах с корреспондентами разных газет, журналов и изданий».

...Уснуть долго не мог ещё из-за того, что в голове постоянно крутилась мысль: как сказать Марии Семёновне о моём бедственном финансовом положении, в котором оказался из-за своей оплошности? А говорить всё равно придётся. Кто меня выручит, если не она?

Из моих затесей

Живя у Марии Семёновны, я вёл дневник.

*9.12.02. Сегодня продолжал переписывать книги из домашней библиотеки Астафьевых. Один стеллаж закончил — 333 книги. А по каждой надо записать её название, автора, год издания, где и кем выпущена она. Всё это пригодится для картотеки, когда квартира писателя станет музеем. Такая договорённость у Марии Семёновны со здешними властями есть. В музей квартира превратится после смерти Марии Семёновны.

А пока она, непоседливая, здесь же, в библиотеке, сортирует, укладывает фотографии из семейного архива в отдельные папки. Дошла до вологодской фотографии, на которой Астафьевы сняты с поэтом Николаем Рубцовым. И Мария Семёновна наизусть читает его стихотворение:

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых, прославленных птиц...*

Прочитав стихотворение, она умолкает.

— Почитайте ещё, — попросил я, удобнее устраиваясь на стремянке.

Марию Семёновну долго уговаривать не надо, если заходит речь о стихах любимых поэтов.

И снова звучит её напевный голос:

Я уеду из этой деревни...

Будет льдом покрываться река,

Будут тихо поскрипывать двери,

Будет грязь на дворе глубока...

Затем она проникновенно, с грустинкой в голосе прочитала стихотворение Людмилы Сазоновой о стариках, лирические, образные строчки из Решетова, Блока. И при этом Мария Семёновна продолжала перебирать, складывать в папки и альбомы фотографии.

К обеду приехал красноярский писатель Алексей Бондаренко, привёз рукопись — около 200 страниц машинописного текста — воспоминания о Викторе Петровиче. Он попросил Марию Семёновну ознакомиться с уже готовой к печати книгой. Она всплеснула руками:

— Ой, совсем нет у меня времени столько читать! И как ты умудрился эко место понаписать?

— Так я же с Петровичем на охоте сколько раз бывал.

Хозяйка пригласила гостя и меня на кухню. Посидели втроём, поговорили, коньячком угостила МарСем нас, мужиков.

После ухода Бондаренко Мария Семёновна посетовала:

— Вот ведь как бывает. Умер Витя. Кто-то к его смерти ещё не успел привыкнуть, а некоторые уже и книгу накропали. Виктор Петрович об Александре Николаевиче Макарове начал писать «Зрячий посох» только через год после его смерти. Всё переживал его уход из жизни...

*10.12.02. Сегодня Марию Семёновну навестили сотрудницы краеведческого музея Аня и Вера. Хлебосольная хозяйка мигом накрыла стол. Помогли ей с ужином и проворные женщины — разговорчивые, простые, с юмором.

Чуть позднее подошла Галина Николаевна Потылицына, двоюродная сестра Виктора Петровича. Хорошо посидели. И вино было приятное — Хванчкара. МарСем читала стихи. И я несколько своих прочёл. Говорят, понравились. Потом я их проводил до остановки.

По дороге, вспоминая Виктора Петровича, Галина Николаевна рассказала:

— Осиротела без Виктора Петровича родня и весь Красноярск. Если бы он не стал писателем, то наверняка прославился бы сочным, выразительным голосом как оперный певец или как актёр-рассказчик. И как человек был щедрым, безотказным. Порой ведь в Овсянке и горьким пьяницам давал на пропой, зная, что не вернут деньги.

До прихода гостей я сегодня весь день занимался составлением каталога книг и хозяйственными делами: ходил в магазин за молоком, мусор вынес, пол на кухне вымыл.

Что-то тихо стало у меня подвигаться с книгами: начну переписывать исходные данные, а глаза выхватят интересный абзац, мудрую мысль — и оторваться не могу. А Мария Семёновна, деликатная женщина, меня не подстёгивает.

*11.12.02. Встал в половине восьмого и до 10 утра без перекура работал с архивом. Потом поехал в Овсянку, на кладбище.

Могилу Виктора Петровича нашёл не сразу, хоть и знал, что он похоронен рядом с дочерью Ириной: прошёл лишка. Вернулся. И Бог подсобил: свиделись.

По русскому обычаю помянул Астафьевых стопочкой водки. Царствие Вам небесное, Виктор Петрович.

*12.12.02. Продолжал переписывать книги. Днём приходили внучка Марии Семёновны Полина с мужем Константином. Да, время бежит — вот уже и Полина замуж вышла.

Пообедали вместе, сфотографировались. За обедом Поинка вспоминала, как дедушка воспитывал её ремешком, а бабушка застучалась.

Вечером приходила соседка Наташа, медсестра. Она уколы ставит Марии Семёновне.

*13.12.02. После завтрака ходил в краеведческий музей, сфотографировал стенды, посвящённые Виктору Астафьеву.

После обеда общался с Марией Семёновной. Так она складно, искренне рассказывала о муже, о себе. Потом в рабочем кабинете писателя перебрал в шкафу одну полку с его книгами. Все на иностранных языках: французском, английском, немецком, итальянском, шведском, польском, венгерском, словацком, чешском, голландском, татарском.

Перед сном с письменного стола Виктора Петровича взял почитать толстую общую тетрадь — что-то вроде гостевой книги отзывов.

Вернее, мне её предложила полистать Мария Семёновна. Друзья семьи, собратья Виктора Петровича по литературному цеху, гости, родственники записывали и записывают сюда пожелания, благодарности, раздумья, стихи. Тетрадь открылась на последней записи:

«Прошёл год, как нет с нами папы. Привыкнуть к тому невозможно. Не оставляет ощущение его временного отсутствия. Всё кажется, что он куда-то уехал и вот-вот вернётся к нам, как и всегда — шумный, весёлый, полный новых впечатлений и замыслов, и вот снова все мы будем вместе. Но папы нет ни в дорогой его сердцу Овсянке, ни в уютной академгородковской квартире, ни даже в больнице. И от осознания этого очень тяжело на сердце.

Дорогая мама! Береги себя, живи подольше и по возможности не болей. Ты очень нужна нам всем. Мы все тебя очень любим. Нас осталось теперь только двое из тех прекрасных, светлых и трагических чувовских, пермских и вологодских времен, из мира моего детства, из 50-60-х годов. Эта память всегда будет с нами. Вы всегда будете рядом со мной в Чусовом, Быковке, Перми, Вологде, в разных дорогах нам местах.

Папы нет... Только теперь начинаешь понимать по-настоящему, как нам всем его не хватает — мне, моей семье, всем родным и близким людям. Нужно бы спросить о чём-то, поговорить, послушать, слетать в тайгу, просто побыть рядом. Но время ушло, жизнь есть жизнь. Папа, как и его любимая бабушка, умел прощать и в книгах, и в жизни.

Благодарю и от себя, и от всей моей семьи всех родных, близких, верных, преданных, любящих людей за светлую память о папе, помощь и поддержку в нашем общем горе, не оставляющих со своими заботами маму. Ей сейчас тяжелее всех.

Храни вас всех Бог!

Андрей, Татьяна, Женя Астафьевы.

4 декабря 2002 года».

Запись сделал Андрей, сын Виктора Петровича. Другие я пока не стал читать. Тяжело... Мария Семёновна, передавая тетрадь, предложила и мне оставить в ней свою запись. Часов до трёх ночи я мучился, подыскивал нужные слова, но разве можно высказать ими всю признательность, которую испытываю к Астафьевым, ставшими мне, как говорил Виктор Петрович в своём письме, «ближе всякой родни»?

Вот что у меня получилось:

«Милая Мария Семёновна! Неделя, проведённая с Вами в воспоминаниях о Викторе Петровиче (Царствие ему небесное!), в упорядочивании

архива Писателя и Человека, пролетела в одно мгновение. Как жаль, но пора расставаться. Спасибо за всё, дорогая Мария Семёновна! И извините, коли что не так, своего земляка-уральца».

Подумав, приписал стихи:

*Машенька, Маня, Мария...
В имени русском твоём —
Песни Урала, Сибири,
Отчий бревенчатый дом.
Машенька — птицы щебечут,
Солнечный зайчик в руке.
Святость Марии излечит
Душу при боли, тоске.
Машенька, Маня, Мария...
Что ещё в имени том?
Поле, берёзки, Россия,
Русских церквей перезвон.
Веры, надежды, терпения,
Хворей поменьше б при том,
Добрая, сильная женщина,
Низкий земной Вам поклон.*

*С любовью — Геннадий Вершинин,
13 декабря 2002 года».*

Вышел на площадку покурить. На пятом этаже, над квартирой Астафьевых, двое рабочих, вооружившись электродрелью, устанавливали новую железную дверь. Старая, тоже железная, ещё в хорошем состоянии была снята и приставлена к стене между этажами.

— Что там за шум в подъезде? — спросила Мария Семёновна, когда я вернулся с площадки.

— Соседи ваши укрепляются, дверь новую ставят.

Мария Семёновна грустно развела руками:

— За железными воротами прячутся люди, добро своё стерегут. Отгораживаются друг от друга. Многие уже и сердце своё на замок запирают — не достучишься. А мама частенько говорила мне: «Не живи сусеками, а живи с соседями». Мудрые слова, да забывать их стали, к сожалению. Каждый теперь старается жить на особицу.

В квартире у Астафьевых двери, к слову, хоть и двойные, но деревянные.

Приходила вечером соседка Наташа, медсестра, измерила у Марии Семёновны давление, капельницу поставила. Она каждый день навещает её за определённую плату.

— А что поделаешь? — говорит МарСем. — Она же расходует на меня своё личное время. А труд должен оплачиваться. Я и сестричкам, которые в больнице ухаживали за Виктором Петровичем, то шоколадку приносила, то коробку конфет. Как без этого? Зато, глядишь, и отношение к больному человеку совсем другое.

И коль возник у нас разговор на медицинскую тему, Мария Семёновна вспомнила, как её однажды привезли в больницу с тяжёлой формой перитонита:

— Лежу я на операционном столе, наркоз ещё не сделали, и слышу, как позвякивают скальпели и прочие медицинские инструменты — к операции готовятся. А у меня в голове: «Ножи точат булатные, хотят меня зарезати», — и сама смеётся.

За завтраком ели пельмени из картошки. Говорили о том о сём. И коснулись рыбалки. Мария Семёновна рассказала, как она в Быковке с Виктором Петровичем (о чём бы мы ни говорили, МарСем не могла не вспомнить о нём) на рыбалку ходила:

— Ушли мы с ним на реку вдвоём. Погода стояла расчудесная. Солнышко светило. Птички пели. Виктор Петрович рыбачит. А я к смородиннику спустилась ягод пособирать. И вдруг всё стихло. Птицы враз примолкли. Только журчание речушки слышно. И темнеть быстро стало. Я от неожиданности даже корзинку из рук чуть не выронила. А потом вспомнила, что сегодня солнечное затмение. И подумала: вот так, наверное, и люди умирают — тихо становится, темно...

Из Быковки мы как-то незаметно перебрались в Чусовой. Вот что Мария Семёновна с улыбкой рассказала:

— В Чусовом мы сначала жили в крохотном домишке на Партизанской. Как-то я сильно простыла. Вспомнила про испытанное народное средство, которое не раз применяла моя мама. Отварила картошку в мундире. Чугунок с ней поставила на табурет. Рядом сама села, укрылась с головой шалью над чугуном. И вдыхаю горячий пар, прогреваюсь. И вдруг, слышу, Ирина — ей годика четыре было — с тревогой спрашивает отца: «Папа, а что? Мама всю картошку одна съест?»

Наверное, потому хранит Марию Семёновну Всевышний, что ей на роду написано совершить многое в своей жизни. И как вдове из-

вестного прозаика, и как писательнице, и как хранительнице домашнего очага, и как человеку, считающему своим долгом поделиться богатством души и сердечностью с окружающими людьми, с друзьями и поклонниками творчества Виктора Астафьева, с читателями, которых порой и в глаза не видела, но отвечала им подробными, искренними письмами.

Между прочим, письма её, покоряющие радушием, доверчивостью и доброжелательностью, не лишены и художественности. И на них невозможно ответить рядовой отпиской, хочется тоже душу излить, выговориться.

Распорядок дня МарСем спартанский, от того она многое успевает сделать за сутки!

Подъём. Завтрак. Работа с архивом. Хлопоты по дому: стирка, кухня. Обед. Продолжение разборки архивов. Ответы на телефонные звонки. Приём гостей, родственников. Ужин. И порой до полуночи в домашней библиотеке Мария Семёновна перекладывает в отдельные папки письма, фотографии.

Я восхищаюсь её работоспособностью и энергией. Как уже говорил, я ни разу не видел, чтобы МарСем, допустим, после обеда прилегла отдохнуть. Она в постоянном движении. Между делами глянет на экран телевизора, который почти не выключается, и снова за работу. За ней и молодой хозяйке не просто угнаться. А ведь ей 83-й год! Как-то я уж не выдержал:

— Мария Семёновна, да Вы бы хоть поберегли себя. С утра до вечера на ногах. Вам и отдохнуть некогда, полежать. На производстве и то в одну смену работают. А у Вас никакого просвета. Нельзя же так.

На что мудрая женщина ответила:

— Жить мне, Гена, осталось немного. Я это знаю. И расхотеть драгоценное время на лежание для меня было бы очень расточительно. Потому и оставшиеся мне дни я стараюсь прожить рационально, с большей отдачей. Ты, наверно, заметил, что я даже супы не варю? Картошку, лук чистить — сколько на это времени уйдёт? Куда проще сосиски отварить, котлеты-полуфабрикаты поджарить. Да, я даже на приготовлении пищи экономлю время. Мне бы успеть вторую часть «Знаков жизни» завершить.

«Знаки жизни» — это её автобиографическая повесть.

Конечно, и мне пришлось втянуться в её рабочий ритм. В своём-то доме я бы позволил себе расслабиться, полежать на диване с книжкой. А тут неудобно. Мария Семёновна работает, а я лежу, почитываю?

Правда, МарСем работой меня сильно и не загружала. Даже наоборот, отрывала от переписки книг. Как-то предложила:

— В краеведческом музее у нас так хорошо стало. Ты бы съездил, Гена, посмотрел. А есть желание, так и в литературный музей загляни.

И спросила, есть ли деньги на поездку в Овсянку, по городу. И довбила:

— Ты, Гена, наверное, завтра за билетом поедешь? Гости хоть сколько, но билет лучше заранее купить.

Тут мне и пришлось выложить начистоту всё, что со мной произошло в Омске.

— Не переживай, Гена, — успокоила Мария Семёновна. — Дам я тебе денег на дорогу.

На другой день я съездил за билетом: выручили Мария Семёновна и коллеги-журналисты из «Красноярского рабочего», куда заходил отметить командировку, а заодно поплакаться в жилетку. Коллеги посочувствовали. Главный редактор Владимир Павловский и его заместитель Игорь Рак безо всяких разговоров дали необходимую сумму. Да, снова красноярцы покорили меня своей доброжелательностью, отзывчивостью.

В этот же день я собрался в краеведческий музей. Задумавшись, проехал лишнюю остановку. Но верно говорят: что ни делается — всё к лучшему.

Возвращаюсь обратно пешочком — и на мосту вижу рыбака. Как? Зимой на спиннинг? С моста? Любопытство взяло. Подошёл ближе. Смотрю, а мужик уже вытаскивает хариуса граммов на триста. Не выдержал я:

— Дай хоть своими руками с крючка сниму. Я же нынче ещё сезон не открывал.

Разрешил. Тут мы и разговорились. Виктор Трушников — так зовут рыбака — пенсионер, в прошлом железнодорожник. Большой поклонник творчества Виктора Астафьева.

— У меня все пятнадцать томов его есть, — похвастался он. — Слышал, переписка его с кем-то вышла. Вот этой книги пока нет.

— Она называется «Крест бесконечный». Это переписка Виктора Петровича с известным критиком Валентином Курбатовым.

— Буду знать. Может, где-то куплю.

А ещё оказалось, что Виктор Трушников родился в селе Копально Чусовского района.

— Слушай, земляк, — хлопнул я его по плечу. — Продай пару хариуток для Марии Семёновны. Очень она рыбу любит.

— Я и так дам. Бери. Чё я со своей землячки деньги буду брать что ли?

Вечером, уже после посещения краеведческого музея, я поджарил харюзков. И мы с Марьей Семёновной под рюмочку «Токая» — рыба посуху не ходит — с удовольствием отведали их, поминая добрым словом рыболова.

14.12.02. Сегодня вечером уезжаю.

Утром, позавтракав, сбежал на рынок, купил быстрорастворимую вермишель, зашёл на почту, принёс газеты, извещение для Марии Семёновны на 100 рублей. Ещё одну полку переписал. Взялся за дру-гую, но МарСем сказала:

— Заканчивай, Гена. Пора укладываться.

И столько мне снеди в сумку уложила: палку копчёной колбасы, помидоры, сыр, слабосолёную осетрину — на троих хватит.

Посидели на дорожку, помолчали. Обнялись. Свидимся ли ещё?

Около восьми вечера я пошёл на автобусную остановку. Да, чуть не забыл. Мария Семёновна предложила мне взять на память о Викторе Петровиче что-нибудь из его рыбацких снастей.

Я отобрал зимнюю удочку, отцеп и рыболовную катушку. Опержая события, скажу: удочкой я пару раз у себя дома на пруду порыбачил — уловистая! — и передал её Чусовскому литературному музею имени В. П. Астафьева.

В день отъезда я ещё раз убедился в доброжелательности красноярцев. Или мне просто везло на хороших людей?

В восемь часов вечера, уже простившись с Марией Семёновной, подошёл к конечной остановке Академгородка. Полез в карман за куревом и всполошился: батюшки, я же ключ Марьи Семёновны от почтового ящика прихватил с собой! Не выложил, когда на почту за корреспонденцией ходил. Время ещё позволяло вернуть его. Но идти обратно с двумя сумками... Эх, рискну, пожалуй: затащил их в павильончик напротив остановки и попросил девушку-продавца присмотреть за ними. Она согласилась.

Рядом три паренька стояли, пиво потягивали. Я на бегу подумал: «А не повторится ли здесь история с сумками, как в Омске с кошёлком?»

К счастью, всё в целости осталось. Более того, в автобусе «двойке» кондуктор, молодой человек лет двадцати пяти, подсказал, что мне лучше выйти на остановке «Красная площадь». И даже тяжёлую сумку помог донести до дверей.

В поезде, увозящем меня на Урал, я познакомился с коренным красноярцем Олегом Легковым (мы с ним всю дорогу в шахматы играли) и Людмилой Дранишниковой из Лесосибирска. Симпатичные, сердечные люди, равнодушные к произведениям Астафьева. Даже телефоны домашние дали: дескать, окажешься в нашем крае, так позвони, вдруг остановиться негде будет.

...Под равномерный перестук вагонных колес, лёжа на полке, я долго размышлял над красноярским феноменом. Время нынче довольно жёсткое, чёрствое. Люди сейчас в основном живут каждый сам по себе, заботясь лишь о своём благе. На улицах чаще попадаются затюканные бытом и повседневными заботами прохожие с хмурыми, а то и озлобленными лицами. И вдруг красноярцы заставили меня поверить в то, что в нынешнем мире, «чужом, злобном, порочном», добрых людей всё же больше.

С этой верой и жить легче. И тоже хочется сделать что-то доброе, полезное людям, попросить прощения у тех, кого случайно обидел. Наиболее полно это чувство, на мой взгляд, выразил Виктор Астафьев в «Весёлом солдате»:

«Как печально и торжественно всё вокруг. Как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему. Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным даром любить и плакать».

Врачует Быковка душу

После Красноярска меня потянуло в Быковку.

Я выехал в неё субботним утром 14 октября 2006 года, в самый Покров. Вспомнилась примета: коли на Покров лист с дуба и берёзы упал чисто — лёгкий год, не чисто — к строгой суровой зиме. Ну что ж, к морозам нам не привыкать.

Едва на правом берегу Сылвы перед моим взором открылся залив, в который впадает небольшая речка Быковка, я замер от восхищения. Девственную, доверчивую красоту природы трудно передать словами. Сердце неистово рванулось навстречу позолоченным берёзкам, броско выделяющимся на фоне потемневших от зависти елей. Ещё ярче полыхали лиственницы. От их сияния, светлого шелеста берёзок серый осенний день не казался таким уж пасмурным и угрюмым.

Чаще всего на Урале к середине октября деревья сбрасывают листву. Нынче же, на удивление, лес долго стоит во всей своей красе.

Наверное, даёт человеку возможность перед долгой зимой насладиться уходящим летом.

На середине залива показался катерок с паромом, под завязку гружённым кругляком. Пластают сосну, ель, берёзу. Тому подтверждением — бригада шабашников, подготовившая на противоположном берегу очередную партию леса для сплава. Что делают?! Оголяют реку, не задумываясь о последствиях. А зачем наперёд думать, когда такая деньга в руки идёт? С каждого, почитай, кубика по 700 рублей навару. Самое прибыльное дело сейчас — древесина. И охотников на неё, как с лицензией, так и без оной, то бишь, браконьеров — немерено.

Днём и ночью натужно ревут лесовозы, горбясь под тяжестью зелёного золота. Сколько гневных статей в защиту лесов и рек вышло из-под пера русского писателя и страстного природолюбца Виктора Астафьева! А всё одно — вырубает безжалостно леса, ставят сети на водоёмах в нерестовый период, грабят народное богатство по-чёрному. Как-то Виктора Петровича — а был он уже в преклонных годах — спросили, что же Вы, дескать, в последнее время не пишете об экологии, об охране природы?

«Моё молчание и есть охрана природы, защита леса. Ведь и так уже не одну рощу сгубили, перевели на бумагу для моих книг о бережном отношении к природе», — так примерно ответил писатель.

Катерок с древесиной несколько поубавил мой восторг, навеянный осенними красками леса. Но я продолжал шагать, глядя на отражение склонившихся над заливом деревьев. Вода успокаивала. За поворотом, впереди на тропе замаячила фигура человека. До него было метров сто. Мужик шёл в том же направлении, что и я. Может, догнать? Заодно спрошу, приведёт ли эта тропинка к старой Быковке.

В прошлом-то году, возвращаясь из деревни с пермскими журналистами Андреем Никитиным и Мариной Сизовой, я не особо запоминал дорогу, поскольку был чуток навеселе. Мы тогда на месте сгоревшей дачи Астафьева установили памятный крест и скамеечку. Нам помогли здешние жители, зазвавшие нас к себе: у жены «губернатора» Быковки как раз отмечали день рождения.

Я уже примерно наполовину сократил расстояние до попутчика и тут вспомнил мать.

В детстве, до войны, она жила на Кухтанке. Был в Лысьвенском районе такой хуторок с двумя домами. Старенькая мать рассказывала: «Меновщиковы-то раньше съехали с хутора. И остался наш дом один посреди леса. В логу речушка Кухтанка протекала. И никого

вот. Уйдём с Таськой да Игнашкой за грибами в лес, попадётся где человек — и так обрадуемся, поздороваемся. Ну чё? В глухомани ведь жили. Любой живой душе рады были. А ноне повстречаешь в лесу человека и боишься: не худое ли у него на уме? Вон сколько безобразий сейчас творится. Не так зверь теперь страшен, как человек».

Я немного притормозил: кто его знает, стоит ли навязываться в попутчики тому мужику? Но когда разглядел за его спиной рюкзак, а в руках удочку, сомнения разом отпали: наш человек, рыбак. А тот уже вот-вот свернёт в лесочек, и я окликнул рыбака. Мужчина остановился.

Рыбаком оказался молодой человек лет тридцати, в штормовке и сапогах-болотниках. По пути — а шёл я, по его словам, правильно — разговорились. Саша Никулин, так зовут рыбака, родом из посёлка Сылвы. Заядлый харюзятник. Это от отца. И жену Саша увлёк рыбалкой. Когда у шеклеи ход, так они вместе на реке пропадают.

О своей работе (Саша оператор пельменной линии) рассказывает нехотя:

— Что делать? Где-то надо работать. Стекольный-то завод у нас в посёлке накрылся.

Узнав, с какой целью я с друзьями в прошлом году приезжал в Быковку, Саня сбавил шаг:

— Так это вы поставили там крест? С реки его хорошо видно. Всё думал, кому это? Значит, Астафьеву? Читал я у него «Царь-рыбу». Классная книга! А я даже и не знал, что он рядом с нами жил и в этой же Быковке хариусов ловил. Слушай, у меня чекушечка есть. Давай его помянем? Сильный писатель! О жизни, о простых людях правдиво писал, душевно и не приукрашивал. Такие мы и есть.

Саня направился к сваленному у тропы дереву, скинул рюкзак. На валежине появились плоская бутылочка «Пшеничной», хлеб, домашнее сало.

Отказать в его идущей из сердца просьбе я не мог. Посидели, помянули.

Покурили. Потолковали о рыбалке, о погоде — и Саня засобирался:

— На той неделе десятка четыре взял я здесь харюзков. И неплохие попадались. Как сегодня, не знаю. Я отсюда и начну рыбачить, тут хороший омуточек есть. А тебе до деревни километра полтора останется, тропа выведет.

Мы расстались, обменявшись на прощанье адресами. Я пообещал Саньке выслать газету с материалом о встречах в Быковке.

«А ведь не зря жил Астафьев, — размышлял я, шагая по влажной тропе. — Добрее делают людей его книги. Глянь-ко, Саньку первый раз увидел, а будто тыщу лет знаком с ним. Рубаха-парень, в гости вон зазывал. А кто нас сдружил? Астафьев».

И дальше всё происходило в атмосфере какой-то необыкновенной доброты, искренности и радушия, необходимых истосковавшейся душе русского человека за годы передрыг и метаний, что уготовило нам родное государство.

Над Старой Быковкой (на берегу Сылвы есть ещё и Новая) словно витал дух Астафьева, любившего простых и работающих людей, преданных родному краю и земле-кормилице, готовых поделиться с прохожим последней краюхой хлеба, поющих сердцем народные песни, чудаковатых и шумливых, веселых и с распахнутой душой в застолье.

Очень тепло приняли меня «губернатор» Быковки Юрий Воронов с красавицей-женой Мариной, чей день рождения мы отмечали в прошлом году. Юрию Михайловичу сорок лет. Из быковцев он отнюдь не самый старый, но рассудительный, основательный мужик, потому и слывёт в деревне за «губернатора». Подтверждением тому и российский триколор, развевающийся на высокой мачте возле его ладного дома.

Живёт и работает Юрий в Перми, по профессии строитель. Отчасти его биография схожа с жизнью Виктора Астафьева в детстве. Будущий писатель родился в сибирской деревне Овсянке, и Юра деревенский, только на Урале. Так получилось, что он рос и воспитывался у бабушки с дедушкой, как в своё время и Астафьев.

Елизавета Николаевна, Юрина бабушка, женщина смелая, отчаянная: волков, посягавших на её молоденьких козочек, запором от ворот и крепким словом отгоняла. Дед Леонид Александрович, старожил и уроженец Быковки, воевал в Финскую, Отечественную и завершил свой ратный путь в Японии. Вернулся контуженый, держал в деревне пасеку, рыбачил. Умер в 1968 году. Прасковья Воронова, героиня замечательного очерка Астафьева «Паруня», Юриному деду приходилась двоюродной сестрой. Пятерых детей — Валентину, Леонида, Зинаиду, Веру и Александра — подняли на ноги Елизавета Николаевна и Леонид Александрович. Зинаида Леонидовна — мать Юрия Воронова.

Из детства Юре запомнились рыбалка на речке Быковке и на пруду, у мельницы (она не сохранилась), ребячьи вылазки за грибами к Новостройке, посёлку лесозаготовителей, от которого ныне остались

штабеля гниющей древесины. В тот посёлок подростками бегали в клуб на танцы. Были, конечно, и ребячьи проказы, приколы понынешнему. Как-то Юрка едва не до смерти напугал соседскую бабку Наталью.

Деревенские мужики убили медведя. Юрке от него досталась лапа. Взял он её, подкрался к окошку бабки Натальи, пригнулся и поскрёб когтистой лапищей по стеклу. То-то было у старушки страху!

Остались у Юрия в памяти и встречи с писателем. Вот как он об этом рассказывает:

— Ещё помню Астафьева. Нас, пацанов, он угощал карамельками. А с родней моей, кто постарше, и за одним столом сиживал, выпивали вместе. На берегу Быковки с удочкой в руках видал я его часто. Сидит, бывало, рыбачит. Потом раз — удочку в сторону, достаёт из кармана блокнот, карандаш и что-то быстро, быстро пишет.

Деревенские парнишки до техники охочие. Обзавёлся маломощным мотоциклом «Минск» и Юра, покатался с ветерком по полевым дорогам и вскоре поменял его на... гармошку. С ней он и поныне не расстаётся. И гитару освоил.

После баньки — будто поджидал Юра гостя! — мы с удовольствием пели под его аккомпанемент (не в каждой руке так задушевно выводит мелодию гармонь!) песни: и русские народные, и застольные, и цыганские. Опять же у Воронова схожесть с Астафьевым, который был далеко не равнодушен к музыке и сам хорошо пел. Как когда-то Виктор Петрович в восьмидесятом году перебрался из Вологды к себе на родину в Овсянку, так и Юрия Михайловича, уже пермяка, не отпускали деревенские корни. И хотя Быковка с оставшимися четырьмя домами, без электричества уже числилась в списках БНП (бывших населенных пунктов), родной край манил, снился по ночам. И не только ему.

Первым в 1998 году здесь поставил дом Владимир Лядов — двоюродный брат Юрия. Через год-другой появился дом и у Юрия Воронова — небольшой, но крепкий, аккуратный, тёплый. В огороде — изящная беседка.

Строиться им подсобляла родня — по старинке: всей артелью, так называемая помочь. Быковцы и сейчас помогают друг другу: привёз кто дрова — идут все разгружать, баню срубить — все мужики берутся за топоры. Скинулись — приобрели тракторишко. Решили и проблему с электричеством: есть теперь у быковцев своя малогабаритная электростанция. Работает на бензине, очень экономичная: до полуночи сидели в тот вечер со светом, а сожгли около одного литра горючки.

Теперь на правом берегу Быковки уже образовалась улица из девяти домов, да внизу, на левом, — три дома. Из старожилов здесь постоянно живут Виктор и Таисья Шаровы, остальные — дачники из Перми и со станции Ляды. Сюда они приезжают на всё лето, выращивают картофель, огурцы, помидоры... Земля здесь плодородная. А «губернатор» по выходным навещает свою вотчину круглый год.

— Меня и зимой в квартире не удержишь. На снегоходе ли, на лыжах ли, но доберусь. А красота-то, глянь, какая у нас! — обводит рукой лесные дали Юрий Михайлович.

В то время, как в России ежегодно исчезают с лица земли две деревни (не в эпоху укрупнения колхозов и вымирания неперспективных деревень, а сейчас), Быковка начинает возрождаться. Не это ли достойный для подражания пример бережного отношения к земле-кормилице, к родовому гнезду? Возможно, и Быковку бы постигла участь забытых деревень, если бы не крепкие родственные связи её выходцев.

А всему начало положили Леонид Александрович и Елизавета Николаевна Вороновы. Пятеро их детей передали любовь к малой родине внукам — и вновь ожила деревня. По утрам голосят петухи, от банок пахнет дымком, гоняют на мотиках уже правнуки Вороновых-старших.

В тот день с кем бы я ни встретался — Юрий и Марина Вороновы, Алексей и Любовь Башатовы, Володя Лядов, Игорь, Валентина Григорьевна — все родственники. Кто кем кому приходится — я уж запутался. Но помню, что Володя и Люба — родные брат и сестра, Игорь — двоюродный брат Юрия. В первый раз, когда я с друзьями приезжал в Быковку, место сгоревшей дачи Астафьева нам указал Ванюшка, сын Любы и Алексея.

Дети «губернатора», Надя и Андрей, тоже полюбили Быковку. Глядишь, и внучек Юрия и Марины Вороновых Никита — ему десять месяцев — первые шаги сделает не в пермской квартире, а по пропахшей мятой тропинке в Быковке.

Нет, не одними праздными делами мы занимались в тот день: любителям застолья деревню не поднять. Втроём — Юрий, Алексей и я — съездили на мотороллере «Муравей» в посёлок Винный, откуда привезли двери и стройматериалы для бани. На обратном пути выкопали рябинку. Её и маленький дубок, захваченный мною из Лысьвы (спасибо Геннадию Суслову — главному озеленителю города и страстному поклоннику Виктора Астафьева), посадили у памятного креста.

Потом Юрий и Алексей стлали пол в предбаннике: новая баня на две семьи почти уже готова. Вы бы видели, как поют в их руках инструменты: топорик, молоток, ножовка! Я тоже отвёл душу, утолил свою давнюю, с детства, страсть: поленницу дров наколол.

И, конечно, всей деревней мы сходили к поклонному кресту, установленному в память русского писателя Виктора Астафьева осенью 2005 года моими друзьями Борисом Филаретовичем Мехряковым, Андреем Никитиным, Мариной Сизовой и быковцами.

Здесьние мужики после нашего отъезда выкосили возле креста бурьян, а женщины по весне высадили вьюнки, бархатцы, подсолнухи. Они уже отцвели, повяли, но не угасла в сердцах людей любовь к писателю-земляку.

Посидели на сколоченной скамеечке, помолчали, помянули... Низкий поклон Виктору Петровичу. Ведь это благодаря ему и Марье Семёновне я познакомился с прекрасными, добрыми жителями Быковки, возродившими затухающую деревню. А вам, Марина и Юра, спасибо за радушие и хлебосольство.

На обратном пути в электричке у меня родились такие строки:

*Как муторно было и скверно
На сердце в тот день у меня,
Пока не уехал в деревню,
Где лечит сама тишина.
Шагаю тропой вдоль залива
По мягкой траве-мураве,
А ветер, чудак шаловливый,
В любви признаётся листве.
Недаром «Пастух и пастушка»
Родились вот в этих краях:
В стоящей на взгорке избушке,
Где Муза бывала в гостях
У воина с русской хваткой.
Да, жил здесь один сибиряк.
Эх, Виктор Петрович Астафьев,
О чём же у Вас говорят
В раю? Ты ведь там обитаешь...
О жизни толкуют земной?
Быковку ли ты вспоминаешь?
В Овсянку ли рвёшься домой?
Ты райские кущи, блаженство*

*В небесных цветущих садах
 Сменял бы на то, чтобы женщин,
 Как прежде, носить на руках?
 Ловить окунишек на зорьке,
 Ущицу хлебать у костра,
 С друзьями — по чарочке горькой
 И байки травить до утра.
 Полями, заросшей протокой
 По лесу с ружьишком шагать,
 Пронзительно-нежные строки
 О русской природе слагать?
 Молчишь... Это значит, Петрович,
 Ты, видно, согласен со мной?
 Пусть даже судьба к нам сурова,
 Есть прелести в сути земной!*

*...Быковка мне душу врачует
 Неброской своей красотой,
 Доверчивой песнью речушки,
 Что воды струит под горой...*

Телемост «Быковка – Красноярск»

В 2007 году я снова отправился в Быковку. В шестом часу утра вышел из дома. Накрапывало. Вернулся за зонтом. Прежде чем затворить дверь, глянул в зеркало, чтоб повезло. И «повезло!» На вокзале объявили: «Отправление поезда Лысьва — Пермь-II задерживается на тридцать минут». А я-то договаривался с напарниками-чусовлянами пересесть в Калино на их электричку и вместе доехать до Сылвы. «В Калино меня не увидят и махнут, поди, обратно домой», — с такой невесёлой думой доехал я до станции Сылвы.

На перроне попадаю в объятия Владимира Маслянки и Альмиры Кардапольцевой.

О Владимире Николаевиче Маслянке, директоре дома-музея В. П. Астафьева в Чусовом, я уже немного рассказывал, а Альмира Михайловна — директор городской библиотеки имени А. С. Пушкина. Оба истовые астафьеведы, глубоко исследующие творчество писателя-земляка, постоянно поддерживают связь с его вдовой Марией Семёновой.

Оба давно мечтали побывать в Быковке, где Виктор Астафьев написал «Кражу», повесть «Пастух и пастушка», большую часть «Последнего поклона» — свои лучшие произведения, тепло встреченные и читателями, и критиками, поэтому они охотно приняли моё предложение.

И вот — слава Богу! — мы вместе. Примерно через полчаса нас с большой группой садоводов-пермяков катер высадил на правом берегу Сылвы, в Новой Быковке.

Всё также мокро. А до старой Быковки шагать километров семь. В Новой Быковке, как и в полукилometре от неё в деревне Корсаково, обосновались дачники, в основном из Перми. В большинстве огороδικов уже всё убрано, обихожено, перекопано. Радуют глаз алые гроздья выглядывающей из-за забора рябины. Год нынче на неё урожайный.

Деревня позади. Идём по берегу широкого залива. В нём, как в зеркале, отражаются деревья. Здесь, на крутых склонах, недоступных технике, они ещё не все вырублены. Глянешь на вырядившиеся в жёлтые сарафанчики берёзки (они на фоне угрюмых елей и разлапистых сосен смотрятся очень весело и празднично!) — и забываешь о дожде. Как же не появиться у Астафьева, проходившего по этим живописным местам, таким чудесным затесям о природе!

Возможно, именно здесь и подглядел он «Падение листа», где в небольшой по объёму лирической миниатюре писатель уместил столь глубокие размышления о жизни.

Примерно через час, когда тропинка завилыла по высокой — до пояса — траве и в сапогах захлюпала вода, в голову всё настойчивее стали проникать думы о тепле, о распаренном берёзовом веничке...

Зонтики до того промокли, что мы с Альмирой Михайловной свернули их за ненадобностью. Владимир Николаевич вообще шёл без зонта и даже без кепки. За него я не переживал: всё же мужик. А вот каково в такую непогодь женщине? Альмира Михайловна словно угадала мои мысли:

— Лес хорош в любую погоду. Правильно сделали, что вытащили меня из города. А то я на работе так закрутилась, что забыла, как осенью лес пахнет. Здесь такой воздух — не надышишься!

— Слава Богу, настроение у вас, Альмира Михайловна, вижу, бодрое. А я-то иду, переживаю — затянул в глухомань, да к тому же вымокли, — и, вспомнив присловье Марии Семёновны, добавил: — На вас же сухого места нет — курочке негде клонуть. Ничего, придём, думаю, банька будет. Юра наверняка уже затопил её.

— Тормозни-ка, Сусанин, — попросил Владимир Николаевич, подходя к молодой сосенке. — Снимок сделаю.

Он достал из сумки фотоаппарат, сухой зонт.

— Николаич, я не понял: идёшь, мокнешь. Для чего тогда зонт взял?

— Сейчас увидишь.

Он раскрыл зонт и, укрывшись под ним с фотоаппаратом, вплотную приблизился к зелёной веточке сосны, на иголке которой зависла крупная дождевая капля, готовая вот-вот сорваться вниз, и нажал на спуск.

Снимок получился изумительный. Профессионал! О технике наперед заботится, а потом — о себе.

Скоро показалась огромная валежина. На ней мы в прошлом году с рыбаком Сашей Никулиным из Сылвы поминали Астафьева.

В прогале деревьев заблестела речушка.

— Отсюда уже недалеко, — успокоил я спутников. А больше обрадовался сам: не сбился с пути.

Действительно, примерно через четверть часа на выходе из леса завиднелись тёмные крыши домов. Это левобережная часть Быковки. А нам надо перебраться на правый берег.

— Геннадий Васильевич, сейчас тебя собаки увидят и лай поднимут. Подумают, что шпион: вон кедр у тебя из рюкзака торчит, как антенна передатчика, — подтрунивает Маслянка.

И впрямь, пару шагов сделали, как под ноги мне — я шёл впереди — с заливыстым лаем бросился упитанный чёрно-белый кобелёк. На лай вышел хозяин, мужчина лет сорока. Приструнил собаку.

— Здравствуйте! — сказал я. — Запомню, где тут мосточек через речку?

Мужчина указал рукой в сторону ольховых зарослей с ведущей к ним едва заметной тропинкой.

И мы вышли на мост. На жёрдочках с незатейливыми перильцами Владимир Николаевич остановился и взялся за фотоаппарат. Достала свой цифровик и Альмира Михайловна.

— Наверняка на том перекате Виктор Петрович харюзов ловил, — предположил Маслянка. — Надо заснять.

Я тоже вынул из рюкзака фотоаппарат. Минут десять мы с разных точек ловили речушку в объектив, пробираясь по мокрой траве ближе к цели. От мостика оставалось преодолеть по довольно крутой горке метров пятьдесят — и перед нами откроется поклонный крест с табличкой: «Здесь жил русский писатель Виктор Астафьев».

Меня разбирали и любопытство, и тревога: как воспримут наше с Филаретычем творение чусовляне, земляки Виктора Петровича.

— Солидное сооружение, — заметил Владимир Николаевич, окинув взискательным взглядом снизу вверх трёхметровый крест, и взялся за фотоаппарат.

Я полагал, что мы сначала дойдём до Вороновых, обсушимся, перекусим, а уж потом вернёмся сюда. Где там! Владимир Николаевич с Альмирой Михайловной и так и эдак — с ближнего и дальнего расстояний, выбирая тот или иной ракурс, композицию, — делали снимки: щёлк да щёлк. И тут случилось чудо: дождь прекратился! Словно Виктор Петрович там, наверху, договорился с Ильёй Пророком, и тот, жалея нас, перекрыл заглушку, из которой сыплются на землю хляби небесные. С полчаса, наверное, мы крутились возле креста, сложив на скамеечке свои вещи. Тут, рядышком, направляясь к домику Вороновых, я оставил — никто здесь не пакостит — и саженец кедра, подаренный Быковке Геннадием Сусловым.

Калитка у Вороновых не заперта. В избе ни души. Где хозяйева? Прошёл по огороду. И неподалёку от новой баньки, под навесом овощной ямы увидел женскую фигуру. Это Марина подавала мужу ведро с отборной свёклой.

— С урожаем! — приветствую быковцев, ставших мне родными.

— О, Геннадий! Хорошо, что приехал. Промок? Через час баня будет готова, — выглянул из ямы Юрий Михайлович.

— Так ведь я не один.

— Всем места хватит, — успокоила Марина.

Через четверть часа мы впятером сидели за столом, как старые добрые друзья, знакомые тыщу лет. Наше мокрѐ — одежда и обувь — сушилось в бане. На это время Михалыч даже «выписал» мне свои запасные брюки. На полу у печи в однорядку насыпана картошка — ровнёнькая, крупней в полтора раза куриного яйца.

— На семена, поди, отобрали? Вон какая гладенькая, — кивнул я на клубни.

Юра с Мариной недоумѐнно переглянулись:

— Да это же мелочь. Крупную картошку в яму спустили.

— Ничего себе «мелочь»! При нынешнем-то недороде на картошку и такие клубни за милую душу сойдут.

Пока выстаивалась баня, всей компанией, прихватив лопату и пару вѐдер с водой, сходили до Поклонного креста. Юрий Воронов бензиновой литовкой — у него всё механизировано — возле скамейки обкошил полянку, на которой ближе к дороге и посадили кедр.

Я заметил: дубок и рябинка, посаженные в прошлом году, хорошо прижились. Приглянется ли новое место кедрёнку? Дай-то Бог. В это время к нам подошли ещё одни старожилы Быковки: Алевтина и Виктор Шаровы. Тот самый Виктор, что однажды в непогодь при переправе через Сылву спас Марию Семёновну, ухватившуюся за борт захлестнувшей волной лодки. Еле руки тогда у неё разжали.

Мы сфотографировались с Шаровыми и помянули Виктора Петровича Астафьева. Владимир Маслянка в поисках экспоната для своего музея, осторожно раздвигая траву, зашагал к месту сгоревшей дачи писателя. И нашёл-таки потемневший от времени эмалированный, с широким горлышком кувшин, из которого Астафьевы наверняка пили молоко или квас.

Мы спустились и к уцелевшей астафьевской баньке. Восстановлению она не подлежала: вот-вот рухнет. Владимир Николаевич и здесь разжился музейной редкостью — старинной металлической ручкой от банной двери. Съездили на грузовом мотороллере и до памятника героям Гражданской войны, установленного на месте гибели 19 молодых красноармейцев.

— Колчаковцы их расстреляли, — пояснил Юрий Михайлович. — В советские времена здесь пионерские сборы устраивали.

На обратe он доверил мне порулить. Хоть и сыроватой была лесная дорога, доехали благополучно: техника у Воронова надёжная, следит он за ней, как мать за малым дитём.

После жаркой баньки, отдохнув, Маслянка решил устроить «телемост» (телефонный) с Красноярском.

Он набрал на своем «мобильнике» номер домашнего телефона Марии Семёновны Астафьевой. Есть связь!

— Мария Семёновна! Здравствуйте. Это Володя Маслянка. Ни за что не догадаетесь, откуда я Вам звоню, — интригует он. И сам же не выдержал: — Из Быковки!

Похоже, Мария Семёновна сильно удивилась и обрадовалась звонку из Быковки, с которой у неё связаны самые тёплые воспоминания. Это чувствовалось по разговору с ней и Альмиры Михайловны.

Когда подошла моя очередь, Мария Семёновна, с нетерпением заинтересовалась:

— Гена, а стоит ли ещё дом Леонида? А где его брат Александр жил, там кто сейчас проживает? Тот же стоит домишко?

Мария Семёновна, которой без малого 90 лет, помнила — ай да, память! — каждого жителя Быковки. Чувствовалось, что всей душой

она сейчас была в любимой семьёй Астафьевых уральской деревушке, где, между прочим, Мария Семёновна написала свой первый рассказ «Школьное сочинение» (в «Звезде» он был опубликован под названием «Детские годы»), положивший начало её литературной деятельности.

Она буквально засыпала меня вопросами, а потом сказала:

— Снова думаю о своей спасительной, милой сердцу Быковке. Жители быстро и охотно приняли нас как родню, и каждый наш приезд был для них вроде праздника. Они приходили то поодиночке, то один за другим, то ближе к вечеру компанией. Приносили, что могли: молоко, яички, мёд, картошку, капусту. Иногда бутылку, заткнутую по старинке бумажной кручёной пробкой, мутноватой самогонки, и получалось у нас застолье.

Несмотря ни на что, считаю, что в Быковке прошли наши лучшие годы. Как много друзей приезжало к нам туда, и велись длинные, интересные разговоры. Быковка для Виктора Петровича была таким же «приятном спокойствия, труда и вдохновения», как село Михайловское Пушкину..

...Я и завершил «телемост» с Красноярском, пожелав Марии Семёновне терпения и доброго здоровья.

До глубокой ночи, пока не кончился бензин в малогабаритной электростанции, мы до мелочей восстанавливали разговор с Красноярском, вспоминали встречи с Виктором Петровичем, горячо обсуждали его произведения и уральского периода, и поздние, написанные в Сибири.

Песни под гармонь и гитару пели уже при свече.

Хорошо спалось в деревенском бревенчатом доме! Не хотелось вставать. Но пора собираться в обратный путь.

Мы так сдружились за эти выходные, что в середине сентября каждого года решили встречаться в Быковке, у Поклонного креста. Почему в сентябре? Любил эту золотую пору бабьего лета Виктор Петрович.

К тому же у Альмиры Михайловны и Марины, как они выяснили, дни рождения рядышком: 14 и 16 сентября.

Воскресный день подарил нам на редкость солнечную погоду: на небе ни облачка. Одетые в осеннее разноцветье лесные дали до того чисты и прозрачны, что так бы и воспарил над ними быстрокрылой птицей!

Пользуясь такой благодатной для фотосъёмок погодой, мы ещё раз побродили по берегу журчащей на перекатах Быковки — по ме-

стам Астафьева-рыбака, полили дождевой водой кедрик, поклонились памятному кресту, у которого и расстались с нашими гостеприимными хозяевами: Юрой и Мариной Вороновыми.

Этих замечательных русских людей мы добрым словом вспомнили и на берегу Сылвы, где присели перекусить: разве отпустит нас Марина в дальнюю дорогу без «тормозка» и даров со своего огорода?

Альмира Михайловна расчувствовалась:

— Какие удивительно милые, сердечные люди живут в Быковке! Познакомилась с ними, полюбовалась астафьевской деревушкой, речкой, лесом — и так душа отмякла здесь, уезжать не хочется... Какая-то необыкновенно добрая аура в этих местах. Спасибо, Геннадий Васильевич, что затащил нас сюда.

— Что интересно: потомки быковской Паруни — ныне по прописке горожане, а сохранили верность земле предков, — добавил Владимир Николаевич. — И говорят они без вывертов и зауми, на том же сочном русском языке, что и герои произведений Астафьева. А уж он-то народный фольклор знал, как никто.

...Наконец мы забрались в электричку, где продолжили добрым словом вспоминать хлебосольных хозяев Быковки.

В комментариях к восьмому тому полного собрания сочинений Виктор Астафьев писал:

«Не знаю, совесть ли меня заела, тоска, жажда ль покаяться подступила к сердцу, но однажды я начал писать о Паруне — о самом нашей семьей и всей Быковкой любимом — не любимом, но почитаемом и необходимом человеке. Писалось свободно, писалось с печалью и тоской о самом-самом маленьком человеке, и где-то под сердцем или в самом сердце что-то сочилось слезою, и порою трепетало во мне чувство нежное и благодарное. Удалось ли до конца, наверное, нет, передать мне словом всю мою любовь, всю мою печаль, трепет мой, но, видит Бог, я стремился изо всех сил, стремился передать все мои самые лучшие чувства, которые я испытывал, живя в этом неприметном, самом дорогом сердцу, после родной деревни, уголке русской, уральской земли, к людям, что его населяли, и прежде всего к незабвенной российской труженице — Паруне, Прасковье Александровне Вороновой, в которой, на мой взгляд, воплотился весь облик и характер женщины-россиянки».

Вот и мы, глядя на мелькающие за окном электрички «в багрец и золото одетые леса», испытывали неподдельное чувство благодарности к быковцам, принявшим нас как родных.

И верилось, что с такими людьми, как Юрий (он внучатый племянник той самой Паруни) и Марина Вороновы, несмотря на заско-

рузлость нашей повседневной жизни, разделившей народ на богатых и бедных, добрая Русь воспрянет, вернёт свой прежний облик. В немалой степени этому способствует Виктор Астафьев. Хоть его и нет в живых, но он продолжает объединять людей, не безразличных к её судьбе. Ведь и нашей встрече с замечательными тружениками из Быковки, бережно хранящими традиции русской деревни, мы, по большому счёту, обязаны ему.

...Ровно через год к нашей экспедиции в Быковку с удовольствием присоединился большой друг Виктора Петровича Астафьева, известный литературный критик из Пскова, член правления Союза писателей России Валентин Яковлевич Курбатов. В детстве он учился в Чусовом, занимался спортом, был равнодушен к уличным мальчишеским играм. Поэтому я и захватил с собой городки (у нас в Лысьве эта старинная русская игра стала возрождаться) — пять «рюх» и одну биту. По поводу биты мои спутники шутили: «Есть чем отбиваться от медведей и волков». Это в перерывах, когда Курбатов по пути до деревни, очарованный осенним уральским лесом, взхлеб читал стихи Ахматовой и Гумилева.

На месте сгоревшей дачи писателя заглянули в ещё не упавшую баньку Астафьевых, где Валентин Яковлевич нашёл кованый гвоздь и взял себе на память. И зашагали к добротному домику Вороновых. Пока женщины накрывали на стол, мы во дворе кололи берёзовые чурки. Размявшись с колуном, Валентин Яковлевич обернулся ко мне:

— Доставай городки.

И пока я копошился со шпаргалкой, на которой нарисованы все фигуры, Курбатов без подсказки построил из рюх «Колодец», отошёл метров на десять и замахнулся битой:

— Ну держись, Ванька в колодце!

И так опахнуло детством! Ведь и мы пацанами также называли эту фигуру, а «Пулемётное гнездо» — «Бабушкой в окошке». И пошло дело. Чтобы не бегать каждый раз за битой, мы метали ей по фигуре с обеих сторон. Лучше это получалось у Валентина Курбатова: сказалась дворовая закалка. Не устояла от соблазна выбить «Ваньку из колодца» и Альмира Михайловна.

А потом мы сидели за столом и слушали Валентина Яковлевича, писателя и нашего старшего друга:

— Здесь как-то по-особому ощущаешь красу земную, ту самую, которая может ещё и спасёт нас, если чаще будем глядеть вокруг себя.

Со двора выйдешь, помотришь на эти поляны, желтеющие лиственницы, задумчивые ели и поверишь, что мы, может, ещё постоим на этой земле. И она нас спасёт. Временами думаешь: Господи, совсем избегались, как собачонки, носимся взад-вперёд. И уж матушка-Россия вроде не для нас. Вот учёные говорят — стабилизация. А, по сути, матушка-Россия просто заглядывает на своих детей, видит, что мы набегались, извертелись все. И решает: «Ну, ладно. Я тогда сама с вами начну разбираться». И поворачивается с боку на бок. Кого ненароком придавит, а кого и поднимет. И постепенно мы все за неё уцепимся или она за нас и, глядишь, постоим ещё. Видно, пришёл час каждому человеку думать о красоте природы, о Родине, о деревне. Не надо стесняться высоких слов — Родина, любовь...

Это здорово, Юра, что вы восстанавливаете астафьевскую Быковку. И городки, что ты, Гена, привез, это ведь тоже своего рода ступенька к возрождению России. Любая старинная русская игра — чиж, лапта, городки — есть возрождение России, потому что игра — дело коллективное, артельное. Тем более, когда команда на команду. А мы утрачиваем чувство единения, коллективизма, а ведь благодаря артельности мы и одолели страшную войну. Раньше, когда выйдешь во двор (чусовской, лысьвенский), всё кипело, ты видел жизнь. Там бегали дети, старушки лузгали семечки, обсуждая своё, дневное. Мужики в домино жарились. Пацаны уже за барышнями пытались увиваться, ещё не зная, как это делается. Люди жили одной жизнью. Сейчас все по домам попрятались, замкнулись, даже из балкона сделали себе лишнюю комнатку.

Мы сегодня читаем Виктора Петровича Астафьева и не понимаем, про какие игры он пишет. Что за «бабки»? Или колышек, который забивают в землю, и проигравший должен его вытащить зубами. Мы сегодня не чувствуем, что мы едины. А любая игра — это когда плечом к плечу, когда все вместе. И радуешься этому, особенно когда на глазах у девчонки, которая нравится, делаешь удачный бросок: «Попал!», — воспоминания о детстве зажгли в синих глазах Валентина Яковлевича весёлые искорки.

Сменились они на грустинки лишь при расставании: так не хотелось покидать стоящую на зелёной полянке деревеньку, её приветливых трудолюбивых хозяев, не дающих умереть Быковке. На обратном пути на левом берегу речушки побеседовали со словоохотливым пермяком Анатолием Борисовым. Он здесь когда-то приобрёл для дачи домик и почти от снега до снега живёт в нём. Кстати, прежде в этом доме была дача пермского писателя Авенира Крашенинникова.

...Прощаясь, ещё раз остановились, оглянулись на поклонный крест, установленный три года назад на взгорке, на месте сгоревшей дачи Виктора Астафьева. Проплывающие над деревушкой облака, казалось, тоже замедлили свой путь — прислушиваются к говорливым перекатам Быковки, засматриваются на берёзки, сбегаящие с крутого бережка к самой воде. При этом от бега часть своих изумительных нарядов, подаренных золотой осенью, берёзки растеряли. И всё же остались красавицами — глаз не оторвать. И вслед за Виктором Петровичем, избродившим эти чудные места вдоль и поперёк, хочется повторить: «...Спасибо тебе, Господи, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила въяве столь чудес, что краше всякой сказки».

Послесловие

В этой книге я не стремился вознести до небес или очернить Виктора Астафьева. Описывал его таким, каким знал.

До встречи с Виктором Петровичем я читал лишь «Пастуха и пастушку», «Звездопад» и «Стародуб». Когда же я прочитал все пятнадцать томов (полное собрание сочинений, выпущенное в Красноярске в 1997 году) понял, с каким Человеком свела меня судьба. Особенно пришлось по сердцу его рассказы о детстве из «Последнего поклона». Я ведь наполовину деревенский, все летние каникулы проводил у бабушки и дедушки в селе. И в газете поднимал болезненные темы затухающей русской деревни. Как и Виктора Астафьева, меня по-своему печалит её горькая судьба. Потому-то в газете писал о выходах из забытых деревень и хуторов, с друзьями устанавливал на местах умерших деревень поклонные кресты и скамеечки.

За цикл публикаций о возрождении русских деревень стал лауреатом Всероссийского конкурса «Золотое перо России». Случилось это через год после смерти писателя. Отчасти его рассказы и размышления о нелёгкой крестьянской доле и побудили меня к проведению акции «Вернём исчезнувшей деревне имя».

И вообще от встреч с ним, от его добрых и мудрых слов зарождается какое-то движение души. Даже предсмертные слова писателя «...ухожу из мира чужого, злобного, порочного...», мне кажется, написаны им для того, чтобы люди задумались: в каком мире мы живём и как «переделать этот мир, чтоб был счастливый каждый»? Именно этого хотел бесстрашный солдат из песни Булата Окуджавы. Но

у него ничего не получилось, «ведь он на ниточке висел, и был солдат бумажный».

А вот юные участники Малых Астафьевских чтений, что ежегодно проходят в апреле в Чусовом, реально переделывают «злой и чужой» мир в добрый. Очарованные искренним, доверительным словом Астафьева, они уже наверняка не встанут на худой путь. Проникновенно, порой со слезами на глазах, читая рассказы и затеси, играя сценки из произведений великого русского писателя, дети передают астафьевскую доброту окружающим. И дай Бог, чтобы в ауре этой доброты оказалось как можно больше людей.

Однажды я ехал в автобусе с чусовскими школьниками, которые принимали участие в Астафьевских чтениях, что проходили в Перми. Более всего меня поразило то, что вместо обычных ребячьих приколов и шалостей они вплоть до Чусового спорили, разговаривали об именитом земляке-писателе, сожалели, что на выступление жюри отводило им только три минуты, выведывали у своей учительницы литературы Ирины Гаряевой подробности биографии Виктора Астафьева. Это же здорово, что творчество писателя зацепило ребятшек.

Кстати, у себя на родине Виктор Астафьев много внимания уделял тому, чтобы дети читали умные добрые книги. Это благодаря ему в Овсянке построили замечательную библиотеку, а в Красноярске открыли литературный лицей. Астафьев по этому поводу писал:

«Детское творчество при всей его неподдельной искренности — всегда загадка и всегда откровение, и та золотая неподдельность самовыражения, которую, взрослея, приспособляясь к изгибам жизни, хитросплетениям и сложностям мира и судьбы, люди утрачивают, становясь если не лукавыми, то до того уж гибкими, что порой и себя уж не узнают. И только воспоминания о детских годах дают человеку возможность с удивлением взглянуть на себя, хорошо и светло задуманного Богом, но изломанного, искорёженного, размытого до неузнаваемости земным существованием».

У каждого человека бывают в жизни трудные минуты. И у меня они были. От грустных размышлений в 1990-е меня спасали рыбалка и тихая охота, забывался с семьёй в саду на грядках. Выручали и добрые книги Виктора Астафьева, встречи с поклонниками его творчества и людьми, лично знавшими писателя. Хоть мне и доводилось не раз с ним общаться, на роль друга Астафьева (это надо не один пуд соли съесть), как меня иногда представляют, я абсолютно не претендую. А вот его проза, лирические затеси, встречи с Виктором Петровичем, его эмоционально рассказанные байки запали в душу навсегда.

Ещё Астафьев обладал удивительным искусством объединять людей. Круг почитателей его таланта, единомышленников с каждым годом растёт. Если в Чусовом в первых Астафьевских чтениях принимали участие около тридцати здешних ребятишек, то в последние годы это мероприятие вышло на всероссийский уровень: в нём участвуют до 400 школьников из Пермского края, Красноярска и других городов России. Более того, лучшие детские стихи участников чтений опубликованы в столичном журнале «Москва».

А сколько друзей появилось у меня благодаря Астафьеву! Сколько встреч с интересными собеседниками он подарил! Мы побывали с женой в мастерской заслуженного художника России Владимира Зеленова, друга семьи Астафьевых. Удивительный человек. Вот есть у людей старшего поколения какая-то обязательность, забота о друзьях: ведь не забыл и нас, выслал через посыльных в далёкую Лысьву книгу со своими воспоминаниями об Астафьеве. По сей день переписываюсь с редактором журнала «Студенческий меридиан» Юрием Ростовцевым, другом писателя и автором книги «Страницы жизни Астафьева». Как-то были в Москве проездом, позвонили Юрию Алексеевичу, и несмотря на загруженность он нашёл-таки время для встречи, общения да ещё и книг, журналов подарил. На своей книге «Страницы из жизни Виктора Астафьева» Ростовцев оставил такую надпись:

«Дорогой Геннадий! Рад нашей встрече. Желаю тебе успешной деятельности в наших Астафьевских поисках».

В 2004 году в Красноярске на мероприятиях, посвященных 80-летию Виктора Петровича, я познакомился с народным артистом СССР Кириллом Лавровым. В Овсянке на открытии в память Виктора Астафьева грандиозного мемориального комплекса Кирилл Юрьевич говорил: «... Мне кажется, нужно соблюсти какую-то грань, чтобы оставить этот край таким, каким его любил Виктор Петрович, не устраивать излишних помпезных акций вокруг его имени. Нужен ли нам Лас-Вегас в Овсянке? На мой взгляд, за всей этой шумихой не упустить бы главное — обращаться к книгам, к добрым и мудрым мыслям писателя, беречь и любить природу, как он».

В ту поездку я познакомился также с писателем из Санкт-Петербурга Михаилом Кураевым, с художником-иллюстратором произведений Астафьева Сергеем Элояном, кинооператором из Москвы Михаилом Литвяковым, автором документальных фильмов о сибирском писателе. Кстати, Михаил Сергеевич подарил нам кассету с фильмами «Последний поклон. Памяти Виктора Астафьева».

В Чусовом на Малых Астафьевских чтениях беседовал с дирижером и основателем театра «Новая Опера», народным артистом России Евгением Колобовым и книгоиздателем из Иркутска Геннадием Сапроновым. К сожалению, обоих в живых уже нет... На чтениях в Перми встречался с литературным критиком из столицы Львом Анненским, обменялся адресами с писателем из Москвы Владимиром Крупиным. В Вологде (там в 2007 году тоже проходили мероприятия, посвящённые В. П. Астафьеву) вживую слушал выступления писателей Роберта Балакшина, Александра Грязева и Анатолия Петухова, друга семьи Астафьевых Валентины Старковой и других.

О Малых Астафьевских чтениях следует сказать особо. Малые — это только в написании. По сути, организаторы их — директор Чусовской библиотеки имени Пушкина Альмира Кардапольцева и директор литературного музея Астафьева в Чусовом Владимир Маслянка — делают великое дело, пропагандируя творчество Виктора Астафьева и приобщая детей к художественному слову мастера.

Астафьевские чтения в Чусовом — это не только состязания участников, это ещё и великолепный праздник для детей. Владимир Маслянка, замечательный фотохудожник, к этим мероприятиям изготавливает чудесные фотоколлажи, буклеты, книжечки со стихами и рассказами детей-конкурсантов. И как они рады простенькому сувениру в виде «Царь-рыбы»! А как загораются глаза у ребятшек, когда перед ними выступают люди, хорошо знавшие Виктора Петровича, — Галина Васильевна Лапчева, посещавшая в 1950-х вместе с Астафьевым литературный кружок при редакции газеты «Чусовской рабочий», няня Секлетиня Савватеевна Опарина, писатель из Перми Роберт Петрович Белов.

В Чусовом, на литературной родине Виктора Астафьева собираются литературный критик из Пскова Валентин Курбатов, пермские писатели и поэты Виталий Богомолов, Татьяна Соколова, Анатолий Гребнев, Юрий Беликов и другие. В библиотеке встречи читателей с ними всегда проходят в непринужденной дружеской атмосфере. А поэт Фёдор Востриков и прозаик Иван Гурин, знавшие Виктора Петровича, стали постоянными членами жюри Малых Астафьевских чтений. Они ещё и мои наставники, написавшие рекомендацию в Союз писателей России.

Случается, Астафьевым болеют целые семьи. Когда я привез из Красноярска подаренные Виктором Петровичем пятнадцать томов полного собрания сочинений, жена, филолог по образованию, тщательнейшим образом перечитала их. Заручившись поддержкой

Марии Семёновны и её сына Андрея, Надежда Вершинина несколько лет работала над составлением родословной Виктора Петровича Астафьева: встречалась с родственниками писателя в Красноярске и в Овсянке, в Чусовом, выписывала высказывания Виктора Петровича о родных из его писем, интервью, автобиографии.

Итогом её кропотливого исследования стала работа «Родословная писателя В. П. Астафьева: поколенная роспись с указателем имен и генеалогической таблицей кровного родства». Ценность её труда заключается в том, что столбцы (поколенная роспись) полностью составлены из цитат самого писателя, его характеристик родственников от прадеда до внуков. Сначала работа была опубликована в Чусовом, чему поспособствовал Владимир Маслянка. А позднее при поддержке Надежды Яновны Саковой, заместителя директора по научной работе Овсянской библиотеки-музея Астафьева, публикация Надежды Вершининой появилась и в Красноярске в литературном альманахе «Стародуб». В 2009 году по приглашению Министерства культуры Красноярского края Надежда Вершинина участвовала в праздновании 85-летия писателя. На одной из площадок она представляла свою работу, встреченную весьма благожелательно и родственниками писателя, и гостями, прибывшими на торжественные мероприятия, посвященные юбилею Виктора Петровича.

Внучка Наташа Желтухина дважды участвовала в Малых Астафьевских чтениях в Чусовом. Она под руководством бабушки исследовала творческий период писателя в Перми и в уральской деревушке Быковка. Её работу жюри признало содержательной, интересной, и юная лысёвница стала дипломантом этого литературного конкурса.

Мы с женой поддерживаем дружбу с родственницами Астафьевых Ольгой Хорошуновой и Ниной Пономарёвой. Это Ольга первая сообщила из Перми печальную весть о кончине Марии Семёновны, а мы позвонили нашим чусовским друзьям. И они успели на похороны в Красноярск. Вот так друг за друга и держимся.

Ирина Астафьева и её школьная подруга Нелли Растилова (в девичестве Абхатова) поклялись: если с кем что случится — родителей не бросать. И Нелли Фёдоровна, предприниматель из Чусового, всегда помнила девичье обещание, ездила в Красноярск и до последних дней помогала Марии Семёновне.

Не забывает малую родину Андрей Астафьев. Какую интересную экскурсию устроил он для нас в свой очередной приезд в Чусовой — пошёл по местам детства в Красном посёлке:

— Вот здесь мы играли в футбол. Нина Пономарёва чаще на воротах стояла. Отсюда убегали к речке Вильве искупаться...

А уж если Андрей оказывался в Чусовом, он непременно заезжал к нам в Лысьву и навещал няню Секлетинию Савватеевну Опарину.

Можно, конечно, громко сказать, что мы с чусовскими друзьями-астафьеведами являемся пропагандистами творчества великого русского писателя, продолжателями его дела. В какой-то мере, да. Но даже если двое-трое из юных участников чтений и дальше пойдут по жизни с книгами Астафьева — это уже для нас отрада. Значит, не зря рассказываем о нём молодёжи. Очень бы хотелось, чтобы наши дети и внуки жили в мире «родном и добром и любили его безмерно», как любил мальчик Витя Астафьев. Чтобы обошли их людские обманы и равнодушие, предательство и измены, черствость и непонимание, с чем приходилось сталкиваться Виктору Астафьеву.

«Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире!» — с грустью заметил однажды писатель.

Но никак не хочется заканчивать книгу на такой грустной ноте. Выручай, Виктор Петрович. Я беру его «Затеси», открываю на случайной странице и читаю концовку «Весеннего острова»:

«К каждому человеку рано или поздно приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете неважно. Главное, что она приходит».

И она к нам, единомышленникам и поклонникам творчества Виктора Астафьева, приходит и по календарю: в апреле — с началом Малых Астафьевских чтений, и в мае — в день рождения писателя. И летом, и осенью, и зимой — да в любое время года, когда мы собираемся вместе. Пусть к каждому из нас весна приходит в сердце не только строго по расписанию, а как можно чаще!

1993—2015 годы.

Лысьва — Чусовой — Красноярск — Овсянка — Быковка

«ЗАРЕКА́ ТЫ МОЯ, ЗАРЕКА́...»

Краеведческий очерк

В гостях у Онуфровича

Зарека ты моя, Зарека...
 Деревянные домики в кучке.
 Как барашки плывут облака,
 Поспешая за матерью-гучкой.

Солнечный февральский денёк. Бодрящий морозец. Иду по плотине в посёлок имени Свердлова (в прошлом — Зарека, в народе — Гора). До середины 1960-х годов сюда и автобусы ещё не ходили. Сегодня можно и на «тройке», и на «пятёрке», и на такси доехать. Но я специально выбрал «одиннадцатый» маршрут: как в детстве — пешочком. Чтобы продлить удовольствие. Ведь это мой родной посёлок, в котором жил более четверти века.

Вот и железнодорожный переезд. Слева пруд. Сейчас он подо льдом. Летом же прямо с плота, где половики стирают, бельё полощут, пацаны и рыбу ловили, и ныряли, играя в «пятнашки» (мы называли «абажики»). Справа за переездом угорчик, с которого мы ещё совсем мальцами махали ручонками проходящим поездам. И радостно прыгали, когда кто-либо из пассажиров тоже на прощанье махал нам рукой. А если это делал машинист, радовались вдвойне. И спорили: «Это он мне помахал!» — «Нет, мне!» А иной машинист наоборот пугал: поравнявшись с нами, ка-а-ак даст гудок или с шумом выпустит пар (мы ещё застали паровозы).

Однако пойдём дальше. По улице Шестакова в гору можно подняться по бетонной лестнице. Раньше она была деревянная. Но я иду тропинкой по ложку и, свернув влево, поднимаюсь к зданию бывшей школы рабочей молодёжи № 1. Ещё раньше здесь располагалась начальная школа № 5. А в дореволюционное время — дом управляющего Лысьвенским горным округом Адама Онуфровича. Заглянем?

...Адам Ильич проснулся оттого, что к нему в постель прямо на грудь запрыгнул Васька. Хозяин погладил пушистого любимца семьи. Кот замурлыкал. Под его мурлыканье по привычке стали вспоминаться события минувшего дня: «Так, вчера была суббота, 12 июля. С утра я побывал на посудной фабрике, где налаживается

выпуск эмалированной посуды. Спрос на неё, полагаю, будет расти.

Но и производство сшивной, оцинкованной и лужёной посуды, пока приносит доход, сокращать не следует. С выпуском белой жести и оцинкованного железа тоже вроде всё в порядке: продукция расходуется как на российском рынке, так и за границей.

Однако что-то голова побаливает... Да-а, кажется, мы хорошо вчера разговелись. После вечерней службы в Свято-Троицком храме все нагрянули ко мне отметить день Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Как там в народе сказывают? Пётр и Павел день убавил. Всяк, кто дорос, спешит на сенокос. Петров день — разговины. Вот-вот... Славно помянули и последнего владельца завода графа Павла Петровича Шувалова. Царствие ему небесное! В короткий срок провёл довольно серьёзную реконструкцию. Без неё не видать бы в девятисотом году Большого приза и золотой медали Всемирной выставки в Париже за наш лысьвенский металл. Теперь не растерять бы этих достижений.

И всё же, почему у меня в голове шумит? Стол был вроде не беден: вяленый окорок со свежими и малосольными огурцами и зеленью, пироги с курятиной и грибочками. А селёdochка с молодой картошечкой и укропчиком! И прохладная водочка от Смирнова хороша была. Неужели я перебор допустил? А не причиной ли тому ещё и знойный день, что вчера выдался? Недаром говорят: Пётр и Павел жару прибавил. Вот я, видать, давеча малость и „перегрелся“. Чем же всё-таки голову-то поправить?... Знаю!»

Адам Ильич убрал кота с груди. Встал, потянулся, накинул атласный халат. Прошёл к себе в кабинет. И по выступающей метра на полтора от пола переговорной трубе, соединяющей с живущей на нижнем этаже прислугой, позвал:

— Лукерья!

— Слушаю, барин.

— А принеси-ка мне с погребу огуречного рассолу.

— Сию минуту, барин.

В ожидании лечебного напитка Адам Ильич присел к письменному столу, надел очки. Перед ним лежала брошюра «Описание Лысьвенского завода (составлено учителем Шалаевым в 1857 году)». Её с неделю назад принёс курьер. Прежде до той брошюрки у управляющего руки никак не доходили. Поэтому сейчас он с любопытством взял «Описание...». И на случайно открытой странице его взгляд хватил такой абзац:

«Из пороков между жителями Лысьвенского завода преимущественно господствует разврат. С трудом можно отыскать честную

девку или женщину. Беременность до брака вовсе не считается особенно важным проступком. К развитию безнравственности между жителями способствуют собрания в ночное время на так называемые помочи, где после ужина молодёжь обоего пола остаётся на свободе целую ночь... Обмануть, нередко обокрасть, обидеть кого-либо считается за ничто, лишь бы предстала возможность».

Поразмыслить над прочитанным Адам Ильич не успел: с подносом, на котором стояли графин и стакан, вошла Лукерья. Из-под её лёгкой белой косынки виднелись пшеничного цвета волосы, голубые глаза улыбались. Лукерья налила из запотевшего графина рассолу:

— Извольте испить, батюшка.

Адам Ильич с наслаждением, не отрываясь, смаковал прохладный, чудодейственный напиток, от которого уже спустя минуту начало светлеть в голове. И тут Онуфрович вспомнил, что в гостевой комнате его дома отдыхает представитель автомобильной компании Renault Анри-Базиль де Соммэ. Француз приехал посмотреть — нельзя ли использовать в автомобилестроении лысьвенское железо?

«Сделка с набирающим силу французским предприятием нам была бы на руку, — подумал управляющий. — Чем же бы ещё ублажить француза?» Адам Ильич поставил стакан на стол рядом с открытой брошюрой. Глаза вновь натолкнулись на фразу: «...С трудом можно отыскать честную девку или женщину». А что если?.. Адам Ильич оценивающе оглядел ладную фигуру Лукерьи.

— Слышь, Лукерья Ивановна, Варьке-то твоей сколь годов?

— Осьмнадцать, барин.

— Вот что, Лукерья. Скажи Варваре, чтобы отнесла рассолу месё Анри. Он, похоже, после вчерашнего шибко хворает. Да накажи дочери, чтоб полюбезней вела себя с господином из Франции. Он наш гость. Угодит твоя Варька французу, я её из кухонных девок в курьеры переведу. И жалованье повышу.

— Слушаюсь, барин, — попятилась Лукерья из кабинета.

Адам Ильич вышел на террасу. Вдохнул полной грудью свежий утренний воздух.

С пруда потянул лёгкий ветерок. Наступал новый день — воскресенье, 13 июля 1913 года.

Мог ли предположить управляющий Лысьвенским горным округом, учёный-металлург Онуфрович, что с этого момента жить ему останется ровно год и одну неделю?

...Распоряжение о призыве на военную службу запасных нижних чинов в Лысьвенский завод пришло 17 июля. В понедельник

20 июля (2 августа по новому стилю) 1914 года был большой праздник — Ильин день. Вот и собрались с утра у конторы горного округа мобилизованные рабочие с требованием выплатить двухнедельное выходное пособие и разделить пожертвованные хозяевами завода на благотворительные цели 350 тысяч рублей.

«Приезд управляющего был замечен, но взойти на крыльцо конторы Онуфровичу не дали.

— Явился, кровопийца! Куда наши деньги подевал, ирод? — Почему в японскую войну выходные деньги мобилизованным давали, а сейчас нет?! Давай деньги!

Онуфрович увидел, что к пролётке пробирается протоиерей Михаил Добротворский. Адам Ильич знал, что авторитет священника среди рабочих велик, и рассчитывал с его помощью успокоить толпу.

Однако всё случилось совсем не так. Молчание управляющего в толпе истолковали как нежелание говорить с рабочими.

— Ребята! — раздался крик. — Начальство с нами говорить не хочет. Бей его!»

(Из книги Н. М. Парфёнова «Лысьва», 2003).

Из докладной Пермского губернатора И. Кошко министру внутренних дел России от 5 августа 1914 года (публикуется впервые):

«...Со стороны рабочих и запасных раздавались фразы: „Вчера взяли за горло и деньги получили (о выдаче двухнедельного заработка), возьмём и сегодня за горло и получим“. После того, как Онуфрович сказал, что требуемых денег не выдаст, он повернулся и пошёл с крыльца в швейцарскую здания.

Стоявшие первыми рабочие ринулись за ним и, схватив за руки, вытащили из швейцарской на крыльцо. У Онуфровича на лице показалась кровь от нанесённого кем-то удара. Видя это, полицейский надзиратель Епимахов с револьвером в руке крикнул толпе: „Отпустите управляющего или буду стрелять!“

...Онуфрович и полицейские чины вбежали и заперли дверь в швейцарскую. Стоявшего на крыльце стражника толпа смяла и убила тут же... Последними из горевшего здания управления (подожгли бунтовщики. — Г. В.) выскочили Онуфрович и помощник пристава Киселёв. Оба побежали. Онуфровича толпа сбила с ног и убила в саженях 23-х от здания управления.

...В беспорядке участвовали не более 500—600 человек, в том числе дети в возрасте 12—14 лет, а также женщины, подносившие камни, которыми из толпы бросали в окна горевшего здания. Одна из женщин

показала толпе, куда спрятался помощник исправника, крикнув: „Идите его добывать!..“»

Среди бунтовщиков, принимавших участие в расправе над управляющим Онуфровичем, помощником пристава Киселёвым, урядником Помехиным и другими, были и братья Лукерьи — Андрей и Степан, рабочие лудильного цеха.

Так Адам Ильич, поляк по национальности, и не распознал до конца загадочную душу русского мужика, который долго запрягает, но быстро ездит, у которого удержу нет ни в кутежах, ни во гневе...

Признаюсь, что в описании воскресного утра (13 июля 1913 года) в доме управляющего Лысьвенским горным округом я допустил некоторую вольность в изложении событий. Впрочем, автор имеет право на художественный вымысел. Да и мне почему-то именно таким предстал в воображении тот день. Может, потому что так дотошно и обстоятельно, с любовью к старине рассказывали об этом доме его нынешние обитатели?

А моими экскурсоводами были директор станции юных техников Елена Ершова, педагоги Ольга Сюраева и Сергей Ершов. Они провели меня по всем кабинетам, показали изразцы, которыми, возможно, был выложен камин, латунные ручки от дверей, изготовленные тульскими мастерами Каменевым и Гинкелем (их фамилии, равно как и двуглавый орёл России, если приглядеться, видны на ручках). Сергей Николаевич продемонстрировал в действии(!) механическую вентиляционную систему. Ей ничего не сделалось, хотя дому 100 с лишним лет: построен в 1897—1898 годах. Спустились мы и в погребок с кирпичным овальным сводом. В нём сухо, добротнo, просторно. Фундамент здания из бутового камня-плитняка. На нём в два обхвата стволы лиственниц, на которых и держится здание. Всё сделано по уму, с толком, на века. Ведь рядом проходит железная дорога, буквально под окнами по тёщиному языку идут большегрузные машины. А дом ничуть не покосился.

Бывшая учительница математики школы № 3, а сейчас москвичка Елена Плешкова вспоминает:

«...ещё в 26-м году (с этого времени она с мамой-учительницей жила при школе № 5, то есть в здании бывшего дома Онуфровича. — Г. В.) дом сохранял признаки былой роскоши. Полы были устланы красивым цветным линолеумом. В комнатах — изящные многоламповые бронзовые люстры с механизмом подъёма. Имелась у господ и ванная комната с местным водопроводом (огромный бак наполнялся насосом) и канализацией. Конечно, многое из этого было уже разрушено.

Из роскошной гостиной через большую стеклянную дверь можно было попасть на террасу, оттуда по лестнице — в сад. За гостиной находился танцевальный зал, из которого выходили на южную террасу и к площадке для игр (крокет и пр.). В восточной части сада располагались две густые аллеи из рябин, берёз, елей и сосен. Садовая беседка имела правильную шестиугольную форму и наполовину как бы свешивалась над обрывом. Очень впечатляло! В южной части сада стояла выкрашенная в зелёный цвет часовня. Когда срезали гору для расширения дороги, половину сада спилили, разрушили беседку.

В школе № 5 начинали работать известные в Лысьве люди — Е. А. Полякова, впоследствии редактор «Искры»; В. В. Юрганова, ставшая директором техникума; А. Ф. Козлова, директор Дома пионеров; В. С. Смирнов, директор школы № 1 (погиб в Великую Отечественную). Моя мама Клавдия Георгиевна Плешкова проработала в школе № 5 девятнадцать лет». («Искра» от 27.04.2004.)

А недавно я узнал, что станция юных техников и эколого-биологический центр вот-вот потеряют юридическую самостоятельность. Основная их база сольётся с базой Дворца детского творчества, часть перейдёт в кружки-спутники, которые будут организованы в школах города уже с нового учебного года.

Это так называемые результаты «оптимизации» и реформы образования. В какое нестабильное время мы живем! СЮТ захала в дом бывшего управляющего в 2003 году. Освоились. Провели ремонт, в ходе которого и были найдены изразцы камина. Их, как и старинные дверные ручки из цветного металла (охочие до него уже находились), ребята и педагоги бережно хранили, понимая, что здание является (с 1993 года) памятником истории и культуры. Сохранится ли всё это при новых хозяевах?

Репортаж из Детства

Зарека ты моя, Зарека...
Вновь по улицам Детства шагаю.
Я сроднился с тобой на века,
И об этом прекрасно ты знаешь.

...Выйти из насквозь пропитанного историей дома Онуфровича в день сегодняшний, солнечный и ясный, — ощущение весьма необычное. Будто на машине времени. А вот, кстати, она сама и подкатила.

Поехали! Вперёд? Или назад? Лучше назад, пока за баранкой сидит память.

Чуть выше дома Онуфровича когда-то находился конный двор, считавшийся в 80-х годах прошлого века отделением автотранспортного цеха металлургического завода. Размещался он по обе стороны улицы Шестакова. Если подниматься в гору от пруда, то слева находились конюшни и контора, справа через дорогу — склад с конной упряжью, а в длинном одноэтажном здании что-то вроде постоянного двора для извозчиков (в нём потом разместились квартиры коннодворских). В конце XIX — начале XX века при Лысьвенском заводе насчитывалось более 6 тысяч лошадей. Это вместе с приписными лошадьми, на которых работали частники, помогая посезонно заводу в грузоперевозках. На самом же заводе (до пуска в 1914 году железной дороги и появления в советское время автотранспорта) числилось около 4 тысяч лошадей. Дрова, уголь, вода, листовое железо, шивная посуда — всё это возили на лошадаках. Особенно много было задействовано гужевого транспорта на вывозке дров для углежжения.

Как ни странно, о «лошадином» периоде жизни завода мне рассказал не краевед, а бывший директор ЛМЗ Александр Клементьев, под руководством которого металлурги в 1970-х годах приступили к выполнению большой программы модернизации и реконструкции предприятия. Если учесть, что конный двор находился на левобережье Лысьвы, а без лошадки в ту пору не построить ни завод, ни жильё, то можно предположить, что застройка посёлка Зарека велась почти одновременно с центральной частью города. А значит, и Зареку можно считать одним из старейших посёлков города.

В конце 1980-х двухэтажная деревянная контора конного двора сгорела. Обветшали и конюшни. Их разобрали и на прежнем месте построили небольшой двор из бетонных блоков. В нём ещё несколько лет держали лошадей (последней заведующей конным двором была Людмила Пакина), а ныне опустевший двор приспособили для себя... наркоманы. А я до сих пор помню ни с чем не сравнимый запах хомутов, прочей конской упряжи, которым пропиталась даже контора. Будто сейчас слышу и приветливое ржание коней, которым мы из дому носили корочки хлеба. Вплоть до 1960-х годов лошадка являлась основной тягловой силой и кормилицей русского мужика. И будь моя воля, я бы поставил лошади памятник — здесь, у нас в Лысьве, на месте последнего конного двора или у первой проходной. И чтоб рядом со скульптурой лошади была и фигура кучера, к примеру, тако-

го же красавца-бородача, как Артемий Назарович Рожков, который в 1920-х возил в кошевке директора завода Степана Якимовича Подойницына. И памятник такой был бы весьма кстати. Вот почему: в дореволюционные годы продукция Лысьвенского завода отмечалась фирменным знаком с изображением головы и шеи лошади — мифического единорога, сильного и непобедимого животного. И хорошо, что символ лысьвенских металлургов обрёл второе рождение: в последние годы на продукции АК «ЛМЗ» вновь появился единорог. Так почему бы не увековечить, скажем, в металле труженицу-лошадку, которая по сути привела Россию к прогрессу?

К дому № 56 по улице Чайникова я приближался с особым трепетом в груди. Это ему, отчему дому, я посвятил однажды стихи:

*Мне с детства запомнился запах
От свеженапиленных дров.
Отец привозил их с запасом:
Зима-то у нас — будь здоров!
У бати колун, как игрушка,
И меток: в серёточку бьёт.
В моих же руках непослушный —
Расчёт ли, замах ли не тот?
Со временем я научился
Владеть и пилой, топором.
А лет через двадцать вселился
В кирпичный, с балконами дом.
Вот счастье! В квартире отныне
Буквально ну всё под рукой:
Есть газ, телефон, холодильник
И ванна с горячей водой.
Однако зачем же ночами
Мне снится наш старенький дом?
Закрою глаза: на поляне
Стоит, пригорюнившись, он...*

Да... Сколько воспоминаний связано с этим домом, где прошло всё моё детство!

Я плавно переключил скорость передачи, и машина времени унесла меня ровно на полвека назад.

...Солнечный луч, прошмыгнув в форточку, спрыгнул с оконной занавески и улёгся прямо на моём лице. Я попытался сбросить его,

повернувшись на другой бок, но скоро почувствовал на щеке нежное тёплое прикосновение. «Мама на работу пошла», — догадался я, но, открыв глаза, никого не увидел. Оглянулся и невольно зажмурился: яркий луч солнца сначала ослепил, а затем словно перелил часть своей энергии в моё тело. Мне показалось, что я наполнился необычайной лёгкостью и какой-то весёлой бодростью.

Соскочив с кровати, подбежал к окну и, взобравшись на стул, распахнул створки. В комнату заструился чарующий запах летнего утра. Прозрачную ли утреннюю прохладу, ласковое ли дыхание солнышка ощутил я наперёд, но сердце неистово рвануло наружу. Душа ликовала в предчувствии чего-то хорошего, светлого.

А небо было голубое-голубое, даже немного голубее, чем глаза у Таньки Грибовой с первого этажа. Ни единое облачко не омрачило его голубизны. На берёзе едва заметно трепетали ещё мокрые от вчерашнего дождя, искрящиеся на солнце листочки. Чирикали вездесущие воробушки.

Мне отчаянно захотелось тотчас выбежать на улицу и крикнуть, сколько есть сил:

— Здравствуй, солнышко! И ты, берёзка, здравствуй! — подошёл бы я к белокурой красавице и тронул её за косы, стряхивая последние дождинки.

Наскоро умывшись, кинулся в большую комнату, отыскал в комодe чистые рубашку и штаны, быстро оделся: не хотелось мне в такой день появляться на улице грязным. Вот я уже в сенях. Толкнул дверь. Что такое? Нажал сильнее. Ничего не получилось. Возвратился назад. Только сейчас я заметил, что совершенно один в доме. «Ну да, всё верно: мать с отцом на работе, сёстры в деревне (я тоже был бы сейчас там, если бы перед самым отъездом не порезал ногу на пруду, когда купался). А бабушка Катя (мать отца) увела Зорьку в стадо на выгон. Она и закрыла дверь на ключ». Всё это пронеслось в моей голове, ничуть не заглушая самой главной мысли: «Как выбраться на улицу?» А жили мы на втором этаже. Я стоял у окна и смотрел вниз: «А может, попробовать с зонтом прыгнуть, как тогда зимой Женька с крыши? Хотя зонт у него прогнулся, но повезло: снег был глубокий. А сейчас лето. Не выйдет». И вдруг мой взгляд остановился на бревне, служившем опорой нашему довольно ветхому дому, — такие стойки поддерживали его со всех сторон.

«А ведь до этого бревна из окна можно дотянуться», — подумал. По нему я и решил спуститься на землю.

«Подумаешь, высота. Нисколько не страшно. Я маленький что

ли? Лето кончится — в школу буду уже ходить», — цепляясь за бревно, я спускался всё ниже. Наконец сандалии коснулись земли.

«Молодец, малыш! Не испугался», — первым одобряюще улыбнулось солнышко. И деревья в палисаднике, такие умытые и зелёные, приветливо тянулись ко мне ветвями. Душа моя пела. В этот миг я обнял бы всю землю от начала до конца, если б у меня были такие длинные руки.

Неожиданно и как будто издалека над моей головой раздался знакомый бабушкин голос:

— Ах, варнак, ты этакий! Ни на минуту нельзя без присмотра оставить. Давеча наказывала: не ходи никуда без спросу. Вон чё удумал! А упали, расшибись — было бы мне тогда от твоей матери. На-ка, полчай!

И надо мной взвилась верёвка, на которой бабушка обычно отводила бурёнку в стадо.

— Ишь ты, ещё и вырядился! — приговаривая, продолжала она. — А ну марш домой!

Но я как-то вырвался из её крепких узловатых рук, убежал в огород, сел на завалинку и горько заплакал. Нет-нет, вовсе не от боли, мне ни капельки не было больно, но очень обидно, и какой-то тугой комок горечи застрял в горле. Я даже плакать не мог, получалось какое-то судорожное всхлипывание: «За что, баушка? Что я сделал плохого? Неужели ты сама не заметила, какое сегодня красивое солнце?»

...А небо было голубое-голубое, почти такое же, как глаза у Таньки с первого этажа.

То солнечное июльское утро, на встречу с которым я вылез из окна двухэтажного дома, будто сейчас вижу наяву. Не стёрло его из памяти время. Это к зданиям оно безжалостно. Время как бы придавливает их к земле. Вот и наш деревянный дом убавился на целый этаж: нижний из-за дряхлости убрал нынешний хозяин.

Я провёл рукой по шершавому бревну. В ладонь заструилось тепло... Ладно, хоть таким ещё стоит наш старенький дом. А то ведь на его месте вообще могло остаться одно пепелище...

...Из детства мне навсегда запомнилась наша кошка Муська. Бело-серенькая, с чёрными крапинками на спине, в снежно-пушистых носочках. Было в ней что-то интеллигентное. Бывало, ступит осторожно в лужицу воды на кухне и такое изобразит на своей умной

мордочке страдание, так забавно-брезгливо (вот чистюля!) потрясёт мокрой лапкой — невозможно удержаться от хохота.

— Ишь ты, балерина какая! — смеётся мать.

А отец за это прозвал Муську Цыпой-Дрыпой. В нашей семье кошку все любили. И она чувствовала это внимание. Спала Муська чаще в детской комнате, свернувшись клубочком на кровати в ногах у меня или у сестёр. Проснёшься зимним утром — холодно, за ночь печь остыла, а от Муськи тепло. Вылезать из-под одеяла не хочется. И до чего игривая была, непакоствивая, толковая! Ужинали всегда вместе. Мы — за стол, Муська рядышком на полу усаживается и хитро косится на отца. Знает, что и её не забудут. Глянет на неё отец:

— Ну что, Муся, перекусить пора? Сейчас, один момент.

Отломит кусочек хлеба, обмакнёт его в суп и положит на краешек стола так, чтобы Муське видно его было:

— Бери! Твоя доля.

Муська, не сводя глаз с кусочка, облизывается, но с места не трогается.

— Ты чего, Муся? Сытая что ли? Ах, да... Я ведь забыл сигнал дать.

Отец стучит согнутым пальцем по столу возле хлебной крошки. Тут уж Муську не надо упрашивать. Она привскакивает на задних лапах и передней смахивает крошку на пол. Это отец её так приучил. И она, умница, как-то быстро усвоила его дрессировку.

...Однажды бабушка ушла в магазин. Я бы тоже усвистал на улице, катался бы по угорам на лыжах с друзьями, но мороз в этот день стоял такой трескучий — аж провода заиндевели. А дома тепло, уютно. Лежу я с книжкой на кровати (правда, за это меня мама ругала, но тогда-то я был один: сам себе хозяин), читаю. Увлёкся. Книжка интересная попалась — сказка Ершова о Коньке-Горбунке. Книгу эту — небольшого формата, голубые корочки, с картинками — будто и сейчас вижу перед собой.

Так вот лежу, значит, читаю. И вдруг из кухни выбегает Муська, садится передо мной, глаза широко-широко округлила, смотрит на меня и как-то странно взмыргивает. Я поначалу не придавал этому значения. Да и от сказки никак не хотелось отрываться. А Муська убежала на кухню. Но через секунду-другую вернулась и опять уставилась на меня своими глазищами, продолжая взмыргивать. Смотрю, Муська снова порывается бежать на кухню, оглядывается на меня, словно призывает идти за ней. Такой взбудораженной мы её никогда не видели. «Что-то неладно», — подумал я. Отложил книгу и пошёл за Муськой. Едва шагнул на кухню, сразу понял причину странного по-

ведения кошки. Вернее, об этом я догадался после всего, что произошло. Раздумывать тогда было вовсе некогда, надо было действовать.

На угловом окне пылала занавеска. Загорелась она от спиральной электроплитки, стоящей на конторке возле окна. Это бабушка забыла её выключить. Сейчас не помню, что я тогда сделал в первую очередь: то ли сорвал занавеску и затоптал её ногами, то ли выключил плитку, но пожар я потушил.

Вечером, когда пришли с работы отец с матерью, я рассказал о случившемся: и как Муська звала меня на кухню, и как я с огнём боролся. Родители похвалили меня за смелость и находчивость. Но больше всего добрых слов досталось, конечно, нашей любимице. И правильно! Ведь если бы не Муська, кто знает, чем бы могло это всё закончиться.

С той поры у Муськи появилась ещё одна кличка — Пожарница.

...Сейчас в доме № 56 по улице Чайникова не живут: окна заколочены ржавым железом. Безглазым, слепым стал дом...

Навеки закрылись и глаза человека, который когда-то жил в этом доме и который очень много сделал для того, чтобы вернуть людям зрение. Речь идёт об известнейшем всему миру хирурге-офтальмологе Святославе Николаевиче Фёдорове.

Под одной крышей

Зарека ты моя, Зарека...

В палисадниках буйство сирени!

Счастье рядом — в пяти лепестках.

Их найти бы, да что-то со зреньем...

Из лысьвенцев со Святославом Фёдоровым хорошо был знаком и даже дружил заведующий горздравотделом Лысьвы 1980-х А. П. Подоплелов. Ему сейчас 72 года. Судьба привела его в наш город из села Большая Рудка Кировской области. Послушаем Александра Павловича?

— В Лысьву на практику я приехал после четвёртого курса в 1954 году. Прибыло нас человек тридцать. Встретили хорошо: даже лошадку выделили под чемоданы. Сложили мы их на телегу и с песнями, разбудив город (поезд приходил в Лысьву рано утром), зашагали к центру. Устроили нас в школе № 3, благо были летние каникулы.

А в 9 часов утра, разбившись на три подгруппы, мы уже приступили к практике.

В первый день пошли в роддом. А до него от третьей школы только дорогу перейти. Подходим, а там на лавочке сидит мужичок в красной, в полоску рубаше, в синих матерчатых штанах, в сапогах.

Я спросил, где найти Зиновия Петровича Черепанова.

Мужичок отвечает: «Зачем его искать? Он перед вами».

Прошли в кабинет. Зиновий Петрович рассказал о Лысьве, о медицине города. Через два дня я познакомился со Святославом Фёдоровым и его другом Александром Тумашем. Оба приехали в Лысьву по распределению после окончания в 1952 году Ростовского мединститута. Представил их мне мой старый знакомый по Перми Геннадий Щепин, работавший в Лысьве заведующим горздравотделом: вот, дескать, подающие надежду врачи и знаменитые шахматисты. Меня больше заинтересовало последнее, поскольку я в ту пору очень увлекался шахматами. Мы как-то сразу проявили обоюдный интерес и в кабинете у Георгия Михайловича Зязина, ответственного за практику, даже сыграли с Тумашем партию в шахматы: Фёдоров был занят. А вечером договорились встретиться и поиграть всерьёз.

Два месяца моей практики мы очень тесно общались после работы, много играли. Пожалуй, несколько сильнее выглядел Александр Тумаш, хотя и Святослав Фёдоров играл технично. Я играл с ними примерно наравне: в ту пору у меня уже было два кандидатских балла. К сожалению, не сохранились записи тех острых, интересных партий. Играли азартно, темпераментно. Однажды Фёдоров, мягко говоря, жульничал: фигурой сходил не по правилам. Я уличил его в этом. А поскольку играли после «рюмки чая», то кончилось тем, что мы схватили друг дружку за грудки. Я даже съездил сопернику по физиономии. Тумаш разнял нас. Но что характерно — это не помешало нашей дальнейшей дружбе и общению, — рассказывает Александр Павлович.

Кстати, сам он тоже весьма незаурядная личность. Будучи на посту заведующего горздравотделом, Александр Подоплелов внёс достойный вклад в развитие медицины в Лысьве. И к шахматам не охладел. Как-то в нашем городе проводил сеанс одновременной игры международный гроссмейстер Сергей Макарычев, у которого наш земляк, единственный из лысьвенцев, выиграл. Шахматный бум в Лысьве не ослабевал и в 1970—1980-е годы. Помнится, после работы в редакции газеты «Искра» часов до 10—11 вечера сражались в шахматы Александр Подоплелов, собкор «Звезды» Владимир Хайбутов и я, в ту пору завсельхозотделом «Искры». И чтобы как-то оправдать позд-

нее возвращение домой, жене очень убедительно говорил, что был на вечерних дойках с рейдом по колхозам района. Наивная, она всему верила.

Однако я отвлёкся.

Из интервью А. П. Подоплелова «Вечерней Перми» («Неудобный» хирург» от 26 августа 2004 года):

«Говорят, что Фёдорова недолюбливали коллеги, особенно окулисты, не только у нас в Лысьве. Ему завидовали, его не признавали. Так поначалу было почти везде. К примеру, операцию по замене хрусталика никто не воспринимал всерьёз. Известные офтальмологи считали Святослава Николаевича чудачком. Это сейчас его методиками вооружён весь мир, а в те далёкие годы хирургу выпало немало горьких дней и ночей. Его даже единомышленники не всегда понимали. Но Святослав не обращал особого внимания на злословие: он оперировал.

Бывал я у Святослава Фёдорова и дома. Жил он в коммунальной двухкомнатной квартире трёхэтажного дома по улице Мира (после переезда с улицы Чайникова, 56. — Г. В.). Его супруга была всегда чем-то недовольна, обычно неприветлива, необщительна. Никогда не приглашала пройти.

...Самого же Фёдорова отличали высокая активность, непримиримость ко всему косному, уверенность в себе. Святослав Николаевич не обращал внимания на недругов, шёл вперёд. Вот эти качества плюс протекция друга отца, генерала Горбатова, сыграли свою роль. А мы издавна наблюдали за его карьерой».

Далее из той же статьи (автор В. Пирожникова) узнаю, что, уже став знаменитым, Фёдоров оперирует в Москве Г. М. Зязина, делая для него всё возможное. Во время обхода хирург будет с гордостью говорить медперсоналу, что Георгий Михайлович — его учитель.

В лысьвенский же период Святослав был не совсем удобен своим наставникам. Он безвылазно пропадал в больнице, кипел идеями, ему до всего было дело. Он ни минуты не мог усидеть на месте, отличался удивительной целеустремлённостью, на каждом шагу проявлял бурную активность. Его хватало на всё. Выкроив немножко времени для себя, Святослав вставал на лыжи, шёл на рыбалку, охоту. Фёдоров хорошо плавал, увлекался верховой ездой. Огромная сила воли позволяла ему не обращать внимания на увечье: несчастный случай лишил его ступни. Но не мог же, право, сильный человек бросить спорт из-за боли?.. Сам невероятно работоспособный, он требовал того же от подчинённых. Не все выдерживали его ритм. Тогда в ход шли настойчивость, а иногда и жёсткость.

Как ни бился Фёдоров, одобрения от местной власти не находил. Ему не давали денег на оборудование, запрещали применять новые методики, не разрешали экспериментировать. По большому счёту, не давали творчески работать.

Но заклевать молодого хирурга никому не удавалось. Он работал как одержимый. Именно в Лысьве у Фёдорова родилась идея замены помутневшего хрусталика глаза на искусственный... Один из таких, пластмассовый, по чертежам Святослава Фёдорова сделал ему слесарь-лекальщик высшего разряда Константин Недорезов из инструментального цеха ЛМЗ.

Вживить искусственный хрусталик Фёдорову впервые удалось в Чебоксарах. Однако, по словам Е. М. Ананьиной, заведующей Лысьвенским горздравотделом в 1950-х годах, «его исследования объявили ненаучными, а самого его назвали шарлатаном».

В Москву из Лысьвы Святослав Фёдоров уехал в 1955 году после получения им от друзей семьи телеграммы о реабилитации отца, командира дивизии. И больше Фёдоров в Лысьву не возвращался. Правда, приглашение на 50-летний юбилей городской больницы ему посылали. Известный хирург из-за занятости деликатно отказался, но поздравительную открытку со своей фотографией прислал. Долго красовался тот снимок (на нём Фёдоров с лошадью) на одном из стендов. А потом исчез. Деревянный же дом, в котором жил Фёдоров с молодой женой Лилией, ещё стоит, и хотя стал он одноэтажным, комната, где проживали врач и учитель, сохранилась. Не говоря уж о трёхэтажном каменном 18-квартирном доме № 36 по улице Мира, куда, прожив в посёлке Зарека с полгода, переехали Фёдоровы. Ни на том, ни на другом здании никому из лысьвенцев не пришла в голову мысль установить мемориальную доску в память о великом учёном, академике, Герое Социалистического Труда, директоре и основателе Института микрохирургии глаза, где десятки тысяч людей обрели зрение...

В этом году (речь о 2005-м. — Г. В.), 2 июня, исполнялось ровно пять лет со дня трагической гибели Святослава Фёдорова в авиакатастрофе. А о нём уже, увы, забывают даже медики.

На днях в беседе один из докторов (не буду называть фамилию) переспросил меня: «А что, Фёдоров-то разве помер?» Я чуть было не поперхнулся. Если уж врачи не знают элементарных вещей о всемирно известном хирурге, какой спрос, допустим, с молодых жильцов дома № 36 по улице Мира? «А кто такой?» — поинтересовалась женщина из первого подъезда, когда спросил, знает ли, что в этом

доме жил Святослав Фёдоров. И посоветовала постучать в квартиру № 8 к Юлии Николаевне Красногорских, что я и сделал. Дверь открыла среднего роста опрятная старушка, как после оказалось, ровесница Святослава Николаевича. «Как же? Конечно, знаю, что в нашем доме жил окулист Фёдоров. Правда, я в это время как раз в Перми училась на фельдшера-акушера. Но соседи о нём хорошо отзывались: доброжелательный, отзывчивый. И как Фёдоров стал знаменитым, к нему и из нашего дома кто-то ездил в Москву лечиться. Всем помогал».

Юлия Николаевна сама ходячая легенда. Участница Великой Отечественной войны. В юности занималась в секции, которую вёл тренер Терентий Лебедев, чемпион СССР по лыжным гонкам. В январе 1941 года лысьвенские лыжники одержали победу в областных соревнованиях. «Нам тогда подарили статуэтку „Джигиты“ каслинского литья». В этом же доме в квартире № 16 жил З. П. Черепанов, под руководством которого работала в роддоме Ю. Н. Красногорских. Ей 15 июня исполнилось 80 лет. «Наверно, потому и шеперюсь ещё, что хороший настрой на жизнь в своё время дали лыжи». Так держать, Юлия Николаевна!

Иного мнения о врачах из Ростова ветеран здравоохранения Лысьвы Гита Павловна Липкина:

— Какой-то шкурный интерес у них сразу проявлялся. Только приедут — тут же и квартиру им подавай. А Тумаш, тот вообще антисемит. У Фёдорова, на мой взгляд, больше было организаторских способностей, нежели навыков врачевания. Ведь, насколько мне известно, операцию Зязину он сделал не совсем удачно.

С ней не согласен Александр Павлович Подоплелов:

— Я ведь почему в Лысьву стремился приехать на работу? Отношения между врачами в те годы были очень уважительные. Если кто в душе и недолюбливал коллегу, внешне это никак не проявлялось. В силу интеллигентности, такта. Несмотря на тесноту, я с теплотой вспоминаю красный коридор городской больницы, уютную поликлинику. Моё решение обосноваться в Лысьве исходило именно из человеческих отношений между врачами, чего сейчас нет. Мягкость, интеллигентность, культура Марии Ивановны Маленьких, Анастасии Александровны Бойко... Этим славным женщинам хотелось подражать. А как нас проводил с практики Георгий Михайлович Зязин? Он лично пришёл в школу попрощаться. Принёс бутылку шампанского. «Ты, Саша, обязательно приезжай в Лысьву. Вызов обеспечим». Так и вышло.

— Александр Павлович, однако судя по пермской «Вечёрке», Фёдорову в Лысьве в творческом плане постоянно кислород перекрывали...

— Это уж чересчур выпукло, мне кажется. Просто в силу своего весьма энергичного характера Фёдорову, вероятно, в провинциальной Лысьве не доставало простора. Сидевшим сложа руки его никто не видел. Святослав, несмотря на увечье, увлекался акробатикой (по-моему, у него по ней был даже спортивный разряд), фотографированием, ездой на мотоцикле. Таким же неугомонным он был и на работе. Уже в то время Фёдоров знал себе цену, не каждому раскрывался. И был довольно строг к персоналу. Вместе с тем проявлял чуткость и внимание к больным, к обращающимся к нему за помощью уральцам. Зязину даже отдельную палату предоставил. Не отказал в консультации и лечении приехавшей в Москву фельдшеру Александре Ивановне Кирилловой, с которой работал в отделении скорой помощи.

Из воспоминаний Валентины Петровны Беляевой, соседки Фёдоровых по Зарече:

— Как-то вышли они в огород полоть. Оба в перчатках. Нам-то это непривычно. И попросили меня показать ростки моркови, свёклы, чтобы вместе с сорняками не выдергать их. Я показала. Говорю: «Так снимите перчатки-то, сподручнее будет». Послушались. А ещё удивлялась, как Фёдоров умудрялся на мотоцикле без коляски возить с колонки воду на коромысле. Акробат да и только!

Из книги приказов по Лысьвенскому горздравотделу:

«В целях своевременного медобслуживания призывников назначить ответственным за проведение лечебно-оздоровительных мероприятий среди призывного контингента лечебного инспектора горздравотдела тов. Фёдорова С. Н.

04.01.54. Зав. горздравотделом Щепин».

«Выбываю на 3 дня в служебную командировку в Молотов. Исполнять обязанности заведующего горздравотделом на время моего отсутствия возлагаю на Фёдорова С.Н.

14.02.55. Щепин»

«Приказ № 22 от 25.01.54.

Заместителя зав. горздравотделом по физкультуре и спорту тов. Ананьина А. И. командировать в Крутоложский, в I Ломовский, II Ломовский и Кыновской сельсоветы для проведения отчётно-выборных собраний ДСО «Колхозник» сроком с 26.01. по 02.02.54.

И.о. зав. горздравотделом лечебный инспектор Фёдоров».

«Командировать в г. Краснокамск на областные соревнования шахматистов-перворазрядников Тумаши А. П., Фёдорова С. Н., Зеленского Н. Н. с 3 по 26.04.54.

Щепин».

«Для улучшения медобслуживания населения и выполнения плана развёртывания здравоохранения приказываю:

1. Выделить из городской больницы скорую помощь и организовать её в самостоятельное бюджетное учреждение.

2. Назначить заведующим станции скорой помощи врача Фёдорова С. Н., освободив его от должности лечебного инспектора горздравотдела с 15.10.54.

3. Передать к 15.10. с баланса гор. больницы на баланс станции скорой помощи гараж, конюшню, 2 санитарные машины, лошадь по кличке Зорька с комплектом упряжи, легковую тележку, фураж, овёс, сено 3600 кг.

4. Главному врачу детской больницы Тимкиной Л.Д. передать на баланс станции скорой помощи лошадь по кличке Шалун с 2-мя комплектами упряжи, ломовую и легковую телеги, рабочие и легковые сани, сено 1700 кг, овёс 1830 кг, конюха-возчика т. Литвина.

Щепин».

Летом 1953 года наша семья заехала в дом № 56 по улице Чайникова. И примерно полгода мы жили под одной крышей с Фёдоровыми на втором этаже, разумеется, в разных комнатах, но с одной общей кухней.

Почему Фёдоровы жили в ведомственном доме, принадлежащем Лысьвенскому техникуму? Ответ я нашёл в музее политехнического колледжа, где в альбоме, посвящённом 50-летию техникума, увидел фотографию жены Святослава Николаевича с указанием, что Лилия Фёдоровна Фёдорова работала в 1953–1955 годах в техникуме преподавателем химии. По всей вероятности, ей от техникума и было выделено жильё в посёлке Зарёке. Когда Фёдоровы перебрались в благоустроенную квартиру по улице Мира, комната, которую они занимали, перешла к нам. Отец с матерью сделали её ребячьей: в ней играли, учили уроки, спали я и три мои сестры. Святослава Фёдорова я, четырёхлетний мальчишка, почти не помню. Разве что очень смутно вырисовывается образ крепкого, коренастого мужчины, слегка прихрамывающего на одну ногу. И особенно запомнилось, как Фёдоров пристегивал протез. Это в тот раз, когда я, пацанёнок, летая по всему этажу, случайно забежал (дверь была приоткрыта) в комнату

к Фёдоровым и увидел, как Святослав Николаевич приделывал протез к ноге.

Любопытная деталь. Последний владелец фёдоровского дома в Зареке Владимир Утробин более 20 лет работает водителем на станции скорой помощи, которую в 1950-х организовал и возглавил Святослав Николаевич. В начале лета в газетах появилось объявление о продаже дома № 56 по улице Чайникова. Первоначальная цена — 200 тысяч рублей...

О гибели Святослава Фёдорова в прессе были самые различные толкования. В последние годы его, оптимиста по натуре, преследовали неудачи в политике, намечался разлад и в межотраслевом научно-техническом комплексе «Микрохирургия глаза», который он возглавлял. И якобы авиакатастрофа разрешила все его проблемы... Похоронен он у суворовской церкви в селе Рождествено.

*«... Как вкус у смерти безупречен
В отборе лучших среди нас».*

Лысьвенский чусовлянин

Зарека ты моя, Зарека...
В жизнь путёвку ты многим давала.
Кто ж смотрел на тебя свысока,
Словно мать, ты им это прощала.

Наверное, этот дом по улице Чайникова был запрограммирован на интересных, неординарных личностей, оставивших добрый след не только на Урале, в России, но и в мире. Об академике, искусном хирурге-офтальмологе Святославе Фёдорове я уже рассказал. Сегодня речь пойдёт о не менее удивительном человеке, тоже преуспевшем в своей области деятельности.

Зовут его Леонард Дмитриевич Постников. Мы познакомились в Чусовом в 1994 году. Правда, чусовляне ещё до встречи с ним прожужжали мне все уши рассказами про Дон Кихота из Архиповки. Того самого, который организовал в Чусовом спортивную школу «Огонёк», в которой выросли восемь десятков мастеров спорта, пять — международного класса, четыре чемпиона мира и незабываемый Сергей Шупцев, олимпийский чемпион по фристайлу. Музеи реки Чусовой и Ермака, Георгиевская церковь, деревенская изба конца XIX века,

музей писательских судеб, музей деревянной игрушки, памятник чувсовским воинам, погибшим в Чечне, — всё это с любовью создано Леонардом Постниковым и его единомышленниками.

В общем, так его расписали коллеги из «Чусовского рабочего», что я с небывалой оторопью ждал встречи с местным Леонардо. Как же! Заслуженный работник культуры России, Почётный гражданин города Чусового. А он сам на меня вышел. Вернее, нас познакомил... Виктор Астафьев.

«Читал твои воспоминания о Викторе Петровиче. Если ещё нужны какие-то о нём подробности, приезжай ко мне в Архиповку», — с ходу перешёл на ты высокий, чуть сутуловатый старик с крепкими широкими ладонями и, действительно, с почти донкихотовской бородкой. Его простецкое ты как-то сразу расположило к непринуждённой беседе. Сначала, вестимо, потолковали об Астафьеве, которого благодаря писательскому музею по сути заново открыл чусовлянам Леонард Дмитриевич, дороживший давней дружбой и перепиской с Виктором Петровичем.

Слово за слово — и оказалось, что родиной своего детства Постников считает именно Лысьву, куда перебрались родители из Перми, а в Пермь переехали из Большой Сосновы. Более того, в посёлке Зарека мы жили с ним в одном доме, в той же самой комнате, что и Святослав Фёдоров. Только в разное время. Я — после, а Леонард Постников — до войны, в конце 30-х годов.

Со светлой печалью («былое не вернёшь») вспоминает Леонард Дмитриевич о лысьвенском периоде своей жизни:

— В те годы Зарека была зелёным районом. Не изъезженные машинами и тракторами улицы заросли травой — для ребят настоящий рай. Это понимаешь только сейчас, когда кругом уже всё утоптанно, закатано, когда из-под асфальта травинка не может пробиться к солнцу. Мы жили на втором этаже в одной комнате, а в другой, через кухню — Нина Павловна Шонпурова, преподаватель русского языка и литературы, старейшая сотрудница техникума. Лет сорок она работала в нём. Напротив через дорогу жили Выломовы, у них в семье росло четверо братьев. Старшему — Петьке, выдумщику и шпане, мы подражали. Это он нас водил на Заболотинский пруд, который в те годы был зарыблен и охранялся. Так мы подползали к камышам, перекидывали через них нитку с крючком (удочку заметят!) — и без улова редко возвращались.

Запомнились ходившие по улицам точильщики ножей. Прямо как в дореволюционной России. Идёт мужичок от дому к дому, покрывает: «Точу ножи, ножницы!» А сам топ ногой по педали станочка,

и всё у него крутится-вертится. Помню, как готовили столбы для освещения — не такие, как сейчас, с пропиткой, а с обжигом, чтоб дольше стояли, не гнили.

Посёлок был вообще-то полусельский. Почти все хозяева держали живность: коров, свиней, курей. За курицами и цыплятами постоянно охотились коршуны. Мы, пацаны, по ним стреляли из самодельных луков. Стрелы делали настоящие — с железными колышками, которые вырезали и паяли из консервных банок. Как-то всё же сбили здорового рыжего коршуна. Видишь, это была не только ребячья забава: мы защищали домашнюю птицу от хищников.

А Ваню-Тюрю, полудурка нищего, ты, Гена, не застал? Между прочим, сделала таким его советская власть. То ли пекарню, то ли мельницу держал он. И дело ладилось. В тридцатые же годы его, как единоличника, кышкнули с собственного двора, где всё нажил своим горбом. После этого и свихнулся он умом. Ходил по улицам с железной клюкой, а мы, угланы, травили его: «Ваня-Тюря, дай покурить, дай в гармошку поиграть!» Его это бесило. Затрясёт клюкой — и на нас. А чем больше он злился, тем сильнее мы его донимали. А другой юродивый, наоборот, добрый был. Звали его Петя-Иня. Для него у нас тоже была припасена дразнилка: «Петя-Иня, ж... синя! Полосатые штаны!» А он лишь улыбается. Бабы жалели его, подкармливали.

С северной стороны ниже дома проходил глубокий овраг, на другой стороне которого начиналась Пьяная гора. Домов там ещё не было, стоял сплошной ельник. Его никто не трогал, не вырубал. В логу из-под плитняка вытекал ручей. В этом овраге мой отец с дядей иногда стреляли по бутылкам из мелкашки. Неподальёку от нашего дома, на гористом выступе-пяточке со стороны Зареки, у оврага стояла небольшая кузница с настоящими мехами. Мы туда частенько бегали, порой и ночевали.

Однажды ясным июльским днём — мне было лет пять — вышел из дома, глянул: над ельником проплывает огненный шар, спокойно так с нашей горы на Пьяную перемещается. Потом обратно. А сам такой яркий, как солнце. Так я впервые увидел шаровую молнию. Зрелище впечатляющее! Зимой мы друг дружке хвастались, у кого лучше санки-кованки. Почти в каждой семье имелись такие, порой двух-трёхместные. Сиденья у них даже бархатом обивали, по бокам — кисточки. С горы несутся, только не зевай! Ещё мы каждую весну делали на своей улице запруду. Вода в ней копится, копится — и как рванёт в лог!

Мимо нашего дома к третьей проходной обычно шли рабочие, живущие в Зареке, на Липовой. Мы их в жаркую погоду поили во-

дой — по копейке за стакан. Зимой же на крутых спусках вырубали топориком ступеньки в снегу. А я в интеллигентной семье рос, топора не было, так у матери сечку спёр, ей вырубал ступеньки. За них рабочие хвалили нас.

В сторону поскотины, за домами, высилась гора Каланча. Любили мы туда бегать. Страдовали вику. А в какой-то год там посеяли подсолнух. Красиво! И всё вызревало. На Каланче стояла деревянная вышка. Залезешь на неё — ветром раскачивает. А с вышки, как на ладони, весь завод. Паровозики-кукушки ползают.

А ещё любили наблюдать за установкой — так и не знаю, как она называлась. В общем, на определённую высоту поднимается огромный металлический шар метра полтора в диаметре, потом как ухнет сверху по мартеновскому слитку, и тот — вдребезги. Интересно. Могли часами смотреть на водопад с плотины. Она же тогда ещё не была огорожена забором, правда, вахтер гонял — проходи, проходи! Представляешь, метров с 16—18 лавина воды вниз несётся — кругом белые брызги. Красотища!

Когда маме дали квартиру, мы переехали с улицы Чайникова на улицу Ленина. Не нравился мне казённый дом, я зачастую убежал к ребятам в Зарёку. Нам же там было вольно, как индейцам. Из луков стреляли, бумажных змеев запускали, пиканы ели, за грибами летали: лес-то рядышком. А в каменном доме, увы, не то, — ставит точку Леонард Дмитриевич.

Это было детство, счастливое уже только потому, что ты есть, тебе светит солнце и каждый день дарит новые открытия пытливого ребячьей душе. А теперь я приведу отрывок из очерка «...И вперёд!» В. Курбатова о Постникове взрослом:

«Ничего никогда не давалось легко. Материнская Чусовая часто видела, как плывёт стареющий годами, но всё же нетерпеливый человек, поглядывая налево и направо, — значит, переплывает очередное гонение, врачует душу, набирается сил на новое дело.

Начальство набегало только потешиться, банькой побаловаться, похвалиться перед заезжими гостями чужим, словно своим, а добиваться помощи всегда надо было силой. Он не выходил гнутья и дураков всегда звал дураками. Кончилось тем, что остался на музейном берегу речки Архиповки: спорт — славу его и гордость, дело жизни — отняли с мстительной нечистотой, не простили норова. Приедешь: сидит у каминна туча-тучей, не подступись. Молчит, думает. Не суйся — никто не поможет.

Внук Никита говорит: „Что это у тебя, дед, дрова горят потухловато? — А это у меня дела идут «потухловато»“.

Помолчит, помолчит, обойдёт хозяйство, насвистывая. Засунув руки в карманы, долгий, сутулый, вернётся к себе или, в „трактире“ присядет за фортепьяно и выколачивает из него что-нибудь боевое „чапаевское“... А утром вышел в сугроб, окатился ледяной водой из колодца, и опять вперёд!

От этого, от музейных забот — год за годом всё надо делать через силу, как в стане врагов, словно не родную историю спасает, а мешает всем жить, — в письмах нет-нет и прорвётся: „А не послать ли всё...“, но это нынче, кажется, припев всех русских музейщиков, родных наших Дон Кихотов.

...Однако надо начинать новый день. Держать жизнь и человека. В себе, в России».

В человеке многое, если не всё, закладывается в детстве, в юности. И то, что Леонард Постников стал известнейшим на Урале краеведом, рачительным хранителем старины, не есть ли следствие его детских наблюдений, впечатлений, которыми была так богата лысьвенская Зарека? Взять хотя бы приверженность Постникова к герою гражданской войны Чапаеву.

— Фильм «Чапаев» мы смотрели в детстве десятки раз. И даже прокручивали кино вживую: и саблями деревянными рубились, и «беляков» в бегство обращали. И Травянский пруд, будто реку Урал, наш ребячий Чапаев раненым переплывал. Плывёшь, бывало, а по тебе с берега камнями пуляют. Шлёпнет камешек по спине или по макушке погладит — всё, попали гады, подстрелили... Махнёшь рукой напоследок — и под воду уходишь, «тонешь», — с улыбкой вспоминает Леонард Дмитриевич.

А спустя годы у него завяжется переписка с дочерью Чапаева Клавдией Васильевной. Летом 2003 года бессменный 76-летний директор культурно-этнографического центра «История реки Чусовой» Леонард Постников пригласит праправнучку героя гражданской войны Василису Чапаеву к себе в музейно-деревянную Архиповку. Вот эта верность боевым традициям наших дедов и отцов, бережное отношение к языку и быту предков, стремление, чтобы и у молодых в душе и памяти укладывались устои Отечества — именно эти качества отличают нашего земляка из Зареки. Считается, будто в имени и фамилии каждого человека содержится некая смысловая тайна. Надо лишь, используя (без повтора!) все буквы, из которых состоят имя и фамилия, переставить местами так, чтобы получилось смысловое

предложение. Я долго переставлял, и вот какая вышла разгадка: Леонард Постников — Да, он велик, но прост.

Таким и оставайся, Леонардо!

...К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне Леонард Дмитриевич прислал мне открытку с коротким текстом: «Дорогой Гена! За Победу! За Россию! За Зареку!»

Добавить тут нечего.

Здесь люди душою добрее

Зарека ты моя, Зарека...

Здесь и солнышко ласковой греет,

И рябина не так уж горька.

Здесь и люди душою добрее!

Ну что ж? Пройдёмся по посёлку? А то я что-то от своего родного дома никак оторваться не могу. Вот прямо от крыльца (ах, и его убрал последний хозяин...) и пошагаем в гору хотя бы до средней школы № 11. А по пути на правах гида я вам, уважаемые читатели, расскажу о людях Зареки. Не возражаете? Тогда вперёд!

Пересекаем переулок Бортникова. По данным городского архива, назван он в честь рабочего сортировочного цеха, но эта запись помечена знаком вопроса. Слева в переулке остаются наши ближайшие соседи Беляевы. Большая дружная семья. Разве что не стало два года назад главы семейства дяди Пети — Петра Филипповича, ветерана металлургического завода... А тётя Валя, Валентина Петровна, в прошлом медсестра детской больницы, по-прежнему живёт в добротном полтораэтажном доме, построенном в 1962 году. Из-за нужды возводили его Беляевы не один год. Ведь, чтобы выписать лес, железо на крышу, доски, приходилось экономить на желудке, перебиваясь на картошке да селёдке.

Да, в те годы нашим родителям жилось нелегко: перехватить у соседей до получки трёшку-пятёрку, либо полбуханки хлеба до завтрашнего дня — обычное для той поры явление. Что удивительно — уныния, нытья по поводу безденежья не наблюдалось.

Более того, жили дружно, весело. Наверное, оттого, что отцы и матери наши были молоды, а в молодости все невзгоды кажутся преодолимыми и не столь безвыходными. К тому же, пусть не велика зарплата, но выдавали её в срок, без задержек. Да и огород, подворье

выручали. А нам, пацанам, не ведающим родительских забот, и на руку было, что, к примеру, беляевский дом долго строился. Как любили мы бегать по срубам! Как-то зимой самый старший и крепкий из нашей ватаги Вовка Пирожников ловким приёмом сшиб меня с верхнего венца. Полетел я да решил в воздухе форснуть: сделать сальто-мортале. И не рассчитал высоты: головой воткнулся в сугроб, только валенки торчат. Слышу, парни ржут надо мной. А рыхлый снег в нос, глаза, рот набился — ни вздохнуть, ни крикнуть. Жутковато стало, задыхаюсь. Ребята же и вытащили из снежного плена.

Опять меня понесло в детство! Ну не виноват я: рычаг скорости переключения передач у машины времени что-то заклинивает на прошлом. Ладно, пока ремонтирую, дорасскажу о Беляевых.

Детей в семье росло пятеро. Старший Сергей (для меня всё тот же Серёга) ныне на пенсии, заядлый рыбак, работал электриком, мастером в «Полистиле». Надежда и Любовь также связали свою судьбу с металлургическим заводом. Наталья живёт в Новгороде. Михаил трудится на нефтеперекачивающей станции. Мастер на все руки.

Вспоминается забавная история. Было тогда Мишке лет 14–15. Приобрёл он однажды безынерционную катушку для спиннинга — допотопную, ещё первых образцов. Пошёл испытывать на пруд. Один заброс, второй. Где-то на третьем резкая поклёвка — и на другом конце лески из стороны в сторону заходила крупная рыба. Минут десять сопротивлялась щука. Но Миша не оплошал. Вытащил, взвалил добычу на плечо (больше и рыбачить не стал) и сопровождаемый любопытной ребятнёй зашагал домой. А поглазеть было на что: в длину хищница оказалась 1 метр и 11 сантиметров, весом — восемь килограммов. Сам же юный рыбак был отнюдь не богатырского роста, потому и волочился шучий хвост по земле. Дома с порога матери: «Мам, я только одну рыбку поймал». Валентина Петровна, не отрываясь от плиты: «Одну? Отдай тогда её кошке». Оглянулись, да так с поварёшкой в руке и присела на табурет: экое чудище поймал её сын!

Чуть ниже, но по той же стороне переулка Скрыбины жили. Низенький их домишко и вовсе осел, когда дорогу по улице Вашляева подняли и сделали пошире. Ефим Григорьевич Скрыбин работал конюхом на заводе. Безобидный, весёлый старичок. Подвыпьет малость и пойдёт в присядку, да ещё и с прибауткой: «Пляшет лапоть, пляшет ним, пляшет скрябинский Ефим!»

Напротив, в двухэтажном доме проживала Зинаида Михайловна Лихачёва, в прошлом работница эмальцеха. У любимой бабушки каждое лето и зимой в каникулы гостил бойкий внук Юрка Миль-

ников, который с нами, горскими, как-то быстро сошёлся, вместе мяч гоняли, по угорам лазили, с лопухами сражались. А ныне Юрий Юрьевич Мыльников (да, тот самый Юрка) — исполнительный директор ХК ОАО «Привод».

Через дорогу стоит большой деревянный дом, где на втором этаже жил дядя Петя Худеньких, знатный слесарь ЛМЗ, а на первом — друзья детства Колька и Катя Афанасьевы. Далее по нечётной стороне переулка идут Ковеевы, Иксановы. Из них в отчем доме по-прежнему живёт Наиль Ковеев. Очкарик Нолька, так мы звали его в детстве. Книги читал запоем. Из дома, бывало, выскочит с огромным ломтем хлеба, толсто намазанным маслом и посыпанным сверху сахарным песком, и на всю улицу: «Сорок один — ем один!» А мы ему: «Сорок восемь — половину просим!» Делился, ведь другой раз и мы выбежали, жуясь на ходу и отламывая по кусочку друзьям. Позднее, уже взрослым, я прочёл замечательные строчки Алексея Решетова:

Мы в детстве были много откровенней:

Что у тебя на завтрак? — Ничего.

— А у меня хлеб с маслом и вареньем.

Возьми немного хлеба моего...

Года прошли, и мы иными стали,

Теперь никто не спросит никого:

— Что у тебя на сердце? Уж не тьма ли?

Возьми немного света моего...

Щемит в душе от таких пронзительных слов. И хочется вновь свернуть на тропинку детства...

А года два назад Наиль Ковеев, наш Нолька, взял да и выиграл в лотерею «Золотой ключ» квартиру в Москве. Выигрыш получил деньгами. И сразу объявилось столько корешей, что проблемы, куда девать деньги, у Ноли не возникло. Правда, успел он подсобить и родственникам, и сам приоделся.

Через дорогу, уже в сторону Каланчи, виднеется ладный домик Пастуховых. И сразу прокручивается в памяти курьёзный случай, произошедший в этом доме.

...Окончание средней школы мы с другом детства Женькой Грибовым решили отметить, как большие мужики. Скинулись, купили бутылку портвейна. Выпили. Естественно, потянуло к девчонкам. Женька предложил:

— Пошли к Люде Пастуховой в гости.

Это наша одноклассница. Всегда улыбающаяся, с ямочкой на щеке, нравилась нам обоим.

— Пошли, — говорю.

Вот и аккуратно обшитый тёсом дом. Стучимся в дверь. Никто не открывает. Толкнули — не заперто. Это нас не удивило: в 1960-х годах можно было и ночью спать с незакрытыми дверями — такого воровства и грабежей, как сейчас, не наблюдалось. Зашли в сени. Ещё одна дверь. Приоткрыта. Женька смело распахнул её и позвал: «Люда!» Никто не откликнулся. Через кухню мы прошли в комнату. На диване у окна кто-то спал, укрывшись с головой лёгким покрывалом, чтобы мухи не беспокоили. По очертаниям фигуры нетрудно было догадаться: спала девушка или женщина.

— Во, Людка даёт! Среди бела дня дрыхнет да ещё и похрапывает, — засмеялся Женька.

И стал шекотать голые пятки, приговаривая, как Юрий Никулин из «Кавказской пленницы»: «У-тю-тю-тю-тю!»

Покрывало откинулось, и мы с Женькой остолбенели: это была Людкина мать. Женьку как ветром сдуло. Я тоже бросился бежать. Но в сенях замешкался и выбежал не в ту дверь: вместо крыльца оказался в оgrade. Мечусь по ней, словно загнанный волк. И вдруг чувствую: падаю в какую-то яму. Позднее-то я узнал — это действительно была яма, овощная. Это Людин отец копал её, да недоделал. Перемазанный глиной, я пытаюсь дотянуться до края ямы. Да где там! Высота два с лишним метра, и стенки отвесные. Вот уж влип так влип. Хмеля как не бывало. Мигом протрезвел. Услышав над головой чьи-то шаги, я со всей силой вжался в стенку: только бы не заметили. Скрипнули оградные ворота — в яме стало светлее. Глянул вверх, на краю ямы стоит Людина мама, всматривается в глубину. Я не дышу... Но через секунду-другую слышу удивлённое: «Гена?! Как ты сюда попал?» То ли лестницу мне подала Мария Тимофеевна, то ли за руку вытащила, но я не помню, как выбрался из ямы. До того было стыдно — слов нет.

...С той поры прошло более тридцати лет. Мария Тимофеевна умерла. Но пока была жива, я, зрелый, солидный мужчина, здороваясь с ней, краснел, как мальчишка.

Дом № 61 по улице Чайникова и сейчас, как игрушка. Что снаружи, что внутри. Так ведь с любовью и строил его Андрей Кречетов, коренастый крепыш, родом из деревни Петрово. Ныне она числится в списках исчезнувших в нашем районе. Но малая родина корнями приросла к сердцу Андрея Павловича. Не случайно летом 2002 года

на освящении памятного знака в забытой деревеньке Веснино (акция нашей газеты «Вернём исчезнувшей деревне имя») среди прибывших горожан я увидел и своего соседа по Зареке.

— Андрей Павлович, как ты здесь оказался?

— Так ведь родители мои совсем неподалёку от этого места жили. От Веснино до Петрово километра полтора всего-то. Вот будто отчёму дому и поклонюсь здесь.

...Когда Андрей Кречетов вбил последний гвоздь, он зазвал нас, 10–13-летних мальчишек, в свой новый дом, завёл на второй этаж. А там посреди большой комнаты стоял самодельный теннисный стол. И никакой мебели! Андрей Павлович достал две ракетки. Одну оставил себе, другую отдал, кажется, Сергею Беляеву. Показал, как делать подачу, как отбивать шарик. И у нас пошло дело. Играли дотемна, на выбывание. Сражались и в следующие дни. Именно в доме Кречетовых я усвоил первые азы игры в настольный теннис. Да, вот так мы в ту пору жили дружно, по-соседски. Сейчас же заведи кто-либо к себе в квартиру мальчишек с улицы да предложи им поиграть — о таком соседи наверняка скажут: «Чокнутый. К себе домой чужих угланов?» Да ещё и покрутят пальцем у виска.

«По инициативе опытного прокатчика металла А. П. Кречетова осуществлён ряд мероприятий, направленных на совершенствование техники и облегчение труда прокатчиков. Он не раз руководил школой передового опыта, где делился с товарищами навыками производственного труда с одновременным обеспечением высокого качества металла...»

Это тоже о моём соседе из книги Н. Максарова и А. Клементьева «Запас прочности». Вот какие у нас горские мужики!

Жена Андрея Павловича Тамара не нарадуется:

— Ладный дом у Андрюши получился. Я его ни на какую городскую квартиру не поменяю. Отопление газовое. Ванна с горячей и холодной водой. Огород рядышком. Что ещё надо?

При первой же возможности слетаются в родовое гнёздышко сын Павел, успешный предприниматель и меценат, дочь Вера, преподаватель Пермского педагогического университета, и пятеро внучат.

Андрей Кречетов был участником и свидетелем нашумевшей забастовки прокатчиков весной 1965 года. О ней в ту пору, безусловно, нигде в советских газетах не писалось. Ещё бы! В первой стране социализма, уверенно идущей к коммунизму, и вдруг забастовка? Да это же грандиозная сенсация на весь мир. Кстати, на весь мир и прогремели лысьвенские бунтари. Вся-то забастовка длилась чуть

больше смены, а вечером того же дня «Голое Америки» уже сообщил об этом событии в уральском городе Лысьве. Информированности зарубежных корреспондентов можно только позавидовать. Отчего же забастовали прокатчики?

— Произошло это в смене Монского. Когда в цехе вывесили «портянку» с коллективным заработком бригад, один из прокатчиков, не помню кто, возмутился: «Это что ж, мужики, получается? Зарплата всей нашей бригады (в ней 9 человек. — Г. В.) чуть больше, чем у одного начальника цеха». Возник стихийный митинг. «Кончай работу!» — крикнул кто-то. И началось. Забегало начальство. Пошли собрания, разборки. В цех пришёл первый секретарь Лысьвенского горкома партии Сергей Мокроносов. Из Перми прибыли кто-то из облсовпрофа и второй секретарь обкома КПСС. Начальником «Жести-второй» у нас был тогда Иван Иванович Жданов. Он пытался объяснить, почему у него такая зарплата в тот месяц вышла: за рационализаторство надбавка и т. п. Тем не менее сняли с работы его. «Полетел» и секретарь парторганизации цеха Павел Ершов. А всё же зарплату нам повысили. Фонд заработной платы в цехе после забастовки увеличили с 67 тысяч до 110 тысяч рублей. И начальником поставили Александра Ивановича Клементьева с «Жести-первой». Жуков уже позднее стал, — вспоминает Андрей Павлович Кречетов.

Подтверждает причину забастовки и бывший дублировщик жестепрокатного цеха № 2 Владимир Обжорин, проживающий через квартал от Кречетовых:

— Всё дело в деньгах. Ну что? На клети девять человек работали, а получали вместе примерно столько же, сколько один человек — начальник цеха.

Владимиру Петровичу в январе исполнилось 70 лет. Родился в селе Уни Кировской области. «Вятский я. В детстве ходил по деревням, кусок хлеба выпрашивал».

Когда лет пять назад в Лысьву приезжал Геннадий Заволокии, Владимир Обжорин выступал на его концерте «Играй, гармонь!». И даже частушки вспомнил, которые пел со сцены:

*Свиньям ты поило носила.
Чистила скотный сарай.
На ногу мне наступила,
Будто совсем невзначай.
Я тебя, дуру, лопатой
Крепко огрел по спине.*

*Крикнула: «Чёрт полосатый!»
И улыбнулась мне.*

Между прочим, дом № 55 по улице Чайникова, где живёт Петрович, славится своими музыкантами. В 60-х годах прошлого века в нём на первом этаже жил известный всей Зареке гармонист Иван Дылдин. Он сам и гармошки делал.

Пройдём ещё один квартал и на перекрёстке улиц Чайникова и Лязгина увидим двухэтажный дом, где живёт ещё одна легендарная личность. Александр Иванович Лязгин. Слышали о таком? С 12 мая (2005 года) ему пошёл... 103-й год! Он остался единственным в Лысьве человеком, который, к примеру, видел своими глазами яркую иллюминацию на городском пруду, устроенную в честь 300-летия династии Романовых. Это было в 1913 году.

Отслужив в Красной Армии, Александр вернулся на родину, устроился кустарём-жестянщиком при ведёрном цехе ЛМЗ, после окончания Лысьвенского техникума работал техником-технологом, а затем и начальником отделения цеха сшивной посуды. В войну в его цехе женщины за смену изготавливали по 40 тысяч(!) бидонов для бензина ёмкостью 20 литров.

В 1948 году Александру Ивановичу вручили высокую правительственную награду — орден Ленина.

А с запахом раскалённого добела металла он знаком с малых лет, когда пацанёнком натирал мозоли, раздувая меха в единственной на всю округу кузне деда Филиппа Григорьевича Лязгина. Да, та самая кузница, о которой вспоминал Леонард Постников. Нетрудно догадаться, почему улица, на которой живёт Александр Иванович, называется Лязгина. По всей вероятности, в честь его предков. Любопытно, что столетний старичок и по сей день без дела не сидит. Как-то, в начале лета прохожу мимо его дома, гляжу: Александр Иванович, что-то выправляя, постукивает молотком на подоконнике.

На той же улице, чуть выше, в сторону Каланчи, в аккуратном домишке живут ещё два старожилы Зареки — Михаил Васильевич и Антонина Сергеевна Аликины.

Глава семьи — ему 86 лет — из прославленной династии металлургов. Всю войну трудился за двоих — одновременно наладчиком и мастером в цехе № 15, где выпускали взрыватели к головкам снарядов. Да потом ещё 20 лет отпахал на прокате вместе с младшим братом Николаем Васильевичем, удостоенным высокого звания Героя Социалистического Труда. Оба пользовались среди рабочих уважением

и авторитетом. Поэтому в день забастовки именно к ним обратился на собрании прокатчиков директор завода Емельян Одинцов:

— В чём дело, братья Аликины?

— Была бы поболе зарплата, Емельян Семёнович, так и не бастовали бы. А то с такой получки и детишек конфетами не шибко побалуешь.

Припомнил Михаил Васильевич об Одинцове забавный эпизод.

Директор был заядлым рыбаком. Однажды зимой сидит на пруду, трясёт мормышку. К нему подходит мужик: «Чё это ты с деревянным ящиком? Почти все лысьвенские рыбаки термосами уже обзавелись. Хочешь, достану? По дешёвке продам». На другой выходной встретились на пруду и сделка состоялась. А в понедельник Емельян Семёнович такой разгон устроил в ЦМИ-2, где выпускали из нержавеющей стали 12-литровые термоса для армии: «Почему у вас не налажена толком охрана продукции? Воруют термоса напрапалую!»

Однако вернёмся на Чайникова. Сейчас одноэтажный деревянный дом № 49а на этой улице приспособлен под жильё. Но старожилы помнят, что здесь когда-то размещался промтоварный магазин № 8.

Чуть выше по той же улице находился продовольственный магазин № 9. Вот уж к нему-то никогда, как говорится, не зарастала народная тропа.

Я застал то время, когда в этом магазине люди занимали очередь за хлебом с ночи. Были с ним перебои в 1960-х вплоть до Октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС, на котором «скинули» главу государства и генсека Никиту Хрущёва. Причём, хлеб давали только в руки — по одной буханке. Займёт бабушка очередь, дождёт последнего, скажет свой номер. Утром на пересчётку ходит. А перед приездом хлебовозки ведёт бабушка в магазин нас, четырёх внуков. А нам так не охота стоять в душной очереди, лучше бы побегать — в лапту или в вышибалы поиграть. Зато какие довольные шли из магазина, на ходу отламывая по кусочку ещё теплого вкусного пшеничного хлеба...

Деревянного здания, где был девятый магазин, уже нет. На его месте построен магазин посовременнее — из бетона. На дверях табличка: ЧП А. Н. Недобер. На прилавках и в витринах большой выбор товаров: от спичек до ананаса. А мне захотелось купить кубик-концентрат «Какао с молоком» за 12 копеек, какие мы очень любили в детстве. Но тот поезд уже ушёл...

А мы свернём на улицу Шатова. Названа она либо в честь одного из активистов забастовки мастеровых завода в 1861 году Ивана

Шатова, либо по фамилии первого застройщика на этой улице. На ней, ближе к пересечению с улицей Быстрых, по-прежнему стоит разлапистая сосна, к которой нас водила учитель по рисованию и черчению Раиса Константиновна Вьюгова. И мы с натуры переносили таёжную красавицу в свои альбомы.

Далее пойдём по Худеньких. Названа эта улица в память одной из жертв гражданской войны Андрея Ивановича Худеньких, расстрелянного белогвардейцами на берегу Травянского пруда в 1918 году.

Перпендикулярно ей идёт улица Реутова. Весьма распространённая фамилия в Лысьве. Из Реутовых наиболее значимой фигурой был Павел Прокопьевич, в прошлом революционер, с сентября 1924 по январь 1927 года директор Лысьвенского металлургического завода. Затем его перевели в Свердловск, а вскоре репрессировали. Брат его — Илья Прокопьевич — в войну был начальником цеха, где изготовляли снаряды. А сын Владимир Реутов работал начальником смены в ЦМИ-3.

До школы № 11 остаётся менее пяти минут ходьбы. В переулке Мальцева решил заглянуть к тётке Вале Кирса. Жива ли старушка? С Алексеем, её старшим сыном, мы бегали в детстве.

Валентина Филипповна, ей 83 года, без труда узнала меня. Пригласила к столу. И в ходе неспешной беседы я ещё раз убедился, что «...любой человек — это целый роман».

Не одну тонну касок перебирала за смену хрупкая девчонка из цеха № 8, проверяя их на прочность. В этом же цехе работал наладчиком станков, на которых штамповали каски, невысокий паренёк Николай с непривычной для Урала фамилией Кирса. Под неумолкающий грохот станков они и познакомились.

Шестнадцатилетнего хлопчика сдёрнула с Украины война. К родному селу приближались немцы. И председатель колхоза поручил Коле и его ровесникам угнать колхозный скот подальше от приближающегося фронта. Не все животные, особенно овцы, при переправе через Дон доплыли до берега. Да и мальчишкам бы пришлось туго, но выручили лошади, за гривы которых ухватились ребята. А после выполнения задания парней направили на военные заводы. Так Николай оказался в Лысьве.

Шестерых детей вырастили и воспитали Валентина и Николай Кирса. Сейчас Валентина Филипповна живёт с внуком Евгением в собственном доме, построенном мужем и ею в 1952 году.

А вот и родная школа! Ей я посвящаю отдельную главу.

Кузница кадров

Зарека ты моя, Зарека...
Пронеслись годы школьные звонко!
В первом «ма-ма» выводит рука,
А в девятом — признание девчонке...

— Володя! Поднажми! Ещё чуть-чуть! — дружно подбадривают болельщики крепкого коренастого лыжника, стремительно несущегося к финишу. Толчок, ещё толчок. Казалось, лыжи вот-вот оторвутся от земли и спортсмен взлетит в небо. А летать Володе хотелось всегда. Но только через 20 с лишним лет он выведет на взлётную полосу своего «первенца» СВС-001. Володя построил его из дюрала, сосны, перкаля и стеклоткани по чертежам журналов «Моделист» и «Крылья Родины».

И однажды весной Владимир Василец, инструктор по спорту одного из пермских заводов, прилетел на своём одноместном самолёте в родную Лысьву, приземлившись на Большом пруду. На перелёт туда и обратно пилот-самоучка затратил два с половиной часа и около 20 литров обычного бензина марки А-76.

Да, а кто же на лыжне первым финишировал? В эстафетной гонке 4x5 км победную точку поставил Василец, и сборная средней школы № 11 стала чемпионом города среди учебных заведений. Это было 23 февраля 1967 года.

«...Позавтракав, Саша засобирался на работу.

— Теплее одевайся, — предупредила жена. — Сегодня опять холодно, снова зима вернулась.

— У печи согреюсь.

Ольга хорошо знает, каково мужу у мартеновской печи. Работая технологом на заводе, она часто бывала в мартеновском цехе, не раз наблюдала за сталеварами...»

Это строки из повести Н. Максарова «След в жизни».

Шурик (это о нём, сыне прославленного прокатчика Николая Васильевича Аликина, идёт речь в книге), статный и кудрявый, притягивал открытой доверчивой улыбкой и заразительным смехом. Его одноклассница Ольга Коровина была несколько застенчивой и рассудительной, уравновешенной. Возможно, это «единство противоположностей» и сыграло не последнюю роль в их браке. Кстати, это не единственная семейная пара, которую взрастил наш бывший десятый класс. Очаровательная Люда Елохова не устояла перед красноречием балагура, заводилы и души компании Коли Шеина, пардон, Николая

Александровича, вице-президента «Каминбанка». Живут Шеины в Набережных Челнах.

Хохотунья и певунья Люда Чуприна, а ныне Людмила Степановна Ситникова, уважаемый и известный человек в городе. Хормейстер музыкальной школы, руководит студией эстрадной песни «Новые звезды» при ЦТД «Привод».

Более 30 лет назад пришла на «Привод» с красным дипломом выпускница Пермского политеха Татьяна Тимошук. Она, между прочим, и школу закончила с золотой медалью. Ныне Татьяна Чубарова один из опытейших специалистов службы инженерно-технического центра холдинговой компании. Через Татьяну проходят механические расчёты всех турбогенераторов и двигателей.

Много лет отдали «Приводу» Анатолий Русских и Галина Азоркина (Лоншакова). Она начинала в семнадцатом цехе с утюгов, а сейчас Галина Сергеевна — специалист службы качества ПЭМ. Не один десяток лет работал в СКВ Владимир Кутявин (теперь он в ТУЭС).

Витька Михайлов пришёл в наш класс из Заболотки. Сухощавый, голубоглазый паренёк, с детства друживший с лыжами, не раз защищал спортивную честь школы. Кстати, он бежал на первом этапе той победной гонки, Серёга Никитин — на втором, а я, простите за нескромность, — на третьем. Виктору Ивановичу и сейчас энергии не занимать, как на работе (В. Михайлов — директор ООО «ЛМЗ-Энерго»), так и дома: он отец троих детей и бодрый, нестареющий дедушка.

Из нашего класса вышло немало педагогов — Людмила Корбут, Надежда Отинова, Вера Суворова, Зина Стрекалова. Есть и строитель — Сергей Никитин, милиционер — Глеб Мозжерин, продавец — Галина Окунева, первоклассный слесарь — Александр Софронов, геологи — Владимир Ракланов и Виктор Аликин, конструктор авиадвигателей — Нина Сергеева, медики — Вера Соловьёва, Татьяна Шестакова, Нина Пикулева, Любовь Подьянова.

Я мог бы ещё долго рассказывать о выпускниках 1967 года школы № 11. Но всё-таки главное — не наши должности и кресла. Основной костяк нашего бывшего десятого остался верен школьной дружбе. И, конечно, самые тёплые слова мы говорим нашим учителям — обаятельной классной «даме» Алевтине Фёдоровне Косвинцевой, преподавателю русского языка и литературы Галине Николаевне Красильниковой, преподавателю географии Нине Петровне Пехтушевой, преподавателю французского языка Валентине Ивановне Быстрых, учителю начальных классов Иде Ивановне Мошевой, всем, кто нас сделал людьми.

...Верховья Сылвы огласились ребячьими голосами. В июльском небе с ними перекликается жаворонок. Мы, «мужики», под руководством учителя труда Якова Гафуровича Ханафеева сооружаем плоты для сплава вниз по реке до Кунгура. Девчонки колдуют у костра, от которого идут обалденные запахи грибовницы.

И вот самодельные плавсредства спущены на воду. Подняты паруса. Мы зачарованно глядим на проплывающие мимо нас скалы, подбегающие к самой воде берёзки, которые, засмотревшись в зеркальную гладь, поправляют свои зелёные причёски. Лёва Полянский берёт гитару, и в вечерней тишине раздаётся: «У самого синего моря со мною ты рядом, со мною...» Да, мы пели не только «Взвейтесь кострами» и «Картошку».

Школа... Самые светлые воспоминания связаны с ней. Тропинка к ней сквозь сердце пролегла...

— Школа очень прочные знания давала. Сужу по сыновьям, которые сразу после окончания десятилетки поступили в институты. А ещё ученики школы № 11 очень хорошо помогали нам на уборке картофеля и капусты, парники навозом набивали, — вспоминает директор совхоза «Лысвенский» (60–70-е годы) Павел Коваленко, кстати, в прошлом тоже житель Зареки с улицы Строительной.

А это из воспоминаний Александра Шатова, выпускника 1956 года:

— Я застал ещё Виталия Евгеньевича Плотникова, директора школы № 11 в послевоенные годы. Он у меня арифметику принимал в первом классе. Весной вся школа утопала в яблоневом цвету. Это было здорово! Яблони-дички сажал со школьниками учитель биологии Красногорский. Замечательный человек, спокойный, очень землю любил, профессию свою. И такая несправедливость: репрессировали его... Класс у нас был дружный, сплочённый. Достаточно сказать, что по окончании школы он «выпустил» пять семейных пар. В их числе и я с Лидией Горбуновой, одноклассницей и женой.

Добавлю, что Александр Шатов, племянник того самого древнего должителя Лысьвы Александра Лязгина, окончил электромашиностроительный техникум, был его директором, а ранее — первым секретарём горкома комсомола. И вообще средняя школа № 11 является мощной кузницей кадров. В том числе и руководящих.

Среди её выпускников директор металлургического завода Александр Клементьев, директор территориального узла электросвязи (ТУЭС) Александр Палкин, главный экономист ХК ОАО «Привод» Татьяна Пикuleва, председатель профкома ЛМЗ Виктор Колыванов, начальник СМУ № 1 Михаил Коваленко, директор совхоза «Лысь-

венский» Николай Леухин, председатель Союза художников Урала Василий Глущенко, заместитель коммерческого директора ЛМЗ Геннадий Шабаршин, начальник ЦМИ-3 Владимир Лязгин, начальник инспекции по охране окружающей среды Александр Скрыбин, заместитель директора колледжа по воспитательной работе Ирина Мальчукова, начальник финансового управления администрации Лысьвы Нина Меркурьева, директор кафе «Отдых» Вадим Алябьшев, заместитель директора мясокомбината Нина Чумаченко, заместитель начальника пенсионного фонда Галина Мамонова, предприниматели Сергей Брагин, Георгий Наугольных, Владимир Оборин, Валентин Голубев, Елена Новокшонова. Всех не перечислить. Иных уже нет в живых: председателя горисполкома Вадима Новосёлова, начальника ремонтно-механического цеха ЛМЗ Юрия Порозкова.

Я не ставил целью усадить рядом всех начальников, бывших выпускников школы. Так вышло, что полученные в школе знания позволили им сделать карьеру. И это замечательно. Но всё-таки костяк рабочей Лысьвы составлял и составляет трудовой люд Зареки: сталевары Александр Аликин и Николай Щепелин, электрики-профессионалы братья Сергей и Михаил Беляевы, часовых дел мастер Нина Кучумова (Шамова), медсестра Галина Микрюкова (Пастухова), специалист по учёту готовой продукции ЗАО «Привод» Елена Малых, продавец Валентина Ковеева, врач-уролог Владимир Звягин, самый улыбающийся кассир на станции Лысьва Светлана Волкова (Вагина), полиграфисты Марина Бабанина и Галина Худеньких, ветеран ЦОП ЛМЗ Лидия Иванова, воспитатель детского сада № 14 Марина Казаринова, водитель ОАО «Привод» Евгений Шуклин. Я с огромным удовольствием вписал бы сюда всех моих дорогих земляков, да боюсь утомить длинным перечнем любезного читателя.

Построена школа № 11 в 1937 году. Стоит на улице, носящей имя лысьвенского революционера-большевика Александра Быстрых, погибшего при подавлении кулацкого мятежа в 1920 году. Различные реформы не обошли и нашу школу. Окончил я её в 1967 году, и тогда у неё было очень длинное название — Лысьвенская общеобразовательная трудовая политехническая школа с производственным обучением. Это значит, что в старших классах нас обучали какой-либо рабочей профессии: девчонки учились на повара-кулинара и продавца, а мы — на слесарей-ремонтников и электрослесарей. И даже сдавали на разряды. Практику мы проходили в ЦМИ-2. Аттестат об окончании десятилетки я получил одновременно с удостоверением электрослесаря четвёртого разряда. А что? Знания по электрической части

в жизни пригодились. Через год-другой (после нас) в школе вводят одиннадцатилетнее обучение без политехнического уклона, но с производственной практикой в УПК. Расскажу ещё об одном историческом факте. Примерно в 1954 году родители платили за учёбу своих детей, оканчивающих восьмой класс. Об этом вспомнил Александр Шатов.

Школьный пристрой с современным по тем временам спортзалом появился в 1961 году. Но даже с его вводом в строй занятия ещё долго велись в три смены. Сейчас количество учащихся едва достигает 500 человек. А в 60–70-х годах в ней учились более 1000 школьников, в иных классах было по 40 с лишним человек. В школе преподавали ветераны педагогического труда Анна Ивановна Наугольных, Ксения Никифоровна Малкова, отличник просвещения Надежда Филипповна Литвина и многие другие. В разные годы школой руководили В. Е. Плотников, В. И. Вшивков, В. В. Максимов, Т. Б. Мокина. Последние 6 лет директором школы является Ольга Аркадьевна Палкина, завучем — Татьяна Вадимовна Реутова.

У каждой школы есть своя особенность. Одни гордятся своими спортсменами, другие — кавээнщиками и т. д. В нашей одиннадцатой нехватки спортсменов и прочих талантов никогда не ощущалось. Отличало же её от других школ то, что давала учащимся основательные знания по всем предметам, особенно по иностранному языку — по французскому. Более 20 выпускников окончили вузы по этой специальности. К слову, только из одной нашей семьи вышло три «француза». Любовь к французскому пошла от Валентины Ивановны Быстрых. Преподавателями французского языка работали в школе № 11 её ученицы Вера Колупанова (Вершинина), Галина Худеньких (Кожевникова), подготовившие в свою очередь целую плеяду студентов инфака.

«Придя на работу, В. В. Вершинин увидел большой лист бумаги. На нём написано: „Поздравляем Василия Васильевича с четырьмя выпускниками!“ Вершинин даже не понял, что это поздравление имеет к нему прямое отношение...»

(Ольга Шардина. «Искра» от 1 июля 1967 года).

Да, в том году моя старшая сестра Вера окончила Пермский пединститут, Ольга — наш техникум, я — среднюю школу, а младшая Людмила — восьмилетку на одни пятерки. Помню, мама за голову схватилась: четыре выпускника одновременно — это же каждому на выпускной вечер надо какой-то маломальский прикид. И, пожалуй, ещё одна отличительная особенность горской школы: три её выпуск-

ника связали свою жизнь с журналистикой. Бывший редактор «Искры» Сергей Ворожейин ныне возглавляет новую газету «Чусовские вести». Редактор сегодняшней «Искры» Елена Орлова (Омышева) тоже выпускница школы №11, как и автор этой книги. В Зареке же, на улице Ушинского, проживает семья журналистов Михайловых. Игорь известен как репортёр «Искры» и поэт, автор двух поэтических сборников, а Галина — корреспондент областного радио и собкор «Профсоюзного курьера». Любопытно, что книги Игоря Михайлова выпущены в ООО «Издательский дом», исполнительный директор которого Александр Пермяков — в прошлом тоже наш, горский: жил около года на квартире у Выломовых (напротив нас), откуда и в армию ушёл, затем Пермяковы переехали в дом № 23 по той же улице Чайникова.

...На днях с горечью узнаю, что французский язык в школе заменён английским. Это я ещё выдержал, но когда Татьяна Вадимовна Реутова сказала, что через год-другой из статуса средней школа № 11 перейдёт в девятилетку, сердце больно защемило. Зачем? Сомневаюсь, что причина только в недоборе учащихся. Скорее всего, дело здесь в оптимизации и реформе образования. Принесут ли эти новации пользу — это ещё вопрос времени. А вот то, что российская школа, которую признавали и зарубежные специалисты, сдаёт свои позиции в области качества знаний, это, к сожалению, близко к истине. Ведь без репетиторства сейчас редкий выпускник поступает в вуз.

Тем не менее, не могу спокойно, без трепета в сердце проходить мимо родной школы... Ведь здесь я встретил свою первую любовь. Какой крюк я делал на велике от своего дома, чтобы проехать будто бы просто так возле Её крыльца! А зимой, уходя на тренировку в Сухой Лог, я, убедившись, что никто не видит, чертил лыжной палкой на снегу под окнами Её дома: «Lucie, je t'aime!» То ли эту фразу заметало порошей, то ли слова мои были так пламенно-страстны, что они таяли в снегу, но, похоже, Она так и не прочла моё признание, не догадалась о моей любви...

*Звонит звонок задиристо-весёлый,
И в перемену снова пыль столбом.
И кажется, что в этот миг вся школа
Качается и ходит ходуном.
А на урок звонит он по-другому:
Не слышно прежней лихости в звонке.*

*Он понимает, как из нас любому
 Не хочется порой идти к доске.
 Десятый класс... Вернуть бы те денёчки:
 По Сылве сплав и песни у костра!
 Не мы теперь гуляем — наши дочки,
 А нам не спать до самого утра.
 Но я хочу опять спрягать глаголы
 И провожать Наташку до угла.
 Не вычеркнуть из жизни нашей школу —
 Тропинка к ней сквозь сердце пролегла...*

Повторить бы всю юность сначала

Зарека ты моя, Зарека...
 Ты характеры наши ковала.
 Слышу песнь заводского гудка —
 Повторить бы всю юность сначала.

В ходе подготовки очерка были у меня опасения по поводу изложения событий 1913–1914 годов: не слишком ли вольно интерпретировал я главу «В гостях у Онуфровича»? Научный работник народного музея, историк и краевед Виктор Лямзин, прочитав, успокоил: «Нормально. И с точки зрения художественности довольно живо ты описал один из дней управляющего горным округом. Разве что маловато упора сделал на то, что Адам Онуфрович прежде всего большой учёный-металлург, автор монографий, действительный член Русского металлургического общества».

Сомневался я также, когда в «Описании...» от 1857 года наткнулся на абзац: «Из пороков между жителями Лысьвенского завода преимущественно господствует разврат...» Включать ли его в очерк? С одной стороны, вроде как не патриотично по отношению к родному городу. С другой — от исторических фактов никуда не уйдёшь. Тем более, из тех же музейных записок узнал, что среди болезней жителей Лысьвенского завода на третьем месте стоял... сифилис. Справедливо возникает вопрос: неужели и в наше время «господствует разврат»? От имени своего поколения могу заявить: в пору школьной юности на девчонок мы тоже засматривались. Ещё как! Но из 35 выпускников нашего десятого класса до окончания школы сексуальный опыт имели единицы. Романтическая влюблённость,

на мой взгляд, всё же брала верх над стремлением к ранней половой жизни.

По мнению же заведующей женской консультацией Татьяны Горбуновой, сексуальная активность сегодняшней молодёжи значительно возросла. К примеру, только за первый квартал 2005 года в Лысьве матерями стали 15 женщин, которым ещё не исполнилось 18 лет. У иных женщин, обратившихся в консультацию в период беременности, обнаружен сифилис. А если добавить к нему наркоманию, алкоголизм, заболевания среди молодых СПИДом, то не значит ли это, что колесо истории совершает ещё один круг? Потому, как предупреждение, я и привёл в очерке абзац о «пороках между жителями Лысьвенского завода».

Совсем другими глазами читал я и архивные документы о бунте рабочих в июле 1914 года. Ведь нам в своё время на уроках истории о дореволюционных фабрикантах, хозяевах заводов рассказывали, как о «душителях и кровососах рабочего класса». И вдруг я с содроганием читаю: «Самоё избиение рабочими заводской администрации и полиции носило характер бесчеловечной, циничной расправы. Трупы были изуродованы до неузнаваемости. Над ними всячески издевались, раздевали почти донага, причём некоторые из толпы тут же надевали обувь, снятую с убитых...» Выходит, по жестокости пролетариат ещё даст фору эксплуататорам?

Или такая историческая параллель. Прокатчики «Жести-второй» забастовали 40 лет назад из-за того, что заработок рабочего был в 8—9 раз меньше зарплаты начальника цеха. Ныне у российских владельцев заводов зарплата в десятки, а где и в сотни раз превышает заработок наемного рабочего. И ведь из-за страха остаться за забором редко кто бастует... Разве что учителя, медики да пенсионеры, которым терять уже нечего.

Проходя по посёлку, я, конечно, сравнивал Зареку сорокалетней давности с сегодняшней. И, между прочим, плюсов в пользу старины было немало. Дело не только в ностальгии. Вот хотя бы такой пример. Ложок на перекрестии улиц Кунгурской и Ушинского в моём детстве был укатан лыжами и санками вдоль и поперёк. А в тот ясный февральский денёк я ни в этом ложке, ни в других местах не встретил ни одной лыжни. Как будто ребятни не стало. Впрочем, так и есть.

Вернусь к друзьям детства. Пирожниковы: у дяди Гриши и тёти Поли, работников мартеновского цеха, было семеро детей. У Беляевых и Скрыбиных — по пятеро, у Кирса — шестеро. Нас, Вершининых,

четверо. А нынче? Один, два — и обчёлся. Увы, и из моих горских ровесников мало кто отважился на многодетную семью.

Попутно замечу, что среди моих друзей детства образовалось три семьи. Наташа Беляева вышла замуж за Валеру Симонова (Симоновы тётя Вера и дядя Юра жили на первом этаже, под нами. Ольга и Валерий — их дети). Сергей Беляев женился на Татьяне Грибовой. Моя средняя сестра Ольга замужем за Геннадием Шабаршиным с улицы Вашляева. И браки эти довольно крепкие. Так вот, у Натальи и Валерия Симоновых трое детей. Столько же у Ольги Симоновой. Двух сыновей и дочь вырастила и воспитала моя младшая сестра Людмила Азмагулова. А у остальных-то сынок да дочка, а то и вовсе один ребёнок. Так не наша ли вина в том, что среднюю школу № 11 собираются перевести на 9-летнее обучение? Не оттого ли и стареет посёлок? Поэтому и некому укатывать лыжами лога и угоры...

А сколько у нас было подвижных игр! «Бить-бежать» (по-литературному «лапта»), пряталки, «царь», вышибалы, городки, чижик, чика. Не считая футбола, в который играли и девчонки. Зимой любили занимать сопку: подольше устоять на вершине снежной горки, отбиваясь от наседавших. Летом всей ватагой ходили в поскотину за грибами, запускали бумажных змеев, купались до посинения. По плаванию у нас спецом был Генка Пирожников. Нырком у него всех лучше получалось: уйдёт под воду от голевого и не знаешь, где он вынырнет. Нет, конечно, не всегда мы были такими спортивными и примерно-показательными паиньками. И за огурцами в чужие огороды лазили, и горохом на совхозном поле лакомились.

А как-то весной на дороге, по которой мимо нашего дома рабочие на завод ходили, вырыли ямку-обманку, она наполнилась талой водой. Присыпали её снегом, следы наделали — будто тропинка. А сами спрятались в ограду и в щёлку выглядываем. Идут с работы, люди, сапогом — бух в ловушку! Нам смешно. А одна из женщин в ботиках ступила в нашу обманку, воды начерпала, чуть не заплакала. И мы это занятие прекратили. Но придумали другое: к старому кошельку привязали нитку, кошелек бросили на дорогу, а сами опять в ограду. Идёт прохожий, смотрит — бумажник, оглянется — никого. И за кошельком наклоняется. А мы в это время — за ниточку. Как округлялись у прохожего глаза при виде «убегающего» от него кошелька — потеха!

А во что играют сегодняшние мальчишки и девчонки? В компьютерные игры. Мы же на сидячие игры переходили, когда за окном мороз за 30 градусов. Тогда собирались у Беляевых в доме и устраива-

ли турнир по шахматам. Не помню, кто нас ими увлёл, но сражались страстно. И однажды в школьном турнире мы с Серёгой Беляевым угодили аж в призёры: он занял второе место, я — третье. А победителем стал Николай Цветов, нынешний тренер юных шахматистов во Дворце детского (юношеского) творчества.

В зимние каникулы ни один сугроб мы не обходили стороной, Штаны с начёсом поверх валенок наденешь, чтоб снег не попадал — и вперёд! Правда, и попадало от родителей за то, что приходили домой мокрые, как курица. Ведь до чего доходило — с улицы придёшь, стянешь штаны, а они, обледеневшие, не гнутся: колом стоят вместе с валенками. Впрочем, о народных играх и забавах — это отдельная тема для статьи.

К сожалению, летняя Зарека огорчила неухоженностью, захламлённостью иных улиц и переулков. Помнится, раньше по весне соседи дружно выходили с мётлами, граблями, лопатами. И чистые улицы веселили глаз. А, может, сейчас мусорных контейнеров в посёлке маловато?

В процессе сбора материала я открывал для себя много интересно, любопытного, порой не поддающегося объяснению. Зачем, к примеру, надо было нарушать прекрасную рощу у памятника истории и культуры, дома управляющего горным округом? Оказывается, когда в 60-х годах начали мостить улицу Вашляева (Болотную), грунт для засыпки крутого лога между Пьяной Горой и Зарекой брали из... рощи. Об этом мне напомнил Саня Скрябин с улицы Вашляева. А кто знает, как в народе называли дорогу, проложенную по улице Лязгина? Курзановская. В бытность председателя горисполкома Ивана Курзанова эта дорога — а по ней ездили до Кунгура — долгое время оставалась разбитой, в ненастье труднопроходимой для транспорта. Правда, при Курзанове же её начали укладывать брусчаткой. Об этом мне рассказал старожил посёлка Михаил Аликин. От него я узнал и о Максиме Ивановиче Земцове, владельце частной пекарни. Жил он в двухэтажном доме по улице Лязгина напротив Аликиных. Когда в конце 1920-х — начале 1930-х годов единоличников стали «прижимать», пекаря сослали в места не столь отдалённые. Более о его судьбе ничего не известно. В доме Земцова затем какое-то время размещался нарсуд. А хлеб в его пекарне, сказывают, был очень вкусный...

На этой же улице Лязгина, где она пересекается с улицей Вашляева, в двухэтажном каменном доме располагалась чайная. А неподалёку, на улице Шестакова, стоял пивной ларёк, где бойко торговала

Дуся Колыванова. Ох и попадало от матери моему отцу за эту пивнушку, через которую он, бывало, возвращался домой...

Возле продуктового магазина № 9 находился ларёк, где принимали вторсырьё: кости, макулатуру, тряпьё. Наша горская шпана специализировалась на костях. Мы ходили с ведрами по улицам, дворам, помойкам, собирали выброшенные кости. На вырученные деньги тут же в ларьке покупали свистульки из глины, перочинные ножички.

На углу улиц Реутова и Чкалова в одноэтажном каменном здании в 1950-х размещалась инкубаторная станция. Там из куриных яиц, привезённых с колхозных птичников, искусственным путём выводили цыплят на продажу населению. В инкубаторной работали ветеран «Привода», фронтовик Геннадий Пильников, моя мама Анна Андреевна. Цыплята пользовались у лысьвенцев спросом. Зато сейчас мы «смакуем» ножки Буша... В здании бывшей инкубаторной ныне обитали казаки, изготавливают здесь и мягкую мебель.

На углу улиц Лязгина и Строительной в двухэтажном каменном доме расположено отделение связи № 4. Здесь же и филиал Сбербанка России. А вот детской больницы, занимавшей одноэтажное деревянное здание по улице Тракторная, не существует уже более 20 лет. Ныне в этом доме живёт семья Соколовых. «Всё бы ладно, да только от проходящей по Тракторной теплотрассы такая по весне и осенью грязь — без болотников не обойтись», — жалуется хозяин дома Николай Соколов.

На улице Быстрых (на границе Зареки и Пьяной горы) раньше была мойка. Как сейчас вижу: зимой на санках по узкой тропочке везём туда бельё в корзине — полоскать. Всё это в прошлом. Теперь большинство домов в посёлке газифицировано.

Ещё теплится жизнь в Зареченском животноводческом товариществе, которым руководит Анна Вострикова. Из двадцати одной лошади, что числились лет 8 назад, сейчас остался один Гром. Есть ещё бык-производитель. А кого покрывать-то? Едва ли наберётся у частников в Зарече три десятка коров. В западной части посёлка предприниматель Владимир Пикунев, бескорыстно помогавший нам стройматериалами в акции «Вернём исчезнувшей деревне имя», держал пилораму. Продуктами и прочими товарами зареченцев обеспечивают частные предприниматели А. Н. Недобер, Т. Б. Палкина, Н. К. Шарафутдинов и Г. Г. Синцова. У них-то есть лицензии. А у доморощенных самогонщиков, выручающих зельем жаждущих, покупатели их не спрашивают...

Из объектов соцкультбыта назову ещё детские сады № 14 и 29. Детясли № 13, что напротив школы № 11, приказали долго жить: как только их закрыли, местные жители выкорчевали из здания всё, что согдится у себя в хозяйстве. При выезде из города есть ещё автозаправочная станция. Вот, пожалуй, и вся инфраструктура посёлка. Ах, да! Забыл о кинотеатре «Экран», который находился рядом со школой на улице Сушина. Его не стало, по-моему, в конце семидесятых.

В советские времена улицы Лысьвы, в том числе и Зареки, переименовывались по поводу и без повода. Так улица Совнаркомовская в 1944 году стала Трактовой. Улица Совхозная раньше носила имя Демьяна Бедного, Худеньких — Панова, Чайникова — Карманова, Горького — Кузнецова. Кто такой Чайников, выяснить пока не удалось. И вообще, неразгаданного осталось ещё очень много. Юным краоведам здесь непочатый край работы. А она увлекает, наводит на размышления. И здесь я хочу поблагодарить всех земляков, кто предоставлял архивные документы, фотографии, делился воспоминаниями. Особое признание заведующей городским архивом Фаине Треногиной, научному работнику Виктору Лямзину и сотрудникам народного музея Татьяне Борисовой и Ирине Чилигиной, заместителю начальника управления здравоохранения Ирине Козловой, всем соседям и друзьям детства.

Беседуя со старожилами Зареки, я ещё раз убедился, насколько сильна связь поколений. Вот Леонард Постников рассказывал, как они в детстве запускали змеев, стреляли из луков, пещеры в снегу рыли. Мы-то ведь то же самое вытворяли, и никто нас этому не учил. Или Михаил Аликин вспоминал, как они стенка на стенку дрались с госстройскими, бросали друг в друга камнями. И у нас то же самое было. Только мы враждовали с пьяногорскими. Помню, как пошли они на нас в атаку с железной дороги. Мы отстреливались камнями. И я попал точно в лоб Юрке, старше меня года на два. Как он закачался, зажал голову руками — я даже струхнул. А тут встречаемся в Чусовом: Юрий Дрямин — главный юрист городской администрации. Посмеялись да и только. Интересно, передались ли в гены эти молодецкие забавы нашим детям, внукам? На улице Строительной я взял да и остановил рослого паренька. Он оказался горским. Зовут Антон Шардин, учится на третьем курсе ПУ-55.

— И мы тоже пластались с пацанами с Пьяной горы. Правда, вот уже года четыре, как у нас перемирие, — улыбнулся Антон.

Ну и дай Бог, чтобы два посёлка жили в дружбе. Здесь не жалко, когда преемственность, замешанная на вражде, не находит продолжения. Обидно, когда добрые традиции прерываются.

Вернусь к спорту. Нас никто из взрослых не организовывал. Сами договаривались и играли в футбол на выгоне улица на улице, класс на класс, посёлок на посёлок. А ныне тот выгон зарос бурьяном... Зато встретить юнца или девицу с бутылкой пива — да легко, только выйди из дома. Что поделаешь, времена меняются. И люди другими становятся. Да, раньше нам недоставало многих дорогих вещей — не по карману. Зато не было дефицита в добром взгляде, рукопожатии. Когда у Симоновых появился первый с линзой телевизор, к ним со своими табуретками вся улица ходила. Ни дядя Юра, ни тётя Вера ни разу не выказали неудовольствия из-за наплыва зрителей. Или тот же Андрей Кречетов, приглашавший пацанов с улицы к себе в дом играть в настольный теннис. Вы сможете привести подобные примеры для сегодняшнего дня?

Вообще-то пора и закругляться. Только не хочется мне расставаться с Зарекой на такой брюзжащей ноте. Чего-то не хватает, какой-то изюминки. А вот и она! На одной из улочек я свернул к колонке воды испить. Навстречу идут девочка лет 4–5 и, видимо, её старший брат, на голову выше сестрёнки. «Здрасьте!» — смело выпалила кроха. За ней поздоровался и мальчишка. «Здравствуйте!» — отвечаю. И вспоминаю Постникова, который называл посёлок полусельским. Вот и девочка с мальчиком, как в деревне, поздоровались с незнакомым дядей. Это же здорово! Может, эти дети и несут надежду на возрождение посёлка? Сохранят доброту, любовь к малой родине, кого-то рядом с собой обогреют тёплым взглядом — и будет жить Зарека!

К сожалению, не успел я заглянуть в будущее посёлка: у моей машины времени бензин кончился. Поэтому вы, дорогие мои читатели, сами помечтайте. Ладно? Хотя почти на сто процентов уверен: лет через 10–15 вырастут в Зареке красивые особняки и коттеджи оригинальнейших проектов. Расчухают новые русские, что Зарека — самый лучший в Лысьве район в экологическом отношении. И вид отсюда сверху на город изумительный. И пруд под боком.

А пока:

*Зарека ты моя, Зарека...
Деревянные домики в кучке.
Как барашки, плывут облака,
Поспешая за матерью-тучкой.
Зарека ты моя, Зарека...
Вновь по улицам детства шагаю.*

Я сроднился с тобой на века,
 И об этом прекрасно ты знаешь.
 Зарека ты моя, Зарека...
 Здесь и солнышко ласковой греет,
 И рябина не так уж горька,
 Здесь и люди душою добрее!
 Зарека ты моя, Зарека...
 Пронеслись годы школьные звонко!
 В первом «ма-ма» выводит рука,
 А в девятом — признание девчонке.
 Зарека ты моя, Зарека...
 В палисадниках буйство сирени!
 Счастье рядом — в пяти лепестках.
 Их найти бы, да что-то со зреньем...
 Зарека ты моя, Зарека...
 В жизнь путёвку ты многим давала.
 Кто ж смотрел на тебя свысока —
 Словно мать, ты им это прощала.
 Зарека ты моя, Зарека...
 Ты характеры наши ковала.
 Слышу песнь заводского гудка —
 Повторить бы всю юность сначала...

Лесная вода — живая вода

Повесть-мечта

«Если и суждено России возродиться, то пойдёт то возрождение от старообрядческого сословия и близко с ним соприкасающегося народа, ибо физически старообрядцы сохранились лучшие „пролетарята“, и по российским сёлам ещё можно встретить белокурого, голубоглазого славянина».

Виктор Астафьев

Оперативка

Вторник, 29 июня 2060 года. Девять часов утра. Кабинет главы Лысьвенского района. Его хозяин Герасим Тимофеевич Оборин, крижистый черноволосый мужчина лет сорока пяти с пышными усами

и шевелурой, шарм которой придавали отливающие серебром проседи, оглядел пришедших на объединённое заседание депутатов городской Думы и начальников отделов аппарата администрации:

— Ну, что ж, начнём. Сегодня у нас на повестке дня один вопрос — 275-летие нашего города. Давайте ещё раз посмотрим, все ли мы сделали, чтобы достойно отметить юбилей. На него, возможно, прибудет наш земляк президент Российской Федерации Егор Степанович Мехряков. Скорее всего, он посетит деревню Верхотуровку, где прошло его детство. Из зарубежных гостей к нам приедут французы — артисты из Авиньона, побратима Лысьвы. Поэтому первой, по всей вероятности, мы и слушаем Татьяну Семёновну. Как у нас дела с культурно-спортивной программой в День города? Нужна ли помощь? — Герасим Тимофеевич обратился к начальнику управления культуры и спорта Татьяне Лязгиной.

Стройная молодая женщина лет тридцати пяти открыла миниатюрный ноутбук:

— Тогда, Герасим Тимофеевич, и я с Вас начну, как капитана футбольной команды администрации Лысьвы. Готова ли наша команда к состязаниям с футболистами из команды губернатора Пермского края?

Шеф окинул взглядом сидящих по обе стороны стола представителей сильной половины человечества:

— И на той неделе, и вчера после работы тренировались. Вроде получается, не разучились. Мужики, выдюжим?

— Мы, как всегда, готовы к труду и обороне! — ответил за всех начальник управления ОВД Пётр Афанасьевич Рожков, обличьем и статью смахивающий на своего тёзку Петра Первого. В команде лысьвенских чиновников-футболистов он играет вратарём. Забегая вперёд скажу, лысьвенцы тот матч выиграли со счётом 7:6 (основное время ничья 2:2, а в пенальти наши были сильнее. Лучшим игроком признан вратарь Пётр Рожков, вытащивший из «девятки» «мёртвый» мяч).

При словах «Готовы к труду и обороне» сидящие загадочно переглянулись: в народе Герасима Тимофеевича Оборина сокращённо звали ГТО, такую же аббревиатуру имел столетней давности спортивный значок, которым гордились их пращурь.

— Тогда в остальном у нас всё в стадии готовности, — продолжила своё выступление симпатичная «культура». — Для гостей организованы автобусные экскурсии по городу: «Лысьва историческая», «Лысьва деловая», «Лысьва культурная». По пруду будет курсировать

двухпалубная яхта «Сокол», на которой можно ознакомиться с природой Лысьвы, её живописными уголками. На выбор для желающих. В парке имени Зануцци по традиции состоятся выступления самодеятельных коллективов из села, будут работать аттракционы для детей. Во Дворце культуры машиностроителей — финальная игра между сборными командами КВН Лысьвы и Екатеринбурга. В Шуваловском доме — бал выпускников 2060 года. Фраки, бальные платья — спрашивала — для них уже сшиты. Бал вечером, а днём, как обычно, посещение музея, где к юбилею обновлены все залы. Имею в виду и ремонт помещений, и пополнение экспонатов. Плюс выставка местных художников. И выступление наших «родниковцев», лауреатов Российских и международных поэтических конкурсов.

На стадионе металлургов с утра сеанс одновременной игры по шахматам, который проводит международный гроссмейстер, чемпион Урала и России, наш земляк Родион Останин. На спортивных площадках померяются силами волейболисты и баскетболисты ЛМЗ и «Привода». Ветераны этих предприятий продолжают спор за звание чемпиона Лысьвы по городошному спорту и лапте. На зелёном поле готовятся выступить каратисты из клуба «Катана». После них — футбольный матч между администрациями Лысьвы и Перми. На Большом пруду — соревнования спиннингистов и любителей подводной охоты, а над прудом — показательные выступления мотопарапланеристов.

В сквере Новорожденных, заложенном в год 220-летия города, намечена встреча ровесников, в честь которых были посажены кедры, лиственницы и сосны. Вечером на стадионе — чествование почётных граждан города. Ведущая — мисс Лысьвы и Прикамья Лидия Шестакова. Затем концерт бардов из столицы и Санкт-Петербурга. Там, кстати, выступит и наш земляк Андрей Котельников из Заимки, который учится в Питере.

И само собой, факельное шествие по улице Мира, фейерверк на Травянском пруду, народные гуляния. Какие-либо изменения или импровизации по ходу мероприятий, я полагаю, только внесут живинку на празднике, — отрапортовала Татьяна Семёновна.

Довольно бойко отстрелялись и остальные чиновники. Правда, не обошлось без споров. Одни предлагали урезать расходы на юбилейные мероприятия в пользу строящегося в городе планетария с совмещённым в нём центром подготовки юных космонавтов, другие перетягивали средства на строительство метро между Лысьвой и Чусовым, третьи пытались за счёт юбилейных средств завершить в Кормовище возведение мебельной фабрики и современного комплекса

по переработке лесосырьевых отходов. Начальник управления образования Валентин Иванович Долгушин заикнулся о школе искусств и древних ремёсел: дескать, не мешало бы ускорить её сдачу в эксплуатацию. Сидевший рядом с ним начальник управления здравоохранения Иван Валентинович Коротков ратовал за хирургическую клинику по пересадке искусственных органов. Природа забавно подшутила над двумя неразлучными друзьями: Коротков под два метра ростом, а Долгушин на полторы головы ниже его. Коллеги постоянно подтрунивали над ними: «Вы бы хоть фамилиями поменялись».

Спорящих успокоил Герасим Тимофеевич:

— Товарищи, давайте не будем гнать лошадей. Мы же не на ипподроме. Во-первых, строительство всех этих объектов у нас идёт по графику. Так ведь, Иван Захарович? — Оборин нашёл глазами главного промышленника и строителя Лысьвы Клементьева. Тот согласно кивнул головой. — Так. Ни один рубль с этих объектов не снят на юбилей. Во-вторых, нас сильно выручила победа во Всероссийском конкурсе по обустройству и развитию малых городов. Согласно положению, мы имеем право потратить выигранный призовой фонд по своему усмотрению. Между прочим, из средств этого же фонда мы выделяем бесплатно молодожёнам семь квартир. Ключи от них мы им вручим прямо на стадионе в День города. И, наконец, считаю, лысьвенцы нас просто не поймут, если мы в чём-то отступим от уже опубликованной в «Искре» и одобренной земляками юбилейной программы. К тому же президент России приезжает к нам, к себе на родину. Давайте уж не будем мелочиться. Проведём праздник по-русски, с размахом. Тем более по прогнозам экономистов и политологов, никакой кризисной бури на Руси не предвидится. Слава Богу, ушли те времена, — Герасим Тимофеевич глянул на часы.

...Да что же это я? Оперативка, споры, планы. А президент России как будто в стороне. Хотя с него, с биографии нашего знатного земляка мне и следовало бы начать повествование об юбилейных торжествах в Лысьве. Ну, да ничего, наш президент — свой мужик, не из обидчивых, на высоком посту не зазнался.

Президент

Родился Егор Мехряков в Лысьве 13 апреля 2011 года ровно в четыре часа утра. Историки, биографы и предсказатели нашли в этих цифрах особое предзнаменование. Тринадцать в сумме равняется че-

тырем. Апрель — четвёртый месяц года. Год 2011-й счастливый — по сумме двух первых и двух последних цифр. И при сложении их всех (2+0+1+1) опять получается четвёрка. Был Егор и в семье Мехряковых четвёртым ребёнком по счёту.

Даже в том, что жил он на Горе (так в народе чаще называют посёлок Зарека) в доме № 56 по улице Чайникова, исследователи нашли указующий перст. В этом же деревянном доме, в той же квартире на втором этаже в начале 50-х годов прошлого столетия проживал с молодой женой врач-офтальмолог Святослав Фёдоров — впоследствии знаменитый учёный, изобретатель искусственного хрусталика глаза, академик РАН, директор Московского института микрохирургии глаза, Герой Социалистического Труда. В 1996 году он баллотировался от партии самоуправления трудящихся на пост президента России. Правда, Фёдоров тогда не прошёл в президенты, но спустя пятьдесят с лишним лет другой житель этого же дома Егор Мехряков становится главой государства российского. А если вернуться к нумерологии (сумма цифр 5 и 6 равняется одиннадцати, и год рождения Егора Мехрякова, нынешнего президента, — одиннадцатый, учился в средней школе № 11), снова прослеживается какая-то закономерность. Астрологи, естественно, постарались расшифровать тайну имени Егор. Это русская форма греческого имени Георгий, что значит «земледелец». По их мнению, Егор старателен и трудолюбив, обладает аналитическим складом ума, не переносит обмана, имеет хорошие деловые качества, умеет находить выход из любого положения, надёжный хозяин, не останавливается на достигнутом. В большинстве своём, это люди глубинных эмоций.

А один из предсказателей заявлял, что настоящим президентом может стать только человек, вышедший из народа. И имя ему должно быть Егор, поскольку из этих букв складывается слово «горе»: человек с таким именем как бы вобрал в себя все страдания и горе людское и служить будет народу честно, бескорыстно, до самозабвения.

Рос Егор Мехряков в обычной для провинциального городка семье. Мать Анастасия Романовна — бухгалтер завода тяжёлого электромашиностроения «Привод», отец Степан Викторович — слесарь-сборщик того же предприятия. Школу Егор окончил твёрдым хорошистом (опять четвёрки!). В детстве с дедом Романом резался в шахматы, ездил с ним на рыбалку в Пеньки, Заозерье, Куликово, что на Чусовой. Но больше всего запомнилась деревня Верхотуровка, где он проводил у бабушки и дедушки все летние каникулы с первого по одиннадцатый классы.

После окончания Пермской сельскохозяйственной академии Егор недели полторы отдыхал в Верхотуровке, ловил харюзка, грибы собирал. И думал, думал. Однажды вечером подсел к отцу: «А что, батя, трём избам-то у нас пустовать? В них ведь молодожёны заедут только к Покрову. Да и если что, так мы им всей деревней за один мах дома срубим. А эти три новых — можно предложить охочим до таёжной глубинки. Места у нас привольные, красивейшие. От иностранных туристов отбоя не будет. Особенно от тех, кому подавай экзотику — старину русскую. Да и сейчас модно отдыхать, не только любуясь природой. Куда интереснее своим трудом добыть себе пропитание. Дадим французу или американцу литовку в руки, пусть покосит бурёнке травушки, попасёт, покормит. Рыбки половит, дичь постреляет, красноголовчиков, рыжиков пособирает. Сам себе и пищу приготовит. Где-то в чём и наши помогут, конечно, подскажут, научат. Да всё на свежем воздухе, да своими руками. Вечером у костра за околицей деревенские посиделки с гармошкой и частушками. Это же им такая диковинка. А нам — и отрада, и навар. Да ещё если сплав по красавице Чусовой организовать для иностранцев? Так что? Закидываю я в интернет такую услугу?» — «А давай, сынок, попробуем. Доходы от туризма да плюс оставшийся от деда капитал — а он ещё отнюдь не оскудел — глядишь, и раскрутит-ся дело», — поддержал отец.

Через два-три года об успешном молодом предпринимателе, к тому же не экономящем средства от доходов на благотворительные цели, поддерживающем сельскую молодёжь и малоимущих пенсионеров, заговорили районные, а затем и краевые газеты.

В 35 лет — Егор Мехряков и сам не ожидал этого — лысьвенцы избирают его главой района. Даже второго тура не потребовалось. Перед первым рабочим днём в новой должности Егор долго не мог уснуть. Открыл лежавшую на журнальном столике книгу Святослава Фёдорова «Судьба России в наших руках», подаренную ему на встрече кем-то из избирателей. Он слышал о Фёдорове, вкратце знаком был и с программой, с которой Святослав Николаевич шёл на президентские выборы. Но книги не читал. На случайно открытой странице наткнулся на подчёркнутый карандашом абзац:

«Премьер-министр Швеции Улоф Пальме разрешал себе только в четыре с половиной раза иметь больше зарплату, чем квалифицированный рабочий... Швеция сама нашла эту золотую середину. Жизненный уровень людей, конечно, должен отличаться друг от друга в зависимости от квалификации и от того, как они реализовали свой интеллектуальный или физический потенциал. Это основа развития

экономики. Но если это нарушает принцип справедливости, то экономика не работает, экономический механизм расстраивается также, как рояль, где вместо «до» получается «фа».

И чуть ниже: «...Сегодня практически все реформы предприняты не для того, чтобы человеку было выгодно работать, а для того, чтобы его легче было обобрать.

...Я не могу терпеть, когда люди с сомнительной репутацией строят дворцы, а миллионы людей не имеют крыши над головой».

Егор отложил книгу и признался сам себе: «Может, другими словами, но ведь и я об этом же часто думаю. Действительно, расслоение общества на богатых и бедных в России сейчас достигло небывалых размахов. Там в четыре раза... А у нас доходы владельцев заводов, банкиров и прочей элиты выше зарплаты рабочего из глубинки в десятки, в сотни, а где и в тысячи раз. Что-то надо делать, иначе не избежать новой революции. Конечно, терпелив русский мужик. Но ведь до поры до времени. Да... В какую же сторону завтра мне сделать свой первый шаг?»

С сокращения зарплаты сотрудников городской администрации (включая и себя, разумеется), с сокращения раздутых штатов чиновничьего аппарата (к примеру, управление по физической культуре и спорту и управление по культуре объединил в одно) и начал свою деятельность Егор Степанович на посту главы города, а через 10 лет и на посту губернатора края. А ныне проводит эти и другие преобразования и как президент страны, в чём нашёл мощную поддержку населения.

Конечно, со стороны «новых» толстосумов и тех, кто путал свой карман с государственной казной, президент встретил ярое сопротивление. Даже покушение было на него. Спас телохранитель, заслонивший собой президента от снайперской пули. Обошлось ранением охранника, к счастью, не смертельным.

...Однако вернёмся ненадолго в то время, когда Егор Мехряков был главой Лысьвенского района. Вторым его шагом в этой должности стало совещание с предпринимателями, на котором Егор Степанович завёл разговор о «великом и могучем». А начал издавека:

— Кто из вас, друзья, коренные лысьвенцы? Поднимите руку.

Из сотни бизнесменов только семеро оказались выходцами из других городов и областей.

— Хорошо. Тогда второй вопрос, любите ли вы свой город, я вам и задавать не буду. По глазам вижу, что вы равнодушны к своей малой родине. Так скажите, дорогие мои земляки, не кажется ли вам,

что мы живём не в Лысьве, а, допустим, в британском Ливерпуле или в Лионе, что во Франции? Вы не на машине промчитесь, а пешочком пройдитесь по нашим центральным улицам. И тогда увидите, на каком языке написаны вывески магазинов, развлекательных заведений. Ведь сплошная иностранщина. Я тут на днях по проспекту Победы шагал. На перекрёстке с улицей Чапаева на фасаде пристроя к девятиэтажке читаю: «La café „Natalie“». Ребята, ну если вам уж так люб язык Вольтера и Гюго, так хоть пишите без ошибок. Во французском языке слово «café» всегда было мужского рода и по правилам грамматики с ним употребляется артикль «le». А у вас? Но прежде давайте подумаем: на проспекте Победы, названном в честь россиян-победителей, красуются иностранные вывески. Это же элементарное неуважение к нашим воинам-предкам, сложившим головы за освобождение Родины от фашистских захватчиков. Я предлагаю заменить иностранные вывески русскими. И очень надеюсь, что вы, патриоты своего города и России, поддержите меня в этом. Это даже не столько нам нужно, а нашим детям и внукам. Чтобы они гордились языком предков и передавали любовь к нему своим потомкам. Он у нас богатый, благозвучный, напевный. Не надо уж так слепо восторгаться Западом, Америкой и их языками. А мы, похоже, так и млеем перед ними. Ну, вот возьмите футболки, майки, свитера — на них же сплошь иностранные надписи, порой откровенно вызывающие, например, «I want you». Дошло до того, что и на рюкзачках школьных иностранные словеса. Идёт, допустим, крошка-сын, этакий мужичок с ноготок, а у него на ранце или на курточке ликует надпись «Boss». Потеха. Ведь мы же становимся чужаками в своей стране. До коих пор будем так неуважительны к великой Руси?

Между тем, наше родное слово, как говорил писатель-сибиряк Виктор Астафьев, — основа основ нашей жизни. В нём, в русском языке, вместе с материнским молоком закладывается объединяющая людей сила, способная сохранить отечественную культуру. Да что я вам толкую прописные истины? Это же ясно, как дважды два четыре: если консенсус не гомозиготен, то и обструкция неадекватна...

Глава района, хитро прищурившись, переводил взгляд с одного на другого.

— Егор Степанович, извините, что перебиваю, — поднял руку владелец мебельного салона «Luxe Office» Семён Бражников. — Я абсолютно не понимаю, о чём вы говорите. Особенно про «обструкцию».

— Вот и мне, Семён Васильевич, обидно, что люди не всегда понимают друг друга. И до глубины души обидно за русский язык: уж

слишком он засорён иностранными терминами. Потому я специально и ввернул эту бессмысленную фразу, чтобы вы за голову схватились: на каком языке-то мы общаемся? Ведь на самом деле, разве что в провинции, в глухой глубинке ещё можно встретить чистоту, колорит и самобытность «великого и могучего»... Но судя по вывескам на зданиях и заведениях нашего городка, и Лысьва помчалась вдогонку за мегаполисами. А нужно ли нам это? Не теряем ли мы здесь своё лицо? — Егор Степанович задумчиво глянул в окно и вдруг улыбнулся. — Как-то в студенчестве мой друг-филолог пристал: «Поймёшь ли нет, о чём идёт речь в таком предложении: „Злокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка“? Я попросил повторить фразу ещё раз. Подумал, потом говорю: «Наверное, какое-то животное сильно боднуло одного из братьев меньших и обижает его детёныша». Он хлопнул меня по плечу: «Видишь, какой уникальный русский язык! Ведь в предложении с „куздрой“ нет ни одного слова из словаря, если не считать соединительного союза „и“, а ты уловил смысл». И после друг выдал целую лекцию о тайнах, мудрости и прелести русского языка. Ребята, давайте и мы к нашему родному языку относиться бережно, с любовью и уважением.

...Через месяц вывеска «La café „Natalie“» сменилась на «Кафе „Наташенька“». А ещё в Лысьве появились ремонтная мастерская «Сапожок», хлебный магазин «Каравай», клуб тяжелоатлетов «Святогор», туристическая база «Русское раздолье».

Верхотуровка

Пора и об этой деревушке, что в двадцати верстах юго-восточнее Лысьвы, замолвить слово.

Историю рождения Верхотуровки Егору когда-то рассказала его бабушка Ксения:

— Моего отца звали Григорием Михайловичем Макушиным. Тебе значит прадед. Большую часть своей жизни он работал художником-оформителем в музее, но одно время был ихтиологом в рыбном хозяйстве ЛМЗ. Чудаковатым слыл мужиком. Перед каждой кормёжкой рыб отец брал баян — он его из дома на работу утащил — и играл русские народные песни. И ведь срабатывал условный рефлекс: с песнями карп лучше прибавлял в весе.

А ещё отцу никогда не сиделось на одном месте, весь Лысьвенский район облазил. Как-то задумался: «А что же это я, Макушин, и

не бывал ещё на самой высокой горе нашего района, на его макушке?» Тут же к книжному шкафу, вытаскивает оттуда географическую карту: «Во, самая высокая точка у нас в районе — с отметкой 481 метр, на водоразделе рек Бурсяк, Поньш, Лысьва». Звонит другу своему, известному доктору не только Лысьвы, но и всего Прикамья Григорию Ивановичу Ромашову: «Поедем?» Тот: «Давай, и Петровича возьмём». Это Суслопаров тоже Григорий по имени. В Лысьве он в конторе по благоустройству работал, озеленением занимался, а для души — птицам кормушки ладил, подкармливал их в студёную пору. Ромашов у себя на даче в Парканах опять кедры высаживал, не одну их сотню выпестовал. Ещё пчелами увлекался, и перед выходными всё говаривал: «Поеду к девкам своим. Как они там без меня?» Вот такие три друга были, шукшинские чудики.

А им собраться-то — только подпоясаться. Ну и в День народного единства России — выходной же был — 4 ноября 2009 года и укатили три «Г» на самую высокую «Г». Там и праздник отметили: у отца с юбилея водочка осталась. Место всем понравилось — далеко тайгу видать, а внизу речушка. Стали думать, как высотку назвать: отметка 481 метр — как-то казённо. «Коли нас три Гриши, может, гору Гришихой и назовём?» — «Нет, нескромно». — «А чё, мужики, гадать-то? Внизу речка Туровка. Мы стоим на верху. Вот и быть тут Верхотуровке». Кто из них первым додумался до этого, не помню. Но с названием все согласились.

А буквально через полгода отцу из Нью-Йорка пришла официальная бумага о том, что он является наследником огромного капитала: родной брат Макушинского деда по матери Ефим Иванович Лещёв, которого все считали пропавшим без вести, был в плену, освободили его уже в конце Великой Отечественной войны американцы. Те и наговорили, что в России ему вряд ли выжить, могут и расстрелять — предатель же, раз в плену по неизвестным причинам оказался, а свидетелей нет. И укатил Ефим Иванович, работавший до войны учителем в Новорождественской школе, с «освободителями» в Америку.

Силы он был недюжинной. Бывало, привезут крестьяне к его отцу, мельнику, зерно молоть. Пока те с отцом тары-бары, сынок распряжёт лошадей и составит сани вместе с поклажей одни на другие в три ряда. А сам сядет у окошечка и посмеивается, глядя, как потом мужики: «Ох да ах! Какой лешак это напакостил? Как вот теперя сани с мешками сымать?» Двумя пальцами пятаки медные гнул. А раз с обидчика шапку снял, приподнял угол деревенской бани и засунул её туда — доставай, как хочешь. Это мне бабушка сказывала.

Вот в Америке в цирке он после войны и выступал — боролся, фокусы всякие с железяками показывал. Но капитал нажил не силой, а умом — какой-то бизнес открыл. И получилось, преуспевающим миллионером стал. Умер Ефим Иванович на 95 году, так бобылём и прожил. Адвокат ли его, сам ли он перед смертью нашёл в Лысьве своего внучатого племянника, то бишь, прадеда твоего Григория Михайловича Макушина, не знаю.

В завещании же было написано — использовать деньги на возрождение русской деревни. Сам-то Ефим деревенским был, тянуло, видать, его в Россию, на родину — на Урал...

Что интересно, в конверте вместе с извещением была вложена вырезка из лысьвенской газеты «Искра» со статьей Сергея Гриневского об установлении им и его учениками памятных крестов на местах забытых деревень. Как «Искра» в Америку попала — для меня по сию пору загадка. А разыскал Ефим (или адвокат его) моего отца по электронному адресу через Лысьвенский городской архив, где моя бабушка Елизавета Андреевна оставила родословную Лещёвых из 8 поколений, начиная с 1800 года.

Так или иначе, но завещание то мой отец выполнил. Причём, в охотку — он в душе тоже деревенский. Да и нужда заставила: кризис тогда страшенно косил людей. Многие работы лишились. Ой, как мы бедствовали, Гоша! Цены с каждым днём поднимались как на дрожжах. На всё: на продукты, на коммунальные услуги. Льготы отменялись. И люди не роптали, разве что на кухне поматерятся — и дальше, в бой за выживание. А тогдашние президент Михайлов с премьером Путинцевым одно да по тому: «Главную кризисную волну мы пережили». Они — да, а каково простому люду?

И тогда собрал отец родню, знакомых, большей частью из тех, в ком ещё сохранились старообрядческие гены: у староверов всё же трудолюбия побольше, душою покрепче они, устойчивее. Сколько в те годы от безысходности спилось людей, лишило себя жизни — упаси, Боже! А староверы держались, артельность их спасала. Так сообща, помочью, как говорили раньше, и построили Верхотуровку. Кто в ней живёт, ты знаешь. Багуевы, Кондаковы, Оборины, Пономарёвы, Морозовы, Пермьяковы, Пирожниковы, Шардины, Шатовы, Мехряковы, Лобановы, Волковы, Черепановы, Колобовы — это всё потомки старообрядцев, переселившихся на Урал, подальше от «слуг антихриста».

Твой прадед, собирая будущих жителей деревни, поставил условие: «Выпивох, робята, держать не будем, сами выпроводим. Примем других, у кого земля-кормилица на первом месте, а не бутылка». И он

имел право на такое условие: ведь деревня строилась на его деньги, на те, что получил по завещанию. И заметь, Гоша, до выпроваживания дело не дошло: крепкими оказались нравственные и семейные устои староверов. Да и когда в деревне-то пьянствовать? Там всегда работы невпроворот. Зато уж и не бедствовали, не голодали. Мясо — говядина, свинина, баранина — всё натуральное, всё сами производили. Молоко, сметана, сливки — да сколь душе угодно. И рыба — её и в Туровке, и в Чусовой ловили — всегда была на столе. И как-то по уму наши мужики деревню содержали: по улицам и проулкам трактора не ходили, разве что лошадки, потому всюду и радуется глаз травушка зелёная — ребятишкам на ней раздолье. Да ты и сам на ней валялся. Помнишь ведь? Да и взрослые — не всё же одна работа — забавлялись с вами. На качелях качались, в городки, в вышибалы играли. А как Масленицу отмечали всей деревней? С блинами, с катанием на санях — поездом, сцепившись друг с другом — да с горы до самой Туровки. Забыл, поди?

Глубоко в душу запал Егору рассказ бабушки Ксении Григорьевны, как семейную реликвию, с придыханием листал он родословную Лещёвых, составленную его прабабушкой, вчитывался в поколенную роспись, подолгу разглядывал фотографии предков. Позднее он дорисует к семейному древу и свои две веточки — детей Николая и Марию, внуков Евгения и Дарью.

А Верхотуровка росла и развивалась на его глазах. Это при том, что к началу 80-х годов минувшего столетия только в Лысьвенском районе исчезло с лица земли около 150 деревень и хуторов.

Будучи студентом, Егор Мехряков порой размышлял над словами академика Дмитрия Лихачёва о том, что Россию спасёт глубинка.

«Да как же она спасёт, когда в деревне остались пьянь да рвань? Картошку иные — и ту не сажают, проще своровать. С другой стороны, взять мою Верхотуровку. Ведь обживают же люди, скот развели, земли ухожены. Сами оберегают от браконьеров свои угодья и окружающие деревеньку леса. Электричество подведено. Магазины есть, школа, клуб, фельдшерский пункт. Даже свою церковь поставили. Вот бы с реализацией продукции решить вопрос. А ещё лучше на месте наладить её переработку. Хотя наверняка к этому мы скоро и придём. Наша сельхозартель «Надежда» сейчас на подъёме. На ферме производство молока полностью автоматизировано, компьютеры определяют и его жирность, и качество, и сколько кормов по рациону той или иной бурёнке положено. Само кормление, навозоудаление и

другие процессы — только задай нужную программу в компьютере. Да, можно с отдачей работать на земле, только людям необходимо создать условия. Вот по примеру верхотуровцев и бывшая деревня Талая возрождается, полтора десятка домов уже стоит. И даже хутор Кухтанка отстраивается. Всё точно рассчитали мужики: места там благодатные, экологически чистые, вода рядышком. В Кын-заводе восстановили звероферму, где выращивают чернобурых лисиц и норок. Там же открывается и мастерская по пошиву меховых изделий. А мои земляки, думаю, совершенно правильно на одной территории соединили и прошлое, и настоящее: в нижней части Верхотуровки — добротные дома с печным отоплением, как в старину, на высотке — современные коттеджи с приусадебным хозяйством. И староверам с их патриархальным укладом хорошо, и молодёжи у нас живётся не хуже, чем в городе. Если к земле с любовью да к природе рачительно относиться, как мои верхотуровцы, может, и впрямь Россию спасёт глубинка? Попутно мы ведь и ещё одну не менее важную проблему решим: работа с землёй, с животными делает людей добрее — может, и преступность в стране на убыль пойдёт?

Только как вот эту самую тягу к земле людям вернуть? И вообще, чтоб любой — будь он крестьянин или рабочий — находил радость в труде не только из-за того, что работа даёт ему средства к существованию, а потому, что это, прежде всего, творческий процесс, любимое дело.

Правда, учёные толкуют, что сегодня у современного человека преобладает информационно-электронное мышление, в основе которого лежит рациональность, а она в свою очередь предполагает выгоду. Однако при этом, замечено, что отходят на задний план такие человеческие качества, как коллективная ответственность, взаимовыручка, уважение, порядочность, сострадание, милосердие — словом, то, что называют духовными и нравственными ценностями. Когда же нравственность подменяется лишь одними материальными благами, из человека уходит человечность... Тут сказались рыночные отношения даже в семье: не секрет ведь, иные родители поощряют своих чад за хорошую оценку деньгами: заработал! Как многое решают эти самые дензнаки! Отблагодарил щедро нужного человека — и водительские права в кармане. Дал на лапу чиновнику — и твой ребёнок получил место в вузе...

Считается вполне нормальным думать, заботиться прежде всего о себе, не терзаясь угрызениями совести из-за того, каким способом достигнуто личное благо. Потому и старается ныне каждый ухватить

от пирога кусочек послаще. И всё реже встречаются на улице люди с приветливым выражением лица, улыбочивые...

Куда же катимся-то мы? Вроде наука и медицина так далеко шагнули, а всё никак не изобретут что-то вроде добротина. Прописал бы доктор зачерствелому, озлобленному пациенту такое лекарство — глядишь, и подобрел душой человек.

А вообще-то с пелёнок надо бы в ребёнке доброту закладывать. Ну, хорошо, заложили. Вырастет он чутким, сердечным и окупётся в жестокий, несправедливый мир. Что будет с тем ребёнком? Или сломается или начнёт приспособливаться, забыв о заложенных родителями принципах человеколюбия. Это что получается? Заколдованный круг? Ёлки зелёные! Опять у меня в голове педсовет начинается...»

Прадед

1 июля 2035 года, воскресенье. Юбилейный День города у Егора Мехрякова совпал с окончанием (заочно) Пермской сельхозакадемии. Его он отметил с друзьями на пруду, где вволю покатались на лодках и покупались. А вечером всё же потянуло к бабушке и дедушке в Верхотуровку. От впечатлений удачно проведённого дня спать не хотелось. Бабушка Ксения Григорьевна, словно уловив этот момент, подошла к внуку с общей тетрадью в руках:

— Это личный дневник твоего прадеда. Есть желание, так почитай. Даже не знаю, сдавать его в музей или в архив. Посмотри.

Егор включил ночник и уже не мог до утра оторваться от тетрадки.

10 апреля 1969 года, четверг.

На дворе весна. Солнышко припекает. Учиться совсем не тянет в такую погоду. Лучше бы побродить по городу, на улицах которого сейчас такое оживление, смех и улыбки. И вообще в эту весну я чувствую себя самым счастливым. Быть здоровым, иметь любимое занятие, замечательных друзей — что ещё надо? Как всё-таки хорошо жить! Пускай со всеми неприятностями, огорчениями, но не длятся же они, чёрт возьми, друг за другом.

Правда, иногда так накатит, хоть на дуэли стреляйся. Надо было всё же набить морду Витьке, который ухлёстывал за моей Любашей в колхозе, куда на месяц отправляли нашу группу на картошку.

Последнее время я какой-то ненормальный. Позавчера узнал, что Люба собирается после занятий конспектировать историю

КПСС в читалке. И я туда же пошёл. Конспектировать историю компартии, при одном упоминании о которой у меня зубы сводит? И сам? Когда обычно передирал лекции с чужих конспектов. И что же? Сидел и конспектировал «Задачи союзов молодёжи» из 31-го тома собраний сочинений Ленина. Зато потом проводил Её до дому... Только, похоже, любовь моя односторонняя. Сколько зимой сугробов возле Её подъезда я изрисовал надписями с откровенными признаниями в любви, сколько стихов (наивных, конечно) посвятил Ей, но то ли пороша заметала мои письма, то ли от моей пылкой любви те признания таяли в снегу и до Нёе не доходили, ответного чувства с Её стороны всё нет и нет... Ну и пусть. Состояние влюблённости всё же лучше, чем ничего. Хотя это может отразиться на успеваемости.

Однажды на лекции вместо конспекта в моей тетрадке вот что соворилось:

*Шла лекция истории КПСС...
Кто слушал, кто писал,
Скрипя пером в тетрадке,
А я, как прежде, сочинял,
Избрав себе «камчатку».
Мелькают рифмы,
Балуюсь словами.
Как будто невзначай
Ищу Тебя глазами...*

А через пару часов был семинар по тому же предмету. Чтобы как-то скоротать время, я мирно разгадывал кроссворд. И тут меня подняла Анна Георгиевна, попросила ответить на какой-то явно немирный вопрос (что-то о диктатуре пролетариата или революции). Я ответил, да не в путь. И преподаватель обрушилась на меня: «Сегодня вы, Макушин, очень искусно пытались сделать вид, что записываете лекцию. Учтите, в следующий раз я спрошу вас по полной программе».

А я в душе обрадовался: «Спасибо, Анна Георгиевна, что Вы не заглянули в мою тетрадь. Не сносить бы мне головы за стихотворение „Шла лекция истории КПСС...“ Ах, дорогая Анна Георгиевна, я тут ни при чём. Это всё проделки весны. Не мог я уловить суть революционных преобразований партии, о чём Вы толковали, когда передо мной сидит Она! Какая диктатура пролетариата, когда на Её кудряш-

ки улёгся проскользнувший в форточку солнечный зайчик и сделал Любашу ещё прекраснее?»

28 апреля 1988 года, четверг.

До чего сильна наша бюрократическая машина! Чиновников голыми руками не возьмёшь. Чтобы с одного захода решить какую-нибудь проблему с бумагами-документами — такого не бывает.

Для музея (а он находится на балансе завода) решили закупить кинокамеру «Красногорск», чтобы в документальных фильмах увековечить историю Лысьвы, её славных людей. Купить кинокамеру поручили мне. Стал я оформлять документы. На имя директора торгога отпечатал письмо на фирменном бланке, за которым прежде ходил в отдел кадров. С этим письмом пошёл к заместителю директора по кадрам и быту. Тот подписал. После отправился к главному бухгалтеру завода. Получив его автограф, иду в торг, где сначала главбух подписала, потом ещё в каком-то отделе завизировали. Тем же разворотом — по новой на завод, в финансовый отдел. Здесь письмо-прошение взяли, сказали через два дня зайти: за это время завод перечислит в банк нужную сумму. Спустя пару дней в финотделе отдали письмо и платёжное поручение. С ними меня направили в отдел материально-технического снабжения, где в одном из кабинетов написал доверенность, в другом её подписала, очевидно, бухгалтер отдела и наконец (уже в третьем кабинете) — руководитель отдела. Потом вернулся в главную бухгалтерию, где в одном из окошечков на доверенность поставили круглую печать. Да, чуть не забыл: в каком-то кабинете на доверенность тоже ставил печать, только не круглую. И ещё упустил: с письмом, подписанным в торге, ходил в магазин, где выдали счёт-квитанцию, после чего я с кучей документов снова ходил в торг на подпись, кажется, главбуха. Фу, похоже, я запутался уже! И вот сегодня с письмом, платёжным поручением и доверенностью я иду выкупать кинокамеру. А шеф сказал, что это ещё не всё. После покупки надо сходить в ОМТС и заполнить акт, как материально-ответственное лицо. Итак, на всех бумагах я насчитал восемь подписей и три печати. А если учесть, что порой, чтобы подписал нужный человек, приходилось его ждать или где-то искать! Ё-моё, сколько мы теряем времени на различные походы по кабинетам! Жуть. Махровый бюрократизм!

5 октября 1988 года, понедельник.

Бывает, человек умирает от сердечной недостаточности. А мне кажется, в большинстве случаев смерть наступает из-за недостатка

сердечности нашей, равнодушия окружающих. Так гибнут и сильные люди...

29 октября 1989 года, воскресенье.

Вчера отправила меня жена в магазин за капустой для засолки. Стал я присматриваться к кочанам, лежащим в овощном контейнере. Но выбора там особого уже не было: вилки слабые, рыхлые, порезанные. Пару кочанов получше я всё же подобрал. В это время из подсобного помещения вышла продавец с сумкой в одной руке и добротным плотным кочаном капусты внушительного размера — в другой. Положив его под прилавок, она взвесила сумку (тоже с капустой) своей приятельницы. Об их знакомстве нетрудно было догадаться, поскольку покупательница, принимая товар, любезно поблагодарила продавщицу: «Спасибо, Сонечка! Забегай в гости».

Настала моя очередь. Взвесила Сонечка мои кочаны. И тут я набрался смелости:

— Мне бы ещё вон тот вилочек, что вы под прилавок спрятали.

— А это я себе отложила, — ничуть не смутившись, ответила пышная блондинка.

Повозмушался было я насчёт того, что себе, родне да своим знакомым всё можно, а рядовому покупателю уж что останется. Никакой реакции, ни малейшего намёка на стыдливость не появилось на упитанном лице продавщицы. Блин, кругом блат развели! Ведь в открытую наглеют. Могла бы и в подсобке оставить тот кочан, чтобы не раздражать покупателей. Хотел записать я «благодарность» Софье Пахомовой (так зовут продавщицу магазина № 44) в книгу отзывов и предложений, но, как всегда, жалобной книги на месте не оказалось.

Правда, отчасти этот «капустный» эпизод послужил поводом к написанию стихотворения «Таёжный тупик»:

*Я всё чаще Агафье завидую,
Что в таёжном живёт тупике.
Правда, нет у неё телевизора,
И одна, от людей вдалеке.
Но зато по субботам не надо ей
В электричке трястись два часа,
Чтобы стали зелёной наградой
После затхлой квартиры леса.
Жёлтый смог, что навис по-над городом,
Не грозит ей, пожалуй, пока —*

*Над избушкой её, над угорами
 Бельм лебедем мчат облака.
 Свежий воздух, на травах настоящий,
 Голубая прохлада реки...
 Ну, а мы же в бетон замурованы,
 В комфортабельные тупики.
 Не знакома Агафья с нитратами,
 Вот кому не хамят продавцы!
 Не встречалась она с бюрократами,
 Не собьют её с толку лжецы.
 Забастовки её не касаются,
 Повышение цен не страшит,
 У прилавков она не толкается,
 Чтобы где-то урвать дефицит.
 Зло на ней не срывают начальники.
 Суета городская не в счёт.
 Только что это песни печальные
 На закате кукушка поёт?
 ...Одиночество — штука не сладкая.
 Сердце наше, оно не гранит.
 И вздыхает Агафья украдкою:
 „Может, нынче Песков навестит?“*

Сегодня как раз и дописал его, продолжив со строчек о «хамовитых продавцах».

15 февраля 1990 года, четверг.

Собрание было вчера партийное по февральскому Пленуму ЦК КПСС. С докладом выступил секретарь парткома завода Артём Глушаков. Подводя итоги собрания, его заместитель Анатолий Любавин заявил:

— Хотелось, чтобы вы, товарищи, ушли с этого собрания с чувством тревоги, опасения за судьбу перестройки. Давайте договоримся, что за субботу, воскресенье вы внимательно прочитаете все материалы Пленума (я чувствую, что вы их не проработали) и ко вторнику дадите свои предложения.

Директор Дворца культуры Илья Громов взорвался:

— Да кто же будет в выходные дни корпеть над материалами Пленума? Что, других дел нет что ли? По дому, по хозяйству. Мы не люди что ли?

Сказал вполне искренне, откровенно. И я с ним согласен. К чему строить из себя такого уж яркого, принципиального коммуниста, чтобы ещё по выходным заниматься политучёбой? Но вот что интересно. В поддержку Любавина выступили ветеран партии Зинаида Мохова и мой музейный шеф Ирина Тяпугина. Причём с неподдельной серьёзностью обрушились на Громова: дескать, не к лицу так рассуждать коммунисту. Это, мол, возмутительно и т. д.

Но самое-то смешное — это до меня позднее дошло — дебатировали мы о коммунистической принципиальности, ответственности за судьбу перестройки в... рабочее время.

8 мая 1990 года, вторник.

Итак, завтра День Победы! Сорок пять лет над нами мирное небо. А к чему мы пришли? Что дала нам Победа? Как тут не согласиться с Верещагиным из «Белого солнца пустыни», устами замечательного артиста Павла Луспекаева сказавшим: «За державу обидно!»

До боли обидно.

Взять сегодняшний день. Решил я по случаю самого светлого и грустного праздника купить бутылочку водки. Подхожу к винному магазину, что на первом этаже универсама № 1. А там столпотворение невероятное. Из дверей не выходят, а в буквальном смысле слова — вываливаются (вылетают, как пробки, выпадают). Причём мокрые, как из бани. Старушки, старички жмутся у дверей, внутрь и не пытаются проникнуть. Задавят. Был такой случай в соседнем городке. Насмерть затоптали одного старичка-фронтовика... Стоял он в числе первых. Магазин открыли, толпа хлынула, ветеран споткнулся, упал. А сзади напирают. И что? Затоптали. Отдал Богу душу фронтовик... А ведь всю войну прошёл, Берлин брал, жизнью рисковал ради своих земляков, которые старичка без единого выстрела уделали в родном городе... Потому и не рискуют протиснуться в магазин его ровесники, отдавшие свою военную молодость за то, чтобы нам жилось безмятежно, свободно и в достатке. Они бы и рады купить к праздничному столу вина (много ли им надо!), чтобы помянуть своих боевых друзей, погибших в лихолетье родственников. Да где там! Разве пробьёшься?

Я всё же кое-как втиснулся. Спиртное продавали из четырёх окошечков. Стал искать последнего. Прибило меня толпой к одному мужику.

— Ты случайно не последний? — спрашиваю.

Он на меня, как на инопланетянина, глянул:

— Какая тут очередь? У кого крепче локти, тот и прёт напролом. Сам жду, когда в струю попаду, чтобы к прилавку вынесло.

А с боков и сзади толкают. Никакого просвета.

— Ё-моё, похоже, при штурме рейхстага такой битвы не бывало, — выдал я с трудом, когда меня так жамкнули, что ноги оторвались от пола.

— Это точно! — смеётся мужик.

Чувствую, начинают мои кости трещать. Ну, нет, думаю, с моей комплекцией тут делать нечего. Пришлось ретироваться. Вырвался я из беснующегося стада с пустыми руками. Отдышался. И вижу: дверной проём вырыгнул одного счастливец. Пригляделся — кореш из Зареки, Федя. Держит в охапке пять бутылок водки, крепко прижал.

— Слушай, земля, продай одну. Батю-фронтовика надо же поздравить. Продай. Червонец сверху накину.

— Да ты что? Я ведь не только на себя брал. У меня и так в этой толчее один пузырь спи...дили.

Какая дикость! Готовы по головам соседей добраться до кассы, за получить заветную злодейку с наклейкой. А кто нас такими сделал? Не причастны ли к этому наши партия и правительство со своим постановлением о борьбе с пьянством и алкоголизмом, в результате которого спиртные напитки продают теперь только в специализированных магазинах? Возможно, в этом и есть свой резон. Но неужели нельзя было местным властям предпраздничный привоз водки распределить по всем продовольственным магазинам? А ещё лучше — известить об этом в городской газете. Ведь до озлобления людей довели. Наверняка можно было в горисполкоме продумать этот вопрос, не будоражить и без того взвинченный народ. Одними запретными мерами — жизнь это доказывает — антиалкогольную проблему не решить. А тут тем более День Победы, за который, уж на то пошло, грех не выпить боевые сто грамм.

Помню, в каком-то году (жили мы ещё в Зареке) отмечали 9 Мая. Кажется, в конце 1970-х. Водку и вино тогда продавали во всех магазинах и в будни, и в праздники, но с 11 до 19 часов. И вот нам в тот раз чуток не хватило. Командировала меня родня в магазин на Быстровскую. Бегу, глянул на часы — ого, пять минут восьмого! Ну, думаю, вернусь ни с чем: магазин-то закрывают. А на всякий случай на ходу сорвал у ближайшего дома — у Выломовых — веточку цветущей черёмухи (весна была ранняя, солнечная, тёплая), дабы ублажить продавщицу. Подбегаю к магазину. А на крыльце уже стоит продавщица, висячий замок закрывает. Вот невезуха.

— Девушка, продайте, пожалуйста, бутылочку.

— Всё, время вышло.

— Ну пожалуйста. Праздник-то ведь святой. Меня отец-фронт-овик послал, он под Старой Руссой воевал, ранило его там. К нему боевой товарищ в гости приехал. Ну не рассчитали маленько. Всего лишь одну бутылочку «Столичной» продайте, пожалуйста, — а сам протягиваю ей веточку черёмухи. — С праздником вас! С Победой!

Не устояла ведь, понюхала цветы, улыбнулась:

— Ну раз такое дело, заходи. Да не забудь поздравить солдатиков и от меня. А вот мой отец Иван Петрович не вернулся с фронта...

Как душевно, по-человечески со мной обошлась та девушка-продащица из магазина с улицы Быстрых в День Победы (кстати, мы и её отца, Петровича, помянули), и каким измочаленным я сегодня выбрался из винного магазина — это белое и чёрное. Дальше-то что будет? Мы же так совсем озвереем...

5 июня 1990 года, вторник.

В городе у нас паника. Люди словно перед войной. Скупают абсолютно всё: спички, соль, мыло. Мучных изделий — круп, вермишели, рожков, риса и т. п. — совсем не стало. На днях Лиза посылала меня в магазин за подсолнечным маслом и рисом. Вернулся с пустыми руками. На прилавках шаром покати. И это всё после доклада нашего предсовмина Н. И. Рыжкова о переходе на рыночную экономику и повышении цен на продовольственные и ряд промышленных товаров. И началось! Те, кто днём посвободнее, раскупили всё, запаслись. А кто постоянно в первую смену работает, тот остался с носом. И это не только в Лысьве. Жена ездила в соседний Кунгур к тётке. Ходили вдвоём по магазинам, и Лиза специально пересчитала, сколько товаров в одном из них продаётся. Насчитала семь наименований: хлеб, соль, спички, сигареты, какие-то рыбные консервы, саго (дроблёный рис) и что-то ещё. Это ведь ужас! К чему мы пришли за 70 лет Советской власти? Я всё чаще задумываюсь, а не выйти ли из рядов КПСС, которая все эти годы являлась „авангардной и направляющей“? Многие сейчас подают заявления о выходе из партии.

Да сами коммунисты и подорвали себе авторитет. В такое трудное для народа время партийным работникам повысили оклады, чем вызвали ещё большую к себе „любовь“ со стороны рядовых заводчан. И вообще, в нашем обществе происходит что-то неладное. Сосед по гаражу Михалыч рассказывал. У них в цехе двое рабочих поссо-рились. Друзья были — водой не разольёшь: на рыбалке последним

куском делились, у костра спали, прижавшись друг к другу, чтоб не замёрзнуть. И на тебе — друг друга теперь по запяткам ненавидят. У обоих были поданы заявления на машину. А на цех выделили одну. Так тот, кому не досталась машина, написал заявление в партком (оба коммунисты): дескать, незаконно распределили «Жигули». Не достоин Ванька: он в вытрезвителе бывал, с женой скандалит, и передовик производства он якобы липовый. Теперь даже не здороваются. Что такое? Люди готовы друг другу горло перегрызть из-за шмоток, дефицита.

19 июня 1991 года, среда.

Погода наша, похоже, уподобилась русскому мужику: срисовывает с него характер. Около двух месяцев стояла жара. Сушь. Наконец, пошли дожди. Ну думаю, день-другой и хорош. Будет тебе, Всевышний, слёзы-то проливать, передых сделай. Однако вторую неделю льёт и льёт. Так и русский мужик: вкалывает, вкалывает, а потом как уйдёт в запой — не остановишь. Нет чтобы равномерно.

31 июля 1991 года, среда.

Сегодня нас отоварили по талонам: четыре килограмма песку сахарного выдали. Спасибо и на этом. А вчера стоял в очереди за хлебом. Дочка заняла её в десять утра. Около часу дня я сменил Ксюшу. Тут и хлеб привезли, но торговать не стали: перерыв. И люди на жаре под палящим солнцем ещё целый час маялись. Мой номер был 165-й. Где-то уже около трёх часов купил пару буханок. Каких только разговоров не услышишь в очереди! Коммунистов клянут в хвост и гриву. Правильно, дескать, Ельцин издал Указ о департизации предприятий, о выводе парткомов с территорий заводов. Досталось и основателю Советского государства дедушке Ленину.

19 августа 1991 года, понедельник.

В стране, похоже, случился военный переворот. Вводится чрезвычайное положение. Власть перешла к ГКЧП — госкомитету по чрезвычайному положению. Вот и наступили демократии на хвост. Обойдётся ли всё мирным путём? Не получится ли, как в анекдоте про три этапа радикальных реформ: пере-стройка, пере-стрелка, пере-кличка? События могут развернуться в непредсказуемом направлении. Ведь все уже вкусили чарующий запах свободы, демократии, гласности. И на всё это накинута крепкая узда? Горбачёв уже не у власти. Жив ли нет он сейчас? Не ожидает ли его с Раисой судьба четы Чай-

шеску? Теперь всё возможно. В Обращении Советского руководства к народу, подписанном Баклановым, Крючковым, Павловым, Тизяковым, Язовым, Пуго, Янаевым и Стародубцевым (четверо из них — военные), ситуация в стране названа катастрофической, грозящей смертельной опасностью Отечеству. Правда, я обратил внимание в Обращении и на такие слова: мы будем отстаивать истинно демократические процессы. Но когда услышал постановление ГКЧП № 1 о контроле над СМИ и создании специальной службы при ГКЧП, засомневался в искренности «отстаивания истинно демократических процессов».

Сегодня шёл по Чапайке мимо церкви Иоанна Богослова и, воспитанный школой и вузом атеистом, в душе мысленно перекрестился: «Господи, спаси и сохрани нас и страну от лихолетья, от смутного времени, разбоя и насилия, голода и бездушия. Боже, не дай пролиться крови людской!»

Сейчас, пожалуй, всех больней матерям, чьи сыновья проходят службу в армии. Ведь военная сила в период государственных переворотов играет решающую роль. Не повернут ли наши мальчишки по приказу какого-нибудь ефрейтора штыки против народа? Вот что страшно.

Так или иначе, а сегодняшний день станет чёрной датой в истории Отечества. Где-то, возможно, уже гремят выстрелы... Мы-то ладно — всего повидали на своём веку, а детям каково? Что их ожидает? «Светлое будущее», охраняемое дулами танков?..

20 августа 1991 года, вторник.

Итак, завершился ещё один день под пятёр «восьмёрки». Внешне в Лысьве ничего не изменилось. Также работают предприятия, торгуют магазины, люди заготавливают на зиму грибы, на участках в поле бомжи воруют картошку. Правда, при встречах только и разговоров вокруг последних событий в Москве. Кто-то одобряет создание ГКЧП: нужна, мол, нашему брату крепкая рука, пора наводить порядок в стране. Другие — их всё же большинство — всерьёз озабочены введением чрезвычайного положения в Советском Союзе, считают, что надо всем миром выступить против «путчистов», совершивших преступление против народа, против демократии.

21 августа 1991 года, среда.

Минувшей ночью произошло то, чего больше всего я опасался: в результате столкновения военных с населением появились первые

жертвы. В столице пролилась кровь... Не помогла моя молитва. Но москвичи во главе с Ельциным настроены решительно. И, мне кажется, «путчисты» доживают последние часы.

25 августа 1991 года, воскресенье.

Итак, Победа! Позади три драматичных, трагических дня. Россияне и Ельцин отстояли курс на демократию, перестройку и гласность. Хунта потерпела поражение. Самозванцы арестованы, Пуго застрелился. Ельцин издал Указ о приостановлении деятельности компартии России. Горбачёв снял с себя полномочия генсека. Интересно, чем сейчас будут заниматься наши лысьвенские партаппаратчики? Доступ-то к кормушке, похоже, перекрыт.

7 апреля 1992 года, вторник.

Первого апреля разыграл своих сослуживцев Татьяну и Ларису. Дело было так. Решил в этот день специально опоздать на работу. А в оправдание захватил из дома единственную банку сгущённого молока: якобы задержался в магазине, покупая её. Подхожу к музею. Догоняю Татьяну:

— Привет!

— Привет! Опаздываем?

— Ну у меня-то причина, можно сказать, уважительная. Шёл мимо магазина. Заглянул, а там сгущёнку «выбросили». Народу ещё немного. Встал в очередь. Купил одну банку за 20 рублей. Давали по три, да у меня денег не хватило. Ладно, хоть одну взял, — и показываю Татьяне банку.

Татьяна увидела, загорелась:

— Ой, надо тоже купить. Где продают?

В музее с Ларисой переговорила, насобирали денег — и маршбросок по торговым точкам. Зашли в тот магазинчик, что я назвал, спрашивают про сгущенку, а там на них продавцы смотрят, как на чокнутых: дескать, какое молоко, ничего не завозили. Девчонки ещё не врубались. Сбегали до центра, оба универсама облазили — пусто. Возвращаются и обе на меня: «Ты в каком магазине-то покупал? Мы везде обошли. Нигде нету сгущёнки».

Пришлось расколотся: «Девоньки, так ведь сегодня же первое апреля!»

Татьяна — в смех. А Лариса, похоже, обиделась. Я тоже хорош: сыграл на дефиците. А ту банку мы за обедом всем коллективом уделали, посмеялись.

26 января 2003 года, воскресенье.

Вчера прошёлся по парку Пушкина. И, очарованный, остановился возле берёзы, стоящей в окружении высоченных сосен и елей. Парк был заложен в начале XX века. Так что той берёзе (а я её давно заприметил), выходит, лет сто. Старушка уже. Но какая опрятная! Летом ей ветер расчешет зелёные кудри, так и вовсе красавица. А вчера я вообще обомлел: моя-то старушка вот ведь что отчудила — невестой вырядилась! Мороз у нас в эти дни стоит за тридцать градусов. И берёза так ювелирно закуржавела, так её иней разукрасил — глаз не оторвать. В белом платье и фате. Хоть сейчас под венец. Сосны и ели, словно мужики бородатые, обступили её, наперебой предлагают руку и сердце. А она и кокетничает с ними, заигрывает: вот ещё, чего не хватало, замуж идти за вас, таких-то бородатых да колючих, побрейтесь сначала. Тут ещё солнышко — я проходил по парку около полудня — свой лучистый гребешок воткнуло берёзе в косы. Та и совсем расфасонилась — готова пуститься в пляс. Я и про мороз совсем позабыл: стою, люблюсь, притоптываю под музыку зимней сказки.

...Так ведь и с человеком. Живёт он себе потихоньку, стареет, дряхлеет, немогутность одолевает его. Но всё равно внутри каждого из нас какая-то волшебная струнка натянута. Трость её в нужный момент — и зазвенит, запоёт душа! Помню, маме 75-летие отмечали. Поясницу у неё в тот день ломило. А отец взял гармошку да «выпустил» из неё «камаринскую» — мать, вмиг постройневшая, разурмянившаяся, вышла в круг и с частушками да с приплясом. Молодые за ней не могли угнаться!

31 мая 2004 года, понедельник.

Живопись, поэзия, музыка (настоящие, а не подделки) — это родник, встретившийся на пути изнывающему от жажды страннику, это корабль «Надежда», на котором можно доплыть до острова доброты. К сожалению, в основной массе населения не так уж и много жаждущих припасть к этому живительному роднику, ступить на борт корабля «Надежда». Людей одолевает другая жажда: где бы водочки выпить да опохмелиться опосля. Причём пьют, что под руку попадёт: самогон, суррогаты всякие, спирт технический. Спивается Россия. Пьют в городах и сёлах. В иной деревушке трезвого человека не увидишь.

Ежегодно в стране умирает от алкогольного отравления около 40 тысяч человек. Это чуть меньше населения нашей Лысьвы. За один

год — бац, и нет города. Ужасно! И молодёжь не отстаёт. Встретить юнца или девицу, а то и молодую мамашу, толкающую перед собой детскую коляску, с бутылкой пива в руке — пара пустяков, только из подъезда выйди. А что поделаешь, коли на культуру и искусство у государства не находится средств. Вот и развлекается кто как умеет...

20 июля 2005 года, среда.

На прошлой неделе после работы собрался на велосипеде за грибами по местам детства — в поскотину за городом. Это в 4–5 километрах от Лысьвы. Наивный, я полагал, что в лесу, из которого мы, пацаны, никогда не возвращались с пустыми лукошками, как и раньше — чисто, ухожено. И глубоко ошибся: проходы между редкими деревьями искорёжены большегрузными лесовозами, кругом груды обрезанных сучьев, валежник. Потолкался я среди древесного хлама и повернул назад.

Выходит, лес пластают в зелёной зоне, почти в черте города! Причём не дедовским топориком, а с использованием последних достижений лесозаготовительной техники. В этом я убедился в тот же день. Из поскотины перебрался к бывшей деревне Веснино. На опушках нарезал красноголовиков на грибовенку. Потом посидел на скамеечке у поклонного креста, установленного в память жителей исчезнувшей деревни, и в девятом часу вечера покатил домой. Немного отъехал — справа передо мной из леса выехал гружённый кругляком КраЗ со стрелой-гидропогрузчиком. Это что? В четырёх километрах от города заготавливаем лес? А точнее, рубим сук, на котором сидим, нарушая экологическое равновесие. В зелёной зоне — её ещё называют лёгкими города — рубка леса категорически запрещена. Санитарная с последующей лесопосадкой — другое дело. Но тут-то из лесу везли добротную деловую древесину: ель в диаметре до полуметра и больше. И до того лесовоз был нагружен лесным богатством, что по полевой дороге в горку поднимался медленно, натужно. Мне не составило труда догнать его на велосипеде (я даже с километр проехал на халяву, уцепившись рукой за хлыст) и запомнить номер: Н605ОР. Перед выездом на трассу лесовоз остановился. Водитель вылез из кабины, внимательно оглядел трассу, которая здесь с угора далеко просматривается, сел за баранку и двинул по шоссе в сторону Кунгура.

На другой день я звякнул знакомому гаишнику Аркаше: загляни, мол, в свою компьютерную «кладовую». Через полчаса перезвонил. Аркаша говорит: «КраЗ под таким номером у нас не зарегистрирован». И добавил, что не числится лесовоз и в списке транспорта

с временной регистрацией. Выходит, что лес на корню вывозят за пределы нашего района чужаки.

Через пару дней ко мне в мастерскую завернул Трофимыч, здешний начальник отдела по борьбе с экономической преступностью. С ним я на рыбалке познакомился. Поведал я Трофимычу увиденное в лесу. Тот развёл руками:

— Если у нас такими темпами вокруг города будут вырубать лес, лет через 15–20 поблизости грибов уже не найдёшь. Сегодняшние предприниматели очень чётко держат нос по ветру. Если в 1995–1998 годах самый выгодный бизнес был связан с фальсифицированной водкой, то сейчас прибыльнее всего заниматься рубкой и продажей леса. Сколотить из 4–5 человек лесозаготовительную бригаду — большого труда не составит. Затраты на технику быстро окупятся: один кубометр древесины на корню сегодня стоит около 600 рублей. И занимайся бы лесозаготовками, но в рамках закона, — Трофимыч вынул пачку сигарет, зажигалку. — Но ради лёгкой жизни его, закон, многие обходят. Преступность, связанная с оборотом леса, угрожающе растёт. В 2003 году нашим ОБЭП было рассмотрено 34 материала, в которых главным пострадавшим являлся лес, а за прошлый год их накопилось уже 67. В два раза больше! Количество уголовных дел по фактам незаконной рубки и использования работниками лесхозов служебного положения тоже выросло, и материальный ущерб — с 9 до 14 миллионов рублей. Это какие же «бабки» крутятся в руках лесных дельцов! А в целом по России? Причём почти половина преступлений не раскрыта... Беспокоит рост должностных преступлений. В этом году на рассмотрении в нашем отделе находится уже 29 материалов, выявлено 5 случаев незаконной рубки леса, заведено 3 уголовных дела в отношении работников лесхозов за халатность и использование служебного положения. Ну откуда у директора сельского лесхоза Бугаева с его довольно скромной зарплатой появилась новенькая «Тойота»?

Нам одним без поддержки населения очень трудно приостановить грабёж древесины. Тот же охотник, грибник — а сейчас почти у каждого есть сотовый телефон — увидел в лесу «заготовителей», так позвони в милицию. Браконьерам же сейчас совсем вольготно станут: штаты егерей, лесничих сокращают... Ну не диверсия ли это? — Трофимыч до того разошёлся, что так и забыл прикурить.

...Вчера по утрянке (ночевал у себя в саду) пошёл за грибами в осинничек. Едва наскрёб на грибовницу. С каждым годом урожай красноголовиков и обабков всё меньше в этом лесочке. Так откуда им

народиться, коли вместо леса здесь со временем станет поляна? Вот и в этот раз я наткнулся на сваленные топором две взрослые берёзы. Они лежали на земле с обломанными ветками: веники заготовлял какой-то любитель попариться. Я уж не говорю про ели — от большинства из них здесь давно уже одни пеньки трухлявые остались. Вспомнилось жуткое предположение Трофимыча: «Лет через 15—20 мы останемся без леса...»

Вышел на опушку. В голове вертелась песня Николая Расторгуева: «Отчего так берёзы в России шумят?...» Дальше я слова подзабыл. Продолжение пришло само собой: «Оттого что их рубят, пластают под корень...»

22 января 2006 года, воскресенье.

Попалась на глаза вырванная страница из «Аргументов и фактов» с весьма любопытной статистикой о доходах министров нашего правительства за 2004 год. Итак, среди лидеров министр транспорта И. Левитин, который «заработал» за минувший год без малого 140 млн рублей. Заметно отстали от него министр здравоохранения и социального развития М. Зурабов (41 млн руб.) и министр информационных технологий и связи Л. Рейман, у которого доходы составили всего лишь 9 млн рублей. Я «искренне» порадовался за радетелей российского народа, которым, судя по доходам, не приходится, как нашему брату, сводить концы с концами. Прикинул, во сколько же больше моего вышел годовой доход у министра транспорта И. Левитина. Примерно — едва в цифрах не запутался — в 2000 раз! Не хило. Это же надо на износ, в поте лица трудиться, чтобы такие деньжищи зарабатывать! А министры ещё «успевают» реформы продвигать, о нуждах трудящихся и пенсионеров вести разговоры...

18 марта 2010 года, четверг.

Сегодня, в День Парижской коммуны, завершилась голодная забастовка пенсионеров «Привода». Устроили её две недели назад ветераны во главе с их неугомонным вожаком Германом Гаврилиным. Так уж невмоготу стало. Достали монополисты с повышением цен за коммунальные услуги. Под видом кризиса задумали дела свои поправить, карманы «бабками» набить. С нового года такую накрутку на тарифы сделали, что половина пенсии уходит за квартиру, газ, электричество. И как жить на оставшиеся 4 тысячи рублей? Голодовку — а к ней подключились и ветераны-металлурги — широко освещали средства массовой информации, в том числе и зарубежные. К тому же

один из бастующих, участник Великой Отечественной войны, в результате голодовки оказался в реанимации...

А год-то юбилейный — 65 лет со Дня Победы. Скандал. Короче, дошло до правительства России. Прижали монополистам хвост, вернули прежние тарифы. И льготы инвалидам и ветеранам восстановили. Значит, можно и в провинциальном городке добиться справедливости. Если дружно, всем миром выступить в защиту своих интересов!..

«...Ай да прадедушка, ай да Михалыч! Как я мало о тебе знал. Извини. Да ты, оказывается, и поэтом, и юмористом был. И вообще равнодушным к судьбе России-матушки и своих соотечественников человеком. А время-то какое бурное выпало на твою долю? Перестройка, реформы, перевороты, очереди, талоны, кризис... Как же вы, предки мои дорогие, всё это пережили? И смогу ли я что-то сделать, чтобы детям и внукам нашим не довелось испытать подобное? Человеческая жизнь в мировых масштабах до того коротюсенькая... Успею ли я принести хоть какую-то пользу людям?» — Егор выключил ночник. Совсем уже рассвело. Проснулась и Верхотуровка. Начался новый день.

Гости из города-побратима

Суббота, 3 июля 2060 года... По городскому музею, расположенному в отреставрированном Доме наследников графа Шувалова, идёт экскурсия.

Приехавшим на юбилей Лысьвы французам из Авиньона увлечённо рассказывает директор музея Анна Дюбуа (в девичестве Латышева), свободно владеющая французским языком:

— Эпитеты «лучший, первый» довольно часто употребляются, когда речь идет о нашем городе. Первая в истории России стачка рабочих произошла именно на Лысьвенском заводе. Это было без малого 200 лет назад, в мае 1861 года. Рабочие требовали повышения заработной платы. Однако бунтовщиков разогнали казаки, 15 наиболее активных участников стачки были арестованы.

Оцинкованное и лужёное железо, изготовленное на нашем металлургическом заводе, в начале прошлого века достойно соперничало с лучшими мировыми аналогами Германии и Англии. Лысьвенское железо покупали для крыш английского парламента и собора Парижской богоматери, увозили в Америку для обшивки корпусов речных

судов. В годы Великой Отечественной войны — недавно мы отметили 115 лет со Дня Победы — наш завод единственный в стране выпускал солдатские каски, которым не было равных в мире. Лёгкая, удобная и самое главное непробиваемая лысьвенская каска спасла жизни тысячам советских солдат. Кстати, известный и всеми любимый киноартист и клоун Юрий Никулин, узнав, что солдатские каски изготовляли в Лысьве, специально приехал к нам в город и выступил с концертом. Свой приезд в Лысьву бывший фронтовик объяснил просто: «Меня ваша каска дважды спасала от смерти».

Десять Героев Советского Союза воспитал наш маленький уральский городок. А в 2015 году их стало одиннадцать. По ходатайству лысьвенцев, в год 70-летия со Дня Победы звания Героя Советского Союза удостоен (посмертно) ещё один наш земляк Алексей Новиков, учитель из Кына.

Легендой овеян беспримерный подвиг сержанта Новикова, защитника Брестской крепости. На рассвете 22 июня 1941 года он одним из первых вступил в бой с немецко-фашистскими захватчиками. И в течение суток, меняя расположение и истекая кровью, пограничник вёл пулемётный огонь по вооружённому до зубов противнику, сдерживал натиск ещё не знавших отступления фашистов. Израненного, его всё-таки достала пуля немецкого снайпера. Когда к умирающему пограничнику подошли немцы, даже они были удивлены тем, что один боец целые сутки удерживал переправу через реку Буг. Поражённый мужеством русского солдата немецкий офицер распорядился похоронить Алексея Новикова, как героя, у стен польского монастыря на другом берегу реки...

А сейчас мы у стенда, посвящённого одному из градообразующих предприятий. Более чем в семидесяти странах действуют турбогенераторы и электрические машины, изготовленные на заводе «Привод». По надёжности и долговечности они считаются одними из лучших в мире. А «Привод» прочно прописался в тройке самых устойчивых и прибыльных предприятий планеты в области тяжёлого электромашиностроения.

Правда, кое в чём Лысьва утратила лидерство. Так, если к концу прошлого века наш городок занимал третье место в России по наличию личного автомобильного транспорта на душу населения, то сегодня — и вы, наверное, заметили это — машин на улицах сравнительно немного. Это потому, что большинство жителей отказалось от них: куда проще, допустим, на выходные взять автомашину на прокат в ЦОАТе — центре обслуживания автомобильным транспортом.

Кстати, из экологических соображений все автомобили переведены на газ или работают на электрических аккумуляторах.

Зато Лысьва вышла на первое место в стране по наличию у населения велосипедов. Для езды на них улицы города оборудованы специальными дорожками. Велосипедами в Лысьве пользуются практически все — от первоклассника до главы района. Двухколёсными — это же чистый воздух и здоровье.

Кстати, о нём, о здоровье. Как известно, одними из главных его показателей считают долголетие и рождаемость. У нас в Лысьве средняя продолжительность жизни приблизилась к 79 годам. А по рождаемости наш город задаёт тон всему Прикамью и России: в каждой лысьвенской семье в среднем четверо детей.

Это говорит об уверенности людей в завтрашнем дне, об улучшении бытовых условий и росте уровня жизни. Именно на эти ориентиры и направлена в основном политика сегодняшнего президента России, уроженца нашего города. Именно при нём впервые с начала третьего тысячелетия существенно — в два с половиной раза! — снижены платы за коммунальные услуги и лекарства, а также цены на продукты питания. Россиянам вновь вернули бесплатное образование и медицинское обслуживание, пенсионерам — бесплатный проезд в общественном транспорте. Из года в год растут зарплаты трудоспособного населения и пенсии ветеранов. Теперь и российские пенсионеры позволяют себе путешествия за границу. Безусловно, этому способствовало всеобщее и полное разоружение на всех континентах планеты, инициатором которого, как вам известно, выступил наш президент. И немалые средства от сокращения вооружённых сил, естественно, пошли на нужды народа.

Напомню, что реализация программы всеобщего и полного разоружения началась четыре года назад. Этому предшествовала встреча в Москве руководителей государств, обладающих серьёзным военным и политическим потенциалом. После официальных переговоров президент России пригласил гостей... сплавиться по реке Чусовой. Очарованные красотой русской природы, величием скал, которые, словно бойцы, охраняют жемчужину Урала Чусовую, высокие государственные мужи именно здесь, на сплаве, окончательно пришли к выводу, что от глобальной гибели планеты могут спасти только всеобщее и полное разоружение, отказ от улаживания конфликтных ситуаций между странами путём силового вмешательства.

«Что же мы, сеньоры, делали? Смотрели друг на друга искоса, порой и сквозь прорезь прицела... А ведь намного лучше собраться вот

так — на природе, у костра на берегу реки, с удочкой в руках! Нельзя, сеньоры, допустить, чтобы вся эта красота исчезла одним нажатием кнопки», — так примерно тогда сказал темпераментный президент Италии Доминико Кутуньо. Вот с той встречи политических деятелей в Москве, с их путешествия по реке Чусовой по существу и потеплели отношения между государствами, началось поэтапное разоружение и сокращение вооружённых сил во всём мире. И первой в этом благородном деле пример показала Россия.

А знаете ли вы, что в 30-х годах прошлого века наш город посетил в ту пору ещё молодой французский писатель и поэт Луи Арагон? После той поездки он написал стихотворение «Лысьва». Кстати, именно Лысьву выбрал для постоянного места жительства ваш соотечественник Анри Дюбуа. Это мой муж. Мы студентами были, учились в Москве, там и познакомились. *Eh bien, le voila*. А вот и он. Анри Дюбуа, старший научный сотрудник музея, и поведёт далее с вами экскурсию.

Высокий кудрявый француз широко улыбнулся:

— *Mesdams et messieurs, bonjour! Je suis bien ravi de vous voir dans la ville Lysva*. Здравствуйте, дамы и господа! Я очень рад встретиться с вами в городе Лысьве. Сейчас мы выйдем из особняка графа Шувалова, пройдемся по саду и спустимся к пруду. А затем нам предстоит, — Анри Дюбуа сделал паузу, — прогулка... под водой, после которой мы окажемся на другом берегу, где осмотрим ещё одно историческое здание — дом управляющего Лысьвенским горным округом Адама Онуфровича. Ну что ж, идём?

Экскурсанты, увешанные фотоаппаратами и видеокамерами, по широкой аллее медленно спускались к пруду. С обеих сторон аллеи росли кедры, лиственницы, берёзки. Вдоль бордюров благоухали розы. Справа над верхушками деревьев жарко блестели на солнце золотые купола Свято-Троицкого храма, отстроенного в 2015 году на пожертвования горожан. Зеркальную гладь пруда изредка нарушали чайки, выхватывающие с поверхности воды зазевавшуюся уклейку.

Гости подошли уже к самой кромке берега. Шедшие впереди неожиданно остановились: вниз вели ступеньки, и французы вопросительно глянули на гида.

— *Monsieur Henri*, а дальше куда? — обратилась к Дюбуа стройная женщина.

— Так я же вам обещал прогулку под водой, — Анри Дюбуа с улыбкой вынул из кармана пульт управления, нажал кнопку...

В царстве Нептуна

По обеим сторонам ступенчатого спуска зажглись лампочки. Чуть ниже осветился и арочный вход в подводное царство Нептуна. Ещё одно нажатие кнопки — и открылись стеклянные двери. Загадочно манила таинственная неизвестность тоннеля с подсветкой.

— Этот подводный и частично подземный переход соединяет два архитектурных памятника Лысьвы — особняк графа Шувалова и дом Онуфровича. Подводная часть тоннеля выполнена из толстого прозрачного стекла, так что вы можете полюбоваться обитателями Лысьвенского пруда. Щука, судак, язь, лещ, карп и другие особи любят собираться на «огонек» у тоннеля: свет привлекает. Думаю, что и сегодня они подплывут к тоннелю — на гостей посмотреть, себя показать, — улыбнулся Анри Дюбуа.

Тем временем группа продвинулась к месту, где тоннель пролегал на самой глубокой отметке. Но даже и здесь, благодаря солнечному дню и подсветке отчетливо виделись причудливые водоросли, камни, коряги, меж которыми сновали в поисках пищи резвые окуньки и красноперые сорожки. Экскурсанты, прильнув к стеклу, с любопытством разглядывали речную фауну.

И вдруг прямо на их глазах из-под огромного камня-валуна стрелой вылетел судак, килограмма на три, и схватил оторвавшуюся от стайки плотвичку. И снова скрылся под камнем. А к судаковому убежищу как раз подплывал с подводным ружьём в руках рыбак в маске. Прицел, выстрел — и на конце гарпуна затрепыхал тот самый полосато-пятнистый хищник, что минуту назад гнался за рыбёшкой.

Французы в восторге захлопали в ладоши.

— Это не специально ли для нас устроили представление? — спросил усатый авиньонец.

— Нет. Просто в этот день в Лысьве проводятся соревнования среди любителей подводной охоты. Мы и оказались свидетелями одного из эпизодов состязаний.

— А всё-таки, — не отступал усач. — Я вот тоже рыбак. Бывало, и с подводным ружьём охотился, но не всегда так удачно, как этот рыболов-спортсмен. У вас, наверное, занимаются разведением?

— Да, судаков запустили ещё полвека тому назад, когда председателем комитета охраны окружающей среды и природопользования работал Сергей Василенко. Страстный природолюб и заядлый рыбак, он и осуществил проект зарыбления пруда. Правда, немало сил ушло на борьбу с браконьерами. Но, как видите, она принесла результаты:

без улова редко кто возвращается. Да и сами люди поняли наконец, что при алчном истреблении рыбных ресурсов они своих же детей, внуков лишают удовольствия поймать рыбку удочкой с берега. Однако пойдёмте дальше, — пригласил Дюбуа.

Иностранцы, оживлённо разговаривая и жестикулируя, двинулись за экскурсоводом.

— А кто и когда построил этот чудесный подводный переход? — с микрофоном в руке приблизилась к Анри элегантная француженка.

— Дорогая... Э-э...

— Danielle Jouvent.

— Дорогая Даниэль, это довольно длинная история. Но вкратце она выглядит так. В 2008 году Лысьву признали культурной столицей Прикамья. Эта победа в краевом конкурсе так воодушевила горожан, что отовсюду посыпались предложения, как сделать родной город ещё краше и привлекательнее. Среди предложенных проектов — а они публиковались на страницах городской газеты — сооружение подводного тоннеля, соединяющего два уникальных исторических здания, вызвало интерес, как у властей, так и у горожан. Но осуществить этот проект удалось лишь в 2035 году, к 250-летию Лысьвы. Благодаря финансовой поддержке Егора Мехрякова, в ту пору молодого предпринимателя, а также за счёт личных сбережений лысьвенцев, горячо воспринявших идею прокладки подводного тоннеля, и был сооружён этот эксклюзивный объект.

А сейчас мы подошли к дому Онуфровича. Деревянный особняк из лиственницы был построен в 1897 году. В июле 1914 года во время стихийных выступлений рабочих металлургического завода управляющий погиб от рук бунтовщиков. После революции в здании размещались начальная школа № 5, затем школа рабочей молодёжи № 1, станция юных техников, церковь Иисуса Христа и даже опорный пункт милиции. Естественно, при стольких хозяевах особняк и его комнаты претерпели существенные переделки. И даже больше. Такие уникальные вещи, как старинные хрустальные люстры, витые бронзовые ручки от дверей и окон, просто-напросто растащили. Совершенно утратили былой вид камин и изразцовые печи. Словом, хозяйка новой жизни весьма варварски обошлась с домом управляющего, а спустя годы этот особняк был признан памятником архитектуры и истории Пермской области. Пораньше бы.

Но, слава Богу, нашлись в Лысьве патриоты, взявшиеся за реставрацию исторического здания. К счастью, сохранились и воспоминания преподавателя математики Елены Ивановны Плешковой, кото-

рая в 30-х годах прошлого столетия жила в этом здании и ещё застала былую роскошь особняка. Она по памяти начертила расположение комнат, рассказала о прилегающем к дому сквере, находящейся в нём уютной шестиугольной беседке и других особенностях старинного здания. По её записям и восстановили прежний вид дома Онуфровича, вошедшего ныне в музейный комплекс города. Правда, из-за автомобильной дороги, огибающей особняк, — а чтоб её проложить срезали часть горы, на которой зеленел сад, — беседку, площадку для игры в крокет и сам сад переместили на западную сторону здания, где раньше был конный двор металлургического завода.

Отреставрированный дом Онуфровича уже как музей архитектуры и искусства открылся также в 2035 году, к 250-летию Лысьвы. Может, есть желающие сыграть в крокет? — с надеждой на передышку в рассказе спросил Анри Дюбуа.

Перерождение

Это надо было видеть, с каким азартом и увлечением играли французы в старинную игру!

О, а из деревни Верхотуровки — там их разместили в гостевых домах субботним вечером 3 июля — им вообще не хотелось уезжать. Впрочем, гостевые — чисто условное название. Это обычные деревянные дома с русской печью и полатями. Вместе с жителями Верхотуровки артисты стряпали пельмени, пили настоящее деревенское пиво, приготовленное из ячменного суслу, пели песни. И всё это на свежем, настоящем на духмяных травах воздухе, за расставленными вдоль деревенской улицы столами. Именно здесь, в Верхотуровке, гости из Франции воочию убедились, «как упоительны в России вечера». А как безмятежно и сладко спалось на сеновале! Одна из француженок, запомнившая единственное русское слово, по этому поводу выразилась коротко: «Пр-р-рикольно!»

А с усачом Мишелем Моруа вообще стряслось невероятнейшее перерождение. Ему доводилось бывать в России неоднократно, но только здесь, в Лысьве, тронутый непоказушным гостеприимством её жителей, работающих и искренних, с почитанием относящихся к природе и истории своего края, к древним русским традициям, Мишель душой потянулся к россиянам. И особенно к одной молодой женщине, сопровождавшей делегацию французов на экскурсии и в Верхотуровку. Это была, конечно, Татьяна Лязгина. Он влюбился

в неё с первого взгляда. Стройная, голубоглазая, с красивыми вьющимися волосами, пшеничной волной набегающими на плечи, с очаровательной ямочкой на левой щёчке и приветливой открытой улыбкой — в неё невозможно было не влюбиться. Причём француза обаяла не только внешняя её красота. Он видел, как безо всякой натянутости и подобострастия к должности начальника управления по культуре и спорту общаются с ней и горожане, и селяне, как без переводчика она объясняется с французами, как зажигательно, с приплясом поёт Татьяна Семёновна народные частушки, и не в силах был отвести глаз от русской красавицы.

Улучив момент между застольным пением и чаем, Мишель подошёл к Татьяне:

— Я слышал, что эта деревня стоит на какой-то речушке. Не могли бы вы показать её? Очень мне понравилась уральская природа.

— Да, места у нас изумительные. А к реке, пожалуйста. Только с горы спуститься — тут тебе и Туровка. Идём? А медведя не боитесь?

— С вами — нет. А можно мы захватим с собой графинчик деревенского пива? По душе мне пришёлся ваш старинный напиток.

— Да, пожалуйста. Только вы, Мишель, не заметили, что наше пиво говорящее?

— Как это так?

— Очень просто. Пьёшь его, а оно в ухо нашёптывает: «Иди, я тебя догоню».

— Не понял.

— Потом поймёте, — засмеялась Татьяна.

— Таня, а давайте на «ты»?

— Хорошо.

Мишель взял со стола запотевший графин и пару стеклянных кружек. Узкой тропинкой, вьющейся между берёзками и осинками, они спустились к самодельной скамейке — широкой доске, укреплённой на двух еловых пеньках. Присели. Под ногами журчала Туровка. Над перекатом серебряным слитком взметнулся хариус. И исчез в прохладной струе. Пахнуло разросшимся по берегам речушки смородином.

Мишель разлил пиво по кружкам. И вдруг заговорил по-русски, абсолютно безо всякого акцента:

— Танюша, как я хочу, чтобы сегодняшний вечер не кончался. Будь моя воля, я бы остановил время для нас двоих... Я хочу выпить за тебя. «За любимую женщину поднимаю бокал», — так у вас поётся?

Татьяна удивлённо вскинула брови:

— Мишель, ты специально выучил эту фразу на русском языке? А в смысл сказанного вникаешь? Это ведь очень серьёзно и для меня... волнительно.

— Танечка, я не только свободно владею русским, но и знаю ваши традиции и обычаи. Русскому человеку, да и вообще любому человеку, однажды хочется перед кем-то излить свою душу. Это я и хочу сделать перед тобой. И вовсе не потому, что меня догнало пиво. Знакомо мне это выражение: всему нас обучали... Кстати, давай сначала выпьем? За тебя, *mon amour!*

Мишель осушил кружку до дна. Татьяна чуть пригубила.

— Э, Танюша, так не по-русски.

— Я потом. Ты что-то не договорил.

— Да. Так вот. Я хочу раскрыть тебе свою душу. И еще — предлагаю руку и сердце. Я люблю тебя, Танечка. Выходи за меня замуж.

Татьяна Семёновна с минуту ничего не могла сказать. Из всей иностранной делегации этого статного, плечистого француза с волнистыми волосами, внешностью и обаянием очень напоминающего её любимого киноактера Вячеслава Тихонова, Татьяна как-то сразу выделила. А когда первый раз встретилась с ним глазами ещё там, на экскурсии под водой, Татьяне показалось, будто их взгляды соединила дуга электросварки. Она ощутила какое-то необъяснимое сладкое головокружение и мощный приток крови к сердцу... А сейчас она почувствовала, что и внутри Мишеля закипает вулкан.

— Ой, Мишель, погоди. «Душа, рука, сердце...» Как-то ты всё в кучу... Да и такими словами не бросаются. Давай по порядку.

— Хорошо. Выслушай меня, пожалуйста. По документам я артист, приехавший на юбилей вашего города в составе французской делегации. А на самом деле прибыл я сюда совсем с другой миссией, страшной и ужасной. Я получил задание ликвидировать президента России.

Татьяна в испуге отшатнулась от француза, пыталась что-то сказать, но не находила слов. Мишель мягко взял её за руку:

— Подожди, не перебивай. Да, я профессиональный разведчик. И мне приходится играть в жизни столько ролей, что иногда сам в себе сомневаюсь — кто я? Как и где меня завербовали, сколько и чему обучали в разведцентре — это долгая история. Может, после как-нибудь и расскажу, но одно знай: я никого не убивал. А приезд в Лысьву в корне изменил мое отношение к вашей стране, её людям. Я увидел открытые, доверчивые лица, приветливые, доброжелательные улыбки твоих соотечественников. Меня поразило их стремление

сделать свой город ещё краше и уютнее. Именно здесь я впервые обрёл какое-то душевное умиротворение. Ни справа, ни слева, ни от кого я не чувствовал ни малейшего подвоха. А когда на моём горизонте появилась ты, Танюша, я совсем потерял голову. Во мне всё перевернулось. Ты изумительно прекрасна. Таких очаровательных и естественных по своей природе женщин мне — а я облазил почти весь земной шар — нигде не доводилось встречать. И до того мне опротивело вести двойную жизнь, что сил больше нет. Это же здорово — говорить то, что думаешь, делать то, что хочется, идти туда, к чему душа тянется. А жить среди людей, понимающих тебя, готовых в трудную минуту подставить своё плечо, — это вообще самое настоящее человеческое счастье. И, наверное, оно, счастье, в разы увеличится, если и сам приносишь этим людям какую-то помощь, полезность. Но это возможно, на мой взгляд, лишь в том случае, когда рядом с тобой по жизни идёт любимый человек. Это ты, Танюшенька... Я нутром чую, что мы с тобой две половиночки, Богом созданные друг для друга. Так неужели нам суждено расстаться? — Мишель вплотную придвинулся к Татьяне и обнял её за талию.

Стоящие меж ними на скамейке графин с пивом и кружки упали на землю. Графин покатился к воде и, стукнувшись о прибрежный камень, разбился.

— Это к счастью, — выдохнул Мишель и вдруг, повернув к себе лицо Татьяны, страстно припал к её жарким устам. Казалось, бурливая речушка специально приглушила свой говорок, чтобы не мешать влюблённым... А, может, прислушивалась, завидуя...

Сколько длилось это мгновение? И здесь ли они сейчас находились — на бренной земле или в небесах?

— Что же это я делаю? Целуюсь со... шпионом, с террористом и нисколько... не боюсь. Миша... Можно я тебя по-русски? Миш, ты меня взял в плен безо всякого оружия... Я ведь всегда считала, что любовь с первого взгляда — это выдумки поэтов. Пока не встретила тебя... — Татьяна не вынимала ладони из его горячих рук.

— Танюшенька, милая, значит, ты ко мне тоже неравнодушна? И принимаешь моё предложение?

Татьяна кивнула и припала к его плечу.

— Спасибо, славная моя россияночка. Я люблю тебя, — Мишель безудержно целовал её щеки, глаза. Ощувив солоноватый привкус на её губах, Мишель с тревогой заглянул в голубые очи любимой. — Ты плачешь?

— От счастья, Миша. Мне никогда не было так хорошо. А ещё я

плачу от полноты чувств, от того, что сердце предсказывает скорую разлуку...

— Да, наверное, её не избежать, — Мишель провёл рукой по шелюре. — Во-первых, надо завтра же предстать перед вашими органами безопасности или перед охраной президента. То бишь, добровольно сдать в плен. В твой-то плен я уже сдался... И, во-вторых, расстаться вот с этой штучкой, — он вынул из внутреннего кармана джинсовки блестящую трубочку с двумя — зелёной и красной — кнопками на боку.

— Что это?

— Лазерный пистолет. Нажимаешь зелёную кнопку — появляется лазерный луч, видимый только тому, в чьих руках пистолет. Наводишь луч на того, кого хочешь устранить, нажимаешь на красную кнопку — и нет противника. Без звука и вспышки.

— Как же ты его провёз через таможду?

— Так я же приехал с сувенирами в виде детских игрушек. Из вроде бы безобидных деталей этих игрушек и можно собрать лазерный пистолет.

— Ужас какой. А, может, просто выбросить его в реку, подальше в омуток? И никаких проблем.

— Нет, Танюша. Начинать новую жизнь, так по-честному. Конечно, будут допросы, расследование. Ну придётся и посидеть сколько-то. Но я надеюсь, на Руси не забыли старинную поговорку — повинную голову меч не сечёт. Лишь бы ты, дорогая Танюшенька, дождалась меня... А президент, он же твой родной дядя, будет в целости и сохранности. Это я тебе обещаю.

— Ты даже знаешь, что Егор Степанович мой дядя?

— Более того. На рассвете — а это через пять с половиной часов — ты увидишься с ним: прилетает сюда с охраной на электровертолёте. Я ведь говорил тебе, что я профессионал. А для нашего брата оперативная информация — главнейшее дело. Только поступаю сейчас я абсолютно непрофессионально: в первую же встречу всё тебе рассказал как на духу. Но это исключительный случай: лишь тебе, единственно дорогому мне человеку, я могу полностью довериться. А теперь, с этой минуты, — Мишель глянул на часы, — я завязываю со своей прежней профессией. У меня будто гора с плеч свалилась — так мне легко стало. И это всё благодаря тебе, моя любимая, и твоим землякам.

...Через полгода Мишель и Татьяна стали мужем и женой. Свадьбу, на которой посажёным отцом был президент России, справляли в Верхотуровке, где они и остались жить.

Без особых происшествий

Президент России Егор Мехряков действительно побывал у себя на родине. В Лысьву ему удалось прилететь рано утром в воскресенье 4 июля. Навестил, конечно, он свою многочисленную родню в Верхотуровке, даже напросился на покос. В центральных газетах на следующий день появилась фотография: Егор Степанович в белой крестьянской косоворотке и соломенной шляпе косит литовкой высокую росную траву.

А в книге отзывов и предложений Лысьвенского городского музея осталась такая запись президента:

«Спасибо Лысьве, что я в ней родился. Насколько помню, Лысьва в переводе с коми-пермяцкого языка означает «лесная вода». А я бы ещё добавил — и живая вода: побывав на малой родине, я помолодел душой и телом, будто в живую воду окупнулся.

Всем землякам спасибо за тёплый приём! Здоровья, житейских радостей, удачи и прочей земной благодати!

*Президент России Егор Мехряков
04.07.2060. Лысьва».*

Среди множества зрелищ и развлечений наибольшим спросом, особенно у молодёжи, пользовалась лысьвенская тарзанка. Накануне на берегу пруда у бассейна построили высокую вышку, на верхней площадке которой укрепили параллельно два троса с тележкой. На ней по наклонной смельчаки с ветерком скатывались прямо в воду. Адреналину — хоть отбавляй!

Пенсионерам же приглянулась прогулка на яхте «Сокол». Она им напомнила далёкую молодость с бурными коллективными выездами «на зелень».

Апофеозом праздника стал фейерверк. Последний его залп, когда в небе из петардных россыпей сложилось слово «Лысьва», привёл в неописуемый восторг и детей, и взрослых.

Безусловно, «Искра» не пожалела газетной площади, освещая юбилейные торжества, визит в Лысьву президента РФ и зарубежных гостей. Но меня больше привлекла такая коротенькая заметочка:

«Празднование Дня города прошло без особых происшествий. Медицинский вытрезвитель пустовал. Правда, милицейский патруль в три часа ночи в парке Зануцци у скамейки на траве обнаружил двух спящих пьяненьких мужичков. Но поскольку разбуженные «виновники торжества» вспомнили свои адреса, сердобольные милиционеры развезли их по домам.

В городскую больницу с диагнозом афония обратилась жительница Первомайского посёлка Тамара Сыропятова: участвуя в конкурсе частушечников, она сорвала голос».

Сюда возвращаюсь всегда

Понедельник, 5 июля 2060 года... Лёгкая дымка над зеркальной поверхностью пруда испаряется в лучах восходящего солнца. С мыса Мелехина потянул ветерок. Проснувшиеся от ласки солнечных лучей лилии, покачиваясь на волнах, доверчиво закивали головами. Между лилиями грациозно проплыли два лебедя.

Прилетели они к нам лет пять назад. Всё лето стоя из трёх десятков лебедей жила на водоёме, радовала рыбаков, купальщиков — всех, кто отдыхал, загорал на пляже. С наступлением холодов гордые птицы снялись с облюбованных мест и, сделав прощальный круг над прудом, подались на юг. И только одна пара не улетала. Уже образовались и забереги из тонкого ледка, а пара лебедей не покидала сужающуюся от морозов полынью. Как-то утром житель Зареки Прохор Мошев, потомок из династии горских рыбаков (в Великую Отечественную войну рыболовецкая артель братьев Мошевых весь улов сдавала в заводские столовые — хоть какая-то была добавка к скудному пайку тружеников тыла), спустился к берегу проверить лодку. Глянул — метрах в пятидесяти от берега почти в уже совсем затянувшейся льдом полынье, прижавшись друг к другу, грелись белоснежные лебеди. «Что-то неладно. Видно, кто-то из них заболел. Потому и не улетают», — подумал рыбак. Кликнул сына Ванюшку. Вдвоём они отцепили лодку, потащили её по льду до полыни.

«Оказалось, пара диких лебедей осталась на зимовку по той причине, что у самки сломано крыло. Из-за своей возлюбленной и молодой самец не улетел, защищал подругу, оберегал, — потрясённый лебединой верностью рассказывал Прохор. — Он и на нас кинулся, думал, мы худое что затеяли. Но потом будто почувствовали птицы, что мы к ним с добром, спасти хотим. И угомонились, дали взять себя в руки».

Дома отец и сын поместили Лёшу и Ладу — так они их назвали — в сарайчик с курами, с которыми южные гости скоро сдружились, но всё же держались особнячком. И никогда не расставались. Прохор вызвал на дом ветеринарного врача, и тот скоро поправил раненое крыло. По весне, как только сошёл лед, Прохор Мошев с сыном

выпустили лебедей на пруд, на котором они опять до заморозков и прописались. Чаще всего их видели у Сокола, где с рыбой побогаче. Но порой Лёша и Лада подплывали к берегу, на котором стоял дом Мошевых. То-то было радости Ванюшке и его друзьям, кормившим прямо из рук хлебными крошками привыкших к людям благородных птиц. Осенью Лёша и Лада улетели на юг. Но весной каждый год пара верных лебедей навещает Лысьву, ставшую им родным домом.

...Ярило с золотисто-рыжей улыбкой оглядывает городок и просыпающихся его обитателей. Где-то в частном секторе заполошно встрепенулся петух: «Ку-ка-ре-ку!» И тут же умолк, словно стыдясь: «Проспал ведь я побудку-то. Люди вон уже на ногах: коров на выгон погнали». К Каланче, позванивая привязанными на шеях колокольчиками, тянулись понукаемые хозяйками бурёнки.

По улице Смышляева, выстукивая на стыках рельсов: «Ско-рей, ско-рей», прошёл трамвай. Навстречу ему с привязанными к рамам удочками прокатили на электровелосипедах в сторону пруда три паренька.

Как бегущие с гор ручейки, соединяясь, делают реку полноводной и величавой, так и спешащие отовсюду рабочие и специалисты у центральной проходной сливаются в один поток. Поток творческой мысли и энергии.

Пропел гудок заводской: «Удачного тебе трудового дня, Лысьва!»

*Есть город уральский с названием Лысьва,
Что значит «лесная вода».
Куда бы ни ехал, куда б ни стремился,
К нему возвращаюсь всегда.
Такого большого нет города в мире,
С улыбкой о том говорят:
Раскинулась Лысьва аж до «Сахалина»,
На запад — до самых «Карпат».*

*Над прудом склонилась плакучая ива,
Кипрей на угоре зацвёл.
Скажу откровенно, я места красивой
Искал, но нигде не нашёл.
«Вставай, просыпайся, родная сторона!» —
Пропел на заводе гудок.
Посёлок Заречный. На выгон бурёнки
Идут под людской говорок.*

*С Урала, где долгие лютые зимы,
На юг не летит воробей.
Ты выстоишь, знаю, мой город любимый,
Я крепче не видел людей.
В цехах металлурги ковали победу,
Про отдых забыв и покой.
Войну потому одолели мы эту,
Что жили единой семьёй.*

*Шагаю тропинкой вдоль речки Травянки,
Ласкает лицо ветерок.
С окраины слышатся звуки тальянки —
Живёт мой родной городок!
Есть город прекрасный с названием Лысьва,
Что значит «живая вода».
Куда бы ни ехал, куда б ни стремился,
Сюда возвращаюсь всегда!*

Р. С. Диалог читателя с автором (вместо заключения)

Читатель: — Ну, Васильич, нагородил ты с три короба. Это у тебя что получилось-то? Без пузыря не разобраться. Вариация на тему «Четвёртый сон Веры Павловны» или «Записки пациента из палаты № 6»?

Автор: — Ты почти угадал. В январе я залёг в больницу. На три недели. Только угодил не в шестую, а в палату № 528. Кстати, на пятом этаже проведён ремонт. И весьма недурно. Над каждой койкой в стене смонтирован ночничок. А у меня с бессонницей проблемы. Вот чтобы время зря не пропадало и чтобы от боли забыться, включал ночник и писал.

Читатель: — Понятно. От боли забылся, а что понаписал — не забыл? Не хило ты представил Лысьву чуть ли не центром вселенной. Одним росчерком пера главы всех государств сплавляются у тебя в наших краях, по Чусовой... А чего же ты не расписал, сколько с ними телохранителей было? И президент-то России нашенький. Не повтор ли в истории? Был ведь уже один президент с Урала.

Автор: — Так ведь Урал — опорный край державы. Хребет России, как говорил пермский писатель Алексей Иванов. А какой мощный толчок дали развитию Руси Строгановы, Демидовы! Так что Уралу на

роду написано быть для России-матушки отправной точкой прогресса.

Читатель: — О каком прогрессе ты говоришь, Васильич? Ты на вещи-то смотри реально. По нашей же Лысьве — ни дорог у нас толковых, ни строительства жилья для людей. Градообразующие предприятия из кризиса ещё не могут выцарапаться. Молокозавод на ладан дышит, и мясокомбинат обанкротился. Да и для чего они, если, считай, все продукты завозные? Сами-то что мы производим? Все бывшие колхозные поля позарастали бурьяном и мелкоколесем.

Автор: — Чего у нас нет, что не устраивает, в какой по сравнению с развитыми странами нищете мы живём, кого во всех наших бедах винить — об этом можно долго говорить. Но почему ты в дорожной луже видишь лишь одну грязь? Ведь в той же луже отражаются и солнышко, и облака. И в нашей Лысьве есть хорошее — строится детская больница, восстанавливается Свято-Троицкий храм, у третьей школы заложена площадь цветов. Сейчас разговор идёт о создании единого Лысьвенского округа, ликвидируются городское и сельские поселения. Значит, сократится и чиновничий аппарат, содержание которого городу обходится в копейку. Разве это не шаги вперёд?

Читатель: — Так-то оно так. Но ведь факты говорят сами за себя. Возьми демографическую проблему. Если в 70-х годах прошлого столетия население в Лысьве и районе составляло около 80 тысяч человек, то сейчас чуть больше 67 тысяч. На 13 тысяч жителей уменьшилась Лысьва за сорок лет! Уезжает молодёжь из родного гнезда в губернские города, в Питер, Москву, а то и за границу, где с работой получше и зарплата не такая мизерная, как у нас. Нет у Лысьвы, как у большинства провинциальных городков России, будущего. Мегаполисы ныне правят балом. А по твоей «лесной воде» возрождение России будто пойдёт через деревни, через Верхотуровку. Ну не смешно ли это?

Автор: — Деревенские корни тебя, значит, смущают? А ты, дорогой, родословной своей когда-либо интересовался? Знаешь ли ты, что до революции в России преобладало — до 80 процентов! — сельское население. Так что наверняка и твои пращурсы — выходцы из деревни. И ничего в этом зазорного нет. А вот урбанизация отнюдь не всегда даёт добрые всходы. Между прочим, замечательный русский поэт Фёдор Тютчев ещё в 1860 году с горечью заметил:

*Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский.*

*Была крестьянской ты избой,
Теперь ты сделалась лакейской...*

Под «лакейской» поэт, скорее всего, имел в виду преклонение чиновничьей Руси перед Западом, перед Европой. А ныне разве не так? Да и внутри нас самих лакейство процветает: разве не замечал, как иной работничек прогибается, лебезит перед начальством?

Читатель: — Тут я с тобой согласен. У русских чиновничество в крови. Как и терпение. Наверное, не найти в мире более терпеливого человека, чем русский мужик. Но ведь и лени у него хватает. И по этой части (щёлкает себя по горлу) за ним вряд ли кто угонится. А ты нарисовал моих земляков такими работающими, такими преисполненными доброты и милосердия — ну прямо хоть на божничку ставь. И ни разбоев у нас нет, ни грабежей, ни наркомании. «Всё хорошо, прекрасная маркиза?»

Автор: — Слушай, милый ты мой, а тебе самому не надоело переключать каналы телевизора, где сплошные пальба, кровь, насилие, разврат? Вот и мне надоело. Так неужели я не имею право помечтать? Да, может, когда-нибудь Homo sapiens и осознает наконец, что жить в труде, с верой, любовью и надеждой, в согласии с самим собой, в кругу друзей-единомышленников намного интереснее, чем худеть от чёрной зависти к богачам и, отталкивая локтями других, отламывать от жизни кусок пожирнее. А насчёт возрождения нации, духовности через деревни... Кто знает, может, через них и распрямится Россия? Не сломали ведь крестьян из нашей Симоновки ни эксперименты над колхозами, ни перестройка, ни реформы, ни кризис. Кстати, когда писал про Верхотуровку, я как раз имел в виду Симоновку и её жителей. Живут они в ладу с землёй и с совестью. Потому и земля — а она ведь как живой человек — на заботу отзывчивая. Всё у симоновцев есть: работа, достаток в семье и, главное, желание преобразить свой край в лучшую сторону. Потому и дома там строятся. Дружно работают, весело и отдыхают. И молодёжь остаётся. Только побольше бы таких островков Надежды в нашей Руси...

Читатель: — Твои бы слова да, как говорится, Богу в уши. Ладно. Но по поводу урезания зарплаты чиновников и министров в пользу народа, снижения тарифов на коммунальные услуги и стремительного роста пенсий — это же явная сказка. Цены на бензин, на продукты, на транспорт поднять — это у нас умеют. А наоборот... Держи карман шире — сейчас отстегнут тебе власть имущие по миллиончику от своих «трудовых» доходов. А метро между Лысьвой и Чусовым,

подводный переход из прозрачного стекла, трамвай на улицах, планетарий? Васильич, ну это же детская наивность.

Автор: — Экий ты, однако, прожжённый реалист. А пофантазировать-то слабо тебе что ли? Хочешь анекдот?

Читатель: — Понужай.

Автор: — «Собрался мужик на зимнюю рыбалку. В шубе, в валенках с калошами, с ледобуром и ящиком уже к двери подходит. Тут ему жена дорогу перегородила:

— Никуда не пойдёшь! Кажинный выходной одна рыбалка. А дома-то мало что ли работы? Кран вон бежит, и вообще ремонтом квартиры пора заняться. И куда тебя в такую непогодь понесло? Плянь в окно-то.

— Да и то верно. Метелит сегодня здорово. И ветер восточный. А это доброго клёва не жди. Я лучше дома порыбачу. Здесь хоть не дует. Для меня ведь главное — процесс.

Мужик, не раздеваясь, зашёл в ванную. Открыл кран, наполнил почти до краёв холодной водой ванну. Удочку достал, сел на рыбацкий ящик, насадил «малинку» и трясет мормышкой в воде.

Час проходит. Жена заглядывает и с ехидцей:

— Ну что? Как успехи?

— Погоди, не мешай. Скоро клевать будет.

Дело к обеду. А рыбак продолжает трясти мормышкой в ожидании клёва. Жена забеспокоилась. Всё ли ладно с её муженьком? К соседке побежала, обсказала ей всё.

— Может, скорую вызвать? Не тронулся ли умом мой Ванюша? — спрашивает подругу.

— Конечно, вызывай. Он же свихнулся со своей рыбалкой. Вызывай немедля, — советует соседка.

— Вызвать-то, Петровна, недолго. Но, говорит, клевать вот-вот начнёт. А рыбки свежей так хочется...»

Вот и мне, дорогой мой землячок, так хочется увидеть родной город развивающимся, ухоженным, процветающим, а славных лысьвенцев моих — счастливыми, добрыми, улыбающимися.

Читатель: — Ну что ж, мечтать не вредно.

Автор: — Это точно. Вредно не мечтать!

Читатель: — Хорошо бы, чтоб ещё мечты и в жизнь воплощались. Например, у тебя же неплохие намёки для отцов города есть. Ты пишешь, что старинный особняк управляющего Лысьвенским горным округом Адама Онуфровича стал музеем архитектуры и искусства. Это было бы, конечно, здорово. Но пока у нас поймут, что

это историческое здание пора реставрировать, оно может ведь и развалиться... А что же ты школу № 1 упустил? Как бы этот уникальный архитектурный памятник вписался в единый музейный комплекс! Тем более школа рядышком и с городским музеем, и с Шуваловским домом. А сегодня на бывшей школе уже красуется плакат о сдаче помещений в аренду. Выкупит старинное здание какой-нибудь олигарх, устроит в нём развлекательный центр. Кто от этого выиграет? Да так же и произойдёт, как с Дворцом культуры металлургов...

Хотя, в принципе, у тебя есть намёки и на проекты, не требующие вложения огромных средств. Я, к примеру, согласен, что городскому парку надо присвоить имя лесничего Александра Зануци, чтобы увековечить память об этом замечательном человеке. Или взять ходатайство лысьвенцев о присвоении нашему земляку-фронтовику Алексею Новикову звания Героя Советского Союза. Заслуживает он этого. Правда, Союза-то уж давно нет. Так хотя бы звание Героя России.

Автор: — Спасибо, дружище. Вижу, что тебе тоже не безразличны прошлое, настоящее и будущее Лысьвы. И я искренне рад, что ты правильно уловил в моей «Лесной воде» эти самые намёки, чего я и добивался. Ещё раз спасибо. А вообще-то не столько ради каких-то там намёков я писал. Вот если бы прочитавший эту вещь земляк обнял любящим и заботливым взглядом свою малую родину. Чтоб у него смягчилось сердце, просветлело на душе и появилось желание дарить людям радость. Многое я отдал бы за это. Очень бы мне хотелось верить в то, что лысьвенцы смогут сделать свой родной город причалом доброты и гармонии, любви и согласия, справедливости и благополучия. Ради этого я и мучаюсь ночами, подбираю и обтесываю слова. Ведь я выхаживаю их, как малых детушек.

*И нет для меня выше счастья,
Чем знать, что слова проросли
Стремлением к свету, бесстрашьем
Пред тёмными силами мглы,
И нежностью к матери, к милой,
К берёзке в зелёной шали,
Желанием сделать красивым
Сегодняшний облик земли,
Любовью, надеждой и верой,
Уменьем свой гнев усмирить,
Готовностью ближнему двери
В любую минуту открыть.*

АЛЁНУШКА. Повесть

*О, женщина, душа томится,
И жажда мучит всё сильнее.
Пить!.. Пить!.. Мне пить и не напиться
Бедовой радости твоей.*

Василий Фёдоров

Я проснулся в приподнятом настроении. Ему соответствовала и погода. После затяжного ненастья выглянуло солнышко. Грех не воспользоваться таким деньком отпетому грибнику, каким себя считаю. Наскоро скидал в рюкзак корзинку, тормозок из нехитрой снеди и бодрым шагом направился к лесу, благо до него от моей летней «фазенды» рукой подать.

Вот и опушка. Приподнимаю склонившиеся к земле еловые лапы. И с ходу удача! К шершавому стволу прижался крепыш-боровик, на шоколадной шляпке которого прилипли прошлогодние иголки и берёзовый лист. Маскируешься? Так ведь и я, дружок, не лыком шит. Ты уж извини, но придётсЯ тебя в попутчики взять. Уж больно ты баской! Срезаю красавца, а глазами шарю по сторонам: «А рядышком? Может ты не один, а с братаном на опушку выскочил?»

Мне здорово везло. К полудню ведёрная корзина была почти полная, причём одни красноголовики да белые. И в рюкзаке примерно столько же уместилось. Пора и в обратный путь. Только тут я заметил, что солнце затянула тучка. Может, успею до дождя. Мне только берёзничек проскочить, а там и тропка будет. Каково же было моё удивление, когда вместо неё я уперся в густой ельник. За ним оказался крутой лог, которого, по моим расчётам, здесь вовсе и не должно быть. Я повернул обратно. Буреломы, завалы, чашоба — откуда что взялось? Заплутать в двух шагах от города? Этой мысли я пока не допускал. Однако и через час моих блужданий я не вышел на знакомые места. Словно бес попутал. Надо успокоиться, передохнуть, да и перекусить бы не мешало. Впервые я обедал в лесу без аппетита. В голове вертелось: неужели всерьёз заблудился? Если так, то на всякий случай надо хоть из еды кое-что приберечь. И я сунул в рюкзак полиэтиленовый кулёк с остатками пищи.

В поисках тропы я вышел на маленькую полянку, где росла высокая берёза. Может, с неё за примечу городскую телевышку? Однако и эта затея не дала результатов. Кругом, насколько хватал глаз, расстилалось зелёное таёжное море. Между тем, тучка превратилась в со-

лидную тучу, которая чёрным крылом придавила полнеба. Я зашагал дальше. По верхушкам деревьев пробежал ветерок. Они заперешёптывались, и чем оживлённее, тем больше росло моё беспокойство. Тут я снова забрёл в непроходимую чащу. Обходя валежник, я по колёно провалился в какую-то колдобину. Из корзины посыпались грибы. В ступне что-то хрустнуло. И в этот момент я услышал истошный женский крик:

— Ой, мамочка, медведь!

* * *

— Доченька, вставай. Я испекла шаньги. Твои любимые, с творогом, — мама тронула меня за плечо. Прежде чем открыть глаза, я с шумом вдыхаю румяный запах, проникающий с кухни. Славно-то как! Только здесь, в родительском доме, я снова ощущаю себя маленькой, беззаботной, весёлой. Почему-то чем сложнее становится жизнь с её взрослыми проблемами, суетой, тем чаще хочется убежать в детство. Хоть ненадолго. Вот и в этот раз, едва выдалась возможность (муж — на рыбалке с ночевой, дети — в пионерском лагере), я укатила в мою родную Ольховку, к маме. Вчера, когда уезжала, дождило, а сегодня благодать — умытое солнце с улыбкой заглядывает в окна. Но как коротко свидание с детством. Уже пора домой: надо соленья-варенья на зиму заготавливать, да и стирку затеяла. Такова наша долюшка бабья. Ой, да будет о ней. Вон какие вкусные шаньги у мамы! Слава Богу, она ещё ничего, держится, старости не поддаётся. Только взгрустнула что-то опять:

— Может, ещё на одну ночку останешься? Завтра ведь воскресенье.

— Мамочка, да я бы с удовольствием, если бы за меня дома кто-нибудь всю работу спроворил. Слушай, мам, а по тропке-то, прямушкой, через лес ходят до города?

— Как не ходят? Ходят. А ты не забыла её?

— Ну что ты! Через поле пройдёшь — лог будет. Потом по тропочке лесом. Из него выйдешь — и вышку видать. Чем в автобусе трястись, так уж лучше по лесу. Заодно и грибов собираю.

— Дело твоё. Только смотри, далеко-то не сворачивай от тропки. Сейчас корзинку принесу.

Спустя час я шагала в сторону совхозного поля. На мостках через речушку оглянулась: мама в белом платке всё ещё стояла на крыльце и махала рукой. Эх, мамочка, знаю — тоскливо тебе одной (отец умер от ран через десять лет после войны). Пробовала я уговорить маму жить с нами в городской квартире — места всем хватит. Ни за что не

хочет. «У меня, говорит, и огородик здесь, и курочки. Как я без них? С соседями в ладу живу. Руки-ноги ещё проворят. Да и куда я из своего дома? В нём каждый гвоздь об отце напоминает...»

В размышлениях о маме я незаметно подошла к лесу. В молодом осиннике сразу же наткнулась на дружную семейку красноголовиков. Сбирать их — одно удовольствие! Такие красавцы стоят — срезать жалко. Кстати, я это удовольствие продляю и дома, когда перебираю грибы. Беру из корзины красноголовик и вспоминаю, в каком месте я его нашла — в зарослях или на полянке, как он рос — в одиночестве или в кругу сородичей. Восстановлю картинку — и словно опять по лесу пройдуся, подышу свежим воздухом.

За сбором грибов я забыла обо всём. Давно такого урожайного лета на них не было. О тропинке вспомнила часа через полтора, когда уже почти некуда стало класть грибы. Выбираясь из ельника, где наполнила корзинку отменными боровичками, надеялась, что тропка где-то рядом. Её не оказалось. Ещё с час я кружила по лесу — тропка как сквозь землю провалилась. Тогда я припомнила, что на выходе из деревни солнце оставалось от меня слева. Но, увлечшись грибами, я не заметила, как его накрыла огромная туча. Мне стало не по себе. Куда идти? А тут ещё ветер поднялся, от которого жутко загудели вершины помрачневших елей. В отчаянье я бросилась бежать куда глаза глядят. И забрела в такие дебри, где, казалось, нога человека не ступала. По моему лицу потекли слёзы. «Заблудилась, заблудилась», — стучало в голове. Вспомнились мамины рассказы о лешем, уведившем заплутавших путников в самую глухомань. В таких случаях, говорила мама, надо вывернуть наизнанку верхнюю одежду, что я и сделала с болоньевой курткой. Ничего не помогало.

Никогда не верила Богу, а тут своими словами стала просить его о помощи. И вдруг совсем рядом — в двух шагах — затрещали сучья. Не помня себя, я в ужасе закричала. От страха у меня отнялись ноги...

* * *

— Да не медведь я! Кто там? Помогите лучше выбраться, — обрадовался я человеческому голосу, забыв о боли в ноге.

Ко мне осторожно подходила женщина.

— Здравствуйте. Что с Вами?

— Здравствуйте. Да вот отдохнуть прилёг, а тут Вы меня и разбудили.

— Вы ещё шутите? Что с ногой?

Она подала мне руку. С её помощью я выцарапался из ямы и усел-

ся на корягу. Попробовал встать. Правую ногу пронзило острой болью. Я снова сел.

— Снимайте, — женщина, не дожидаясь, ухватилась за мой сапог.

— Да погодите. Как-то неудобно. Я сам, — пытаюсь стянуть сапог.

Но и тут без её помощи ничего не вышло. Когда она снимала сапог, меня прошиб холодный пот. Я едва удержался от стога. А моя спасительница, как будто в здравпункте, уже ощупывает ступню. Из-под синей косынки женщины выбилась волнистая прядь. Мне почему-то очень захотелось погладить её густые вьющиеся волосы... Но я сдержался.

— Перелома нет. Похоже, пятку вывихнул. Расслабьтесь. Сейчас будет немного больно.

Она резко дёрнула пятку вниз и вправо. Из моих глаз брызнули искры.

— Ну-ка, попробуйте шагнуть.

В ступне ещё ныло, но я уже мог стоять и даже прошёлся без её поддержки.

— Спасибо, доктор Айболит. Давайте знакомиться. Иван...Васильевич.

— А я Алёна Васильевна.

— Забавно. По отчеству мы с Вами брат с сестрой.

— И по именам тоже. Помните детскую сказку про братца Иванушку и сестрицу Алёнушку?

Алёна Васильевна улыбнулась и лёгким движением заправила волосы под косынку. На этот раз меня очаровала её улыбка — простая, не наигранная, располагающая. А в глазах от улыбки зажглись искорки и запутались в бархатных ресницах. На левой щеке появилась ямочка. И вообще она была очень мила, привлекательна. Выразительные припухлые губы, не избалованные косметикой, слегка вздернутый носик, тёмные в разлёт брови. А под ними два голубых озера, окунуться бы в которые с головой... Фу ты, о чем это я? Ведь женатый, дети взрослые почти. Но наверняка не у меня одного возникло такое желание. На вид ей было лет тридцать пять, не больше. Единственное, что смутило меня в её облике — надетая шиворот-навыорот куртка.

Алёна Васильевна перехватила мой взгляд:

— Ой, сейчас переодену. Я ведь специально так вывернула. Говорят, помогает, если заблудишься. А я уже часа два кружу по лесу, выйти не могу.

— Тогда, выходит, и мне штормовку пора надевать по Вашей моде?

— Как? И вы заблудились? — её глаза округлились неподдельным испугом. — А я так обрадовалась, повстречав вас.

— Что-то я не заметил этого. Кто же мамочку тогда кричал? — я приподнялся и из-под сложенной козырьком ладони посмотрел по сторонам.

Мы глянули друг на друга и рассмеялись. Её смех весенним цветком-колокольчиком покатился по лесу. В это время над головой глухо громыгнуло.

— Вот что, Алёна Васильевна, давайте сначала подкрепимся, чем Бог послал. А дальше видно будет. Вдвоём-то уж не пропадём.

Мы выложили в одну кучу свои припасы. Свежие огурчики, помидоры, варёные яйца, домашние шанежки пришлись очень даже кстати. За обедом я узнал, что Алёна Васильевна действительно работает врачом в детской поликлинике. Муж — строитель. Недавно получили новую трёхкомнатную квартиру. Дочери двенадцать лет, сыну десять. Рассказал вкратце и я о себе. А затем как-то незаметно разговор зашёл о политике, ценах, о том, как выжить в лихое беспутное время. Но говорить обстоятельно на эту тему не успели: по небу прокатился второй раскат грома, уже более настойчивый. И мы засобирались в дорогу. Успеть бы засветло выбраться из этой глуши.

* * *

Иван Васильевич уложил рюкзак, выломал суковатую палку и, опираясь на неё, сделал несколько шагов.

— Больно? Можете другой рукой на меня опереться.

— Спасибо. Вроде лучше уже, — бодро ответил мой спутник. — Давай, сестрица Алёнушка, показывай путь братцу Иванушке. Ничего, что я на «ты»?

Я согласно кивнула головой.

— Только сейчас с посохом Вы больше похожи на Ивана Сусанина.

— Намёк на то, что и я буду казнён, если не выйдем из этой глухомани? Тогда какая меня ждёт награда, если найду дорогу? — Иван Васильевич хитро улыбнулся.

И мы пошли, выискивая меж деревьев хоть мало-мальский просвет, в надежде выйти на какую-нибудь полянку или, что было бы лучше, на поле. Иван Васильевич, прихрамывая, шёл впереди. Несмотря на боль в ноге, он мужественно держался и продолжал шутить. Только в одном месте при переходе через ложок Иван опёрся на моё плечо. Ни полянки, ни тропки, ни заброшенной лесной дороги на нашем пути так и не встретилось. А день клонился к вечеру. Су-

мерки ускорила распластавшаяся по всему небу, словно гигантская чёрная птица, туча. Мы ещё надеялись, что ветер разгонит её. Но когда он внезапным вихрем пронёсся по верхушкам деревьев, отчего они жалобно застонали, поняли, что грозы нам не избежать. И едва успели укрыться под разлапистой елью, ливень хлынул как из бочки.

Кругом сверкало, громыхало, стонало, качалось. Будто тысячи чертей устроили дикую пляску, а мы с Иваном в центре этого бешеного хоровода. Совсем рядом полыхнула ослепительная молния, и стоящая метрах в десяти от нас высоченная ель с треском переломилась пополам. Я в ужасе прижалась к Ивану. А он расстегнул штормовку и, как мышонка, укрыл меня полой. И вдруг меж раскатами грома я услышала, как он... поёт:

— У природы нет плохой погоды, каждая погода — благодать... Ух, красотища-то какая, Алёна Васильевна!

Но мне почему-то было не до красоты. Я чувствовала, как вода холодной струйкой течёт мне за ворот куртки.

Всё кончилось также внезапно, как и началось. Но мы уже были оба до нитки мокрые — хоть выжимай. Меня зазнобило.

— Не знаю, какой рецепт прописывают в таких случаях доктора, но без огня нам сейчас никак не обойтись. Из лесу выбираться на ночь глядя бесполезно. Да и обсушиться надо, к чему мы сейчас и приступим.

Мой неунывающий напарник извлёк из рюкзака обёрнутую в полиэтиленовый кулёк коробку спичек:

— Не курю, но спички в лес всегда беру с собой. Вроде сухие. А теперь оба за дровами шагом марш! Двигайся, сестрица, двигайся. Только в движении наше спасение, — в рифму заговорил Иван.

От этого широкоплечего мужчины, метеоролога по профессии, внешне чем-то похожего на известного и любимого мной французского актёра Жана Маре, веяло уверенностью, жизнелюбием, оптимизмом. Его энтузиазм передался и мне.

С кучей хвороста мы вернулись на прежнее место. Иван стал колдовать над костром. Сырые сучья разгорелись не сразу. Когда же наконец появились уверенные язычки пламени, Иван вбил с обеих сторон костра рогульки, а на них положил перекладину — ствол молодой берёзки. Однако к тому времени я уже окончательно продрогла. К тому же к ночи стало прохладнее. Мокрая одежда неприятно прилипла к телу. Зубы выстукивали барабанную дробь, которую не удавалось скрыть от Ивана.

— Эге, так дело не пойдёт! Кто же тогда нас лечить будет, если

сами доктора вздумают хворать? Давай-ка, Алёна, скидывай с себя одежду и развешивай над костром. И сама ближе к огню становись. Согласись, что это единственный выход из положения. И не смущайся. Я пока за дровишками схожу ещё разок. Действуй! — И, не дав мне ни секунды на возражения, Иван шагнул в густеющие сумерки.

Оставшись одна, я с минуту колебалась. Как я, замужняя женщина, покажусь в полуобнажённом виде перед мужчиной, с которым познакомилась полтора часа назад? Но так складывались обстоятельства. Другого выхода я и сама не видела.

* * *

Когда я пришёл с охапкой хвороста к костру, он больше дымил, чем давал тепло. На перекладине сушилась аккуратно развешанная женская одежда. Её можно было разместить и посвободнее, заняв всю перекладину, но вторая половина пустовала. Для моей одежды предназначено местечко. Алёнушка позаботилась. Но где же она? Только сейчас, сквозь седой дым по ту сторону костра я увидел изящную женскую фигуру.

— Ну как, сестрица Алёнушка? Уже не страшен ни вал девятый, ни холод вечной мерзлоты?

— Не ст-т-трашен. Уже т-т-теплее.

— Да ты и впрямь на стадии замерзания. Погоди, сейчас я тебя разотру, массаж сделаю, только своё мокрѣё развешу да костѣр расшевелю.

Подживил огонь, разостлал поближе к нему начинающие подсыхать мягкие пушистые ветки пихты, развесил над костром свою одежду и в одних плавках подошёл к Алёне. Глянул на неё — и потерял дар речи. При свете костра моему взору явилось совершенство природы. Представьте себе спелое пшеничное поле, волнами уходящее вдаль, на обочине которого синими брызгами вас приветствуют доверчивые васильки. Такую картину нарисовали мне её голубые глаза и длинные золотистые волосы, ниспадающие на высокую грудь. Гибкая узкая талия, красивые стройные ноги, округлые бѣдра — меня сводили с ума её очаровательные формы. Сквозь светлые трусики угадывался тѣмный треугольный мысок...

Увидев меня, Алѣнка стыдливо прижала руки к груди и повернулась спиной. Бедняжка, она вся дрожала от холода. На меня накатила волна нежности. Я подошёл сзади и обнял Алёнушку левой рукой за плечи.

— Не надо, Ваня, — слабо прошептала она, но руки моей не отняла.

— Алёнушка, не пугайся. Я не сделаю тебе ничего дурного. Только

согрею своим дыханием, ведь ты дрожишь вся, трепещешь, как осинка на ветру.

А вокруг стояла звенящая тишина. Лишь потрескивали сучья в разгорающемся костре, в отблесках которого причудливо лохматились еловые и пихтовые лапы.

Продолжая обнимать, я дышал на её шею, плечи, спину, а другой рукой растирал те места, которые только что обогрел дыханием. Так оттаивают глазки на стёклах промерзших автобусов.

Признаюсь, в этот момент я не желал ничего большего: мне достаточно было наслаждения от прикосновения к её прелестному телу. Но тут мой взгляд задержался на маленькой нежной мочке её уха. Мне нестерпимо захотелось поцеловать её. И я не удержался — прикоснулся к мочке губами... В этот миг я почувствовал, что Алёнушка как-то по-особенному, не от холода, вздрогнула и наши тела обожгло, словно электрической искрой. Моя рука непроизвольно соскользнула с плеча и задержалась на её по-девичьи упругой груди...

По правде говоря, я сам не ожидал от себя такой смелости. Откуда она взялась? А, наверное, оттого, что я был опьянён. Опьянён её красотой, телом, доверчивостью ко мне, самой необычностью ситуации. А «хмельному от радости пересуду нет».

... Алёнка не убрала мою ладонь со своей груди. Лишь дыхание её сделалось более прерывистым. Я нежно развернул её лицом к себе и прильнул всем телом, стараясь передать Алёнушке захлестнувший мою душу жар.

— Алёнушка, милая моя сетричка, согрелась ли ты хоть маленько? — шептал я, целуя её пшеничные волосы, летящие брови, глаза.

Она хотела что-то ответить, но выслушать её у меня не хватило терпения: теряя рассудок, я жадно припал к её манящим губам. Мы слились в долгом сладостном поцелуе, во время которого я почувствовал как её руки сначала робко, а потом с любовью обвили мою шею.

Для меня это было зелёным сигналом светофора. Руки мои с ещё большей нежностью стали ласкать её спину, плечи, грудь, талию, бедра, изучая каждый изгиб её влекущего тела...

— Ванюша, что же ты делаешь со мной, заблудшей? — выдохнула Алёнка, а сама уже поглощённая волнами возбуждения, страстно отвечала на мои поцелуи и ласки.

— Ванюшенька, как хорошо мне с тобой, — жарко прошептала Алёнушка, обняв своим бедром моё.

Страстное движение её бедра выказывало недвусмысленный намёк...

Возможно, иной мужчина в подобной ситуации немедленно бросился бы исполнять желание женщины. Но в том-то и искусство настоящего партнёра, что в этот миг важно ненадолго остудить женщину, чтобы потом с ещё большей силой возобновить любовную игру, продляя наслаждение.

Я знал об этом и из теории, и из практики. К тому же нам так и так нужно было отвлечься, чтобы обустроить свой ночлег.

— Алёнушка, ласточка моя, золотиашка, мне ни на секунду не хочется выпускать тебя из объятий, но нам надо как-то поуютнее сделать наше лесное гнёздышко...

Мы в обнимку обогнули костёр, по пути сорвали с перекладки сухую одежду и быстро разостлали её на заранее приготовленные мной пихтовые лапки. Как самую драгоценную ношу, я взял Алёнушку на руки и бережно положил на пропахшую дымом штормовку.

...При свете луны матово поблёскивали соблазнительные Алёнкины груди. И...

*Я не знаю сам, что делаю...
Красота твоя, спроси её.
Ослепили груди белые,
До безумия красивые!
Ослепили белой жаждою.
Друг от друга с необходимю
Отвернулись, будто каждая
Красоте другой завидует.
Я не знаю сам, что делаю...
И, быть может, не по праву я
То целую эту, левую,
То целую эту, правую...**

Кажется, между поцелуями я читал моей славной Алёнушке эти полюбившиеся мне земные строчки, встреченные однажды в одном из толстых журналов. А, может быть, и не читал. Не помню. До того ли, когда голова кругом шла от Алёнкиного волшебства!..

* * *

От прохлады ли приближающейся ночи, от стыда ли предстать перед Иваном полунагой меня бросало то в холод, то в жар. И когда

* Стихотворение Василия Фёдорова.

он внезапно появился из полутьмы, я инстинктивно отвернулась, продолжая дрожать и пылать. Его ободряющий голос успокоил меня ненадолго. Едва рука Ивана легла на мое плечо, лёд и пламя снова обожгли меня. Однако разум мой в тот миг ещё главенствовал над чувствами. Владела я собой и тогда, когда Иван обогривал моё тело своим дыханием и горячими ладонями. Помню, я ещё подумала: «Как странно! Эти руки минуту назад с такой силой выворачивали пни, ломали сучья для костра, и какой теплотой и нежностью веет от них сейчас. Удивительно!»

А вот когда он поцеловал мочку уха и прикоснулся ладонью к моей груди, я задохнулась. Мне показалось, сердце моё заклокотало вулкаником. И его неистовую лаву удержать я уже была не в силах... Правда, на какое-то мгновение рассудок вернулся ко мне. Это было, когда мы с Ванюшей расстилали на хвойную зелёную перину нашу одежду. В ту минуту я услышала внутри себя два голоса.

Один — назидательный, строгий — говорил: «Алёна, одумайся. Не бери грех на душу. Ещё не поздно. Посуди: ты замужняя женщина. У тебя работающий муж, Егор не плохо зарабатывает, не пьёт, на других женщин не заглядывает, по домашнему хозяйству из рук у него ничего не валится. О детях по-отцовски заботится, в строгости их держит. Что тебе ещё надо? Не дай Бог, узнают о твоём падении, измене — сраму не оберёшься. Отвернутся от тебя все. Адом жизнь покажется. К кому ты приклонишься тогда? К этому Дон Жуану что ли? Так у него своя семья. И он её на тебя не променяет. Ты для него очередное увлечение. Подумай, Алёна. Ой, крепко задумайся».

Другой голос — тихий, вкрадчивый — нашептывал: «Алёнушка, тебе хорошо с Иваном? Хорошо. Ну и не мучайся. Наслаждайся. Потом хоть вспомнить будет что. Жизнь-то один раз даётся. Признайся, что за тринадцать лет замужества ты со своим Егором не испытывала ничего подобного. Ему лишь бы удовлетворить свою плоть. А получила ли ты от него, как женщина, наслаждение, он не задумывается. Совсем другое дело Иван. Затмила ты его своей красотой. Он же по уши влюбился в тебя. Да и ты ведь не равнодушна к нему, сознайся. А раз по любви, так что тут зазорного? Тебе эта ночка, Алёнка, запомнится на всю жизнь. Другой такой возможности не представится. Ведь ты же сама не будешь искать встреч с мужчинами, не в твоём это характере. И пусть тебя не терзает совесть — самая несчастная на свете та женщина, что ни разу не возносилась до поднебесья от всепоглощающей страсти любви. Так выпей же этот бокал крепчайшего любовного напитка!»

Я не знала, к какому голосу прислушаться. Да и не успела. Иван, как пушинку, подхватил меня и уложил на пахнущую дымом и хвоей постель.

Какие нежные слова шептал мне Ванюшенька, как жарко и страстно целовал он меня, с восхищением говоря о моих великолепных волосах, васильковых глазах, гладкой бархатной коже! Что было больше в его словах — музыки или поэзии — трудно сказать. Скорее всего, поровну того и другого. Но я таяла от его пылких речей и поцелуев, рождающих во всём моём теле неизъяснимую сладостную дрожь, уносила в какую-то голубую невесомую даль. И почти не заметила, как он воздушным движением снял с меня трусики... Ванюшины ласки и объятия усилились вдвое. Он покрыл обжигающими поцелуями всё моё тело...

А потом... Сон то был или явь? Когда мы слились воедино, наступило такое блаженство — словами не передать. И оно было так велико, что многократно перекрывало все собранные вместе ощущения, испытанные ранее мной в самые светлые счастливые моменты моей жизни. Я легко парила высоко над землёй. И рядом были Ванюшины глаза, затуманенные пеленой охватившего наслаждения. Горячая лава от бурлившего вулканом сердца вырвалась, наконец, наружу жаркими восторженными полустонами-полувздохами... Ванюшенька в такие мгновения иногда закрывал мой рот потрясающе затяжными поцелуями, и я переливала в любимого весь восторг своей души...

И так продолжалось всю ночь до рассвета, если не считать коротких передышек, в которые мы говорили друг другу святые, глупые, нежные слова. Говорили и не могли наговориться, словно предчувствуя близкую разлуку... А потом снова погружались в блаженный омут страсти, и каждый раз в нашей любовной мелодии появлялись какие-то новые чарующие нотки... И не было на земле такой силы, которая могла бы нас разъединить в эти минуты!..

* * *

Испытывал ли я подобное наслаждение с женой? Увы, в наших интимных отношениях было больше прозы, нежели поэзии. Воспитанная в строгости, Ирина не допускала никаких любовных вольностей, как ни старался я убедить её в том, что для двоих не существует сексуальных ограничений и всё, что доставляет удовольствие обоим, не считается извращением. Разнообразие ласк и поцелуев обостряет чувства, заставляет душу звенеть струной. Только при полной раскре-

пощённости обоих супругов, стремлении не самому получить услугу, а довести до экстаза любимого человека, достигается наивысшее блаженство. И если они оба здоровы, если есть все условия для близости — к чёрту всякие тормоза и условности! Но где там, моя Ирина и в супружеской постели лишний раз не поцелует, не приласкает, считая, что активность в интиме — удел мужчины. А всё эта теория лёгкой доступности, будь она не ладна! Где-то вычитала моя женушка, что женщин не красит лёгкая доступность. Дескать, чтобы мужчина почувствовал сполна всю свою силу и неотразимость слабого пола, не бросайся ему сразу на шею, а помурьжь, посопровствуйся, распали его и уж потом снизойди до поцелуев, ласк и прочего. Вот, мол, тогда он будет уважать и ценить женщину. Якобы мужчина по своей природе покоритель, завоеватель и брать крепость без сопротивления ему не интересно.

Возможно, какое-то зерно и есть в этой теории. А вот в том, что она подходит для супругов, сомневаюсь. По мне, так лучше покорять друг друга пылкой любовью, страстью, весь огонь своей души отдавать любимому человеку, без остатков, ничего не оставляя про запас.

Моя же Ирина сексуальным проблемам не придавала серьёзного значения. Новизну в интиме, изощрённость любовных приёмов она категорически отвергала, считая, что это присуще лишь женщинам лёгкого поведения. Все мои попытки разнообразить минуты нашей близости разбивались о ложную скромность Ирины. Более того, о своём самом сокровенном желании она никогда в открытую не говорила. И вообще всячески уклонялась от разговоров на эту щекотливую тему. Так или иначе, всей полноты наслаждения с Ириной я не получал. Не потому ли, что не видел в её глазах переливающейся через край радости от слияния двух любящих сердец, что крайне важно для удовлетворения мужского самолюбия? А всё ли я делаю для этого? Или Ирина относится к особому типу слаботемпераментных женщин? Неужели все таковы? Или я, как мужчина, недостаточно изобретателен?

Согласитесь, что получить ответы на эти вопросы можно лишь, вступив в связь с другими женщинами, используя, так сказать, метод сравнения. К этому в общем-то подталкивала и сама жизнь. Както я отдыхал на одном из южных курортов, где посмотрелся такое: Ой-ё-ёй! Мне даже показалось, что курортники, сохраняющие в разлуке верность своим супругам, — белые вороны среди отдыхающих. И не предполагал, что к концу сезона сам отделюсь от их редкой

стаи... Всё произошло весьма банально. Подобралась весёлая компания. И однажды вечером мы решили отметить день рождения моего соседа по комнате. А он мнил себя большим знатоком по женской части.

— Если бы все женщины вели себя в постели, как любовницы, мужики вряд ли заводили бы подружек на стороне. Ведь одна манная каша приедается, хочется порой чего-то остренького. И вообще постоянство — признак ограниченности. Так что, Ваня, не теряйся, — наставлял меня сосед с первых дней заезда.

Ну и вот, собрались мы вшестером: как-то и вышло всё складно: три мужчины, три женщины. Выпили, разговорились, ещё выпили, и ещё. И разошлись парочками по двухместных номерам. Наутро просыпаюсь с больной головой и — батюшки мои! — у меня под боком спит обнажённая женщина. И процесс, как говорится, пошёл...

Нет, в своём городе я не позволял себе посторонних связей с женщинами. Но на курортах, в домах отдыха (а я почти ежегодно проводил отпуск по таким путёвкам) уже не отказывался от лакомого кусочка... И вот что характерно: я находил со своей сезонной партнёршей сексуальное удовлетворение. Отбросив всякую закомплексованность, свойственную многим супружеским парам, мы достигали наслаждения за счёт обоюдной активности, фантазии в любовном сближении. Нас не связывали никакие обязательства друг перед другом, обоих влекла жажда новизны, острых ощущений, а первоначальная застенчивость быстро проходила под влиянием шампанского, либо другого напитка покрепче.

Испытывал ли я угрызения совести перед женой? Поначалу, да. Но что мне оставалось делать, если я не мог сполна реализовать себя с Ириной как мужчина? Да, с другими женщинами я получал физическое удовлетворение, но ведь душой-то я оставался верен Ирине. Правда, я осознавал, что это слабое утешение.

А вот с Алёнкой всё было иначе, ни на что не похоже... С ней я впервые в жизни познал абсолютную гармонию души и тела. И это бесподобно! Она покорила меня не только чисто внешним женским обаянием. У Алёнушки оказалась добрая, как у ребёнка незамутнённая душа, которая, несмотря на окружающую нас гнусную реальность с её черствостью, хамством и обманом, не утратила нежности и отзывчивости, искренности и детского восторга. У нас с Алёнкой выявились и общие интересы. Она, как и я, любила лес, природу, увлекалась садоводством. Даже любимые телевизионные передачи у нас с ней были одни и те же: «Поле чудес», спортивные танцы на льду

и передачи с участием французского исследователя морских глубин Жака Ив Кусто. Мы подходили друг другу и по гороскопу. Алёнка родилась под знаком Водолея, а я — под знаком Тельца. Такой брак считается счастливым. Словом, для меня Алёнушка была той второй половинкой, которую каждый стремится отыскать в своей жизни. И вот я нашёл свою вторую половинку! Так неужели для того, чтобы с кровью оторвать её от своего сердца?..

* * *

Иван был так нежен и искусен в любовной игре, что я не могла не ответить ему взаимностью. Мои руки и губы в долгу не остались. Мне доставляло радость приводить его в возбуждение... Я поражалась сама себе: откуда во мне, такой сдержанной с мужем, взялось столько нежности и любви с Иваном? А может всё просто? Ведь костёр воспламеняется от горящей спички. И достаточно было Ивану поднести ко мне огонь своей страсти, я вспыхнула, как сухие смолистые дрова в печи... А Егору не удавалось разжечь во мне женщину. Он быстро возбуждался и без подготовки переходил к главному... А удовлетворившись, так же быстро терял ко мне интерес и, отвернувшись к стене, засыпал. А мне бы ещё хотелось его ласки и внимания. По первости, я считала, что со временем у нас всё наладится, была убеждена, что главное предназначение женщины — продолжение рода, поддержание тепла в семейном очаге. Но только сегодня, благодаря Ивану, поняла, что женщина создана не только для деторождения. Дети у нас, слава Богу, здоровые и смышлёные, не хуже, чем у других. Ванюшенька открыл во мне женщину, способную любить. С ним я впервые по-настоящему познала, что значит быть любимой.

Увы, с Егором такого наслаждения, полёта к звёздам я никогда не испытывала. Его ли в этом вина? Нет, я пробовала просветить своего мужа, подсовывала ему всякие брошюры об этике семейных отношений, об искусстве любви и технике секса. К сожалению, мои самые добрые намерения Егор истолковал совсем по-другому. «Что, насмотрелась порнухи, начиталась всякой сексуальной пошлятины — к распутной жизни потянуло? И меня за собой?» — грубо заявил он однажды после моего очередного «урока», словно холодной воды плеснул за ворот. Эх, дремучий ты мой Егор... С той поры я замкнулась, разговоров на эту тему старалась не заводить. И интимная близость у нас с ним осталась на прежнем допотопном уровне — примитивно, без особой изюминки. Супружеские обязанности превратились для меня в муку.

Внутренне я сопротивлялась. Но на открытый бунт, на разрыв с мужем не решалась. Кому я нужна с двумя детьми? Тем более сейчас, в такое жуткое время. Нет, видно, придётся смириться и продолжать играть роль любящей жены, скрывая и от Егора, и от детей свой внутренний протест. А детям тем более не объяснишь, малы ещё. И вот о чём я ещё подумала. Кругом такой разлад, всё рушится, так пусть хоть семьи это не коснётся. Не поймут меня сын с дочерью, если дело дойдёт до развода. Ведь мы с Егором на их глазах ни разу не ссорились, не допускали даже повышенного тона в разговорах. Правда, чтобы добиться этого, я обычно шла на уступку. В общем, с виду крепкая дружная семья. Но, господи, знал бы кто, как мне даётся эта видимость.

...Отчего хорошеет цветок, раскрывая свои лепестки на утренней заре? Оттого, что в него проник солнечный лучик, от ласки и тепла которого ожил, трепетно задышал цветок. Этим лучиком стал для меня Ванюшенька. И я благодарна судьбе за то, что хоть на одну ночь она соединила нас.

* * *

— Алёнушка, дорогая, я влюбился в тебя, как мальчишка. Как же мы раньше не встретились?

— Милый, спасибо тебе за эту ноченьку. Я нисколько не жалею, что... заблудилась, что был проливной дождь...

— Тебе не холодно, любимая?

— Рядом с тобой ни капельки. А как твоя нога?

— Я уж про неё забыл. Алёнушка, я тебе очень благодарен за то, что с твоей помощью я поверил в свои возможности и силы... Мне ведь уже за сорок.

— Ой, Ванюшенька, да силы у тебя хоть отбавляй. Ты такой большой и ласковый...

— Алёнка, любовь моя, а ты такая сладенькая. Так бы всю и скушал. А-а-а, так вот почему шоколад назвали твоим именем — «Алёнка»!

— А ты — мишка косолапый. Ой, как я испугалась, приняв тебя за медведя.

— А теперь не боишься?

— Вот нисколочко!

У их ног догорал костёр. Укрытые одной курткой, они лежали лицом друг к другу, крепко обнявшись, и ворковали, как два голубка.

Алёна не допытывала Ивана, сколько у него до неё было женщин,

хотя в подобных ситуациях женщины, как правило, задают такой вопрос. Не спрашивал и Иван, как к ней относится муж, удовлетворяет ли он её как женщину. Что им до других?! Были только Он и Она.

Иван и Алёна внезапно замолчали, прислушиваясь и оглядываясь вокруг. Верхушки елей только что позолотили первые лучи солнца. Где-то неподалёку раздавалось теньканье лесной птахи. К ней присоединилась другая, третья. Природа просыпалась, сладко потягиваясь. И наши возлюбленные, до этого занятые только друг другом, зачарованно наблюдали её пробуждение. Но очарование длилось недолго: Иван вдруг заметил в Алёнкиных глазах грустинку, готовую обернуться слезой...

— Что с тобой, милая?

— Ванюшенька, родной мой, как мне не хочется расставаться с тобой. А ночка наша, такая короткая, уже прошла...

Ивана за живое задели её слова. В приступе благодарности, готовый снова с головой броситься в животворящий омут любви, он привлек Алёнку к себе и, целуя повлажневшие глаза, с жаром зашептал:

— А хочешь, чтобы все ночи стали нашими? Я оставлю свою семью, создадим новую. Согласна? Алёнушка, дорогая, одно твоё слово — и...

— Иванушка, глупенький ты мой, о чем ты говоришь? Мы ещё из леса не выбрались с тобой, а ты о таких вещах, — охладила его пыл Алёнка. — Кстати, тебя дома не потеряли?

— Нет, я сказал, что до понедельника в саду буду. А тебя не спохватятся?

— Мой только сегодня вечером с рыбалки должен вернуться. А ребята в лагере.

Хоть Алёна и перевела разговор на другую тему, от предложения Ивана сердце её гулко забило в груди. Она с трудом уняла его биение и по-домашнему сказала:

— Давай-ка, Ванюшенька, собираться в путь-дорогу.

...Оказывается, они заночевали почти на самой кромке широкого луга, от которого лесной дорогой можно выйти на трассу, ведущую в город. Иван знал этот луг, но никак не предполагал, что, блуждая по лесу, они подойдут к городу совсем с другой стороны.

По небу проплывали редкие облака. Шурилось в улыбке мудрое солнце. В голубой вышине ликовал жаворонок, нанизывая на солнечные лучи свои хрустальные трели. Шелестел листвою лёгкий ветерок.

Медленным шагом, рука в руке, шли они по скошенному лугу. Проходя мимо растрёпанного с одного бока зарода, Иван порывисто обнял Алёнку. Не успела она глазом моргнуть, как оказалась у него на руках. Иван осторожно положил её на душистое сено...

И снова были наполненные признательностью и любовью взгляды, нежные слова, жаркие поцелуи и ласки. Но когда Иван стал растёгивать верхние пуговицы её кофточки, Алёна мягко отстранила его руку:

— Не надо, милый. На то ночка была... А сейчас вон как светло. И я стесняюсь даже этих деревьев, солнышка. Они ведь живые, смотрят на нас...

— Прости, любимая. Страсть помутила рассудок. Ничего не могу с собой поделаться: ты как магнитом притягиваешь. Алёнка, но ты так и не ответила на моё предложение. А я ведь серьёзно. Сама судьба свела нас вместе. Так неужели для того, чтобы расстаться?

— А горе — не море, пройдёт, отболит. Нет, Ванчик, родной мой. Слишком поздно мы встретились. Не стоит ради одной нашей любви разрушать две семьи. Хотя я уверена, что с тобой мы были бы счастливы. Но своё счастье на несчастье других не строится. А за ночку, что ты мне подарил, мой любимый, я тебя буду благодарить до конца дней своих. И ещё. Об одном прошу: не ищи больше встреч со мной. Ради спокойствия наших семей. Поклянись.

Ценой невероятных усилий, в борьбе с самой собой дались Алёне эти слова. Ведь сердце-то её говорило обратное: «Человек рождается для счастья. Всю жизнь к нему стремится. Вот оно, твоё счастье, в твоих руках. Держи его крепче, не выпускай».

— Алёнушка, ты не оставляешь никакой надежды? Но как же мне жить без тебя?

— Прости, Ванюшенька, родненький мой. Но, ради Бога, не терзай мне душу такими вопросами. Она и так вся в слезах...

...К полудню они подошли к развилке дорог. Одна вводила в город — вон он как на ладони лежит, другая сворачивала к коллективным садам.

С минуту Иван и Алёна молча глядели в глаза друг другу. Затем Алёнка, привстав на цыпочки, крепко обвила ему шею и в изнеможении припала к губам. На её глазах прозрачными росинками выступили слёзы. Прощальный поцелуй отдавал солоноватым привкусом...

Сколько они так стояли обнявшись? Вечность? Миг? А мимо проносились машины, автобусы, мотоциклы...

Пройдя шагов десять каждый в своём направлении, они вдруг одновременно остановились и обернулись. Иван, ободрённый, сломя голову напрямик бросился к Алёне, стиснул её в объятиях.

— Алёнушка, зоренька ты моя ненаглядная, что же мы делаем? Мы ведь любим друг друга. Неужели больше не увидимся? Ну давай хоть в следующие выходные «забудимся»? Я, как синоптик, и грозу тебе такую же сделаю, а после неё заставлю солнышко выглянуть. И сам я тебя, моя золотиашка, обогрею...

— Ой, Ванечка, рыцарь ты мой шальной! Вот этого и не надо делать, наша ночь была неповторимой, я уношу её с собой, и ни к чему новые встречи. Боюсь, что они померкнут перед первой, где всё было так естественно, красиво и романтично. Как маяк заблудшему кораблю, будет для меня наша с тобой ноченька. Отныне мне есть чем жить — твоей любовью, мой милый, воспоминаниями об этой ночке. А теперь прощай, родной мой... Умоляю тебя, не оглядывайся больше.

— Прощай, Алёнушка. Прости, если что не так. Прощай... Или до свидания? Да?

Иван с надеждой заглянул в её глаза. В них голубым пламенем метнулось: «Да, да, да!» А губы через силу прошептали: «Прощай...»

Сама же Алёна не сдержалась, оглянулась. Иван, совсем недавно шедший рядом с ней ровным шагом, ступал, прихрамывая на правую ногу, словно лишился какой-то важной опоры...

* * *

Стояла чарующая пора бабьего лета. Свидания с ним Иван не пропускал: в любую погоду он на весь день отправлялся в лес и шагал по тем местам, где пять лет назад встретился и блуждал с Алёнкой. Забыть её Иван не мог. Даже на курортах (а с той поры он дважды побывал на них) Алёнка не выходила у него из головы. Потому и отвергал случайные романы с женщинами, хотя возможностей для этого было достаточно. Но Алёнка будто заколдовала его: потерял он интерес к другим женщинам, кроме неё. Сама душа его противилась изменить Алёнке, после той незабываемой ночки...

Иван потушил костёр (он разводил его на том же месте, где их в тот вечер застала гроза) и стал выбираться из леса. Вот и старый дружище-луг. На нём, как и прежде, стоял зарод. Под ним сидела женщина и укладывала в корзинку гроздья рябины, которые подтаскивали ей мальчик с девочкой. Они подбирали под растущими на опушке рябинами алые кисти, сорванные до этого матерью,

и наперегонки, со смехом подносили ей ягоды. Иван залюбовался весёлой малышкой: «Ишь ты, какие шустрые работнички!» И только потом внимательней присмотрелся к женщине. Её куртка и синяя косынка показались ему до боли знакомыми. Сердце рванулось из груди: неужели Она?

Подошёл почти вплотную.

Женщина, услышав шаги, вздрогнула и оторвалась от корзины. В глазах-озёрах колыхнулась родниковая вода.

— Алёнушка? Ты?!

— Ванюша... Здравствуй, милый.

Иван оторопело глядел на неё, не веря своим глазам. Первое, что ему захотелось сделать — стиснуть Алёнку в объятиях, чтобы убедиться, что это не сон, и больше никогда не выпускать её. Но в это время подбежали раскрасневшиеся малыши:

— Здрасьте! Мам, а я больше принёс!

Бросили к ногам матери свои ноши и снова потопали к лесу. Иван присел рядом с Алёной.

— Неужели твои? Сколько им?

— Четыре годика моим близняшечкам, пятый идёт.

— Как? Выходит, четверо у тебя теперь детишек? И старшие ещё при вас? Ну вы с мужем и рискованные — в такое время заводить детей... А впрочем, молодцы. Я люблю детей.

— Не стало, Иван, моего Егора... Овдовела два года назад. На стройке с лесов упал Егор. В реанимации скончался...

— Прости, пожалуйста... Но как же ты теперь одна с четырьмя? Их же обути, одеть, накормить надо. И при таких бешеных ценах?

— Ты что? Русских баб не знаешь? Они ведь самые терпеливые, всё выдюжат. Работать, правда, приходится сейчас на две ставки. Но сад выручает. Да и мама помогает. Она к нам переехала жить. На ребят компенсацию от государства получаю.

— Алёнушка, милая, только не убеждай меня, что тебе хорошо живётся. Лучше скажи — любишь ли ты меня по-прежнему? Моё предположение остается в силе. Мне всё равно без тебя жизнь не в радость. А сейчас тем более не могу я тебя одну с детишками оставить. Так любишь или нет?

— Если бы не любила... — Алёна потеплевшими глазами смотрела на подбегающих ребятишек.

Невероятная догадка пронзила всё его существо. Иван изучающе разглядывал румяные мордашки близнецов. Голубые глаза и светлые волосы — от матери. А этот выразительно очерченный подбородок,

слегка выступающие скулы, высокий лоб? Иван машинально провёл рукой по своему лицу...

— Мама, а я гриб нашла!

В руке у девушки красовался добрый подосиновик. В другой она зажала пару огненных кистей.

— Мам, надо ещё рябины?

— Ну сбегайте. Только в лес-то далеко не заходите.

Едва они отбежали, Иван, стараясь сохранить спокойствие, спросил:

— Как сынишку с дочкой назвала?

— Иван да Марья.

Иван встал, бросился было за улепётывающими малышами, но вернулся и медленно сел рядом с Алёнкой. Трудно описать словами то, что происходило в его душе. Сомнения окончательно развеялись. Его это сын с дочерью! Он их отец родной. Да и как иначе? От такой любви не могла не зародиться новая жизнь! Как же он раньше не догадался об этом? А я за эти годы не удосужился разыскать Алёнку, расспросить о житье-бытье. Ну и что с того, что она просила не искать больше с ней встреч? Верно говорят — послушай женщину, а сделай по-своему. Иван с благодарностью взял её ладони в свои руки, поцеловал:

— Алёнушка, родная моя, что же ты не дала знать, что у нас с тобой... дочка с сыном появились?

— Из любви к тебе, Ванюшенька. Не хотела вносить разлад в твою семью. А мне достаточно и того, что гляну на наших кровиночек — и тебя, мой милый, вижу в них. Так что я с тобой не расставалась.

К Ивану вернулась решимость:

— Алёнушка, что хочешь со мной делай, но отныне я с тобой не разлучусь. Думаю, что мои правильно поймут меня. Дети уже взрослые. Дочь замужем, живёт отдельно. Сын из армии пришёл, работает в строительном кооперативе, неплохо получает. У жены приличный заработок. Так что в материальном плане серьёзных проблем с моим уходом у них не возникнет. Надеюсь, что и с Ириной мы договоримся по-хорошему. Я и квартиру, и гараж с садом — всё ей и детям оставлю. А мы с тобой, чего не достаёт, наживём. Да и не это главное. Люблю я тебя, Алёнка. Засохну без тебя. Выходи за меня, золотиашка!

От его предложения у Алёнки, как и тогда, радостно и тревожно заколотилось сердце. Она раздумывала. Жить вшестером на одну её зарплату да скудную пенсию матери, конечно, тяжело. Когда последний

раз покупала она себе обнову? Не помнит. Все деньги уходят на питание и ребячью одежду. Хоть и работает, крутится как белка в колесе, но едва концы с концами сводит. Долго ли она так протянет? Да, та встреча в лесу с Иваном была для неё самым ярким праздником. Но ведь за ним последовали серые будни. И когда они кончатся? Выдержит ли их Иван при совместной жизни? Не разочаруется? Осознает ли, на что решается?

Пробовала Алёна поставить себя и на место жены Ивана. Как Ирина, прожившая с ним четверть века, воспримет его сообщение о разводе? Перенесёт ли эту боль? Но ведь у Алёнки с Иваном общие дети, им нужен отец. И интуиция, и сердце подсказывали Алёне, что Иван быстро найдёт с ними язык. И ей самой он будет надёжной опорой. А сегодня, увидев Ванюшеньку, она каждой клеточкой своего естества ощутила, поняла, как истосковалась по его нежным словам и жарким ласкам... Вслух же сказала:

— Ванюша, взвесь всё хорошенько. Всё-таки четверо детей да мать-старушка. К чему тебе такую обузу на шею взваливать?

— О чём ты говоришь, Алёнушка? Да нам сразу не надо было расставаться. Но с сегодняшнего дня все пойдёт иначе. Не оставлю я тебя одну. И спасибо, родная, за Ванюшку и Машеньку. Эх, Алёнка! Да мы с тобой ещё так заживём!

Иван вдруг по-мальчишески проворно вскочил на ноги, озорно свистнул, съёрнул с головы кепку и с силой запустил её в небо. Она взметнулась к солнцу и спикировала... на макушку зарода.

Иван-младший, первым прибежавший с опушки, с удивлением и восторгом глядел на взрослого дядю.

— А как вы её достанете?

— А вот тебя подсажу на зарод, ты мне её и сбросишь. Заодно сверху на город посмотришь. Может, дом свой увидишь. А потом скажишься, как с катушки. Я тебя внизу поймаю. Не боишься?

— Не-е. Мам, можно?

...Через полтора месяца Иван и Алёна стали мужем и женой. Свою свадьбу они отметили скромно: вдвоём у костра, на том самом месте, где их однажды соединила летняя гроза.

В воздухе кружились первые снежинки. Они плавно опускались на землю и деревья. На небосклон узким серпиком взобралась новая луна. По народным приметам, наступала настоящая зима: снег, выпавший днём на новолуние, говорят, не растает уже. И лишь снежинки, опускающиеся на лица влюблённых, таяли, таяли, таяли...

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Эпистолярный роман

Письма любимым пишите:
В хмурые серые дни
Душу согреют они.
Письма любимых храните.

Однажды в минуты откровения Санька признался другу:

— Ты знаешь, Лёха, у нас с Наташей ведь совсем дело до развода доходило. По мелочи-то мы, бывало, схватывались, но однажды как-то крепко, по-крупному переругались, гадостей всевозможных наговорили друг другу. Даже на развод согласились. Я в тот день и дома не собирался ночевать. К тебе хотел уйти, временно — до размена квартиры. Взялся за своё барахло, перебираю — хоть из одежды прихватить кое-что с собой. И вдруг в углу шифоньера наткнулся на полиэтиленовый кулек с пачкой старых писем. Одно перечитал, другое, третье... Это оказалась наша переписка. Мы ведь с женой после окончания университета — так вышло — полгода в разлуке были. Я даже рождение дочери встретил вдаль от родного дома: отработка затянулась. Вот и писали через день-другой. Я все её весточки сохранил. Она тоже. И накопился целый роман в письмах. Сижу, значит, на короточках, читаю, воспоминания нахлынули... А тут Наталья подходит: «Чего расселся-то? Ты же к дружку собрался. Поспеш, дорогой, поспеш. Чего там у тебя?»

Я протянул ей одно из писем. А её тоже хлебом не корми — дай в старине покопаться. «Вот балда, ещё и стихами изъяснялся», — оторвала меня жена от чтива. А сама за другое письмо берётся. «Да и у тебя по молодости складно, душевно выходило», — говорю и втихоря на неё посматриваю: вроде как оттаяла, даже помолодела. Как ни странно, и у меня что-то отмякло в груди. Короче, перебирали мы эти письма, перебирали, глянули друг на друга — слово за слово и расхохотались. С ума посходили что ли? Что же мы делаем? Перечеркнуть всё, что было? Да и дочка у нас. Её-то, кровиночку нашу, как делить? В общем помирились. С той поры о разводе речи вообще не заходит, хоть и поругиваемся иногда. Слегка, по мелочам. И даже без ненормативной лексики. А у кого всё гладко бывает? Дурак же я тогда был. Ни за что не хотел уступать. А ведь она первой пошла на примирение. Нет, молодец у меня Наташка! Отходчивая. И из рук ничего не валится. И лицом, и фигурой пригожая.

— Да... А кто его знает, чем закончилась бы наша серьёзная размолвка, не попади мне под руку переписка? — откровенничал Санька. — Ты знаешь, Лёха, для нас эти письма в тот момент оказались, как спасательный круг для тонущего.

...Прошло несколько лет. Своими холостяцкими набегами Алексей изредка будоражил их семейное гнёздышко. Санька с Наташей в те дни по-студенчески оживлялись. Да и не могло быть иначе: все они когда-то учились в одном университете, жили в одном общежитии. А студенческие годы с их мечтами и вечными спорами, кутежами и розыгрышами разве забудутся? Особенно неистощим на выдумки был Санька. Он и влюбился-то после своей очередной хохмы.

Дело было так. Первого сентября в комнате, где жили Санька с Алексеем, началось обычное столпотворение. Собралась чуть ли не вся группа. Кто где провёл каникулы? Что видел? На столе появилось дешёвенькое винцо, нехитрая закуска. Разговоры, воспоминания, шутки, смех. А когда немного угомонились, Наташа попросила: «Лёша, сыграй на гитаре». — «Она в шкафу. Ты как раз ближе всех сидишь к нему. Подай, пожалуйста». Наташа направилась к встроенному в нише стены платяному шкафу. Открыла дверцу, а оттуда с диким рыком и поднятыми кверху лапами вылез «настоящий» медведь. Это Санька, напялив наизнанку выпрошенный у вахтёра овчинный тулупчик, вошёл в роль хозяина тайги. Его рыжевато-каштановая борода (он только что вернулся из студенческого строительного отряда), устрашающий оскал зубов, перекошенное в злобе лицо эффектно дополняли образ хищника. Наташа в ужасе закричала и вдруг повалилась на пол. «Медведь» едва успел подхватить насмерть перепуганную девушку. Да с той поры и не выпускал её из своих медвежьих объятий. А Наташа как-то скоро простила Саньке его проделку. После Нового года и студенческую свадьбу сыграли — первую в группе «французов» с романо-германского отделения филфака.

...В тот солнечный майский день, возвращаясь из командировки, Алексей решил попутно заскочить в город, где обосновался Санька с семьёй, благо впереди было два выходных. На вокзале купил бутылку «Хереса» для взрослых и шоколадку для кудрявой синеглазки Машеньки. Доверчиво-любопытная малышка с первой встречи привязалась к дяде Лёше и всегда радовалась гостю, который дурачился с ней, словно маленький. В такие вечера родители чуть ли не силой укладывали её спать.

Возле знакомого подъезда толпился народ, стояли автобус и машина с открытым задним бортом... Алексея охватило смутное беспо-

койство. А когда среди людей с траурными повязками узнал Санькиных соседей и коллег по школе, он почувствовал, как ноги сделались ватными, чужими. Первым его заметил Николай, которого Алексей не раз заставлял в квартире друзей.

— Вот ведь какое дело, Лёха. Не стало Шурика с Наташей... Автобус, на котором они ехали, на нерегулируемом переезде, как на грех, заглох. А тут товарняк... Ну и... Четверо на месте скончались, — ошарашил его Николай.

— А Машенька? — выдохнул Алексей.

— С ними была. Чудом уцелела. Из-под матери с отцом её достали... Видно, в самый последний момент они накрыли её, приняв весь удар на себя... Сейчас она в больнице. Переломов нет, но шок ещё не прошёл. Осиротела Машенька, — Николай полез в карман за сигаретами.

Дальнейшее происходило как в тяжёлом сне. В голове Алексея никак не укладывалось, что больше никогда не увидится с балагуром Санькой и его гостеприимной женой. На поминках не было ни родственников Александра (он детдомовский), ни родителей Наташи (она, единственная дочь, похоронила отца с матерью год назад — не выдержало у бывших фронтовиков изношенное войной сердце, один за другим и умерли в течение месяца). И получилось так, что из пришедших проводить Александра и Наталью в последний путь, Алексею, дружившему с ними со студенческой скамьи, Санька с Наташей были ближе и дороже всех. Ночью в несвойственной для Санькиной квартиры тишине он не сомкнул глаз. Его не покидала мысль о Маше. «Осиротела Машенька...» — вертелись в Лёхиной голове горькие слова.

На другой день Алексей с утра пришёл в больницу. Лечащий врач, мужчина пенсионного возраста с густой, отливающей серебром шевелюрой, предупредил:

— Девочка потрясена случившимся. О смерти родителей знает. Так что постарайтесь её как-то успокоить, отвлечь.

На Машиной тумбочке лежали нетронутые яблоки, конфеты. Позрелые глаза девчонки остановились на вошедшем в белом халате Алексее.

— Дядя Лёша... — приподнялась на кровати Машенька.

— Ну, да ты совсем уже здоровенькая. И доктор сказал, что скоро поправишься, надо только кушать, как следует. А выпишут — мы с тобой поедим к нам. Помнишь, в прошлом году ездила? Ещё на лодке катались, помнишь? И бабушку Катю с дедом Мишей не забыла?

Они ждут тебя очень. Поедешь? — Алексей старался держаться бодро, непринуждённо. Лишь руки, не знающие куда положить гостинцы, выдавали его волнение.

И только, когда Машенька тихо кивнула головой, мол, да, поеду, — Алексей почувствовал облегчение, словно гора с плеч свалилась.

Решение сына удочерить девочку Екатерина Фёдоровна и Михаил Александрович восприняли поначалу без особого восторга, особенно мать:

— Алёша, Саша с Наташей были тебе добрыми друзьями, и это правильно, что ты заботишься об их дочери. А о себе ты, Алёшенька, подумал? Тебе жениться давно пора. Ведь годы-то идут. Вон уже четвёртый десяток разменял. А кто пойдёт за тебя с дитём?

Михаил Александрович, обычно во всём согласный с супругой, вдруг остановил жену:

— Ты что, мать? Ребёнок-то тут при чём? Наоборот, крепче семья будет, если найдётся женщина, согласная стать Алексею женой, а Машеньке матерью. А такая женщина обязательно найдётся. И хватит об этом. Да и мы с тобой неужели не поможем сыну поднимать на ноги дочку, нашу пока единственную внучку?

А Алексей, похоже, и не помышлял о женитьбе. Придя с работы, хватал дочь в охапку, тащил в парк, катался с ней на каруселях, на чёртовом колесе, ели мороженое. Старики даже ревновать стали, поскольку сын и на выходные редко оставлял им внучку, к которой привыкли и в которой души не чаяли. Укатит с ней на мотоцикле в лес за грибами или на рыбалку — и до темна пропадают оба. Старикам оставалось только слушать по вечерам Машины рассказы:

— А я-то окунька сегодня поймала! И на крючок сама червяка цепляла. Уже не боюсь. Какую вкусную уху на костре мы с папой варили!

Да, в один из таких выходных Машенька назвала Алексея папой. Для него это было приятным и неожиданным событием. Вернее, он ждал его, ждал почти год, но произошло всё так внезапно, что Алексей ещё не осознал до конца важность этого момента. И снова, как тогда в опустевшей Санькиной квартире, он всю ночь не сомкнул глаз. Ворочался, прислушиваясь к равномерному дыханию дочери.

...В ту субботу погода спутала все их планы. Алексей с дочкой собирался на рыбалку. Отец впервые хотел взять Машеньку с ночевой — звёзды показать, соловьёв послушать. А с утра зарядил дождь, и просвета, похоже, не предвиделось. И решил Алексей хоть кухню побелить. Мать давно на ремонт квартиры намекала. В поисках кисти перерыл всю кладовку — как сквозь землю провалилась. Оставалось

заглянуть на верхнюю полочку. На ней его рука и нашарила какой-то полиэтиленовый кулёк с бумагами. Он достал из него первый попавшийся пожелтевший тетрадный лист, бросил беглый взгляд на размашистые, едва успевающие за мыслью пишущего строчки и... оторваться уже не мог.

«Здравствуй, Наташенька моя славная!

Вот я пишу тебе уже из степи. Как ты добралась? Не замёрзла? Какая там погода? И как наша Манюня? Даёт маме отдохнуть? С багажом как дошла? Не устала? Долго ли в Свердловске гостили? Всё опиши подробно. Ну а я подождал взлёта Ил-18, помахал вам рукой, отбил телеграмму, купил батарейки, три пакетных супа за 38 копеек. Потом самолёт Ташкент—Карши, автобус до Ахун-Бабаево, нашу интернаговскую машину удачно встретил — и в пять часов я уже был дома. Первым делом полкастриули киселя, ещё тобой сваренного, выпил. Спасибо, милая, за заботу. Затем сходил к Джуме, хлеба взял на 6 рублей, сварил суп, поужинал. И вот сейчас, в 10 часов вечера, пишу тебе письмо. Жду подробного отчёта и с твоей стороны.

...Да, Наташенька, золотиаюшка моя, поздравляю тебя с нашим тринадцатым числом! Жаль, конечно, что мы сейчас не вместе. Но мы ведь любим друг друга, а значит, мужественно перенесём и разлуку, и все невзгоды. За меня не волнуйся. Кушай за двоих (вас же двое теперь!), пей молочка вволю. С нетерпением жду твоей весточки. Je n'aime que toi, ma chere femme Natalie! — Я люблю только тебя, дорогая моя жена Наталья! (Дословный перевод с французского.)

До свидания, мои девочки-уралочки. Целую обеих. Наташенька, погладь по своему животику нашу Манюню — за папу.

13.02.74. XX в. н. э.

Р. С. Завтра отправлю вам посылку с сухофруктами. Пиши на Чиракчи, до востребования».

* * *

«Родной мой Сашуля, здравствуй! Как дома? Что с работой? Обо мне не беспокойся, береги себя! Теперь по порядку.

До Свердловска долетели быстро — за три с половиной часа. Небольшая стоянка — и через час в Перми. Оттуда на огромном автобусе до Кунгура, и в половине одиннадцатого я была уже дома. Папа на рыбалке, мама на работе. Встретились только вечером. И они сразу: как там Саша? И наказывают быть во всём осторожным. Это и моя просьба.

...Сашуля, я с дороги немного устала и вчера не отбила тебе телеграмму. Извини. Сейчас сбегаю на почту и подам. Погода самый раз для меня: около нуля градусов. С крыш днём капало, но снегу очень много.

...Манюня здорова, рыпается так, что готова выпрыгнуть, чтобы от себя что-то папе доложить. Видно, чувствует родню. Санечка, кушай хорошенько, спи крепенько. Нежно целуем (нас же двое) нашу золотую половинку.

Та femme Natalie.
14.02.74».

* * *

«...Извини, что два дня не писала, но ежесекундно каждая моя клеточка с тобой. Скучаю по тебе, стараюсь не беспокоиться, но какие-то дурные мысли сами лезут в голову. Санчик мой, родненький, я люблю тебя преочень. Поздравляю с наступающим днём свадьбы, с одним из счастливейших моментов нашей жизни! Пусть скорей пролетят часы разлуки нашей, и снова будем все втроём вместе. Да? У нас всё хорошо, только вот холод — до 30 градусов мороза. Вчера по телевизору был спектакль Корнейчука «Память сердца». Помнишь, смотрели в Лысьвенском драмтеатре? Там ещё итальянец говорил: «Ка-та-рина!» У тебя это лучше получалось. Санечка, давай, как приедешь, в театр ходим. Хорошо? Сашуня, я очень люблю тебя и нашу квитку Манюню... Закругляюсь, уже полночь скоро...

Вечно твоя Наташенька.
19.02.74.

P. S. Дописываю ночью: у меня кое-что сочинилось. Слушай.

Кричат: „Го-о-орько-о!“ И мы — уже втроём — крепко целуемся. Кричат: „Сла-а-адко-о!“ То же самое. Гости удивлены, но ничего особенного: ведь за год они стали единой плотью, единым Цветком, от которого уже появился пока ещё чуть заметный бутончик. С весной этот бутончик распустится и к лету станет красивым Цветочком, украшающим розово-белый Цветок. Это будет соцветие, на котором до поздней Осени начнут появляться новые цветы и бутончики. И никакие Заморозки не смогут приостановить это движение. Ведь бело-розовый Цветок был испытан, выверен на стойкость, верность, морозоустойчивость временем, расстоянием, условиями...

И всё это называется одним самым сильным в мире словом Любовь. Она большая, настоящая!

Сашулечка-роднулечка, сказку эту я тебе дарю на день нашей свадьбы — 22 февраля. Прочитай её перед сном, как вечернюю сказку, и ты увидишь всё на самом деле. Пусть в нашей жизни будет всё так же, как в сказке. Это моё пожелание».

* * *

«Нежная моя Наташенька, здравствуй!

Получил вчера от тебя второе письмо и открытку, безмерно рад! Сразу же строчу ответ. У меня всё благополучно — и с работой, и с питанием, и со здоровьем. Так что выкинь всякие дурные мысли из головы. Не такой уж горький я пропойца, чтоб тебя не видя, умереть. Когда верим и любим друг друга, ничего с нами не случится. А письма у тебя очень тёплые, ласковые получаются. Спасибо, я до глубины души растроган. Только не выдумывай по ночам писать, не вреди себе и нашей Манюночке. Договорились? Я тебя тоже нежнейше люблю. Береги себя, тяжести не поднимай, дыши больше свежим воздухом. Делай всё, что врачи советуют.

...По календарю-то через четыре дня весна. И чтобы встретить её достойно, с настроением, я вчера вымыл полы, всё перестирал, сменил бельё. Словом, навёл порядок. Может, не такой идеальный, как у тебя выходит, но старался. В школе всё идёт своим чередом. Мы учим детей, они — нас. Бывает, детишки и отлынивают, шустрят, что свойственно в их возрасте. А поскольку вместо французского языка я веду, как ты знаешь, совсем другие предметы, так иногда в конце урока беру гитару и пою им песни Азнавура, Далиды. Ну и на русском языке пою. А ребяташки только того и ждут: чем задачки решать да глаголы спрягать, лучше песни послушать.

...Недавно прочитал у Стельмаха „Родную кровь“ и „Большую родню“. Неплохо автор изобразил жизнь украинской станицы. Очень похожи его романы на „Тени исчезают в полдень“ — тоже целая эпопея: от царской России до Победы над фашизмом. На днях купил ещё „Чрево Парижа“ Золя, „Карибские повести и рассказы“ Зегерса и сборник стихов Тютчева. Как отметили нашу свадьбу и День Советской Армии? Мы, славяне, посидели у Крюковых, поиграли в карты, вспоминали Россию-матушку. Людмила рыбный пирогстряпала. В общем, немного оторвались от гнусной реальности. Развеселил всех Коля, спрашивает маму: „Почему к нам тётя Наташа не приходит?“ А Людмила: „Уехала покупать ляльку“. — „А чё она так долго покупает?“ Ещё один эпизодик. Вышли мы с Валентином на крыльцо покурить. И от крайнего окна метнулась тень. Валентин свистнул, и тень

ещё быстрее побежала. „Это Джума помчался к директору — докладывать, о чём русские говорили, что ели-пили. Стукачок он. Так что ты, Саня, с узбеками ухо остро держи. Свои сокровенные мысли, особенно о политике, при себе держи“, — предупредил меня Валентин. На днях с Ташкента приехал Махмуд-Али, историк наш. Сессию ездил сдавать. Спрашиваем: „Ну, как экзамены? Всё сдал?“ — „Слава Аллаху, сдал. Декану барашка привозил да ящик коньяка подарил — и в зачётке написали всё как надо“.

...Что-то я скачу с одного на другое. А самого главного — вот балда! — и не сказал. Наташенька, берёзонька моя стройная, до чего у тебя чудная сказка получилась! Молодец, умница! Честное филологицкое. Спасибо, дорогая! Ты знаешь, я самый счастливый человек на Земле. Прочитал твоё „толстое“ письмо — и даже глаза заморщились малость. Это от радости, нахлынувших чувств. Так бывает. Всё-таки здорово, что мы встретились. Спасибо, что ты есть на этом свете. А наш бело-розовый Цветок — это же лучший образец стихов в прозе. Это гимн любви! Так образно и проникновенно может написать только тот, кто по-настоящему это прочувствовал каждой своей клеточкой, кто любит и любим. Спасибо, славная моя женщина. Это самый лучший для меня подарок. И, прочитав твои тёплые, идущие от сердца строки, я просто не могу не ответить тебе тем же. Послушай и ты, что у меня сложилось. Слушаешь?

*Колокольчики, ромашки,
Синеглазый василёк...
В белом платьице Наташка
На лугу плела венок.
Голубые очи, словно
Родниковая вода.
Ты берёзонькою стройной
Средь подруг была всегда.
Твои косы золотые —
Поспевающая рожь.
Да такой, как ты, в России
Днём с огнём ведь не найдёшь.
Трели жаворонка нежно
В свой венок вплетаешь ты.
Сколько в нашем крае здешнем
Чисто русской красоты!
...Под окном твоим рябины*

*Разгорается огонь.
 И струна поёт о милой,
 И по ней грустит гармонь.
 Ой, девчонка-россиянка,
 На деревне разговор:
 Что тебе милей: тальянка
 Иль гитары перебор?
 Не гадайте понапрасну,
 Будет свой всему черед.
 Гляньте, к деве распрекрасной
 И жених уже идёт.
 По лугам шелковым вьётся
 Речка-светлая струя.
 Эх, как здорово живётся!
 Ведь жених-то это... я!*

*

*Грядущий день... Что напророчит?
 Ему доверюсь — так и быть.
 Но без тебя, моей хорошей,
 Я не смогу ведь долго жить...*

*

*С тобой разлука — мир в потёмках,
 Незатухающая грусть,
 Как будто я на льду на тонком:
 Вот-вот шагну и провалюсь...*

*

*Ах, любовь — вода с колодца!
 В зной хотя б один глоток,
 А припал и пьётся, пьётся:
 Оторвать никто не мог.*

Это тебе, любимая, на день нашей свадьбы. И с наступающим Международным женским днём! С первым весенним праздником!

Маме с папой поклон. А тебе, Наташенька, мой жаркий поцелуй. И Манюнечку за меня поласкай.

Ваш папа Саня.

26.02.74. 00 час. 30 мин.».

* * *

«...Ой, Санька, Санечка, какая я же счастливая, что у меня такой муж! Шлёт мне пламенные строки, любовь воздушную, радужную. Сегодня я бесконечно рада: получила сразу два письма! Спасибо, славный мой. Санечка, стихи твои — прелесть! Я вслух прочитала, так мама даже прослезилась: „Есенин он у тебя“. Я в ответ: „Нет, он лучше. Потому что он мой“. Стихи твои обязательно отошлю в городскую газету. Ну а сейчас о прозе. Пришли мы с Манюней на приём, и нам сразу „выписали чертей“: откуда явилась, что никаких анализов? Да ещё у дитё головка вверху, а не внизу, как положено в его возрасте. Короче, отправили меня на койку в акушерское родовое отделение... Вчера развернули нашу Манюню, как должно. А маму обвязали простыней, хожу — талия в корсете. Манюня же, несмотря на стеснённую площадь, бурно рыпается — или папе привет передаёт, или кушать хочет.

Сашуля, кушай сытненько, спи хорошенько, а то потом дитёнок не даст. И помни, ты у меня самый лучший!

...Из корсета нас освободили. Врач обещала сегодня отпустить домой. За три дня мы похудели на 400 граммов. Дома нагоним. Как прошёл ваш концерт к 23 февраля? Каждый день вижу тебя, Саня, во сне. Переживаю — всё ли ладно? Как-то выкраивай время, чтобы горячее стготовить, и чтоб не только одни пакетные супы. Понял, роднулечка-Сашулечка? Нас наконец выписали домой под наблюдение участкового врача. Нам все толкуют — воды много не пей, а мы с Манюнечкой хитрющие: пьём молока столько, сколько хочется. И халатик красный уже... не застёгивается. Уже 60 кг нам на двоих, скоро тебя перегоним. Ходила в женскую консультацию, где сидела на занятиях по психопрофилактической подготовке. Узнала, как себя вести в самый ответственный момент. Погода у нас тёплая, но февральские ветры дают о себе знать.

...Спасибо за посылку, всё дошло в сохранности. Дома я ничего не делаю: мама с папой не подпускают ни к чему. Разве что куриц накормлю да яйца соберу. Хожу как колобок в шубе. Ночью порой просыпаюсь от таких толчков — встану, погуляю, покушаю и под утро засыпаем. У меня всё есть из питания, а я всё хожу, сигареты, бензин нюхаю или извёстку с русской печи отколупну — и в рот. Ну вот такая у меня прихоть, какая-то ненормальная. Но больше гуляю на улице: кислород поглощаю в избытии. Весна чувствуется вовсю.

Держись, мой Санечка. При всех стараниях мамы, папы (от них привет) мне без тебя тоскливо. Обнимаем, целуем — мы с Манюней.

Р. С. Ты меня ругаешь за ночное творчество, а сам что делаешь в 00 час. 30 мин.? Чтоб в последний раз! Мы-то уже соблюдаем режим: в 10 вечера спать, в 8 часов утра подъём. Ты спрашиваешь, нужны ли нам деньги. Всё есть у нас, не надо ни-че-го. Они тебе пригодятся, когда контейнер будешь отправлять. Да, врач сказала, что рожают и в 37 недель, а у меня уже 36. Страшно...

28.02.74».

* * *

«Здравствуйте мои кровиночки родненькие! Наташенька, не переживай за меня. Всё нормально. Без горячего не живу, даже плов с томатом делал: я же подглядывал, когда ты его готовила. Ты знаешь, одно время я от тебя каждый день получал письма, а вот это — седьмое — только через четыре дня. И такие они мне длинными показались... Я же привык с тобой ежедневно разговаривать. И тут такой перерыв. Что-то случилось? Что врачи говорят? Может, уже скоро Манюнька нам ручкой помашет?

...Праздник 8 Марта у нас прошёл на ура (как, впрочем, и 23 Февраля). Такой концерт мы показали, что Эргаш Киямович пожал мне руку и сказал: „Молодец!“ Особенно отличились твои второклашки Фатима, Зера, Ира Гулямова, Люба Лугинина, с которыми мы поставили три танца: «Колючки», «Матрёшки» и «Куколки». А вечером взрослые собирались у Бурхона, был и директор, поздравил всех женщин. И тебя не забыл — будущую мать, как он выразился. После этого мы, россияне, у Крюковых продолжили, под мой баян песни попели. И вот, Наташенька, хоть сижу в компании, а сердцем-то я всегда с тобой. И во сне я часто стал тебя видеть. А взгрустнётся — возьму все наши фотографии, переберу, представлю, как встретимся. И вроде как полегчает. Ну и виршами балуюсь.

Кстати, спасибо за столь высокую оценку моего творчества. Даже чересчур высокую — мама с Есениным сравнила. Нет, до него мне ещё — ого-го... Да и стоит ли? У каждого своё. Мои стихи простые, без зауми, житейские. Тогда в продолжение темы позволь, Наташенька, ещё тебе парочку виршей черкнуть? Это всё из цикла «Письма из разлуки»:

*Дорогая моя россияночка,
Вот опять вдалеке без тебя.
Я на щёчке целую ямочку...
А проснусь — только шорох дождя.*

Вижу я: заплетаешь косички ей.
 Слышу «Мама!» — её голосок.
 Твои руки, такие близкие,
 Поправляют дочурке платок.
 Знаю я — ожидаешь ты весточки.
 Да и я тороплюсь домой.
 Крутануть бы, чтоб раньше встретиться,
 Наш голубенький шарик земной!
 Ветры южные дуют порывисто:
 Вот умчался на север листок —
 В ту сторонку, где ждёт меня милая,
 Где ромашки, луга, родничок...
 Провожу его взором завистливым
 И, разлуки печаль прогоня,
 Ухвачусь за ближайший листик я —
 Мчите, ветры, к любимой меня!

*

Я опять далеко от дома.
 Как в чужих неуютно стенах...
 Без тебя я могу сделать промах:
 С одиночеством я не в ладах.
 Жду письма твоего с нетерпением —
 Полегчало б от строчек родных:
 Для меня они, как исцеление.
 Я в плену у разлуки без них.
 Как ничтожны бывшие ссоры,
 Суеты заколдованный круг.
 Да пусть будет их больше вдвое —
 Только б вместе, без долгих разлук!
 Мою лодку на скалы на серые
 Подхватило струёй, понесло...
 А туман над рекой не рассеялся,
 Хоть бы солнце скорее взошло.
 С каплей влаги в лихую засуху
 Оживают в полях колоски —
 Поддержи меня словом ласковым,
 А иначе сгорю от тоски.
 Поддержи меня словом ласковым.
 Есть письмо! Я сажусь за стихи!

Р. С. Надо же! Наташенька, берёзка моя белоствольная, ты как будто чувствуешь, что тонущему нужно вовремя бросить спасательный круг. Заехал на велике на почту, и Юлдаш-ака вручает мне письмо от тебя. Спасибо, родная! Теперь я точно не сгорю от тоски!
11.03.74».

* * *

«Сашулюшка-роднулюшка, спасибо тебе за письмо и за проникновенные стихи в нём. Я люблю тебя, бесценного, больше всего на свете — до берёзки над нашим вечным покоем... С тобой, мой хороший, я никаких родов не боюсь. Хоть сейчас... Храбрый заяц, скажешь, да? Нет, правда, я такая бесстрашная стала и ещё пуще любящая тебя. Как у тебя здоровье? Что нового? На велосипеде-то не лихачь. И не грусти так шибко обо мне, ведь скоро мы будем вместе. Как я хочу быть рядышком с тобой. Всё бы отдала за это. Я ведь живу от почты до почты. Письмо твоё днём в два часа почтальон приносит — и блаженство!

Немного о нас. Сходила в женскую консультацию. И — о, ужас! За 10 дней прибыла на 2 килограмма, вместо 500 граммов по норме. Заставили разгрузаться: на сутки 800 гр творогу и один стакан воды. Да тут ещё грипп поймала — температура 38 градусов. В желудке пусто, а дитё требует есть — бьётся до потолка. Дома ругаются, кушать заставили. Вроде лучше стало. Уже могу писать, и Манюня рыпается уже не так яро: сытая дак. Хорошо, мама — она же в прошлом фронтовая медсестра, сержант! — рядом. Она меня всякими травами да компрессами — и легче стало. Ну температура ещё держится. Пройдёт. Не беспокойся за нас, из кризисного состояния уже вывели. Разгрузки больше не буду делать.

Сань, ты как-то спрашивал, что нам нужно. Так вот: вышли соски на бутылки, здесь их совсем нет. Потом я слышала, что после родов необходим кагор по чайной ложке в день. И если ещё есть в Чиракчи розовая перламутровая помада по 1 руб. 50 коп., купи, пожалуйста. Ты ведь хочешь, чтобы я была у тебя красивенькая? Видишь, какая я у тебя нахалушка. Ну уж прости — ведь родная я тебе... У нас то дождит, то моросит, около двух градусов тепла. Уже грачи и скворцы прилетели.

Я вся в ожидании твоих писем и вызова Манюни — когда же ей захочется покинуть мамин домик? Начала вязать жилет и стегить одеяльце для Манюни. Ещё с чердака принесла „Детство“ Горького. А вот успею ли почитать — сомнительно.

...Вчера папа с крыши снег сгребал и всё тебя вспоминал: „Сашу бы сюда, быстрехонько бы управились“. Он уж знает, что снег с крыши убирать и дрова колоть — твоя любимая работа. А ещё он своему любимому зятюшке для рыбалки кирзовые сапоги купил.

Привет тебе от папы с мамой и от седого Урала.

Родной мой, я же забыла тебя поздравить в этом месяце с нашим 13-м числом. Поздравляю, а также и с 18 марта — Днём Парижской коммуны. Ты же у меня „француз“.

Сегодня ночью у меня кое-что сотворилось. Слушай.

Посвящается нашей первой встрече — 13 сентября 1972 года.

Спасибо, любимый, что ты есть на свете...

Как-то ранней весной мимоходом я услышала пение Соловья.

Сначала это пение, казалось, ничем не отличается от пения других птиц. Но, вслушиваясь в песни моего Соловья, я начинала видеть огромный, необъятный край ромашек и берёз, залитый солнцем... Я начала видеть, понимать душу моего Соловья, широту которой можно сравнить со Вселенной, а доброте — с Солнцем.

Вот уже четверть века я ищу такую распахнутую душу с горячим сердцем. А она рядом, это же моя половинка, часть моей жизни.

Теперь мы вместе поём соловьиные песни — песни большой жизни. А чтобы наши песни не умолкали, пусть прекрасная душа моего Соловья повторится в наших детях. Так вот ради моего Соловья и соловьят я должна жить во что бы то ни стало.

Чур! Слишком строго не суди.

18.03.74».

* * *

«Наташенька, золотишка моя славная! Как ты меня сегодня порадовала! Три письма от тебя за один день — это рекорд! А я в Чиракчи был по работе. С одним делом управлюсь — заскочу на почту, а там письмо твоё. Снова покручусь, отстреляюсь, на педали — и на почту. И опять письмо от тебя. И так три раза. Неужели Юлдаш-ака специально сразу все письма не отдавал, продлял мне удовольствие? Меня на почте уже все знают, за руку здороваются.

Спасибо, милая, за весточки. Особенно тронут твоим эпистолярным поздравлением с нашим 13-м числом. Обворожительный сказ о Соловье! Честное слово.

Кстати, ты же не знаешь подробностей нашего знакомства. Я ведь на тебе, Наташенька, женился... по пьяни. Вот как это случилось.

Это было в среду, 13 сентября 1972 года. Ну ты знаешь, что тринадцатого числа каждого месяца нам, студентам филфака ПГУ, выдавали стипендию. И как только у нас в руках зашуршали денежки — по 35 рубликов на брата! — мы, мужики-филологи, после занятий собрались в общежитии, в комнате у „немцев“.

Ну естественно, кое-что сообразили: на пятом, последнем курсе, мы могли себе это позволить. Сидим, значит, толкуем о том о сём. На столе — дешёвенький портвейн, традиционная закуска типа кильки в томате. А за окном — юное бабье лето, начинающие золотеть клёны. И так мне, поддурманенному, хорошо стало — были бы руки длинные, весь мир бы обнял. Своими чувствами захотелось ещё с кем-нибудь поделиться, желательно из представительниц прекрасной половины человечества. А к тому времени я заметил тебя, Наташенька, стройную, синеокою девчонку из 138-й комнаты с нашего же этажа. На общих лекциях я нет-нет да и поглядывал в твою сторону. Чёрные изогнутые брови, выразительные открытые глаза, слегка вздёрнутый носик, задорная улыбка, на левой щеке ямочка... Я всё больше влюблялся в тебя. А подойти, заговорить — сил не хватало: от природы я дюже застенчивый. Потому-то первого сентября я и устроил спектакль с „медведем“, чтобы ты хоть как-то обратила на меня внимание.

Ну вот. После выпитого я вроде посмелее стал. И поддатенький говорю Юре Горбачёву (он у нас на курсе как за отца был: и в армии уже отслужил, и женатый):

— Юра, можно мне покинуть вас? Хочу с девчонкой в кино сходить. Может, пойдёт?

— Кто такая?

— Наташка из 138-й комнаты, с нашего же пятого этажа. Ну которую я, нарядившись медведем, чуть с ума не свёл. Помнишь, первое-то сентября отмечали?

— Знаю её. Девка баская, скромная, макияжем не увлекается, как некоторые. Одобряю твой выбор. Только учти, Санёк, женщины любят ушами, — наставлял меня старшой. — Хряпни для храбрости ещё полстаканчик — и с Богом.

Тут вдруг спохватился и Вовка Куделин из немецкой группы:

— Наташка, говоришь? Она мне тоже нравится. А давай, кто вперёд?

Но я-то сидел ближе, у самой двери. И пока он от окна пробирался, я уже почти добежал до 138-й комнаты. Я уже не мог отступиться от задуманного. Даже загадал: если пойдёт Наташка со мной в кино — женюсь. Но что такое? До двери твоей комнаты осталась пара

шагов, а ноги у меня не идут, язык онемел. Не от пьяни, а всё от той же — будь она не ладна! — робости. Хорошо, что дверь открыла не ты, а твоя подруга Ирина. Пока она выясняла, кто мне нужен, пока вызывала тебя, мою половинку, я все же настроился, как-то собрался. Ты, Наташенька, вышла в лёгком халатике, который то и дело поправляла на груди, прикрывая чуть видневшуюся из выреза ложбинку..

Ну а дальше сама знаешь. Ты согласилась на кино. Успели мы с тобой на последний сеанс. Название фильма не помню, но что-то про любовь и, как ни странно, студии „Узбекфильм“ — это точно. Так ведь? Сидели мы на последнем ряду, и весь сеанс я не отрываясь пялился на экран, боясь повернуть к тебе голову, не говоря уж о том, чтобы за руку взять. Да, хотя я детдомовский, а вот перед девчатами всегда робел. А после кино, чтобы продлить общение с тобой, я предложил до общаги от „Художки“ идти пешком, дескать, *via est vita*: движение — жизнь. Ты и тут согласилась. То ли хмель смелости мне придал, то ли вспомнил совет Юры Горбачёва про уши, но я всю дорогу что-то рассказывал, стихи читал, даже пел песни. А через три месяца мы подали заявление в ЗАГС. Вот таким у нас с тобой получился удлинённый сеанс. И, дай Бог, чтобы он не кончался! Наташ, а ты всё-таки догадалась, что в кино я с тобой ходил подшофе?

Ладно, достаточно ностальгии. Что у нас сегодня? Как вы с Машенькой себя чувствуете? Пожалуйста, Наташенька, прекрати ночные творческие бдения. Больше отдыхай. Ладушки? Ах, да! Тебе сегодня ещё пришла открытка от Любы Лыкиной, соседки твоей по 138-й комнате в общаге. Приеду — передам. Спасибо за посылку. Картошка немного подмёрзла, а остальное всё в лучшем виде. Хреновая закусочка, по-тёщинному „мордovorot“, — смак! Понравилась всем славянам. Как и чай с душицей. Здесь солнце, жара — днём до плюс 30 градусов доходит. А у нас на Урале? Наташенька, ласковая моя, я каждую секунду думаю о тебе. Держись, не падай духом. Всё будет хорошо. Ты знаешь, я твою фотографию, где ты в свадебном наряде и так заразительно смеёшься, приладил на стенку. И как меня грусть-печаль одолевает, гляну на тебя, поговорю — помогает! Уж так ты там задорно смеёшься, я даже смех твой слышу.

...На прошлой неделе ко мне на урок математики в четвёртом классе зашёл сам директор Самат Шайманович. Сидел, писал. При анализе отметил следующее: очень хороший переход от одного момента к другому, неплохие знания учащихся в решении примеров, правильное использование наводящих вопросов, активность школьников в устном решении занимательных задач (помнишь, ты купила

мне „Дидактические игры“? Спасибо, пригодились). Но есть и недостатки: слабо знают таблицу умножения, с решением задач трудновато дело идёт, желательно использовать на уроке красочные наглядные пособия с картинками. В тот же день сидел он у меня и на чтении в шестом классе. Ну тут замечаний серьёзных почти не было. Валентин говорит мне: „Он не зря к тебе на уроки ходит — оставить тебя хочет на следующий учебный год“. Только ничего у него из этого не выйдет. Никакие силы меня здесь без тебя, моя половиночка, не задержат. Не волнуйся, всё будет хорошо.

С любовью — ваш Саня.

Р. С. Вернусь к уроку математики, на котором у меня сидел директор школы. Когда он закончился, я подумал: „Хорошо, что не на этом уроке произошла у меня стычка с Толей Гуцаловым“. Это было буквально за два дня до директорской проверки. Веду я урок, объясняю новый материал и вижу, что Толя Гуцалов и сам крутится, и другим мешает. Спокойно, не повышая голоса, сделал ему замечание. Но как он отреагировал! Схватил увесистую палку — откуда она у него взялась? — и изо всех сил метнул её в меня, как дротик. Я едва успел увернуться. Ни завучу, ни директору я об этом инциденте не докладывал. А после уроков я поговорил с Толей. У него, оказывается, очень сложная судьба: отец в тюрьме сидит за то, что свою жену, то есть, Толину мать, по пьянке зарезал... на глазах у сына. Потому и случаются у парня нервные срывы. Толя, кстати, после нашего разговора извинился за свой поступок. Да... Вот с таким контингентом приходится здесь работать. Поэтому в спецколле-интернате за вредность и платят нам 25 процентов к зарплате. Я сейчас тебе удивляюсь, Наташенька. Я же бывал на твоих уроках, на них у тебя проблем с дисциплиной никогда не было, дети слушают тебя, раскрыв рот. У меня вот так ещё не получается. Ой, зачем я тебе этот случай рассказал? Опять будешь волноваться. Да нет, ты, Наташенька, не переживай за меня. С Толей Гуцаловым у меня всё наладилось, помирились, он теперь у меня главный помощник в классе.

26.03.74».

* * *

«Роднулечка мой, Сашулечка!

Поздравляю с дочкой Машенькой! Вот нас и трое, Саня-папаня. Девочка хорошенькая, чёрненькая. На кого походит — ещё не разглядела, так как видела один раз. Итак, дочкин день рождения 25 марта 1974 года. Вес — 3 кг 350 гр. Рост — 47 см. Такая громогласная, что вы вдвоём с ней составите хор. Помучиться мне пришлось с 4 утра до

вечера: в 19 час. 25 мин. она выбежала из маминого домика. Хорошо, что мама была не на работе. Так мы с ней пешком до роддома дошли, и этим я облегчила свою и дочуркину участь.

Сейчас был обход, в 8 вечера можно будет встать и походить. А сидеть нельзя, так как мне разрешили и наложили два шва. Машенька шла — ручка вместе с головкой, но всё обошлось. Вечером принесут лялю кормить. Сейчас пришла мама с твоим письмом. Спасибо за него, мой милый. Сань, как-то всё ещё не верится, что у нас уже свой человечек. Хорошо, что девочка, правда? Санечка, я пишу тебе лёжа, но, надеюсь, ты поймёшь мои корябки. Устала, а посему заканчиваю. Крепко целую, всем славянам привет. Пиши, жду.

Жена, дочка.

26.03.74».

* * *

«Наташенька, весняночка-славяночка моя, зоренька моя ненаглядная!

Только сегодня узнал, что ты подарила мне дочурку. Низкий поклон тебе за неё. Как твоё самочувствие сейчас? А у Машеньки-Манюни? Во сколько часов появился наш Цветочек? Какой вес у доченьки? На кого походит? Как хочется скорей вас обеих увидеть, потискать. Как ждал я этого момента, не переставал думать о тебе в последние дни, и так неожиданно всё оказалось. Собрался сегодня в Чиракчи за камерами к „Уралу“ (проткнул верблюжьими колючками оба колеса, когда ездил с детьми в Чимкурган на рыбалку). Вышел, а навстречу Нина Михайловна идёт. Подождите, мол, у меня для вас что-то есть. И подаёт телеграмму. Ну я: «?!» Ясно, да? Но в районный центр всё равно пошёл. Здесь, на почте и пишу. Купил тебе перламутровую помаду. Сейчас побегу соски искать.

Ещё раз спасибо за Машеньку и за притчу о Соловье. Я всегда перед сном перечитываю твои чудные сказки. Красивые они у тебя получились, как и ты сама, нежная моя жёнушка. Всё, побежал за сосками. Поцелуй за меня Машеньку. Пиши, я горю от нетерпения получить от тебя весточку.

Обнимаю, целую, люблю! Ваш Саня-папаня.

27.03.74».

* * *

«Родной мой! Как ты там? Вчера приносили кормить Машеньку. Но она ещё всё спит. Да и у меня пока не молоко, а молозиво, так

сколько-то я им дочку обмазала, сколько-то она меня полизала. Девочка красивенькая, круглолицая. Мои губки — копия. Всё остальное — папа Саня. У Машеньки уже красивые чёрные бровки, реснички и длинные волосы — цвет твой. Санечка, знаешь, как только достали ребёночка, первые крики были похожи на па-па-пá! С французским акцентом и ударением больше на последнее «па».

Мне объявили, что девочка, и я с радостью выдохнула: «Машенька!» Потом и на бирочке сразу написали «Машенька». Если сохранят — вышло.

Всё бы хорошо, но у меня поднялась температура — 37,7. Кашель. Из-за этого и девочку не приносят. Но я уже вставала, гуляла, но ещё не садилась — рановато. На улице солнце. Ну пока.

Целуем крепко — Наташенька и Машенька.
28.03.74».

* * *

«Сашулечка, дорогой мой! Salut!

Вот нам уже пять с половиной суток. Вчера у дочки на бирочке поставили крестик: значит, отпала пуповинка. Это очень хорошо. Доченька — копия ты, папочка Санечка. Она уже начала улыбаться одной щёчкой. С аппетитом ест мамину титю. А молока много — и тебе бы хватило. В день по полкружки отдаю в детскую. У меня вчера сняли швы, взяли кровь на общий анализ. Всё благополучно, дня через два выпишут.

Санечка, за нас не беспокойся. Сам береги себя, как зеницу ока. И обильно питайся. Меня тут закармлили: тумбочка полная. Сейчас на целый час принесут Машеньку — папину капельку. Она пососёт с жадностью и чмоканием минут 10–15 и спит. А я потом отцеживайся, дойся. А это такая трудоёмкая работа: придётся тебе „ёлочку“ покупать.

Сашуля, знаешь, меня принимала в роддоме акушерка, которая в своё время принимала роды у моей мамы: я родилась. Жаль, она старенькая, а то бы и у Машеньки...

Санечка, мама принесёт сегодня от тебя письма: если что — так допишу. А пока до свидания. Я люблю тебя. Сейчас надо готовиться к кормлению: надевать косынку, маску, мыть грудь, готовить место на кровати: кормлю лёжа, хотя уже всю сижу, но боюсь: не выпала бы лялечка с рук.

Целуем крепенько — жена и дочка.
31.03.74».

* * *

«Золотой мой, здравствуй! Мы с дочкой поздравляем нашего дорогого папочку с двумя новорожденными. Здоровья тебе богатырско-го, чтобы поднять на ноги нас, „малышек“. Сашенька, вот и запоёшь с нами: „Доченьки, доченьки, доченьки мои, где ж вы мои ноченьки, ноченьки мои?“ Так у Вертинского, да? Сегодня Машенька подарила мне полную широкую улыбку — первый раз так улыбнулась. Я с ней разговариваю, она глазки широко откроет и слушает меня. У дочки такие ресницы, закрывает глаза — как у куклы. За шесть с половиной дней заметно повзрослела.

...Продолжаю после кормления доченьки. Меня сегодня и написали бы, да у Машеньки ещё пупок не сократился. Санечка, ты в чём сейчас ходишь? Уже жарко? Холодильник работает? Приёмник? Всё-таки как бы хорошо здесь ни было, а мой дом там, где ты... Мама принесла твоё письмо. Мой поцелуйчик тебе за него.

...Сашуля, я прервалась: захотелось хлеба с солью (нам его принесли к обеду). Взяла кусочек, другой. Так ведь вся палата — 10 человек — заразилась. И весь хлеб умяли.

Если всё благополучно, так напишу уже из дома. Как только времени будет хватать — не знаю. Здесь нам 7 раз в сутки детей приносят, через каждые два часа. А ухаживают за ними сёстры, мы же в этом промежутке „доимся“, кормимся, себя в порядок приводим. И то успеваешь чуть-чуть. Потому и письмо пишу тебе второй день. И ещё бы писала, писала — всё как говорю с тобой. Ох, Санечка, как я по тебе соскучилась! Но будем держаться.

Держись и ты, мой дорогой! Но пассаран!

Люблю, целую, жду. Жена, дочка.

01.04.74».

* * *

«Наташенька, зоренька моя ясная! Пишу в твой день рождения. Ещё раз поздравляю! Это здорово, что вы обе — весняночки: разница в днях рождения всего одна неделька. А то, что первая девочка — замечательно! Узбеки этому всегда радуются: помощница матери. И я с ними согласен. Ну как вы там? Температуры нет? Выписали? Сегодня у меня в руках опять два твоих письма. Спасибо, милая. Всё же как хорошо, что в один прекрасный день мы с тобой оказались на одной ширине и на одной долготе нашей планеты! И дай Бог, что через 59 дней (столько их осталось на моём „дембельском“ календаре до нашей встречи) мы снова будем вместе.

...Сейчас я хоть чуточку спокоен, а то 28-го была телеграмма, и до сегодняшнего дня не знал никаких подробностей. Значит, Машенька на меня походит? Ой, Наташенька, славная моя, уже и определила? И по-французски, поди, уже наговаривает? Как бы мне хотелось сейчас её услышать, пожать. Недавно отсюда в Россию пролетали косяки журавлей, уток, аистов. С какой завистью глядел я на них... Мне бы тоже крылышки — и рванул бы к вам!

В день получения телеграммы мы отметили и Машенькино рождение, и твоё материнство, и моё отцовство. Были наши славяне, женщины всё приготовили сами, позднее пришли замдиректора Эргаш Киямович, Бурхон, Махмуд-Али. Хорошо посидели, всем понравился чай с уральской душицей. Всё это было в нашей мазанке. А 29-го провозжали на пенсию Хайруллу Ахмедовича, собирались в столовой. Меня попросили принести баян, попели, потанцевали. Тут же директор Самат Шайманович и другие учителя поздравили меня с рождением дочки. Наташенька, ты пишешь, что излишки молока отдаёшь в детскую. Так лучше высылай мне, желательно в твоей изумительной... упаковочке. Шучу.

...Вчера я купил соски для Машеньки. Может, что ещё приглядеть для нашей семейки? Наташенька, береги себя: весна ведь обманчива, одевайся теплей. Ты знаешь, в ночь на 25 марта я почти не спал. Не спалось — и всё. Читал — не читается, всё о вас думал, словно чувствовал, что ты маешься. Что ещё? Третьего дня ездил на Чимкурган, поймал трёх сазанов по 300–500 граммов каждый. Снасти и наживка такие же, как у нас при ловле лещей. Это информация для бати. До-читал „Россию молодую“ Германа: весьма живо и колоритно пишет о петровском времени. Ну и по традиции высылаю в виршах моё сокровенное и наболевшее. Это всё из цикла «Письма из разлуки»:

*Какое счастье — весточка из дома!
 Ну наконец, и мне письмо пришло.
 Простой листочек с почерком знакомым —
 И на душе становится тепло.
 Я вскрыл конверт — и больше нет разлуки.
 Ступеньки-строчки к дому привели.
 Калитка распахнулась без звука...
 — Ну, здравствуйте, хорошие мои!
 Ты всё хлопочешь, милая, по дому.
 Да хоть присядь, маленько отдохни.
 Как вкусно пахнет чем-то испечённым.*

*А ну-ка, что там? ПирогИ? Блины?
 Как подросла ты, доченька, однако!
 Пожалуй, туфли мамины как раз.
 От всей души, уралочки-девчата,
 Я нежно-нежно обнимаю вас.
 ...Куда же вы уходите так быстро?
 Ну вот уже „Целуем крепко. Ждём“.
 Пожалуйста, пишите чаще письма
 И поподробнее, прошу вас, обо всём.*

*

*До вокзала меня провожала,
 Говорила: „Пиши, буду ждать“.
 На ресницах слезинка дрожала,
 Не решаясь на землю упасть.
 Я не дам ей разбиться о камень,
 Осторожно губами прильну...
 А слеза обожгла, словно пламя,
 Разбредила душу мою.
 Горизонт непогодой обложен,
 Снова дождь зарядил затяжной.
 Вот и в сердце ненастье, похоже,
 Прописалось до встречи с тобой.
 Ну за что мне такое мученье —
 Без тебя коротать каждый день?
 Ой, разлука, уймись на мгновенье!
 Что ты ходишь за мною, как тень?*

*

*Перестук колёс вагонных.
 Карусель берёз. Мосты.
 Солнца свет струится звонкий,
 Ну а рядом, рядом — ты.
 ...И дорога кажется
 Исполненной мечтой,
 Если ты, Наташенька,
 Рядышком со мной!*

P. S. Спокойной ночи, милые мои девочки.
 01.04.74».

* * *

«Славный мой Санечка!

Сейчас утро, 8 час. 30 мин. Скоро снова принесут кормить Машеньку. Я смотрю на неё и вижу тебя крохотным. Даже волосики не чёрные, а тёмно-русые и чуть с отливом золотым. Я называю её Машенька, Машенька, Марусенька. И она улыбается своим беззубым ротиком. Значит, нравится имя.

...Ты знаешь, за 10 дней, что нахожусь в роддоме, от детей отказались три... Не знаю, как их назвать. Это и не женщины, и не человеки, и боюсь оскорбить животных, если назвать так тех „матерей“. Уму человеческому непостижимо, как можно не кормить, бросить свою кровиночку в казённом доме — одни открыто, написав заявление, другие (было и такое) тайком, укатив с мужем на машине, пока пеленают малышку. Ой, слов, Саша, нет! А потом слушай вопросы: „Ну где мама и папа? Ведь должны же они быть у меня“. Ой, прости, я, наверное, затронула большую для тебя тему..

Санчик, ты спрашиваешь, как я держалась. Мужественно, не кричала, никого не ругала. Только, правда, в последние минуты, как в фильме „Семнадцать мгновений весны“, где русская разведчица выдала себя криком „Мамочка!“. Так и я: „Ой, мамочка! Ой, Санечка!“ Но больше старалась это про себя произносить, а всё равно вырвалось. Потом: „У-а!“ И всем страданиям конец.

Санечка, ты пишешь: «Поцелуй за меня дочку». Я даже за себя не могу этого сделать — нельзя, да и мы в масках кормим, в косынках. Для чистоты подмываем грудь кипяченой водой, потом протираем тампончиками, смоченными в спецрастворе. Ясно, какой здесь порядок? А за стихи спасибо! Хорошо ты сказал: „Ступеньки-строчки к дому привели“. А ведь и вправду, в наших письмах мы по „ступенькам-строчкам“ идём друг другу навстречу, сокращая разлуку.

Вчера письмо твоё принесли, которое прямо на конверте адресовано — Наташеньке. Ну и Санька у меня, придумает же!..

Письмо дописываю уже дома.

...Ох, Сашуля-роднуля, я сильно-сильно по тебе соскучилась! Как там у тебя в стихотворении? „Крутануть бы, чтоб раньше встретиться, наш голубенький шарик земной!“ Только где вот такие силы взять — крутануть так, чтобы скорее кончились наши муки? Извини за трёхдневное молчание. Но не беспокойся — всё хорошо. Просто много событий, да и „помощница“ у меня такая добренькая, что маме письмо черкнуть некогда. Но обо всём по порядку. Выписали нас 5 апреля. Приехали домой на машине, кстати, нашей свадебной,

которую с почты (там у мамы хорошая подруга работает) брали, чтобы в ЗАГС ехать расписываться. Мама ушла на работу в ночь, а я осталась с дочкой одна. В роддоме-то я видела у неё только одно личико, а дома развернула — такая крохотуля, меньше куклы, в руки взять нечего, всё ещё разваливается. Я даже испугалась сначала: такое всё крохотное, игрушечное, а живое — кричит. И такая свободолюбивенькая — ни за что не успокоится, пока руки запелёнуты. Кряхтит, выпутывается из пелёнки, а вытащит руки над головой — и довольна. Вот проказница! Правда, первую ночь доченька вела себя спокойно, а вот мама плохо: ежесекундно вскакивала, смотрела — всё ли в порядке. И в эту трудную ночь у меня сочинилась новая сказка. Слушаешь?

... Тем, кто составляет суть моей жизни, — мужу и дочке.

В хороводе белоснежных берёзок появился крохотный, зелёный росточек Ромашки. Земля отдаёт ему все свои соки. Солнце же через огромное расстояние своим теплом помогает Земле поднять к свету маленькую Ромашку. Земля и Солнце — родители. Всё самое лучшее передадут они своему дитя. Золотая серединка — от Солнца, белизна, чистота лепестков — от Земли. И будет эта белозолотистая Ромашка радовать Солнце, Землю и стройные берёзки. Ромашка — цветок большой Любви, цветок Жизни. И эта большая Любовь Земли и Солнца породит ещё много-много прекрасных цветов.

Вот и всё, мое Солнышко. Спокойной ночи.

Твоя половинка.

09.04.74».

* * *

... — Папа, что ты тут делаешь? — прервала чтение Алексея подбежавшая с куколкой в руках Машенька. Её глазёнки излучали тёплый доверчивый свет.

— Да вот... — смутился Алексей. — Порядок навожу.

И совсем другими глазами посмотрел на дочь: «Подросла-то ты как у меня. Да и пора. Ведь нынче в школу пойдёшь. Мама бы тебе нужна, дочурка...»

Побелка кухни в этот день пришлась как нельзя кстати. На какое-то время она отвлекла Алексея от нахлынувших чувств, шемяще-пронзительной волной подкатывающих к сердцу. И только ночью он дал им полную волю.

«Даже не верится, что в наше расчётливое, суматошное, распутное время есть такая любовь. Это же поэма, стихи в прозе, чистый

лесной ручеёк, встретившийся изнывающему от жажды путнику, маяк сбившемуся с курса кораблю! Постой! А как же оказались у нас в доме письма?» Несомненно, это были те самые письма, о которых однажды рассказывал Алексею Санька. Те самые, что уберегли его и Наташу от разрыва. И Алексей стал припоминать. Да, тогда оглушённый гибелью друзей, он всё делал машинально, словно под гипнозом: оформлял удочерение Машеньки, кое-что перевозил из её вещей, ему помогали Санькины соседи. Вместе с вещами, очевидно, положили и этот полиэтиленовый кулёк.

«Надо обязательно сохранить все письма для Машеньки. И дам ей прочесть их в тот день, когда к ней придёт настоящая любовь. А может лучше накануне её свадьбы?» — размышлял Алексей под мерный шорох дождя.

Светлая зависть к друзьям, познавшим истинную любовь, злость на несовершенство мира, уносящего в небытие тех, кому бы жить да жить, горечь, сожаление о необратимости времени и о своей тайной неразделённой любви — чувства эти теснились в его груди. И память снова вернула Алексея в прошлое.

...Скромная голубоглазая девушка с ямочкой на левой щеке приглянулась Алексею ещё на вступительных экзаменах. На ней было синее в горошек платье с белым закруглённым воротничком. Узкий поясок подчёркивал стройную фигуру. Такой навсегда и запомнилась ему Наташа. Сколько перевёл он бумаги (Алексей неплохо рисовал), стараясь запечатлеть милый сердцу образ! Но чувствовал — что-то не то. Черты лица, внешнее сходство удавались, а характер никак не мог уловить. В конце концов Алексей бросил это занятие, поняв, что она ему нужна живая, а не на бумаге. Однако, по натуре страшно застенчивый, он долго не осмеливался сделать первый шаг. Чем сильнее разгоралась любовь, тем больше его сковывала предательская робость. И ничего не подозревавший Санька, верный друг Алексея, опередил его... Свадьба не дала трещины в их дружбе, ведь Алексей ни словом, ни жестом, ни взглядом ни разу не выдал свои чувства. Он сам себе порой удивлялся, как ему удавалось все эти годы нести такой тяжкий крест. Но теперь-то полегче: с ним Машенька — Наташина капелька. Такая же ясноглазая, с ямочкой на щёчке...

Шли годы. Жизнь брала своё. Монахом Алексей, конечно, не жил. Изредка врывались в его размеренные дни женщины. В каждой из них он пытался найти хоть какое-то сходство с Наташей. И не находил. То ли оттого, что не мог никак выбросить из головы свою первую студен-

ческую любовь, то ли был слишком придирчив. А теперь, после Наташиных проникновенных писем, где сполна раскрылась её душа, понял, что другой такой Наташеньки ему никогда не встретить. Вместе с тем Алексей со всей остротой почувствовал, как ему хочется любить и быть любимым! Что возьмёт верх — смирение перед судьбой или страстное желание найти свою любовь — Алексей пока не знал.

...Дождь не унимался. Казалось, ненастье проникло до самого сердца. Алексей встал, бесшумно прошёл в кухню, по пути прихватив из кладовки письма, прикрыл за собой дверь, включил свет. Он принялся было уже читать, расправив вдвое сложенный лист, но вдруг споткнулся, поймав себя на подкрававшейся мысли: а не заглядывает ли он в чужую замочную скважину? «Да какие же они мне чужие, Санька с Наташей?» — тут же мелькнула вторая мысль. И была она настолько сильна, что загнала первую в самый дальний угол его встревоженного мозга. «К тому же я обязан сохранить для Настеньки память о давших ей жизнь родителях. А я, оказывается, сам о них почти ничего не знаю». И Алексей продолжил чтение.

«Девочки мои милые, добрый день! Как вы там? Зарос у Машеньки пупок? Ты, Наташенька, как себя чувствуешь? Выписали вас или нет? Значит, Машенька — копия папа Саша? А какого цвета у неё глазки? Есть ли на щёчке, как у тебя, ямочка?

...У меня всё нормально. Вчера весь день шёл тёплый проливной дождь (и ночью поливал), а я еду на велике в Чиракчи и пою песни, потому что знаю: на почте меня ждёт твоё письмо! И вот оно у меня в кармане! Спасибо, родная. А вообще-то такое ненастье (дождик-то грибной!) мне по душе — Россию напоминает. Недаром же говорят: с родной стороны и ворона мила. А вот уж кто мне ежедневно напоминает о родине, так это купленный в Чиракчи велосипед „Урал“, изготовленный моими дорогими земляками на Пермском велосипедном заводе в нашей родной области. Кстати, на днях я „подковал“ своего коня: купил на базаре у спекулянтов две камеры по три рубля за штуку. В магазине-то они 90 коп. стоят, но их нет. Дефицит.

Между прочим, очень верный, выносливый и надёжный товарищ — конь мой удалой, Пегас мой быстрокрылый. Бывало, между уроками у меня образуется окно, так я за сорок пять минут успеваю домчаться на нём до Чиракчи на почту за твоим, Наташенька, письмом и вернуться назад. А это ведь туда и обратно 16 вёрст! И ни разу не подводил меня мой „иноходец“. Так я же перед тем, как его оседлать, глазу да приговариваю: „Давай, миленький, за Наташеньки-

ным письмом рысью! Успеем?“ А на обратном пути я едва удерживаюсь в седле: так лихо мчит меня мой конь к „Заре коммунизма“, словно радость всадника, получившего от любимой письмо, передаётся и ему. Ты, Наташенька, в хлопотах с доченькой, поди, уж забыла? „Заря коммунизма“ — название колхоза, на землях которого и находятся наш кишлак и школа-интернат.

Пиши, Наташенька, что ещё нужно посмотреть в здешних магазинах для Машеньки, для нас с тобой.

...В прошлое воскресенье ходили на Чимкурган с ребятами, добыли около 4 кг сазанов на пятерых. Вот и всё у меня. Осталось 49 дней. Как бы их укоротить? Ты не знаешь, Наташенька? Пиши, жду, люблю, целую.

Ваш Саня-папаня
08.04.74».

* * *

«Папочка, у нас всё хорошо.

Сегодня Машеньку купали днём, так как маме вечером на работу. Лежит в воде, помалкивает, глазки закрыла и прислушивается, как на неё водичка плещет. Вся в папу — любит мыться. Сашуля, пока ямочку на щёчке у доченьки не видно. Вчера с погремушкой дочу знакомила. Поворачивает головку, следит, глазками водит. Говорили, что новорождённые спят 24 часа в сутки. Не тут-то было. И наговоришься, и нагуляешься по комнате, и всё у нас бывает, ночью, правда, хорошо спит. Санечка, песен я доченьке пока стараюсь не петь, чтобы слух не испортить. Это уж на твою долю выпадет. Вчера же мы первый раз ходили на прогулку, но ненадолго, поскольку на улице довольно прохладно, снег идёт. Ирень уже вскрылась, но большого ледохода ещё не было.

...Манюнечка наша сейчас спит, прилягу и я на секундочку. В свободное время начну вязать себе красную шапочку. А вообще-то, Санечка, пожалуй, это самая трудная работа — поднять на ноги крохотного человечка. Пиши о себе подробнее. Что нового? Привет от родителей.

Мы с дочкой тебя крепко целуем и ждём дня встречи.
10.04.74».

* * *

«Дорогой мой Санечка! Христос воскрес! Сегодня Пасха. Весь день собираюсь написать, но... Мама на работе, вот и управляемся

вдвоём с доченькой. Славный наш папочка, мы всегда с тобой, ждём-пождём встречи. А пока пелёнки, распашонки, подгузнички. Доченька у нас такая вольнолюбивая — ни за что не успокоится, пока не выпростает руки из пелёнок. А вытянет их над головой — и светится от удовольствия! Но, оказывается, и тут за ней следить надо: руки-то стали свободные, она и расцарапала себе щёчку. Придётся зашить рукава у распашонок. Сегодня внимательней пригляделась — на левой щёчке чуть заметная ямочка, а глаза у Машеньки сине-серые. Но цвет, говорят, может ещё измениться. Сегодня мы, папа, гуляли, целый час сидели на крыльчке. Температура + 10°.

...Санечка, приезжай скорее. Я так устала без твоей заботы и ласки. Недавно по радио песню слышала: „Мне не хватает ласки твоей, тебе — моей заботы“.

Сейчас прервалась: Машеньке потянуться нужно, а ножки связаны. Потянулась и успокоилась. Скоро купаться будем, уже вода вскипела.

...А вот и кормиться пора подоспела — 3 часа. Потом стирать пелёнки, а так спать хочется — ужас! Ночью только усну, слышу — возится. Соскакиваю, и так порой до шести утра. А там по новой рабочий день, и на сон времени нет.

Сашуля, береги себя, не ездь под дождём, ещё простудишься. Как там наши славяне? Пиши. Целуем — мы с доченькой.

14.04.74».

* * *

«Сашуля, славный мой, что с тобой? Вот уже третий день почта не приносит письма. Мы с дочкой очень беспокоимся — всё ли ладно? Уже привыкли — через день-два получать весточку, а тут..

У нас всё в норме. Молочница у Машеньки проходит — мёдом лечим, а с мёдом-то она и пустышку полюбила. Пупок затянулся. Только вот исцарапала она себя всю. Сегодня подрезала ей ногти.

А с защитными рукавами распашонок знаешь что вышло? Я тут занялась пелёнками, отвлеклась, смотрю — вся распашонка с рукавами лежит у неё на животике, а ручки свободнёхоньки и опять щёчки царапают. Это уже проказы... младенческие. Стала теперь туго пеленать и руки, и ноги. А Маняшеньке это не нравится. Не кричит, но кряхтит, возится, руки пытается достать, но так и засыпает. Ой, уже проснулась: пора кормиться. Спешу от тебя, дорогого мужа, к доче.

Поела, отвалилась и уснула. У меня, Сашуля, что-то молока мень-

ше становится. Папа предлагает уже кормить печеньем. Наверное, начнём приучать и к мирской пище. На этом пока всё. Надо сбежать в магазин, пока доченька спит. Папа приглядит.

Мы очень ждём твоей весточки.

...Дописываю уже поздно вечером.

Устала. Но перечитала написанное и спохватилась: что же это я тебе спасибо за посылку забыла сказать? Спасибо, милый. И за босоножки тоже. Очень красивые и по размеру как раз. Всё, теперь целую и ухожу в постель... к тебе бы...

20.04.74».

* * *

«Девочки, хорошенькие мои, здравствуйте! Получил, Наташенька, сегодня письмо — спасибо! — и сразу же пишу ответ.

Слава Богу, что вас выписали, но вижу, что и забот у тебя, Наташенька, прибавилось. Тебе сейчас очень тяжело: доченька требует внимания, ухода и терпения. Так ты уж пиши пореже (я не обижусь), чтобы хоть себе-то отдохнуть.

Значит, у Машеньки ямочка на щёчке образуется? Вот здорово! И лепетать по-своему начинает? Я приеду, так уж, поди, и „мама-папа“ начнёт говорить? А то и ножками побежит? Держитесь, мои милые. Осталось 37 дней.

Вчера во сне вас видел, вот прямо, как наяву, только руку протяни и... Но, увы, только стена одна... Ты пишешь, что мало о себе сообщаю. Да всё у меня в ажуре. По воскресеньям ловлю рыбу. По вечерам с Валентином Крюковым в шахматы играю. У них же смотрел по телевизору почти все матчи нашей ледовой дружины на чемпионате в Хельсинки. Кстати, вчера была последняя встреча наших со шведами. И — ура! В 13-й раз мы чемпионы мира и Европы. Очень мне уж нравятся из наших хоккеистов Харламов и Фирсов. Да все молодцы. А тебе, милая моя, и поглядеть-то некогда. Ну ничего, красные уже на горизонте. Приеду — помогу.

Да, через четыре дня у нашей дочурки день рождения — один месяц. Поцелуй её за меня 31 раз — за каждый день. И кушай, Наташенька, больше орехов — это полезно. Я ещё вышлю. А молочные смеси „Малыш“ есть в кунгурских магазинах? А то я вышлю. Здесь они есть с рисовой и гречневой мукой: 1 литр = 750 килокалорий, по составу приближены к женскому молоку.

...Появились у нас на Урале подснежники? Если будет возможность, вышли в конверте. Привет от всех наших славян, особый — от

Прасковьи Израилевны. Она уж каждый раз при встрече всё про тебя да Машеньку расспрашивает.

А это тебе, Наташенька, берёзка моя стройная. Всё из того же цикла „Письма из разлуки“:

*Начиналось всё просто — с застолья:
 Пожелания близких, друзей.
 А теперь ты в краю белоствольном,
 Я ж под солнцем палящим степей.*

*Но появится первый подснежник,
 Улыбнётся влюблённым весна —
 И с дочуркой кудрявой и нежной
 У ворот меня встретит жена.*

*Сколько песен споём... колыбельных!
 Сколько вёсен у нас впереди!
 Дорогая моя, неужели
 Это всё подарила мне ты?*

*

*Ну а помнишь, как мы повстречались?
 Бабье лето, сентябрь за окном.
 В общежитии пели, смеялись:
 Нам стипендию дали тем днём.*

*Вот заветная дверь против холла.
 — Вам кого? — Мне... Её. Здесь Она?..
 Что ж, порой пятикурсник-филолог
 Робко молвит простые слова.*

*Пригласил я тебя в тот вечер
 На последний в „Художку“ сеанс.
 И в душе с той осенней встречи
 У меня начался Renaissance.*

*Как блаженны минуты свиданий!
 А зачёты? Экзамен? Диплом?
 Но влюблённым не стоит стараний
 Это всё отложить на потом.*

*Так невестою стала студентка,
После сессии звали женой,
А с недавнего вовсе момента
Стала мамою нынче весной.*

*Соответственно я назывался
То студент, то жених, муж, отец.
Ну а главное — мы остались
Всё такими ж, какие и есть:*

*Также искренне верим друг другу,
Также ласково смотришь ты
На ромашки с росистого луга.
Я же знаю, ты любишь цветы.*

*...Золотые полвека. Неужто
Их представить себе не могу?
На завалинке дед старушке
Шепелявит: «Тебя люблю!»*

Р. С. Моим стихам, Наташа, до высокой поэзии, до совершенства — и я это вполне осознаю — ой, как далеко. Они больше на любительском уровне: и по содержанию, и по форме. Вон сколько неточных-то рифм: она — слова, могу — люблю. Но, поверь, стихи писались не пером, а сердцем...

21.04.74».

* * *

«Санечка, пишу из нотариальной конторы: взяла копию Машенькиного свидетельства о рождении. Высылаю тебе, чтобы с нас не брали налог за бездетность.

Как ты, родной? У нас всё бы ничего. Только вот Машенька которую ночь не спит, кричит. Похоже, потничка прицепилась — красные точки по всему телу. Хотя купаем ежедневно, гуляем. Ну да пройдёт, у всех так бывает... А ещё, Саня-папаня, дочка наша стала уже головку отрывать от подушки. Это рановато для её возраста, говорит медсестра из детской поликлиники. А я думаю, это Машенька приподнимает головку, папу своего выискивает. Вчера начали её подкармливать коровьим молоком. Одни говорят, что разбавлять надо, а мы — цельным, кипячёным, парным.

Всё, бегу на Первомайку. Автобусы к нам не ходят, дороги в рытвинах. Но кругом уже сухо. Река сильно вышла из берегов. Если бы не вал — давно бы плавали. Целую. Твоя половинка. Пиши чаще. 22.04.74».

* * *

«Сашуленька, милый! Вчера получили долгожданное письмо — спасибо. Знаешь, теперь всё иначе — кормим Машеньку и печеньем, и коровьим молоком.

...Продолжаю на следующий день. Папа с мамой коляску купили. Вот в неё и положила нашу доченьку. Она спит, а я на крыльце спешу черкнуть тебе. Вчера не смогла дописать тебе: стирка, утюжка, вечером ежедневно топим баню, купаем Машеньку в очереди и других травах. Сейчас полпервого, а я даже не успела выстирать ночные пелёнки. Всё с дочкой. Да и мы ведь, папочка, уже большие, спим меньше, а внимания к себе требуем больше.

...Через два дня нашей донюшке будет ровно месяц. Ещё немного — и мы все вместе будем. Машенька научилась слушать меня. Когда спит, так я только с тобой мысленно разговариваю, Сашуля-папуля. А проснётся — вслух рассказываю о папе. И о тебе она знает почти всё, а в особо интересных местах дочка вместе со мной начинает улыбаться. Мы, папочка, начали уже „гулить“. А я ей помогаю. Да я ей во всём помогаю, даже кряхтим вместе при большой надобности. У нас, папочка, теперь и какашечки стали поинтересней, не то, что раньше — «подсласти да ешь». С прикормом-то (печеньем, молоком) и запашок теперь другой, как у большого человечка. А вообще-то, Сашуля, не знаю, что бы мы делали, останься я рожать в кишлаке. То у Машеньки молочница, то поносик, то не можем сходить, то кочерга, то опрелости. Вот сейчас между ягодичек высыпало что-то прямо до пузырей. Мама смазывает женьшеневым кремом, вроде лучше. Но крем кончается. Посмотри там его, хорошо? А что бы я там, в мазанке нашей, одна со всеми этими болячками стала делать? Ни опыта, ни сноровки. Так что спасибо маме. Я перед ней в вечном долгу.

...Ага, проснулась. Ждёт, когда мы с ней поговорим. Правда, Машутка больше пока слушатель, но не пассивный — появилась на лице мимика: как будто хочет что-то сказать, а не может. Смотрит внимательно, следит за мной, за каждым движением. И чуткая — реагирует на каждый резкий звук. Но мы её и не приучаем к идеальной тишине, включаем радио, телевизор, но не на всю, конечно, мощь. Вот только, Санечка, дочурка знает уже ручки. Это бабушка виновата: Машенька

плачет — бабушка на ручки. Это обычное явление — два воспитателя. Вчера должны были идти в детскую консультацию, но такая грязь, автобусы не ходят, и отложили на неделю. Наверно, сестра с врачом сами придут: здесь строго, серьёзно насчёт здоровья детей.

...Как-то мама отпускала меня в кино. Смотрела „Калину красную“, фильм по повести Шукшина, которую я читала в прошлом году. И фильм, и Шукшин в главной роли мне очень понравились.

До свидания, Саня-папая. Твои славяночки-уралочки.
23.04.74».

* * *

«Кровиночки мои милые, добрый день!

Наташенька, получил от тебя письмо и открытку с Первомаем. И безмерно счастлив! Как вы праздник мира и труда встретили? Я больше — трудом. Накануне устроил грандиозный субботник (как и 1 мая 1920 года, когда советские люди вместо демонстрации вышли на Всероссийский субботник): перестирал накопившееся грязное белье, полы вымыл, мышинные дыры в стене заложил осколками стекла, края которого пластилином укрепил — так что мышки-норушки теперь видят меня, да зуб неймёт. Прибрал, короче, всё в комнате и сам основательно вымылся.

Вечером посидели у Ахмадуллиных. Были Валентин с Людмилой, Андреевна, я с баяном. Но без тебя, Наташенька, мне было отнюдь не весело. Что ни делаю — урок ли веду, рыбу ли ловлю — я постоянно думаю о тебе и Машеньке. И о России. Наташ, это не громкие слова. На чужбине ведь Родина особенно остро воспринимается. А она для меня — это ты с дочуркой на ромашковой поляне в хороводе стройных берёзок, а рядом непременно речки светлая струя.

Ты знаешь, Наташенька, по-моему, разлука с человеком, любовь которого согревает на расстоянии, разлука с родной стороной, где рос, бегал босиком по лужам после тёплого грибного дождичка, где на утренней зорьке ловил окуней и мечтал о заветном, где научился понимать природу, где разговариваешь с берёзками, запросто здороваешься с солнышком, поёшь в унисон с соловьями и дроздами, так вот такая разлука с любимым человеком и с родным краем — самое тяжкое испытание для человека. И те, кто выдержал её, не склонил головы, должны быть непременно счастливы. Ты согласна со мной, любимая?

А до полноты этого счастья нам осталось совсем немного: на моём календаре 27 дней. Недавно по нашей „говорилке“ услышал песню (или стихи) и запомнил такие слова:

*До звезды берёзка
Достаёт вершинкой.
Я большой России
Малая росинка.**

Ах, какие проникновенные строчки: «Я большой России малая росинка!» Это же обо мне сказано. Но твоя, Наташенька, сказка-притча о Солнце, Ромашке и Земле ещё лучше. Я даже проследил, читаючи её — до нутра прошибла. Крепитесь, родные. Совсем скоро жаркое Солнышко обласкает соскучившуюся по нему Землю, и Ромашка доверчиво потянется к Солнышку нежными лепестками. Я перед сном перечитываю твои, Наташенька моя славная, сказки. Потом беру гитару и пою для тебя песни. Да, да, ты сходишь с фотографии и прямо в том же свадебном платье садишься рядом со мной, и мы уже поём вместе.

Что-то я сегодня рассентиментальничался. Всё, спускаюсь с облаков. На днях получил письма от Лёхи и от Юры Горбачёва, передают тебе привет. Начал потихоньку укладывать вещи в мешки, чтобы потом только скинуть в контейнер. Привет маме с папой.

Целую, обнимаю, люблю вас, девочки мои сладенькие.

Ваш Саня-папаня.

02.05.74.

Р. С. Наташенька, я не утомил тебя своей писаниной? Если нет, тогда ещё вот на посошок:

*Спозаранку озабочен:
Усупруги юбилей.
Я не спал минувшей ночью,
Сочиняя песню ей.
Я ворочался в кровати,
Маяком горел ночник.
Сколько слов перелопатил,
В рифму складывая их!
Я назвал свою Наташку
Ясной зорькой, родничком,
И берёзкой, и ромашкой,
И весенним ручейком.*

* Песня из документального фильма «Вилегодские мужики» (слова Л. Кукулина, музыка Н. Мартынова).

А жена в ответ: «Не верю!»
 Посмотри, мол, на число.
 «Видишь — первое апреля.
 Не поверю ни за что».
 Юмор тоже понимаю,
 Больше в голосе тепла:
 «С днём рождения, родная,
 Моя милая... пила!»
 Как руками замахала,
 Да притопнула ногой,
 А утихла и сказала:
 «Про... ромашку снова стой».

*

Ах, любовь, что ты делаешь с нами?
 Ты и солнце, но греешь сильнеей.
 Ты весна, ты и осень с дождями,
 Сама жизнь, но чуть-чуть посложней...

*

Тепло от солнца, от камина,
 Жар от мартеновских печей...
 Да собери их воедино —
 Огонь любви он всех сильнеей!

*

Тех, кто горечь разлуки до донышка выпил,
 Устоял от соблазнов земных до конца,
 На ухабах житейских ничем их не выбить.
 Только крепче любовь и нежнее сердца!»

* * *

«Солнышко наше, Сашуля-папуля! Спасибо за письма, за сердечные стихи. Извини, но, честно, некогда сразу ответить. Вся в поту — пелёнки, кормёжка, вода — в дом, из дома. Но это всё ерунда. Главное, доча здорова. Уже 4 кг. Пьём витамин Д, морковный сок, молочко мамино — хватает. И манную кашку уже даём. Ещё доченька наша такая спешилка — если ей нужно, то только в ту же секунду. Иначе — мировой рёв. А если подвернётся случай (руки на свободе), она тут же правый кулачок в рот и чмокает на всю комнату. Машенька уже больше бодр-

ствует, поднимает немножко головку, попку, ножками с силой отталкивается, ручками хватает всё, но пока бессознательно. Приедешь — она даст жару твоему носу, свой давно весь исцарапала. Сашуля, у доченьки глазки пока синие-синие — твои по разрезу, твой подбородок. Носик прямой и чуть кверху — так что мой и твой. Я зову её синеглазкой — так улыбается, довольна. А что не по ней, сразу нижнюю губоньку натягивает и начинает всхлипывать. Сама же прислушивается — не сменю ли я тон голоса, не подойду ли: может, и реветь-то не стоит? Хитренькая.

У нас на деревьях появились листочки.

...Манюнька наша сейчас лежит, гулит, разглядывает подвешенные над кроваткой погремушки, но одна не любит долго лежать, хочет, чтобы её развлекали. На ножки я доченьке пристроила носочки, которые когда-то я вязала для... куклы.

Копаем огород под картошку, мелочь посадили. Теплынь. Цветёт черёмуха — очень красиво, как невеста. Высылаю кисточку.

Саня-папаня, есть заказ: посмотри доче костюмчик красивенький 24–26 размер.

Теперь ждём: каждый стук и днём, и ночью — не папочка ли наш приехал... Я уж прошу Всевышнего, чтобы он дал тебе сил и терпения.

Целуем крепенько. Мама, дочка.

12.05.74».

* * *

«Родные мои Наташенька, Машенька, здравствуйте!

Что случилось, Наташенька? Почему от тебя нет писем? Последняя твоя весточка датировалась 6.05.74. Я очень волнуюсь. Может, обидел тебя чем-то? Прости, если что. Но я тебя люблю всё сильнее и благодарю тот случай, который соединил нас. Поверишь ли, но все мысли о тебе, моя золотиашка, о предстоящей встрече. С нетерпением жду того дня, когда обниму тебя и приласкаю нашу солнечную Маняшку-Ромашку. Только твои нежные письма и скрашивают мою жизнь (вернее, существование) вдаль от тебя. Если бы мне предложили: „Выбирай: ещё один месяц в разлуке с любимой и за это ты будешь награждён десятью лишними годами жизни или немедленная встреча с милой, но жизнь твоя сократится на десять лет“, я не колеблясь выбрал бы последнее. До того осточертели одиночество и разлука!..

Ой, извини, Наташенька, я же напрасно обвиняю тебя: у тебя ведь хлопот выше головы с Манюней, а я пристал — почему не пишешь. К тому же, сегодня почту, где наверняка было твоё письмо, застал закрытой.

...Пять дней тому назад (13.05.74) исполнилось три месяца, как мы в разлуке. Для меня это целая вечность. В последние дни и сон потерял. Всё представляю, как зайду в наш уютный домик на берегу Ирени, да как подниму вас обеих на руки...

Ну, держитесь, мои девочки, «ещё немного, ещё чуть-чуть»...

Любящий вас, Саня-папаня.

18.05.74».

* * *

«Родной наш папочка Сашечка!

Извини, славенький, что редко от нас получаешь, но мы каждое мгновение мыслями с тобой. Вот сейчас Машеньку вроде бы усыпила, но не тут-то было: глазки открылись, маму не увидела — и в крик. Хотя если в настроении — улыбается вовсю. Ладно, побежала к доче, а письмо отдаю маме — она отправит.

Живы. Здоровы. Целуем. Любим. Очень ждём.

Твои девочки-уралочки.

23.05.74».

* * *

«Наташенька, родненькая моя! Спасибо тебе, милая, за кисточку черёмухи. Очень здорово! Чуть подсохла в конверте, но запах (Родины!) всё равно ощущается. Я ходил с кисточкой к славянам, так и они в восторге. Здесь-то ведь черёмуха не растёт. А я приеду — вовсю, поди, сирень расцветёт.

Сегодня нашей Машеньке два месяца! Поздравляю. Растёт наш человечек! Увидеть бы сейчас вас обеих... Как у вас самочувствие? Всё ли посадили в огороде? Впрочем, Наташенька, ответа уже не пиши: может не застать меня уже твоё письмо.

До встречи, нежные мои создания. Ваш Саня-папаня.

25.05.74.

Р. С. Наташенька, высылаю тебе свои последние вирши. А то впопыхах буду собираться — всё могу порастерять: ты меня ведь знаешь. А у тебя точно сохранятся. Да и они мне дороги, поскольку тоже помогли Сане-папане скоротать разлуку.

Любовь и Ненависть на старте.

С победой кто из них придёт?

Сначала Ненависть отстала,

Но после вырвалась вперёд.

*Любовь отчаянно сражалась
И первой к финишу пришла.
Вот потому-то и, пожалуй,
Ещё вращается Земля!*

*

Подснежник

*На воробьиный скок прибудет
Денёк, а в сердце уж светлей!
Весна спешит, ведь знает: людям
Живётся с нею веселей.
Ещё мороз тербит щёки,
Прохожих вьюга валит с ног.
Но где-то там, под снежной толщей
Сил набирается цветок!*

*

*С рыжим посохом осень шагает.
Прикоснётся лишь к дереву им —
Улыбнётся оно, обласкает
Взглядом светлым своим, золотым.*

*Прикоснись своим посохом, осень,
К людям злым, с потемневшей душой —
Сделай каждого добрым, хорошим.
И ступай на свиданье с зимой.*

*

*Румяное солнышко яблочком
Висит над моей головой.
Ах, съесть бы его! Нет, не надобно —
Нам всем без него — о-ё-ёй...
Какая великая миссия
У солнца — светить для людей!
Оно нас не делит на избранных —
На сильных и тех, кто слабей.
Всех солнышко греет без усталы,
Не требуя платы взамен.
Ему рады старцы, безусые,
И нищие, и бизнесмен.*

*Вот каждый из нас стал бы солнышком —
Светил и дарил бы тепло.
И в мире, враждой переполненном,
Навеки исчезло бы зло!*

*

*Таинственно звёзды мерцают,
С небесной глядят высоты.
К себе ли они зазывают?
На землю хотят ли сойти?
Спускайтесь, родные светляне,
Без вас темнота над землёй.
И, если Господь рядом с вами,
Его позовите с собой.
Униженных и оскорблённых
Немало у нас на Руси.
Дай, Господи, лучшей им доли,
Спаси их, родимый, спаси!*

*

*Это кто к весне подкрасил,
Так берёзки подновил?
Чтоб им стать светлее, краше,
Сколько надо же белил?
Щедрый был, видать, тот мастер.
Он белил не пожалел.
Где ж упала с кисти краска —
Там подснежник зазвенел!*

*

*Васильки, что на поле на хлебном,
Сорняки это всё-таки или цветы?
Это нотки из песенки неба,
Что сбегали по стрункам дождя с высоты.*

*

*Из белых из мокрых пелёнок
Земля распиналась. Проснулась!
Доверчиво маме спросонок
Ручонки свои протянула.*

*Зелёную ей распашонку
Весна примеряла, надела.
Сама же, любуясь в сторонке,
На доченьку нежно глядела.*

*

*Ковшом Большой Медведицы,
Ей-Богу, ведь не вру,
Я почерпну созвездия
И милой подарю!*

*

*Белым лебедем облако мчится,
Белым снегом искрится рассвет.
И над белым листом он склонился,
Молодой белокурый поэт.*

*Белый дым над избушкою вьётся,
Веет с белых берёз торжеством.
...Нет, не зря белым светом зовётся
Мир, в котором мы с вами живём!*

*

*Предзимье стихами обижено.
Не то что, к примеру, весна:
Капелью и солнцем пронизана
Почти в каждой строчке она.*

*А в пору предзимнюю времечко
Как будто устало шагать,
На взгорке присело у реченьки:
«Чего же теперь ожидать?»*

*Природа печально-унылая:
Метели, мороз впереди...
Дрожит каждой веточкой милая,
Где силы такие найти,*

*Чтоб выстоять зиму ей властную,
А после обрадовать вновь —*

*Есть в мире столь хрупком, неласковом
И вера, надежда, любовь!*

*

*Четыре стержня есть у человека:
Любовь, природа, Родина, семья.
Без них, поверьте, пробовал, на свете
Прожить никак практически нельзя.
Возьмите стол, одну спилите ножку.
Его чуть-чуть толкнуть — и упадёт.
У человека без опоры прочной,
Увы, вся жизнь наперекос пойдёт...*

*

*Спасает от зноя и жажды,
Не требуя платы, ручей,
С таким бескорыстием каждый
Вершил бы добро для людей!*

*

*Звон колокольный... Он голосом
Божьим людей созывал.
Есть ли в душе твоей колокол?
Кто-то его услышал?..*

*

*На свете слов хороших много,
Но крепче стали и огня —
Россия, Пушкин и свобода —
Слова святые для меня!*

*

*В ночной тиши часов удары:
Четыре... Пять... А я не сплю.
Вдруг за окном взмах гитара:
«Алёнка, выйди! I love you!»
Прилив — отлив. Разлука — встреча.
Измена — верность. Плач и смех.
Земля и небо. Утро — вечер.
Мороз — жара. Провал — успех.*

*Да, наша жизнь сплошь из контрастов.
Один не спит — ушла любовь.
Другой влюбился — пьян от счастья
И целый мир обнять готов.*

*

*Одному счастье видится — жить без натуги,
При богатстве и славе, в пирах. А по мне,
Счастье — это когда помогают друг другу,
Это свет-маячок у любимой в окне!»*

* * *

«Славненький мой Санечка!

Вот только что доча угомонилась — уснула. А я — к перу, к бумаге. Сашуленька, как я по тебе соскучилась... Скорей бы встреча. И больше ни за что, никуда без тебя. Даже в рай без тебя не пойду. Ни за какие миллионы. Если бы сейчас подъехала к нашему дому машина времени, и меня спросили: „Куда?“, я без раздумий бы сказала: „К моему любимому мужу, в кишлак“. Даже несмотря на то, что там бывало и опасно.

Помнишь, как меня со второклашками вместо уроков отправили на хлопковое поле собирать гузапаю? (Гузапая — высохшие стебли от хлопка, они использовались вместо дров для отопления. — *Прим. авт.*) Показали нам участок бригадиры — два бабая в чапанах. Работаем мы, складываем гузапаю в кучки. И вдруг ко мне подбегает Фатима: „Учительница-апа, Вы знаете, о чём говорят бабаи? Один показывает на Вас и говорит другому бабаю, что Вы красивая. Что такой жены у него ещё не было, но будет, что Вы никуда не денетесь, украдёт“. Я глянула на них: за поясом — кинжалы с золочёными рукоятками, на головах — белые чалмы, в руках — плётки. Басмачи да и только, как в кино. И грима никакого не надо. Испугалась до смерти. Детишек — в кучку, они окружили меня, и мы все потихоньку-потихоньку, да и убежали с поля. А как в самый первый день мы с тобой к кишлаку подходили, помнишь? Мальчишки-узбеки увидели и с криками „Урус! Урус!“ давай в нас камнями пулять. Вот дикое средневековье.

...Вчера приезжала ко мне моя однокурсница Вера Елькина. От неё узнала, что все „русачи“, кроме Деменевых, проходят отработку в Узбекистане, в Сурхан-Дарье. И тоже собираются удирать оттуда, к себе на родину, на Урал.

...Черёмуха у нас отцвела. Теперь в невестах яблоня... Ой, вот уже и позывной клич... Кажется, снова усыпила. Надолго ли? Вот всё бы

ничего, но после обеда и до самого вечера и не спится, и не ложится, а только кричится. На руках качаешь — помалкивает. А часов пять-то покачаешь её — не знаешь, как потом руки уложить. Вроде, пелёнками закутаешь — и человечка-то не видно, а по весу уже чувствуется. Манюнечка уже с удовольствием кушает манную кашку, сок морковный, но больше всего ей нравятся мамина титя да собственные кулачки. Иногда прямо кричит оттого, что оба кулачка в рот не входят...

Ждём нашего Сашечку-папочку, муженька любимого, зятюшка приветливого.

Крепко целуем. Твои девочки.
23.05.74».

* * *

«Сашуля-папуля, родненький!

Как ты там? Настроение? Здоровье? Мы с дочей совсем истосковались по папе. Сегодня заходил сосед Иван Сергеевич, с которым отец мой часто на рыбалку ездит. Стал он с Машенькой разговаривать, она губки поджала, бровки насупила, прислушивается к незнакомому голосу. А я начала с ней наговаривать — сразу всё прошло, улыбается маме. Казалось, два месяца, а нет, доча очень изменилась: из новорождённого превращается в ребёнка с пухленькими ручками и ножками. Сейчас и потискать есть что, а мягкую попку и полюбить приятно.

Машенька хорошо знает свои игрушки. Тут бабушка Анфиса, соседка наша, подарила новые, так она их долго, с серьёзным видом рассматривала и уже потом доверила игрушкам свои тайны — наговаривает с ними.

Да, славненький мой, с окончанием тебя учебного года! Пусть он в нашей жизни будет последним, когда мы не вместе.

Сань, лирики хочешь? Поднимаю я голенькую Машеньку на двух ладошках на уровне груди, покачиваю и спрашиваю её: «Почём килограмм такой малышки стоит?» Доча, конечно, в восторге, улыбается (хохотать ещё не умеет), руки-ноги в ходу. А я думаю: «Правда, почём?!» Наверное, тонны любви, ласки, счастья двух, а потом трёх человек. А?!

Сашуля, хочу ещё написать о маме. Без неё я не знаю, смогла бы вынырнуть нашу лялю. Это были самые трудные два месяца. Я молчала, но теперь можно рассказать. У доченьки с самого рождения на щёчках были сплошные коросты. И вот зуд-то и беспокоил страшно её. Благодаря маминим хлопотам, мы избежали больницы и сильно-

действующих лекарств. Мама купала Машеньку в травах, делала различные обезболивающие примочки, доставала нам редкостные болтушки. Только через два месяца лучше стало. Теперь личико чистое. Предполагаем, что Машеньке в роддоме дали антибиотики (у неё к ним невосприимчивость), так как долго не заживал пупок. Слава Богу, теперь это всё позади.

Крепко целуем и с огромным нетерпением ждём встречи с самым родным и любимым Саней-папаней.

Всегда твоя Наташенька.
26.05.74».

* * *

«Милые мои, хорошие девочки-красавицы!

Спешу сообщить приятную новость: завтра отправляем с Валентином багажи на станцию Китаб. Они, Крюковы, в Воронеж уезжают, где им от школы-интерната — воронежской — сразу квартиру дают. Багажи сдадим и сами тронемся.

...Расчёт за обоих и за твой больничный лист получил. Всё вместе — порядочно... Сейчас пишу с почты, где от тебя весточка пришла — уже сороковое(!) письмо (я их нумерую), не считая открыток и телеграмм. Спасибо, моя славная жёнушка, ведь благодаря твоим ласковым посланиям я и выстоял. Подробности нашего дальнейшего жития обсудим при встрече.

Всё, я побежал. Нужно ещё копии трудовых книжек заверить. Как вы там? Ещё маленько — и наша счастливая тройка будет неразлучной.

Ну целую до изнеможения, люблю без усталости, жду встречи с пренетерпением.

Твой муженёк Санёк, доченькин Саша-папаша.
P. S. *Это последнее письмо из Чиракчи! Ура!!!*
30.05.74».

* * *

«Наташенька, Машенька! Ещё раз привет.

Вот похвалился в предыдущем письме, что оно последнее — ан, нет, не вышло. Итак. Со всех учётов снялся, трудовые книжки замдиректора подписал (директор болен, аппендицит вырезали), обходные тоже подписаны. Завтра утром отправляю багаж через Карши на нашей машине. Валентин и Людмила с детьми ещё вчера уехали совсем. Они свой багаж отправили через Китаб. Вместе не получилось: мой

багаж не вошёл в машину. Проводил я их до Карши, заодно узнал о контейнерах — свободно. Ну а вы как? Здоровы? Не падайте духом. Сердце-то моё давно с вами. Только ноги осталось отсюда вытащить. Но пассаран!

Целую, люблю, рвусь к вам всей душой — ваш Саня-папаня.

Привет родителям.

02.06.74.

Вчера не успел отправить письмо, дописываю сегодня. Наташенька! Усё у порядке! Багаж только что отправил, обошёлся в 30 рублей. Наташенька! Извини, что не расписываю подробности, так как изнемогаю от нетерпения обнять вас обеих с дочуркой, а посему и за билетом сейчас б-е-г-у! Ура! Конец разлуке! Je n'aime que vous, ma chere femme Natalie et ma fille Marie! — Я люблю только вас, моя дорогая жена Наталья и дочка Маша!

Ваш Саня-папаня.

Р. С. Это уже точно моё последнее письмо из солнечного Узбекистана. Его № 34. Так что, Наташенька, счёт в нашей переписке 40:34 в твою пользу. И я искренне радуюсь твоей победе! Хотя, что я мелю? „Твоя“, „моя“... Это же наша общая с тобой победа и Машенькина тоже!

03.06.74».

...Алексей бережно сложил письма в пакет, заглянул в детскую, где на кровати разметалась его доченька. На её лице блуждала улыбка, отчего ещё заметнее проявилась ямочка на левой щёчке. Отец поправил сбившееся одеяло и пошёл к себе спать. Но разве уснёшь после того, что прочёл?

Раздумья о горькой судьбе друзей сменялись восхищением их романтической любовью, благодарностью за дружбу, ничуть не пошатнувшуюся со студенческой поры, благодарностью и за дочку Машеньку, которая с детской доверчивостью прильнула к Алексею.

«...А ведь у Наташи совсем по-другому могла сложиться судьба. Она же была лучшей студенткой на курсе. Профессор кафедры языковедения, у которого Наташа писала дипломную работу, даже намеревался оставить её после окончания университета на своей кафедре, привлечь к научно-исследовательской деятельности, к чему она проявила склонности ещё в палеологических экспедициях по северу области. И вот вместо такой заманчивой перспективы Наташа выходит замуж и уезжает в... глухой кишлак, работает воспитателем и учителем начальных классов. И Санька вместо изысканного французского языка (ино-

странного языка в школе-интернате вообще не было) преподавал русский язык и литературу, математику и пение, вёл хоровой кружок, хотя уже на четвёртом курсе писал стихи на французском языке, диплом на отлично защитил. Ну не романтики ли они оба, Санька и Наташа? Ука-тили в такую глушь поднимать культуру здешнего населения.

Как у нас так распределяют выпускников вузов, что они работают не по своей основной специальности? Да Санька с Наташей, похоже, и не заморачивались этими проблемами. Самое главное — они были вместе и любили друг друга. И как сильно любили! В один час и расстались со своей жизнью ради жизни своей кровиночки, своей капельки. Да... Такие люди и умирают вместе... Зачем же ты, Господь, призываешь к себе людей в самом их расцвете лет, по сути, только-только познавших всю полноту земной любви? А, наверное, для того, чтобы в раю всегда было светло. От вас же, Наташа и Санька, всегда исходил такой лучезарный свет...».

...Алексей не заметил, как отшуршал дождь и просветлело мхурое небо. Просветлело и на душе у Алексея. К его сердцу потихоньку заструилось тепло...

СОЛНЕЧНЫЙ ВАГОН. Рассказ

«Будем как дети — тысячи бед минуют нас, будем по-детски откровенны — лукавства и ухищрения скроются от нас, как кроются гады от солнечного света, будем бескорыстны, как дети, — и не будет обманов».

Владимир Крупин

Конец августа. По этому краешку лета и катила наша электричка от Перми-2 до Чусовской. За окнами вагона проплывали мхурые, потемневшие от продолжительных ливней деревья. Почти вплотную к железной дороге подступали нарядившиеся в жёлтенькие сарафаны берёзки и осинки, чьи платьница были чуть ярче, чем у их белоствольных подружек. Но на фоне тёмного, свинцового неба как-то не радовали глаз и их осенние наряды. От проходившего на скорости поезда ветки деревьев вздрагивали и в потоке ветра тянулись к прильнувшим к окнам пассажирам, словно просили: «Возьмите и нас с собой. Нам так тоскливо на холодном ветру, под дождём».

А куда вас возьмёшь? И зачем? Ведь в вагоне та же самая промоз-

глая осень, что и за окном: под стать ненастью серые, озабоченные лица пассажиров, погружённых в свои невесёлые думы. Ни улыбок. Ни разговоров. Лишь мерный перестук колес на стыках да на останках врывающийся в вагонную тишину женский голос из динамика: «Будьте осторожны! Двери закрываются».

Сидевший напротив меня мужчина в галстук и берете оторвался от «Аргументов и фактов», глянул в окно, секунд пять рассматривал унылую непогоду, отложил газету, притулился к стенке и задремал. Пожилая грузная женщина убрала в сумочку вязание и последовала примеру соседа в берете. Вагонные колеса, казалось, выстукивали морзянкой одну и ту же фразу: «Ску-ка, ску-ка, ску-ко-та!»

В купе наискосок ехали молодые родители с дочкой лет пяти. Её огромные глаза синими фонариками освещали скучную обстановку вагона. Девочка ела сосиску в тесте и пила лимонад. Не откусав и половины, дочка протянула маме сосиску:

— Не хочу больше.

— Настя, а я сказала — доешь! — Мать отвела руку дочери назад.

Мальшка стояла на своём:

— Мам, да не хочу я уже. Смотри, какой живот толстый. Вот похудеет, тогда и доем сразу.

При этих словах дремавший «берет» чуть приоткрыл глаза, по его лицу скользнула едва заметная улыбка. Я же с трудом удерживался от смеха: «похудеет — и доем». Железная логика!

А Настя уже вовсю тормошила отца:

— Папа, ты ведь шарики купил. Надуй один.

Отец вынул из кармана горсть разноцветных шариков:

— Какой тебе?

— Вот этот, — ткнула пальчиком дочка в жёлтый шарик. — Надуй так, чтобы на солнышко был похож.

Как только он, надутый, оказался у неё в руках, Настя выскочила в проход и подкинула шарик вверх.

Тот по кривой траектории полетел к дачнику с рюкзаком на коленях. Удерживая поклажу одной рукой, мужчина, улыбнувшись, другой рукой отпасовал шарик обратно девочке. Настя ладошкой отбила шарик.

Девушка-студентка — это её на сей раз выбрал шарик — оторвалась от раскрытого ноутбука и с улыбкой отправила воздушную жёлтую игрушку в соседнее купе.

И шарик золотым солнышком плавно заметался по всему вагону, в котором сразу стало светлее.

Девочка со смехом бегала по проходу, ловила и кидала шарик бородатым старичкам и серьёзным дядям, модным тётям и седым бабушкам. А те, отбив шарик, угощали синеглазку кто конфеткой, кто яблочком, и даже шоколадкой.

Ещё недавно дремлющий вагон проснулся и с азартом перекидывал шарик из одного конца в другой, не забывая и раздумянившуюся Настеньку.

— Вот егоза! Дак и мы ранее экими же были. Во что только не играли — в вышибалы, «На цыпахи», лапту. До самого ведь темна летали по поляне. Отец порой уж с ремнём загонял нас домой. — Проснулась и грузная пожилая женщина, отпасовавшая шарик мужчине средних лет в штормовке.

А тот, привстав на скамейке, головой отправил шарик не успевшей его поймать Настеньке:

— А мы в детстве вот так голы забивали!

Скуки и уныния в вагоне как не бывало. Даже солидный при галстукке мужчина умело перепасовал шарик студентке. И колёса вагонные — специально прислушивался! — на стыках рельс выговаривали совсем другую фразу: «Жизнь пре-крас-на! Кра-со-та!»

— ...Станция Калино. Следующая — сто двадцатый километр.

Ёлки зелёные, чуть не проехал свою остановку! Я встал. И тут шарик, будто на посошок, подлетел ко мне. Свободной рукой я подкинул его Настеньке, помахал ей на прощание и шагнул из солнечного вагона в неудобный тамбур.

Спасибо, Настенька, спасибо, милая! Из-за дождей и холодов нынче, считай, лета-то и не было. И ты, славная девочка, не представляешь, какой замечательный подарок сделала мне, всем взрослым, вытащив нас из хмурого осеннего дня в солнечный денёк детства! Хоть на пару часов. Но как это было здорово!

Я ожидал проходящий через Лысьву поезд Чусовская — Кын, а мысленно всё ещё был там, в солнечном вагоне. И не переставал удивляться — как эта синеглазая кроха сумела размягчить наши чёрствые души? В принципе, окажись сейчас Настенька со своим воздушным солнышком на нейтральной полосе, к примеру, в донецких степях между ополченцами и частями украинских войск, уверен, выстрелы прекратились бы с обеих сторон, умолкли бы пушки, закончилась бы война. Хотя нет, лучше не подвергать её такой опасности.

Но то, к чему стремится, по сути, любой добрый человек — «переделать этот мир, чтоб был счастливый каждый», — она сделала сегодня легко, без каких-либо усилий, играючи...

КУКЛА ДЛЯ СВЕТЛАНЫ. Рассказ

Широкие рыбацкие лыжи легко скользили по мартовскому насту. Путь предстоял неблизкий: от станции Валежной до Заозерья, что на берегу Чусовой, добрых двенадцать километров. Но трёх закадычных друзей: Николая, Андрея и Егора — это ничуть не пугало. Впереди целых два выходных! К тому же на днях из Заозерья везли и судака, и леща, и щуку. Об этом Андрею и Егору сообщил Николай. А уж он всегда располагал точной информацией.

Погода выдалась как по заказу: лёгкий морозец, ни ветерка, безоблачное небо. Оранжевым апельсином из-за кромки леса выкатилось солнце, и от заснеженных елей на просеку легли длинные голубые тени. По этому синему коридору и спешили лыжники. Наиболее впечатлительный Егор чуть поотстал от товарищей: не хотелось ему на скорости проскочить мимо такой красоты. А те, подгоняемые рыбацким азартом, катили, что называется, с ускорением. Егор настиг их уже возле самой деревни. Сейчас главное — устроиться с ночлегом, перекусить и на водоём. У тёти Вали, в уютном домике которой они однажды останавливались, на этот раз оказалось уже занято. Ничего удивительного: сезон рыбацкий в самом разгаре. Заядлые любители подлёдного лова в эту пору здесь неделями живут, отпуск специально берут.

— Да вы к бабе Любе загляните. У неё всем места хватает. Вон её дом, второй от реки, — посоветовала тётя Валя.

К приземистой хате с покосившимся крыльцом вела узкая, но хорошо утоптанная тропинка. Попав с яркого солнечного света в тёмные сени, наши друзья чуть было не запнулись за прислонённые к стене ледобуры, лыжи. Впрочем, и в избе оказалось не намного светлее: одно окно было занавешено выдавшим виды одеялом, два других наполовину заслонял нависший с крыши снег.

— Не пустишь ли, хозяйшюка, троих на одну ночку? — спросил Николай, поздоровавшись.

— Здравствуйте. Значит вас трое? Так, семеро — они две ночи ночевали — ушли на реку ещё затемно. Да вас сколько? Пятеро? — Баба Люба обернулась к встающим из-за стола рыбакам, среди которых трое Николаю были знакомы. — Пятеро. Выходит, всего 15 человек. Бывало и по 20 человек ночевали. Если не побрезгуете, милости просим.

— Спасибо, — вразнойбой ответили друзья и стали снимать рюкзаки. — В тесноте, да не в обиде, — решили Николай, Андрей и Егор. — Главное — под крышей и в тепл».

Разглядывать обстоятельно жилище было недосуг. Наскоро перекусив, прихватив с собой самое необходимое, они зашагали к реке. Ни лещ, ни судак в тот день не сказались. Но четвертного окуня ловили и на мели, и на глубине — в русле. Порой проворачивались и покрупнее — по 300–400 граммов. Начало уже темнеть, когда наши друзья стали сворачивать свои снасти. С водоёма они уходили последними.

Знакомая дверь отозвалась жалобным скрипом. В нос сразушибануло запахом крепкого табака, смешанного с людским потом и теплом, идущим от русской печи. Улавливался и запах, который встречается чаще в хлеву, чем в избе. Сизый табачный дым завис над потолком. И единственная лампочка с трудом пробивала эту синюю пелену. «Ну и ну, хоть колун втыкай», — отметил про себя Егор. Спешить теперь было некуда, и он внимательно огляделся.

Большую половину избы занимала довольно просторная комната с русской печью посередине. Кухню отделяла дощатая, не доходившая до потолка перегородка. Над ней и висела лампочка, освещающая комнату и кухню. Под полатами Егор разглядел загончик, в котором копошились куры и петух, тут же на соломе лежала коза, пережёвывавая жвачку. В углу у перегородки на корточках притулилась белокурая, лет пяти, бледная, худенькая девочка в тёмно-синем, давно не стиранном платье. Не обращая внимания на взрослых, она перекладывала в картонной коробке из-под обуви какие-то цветные лоскутки. Ну точь-в-точь как на картинке из букваря, по которому Егор учился. На той картине художник изобразил быт крепостных крестьян, вернее, интерьер сельской избы, где в единственной убогой комнате ютились и взрослые, и босоногие детишки, и животные. На той же странице букваря, очевидно, для контраста была помещена другая картина, показывающая счастливую жизнь детей при Советской власти: на зелёной лужайке резвятся весёлые и нарядно одетые дети, над ними в голубой вышине пролетает самолёт. Именно эти картинки из букваря (или «Родной речи»?) вспомнились Егору, когда он осматривал избу бабы Любы. К сожалению, ни на чём, что могло бы свидетельствовать если уж не о благополучии, то хотя бы об элементарном уюте, взгляд его не задержался.

К голым бревенчатым стенам, почерневшим от времени и копоты, были прилажены широкие лавки. Возле печи стояла железная койка, покрытая стёганым одеялом. Ещё одну такую же, но чуть пошире, Егор увидел у стены, смежной с сенями. За кроватью у той же стены накренился обшарпанный платяной шкаф, дверца которого

не закрывалась из-за выпирающей груди грязного белья и одежды. Углы потолка подёрнулись паутиной. Пол был до того замызган, что, похоже, его не мыли с момента заселения, лишь время от времени выметали из избы крупный сор. В красном углу под загаженной мухами и тараканами иконой стоял длинный сколоченный из досок стол, за которым и разместились рыбаки. Одни заканчивали ужин: среди домашней снеди возвышалась недопитая бутылка водки. Другие на противоположном конце стола, не выпуская изо рта папирос, уже подрумяненные, резались в карты. В их компании Егор увидел и молодую подвыпившую женщину в неопределённого цвета кофточке. На вид ей было около тридцати лет. Облокотившись о стол, она мусолила карты и вместе со всеми громко смеялась над чьей-нибудь очередной шуткой, приправленной крепкими словцами. Одни называли женщину Марусей, другие просто Машкой. Позднее Егор и его напарники узнали, что она и была матерью той самой девчонки, играющей в уголке тряпками. А бабе Любе Мария приходилась дочерью.

Сидевшие за столом, наконец, заметили вошедших Николая, Андрея и Егора.

— Как, земляки, улов? Есть на ушицу? Ну и ладно. Давайте подсаживайтесь. Мы уже и закружляемся, — сказал один из них, допивая чай. Он пошарил рукой в кармане, вынул оттуда размягшую шоколадную конфету с прилипшими к ней табачными крошками и повернулся к девочке:

— Держи-ка, красавица. Специально для тебя припас.

Та, подойдя, робко взяла угощение, тихо сказала спасибо и пошла на своё место, на ходу разворачивая конфету.

— Давайте и мы перекусим, чем Бог послал, — Николай стал выкладывать содержимое своего рюкзака на освободившийся уголок стола. Его примеру последовали Андрей с Егором. А «Бог послал» им домашнее сало, колбасу, сыр, котлеты, варёные яйца, овсяное печенье...

— Может, по маленькой пропустим? — глянул на друзей Андрей, извлекая из внутреннего кармана безрукавой поддёвки фляжку. — Я спирту чуток прихватил.

— Наливай, с устатку не грех по единой, — отозвался Николай.

В этот момент из кухни в комнату грузно вошла баба Люба в стоптанных, заплатанных валенках. На её засаленную кацавейку ниспал серый потёртый полушалок. Из-под него выбивались грязные жёлто-седые пряди волос. По её нетвёрдой походке нетрудно было

предположить, что бабу Любу, как и её дочь, угостили рыбаки. Хозяйке было около шестидесяти. Но затрапезное одяние, пропитое лицо делали её значительно старше. Ни дать ни взять — старуха.

— Надо, наверное, угостить хозяйку-то, — Николай наклонился к Андрею, занесшему было руку с фляжкой над стаканами.

— Да, похоже, она уже причастилась. Не лишка будет? — засомневался Андрей.

— Наше дело предложить. Налей малость. Тогда и молодущке плесни, — рассудил Николай. — Эй, хозяйшкы, отведайте по чарочке по случаю наступающего женского праздника!

Егор думал, что они откажутся: должны, поди, чувствовать, что уже «хорошие», да и всё-таки женщины. Тем более у Марии дочурка малая, за ней догляд нужен. И действительно, баба Люба поначалу отнекивалась:

— Спасибо, соколики. Да вы бы сами пили-ели. Мы уж как-нибудь.

Однако поднесённый Андреем стакан обратно на стол не поставила:

— Ну разве что за ваше здоровье да за улов.

— Вот, вот. Ловись, рыбка, мала и велика! — подхватила подсевшая к ним Мария и вслед за матерью довольно ловко опорожнила стакан. Правда, Андрей им в спирт и воды добавил побольше, чем мужикам.

— Ты вот что, Манька. Давай-ка на ферму собирайся. Телят пора кормить, — наставляла баба Люба свою дочь, зажёвывая выпитое котлетой, предложенной Николаем. — О себе-то, небось, не забываешь, а скотина голодная стоит. Давай не рассиживайся. Не то дождёшься, поставит тебе бригадир ещё один прогул.

— О чём речь, маманя? Вот сейчас с Николашей и пойдём. Тут рядышком. Подсобишь ведь? — Мария нахально подмигнула Николаю. — Вчера с Алёшей ходила. Вон он карты тусует. А сегодня ты мне поможешь. Верно?

Николай, не ожидавший такого поворота событий, перевёл взгляд с Марии на Егора и Андрея.

— Да мы все вместе и сходим. Быстрей управимся. Окажем, так сказать, шефскую помощь селу. Сотрём грани между городом и деревней, к чему призывают наши газеты, — с пафосом заявил раскрасневшийся Андрей. — Подмогнём, мужики, а?

— Ладно, Маня, одевайся. Мы сейчас. Вот чаёк только допьём, — подвёл черту Николай.

В лунном серебре весенняя деревня казалась сказочным городком. Обступившие её с трёх сторон мохнатые древние ели, струящийся над избами ровный дымок и эта прозрачно-хрустальная тишина гармонично дополняли вечернюю сказку.

Всё это в миг исчезло, едва они открыли двери колхозного скотного двора с просевшей посередине крышей. Тощие, неухоженные бурёнки встретили их дружным голодным мычанием. Запахло кислым силосом. Шлёпая резиновыми сапогами по навозной жиже, к ним подходила пожилая женщина с подойником в руке и перекинутым через плечо полотенцем, по цвету мало чем отличающимся от её серого халата.

— Ну, Манька, ты сегодня аж целую бригаду привела. Вон какие гвардейцы! Насовсем бы нам таких, — с улыбкой произнесла доярка, поравнявшись с вошедшими.

— Да-а, привела. А чё, Кузьмовна, теряться-то? Серёга завёз корма?

— Завёз, завёз. Два воза мёрзлой соломы. А силоса нет. Вчерашнего-то только на одну группу хватило, — улыбка спала с её лица. — Иван запировал, а без бульдозера разве доберёшься до новой ямы? И ты, Манька, опять поднабралась сегодня. Ох, глаза бы не глядели на вас, алкоголиков! — сокрушалась Кузьмовна.

— А сено где? — перебил её Николай.

— Какое сено, мил человек? Ты что, с луны свалился? Да оно уже недели три как закончилось. Котору зиму вот эдак. Дай Бог до зелени дотянуть на силосе да гнилой соломе... — Кузьмовна хотела что-то ещё сказать, но махнула рукой и зашагала дальше.

— Ладно, ближе к делу. Манька, где солома? — спросил Николай.

— В тамбуре. И вилы там же. А группа моя вон в том ряду. Тридцать тёлочек. Ну чё разорались? — обернулась она к своим подопечным. Тут её шатнуло, и Мария ухватилась за стойку, чтобы не упасть.

Три друга направились по проходу в тамбур. Николай с Егором, в прошлом оба деревенские, быстро смекнули, что к чему. Взяв вилы, они принялись грузить солому в оказавшуюся рядом подвесную тележку. Андрей, глядя на них, стал делать то же самое.

— Ну, хозяйева, мать вашу так! Не могли солому во двор завезти, чтобы оттаяла, — матерился Николай, с трудом отрывая слежалый пласт из промёрзшей кучи.

За полчаса втроём они всё же управились. Раздавая мёрзлую солому по кормушкам, Егор вспомнил своё далёкое детство. Любил он, тогда ещё совсем пацанёнком, прибегать на ферму к матери, работавшей

дояркой. Ему нравилось наблюдать, как она узловатыми натруженными руками поглаживала округлые бока и шею Зорьки, при этом наговаривая ей какие-то ласковые слова. А ещё любил Егор из рук кормить Зорьку. Она не отказывалась ни от душистого сена, ни тем более от корочки хлеба, которую Егорка прихватывал из дому специально для неё. Из детства ему почему-то больше всего и запомнились коровьи глаза — большие, чёрные, выразительные и печально-мудрые. Куда всё это делось? Вон и гнилой мороженой соломе рады бурёнки.

С фермы они возвращались той же дорогой. С реки тянуло ветерком. Луна наполовину скрылась в невесть откуда подступивших облаках. Николай, Андрей и Егор, каждый по-своему размышлявший об увиденном на ферме, не сразу заметили, что Мария тащилась с какой-то кошёлкой в руке.

— Что там у тебя? — поинтересовался Николай.

— Да комбикорму немного прихватила для своей скотинки, — за просто призналась та.

— Ну, Машка, ты даёшь! Колхозные коровы с голодудохнут, а она «для своей скотинки», — начал было заводиться Николай.

— А чё, я одна чё ли беру? — беззлобно возразила Мария. — Всем хватит. По утрам-то мы ведь даём комбикорм, даже замачиваем его, если вода горячая есть на ферме.

Спорить с ней было бесполезно. Да и не в том состоянии она находилась, чтобы что-то понять.

Также жалобно скрипнула дверь в избу. В ней всё оставалось почти по-прежнему. Также воняло табачищем. Пятеро рыбаков продолжали резаться в карты, только теперь на деньги — в очко. Кто-то перенастраивал снасти, привязывая более уловистую, на его взгляд, блёсенку. Кто-то подтачивал ножи ледобура. Остальные располагались на ночлег на печи и полатах, другие на лавках и просто на полу. Баба Люба уже похрапывала на койке возле печи. На другую койку вместе со своими игрушками перебралась малышка. Она ещё не спала. Егор подсел к девочке.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Света, — девчонка на мгновение оторвалась от коробочки с лоскутками.

«Оно и видно, что Света. Вон насквозь просвечиваешь», — с горечью подумал Егор.

— А что у тебя в коробке?

— Куколка.

— А как её зовут?

— Лена.

— Можно посмотреть? Или она уже спит?

— Не. Не спит.

Света откинула с коробки служившую одеяльцем коричневую тряпицу. В коробке лежала... столовая алюминиевая ложка. На её выпуклой стертой части с трудом угадывались нарисованные брови, нос, рот. Черенок ложки был обмотан разноцветными лоскутками, наподобие того, как пеленают младенцев. Егору показалось, что девочка его разыгрывает или у неё что-то с головой не в порядке. Поэтому он решил уточнить:

— Это и есть твоя куколка? А настоящей-то нету?

— Нету.

— А мама что не купит?

— Мама говорит, денежки будут, тогда и куклу купим. А денежек всё нету и нету.

— А где папка у тебя?

— Не знаю, — по-взрослому вздохнула Света.

Егор не мог больше смотреть ей в глаза. Какой-то тугой ком подкатил к его горлу. Он зашарил рукой по карманам в поисках сигарет, совсем забыв, что бросил курить. Обернулся к друзьям. Первым увидел Андрея, собиравшегося примоститься на полу у стола.

— Андрюха, пойдём покурим.

— Погодь, только налажу лежбище. Вот здесь и приземлимся мы с тобой. А Никола на полатах местечко присмотрел. Пошли.

— Да курите, мужики, здесь. Ничё нам не сделается. Говорят, копчёно мясо дольше не портится, — засмеялась Мария, довольная тем, что уместно, по её мнению, употребила когда-то от рыбаков же услышанное изречение.

Однако друзья решили покурить на свежем воздухе.

— Никола, ты не хочешь подышать на сон грядущий? — окликнул Николая Андрей, надевая шапку.

— Некогда. Леску вот хочу перевязать потоньше, — отвечал Николай, подтаскивая ближе к лампе рыбацкий ящик.

Подмораживало. Ветер стих. Деревню снова залило лунным светом. Но Егора эта живописная картина уже не трогала. Перед его взором всё ещё стояли грустные глаза маленькой Светланы, её запелёнутая алюминиевая «кукла». Чтобы не выдать другу своё состояние, Егор поспешил прикурить, едва не подпалив огнём газовой зажигалки выбившийся из-под шапки чуб Андрея.

— Ну, Гоша, как ты, а я такого дива ещё не видывал. Как живут, а? Это же каменный век, пещерные люди! И это в нашем цивилизованном обществе, в стране развитого социализма! Слушай, Егор, ты у нас коммунист, представитель, так сказать, руководящей и направляющей. Объясни мне такое расхождение. Почему у нас в газетах пишут одно — самый читающий в мире народ, покорители космоса, научно-технический прогресс, счастливое детство! А в жизни совсем другое! — Андрей распался всё сильнее. — Ну разве не так? Ты посмотри в каких отрепьях они ходят. У них ведь даже радио нет. Я и книги ни одной не заметил. Да и к чему они? Что у бабы Любы, что у Машки, у них одно на уме, — Андрей выразительно щёлкнул пальцем по горлу. — Пацанку жалко. Что она видит в этой пьяни и копотии? Ё-моё, счастливое детство... И не пойдёт ли она, когда подрастёт по материнской дорожке?.. Вот что страшно. А на ферме? Неужели везде так, а? Грязища! Идёт с молоком по навозу, брызги в подошник летят. А мы это молоко в магазине покупаем, пьём. И кто на ферме работает? Одни старухи да те, кому уж деваться некуда, вроде Машки. Разваливается деревня. Здесь уже половину домов городские дачники заняли. А погоди, так и самих крестьян совсем не останется. Старики повымирают, а молодые, кто ещё окончательно не спился, разбегутся в город. В такой дыре прозябать охотников мало. Ты-то сам в своё время из деревни в город махнул, наверняка, ведь не от хорошей жизни? А мы, знай, трубим — механизация, интенсификация сельского хозяйства, слияние города и деревни! — Андрей до того разошёлся, что забыл про курево: сигарета его потухла.

— А ведь было же, было. Я, например, застал ещё то время, когда витрины магазинов ломились от сгущёнки. Пирамидами стояли. Помнишь? А теперь? Утром к открытию магазина очередь не займёшь — без молока останешься. А мясо ты когда в последнее время в продаже видел? Оно на рынке-то не всегда бывает. Ладно хоть столы заказов на предприятиях сколько-то выручают. Дождёмся мы, кажется, изобилия с такими работничками, как Машка. Ишь ты, комбикорму она для своей скотинки прихватила! Вот так всю Россию и разбазариваем! — не унимался Андрей.

Была в его словах горькая не газетная правда. Егор нутром это чувствовал. Ему трудно было что-либо возразить Андрею, да и не мог он в силу своего медлительного характера найти быстро нужное слово. К тому же никак не выходила у из головы эта забытая девчонка, которая чуть помладше его розовощёкой любимицы Настеньки. И всё же, когда Андрей коснулся разбазаривания России, Егор не выдержал:

— Красиво ты, Андрюха, говоришь. Хоть сейчас на трибуну. А ведь и верно — разбазариваем Россию. Давай тогда начистоту, коли на то пошло. Спирт, что мы давеча пили, ты где раздобыл? В горбольнице. Так ведь? Раз работаешь шофёром у главврача, почему бы не воспользоваться моментом? Ведь задарма спирт-то тебе достался. Не так ли?

— Ясное дело, — принял вызов Андрей. — Сапожник да без сапог? А сколько мне приходится перерабатывать? На заседания, совещания, с отчётами в область с шефом таскаться. Он ведь к тому же ещё депутат областного масштаба. Иной раз с четырёх утра допоздна баранку крутишь. Плюс ко всему жена хозяина постоянно названивает: туда бы надо съездить, да то привезти. Нужна же какая-то компенсация? А ты-то сам? Уж будто такой святой? Что, ни разу из своего сборочного цеха не принёс в собственный гараж ни одного болтика, ни одной гайки? Да не поверю я тебе, Гоша, ни на копейку. Все так живут, — заключил Андрей. — Только одни несут поменьше, другие без зазрения совести. С кого мне пример брать? С начальника своего что ли? Между прочим, партийный он. У нас в больнице ремонт был, так ты знаешь, сколько он для себя алебастру, цемента, красок понахапал? Это только курица от себя гребет. Может, и не было бы этого, если бы платили раза в два побольше да всё, что пожелаешь, в магазине можно было бы купить.

Снова за живое задел его Андрей. Хотел Егор объяснить ему, что ни единого гвоздя не вынес он с завода за все двадцать лет, что работает слесарем. Однако передумал. Да и поверит ли? Затянувшись напоследок, Егор потушил сигарету, зачем-то снял шапку, глянул в сторону реки:

— Ладно, хорош. Пошли ночевать. Завтра пораньше бы встать. За поворотом у Конца Гор охота порыбачить.

В избе стало потише. На полу вповалку, подстелив рваные хозяйские половики, свои телогрейки и шубы, лежали рыбаки. Лавки тоже были заняты. В том же положении, похрапывая, почивала баба Люба. На другой койке у стенки, обнявшись с коробкой, спала Светлана. Лишь за столом азартничали игроки. Правда, их осталось только трое.

Николай, уложив в рюкзак удочки, перебросился парой слов насчёт завтрашней рыбалки и погоды, скинул валенки и полез на полати. В это время из кухни вышла Мария. То ли её в тепле совсем разморило, то ли ещё успела добавить, но она, похоже, абсолютно потеряла над собой контроль. Запинаясь за ноги спящих рыбаков, Мария доплелась до печи и стала карабкаться вслед за Николаем:

— Николаша, т-такой ты баской да работающий. Приглянулся ты мне, черня-а-винькой. Можно я с тобой? Погреться... Не пожалеешь! — На её лице блуждала неприкрытая похотливая улыбка.

Николай, вообще-то охочий до женщин и при случае не упускавший момента, брезгливо отбрыкивался от Марии обеими ногами.

— Уйди-ка, уйди от меня! Да тебя же целую неделю отмывать надо, — хохотнул он.

— Да т-ты чё, миленькой? Чистая я. Раза т-три после Нового года б-баню топили, — еле ворочала языком Мария, продолжая карабкаться наверх.

— Никола, не отказывайся от молодухи. Ты глянь, баба в самом соку! А твоей, не боись, не выдадим, — с гыганьем подзадоривали Николая картёжники, оторвавшиеся ради такого случая от игры.

Взобраться же на печь и оттуда на полати сил у Марии, однако, не хватило. На первой ступеньке лестницы она оступилась. Её качнуло и как-то боком повело к кровати, где спала малышка. Мария плюхнулась рядом с дочерью, чудом её не придавив. Ещё что-то бессвязно бормотала, но вскоре утихла или, как бы выразился Андрей, вырубилась.

Спустя примерно полчаса, стали укладываться и игроки. Егор долго не мог уснуть, ворочался в темноте с боку на бок. Спор с Андреем разбередил его.

«А ведь Андрюха, чёрт возьми, прав, — рассуждал про себя Егор. — В газетах „ура!“ и „слава!“, а копнуть поглубже, кругом развал, пьянство, блат повсюду. Взять нашего начальника цеха. Как он умудрился за одно лето отгрохать такую дачу? Ведь все же прекрасно знают, что начальник СМУ — его лучший друг. Вот и нашли быстренько общий язык. Один для своего дружка провернул новенький двигатель к «Жигулям», выделенный заводу для поощрения передовиков производства, а тот его стройматериалами снабдил. А уважаемый мэр города? Люди десятками лет дожидаются квартиры. А он своей единственной доченьке безо всякой очереди в самом центре города квартиру выбил. Причём строители её так отделали — блеск! Всё сходит с рук! Да собственно говоря, и у тех, кто бы в первую очередь должен положить всему этому конец, у них самих рыльце в пушку. Егор своими глазами видел, как однажды под вечер к универсаму на личной „Волге“ подъехал председатель комитета народного контроля, которого Егор хорошо знал, поскольку сам одно время являлся членом городского КНК. Вышел председатель из машины, оглянулся и шмыг к служебному входу. Минут через пять появляется, неся в руках разбухший

портфель и не менее увесистую болоньевую сумку. И скорёхонько укатил, как будто его и не было. Хотел Егор на ближайшем заседании комитета припереть его к стенке. Да жена отговорила: ты, говорит, его за руку не поймал, свидетелей, кроме тебя, нет. И вообще лучше не связываться, заедят, не рад будешь. Прав всегда тот, у кого больше прав.

Коротко всхлипнула во сне Светлана. И Егор в одно мгновение перенёсся из города в деревню, сюда, в прокуренную избу. Ничего, кроме отвращения к бабе Любе и Марии, Егор поначалу не испытывал. И это женщины-матери! Живут, как свиньи, в грязи. Спились. До ребёнка дела нет. Кто вот отец Светланы? Вполне возможно, что кто-нибудь из приезжих рыбаков, подумал Егор, вспомнив, как Мария домогалась Николая... По-крестьянски дотошный Егор пытался всему найти объяснение. В том, что женщины опустили до такого скотского состояния, повинны и они, рыбаки, спаивающие их. Но как не пить, скажи на милость, когда не в радость будний день? Что на ферме-то творится! Тут поневоле руки опустятся. И запьёшь.

Егор всегда считал, да и в школе ему втолковывали, что человек сам является кузнецом своего счастья. Благодаря своим мозолистым рукам, из которых ничего не выпадало, он от природы смыслённый и основательный, и достиг всего того, что имел: трёхкомнатная квартира, гараж, мотоцикл „Урал“. А сумел ли бы он также обустроить свою жизнь, оставшись в деревне? Заработки тут не ахти какие звонкие. Мать, поднимавшая на ноги четверых (отец погиб на фронте), перебивалась с копейки на копейку. А сколько пролила она слёз из-за налогов? Да и раньше крестьянину воли-то шибко не давали. Вон дед Егора. Только на ноги встал, обзавёлся своим хозяйством, даже на рынке стал приторговывать. Жить бы да поживать. Но однажды — это мать рассказывала — к ним во двор пришли трое в «кожанах» и стали скотину отбирать. Какой они, малышня, рёв подняли, за корову уцепились, не дают. Дед тогда сказал: „Возьмёте корову, забирайте и ребят. Мне что, по миру идти с ними что ли?“ Корову оставили, но лошадь и тёлку в колхоз увели, забрали и молотилку. Ладно, что не выселили, а то и этим грозились. Не с коллективизации ли пошло всё в деревне наперекосяк? И сколько затем ни экспериментировали на селе, жизнь-то в общем сытнее не стала. Особенно подкосило крестьян укрупнение. Многие деревни, в том числе и Егорова Луговинка, попавшая в разряд неперспективных, совсем исчезли с лица земли... Вот тебе и стирание граней между городом и деревней. Стёрли-то деревни, а грани остались. И потерял крестьянин веру

в самостоятельную жизнь. Одни, вроде Егора, а таких большинство, в город подались в поисках лучшей доли. Другие, смирившись со всем, живут одним днём, так и не став хозяевами земли.

Выходит, обстоятельства сильнее человека, кузнеца своего счастья? Но ведь их, обстоятельства, кто-то же создаёт? Не сами же они по себе с неба свалились? Тогда почему нет никакого спросу с тех, кто создаёт такие обстоятельства? Почему все крестьянина поучают? Дайте ему во всём самому разобраться», — у Егора голова распухла от этих вопросов. Он так и забылся коротким беспокойным сном, не найдя ответа.

Наутро, наскоро попив чаю с колбасой, друзья со всем своим бутором (чтобы потом не заходить сюда, не тратить время на сборы домой) отправились на реку. Хозяйки ещё спали. Николай, Андрей и Егор оставили на кухонном столе полтора рубля за ночлег — по полтиннику с каждого. Егор, выходявший из избы последним, положил рядом с деньгами небольшой свёрток — с килограмм окуней в полиэтиленовом кульке: примерно половину того, что наловил вчера.

В воскресенье клевало получше, чем в субботу. Поймали примерно по семь-восемь килограммов. В основном, окуни. Правда, Николай и Андрей взяли по одному судаку, а Егору попался лещ.

...Загорелый, изрядно уставший, Егор приехал домой в десятом часу вечера. Его встретили жена и дочка. Самый маленький Димка уже спал в своей кроватке. Настенька в розовом вязаном платьишке подбежала к отцу:

— Папа! Щуку поймал? — тряхнув голубым бантом, весело спросила она.

— Поймал да отпустил, чтобы твоё желание исполнила. Есть ведь оно у тебя? — улыбнулся отец, снимая валенки с калошами.

— Есть! Чтобы от зайчика гостинец передала, — быстро сообразила Настенька.

— Тогда держи! — Егор расстегнул боковой карман рюкзака, достал оттуда маленькую еловую веточку с шишкой.

— Ой, какая красивая! — запрыгала Настенька.

За ужином Егор подробно рассказал своим женщинам и о рыбалке, и о доме, где они ночевали, и о девочке Светлане, у которой вместо настоящей куклы алюминиевая ложка... От отца не ускользнуло, как в этом месте посерьёзнили глаза дочурки.

На другой день, придя с работы, едва Егор переступил порог, как к нему с куклой в руках подошла Настенька:

— Папа, ты когда на рыбалку поедешь?

— Как скажешь — так и поеду. И гостинец от зайчика привезу. Хочешь?

— Хочу, — без улыбки ответила Настенька. — Только отведи, пожалуйста, для Светы мою куклу. Ладно? У меня ведь их много — пять штук да ещё мишка плюшевый. А у Светы ни одной куколки.

— Умница ты моя! Ты совершенно правильно поступила. Я обязательно передам Свете твою куклу. В следующий выходной и поеду, — Егор почему-то никак не мог расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки.

— Папа, только не забудь сказать Свете, что эту куклу зовут Олей, — Настенька оправила на кукле платьице.

Когда вечером в пятницу Егор укладывал рюкзак, к нему подошла Наталья. В руках жены он заметил бумажный, обёрнутый целлофаном свёрток.

— Тут пара Настиных платьишек. Она выросла из них, но платья хорошие ещё. И шоколадка. Положи. Места немного займёт.

Егор признательно глянул на жену, молча взял свёрток и, не отрывая взгляда от её голубых задумчивых глаз, мягко сжал ей руку выше локтя.

На этот раз Егор остановился у тётки Вали: места хватило. Да и не в силах он был видеть перед собой грустные взрослые глаза Светланы. Кусок бы в горло не полез. Передохнув с дороги и потолковав с тёткой Валей о житье-бытье, погоде, Егор надел полегчавший рюкзак и зашагал к водоёму. По пути знакомой тропинкой свернул к дому бабы Любы. Рыбаков в нём не оказалось. Не было и Марии. На скрип двери обернулись баба Люба и Светлана. Бабка топила печь, а внучка, как и в тот раз, перебирала лоскутки.

Егор присел рядом с ней на корточки и стал развязывать рюкзак.

— Значит, твою куколку Леной зовут? А хочешь ещё одну? Вот такую. Смотри, у неё и глазки закрываются. Её Олей зовут. Дочка моя тебе её посылает. Ну бери же, — Егор протянул Светлане куклу.

Малышка, не отрываясь, смотрела на неё широко раскрытыми глазёнками, в которых зажглись два солнышка. Егору показалось, что даже в комнате светлей стало. Она ещё с минуту разглядывала куклу, не решаясь взять. Потом перевела взгляд на Егора. И тот уловил в нём какую-то недоверчивость. Солнышки в её глазах угасли. В избе потемнело.

— Бери, бери. Не бойся. Теперь кукла твоя. Насовсем. И денежек не надо. Бери давай, — подбадривал девчонку Егор, а сам почувствовал, что к горлу, как и тогда, подступает тугой ком.

Светлана, наконец, решилась. Обеими ручонками она осторожно взяла куклу и крепко прижала к груди, словно боясь, что игрушку отнимут.

— Спасибо-то хоть скажи дяде, — подала голос наблюдавшая за внучкой баба Люба.

Но та, похоже, не слышала её. У неё теперь была настоящая красивая кукла с закрывающимися глазами! От растопившейся ли печи, от вновь ли засиявших в глазах малышки солнечных зайчиков в избе потеплело и сделалось уютнее.

Егор погладил девочку по голове. Она, похоже, и этого не заметила, продолжая освещать комнату светом своих глаз, безотрывно смотревших на куклу. Тогда Егор молча вынул из рюкзака свёрток, положил его на стол, жестом указав бабе Любе, что он предназначен для Светланы. И на цыпочках, как-то виновато вышел из избы, осторожно, без скрипа затворив за собой дверь.

...На дворе стоял синий безмятежный март.

КАПЕЛЬНИЦА. Рассказ

— Готовьтесь, мальчики. Сейчас буду ставить, — стройная медсестра Маша, улыбаясь, вошла с капельницами в палату.

Степаныч, сухощавый, но жилистый старик, перекинул подушку на другой конец кровати: «Не всё же в одну руку колоть. Так-то даже лучше: всё окно на виду. А то надоело разглядывать серо-зелёные стены палаты».

Машенька — лёгкая рука у сестрички! — аккуратно ввела иглу Степанычу в вену, покрутив колесико на системе, установила нужный интервал между вытекающими из пузырька каплями и перешла к следующему пациенту.

Им был двадцатилетний парень Андрей. По какой причине угодил он в травматологию, знала вся больница, а это значит и весь их небольшой городок. Выбросился с пятого этажа, с балкона: осенью вернулся из армии, а подружка, что обещала ждать и с которой переписывался, вышла замуж за... его школьного друга. Ну и не выдержал Андрей такой заподлянки. Выбрал момент, когда родители уехали в сад, не было дома и сестры Нади, студентки-второкурсницы (укатила на учёбу в столицу), купил бутылку «Старого Урала»... Первый стакан водки Андрей выпил не закусывая. Лишь занюхал корочкой чёрного хлеба. И тут

же налил второй: «Раз решил — нечего и время тянуть. Всё опаскудело: любовь ушла, на заводе выдали предупреждение о сокращении, фронтового кореша Димку потерял. Лучше бы мне тогда на въезде в Цхинвал гранатомётом голову снесло, чем тебе, Димыч... Ах, Дашка-Дашенька, что же ты наделала? Неужели не могла в письме написать, что свадьба у тебя с Толяном намечается? Там-то, на Кавказе, я скорее бы нашёл способ избавиться себя от встречи с тобой, любимая... Своя ли пуля, грузинская ли — какая разница?..» Андрей хотел и второй стакан замахнуть за один присест, но передумал. Выпил полстакана. Долил из бутылки остатки: «Отцу». По пути выбросил пустую поллитровку в мусорное ведро. И шагнул к балкону...

Степаныч же оказался в больнице совсем по другой причине. В конце января отметил он с роднёй, коллегами и друзьями своё шестидесятилетие. Через месяц получил первую пенсию. И сразу сказал себе: «Стоп! На моё место всегда найдётся кто помоложе. Вон их сейчас сколько за забором. А у меня есть чем заняться — рыбалка, сад, грибы». И в первый же нерабочий для него день Степаныч, уже в звании пенсионера, рванул на лыжах в лес. Шагалось, как в юности, легко и бодро. Видно, не забылись тренировки в лыжной секции: когда-то он выступал даже за сборную школы. Всё его радовало — сказочно-разлапистые ели, свежий воздух, подсинённый мартовскими тенями снег. И главное, впереди полнейшая свобода, сам себе хозяин! Перед спуском с горы Степаныч оттолкнулся палками и едва не задохнулся. Нет, не от упруго бьющего в лицо ветра. От восхищения несущейся навстречу природы, от переполнявшей его радости к жизни. И, вспомнив жену, тут же осадил себя: «Будя! Как бы не захлебнуться от избытка чувств». Его мудрая Софья нередко одергивала мужа: «Что тебя опять понесло? Не забывай: восторг в одиночку не ходит, его можно увидеть под ручку и с печалью. Сдерживай свои эмоции. В нашем возрасте это небезопасно. Бывает, от внезапно нахлынувшей радости у иных сердце разрывается».

И как на притчу: беда караулила восторженного лыжника за поворотом. Когда Степаныч на огромной скорости нёсся по дну лога, справа из ельника, с крутизны, наперерез ему вылетел парнишка лет пятнадцати. Лыжни, по которым катились старый и малый, внизу пересекались. И Степаныч первым понял, что столкновение неизбежно: «Сомну ведь парня-то. Искалечу!» И секунды за полторы до «стыковки» он резко свернул влево, в целину. А под снежным бугорком, на который его кинуло, оказался — кто бы мог подумать? — крижистый пенёк от спиленной ели: ныне хапуги-браконьеры пластают лес

и в зелёной зоне. Резкая боль в ноге и правом боку выбила Степаныча из сознания. Как его, истекающего кровью, везли до окраины города на «Буране», а потом на «скорой» в больницу, об этом ему рассказали позже.

Тем не менее операция по «склеиванию» ноги прошла удачно. А два треснувших ребра Степаныч вообще не считал за серьёзную травму: затынет. Уже через неделю он на костылях самостоятельно добирался до туалета. И теперь его больше беспокоил молодой сосед по койке. Не мог смотреть без боли в сердце и на почерневшую от горя его мать, порой сутками дежурившую возле сына.

Андрей упорно не хотел выздоравливать, отказывался от еды. Степаныч беседовал и с лечащим врачом. «Сейчас нас тревожит не столь физическое, сколь душевное состояние Андрея. Его травма — смещение двух позвонков и переломы ног — вполне излечима. Но парень перенёс сильнейший психологический стресс, абсолютно потерял всякий интерес к жизни. Как-то бы вывести его из этого транса, пробудить в нём хоть малюсенькую надежду и веру в то, что у него всё наладится, и тогда молодой организм справится с болезнью. Об этом я толковал и с родителями. Но пока безрезультатно, парень на глазах угасает... Не ест ничего. А сколько на одних капельницах можно держаться?» — поведал доктор.

Пробовал всяко и Степаныч растормошить парня, даже библейские истины о терпении и прощении врагов и прочих недругов по-своему, по-житейски пытался растолковать — ни в какую.

— Степаныч, не трать ты на меня время. Бесполезно. Не хочу я жить в этом гнусном и подлом мире. Нет в нём для меня места. Об одном жалею: жил бы не в хрущёвке, а где-нибудь в высотном доме, хотя бы на восьмом-девятом этаже, надёжнее грохнулся бы. Теперь бы уж давно на вас с небес поглядывал, а не лежал бы здесь, не мучился и отца бы с матерью не мучил... — ответил однажды Андрей Степанычу после его очередной попытки настроить парня на оптимистический лад.

И вот сейчас, лёжа под капельницей, Степаныч просто глядел в окно, на стоящие в больничном сквере сосны и берёзы. С крыши почти вровень с их окном свисала толстая, длиною примерно с метр сосулина. Степаныч засмотрелся на равномерно падающие с неё капли. Перевёл взгляд на капельницу, снова глянул на сосулю.

— Слушай, Андрюха, — не умеющий долго молчать старик повернул голову к соседу. — Забавно получается. Мы с тобой лежим под капельницами, и земля — под капельницей-сосулькой. И что любо-

пытно — и там, за окном, и здесь капли падают почти синхронно.

Боковым зрением Степаныч заметил, что Андрей тоже переводит взгляд с сосульки на свою капельницу, сравнивает.

— Да не капли это, а слёзы... — отозвался Андрей.

— Пускай. Зато, смотри, какие чистые. Вот напоит сосулька-капельница кормилицу-землю, наберётся она сил и выдаст к осени урожай, — разметался садовод. — А у нас с тобой сколько капельниц осталось? Вроде, пять. Андрюха, а давай загадаем... Нет, даже поспорим, что в тот день, когда нам Машенька поставит последнюю капельницу, сосуля за окном или растает, или с карниза рухнет. Идёт?

— Смешной ты, батя. И загадки у тебя детские. А я говорю, что только через полторы-две недели сосулина растает.

— А я говорю, что ровно в тот день, когда у нас будет последняя капельница, — Степаныча обрадовало, что Андрей впервые назвал его батей. — А на что спорим? Стоп! Я придумал спор — я и загадываю. Давай так: проигравший ставит бутылку коньяка. Только пить будем после выхода из больницы.

— Хитрый, батя. Опять ты за своё. Ну давай. Всё равно ведь проиграешь.

Прошло три дня. Мартовское солнышко с каждым днём припекало всё сильнее. Нарушилась и синхронность: с сосульки капли падали значительно быстрее, чем в их капельницах. «Как бы раньше времени не свалилась с крыши: подтаёт у основания — и рухнет», — тревожился старик. На четвёртый день Степаныч после процедур, прикрыв в палату дверь, остановил в коридоре Машу:

— Слушай, Марусенька. Завтра у нас с Андрюхой последняя капельница? — шепотом спросил он её.

— Да. А что?

— Надо сделать так, чтобы завтра после того, как у нас закончатся капельницы, с крыши над нашим окном упала сосуля, — и рассказал ей о споре с Андреем. — Может, хоть это чудесное «совпадение» как-то встряхнёт парня.

— Конечно, сделаем, Василий Степанович, — загорелась девчонка. — Я попрошу дворника дядю Федю залезть на крышу. Он и столкнёт.

— А как он узнает, в какой момент смахнуть сосулю?

— Да очень просто. На тропинке в сквере будет стоять моя подружка Любаша, она тоже сестрой работает, только в терапевтическом отделении. Я ей из окна палаты дам условный сигнал, а она — дяде Феде.

— Ай да Маняша! Вот умница! Быстро сообразила, — Степаныч по-отцовски приобнял девушку за плечи.

— Так мне ведь тоже хочется, чтобы Андрюша быстрее поправился, — Машенька, потупив глаза, крутила на рукаве халата пуговку.

На другой день всё, как говорится, шло по намеченному плану. Как всегда с обаятельной улыбкой вошла в палату Машенька:

— Здравствуйте, мальчики. Сегодня у вас последняя капельница.

Минут через пять, управившись, легко выпорхнула из палаты:

— Я двери не закрываю. Крикните, как закончится.

Мужики поглядывали то на свисающую с карниза сосульку, то на капельницы.

Как и вчера солнышко струило свои лучи в палатное окно, за которым весело чирикали вездесущие воробушки, радуясь теплу и весенним краскам. За пять дней сосулька уменьшилась наполовину и заметно «похудела». За сорок минут, что Степаныч и Андрей лежали под капельницами, Машенька раза три заглядывала к ним. У Степаныча первого закончилась капельница. И пока Машенька вынимала из его вены иглу, Андрей не удержался:

— Ну что, батя? Висит сосулька-то! Проиграл ты, похоже.

— Андрюша, ещё не вечер, — прижимая в согнутом локте ватку, улыбнулся Степаныч. — Вот у тебя уберут капельницу — сосулька и шмякнется.

Через минуту опустела бутылочка с раствором новокаина и в капельнице у Андрея. Машенька ловким движением освободила его вену от иглы:

— Вот теперь поправляйтесь, мальчики.

И подошла к окну:

— Кстати, вам не слепит солнышко глаза? Что-то сегодня оно очень яркое. Может, задёрнуть шторы? — Машенька ухватила рукой за её край.

«Условный сигнал!» — догадался Степаныч.

И действительно, в этот момент с нарастающим шорохом с крыши сползли остатки снега, увлекшие за собой и сосульку! От грохота упавшей на землю снежной лавины даже воробьи, умолкнув, стайкой сорвались с берёзы. Андрюха аж голову от подушки оторвал и присел на кровати:

— Ну ты, батя, даёшь! Колдун ты что ли или фокусник? Ладно, твоя взяла. Пропорил я, — он, жмурясь от солнца, смотрел то на Степаныча, то на Машеньку. — Так это что? Выходит, мне теперь надо вставать на ноги и бежать за коньячком?

— А что? Ещё немного полежишь, гипс снимем, и сбегаешь, — сияла и Машенька. — Ради такого случая я и доктору не скажу про бутылочку.

В тот день Андрей впервые с аппетитом съел принесённый в палату ужин.

...Середина августа. Вечерняя зорька. Вот-вот закатится багряное солнце. К берегу пристала лодка. Рыбак подтащил её к забитому в землю металлическому штырю с приваренной к нему скобой. Зацепил за неё лодочную цепь, щёлкнул замком, собрал снасти и зашагал к автобусной остановке.

Навстречу рыбаку шла парочка. Парень, обняв девушку за талию, слегка прихрамывал на правую ногу. Почти незаметно. Поравнялись.

— Батя, ты что ли? — парень хлопнул рыбака по плечу.

— Андрюха? Вот так встреча! — Степаныч прислонил к фонарному столбу удочки.

— Как улов?

— Да есть маленько. Не всю рыбу ещё сетями выцарапали. Сегодня даже на пирог пару лещей добыл. Ты-то как? Я тут в газете прочитал: медалью «За отвагу» тебя наградили. За Осетию. Поздравляю.

— Батя, это уже в прошлом. Ты лучше нас через месяц со свадьбой поздравись. И попробуй только не приди! Там я с тобой за должок и рассчитаюсь. Правда, Машенька?

Только сейчас Степаныч внимательнее пригляделся к его симпатичной, синеокой спутнице: без белого халата и накрахмаленной шапочки он не сразу признал в Андрюхиной невесте их ласковую сестру милосердия.

— Батя, спасибо тебе, дорогой, за спор на капельницу-сосульку. Я ведь после того случая только и оживать стал, снова поверил в себя и людей. И Машенька так сильно поддержала меня в те жуткие дни, — Андрей чмокнул девушку в щёчку.

А Маша умоляюще-тревожно смотрела на Степаныча. «Василий Степанович, ради Бога, не говорите, что с сосулькой всё было подстроено», — прочёл он в её взгляде. — «Глупенькая, конечно, не скажу. Честное пенсионерское! Зачем разрушать чудо?» — также взглядом ответил ей Степаныч.

Машенька улыбнулась и, открыв сумочку, вынула из неё приглашительную открытку и ручку:

— Как зовут вашу супругу?

— Софья Андреевна.

Маша размашисто написала их имена и вручила приглашение:

— Остальное всё указано: кафе «Мечта», 13 сентября в 16 часов.

— Как хорошо, батя, что тебя сегодня встретили! Мы как раз с утра приглашения разносили, — Андрей крепко пожал Степанычу руку. — Обязательно приходите!

— Спасибо, ребятки. Придём, придём. Я так рад за вас, вы бы знали! — Степаныч почувствовал, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слёзы.

Он потянулся к удочкам:

— Набегались, поди, за день-то? Бегите. И держитесь друг друга.

— До свидания, Василий Степанович.

— До встречи, батя!

«До встречи, сынок! — прошептал Степаныч, глядя вслед удаляющейся парочке. И вдруг спохватился: — Да что же это я, пенёк старый! Нет, чтобы ребятам отдать кулёк с рыбой — отведали бы свеженькой...»

«А ЗА ОКНАМИ СИРЕНЬ, СИРЕНЬ...» Рассказ

А за окнами сирень, сирень!

А за окнами сирень цветёт.

За окном моим июньский день,

И душа чего-то ждёт.

Юрий Вавилин

...И расцвела сирень. В небольшом провинциальном городке, где и возле хрущёвских пятиэтажек, и у коттеджей новых русских, не говоря уж о частном секторе, сирень повсюду бросалась в глаза и в нос. От её пьянящего запаха томно кружилась голова. Принаряженные выпускники школ стайками и в одиночку шагали на экзамены, держа в руках букетики сирени. В них они наверняка уже отыскали соцветия с пятью лепестками и съели их: говорят, повезёт на экзамене. И вообще в жизни. Нежные, ароматные цветы, при виде которых в эти ещё не устойчиво жаркие июньские дни даже у самых хмурых прохожих теплело на душе, словно напоминали людям о вечных ценностях бытия: дескать, мы-то один раз в году цветём, потом увядаем, но зато в течение полутора-двух недель дарим людям радость, а вы, человеки, живёте дольше нас, но тратите время на дразги и скандалы,

предаёте друг друга. Неужели нельзя иначе? Ведь жизнь так коротка: всего, что задумано, не переделать. Так обратите свои дела и помыслы во благо ближних. И столько в вашей жизни появится причалов доброты, так необходимых каждому в сегодняшнее время!

В скверике железнодорожного вокзала тоже цвела сирень. Аня хотела было сломить веточку, но передумала: по пышной кисточке полз шмель. «Живым — живое. А сорву — кому он завтра нужен, увядший цветок? Я ведь и сама на него похожа. Разве что увядание коснулось больше изнутри, души. Снаружи-то я ещё, пожалуй, молодая».

А всё складывалось так хорошо. За Николая Аня вышла замуж по любви. И свадьба весёлая была. Жить начали сразу отдельно от родителей в квартире, доставшейся от бабушки Николая. Сами себе хозяйева, никто не мешает. Складывай по кирпичику житейское здание, название которому семейное счастье. Да вот не сложилось оно.

Анна работала проводником на поездах дальнего следования. По полторы-две недели дома не находилась. Возвращается однажды из дальней поездки, а Николай оглушил её известием, как обухом по голове: «Извини, Анна, я другую женщину полюбил». А другой оказалась её школьная подруга Елена. Типичная история с банальным треугольником. Случилось это ровно три года назад, когда на родном Урале вовсю цвела сирень... Потому Аннушка встречает сдержанно, с какой-то тревогой в душе эту пору цветения: уж слишком много навевает она болезненных воспоминаний.

...В вагоне электрички посвободнее оказалось купе, где у окна друг против друга сидели мужчина в джинсовом костюме и девочка в лёгкой панамке, из-под которой виднелась косичка с розовым бантиком.

— У вас здесь не занято?

— Да, пожалуйста, садитесь, — предложил мужчина.

Анна присела рядом с девочкой, достала из болоньевой сумки купленную на вокзале газету со сканвордами, авторучку: четыре часа до Перми надо как-то коротать. Боковым зрением Аня видела, как её с неподдельным детским любопытством разглядывает девочка, до этого смотревшая в окно.

— Как тебя зовут? — Аня улыбнулась и отложила газету.

— Даша.

— А я тётя Аня. Сколько тебе годиков?

— Шесть. Скоро семь будет. Да ведь, папа?

Отец кивнул головой.

— Да ты совсем большая. Лето закончится, и в школу пойдёшь?

— Пойду.

— Наверное, читать уже умеешь?

— Маленько.

— Молодец, — Аня порылась в сумке и вынула из неё румяное яблоко. — Хочешь яблочко, Даша? Мытое.

— Спасибо, — приняла подарок девочка и тут же вонзилась зубками в сочную мякоть.

Анна подумала секунду и достала из сумки ещё пару яблок. Одно оставила себе, а другое протянула Дашиному папе:

— Угошайтесь.

— Спасибо. Вы бы не беспокоились. Дашенька, у нас же всё есть в дороге. Или ты уже проголодалась?

Занятая яблоком Даша промолчала.

— Да в поезде всегда кушать хочется. По себе знаю, — ответила за неё Анна.

— Ну тогда и мы раскинем скатерть-самобранку. Кстати, меня зовут Василий.

На разостланной на скамье газете появились беляши, печенье, бумажный пакет с апельсиновым соком. Электричка отъехала от станции с музыкальным названием Лямино. В открытые окна снова вошёл запах сирени.

— Папа, смотри, у тётки Ани босоножки точь-в-точь как у мамы. И причёска такая же.

Василий задержался взглядом на Анне. Но в его глазах было больше грусти, чем любопытства.

— Ты, наверно, Даша, к маме домой и едешь?

— Да, к маме. Только не домой, а на могилку. Утонула наша мама... — по-взрослому вздохнула малышка.

— Прости, Дашенька, — Аня погладила девочку по голове и возпросительно-сочувствующе взглянула на её отца. — Простите и Вы, Василий.

— Дашенька, ты бы погуляла. Вон с мальчиком познакомься. Только в тамбур не выходите, — попросил отец, не зная, куда положить снятую с головы дочери панамку.

— Нет. Я расскажу тётке Ане про нашу маму, — тихо ответила Даша. — Она не нарочно утонула. Мама спасала Димку Егорова, когда он катался на коньках по Сылве и провалился под лёд. Его вытаскивала из воды, вытолкнула на лёд. А у самой уже сил не хватило. Да и лёд обламывался. А рядом никого не оказалось. Когда маму хоро-

нили, все бросали на гроб по горсточке земли. И мне бабушка велела бросить. Я взяла земельку, а она такая холодная была. И я подумала: как маме под землёй холодно будет и скучно одной...

Василий не выдержал, встал и вышел в тамбур. Одну за другой он выкурил две сигареты.

Когда вернулся в вагон, увидел: дочь спала на скамейке, положив голову на колени Анне.

Василий снял куртку и укрыл ею Дашу.

— Она ведь за полгода после смерти матери первый раз так разговорилась. Всё в себе держала, замкнулась. Никакие куклы, игрушки её не радовали.

...Колёса электрички застучали по мосту через Сылву. Дашенька проснулась, сладко потянулась и обняла за шею Аню:

— А мне приснилось, что Вы моя мама. Она такая же добрая и ласковая была. И звали её тоже Аней. Только папа называл её то Аннушкой, то Анюткой, то Анечкой. И очень редко Ньюкой.

Поезд подъезжал к станции Сылва.

— Собирайся, доченька. Нам пора выходить. Бабушка, наверное, твоих любимых шанежек с творогом уже испекла.

— А тётя Аня? Пойдёмте с нами. Бабушка очень обрадуется. Тётя Аня, а будьте... моей мамой, — всерьёз предложила Даша.

Она словно хотела продлить сон.

— Дашенька, что ты говоришь? Тёте Ане надо до Перми ехать. Её там папа с мамой ждут.

— Ну вот, у всех мамы есть. А у меня нету, — у девочки на глазах заблестели слезинки.

— Хорошо, Дашенька. Я провожу тебя, — с трудом удерживая волнение в груди, готовая сама расплакаться вымолвила Анна.

Втроём они вышли на платформу.

— С первого пути отправляется электропоезд Чусовская — Пермь II! — объявил по динамике женский голос.

Аня, держась за поручень вагона, махала рукой вслед удаляющимся отцу и дочери, которые, оглядываясь, тоже махали и о чём-то говорили меж собой. И вдруг Даша, выпроставшись из отцовской ладони, помчалась обратно к тёте Ане. Она бежала так быстро, что с её головы слетела панамка.

— Мама... Аня! Пойдём... с нами. И папа тоже... зовёт, — отдышавшись, выговорила Дашенька.

Глазёнки её вовсю сияли. Двери вагона захлопнулись. К стоящей на перроне Анне подходил Василий.

...Они шли по главной улице посёлка втроём, взявшись за руки. В серединке Дашенька. Она, не умолкая, щебетала, глядя то на отца, то на маму Аню. А вокруг бушевала сирень...

КРАСНОПЁРЫЙ. Рассказ

— Папа приехал! Много рыбы поймал? — подскочили к отцу Настя с Дениской.

— Да есть маленько.

Ну раз маленько, значит рыбалка удалась. Отец всегда так говорил, чтобы не сглазить. И пока он снимал шубу, валенки с галошами, дети успели уже распотрошить рюкзак.

— Несите таз эмалированный, — скомандовал отец, вынимая из рюкзака рыбацкий ящик.

И когда весь улов перекочевал в таз, ребяташки, присев на корточки, склонились над ним.

— Ого! Повезло тебе, папа.

— А это кто? — тронула Настя пальчиком широкую серебристую рыбину.

— Эх ты! Не знаешь что ли? Это лещ. А это сорога, — с видом знатока объяснил сестре Дениска, поглядывая на отца, мол, что она, девчонка, понимает в нашем деле. Настя училась в четвёртом классе. Дениска — во втором. Но по рыбацкой части он уже не новичок: летом часто ездил с отцом на рыбалку, даже с ночёвкой. И однажды поймал полукилограммового голавля. А вот подлёдный лов пока не освоил, на зимнюю рыбалку отец его ещё не брал.

— Ой, живая! Шевелится, — Настя испуганно отдернула руку от таза.

— Это окунь. Видишь — с красными плавниками, полосатый и колючий, — просвещал сестру брат.

— Папа! Давай мы его в ванну с водой пустим. Пусть плавает, — загорелась дочь.

— Дело ваше. Только вот приживётся ли он в неволе? Воду-то холодную запускай, — крикнул отец вдогонку дочери, которая была уже в ванной.

— Поплыл! Поплыл! — захлопала в ладоши Настя.

— Надо ему «малинки» дать, чтоб с голода не умер. Папа, у тебя остался после рыбалки мотыль? — выглянул из ванны Дениска.

Отец отсыпал из пенопластовой коробочки с десятков маленьких красных червячков. Дениска тут же бросил их окуню под самый нос. Но тот, не обратив на корм ни малейшего внимания, медленно проплыл мимо, знакомясь с новым водоёмом. Наполовину заполненная прозрачной водой ванна, на её ослепительно-белом дне живой четвертной окунь, шевелящиеся в глубине красные червячки — всё это выглядело весьма экзотично для благоустроенной квартиры. В этот момент в ванную зашла мама, главный блюститель чистоты и уюта семейного очага. На миг она остолбенела и, не найдя слов, с ужасом взирала на устроенное в ванне подводное царство. Но это длилось не долго.

— Что? Превращать ванну в аквариум? Краснопёрого какого-то туда запустили! Фу! А это что ещё за гадость шевелится? Червяки?! Сейчас же всё убирайте! Немедленно! Это ты им потворствуешь? — обернулась к мужу разбушевавшаяся хозяйка.

— Мама! Не надо, пожалуйста! — наперебой умоляли дети. — Смoтри, какой он красивый. И червячки — они же маленькие и чистые.

Настя заплакала. Как же так? Ведь только что окунь доверчиво скользнул из её рук в воду. И этими же руками, вернувшими ему жизнь, она должна выловить его из воды, без которой любая рыба обречена на медленную смерть?..

— А как же бельё стирать или самим мыться? Куда его девать? — уже другим тоном спросила мать, переводя взгляд с всхлипывающей дочери на отца.

— Нет проблем. На это время пересадим его в ведро или таз с водой, — бодро ответил отец, чувствуя перемену в её настроении.

— И ты туда же, — поворчала она ещё для порядка. — Связался с этой рыбалкой, как будто других дел дома нет. Квартиру-то летом что ли ремонтировать собираешься? Так ведь в ту пору вас с Дениской краном с реки не вытянешь. Ох, горе мне с вами, рыбаками. И девчонку взбаламутили. Ну успокойся, Настёна. Я что, живодёр что ли? Пусть плавает. Только воду почаще меняйте, — уже совсем миролюбиво закончила мать.

— Ура! — закричали дети.

А окунь, совершенно не подозревавший, какая минуту назад ему грозила участь, выплыл на поверхность воды и стоял, пошевеливая плавниками, словно прислушиваясь к людскому разговору. С той поры Краснопёрый — эта кличка прочно закрепилась за ним — стал полноправным членом семьи. Первые несколько дней Краснопёрый абсолютно не притрагивался к корму. И ребята загоревали: как бы не

пропал без пищи. Но однажды утром Дениска выскочил из ванны с радостным криком:

— Съел! Четыре «малинки» только осталось. А одну прямо при мне заглотил!

Как-то мать, наводя порядок на угловой полочке в ванной, случайно смахнула в воду серую тряпку, которой обычно обтирала выложенные плиткой стены. Заметила свою оплошность только тогда, когда тряпка намкнув, опустилась на дно, образовав нечто вроде шалашика. В него и спрятался Краснопёрый, выглядывая оттуда, словно из-под коряги. До того ей это показалось забавным, что позвала своих домочадцев:

— Идите-ка, посмотрите, что ваш Краснопёрый устроил.

Настя, Дениска и отец заспешили в ванную.

— А пусть этот домик у него и остаётся. Вон ему как там хорошо, — глянула на улыбающихся родителей Настя.

— Пускай. Ему и положено какое-то укрытие. Да и ландшафт разнообразился, ближе к природному стал, — рассудил отец.

— Может, ему ещё песочку да галек с улицы принести? — пошутила мать. — Ещё ближе к природе будет.

— А что? Я могу. Вот только снег растает. Да и сейчас можно разрыть, — принял за чистую монету предложение матери Дениска. — Папа, а у него могут появиться мальки?

Родители загадочно переглянулись. И когда отец в доступной форме объяснил происхождение пресноводных, Денис сделал молниеносный вывод:

— Так ты поймай самку. Запустим её к Краснопёрому. И ему не скучно будет. И окунята появятся.

До размножения, правда, дело не дошло, да и Дениску уже увлекла другая идея. Однажды, увидев по телевизору дрессированных дельфинов, прыгающих через кольцо и беруших из рук человека пищу, он решил обучить этому и Краснопёрого. И кое в чём преуспел. Брать мотыля из рук Краснопёрый не отваживался, но через железное кольцо, которое Дениска на веревочке опускал к конуре, он важно проплывал, даже не касаясь его.

Прошло месяца полтора. Краснопёрый совсем уже обжился в домашнем водоёме.

Всей душой полюбили его Настя и Дениска, подолгу наблюдавшие за повадками окуня.

Нередко к детям присоединялись отец с матерью. И после семейного общения с Краснопёрым, ребята охотнее, без пререканий,

помогали родителям по дому. Да и те выглядели менее уставшими и раздражёнными, как бывало иной раз после работы. Даже мать, поначалу принявшая в штыки ребячью затею, в душе гордилась тем, что именно она дала кличку Краснопёрому.

...Но однажды в субботнее утро всех в квартире переполошил залёбывающийся Настин плач. Она проснулась раньше всех. А кто первым вставал (так уж повелось в семье), тот первым и заглядывал в ванную попроведать Краснопёрого.

— Мама! Краснопёрый умер... Кверху брюхом лежит. Не шевелится.

Все кинулись в ванную, где действительно на поверхности воды с раскрытыми жабрами, вверх брюхом неподвижно лежал Краснопёрый... Настя не унималась от слёз. Дениска крепился, но глаза его тоже наполнились влагой. Уже пожелтевшего и затвердевшего окуня отец достал из ванны. Другой ладонью он почерпнул пригоршню воды, понюхал:

— Вот сволочи! С хлором на водозаборе переборщили. Вон как воняет. Кто же в такой воде выживет?

Потерю краснопёрого друга ближе всех к сердцу восприняла Настя. Она потеряла аппетит, стала замкнутой, в дневнике вместо привычных пятёрок и четвёрок появились троечки. На какое-то время Настя находила утешение, играя с любимой куклой Алёнкой, с которой до сих пор не расставалась. Но это длилось недолго. Казалось, и Алёнке передалась её печаль... Отец с матерью всячески старались растормошить дочь. Но даже когда в доме появился большой настоящий аквариум с красными и золотистыми рыбками, живого интереса она к ним не проявляла. Отец уж засобирался было на рыбалку, чтобы привезти другого Краснопёрого, да жена отговорила: а вдруг повторится история? Тогда снова трагедия, душевная травма.

Всё разрешилось само собой. Как-то дочь, вернувшись из школы, озабоченно сказала матери:

— Нам задали сочинение «Мой четвероногий друг». Мама, а мне о ком писать? Ведь у нас нет ни кошки, ни собаки.

— Вот что, Настенька, напиши о нашем Краснопёром.

— А можно?

— Почему бы и нет? Ведь он был твоим другом. Вот и расскажи своими словами о нём.

Задумалась Настя. А пообедав, удалилась в детскую комнату и до глубокого вечера сидела над тетрадкой, сочиняла, что-то перечёркивала, переписывала набело. Даже от «спокойки» отказалась.

«Пусть выговорится в сочинении, авось, полегчает», — рассудили родители между собой. А Настя, похоже, все своё детское бесхитростное сердце вложила в рассказ, потому что сил у неё хватило лишь на то, чтобы сложить портфель. Даже ужинать не стала. Легла и сразу уснула.

На третий день Настя, оживлённая, с румянцем на щеках, с порога радостно сообщила:

— Мама! А мне Мария Николаевна за сочинение о нашем Краснопёром пятёрку поставила! И зачитала его перед всем классом. Димка с Пашкой в перемену пристали ко мне, всё выпытывали, что да как, да чем кормили.

— Молодец, Настёна! — улыбнулась мать.

Позднее, на родительском собрании Мария Николаевна отвела мать в сторонку:

— Вы знаете, Любовь Степановна, я ведь Настино сочинение читала и коллегам в учительской. Некоторые даже прослезились. Хорошо, с душой написала.

...Краснопёрого давно нет. Но сочинение о нём, написанное крупным детским почерком, мать до сих пор хранит в шкатулке с документами.

САНЬКИНЫ КАНИКУЛЫ. Рассказ

— Вот так. Море-то нам «улыбнулось», — сказал отец, придя с работы. — Зарплату и отпускные задерживают. И неизвестно, когда выдадут.

Услышав это, Санька помрачнел. Он уже жил мечтой о море, подсчитывал дни до отъезда в Анапу.

— Да ты не переживай. Устрою я тебе каникулы. А не махнуть ли нам всем на пару недель в Григорьевское? — отец вопросительно глянул на жену и дочь.

Через два дня они вчетвером шагали до села со станции пешком. Чем ближе к нему подходили, тем оживлённее становился отец. «Вот здесь мы пацанами грибы собирали. А в этой речушке пескаррей ловили. Ух и заросло-то как всё! Однажды вон на той излучине у бати — мы с ним в тот раз рыбачили — подлещик крупный клюнул. Да у самого берега сорвался, запутался в осоке. Так батя прямо с обрыва в одежде прыгнул в воду. И ведь поймал руками», — отец смеётся. И в эту минуту он сам был похож на мальчишку.

Родственники — двоюродные братья и сёстры отца — встретили гостей из города радушно, с присущим для селян хлебосольством. На столе появились пупырчатые малосольные огурчики, рыжики в сметане, холодец, окрошка с квасом. Тётя Маруся вынула из русской печи пироги с солёными грибами и картофельный, шаньги с творогом: самый раз угадала к приезду.

Саньке больше всего понравился пирог с тонко нарезанными ломтиками картофеля и луком. Такой мать ещё не пекла. После одной-другой рюмки у взрослых пошли разговоры о жизни, на них нахлынули воспоминания. «А ты помнишь? С покоса раз возвращались, гроза хлынула. Мы с Витькой рубахи скинули, скатали их — и под мышку, чтоб не замочить. Да по лужам босиком — только брызги летят! А Женька нюни распустил, как мокрая курица съёжился. Умора!» — «Да как не помню! Тогда ещё дедушка с нами наперегонки помчался». Воспоминания о детстве продолжались и во дворе, куда братья вышли покурить, присев на скамейку, сколоченную ещё дедом.

— Вам куда стелить-то? — прервала их беседу тётя Маруся.

— Конечно, на сеновал. Куда же ещё? — в голос ответили мужики. — И Санька с нами. Так ведь?

Поначалу Саньке показалось на сеновале неудобно, даже страшновато: ему всё казалось, что в углу скребутся мыши. Но сморённый долгой дорогой, он вскоре уснул. Его разбудили голоса во дворе. Было уже светло. Ни отца, ни его братьев на сеновале не оказалось. Санька полежал ещё, прислушиваясь к разговору.

— Так забирай лодку да езжай на пруд с Санькой рыбачить. А завтра на покос пойдём. Плывите в верховья — там лучше клюёт, — говорил дядя Миша отцу. Ответ отца он не расслышал из-за ритмичных постуков молотка по какой-то железяке. Это дядя Миша отбивал литовки, о чём Санька позднее узнал от отца. Между ударами молотка Санькино ухо уловило какие-то новые звуки, наподобие чирканья. Тут уж он сам догадался: тётя Маруся доила Зорьку, тонкие тугие струйки молока, ударяясь о дно и стенки подойника, и издавали эти звуки.

Он огляделся и замер от восхищения: сквозь щели сеновала пробивались золотистые лучи солнца. Они, словно прожекторы, освещали сеновал. Один из них был совсем рядом. Саньке казалось, затронь рукой, и он зазвенит, как гитарная струна. Высвеченные лучом пылинки в лёгком танце кружились на прямой, как стрела, солнечной дорожке. Иные пылинки, отвальсировав, беззвучно уплывали

в темноту, а на их месте, кружась, появлялись новые пары. Такого чуда Санька не видал.

— Подъём, мушкетёр! — прервал его наблюдения появившийся в проёме сеновала отец. — Собирайся на рыбалку. Женщины за малиной в лес надумали идти, а мы с тобой карпа поедем ловить.

Наскоро выпив по кружке парного молока, они огородам (по пути прихватили пару свежих огурцов с грядки) вышли к пруду.

Острые верхушки елей цеплялись за восходящее солнце, словно стараясь удержать его, но это им никак не удавалось. Когда отец с Санькой подплыли к месту рыбалки, солнце уже оторвалось от кромки леса, засияв во всей своей красе. Купаясь в его лучах, ржаное поле дынуло на рыбаков поспевающей теплотой. По отлогому берегу пруда прошло деревенское стадо, нарушив утреннюю тишину звоном колокольчиков да хлопаньем пастушьего кнута. И снова тишина.

На зеркальной водной глади замерли два поплавок. Вдруг один из них, слегка дрогнув, медленно-медленно поплыл к камышам.

— Подсекай! Но не слишком резко, — скомандовал отец. — Это карп подошёл.

Санька дернул удочку, и на другом конце лесы почувствовал сопротивление. От неожиданности он чуть было не выпустил удочку из рук.

— Есть! — закричал он. — Попался!

— Не спеши! Сейчас главное слабины не давать. Пусть выдохнется. Держи в натяге, — советовал отец, а сам потянулся за подсачником.

Конец Санькиного удилица согнулся в дугу. Леска ходила кругами: то стремительно погружаясь в воду, то удаляясь в сторону от лодки.

— Слабины, слабины не давай! И помаленьку подтягивай к поверхности. Пусть воздуха глотнет, тогда он сразу силу потеряет. Тут его и подводи к лодке, — отцу хотелось перехватить у сына удилице и показать, как это делается. Но он сдержал свой рыбацкий азарт.

Минуты три продолжалась борьба с крупной рыбиной. Саньке эти минуты показались вечностью. Он весь горел от возбуждения, ему не терпелось поскорее увидеть свою добычу, однако к советам отца прислушался. Рыба ещё раз сделала попытку освободиться от крючка, но Санька почувствовал, что прежней резкости в её бросках уже нет. Вот на поверхности воды показалась голова карпа. Он жадно глотнул воздух широко раскрытым ртом и, действительно, как-то сразу обмяк.

— Вот сейчас и подтягивай, — уже спокойнее сказал отец, держа наготове подсачник.

Через секунду-другую на дне лодки трепыхался живой килограммовый «слиток золота». Санька не сводил с него глаз.

...Три с половиной недели пролетели незаметно. Лёжа на верхней вагонной полке, Санька перебирал в памяти проведённые в Григорьевском дни и не мог определить, какой же из них больше всего ему запомнился. Он во всех подробностях вспоминал и то утро, когда поймал карпа (ох, и вкусный пирог испекла из него тётя Маруся!), и сенокос, особенно когда на машине везли сено, а они с отцом сидели верхом на возу, и полуночные часы у костра, который деревенские пацаны жгли по вечерам за околицей у реки. Они научили его ездить и на мотоцикле, и верхом на лошади. Его мысли прервал отец:

— Ну что, Саня, следующим летом на море?

— А может быть, снова в... Григорьевское?

ЧАПА И ЧУНЯ. Рассказ

Солнце устало клонилось к горизонту. Пожалуй, и мне пора домой. Здесь, на юге, темнеет стремительно. Едва солнышко спрячется за краешек земли, не успеешь оглянуться — ночь наступила. Не то, что у нас, на Урале, где солнечные лучи из-за горизонта долго освещают небо, облака и будто подбадривают людей: «Не кручиньтесь, земляне. Отец наш Ярило отдохнёт чуток и завтра на утренней зорьке снова вернётся к вам». Для наших не утомлённых солнцем жителей северных широт и вечерние сумерки — благодать: можно переделать ещё кучу дел.

...Я уже собрался было сматывать удочку, но вдруг заметил: поплавок стал медленно погружаться в воду, будто отяжелел. При рыбалке на течении в проводку так бывает при зацепе за корягу или за камень. Но я-то рыбачил на пруду в стоячей воде. И на карасиную эта поклёвка не была похожа. Карась дёрнет раз-другой и поведёт поплавок в сторону — тут и не зевай, подсекай. Кто же это ко мне на посошок пожаловал? Дождавшись, когда поплавок совсем исчезнет под водой, делаю плавную подсечку. Леска натянулась, но не заходила из стороны в сторону, как при пойманной крупной рыбе: та сопротивляется и кидается то в глубину, то в бок, либо к поверхности воды, стараясь освободиться от крючка. А тут подцепилось и тащится, будто мочало какое.

Подтягиваю к берегу. Наконец из воды показалась... черепаха. Небольшая — граммов на 150–200. Она неуклюже шевелила в воздухе

лапками. «Хоть бы ты, голубушка, сама отцепилась, — молил я. — Если заглотила крючок, как его отцеплять? Больно же тебе будет». Черепаха словно услышала мою мольбу: метрах в двух от края воды сорвалась с крючка и плюхнулась в траву возле камышей. Упала на спину и смешно перебирает лапками, цепляясь за травинки. Ей же на ноги встать нужно: кому приятно вниз головой находиться? Царапалась, царапалась — получилось: перевернулась и не спеша поползла по траве. Я ухватил её с боков за панцирь, хотел бросить обратно в пруд — ступай к себе домой. Оказавшись в руке, черепашка мгновенно утянула голову под панцирь: испугалась.

«А может, внукам показать? Пусть полюбуются, поиграют». Так и сделал. Садок с карасями — в рюкзак. Нарвал немного травы, положил её в карман рюкзака, туда же и черепашку посадил, застегнул карманчик на замок-молнию, чтоб не выползла, смотал удочку, привязал её к раме велосипеда. И вперёд — до хаты. Пока два километра крутил педали, совсем стемнело. В станице зажглись огоньки. Вот и дом сына. Он зазвал меня в гости — мол, порыбачишь вволю, позагораешь. По-южному широкий двор освещала яркая накрытая сверху металлическим абажуром лампа. И под её светом во дворе вовсю кипела жизнь. Внуки Лена и Оля катались на подростковых велосипедах. Младший, Серёжа, пинал мяч. Щенок Спирька крутился возле него и всё пытался ухватить мяч зубами. Серёжа первый и подскочил ко мне:

— Деда, много рыбы поймал?

— Всем хватит. И уху сварить, и пожарить, и даже Спирьке полакомиться останется.

— Деда, а от зайчика привез что-нибудь?

— Конечно, привёз. Прискакал он ко мне, что-то в рюкзак положил и говорит: «Это для Серёжи, Лены и Оли подарок. Не забудь передать».

Девчонки, услышав свои имена, подъехали к нам:

— Деда, ты что-то про зайчика говорил...

— Да, зайчик дедушке в рюкзак подарок положил! — опередив меня, выпалил Серёжа.

Я расстегнул карман рюкзака, достал черепашку, опустил на землю. Освещённая электрическим светом она не сразу высунула голову из-под панциря. Но, освоившись, огляделась и поползла по направлению к колодцу. К незнакомому существу тут же подбежал Спирька, понюхал и тронул лапой черепашку. Она молниеносно спряталась под панцирь. С минуту ещё таилась в своём домике.

Потом вытянула шею, покрутила головой в разные стороны и опять потопала к колодцу.

— Ой, как смешно она ползает! Переваливается, как наши утки — чап, чап! — воскликнула Оля.

— Чап-чап, говоришь? Вот давайте и назовем её Чапой. Согласны? — спрашиваю внуков.

— Согласны! — захлопали в ладоши дети.

— Деда, а пускай Чапа насовсем у нас живёт, — попросила Лена. — Мы её кормить будем.

С той минуты Чапа стала любимицей в семье. Для черепашки выделили оцинкованную ванну, залили её водой, на дно положили большой камень, чтобы Чапа могла залезть на него, полежать, отдохнуть и, высунув из воды голову, подышать воздухом. Дети по очереди кормили черепашку рыбой. Я разрезал её на маленькие кусочки, и внуки бросали их в ванну. Чапа подплывала к лакомству, резко, будто выстрелив головой из-под панциря, хватала кусочек рыбы, прижимала его когтистой лапкой ко дну ванны и начинала есть. Иногда внуки доставали Чапу из воды, и она вальяжно разгуливала по саду. Тут уж за ней надо было следить. Без присмотра нашу паползу нельзя оставлять. А то однажды выпустил её на волю Серёжа, а сам заигрался, забыл про черепашку. Вечером хватились: нет её нигде. Метр за метром обследовали всю территорию и двора, и сада. Звали, кричали — не появляется Чапа. Дети в слёзы: куда пропала их любимица?

Потом тот же Серёжа предложил:

— А что если нашему Спирьке дать понюхать что-нибудь такое, чем пахнет Чапа? И пустить по следу. А мы за ним пойдём, как пограничники, когда шпиона ловят.

Я не очень-то верил в способности простой дворняжки, но чтобы успокоить ребятишек, решили попробовать. Дали собачке понюхать воду в Чапиной ванне, даже налили в чашку той водички, чтобы Спирька попил. Она лакнул раза три и завилял хвостом, словно спрашивая: «А дальше-то что?»

— Ищи! Ищи Чапу! — подбодряли собаку дети.

И Спирька, умница, понял ведь, что от него требуется. Принюхиваясь к земле, он пошёл от ванны к гаражу, затем свернул к незапертой калитке, через которую мы ходим в огород. Далее направился к бане и возле старой перевернутой вверх дном бочки остановился. И оглядывается на нас: мол, здесь она, под бочкой. Я присмотрелся: действительно, между краем бочки и землёй была щель. Может, в неё и заползла Чапа?

Я перевернул бочку.

— Вот она! — радостно закричали дети. — Молодец, Спирька! Нашёл!

Серёжа взял черепашку и понёс её в ванну. Спирьке за находку дали куриные косточки. Он их тут же в один миг схрумал. А Чапу без надзора больше не стали оставлять одну.

В предпоследний перед отъездом день я снова отправился порыбачить на прудик. Взял с пяток полукилограммовых карасей, из которых сноха Оксана испекла отменный прощальный пирог. Мелочь скормили курицам. Кстати, в тот день поймал я ещё одну.. черепашку. По размеру такую же, как Чапа. И клевала также по-черепашки: медленно утопила поплавок. Хотел отпустить до дому, то бишь в родную водную стихию. И передумал: «В ванне-то ведь хватит места и двоим. И Чапе не будет скучно».

Лена и Серёжа, увидев нового жильца, сразу заликовали:

— Ура! Теперь у Чапы подружка есть!

А сердобольная Оленька сначала погладила вновь пойманную черепашку, потом пошла ко мне, тронула за рукав:

— Дедушка, а что если тебе отвезти её нашему двоюродному братику Саше? У нас уже есть Чапа, Спирька, а у него, городского, никого...

Родители переглянулись.

— А что? — молвил сын. — Устами младенца глаголет истина. Только как ты её, отец, повезёшь? Ведь почти трое суток в поезде.

— Очень просто. Горлышко у пятилитровой полиэтиленовой бутылки срезаем. Наливаем немного воды — и корбушка готова. Поклажи у тебя немного: рюкзак за спиной, в одной руке — сумка, в другой — пакет с бутылкой и черепахой, — рассудила Оксана.

— У нас Чапа. А эту черепашку как Саша будет звать? — спросил Сережа.

— Давайте назовем её Чуней, — выпалила начитанная Лена. — В какой-то детской книжке я встречала это имя. Мне понравилось — Чуня, Чунечка.

Так и порешили. А если Саша придумает ей своё имя — это уже его дело.

...В поезде — я ехал в плацкартном вагоне — Чуня вела себя благопристойно: плавала, спала, кушала. Однажды я выпустил её размяться. В соседнем купе до Перми ехала семейная пара с детьми-дошколятами Настей и Мишей. И они, бегая по проходу, конечно, увидели Чуню.

— Ой, какая интересная черепашка! Можно её погладить? — дети с любопытством склонились над Чуней.

В игре с черепашкой время летело незаметно.

Незадолго до приезда в Пермь отец Миши и Насти подсел ко мне на скамейку:

— Слушай, Васильич, продай черепашку. Сын с дочкой так к ней привязались. Продай, никаких денег не пожалею.

— Не в деньгах, Антон, дело. Я ведь для внука везу её. Извини. Ждёт он меня с подарком.

И действительно, Сашу, когда встретился с ним, впечатлили не столько южные фрукты и прочие сладости, сколько настоящая живая черепашка. Трёхлетний внук вообще не отходил от Чуни. Он и спать согласился с одним условием: чтобы бутылка с черепашкой стояла возле его кровати. Кстати, Саша охотно принял имя Чуня, не стал придумывать другое. И чаще кликал черепашку уменьшительно-ласкательно и протяжно: «Чу-у-нечка!» А придя с мамой из детского садика, сразу же бежал проведать черепашку: «Чунечка! Я пришёл. Как ты без меня вела себя? Кушать хочешь?» А та вытягивала из воды шею, прислушивалась и будто спрашивала: «Что ты от меня хочешь, маленький человечек?»

Однажды в воскресенье мы всей семьёй собрались в сад, благо погода выдалась солнечной, тёплой. Саша от нетерпения возбужденно запрыгал:

— И Чунечку возьмём с собой!

На фазенде я заполнил водой большой белый эмалированный таз и поместил туда Чуню. Ох и резвилась она там! Саша не отрывал глаз от плавающей в тазу черепашки, забыл и про песочницу, что я для него обустроил.

— Деда, ты говорил, что у тебя в бочке рыбки есть. Давай их запустим к Чунечке в таз, — выступил с идеей Саша. — Посмотрим, кто быстрее плавает.

— Давай. Только надо же сначала поймать карасиков. Удочка у меня есть. Игрушечной — помнишь, папа тебе подарил? — ты умеешь ловить рыбок. А сегодня по-настоящему попробуешь рыбачить.

— Ура! — воскликнул малыш.

Мы пошли с ним к компостной яме, где откопали пару червячков. Из сеней я принёс удочку, ей ловил карасей на прудике, а потом запускал их в бочку. Знал, что в ней живут два карасика и один маленький линёк. Наверняка, думаю, без меня проголодались и клонут без промедления.

Так и вышло. Я нацепил на крючок червячка, дал внуку удочку. И Саша с табуретки (чтобы видно было) стал рыбачить в бочке. Мы же все — мама Люся, бабушка Тамара и я с зятем — столпились у бочки и наблюдали за Сашей-рыбаком. Как только поплавок скрылся под водой, кричу внуку:

— Тащи! Это карасик червячка схватил и не отпускает.

Саша дёрнул — и на крючке затрепыхал серебристый карасик.

— Ну вот и твоя первая в жизни рыбка! — прокомментировал отец Алексей.

А Саша от пойманного карасика пришёл в неопиcуемый восторг:

— Деда, мама, папа! Я сам поймал! Сам! — захлёбываясь, кричал внук. — Давайте скорей карасика к Чуне в таз. Им веселей вдвоём будет!

Я отцепил карасика, передал Саше. Тот поцеловал рыбку, осторожно спрятал в ладошки. И мы все кинулись к стоящему на открытой веранде тазу. Внук отпустил улов в воду.

На фоне белого дна хорошо были видны и Чуня, и карасик. Рыбёшка, очутившись в новом «водоёме», тут же начала осваивать его — стремительно плавала по кругу то в одном, то в другом направлении. Черепашка сначала только вертела головой, наблюдая за карасиком. И вдруг, быстро загребая лапками-вёслами, смело поплыла к рыбке. Та — от неё, черепашка — снова в погоню. Весьма забавное зрелище.

— Деда, они в догонялки играют? — спросил Саша.

— Да, внучек, в догонялки. Они же ещё маленькие. А все малыши любят во что-нибудь играть.

Но тут Чуня всё же изловчилась и ухватила ртом карасика за хвост. Собралась уже придавить ко дну добычу лапкой. Рыбка отчаянно задёргалась. Ей удалось вырваться от хищницы. Чуня снова бросилась догонять карасика. Тут жена незаметно ткнула меня в бок. Мы отошли в сторонку.

— Убирай-ка карася в бочку. Ведь черепаха вот-вот поймает и начнёт его, живого, есть на глазах у ребёнка. Нельзя допускать такого живодёрства. Непедагогично. Шурик чувствительный, изревется весь. Убирай, пока не поздно, — рассудила Тамара.

— Вообще-то да, — я вспомнил, как минуту назад внук целовал карасика, бережно нёс его к воде. — Что делать?

В это время к нам прибежал Женька, мальчуган с соседнего участка.

— Санька! А мне папа подарил щенка. Пойдём, покажу, — с ходу выпалил Женька.

— Зато у меня Чуня есть. Смотри, — Саша потянул друга за руку к тазу.

— Здорово! Надо и Джеку показать черепашку. Пошли, принесём щенка, — Женьке не терпелось похвастаться своим четвероногим другом.

— Мама, я схожу с Женей? — отпросился Саня.

— Только недолго ходите, — разрешила мать.

Мальчишки убежали. Я, воспользовавшись моментом, руками изловил улепётывающего от Чуни карасика и пересадил его в бочку. Тут и мальчишки вернулись.

— А где карасик? — недоумевал Саша, увидев в тазу только одну Чуню.

— Тесно ему здесь. Воды маловато. Вот и запросился обратно в бочку. Там, на дне, ему со своими братиками лучше, уютнее, — объяснил я внуку переселение карасика.

Впрочем, Саше уже было не до моих объяснений. Пацанёнки с интересом смотрели, как рыжий с подпалинами на боках пушистый комочек неуклюже протопал на толстых лапах к тазу, заглянул в него. Принюхался и сунул переднюю лапу в воду. Теперь уже Чуня стала в роли убегающей. Правда, Джек и не думал за ней гнаться. Он вытащил мокрую лапу и потюхтил к ирге, на которой сидели дрозды.

— Гав! Гав! — пробасил юный эрдельтерьер.

Птицы улетели. Пока мальчишки под приглядом бабушки играли с щенком и черепашкой, а дочь готовила обед, мы с зятем окучили картошку.

К вечеру молодые засобирались домой. Поехала с ними и бабушка. Я остался в саду с ночевой.

Спустя примерно час у меня зазвонил мобильный телефон.

— Папа, — взволнованно говорила дочь, а в трубке слышался и плач внука. — Беги скорее на прудик. Мы туда заехали искупаться. А Чуня с Шуриком — он уснул — оставались в машине. Дверца передняя была не заперта. Чуня, наверное, и выползла из машины. Приехали домой, Шурик проснулся: «Где Чуня?» Мы всю машину осмотрели. Не нашли. Шурик весь в слезах. Сходи, пожалуйста, на берег. Машина у водокачки стояла. Поищи. Может, куда недалеко уплыла.

Я бросил все дела, и бегом на пруд. Обшарил на берегу у водокачки каждый кустик, каждую травиночку. И всё безрезультатно. Скорее всего, Чуня до воды доползла и уплыла в родную стихию: она же водяная. На берегу у самодельной нырялки всё ещё крутились подростки. Я рассказал ребятам о пропаже. Они тоже подключились к

поиску. Компанией обошли чуть ли не весь прудик. Пацаны ныряли с маской, искали черепашку на дне. И тоже впустую: «Мутно на дне, ничего не видно. За день-то взбаламутили воду. Надо утром попробовать».

На другой день я продолжил поисковые работы с раннего утра. Полностью обошёл весь пруд, искал с маской на дне — и у нырялки, и у водокачки, возле которой купались дочь с зятем. Бесполезно. Это всё равно, что искать иголку в стогу сена. Забралась Чуня куда-нибудь под корягу — где её увидишь? Да её и на дне вряд ли разглядишь: что панцирь у черепашки, что ил — по цвету схожи. А если она подплыла к плотине, к сливной трубе — затащит туда, вынесет в речушку. Где искать? От сада до Большого городского пруда, куда впадает Травянка, пять километров... Что остаётся? Ловить черепашку на удочку? Так же, как я поймал её на юге? Но ведь это почти нулевой шанс — один из тысячи, а может, и из миллиона. Ждать, когда единственная в пруду черепаха подплывёт к наживке и клонет? И в каком месте рыбачить? Прудик в длину около 150 метров и в ширину метров 60. Это не из бочки ловить. Не придётся ли внуку новую черепашку покупать? Да где ещё их в продаже найдёшь? В каком магазине? В нашем городишке точно не продают черепах. Об этом я рассуждал, шагая из сада домой. Первым делом, конечно, зашёл к дочери. Саша, услышав мой голос, пулей прибежал в прихожую:

— Деда, нашёл Чуню?

В его синих глазёнках искрилась надежда на хорошее известие. И я без колебаний отдал бы всё, чтобы порадовать внука доброй вестью. Пришлось схитрить.

— Ты знаешь, Санечка, — начал я издалека. — Чуне, наверное, понравился наш прудик. Пусть поплавает, погода тёплая стоит. А завтра с утра я снова пойду искать её. Может, где выползет на берег подышать свежим воздухом.

— Деда, а можно я с тобой пойду искать Чуню?

— Шурик, тебе ведь завтра в садик. А в выходные мы все — папа, мама, бабушка с дедушкой и ты — уедем на дачу. И поищем черепашку. Если всем искать, быстрее найдём, — успокаивала сына мама. — А пока дедушка попробует ловить Чуню удочкой. Может, клонет, как на пруду в Кубани, — угадала мои вчерашние рассуждения дочь.

— Ладно. Только, деда, завтра приди. Расскажешь, как ты ловил Чуню, — малыш повернулся к маме. — А скоро выходные будут?

— Через два дня, сынок. Пойдём, спать пора. Я тебе сказку расскажу, — мать взяла Шурика за руку. — Помаши дедушке.

— Деда, пока! Приходи завтра с Чуней. Пожалуйста, — внук не хотя поплёлся за матерью.

На следующий день я по новой обшарил все прибрежные заросли прудика. И с маской плавал, нырял. Бесполезно. Вернулся в домик. Взял удочку. Я понимал, насколько нереальна моя затея поймать черепашку удочкой в довольно большом водоёме. А с другой стороны, вдруг да наткнётся на наживку и клонет? И внука-то до слёз жалко. Он так с ней подружился. Надо использовать любой шанс, чтобы вернуть ему подругу. Я глядел на неподвижный поплавок, а в голове прокручивал самые разные способы раздобыть черепашку для внука. И ничего не мог придумать. Так с пустыми руками я и в этот вечер вернулся домой. Как и обещал, зашёл к внуку.

— Деда, а где Чуня? — даже не поздоровавшись, спросил Саша, едва я вошёл в прихожую.

— Всё ещё плавает, внучек. Но я её обязательно поймаю.

— Ну когда, деда, когда? — и Саша горько заплакал. — Я у-уже в г-группе всем рассказал про Чуню. Сказал, что п-принесу п-показать. А т-ты всё не можешь п-поймать, — всхлипывал, заикаясь, мальчуган.

— Санечка, мы всё равно что-нибудь придумаем. Будет у тебя Чунечка, будет, — обнимал я внука. У меня и у самого наворачивались на глаза слёзы.

Прошла неделя, другая. Я продолжал каждый день в разных местах — и на утренней зорьке, и на закате — рыбачить, но ничего кроме мелких карасиков не попадало. А Саша за эти дни даже похудел. Он почти ничего не ел, плохо спал. Никакие игрушки не радовали его. Он только плакал, плакал...

Навещать внука для меня стало сплошным мучением. Ничего так не терзало мою душу, как безутешные детские слёзы. Прежде весёлый и жизнерадостный, он теперь даже не подбегал ко мне с привычным вопросом: «Деда, поймал Чуню?» А увидит, что у меня ничего нет в руках, и молча обливается слезами. Это невыносимо...

Состоянием Саши всерьёз озаботились и отец с матерью, и мы, старики. Родители советовались и с врачом-психологом. Доктор рекомендовал купить щенка или певчую канарейку в клетке, чтобы как-то отвлечь ребёнка от пропажи. Ничего не помогало. Саше подавай только Чуню. И именно Чуню, а не другую, похожую на неё черепашку. Я уже ругал себя за то, что привёз с Кубани для внука живой подарок. И боялся заходить к внуку с пустыми руками. А мальчик на глазах угасал...

Вот и бабье лето позади. Вода в прудике похолодала. А я не переставал сидеть ежедневно на берегу с удочкой, ожидая, когда к наживке подплывёт Чуня. Местные рыбаки знали о нашем горе и обещали передать черепашку, если она клюнет на их удочки. Пробовал я с рыбаками пройти прудик с бреднем: авось, попадёт, запутается в ячейках Чуня. Но только изорвали о коряжистое дно бредень. И с резиновой лодки пробовал рыбачить на середине пруда. И всё впустую. Я совсем отчаялся.

Но в то утро, 29 сентября, я проснулся с каким-то приятным предчувствием: мне сегодня непременно повезёт. Должна же быть в конце концов на земле справедливость. Ведь почти полтора месяца я только тем и занимаюсь, что ловлю Чуню. Так неужели всё напрасно? Если Чуня в прудике, она обязательно сегодня клюнет. Тем более завтра у внука день рождения. Три годика. И с пустыми руками я просто не имею права приходить к нему в гости. Всё равно поймаю Чуню! В таком приподнятом настроении я подъезжал на велосипеде к пруду. За ночь сильно подморозило: у заберегов появился даже тонкий ледок. Так бывает на Урале с его непредсказуемым климатом. Сначала решил, как всегда, порыбачить у водокачки. В этот раз, прежде чем закинуть удочку, я мысленно произнёс про себя: «Господи, благослови!» Так меня учил покойный тесть, заядлый рыбак. Это чтобы повезло с уловом. Прошло часа три. Ни поклёвки. Перешёл на противоположный берег. И на новом месте не клевало. На моё бодрое с утра настроение в наступление вновь пошло отчаяние. А холод и не думал отступать. Я развёл костёр. Вскипятил чаю со смородиновым листом. Перекусил припасённым бутербродом с колбасой и маслом. При этом не выпускал из поля зрения поплавок. А тот и не думал шевельнуться. Будто в пустой бочке рыбачил. Смеркалось. Неужели и сегодня возвращаться домой порожняком? Я готов был от бессилия взвыть волком.

«Ещё пять минут сижу и сматываю удочки. Видно, не судьба. Значит, единственный из тысячи шанс не на меня наговорен», — раздумывал я про себя. А мой внутренний голос говорил: «Ты же ещё не всё испробовал». — «Уж не намекаешь ли ты мне на то, что я должен помолиться? — продолжил я диалог с внутренним голосом. — Так я же атеист. И в школе нам твердили, что Бога нет. Да и молитвы ни одной не знаю». — «А ты попробуй своими словами поговорить с Богом. Он услышит тебя, если слова пойдут из сердца».

Я оглянулся. Вокруг никого. Я один. И тишина.

— Боженька, миленький, дорогой, помоги мне, пожалуйста, поймать черепашку Чуню, Сашину любимицу. Погибает он без неё, не

ест, не пьёт. Завтра у Санечки день рождения. Сделай ему, милосердный Боженька, подарок. Очень прошу тебя, Господи миленький, спаси нашего маленького Санечку. И ты, Николай Чудотворец, поспеши нам на помощь, пожалуйста, — шептал я, не отрывая взгляда от поплавка.

И перекрестился, как получилось. Три раза. И произошло... чудо! Поплавок слегка шевельнулся. И стал медленно уходить под воду. Точно так же, как и при ловле Чапы. Когда поплавок полностью скрылся под водой, я подсёк. Вывожу. А в голове: «Только бы не сорвалась. Только бы леска выдержала». Это была действительно Чуня! В воздухе она по-смешному барабала лапками, будто помогая самой себе быстрее оказаться на берегу, подальше от холодной воды. Я ещё не дотащил Чуню до берега, а в душе уже радовался: «Поймал!» Ведь знал же, что нельзя раньше времени восторгаться, делить шкуру убитого медведя. Сорвалась-таки Чунечка, плохо, видать, на крючке засеклась. Ладно, что по инерции она летела в сторону берега и упала на ледок, который, к счастью, не проломился от её веса. Я не растерялся: удилищем подтянул по льду Чуню к берегу и скорее — в охапку. Тут уж я дал волю своим чувствам. Простёр к небу руки, не выпуская из них Чуню, и закричал:

— Боженька, родненький, спасибо тебе, миленький!

Удочку, кажется, я даже к раме не привязал, бросил в кусты: потом найду. Чуню — в пакет, пакет — в рюкзак, рюкзак — за спину. И жму на педали. Скорее Санечку обрадовать. С какой скоростью я летел, не помню. Но всё же сначала заехал к себе домой поделиться радостью с женой. Она ведь тоже сильно переживала за внука, почернела вон вся. А тут и морщинки разгладились, заулыбалась. И мы молодецким шагом направились к Саше.

— Сашунчик, а я тебе что-то принёс! — с порога протрубил я, выпуская из пакета Чуню.

Из детской комнаты выбежал Саня с игрушечной черепашкой в руках, купленной мамой неделю назад. Но, увидев на полу живую Чуню, Саня бросил игрушку на столик и склонился к своей любимице:

— Чуня, Чу-у-унечка! Нашлась! Деда, ты поймал её? Молодец! Деда, я люблю тебя! — не выпуская из рук черепаху, Саша прижался ко мне, обнял.

Потом снова опустил Чуню на пол. Мы всей семьёй окружили её. Сначала она инстинктивно спрятала голову и лапки под панцирь. А когда повеселевший внук, склонившись к ней, опять позвал: «Чуня, Чу-у-унечка!», — черепашка медленно вытянула голову из своего

домика, прислушиваясь к Сашиным словам. На согнутой почти под прямым углом шее заходил кадык. Чуня безотрывно смотрела на малыша:

— Ну, здравствуй, Санечка! Я ведь тоже соскучилась по тебе. Больше не будешь плакать? — читалось в её взгляде.

Это был самый счастливый день в Сашиной жизни. И в моей тоже.

Р. С. Случайное ли это совпадение или я в самом деле поймал черепашку с Божьей помощью, о том я никому дома не рассказал. Пусть это останется нашей с ним тайной.

ОСТРОТЫ. Рассказ

Что может быть лучше тихой задушевной беседы у реки возле рыбацкого костра? В эти минуты, как никогда, ощущаешь локоть друга, единство с природой, её величие и хрупкость. Вся эта будничная круговерть с её вечными проблемами и житейскими хлопотами кажется суетой сует. Умиротворение и покой заполняют душу. И она, словно пушистый котёнок, мурлычет и ластится и к этим склонённым над заводью ивам, и к лунной дорожке, пересекающей речную гладь, и к каждой травинке, выхваченной из темноты отблесками огня.

Вот и мой давнишний напарник Филаретыч, родственная душа, зачаровано вслушивается в густую ночную тишину, нарушаемую лишь потрескиванием костра. Филаретыч словно угадывает мои мысли:

— Каждое лето навещаю я в эти места. Вроде бы всё уже знакомо до мелочей. Но ещё ни разу не наскучило. Нет, великое дело — рыбалка! Это и удовольствие, и продовольствие. Правда, последнее не так-то уж и часто балует нашего брата. Но у меня удовольствие ничуть не уменьшается из-за этого. Мне важен сам процесс. А красотища-то здесь какая! Глаз не оторвёшь, — потягивая крепкий чай, Филаретыч продолжает философствовать: — И вообще, Петрович, я считаю, что у каждого мужика должны быть свои остроуты. У одного — охота. Его хлебом не корми — дай по лесу с ружьём побродить. У другого первейшее заделье — рыбалка. Этому тоже не нужны ни хоромы, ни длинные рубли. Кто-то до техники страшно охочий. Его от мотоцикла или от машины не оторвёшь. Иной опять же по любовной части большой мастак. Такому без женщин свет не мил. А есть и такие, кому все земные удовольствия заменяют водочка да табачок. Так вот, Петрович, я

за свою жизнь все эти остроты прошёл, — старик хитро улыбается, и в его прищуренных глазах появляются бесовские огоньки, зажжённые воспоминаниями о былой молодости. — Сейчас, правда, из всех острот одна рыбалка осталась. Но и это для меня огромнейшая радость. А она должна быть у каждого человека, как бы тяжело ему ни жилось. Так я считаю.

Я согласно киваю головой. Житейской мудростью пронизаны его незамысловатые рассуждения. А ведь и верно, без этих самых острот жизнь наверняка покажется пресной. Ну насчёт водочки да ещё кое-чего Филаретыч, пожалуй, того... В принципе можно и без этого обойтись, хотя, если всё в меру, большого греха не будет. А в остальном я с Филаретычем полностью согласен. И слово-то какое меткое откопал — остроты! Не чета иностранному «хобби», смысл которого Филаретычу, возможно, не совсем и понятен.

...На августовском небе нет-нет да и вспыхивает яркая звезда. Прочертив короткий путь, она угасает, канув в небытие. Говорят, в этот миг надо загадать желание. Но, как всегда, не успеваешь. А оно, в общем-то, одно — продлить это мгновение, эту тихую ночь у костра, пусть её ничто не нарушает.

ВАСИЛЁК. Рассказ

В тот августовский вечер на душе было как-то пасмурно и неуютно. Вышел на балкон покурить. По привычке оглядел посаженные во дворе берёзки. Вернее, уже берёзы: их мы с соседями по подъезду садили тридцать с лишним лет назад, когда вселились в новый дом. Вон как вымахали кудрявые красавицы! Иные вплели в косы жёлтые ленточки и с важностью посматривают на своих зелёных подруг — дескать, что же вы не принаряжаетесь? Как вы — не знаем, а мы на танцы собрались. Затем мой взгляд переместился на кусты сирени под балконом. На одном из них расплывчато синело пятнышко. Обёртку от конфеты что ли кто-то бросил, и она застряла в листьях сирени? Ничего не пойму. Изменил фокус зрения и замер от удивления: под моими ногами в бетонном полу балкона между решёток рос... василёк! Он и синел на фоне куста. Забыв про курево, я с восторгом и нежностью смотрел на хрупкий полевой цветок.

Каким ветром его сюда занесло? Я внимательно исследовал выступ бетонной плиты. Местами он зарос зеленоватым мхом. На кромку

под линолеум набилась пыль, превратившаяся со временем в узенькую полоску земли. И ведь хватило её, чтобы укрепиться семечку василька, принесшего синий привет с пшеничного поля! Не из рюкзака ли выпало то семечко? По лесам да полям брожу — где и прилипло оно. А вывесил сушить рюкзак на балкон — и нашло более укромный уголок для себя семечко. Сразу ли ветром с полей занесло его на балкон? Пойди сейчас, разберись. Да это и не суть важно.

Вон какая красота под ногами!

А может, не случайно василёк выбрал городской балкон? Нам, урбанистам, затюканным житейской суетой, так порой не хватает времени, чтобы вырваться на природу, почувствовать её величие и гармонию. Вот полевой цветочек сам и прибыл в гости: «Гляди, наслаждайся! А лучше ноги в руки да в лес, к реке, на ромашковую поляну или к нам, в поле. Что ты отсюда увидишь из каменной-то берлоги?»

Сразу вспомнилось детство в деревне, когда мы, ребята, ни свет ни заря, убегали с лукошками в ближайший лесок за грибами. А шагать до него надо было по тропинке через колхозное пшеничное поле. И васильки, словно играющие в переглядку со спелыми колосьями, радовали глаз своей нежной и какой-то незащищённой красотой! Трудно это выразить словами.

А не потому ли василёк закрепился на моём балконе, чтобы своим примером заразить меня волей к жизни. Мол, смотри, в каких условиях я расту, корнями вцепился в бетон, но ведь держусь, тянусь к солнцу, радуюсь жизни, а ты чего раскис? Я слушал его и краснел от стыда. Действительно, что я хандру-то напустил на себя? Я разговаривал с растением, и на душе становилось легче, светлей. Спасибо, василёчек!

А может, василёк пришёл ко мне, чтобы напомнить об отце? В детстве его тоже звали Васильком, взрослым — Василием. Отца-фронтовика уже шесть лет нет в живых. А нынче впервые в круговерти буден и по стечению обстоятельств я, к своему стыду, не сумел сходить в Родительскую субботу к нему на могилку... Надо попроведать. Прости, батя! Брошу всё и в ближайшие выходные выберусь на кладбище.

...Сигарета давно потухла, а я всё смотрел на чудное создание природы, и душу заполняли умиротворение и покой.

На другой день я взахлёб рассказывал приятелю о нашедшем убежище на моём балконе васильке. Палыч, выслушав, хлопнул меня по плечу: «Ну, ты даёшь! До того запустил балкон — у тебя же скоро там деревья вырастут».

Угасив поэтическую восторженность, я медленно спустился с небес на землю... Может, он и прав. Я не в обиде.

И всё-таки здорово, что именно на моём балконе расцвёл василёк! Не знаю почему, но это хрупкое творение природы заставило меня взглянуть на мир, окружающих людей совсем другими глазами — такими же ясными и добрыми, как у моего василька.

БОЦМАН. Рассказ

Степан потянулся, глянул на будильник и вскочил, как ошпаренный. Часы показывали половину седьмого. Проспать на рыбалку и в такую, как по заказу, погоду! «Может, застану ещё утренний жор. Ведь у меня почти всё собрано», — подумал Степан, спешно одеваясь. Он достал из холодильника приготовленный «тормозок», запихал его в рюкзак. Вывел велосипед и с ускорением покатил к пруду. Вдруг на его спине что-то... зашевелилось. Степан оторопел. Что за чертовщина? Через секунду-другую он услышал жалобное мяуканье. Степан остановился, скинул рюкзак, развязал. На него глянула невинная мордочка их домашнего котёнка.

— Боцман? Как ты сюда попал? Куда теперь тебя девать? Ладно уж, поехали вместе.

Расстегнув верхние пуговицы штормовки, Степан усадил под неё кота. Вперёд!

Боцман, словно кенгурёнок в материнской сумке, выставив передние лапки и рожицу, с любопытством и страхом взирал на надвигающиеся на него дома и деревья.

«Как он забрался в рюкзак? — нажимая на педали, размышлял Степан. — А-а... Я же его оставил незавязанным. Боцман в поисках рыбы и залез, да, видно, и уснул. Вот шалапут!»

...Этот пушистый в серо-беленькую полоску комочек появился в доме полгода назад. И сразу стал всеобщим любимцем. Кличку ему дал бредящий морем Санька, сын Степана.

Из домочадцев Боцман особо выделял хозяина. Наверное, потому что тот пристрастил его к свежей рыбе. Лакомство это котёнок любил до безумия. Он с одинаковой жадностью ел и сорожку, и колючих ершей. Когда Степан, пропахший костром и рыбой, вваливался в прихожую, Боцман с ходу бросался ему на грудь, ловко перелезая затем на рюкзак. Так с урчащим, вцепившимся в вещмешок котом Степан и опускал поклажу на пол. На просмотр этого «спектакля», как правило, собиралась вся семья. Особенно забавно было наблюдать за

Боцманом, пытавшимся в прыжке дотянуться до рыбёшки, которую за хвост держал Санька:

— Боцман, рыба!

На этот клич кот кидался сломя голову, где бы ни был. Как-то Санька, наклонившись, прошептал на ухо эти слова сладко спавшему на диване котёнку. И поплатился за обман. Боцман так схватил его лапой за нос, который, очевидно, со сна принял за рыбу, что Санька целую неделю ходил с царапинами.

...Степан закинул три донки, пристроил к ним колокольчики. И в ожидании клёва присел на берегу. Котёнок, впервые попавший из домашней обстановки на волю, ошалел. Всё ему было интересно. Вот на травинку присела стрекоза. Боцман, припав к земле, неслышно пополз к неизвестному существу. Но тут его внимание отвлекла трясогузка. И Боцман, бросив стрекозу, кинулся к птичке. Когда та легко вспорхнула в синюю высь, котёнок разочарованно-недоумённо округлил глаза: «Как так? Только что была тут, и не стало. А я почему не летаю?»

Степан, наблюдая за котом, совсем забыл про удочки. Звон колокольчика напомнил ему о главной цели его приезда на водоём. Рыбацкое сердце забилось в радостном предчувствии. Степан подбежал к средней донке. Короткая подсечка. Леска натянулась струной, по которой в его руки передалась приятная тяжесть. Вот, блеснув широким серебристым боком, на мелководье показалась рыба. Это был добрый, килограмма на полтора, лещ. Не давая слабину, Степан потянулся к подсачнику...

И тут произошло невероятное. Боцман, увидев у самого берега живое лакомство, бросился в воду и вцепился своими острыми когтями в рыбу. Поводок, не выдержав двойного веса, лопнул. Освободившись от лески, лещ попытался развернуться на глубину. Но ему мешал сидевший на спине кот. Воля к жизни, однако, взяла верх: лещу удалось сдвинуться с мелководья. И он вместе с котом, похожим в этот миг на мчавшегося на водных лыжах спортсмена, устремился в глубину. Боцман отчаянно замяргал, но добычу не отпускал. Да и не мог: острые когти, пробив чешую, застряли в теле рыбы.

Степану, так и не успевшему дотянуться до подсачника, раздумывать было некогда. «Чёрт с ним, с лещём! Кота надо спасать!» — мелькнуло в голове. И, словно вратарь, вынимающий трудный мяч из нижнего угла ворот, он в красивом прыжке в самый последний момент схватил Боцмана.

Доставая кота из воды, Степан немало удивился, когда за Боцманом потянулся и трепыхавшийся в когтях лещ. Не упустил всё-таки

кот улов! Тут уж Степан не растерялся: другой рукой прижал к себе и леща. Всё это произошло в считанные секунды.

На берегу промокших Степана и Боцмана окружили наблюдавшие за этой сценой рыбаки. Одни от души хохотали, приговаривая: «Степан, продай кота. С ним и подсачника не надо. Ну и котяра! Во даёт! Ай да Моська!» Другие разводили костёр, третьи из своих садов угощали Боцмана мелкой рыбой. А тот, не обращая внимания на смех, деловито уплетал гостинцы рыбаков.

НАТАША И ДЕДЮША. Рассказ-быль

Лет шесть назад дед Андрей приобрёл в коллективном саду участок с домиком. Место ему понравилось: грядки на южном склоне («На прогретой земле и растёт получше»), от дома недалеко — ровно четыре километра, по спидометру мотоцикла засекал. Если техника забарахлит, так можно и пешочком до сада прогуляться. И самое главное — буквально за садовым забором, только речушку перейти, такой симпатичный осинничек! Ноги сами несут в его прохладу. Выйдешь поутру из домика, спустишься под горку — и собирай грибочки. А уж до них-то дед Андрей дюже охочий. Хлебом не корми — дай по лесу побродить, полюбоваться выбежавшей на опушку семейкой ядрёных красноголовиков.

«Да и внучке сад на пользу пойдёт. Пусть к земельке приучается. И воздух здесь почище. Хоть от заводской копоти отдохнёт», — рассуждал дед Андрей.

В то августовское утро дед Андрей разбудил внуку раньше обычного.

— Наташа, солнышко к тебе скоро в кровать заберётся. Пойдешь в лес за грибочками? После дождей они наверняка подросли. Да и кто рано встаёт, тому Бог подаёт.

Наташе пять с половиной лет. В сад к дедушке и бабушке ходит с удовольствием. Дед оборудовал ей уголок с речным песочком. Рядом поставил большой таз, где в прогретой воде Наташа палкается с соседским мальчишкой Пашкой. Раздолье! Есть у неё и маленькая леечка, из которой поливает грядки. Всё, глядишь, бабушке подмога.

— Дедюша, а ты корзинку мне приготовил? — открыла глаза Наташа.

— Она давно тебя дожидается. И чай с мятой я уже вскипятил, и огурчиков свежих сорвал. Умывайся, перекусим — и в лесочек, где найдёшь красныш-грибочек, — стихами заговорил Дедюша.

Так его зовёт внучка. Дедушка Андрюша — это очень длинно. Вот Наташа, не подозревая о тенденции в русском языке к экономии произношения, и сократила — Дедюша.

Старый и малый подходили к осиннику, когда солнце только-только оторвалось от острых верхушек елей, которые на горизонте казались голубыми. На листочках и траве ещё блестела роса. Лесные пичуги встретили грибников разноголосым пением. У первых же осинков, выбежавших стайкой на опушку, дед заметил красноголовик, баской, на толстой ножке, с ещё нераскрывшейся шляпкой. Но дед специально прошёл от него в двух шагах. «Пусть внучка первой найдёт гриб». Глазастая девчонка от восторга всплеснула руками:

— Дедюш, а я гриб нашла! Да какой красивый!

— Молодец! Точно, подосиновик! Потому и назвали его так, что под осинкой растёт. Или, по-народному, красноголовик. Ну-ка, ищи рядышком, в траве. Может, и братьев его найдёшь. Любят они семейкой прогуливаться.

Дед Андрей положил срезанный гриб в Наташину корзинку, обошёл осинки с другой стороны, нагнулся: парочка маленьких красноголовиков, прижавшись друг к другу, выглядывала на него из травы. Не успел ими полюбоваться, как раздался радостный крик Наташи:

— Дедюша, я ещё один нашла!

И вдруг её радость сменилась недоумением, переходящим в огорчение:

— Ой, это вовсе и не гриб.

На Наташиной ладошке лежала оранжевая пробка от пластиковой бутылки.

— Дедюш, как она здесь оказалась? А я так обрадовалась, думала, красноголовик... — На глазах у девочки заблестели слезинки.

— Есть, внученька, люди, которым лень обратно нести то, что им уже не надо. Где-то рядом наверняка и бутылка пустая лежит.

А про себя сказал: «Эх, Наташенька, это только начало. Сколько разочарований тебя ещё в жизни ждёт? Столкнёшься и с ложью, и с предательством, и с несправедливостью. Выдержишь ли ты всё это, хрупкое создание?»

Минут через десять, когда они перешагивали через срубленные берёзки, деду опять пришлось держать ответ перед внучкой-почемучкой:

— А это любители попариться напакостили. Нет чтобы нагнуть берёзку и наломать веточек, так им надо под корень срубить. Эх, люди, люди...

— Если так каждый начнёт делать, то здесь и леса не будет?

— В том-то, Наташа, вся и беда. Так пойдёт — грибов здесь не останется.

— А если милицию позвать?

— К каждому дереву, внученька, милиционера не приставишь. Самим нам — и тебе, и мне, и дяде Грише — надо беречь природу. Тогда и дети твои будут в этом лесу грибы собирать.

И про себя добавил: «До чего же глупенькая ты ещё у меня. Разве уследишь за тем же соседом Григорием, который наверняка пласта-ет деревья в этой роще и пилит на своём станке из них доски на потолок и пол для бани. Тут же в саду развернул мастерскую. И попробуй с нашими законами прижми его: не пойман — не вор. „А в лесу нашёл, валялись. Вот и взял, чтоб не захламлялась зелёная зона“».

Корзинки их были уже почти полными, когда дед с внучкой вышли на островок, огибаемый со всех сторон наезженными, с глубокими колеями дорогами. Осины и берёзы на том островке встречались реже, зато хламу — хоть отбавляй. В одном месте грибники наткнулись на настоящую свалку — ржавые консервные банки, битые бутылки, худые вёдра и кастрюли, рваная полиэтиленовая плёнка. Не из города же навезли сюда отбросы? Скорее всего, сами садоводы и устроили здесь свалку: контейнера-то под мусор в саду нет.

И вдруг дед Андрей среди этого хламья увидел красноголовик с такой яркой шляпкой, что не заметить его было просто невозможно. Даже Наташа удивилась:

— Дедюш, а почему у него такая красная-красная шляпа?

— Наверно, Наташенька, он покраснел от стыда за нас, людей, загавдивших лесную полянку мусором...

Возвращались они той же тропинкой. Солнце уже было высоко над головой. От жары приумолкли лесные певуньи. Внезапно Наташа свернула к осинкам, возле которых она нашла первый гриб. Пошарилась в траве и вытащила из неё оранжевую пробку.

— Возьму я её, Дедюша, с собой. Дома в мусорку выброшу, чтобы больше никого не обманывала. И в лесу почище будет.

— Вот это ты умница!

Деду Андрею ничего не оставалось, как тоже прихватить валяющуюся неподалёку мятую полторашку...

ПОДСНЕЖНИКИ НА ПОМОЙКЕ

Лирическая миниатюра

Ясным весенним днём — это было 6 мая — шагал я по дамбе через лог. Глянул влево — по склону к ручью текла огромная куча мусора: банки, склянки, бутылки, рваные полиэтиленовые кульки, железяки, бросовое тряпьё... И это, считайте, почти в центре города. Глянул вправо, вверх по течению ручья. То же самое. Хоть бы глазом зацепиться за что-нибудь приятное. Только подумал об этом и вдруг на правом, более пологом берегу ручья, который ещё не успели окончательно захлупить, среди ивняка заметил какие-то маленькие белые пятнышки на зелёных островочках.

Батюшки! Да это же подснежники! Я не поленился, с дамбы спустился в лог и нарвал небольшой букетик.

Когда укладывал цветы один к одному, бросил взгляд и на левый замусоренный берег. И буквально остолбенел: сквозь проржавевшие консервные банки, расталкивая отбросы и обрывки бумаг, тянулись к солнцу белыми головками... подснежники! Какой сильнейший контраст добра и зла: хрупкие, чистые создания природы на фоне захламлённости, устроенной человеком — покорителем природы.

Там, наверху, сновали автобусы, громыхали КамАЗы, тарактели мотоциклы. Но я этого ничего не слышал. Здесь, внизу, на дне лога, криком кричали подснежники:

— Люди! Не заваливайте нас мусором! Нам тоже хочется любоваться солнцем. Не губите нас! Мы же такие беззащитные. Если вы думаете, что подснежник происходит от холодного слова «снег», то ошибаетесь. От слова «нежность» берём начало мы, подснежники.

...Эй, дорогие мои соотечественники, вы слышали этот крик?

ЧЕСТНЫЙ ПОЕДИНОК. Рассказ

Рыбачий зуд у Степаныча, заядлого харюзятника, начался дня за три до выходных, после разговора с приятелем, вернувшимся на прошлой неделе с Супича. «Почти полный термос наворочал. Причём, ровнячок — граммов по двести-триста — шёл харюзок», — шепнул ему тот при встрече. В тот же день после работы Степаныч сходил в гараж, подзарядил аккумулятор, подлил в картер масла, кое-что смазал, подтянул, приготовил снасти.

И вот она, долгожданная пятница. Выехал Степаныч вечером с таким расчётом, чтобы к рассвету быть на месте. Скрылись за поворотом заводские трубы. Двухцилиндровый «Иж», словно застоявшийся в стойле конь, почуяв волю, легко понёс седока. Вот и отворот к реке. Стало темнеть. Степаныч включил фары. Придорожные ивы, ольхи, берёзы причудливо потянулись к Степанычу ветвями. В луче фары замелькали мотыльки, изредка его прорезала летучая мышь.

Ночную езду на мотоцикле Степаныч любил не меньше рыбалки.

Не доезжая до реки, он заглушил мотоцикл, загнал его в кусты и знакомой тропинкой зашагал к Супичу. Перед этой таёжной речушкой Степаныч благоговел, как некогда в юности перед любимой девушкой, и в душе ревновал, встретив на берегу другого рыбака, уже сорвавшего плоды лесной красавицы...

В ночную тишину неожиданно ворвалась соловьиная трель. На последнем аккорде её подхватил другой соловей. И зацокал, засвистал, такие коленца стал откалывать — дух захватывает! «Да здесь я, здесь. Вот и повстречались опять», — мысленно поприветствовал Степаныч голосистых друзей. Так в сопровождении соловьиной братии он и подошёл к реке.

На северо-востоке стало уже светлеть, но рыбачить было ещё темновато. Степаныч разложил костерок, достал из рюкзака котелок и спустился к перекату. Прежде чем набрать воды, он тщательно с песком и илом промыл руки. Это у него вошло в привычку — перед рыбалкой вымыть руки, чтобы они (а значит, и насадка) не пахли ни бензином от мотоцикла, ни куревом. Иначе доброго улова не жди. Рыба, она тоже хитрая. Укрепив котелок на огне, Степаныч прошёлся по берегу, нашёл смородиновый куст, сорвал с него несколько веточек и вернулся к костру.

Ему хотелось выпить ещё одну кружку ароматного чая, но рыбацкий азарт взял верх. Да и всю уже рассвело. Степаныч размотал удочку, нацепил на маленькую самодельную мормышку опарыша и бесшумно шагнул к перекату. При первом же забросе поплавков, проскользнув по течению метра два, юркнул в воду. Подсечка, и на поверхности воды затрепетал хозяин таёжной уральской реки. «Неплохо для начала, — обрадовался Степаныч, укладывая добычу в сумку. — Граммов на двести пятьдесят, а то и побольше будет». Но затем, сколько ни забрасывал на это место, приятного натяжения лесы не ощущал.

«Неужели он один здесь пасся? Или Михалыч всех повычерпал? Ладно, попробуем пониже». Степаныч, огибая кусты, вышел к излучине, где было чуть поглубже. Здесь он почти одного за другим пой-

мал трёх харюзков, немногим побольше спичечного коробка. «Тоже ровнячок», — улыбнулся Степаныч, вспомнив своего приятеля. Каждого из таких мальцов он осторожно снимал с крючка и отпускал в реку, ласково приговаривая:

— Ступай-ка обратно да позови лучше родителей или бабушку с дедушкой.

Первые лучи солнца косо легли на поверхность воды у противоположного берега, когда Степаныч наконец подошёл к своему заветному месту, где быстрый пережат, обрываясь, переходил в крутящийся омут. Отсюда он никогда без улова не уходил, а в прошлом году, примерно в такое же тёплое июньское утро выловил килограммового хариуса.

Нацепив свежую насадку, Степаныч закинул снасть туда, где кончался пережат. Прошло минуты четыре. Никаких признаков. Он хотел уже перекинуть, но раздумал. «Если здесь стоит, то возьмёт». И действительно, вскоре поплавок резко нырнул в воду. Степаныч плавно, но уверенно подсёк и тотчас же на другом конце лесы почувствовал сильный толчок. Крепкое бамбуковое удилище, окрашенное в зелёный цвет, согнулось в дугу. Леска, словно туго натянутая струна, разрезая воду, с ускорением пошла против течения к пережату. «Ого! Этот, пожалуй, поматёрее прошлогоднего будет. Поводок бы только выдержал. Да в кусты или коряги не завёл бы», — эти мысли промелькнули в голове Степаныча, ничуть не отвлекая его от борьбы. Он словно слился с удочкой. В это мгновение и рыбак, и снасть представляли одно целое. Дойдя до пережата, леска круто сменила направление и потянула в омут. Но и здесь Степаныч был начеку: не допуская слабину, он стравил с катушки немного лески. Так продолжалось минут пять. Хищник метался из стороны в сторону, стараясь освободиться от крючка. Степаныч же не спешил. Подавляя азарт, он выматывал рыбину, постоянно держа в натяжении леску. С каждым разом броски хариуса становились слабее. Чувствуя это, Степаныч подматывал катушку, тем самым укорачивая рыбе радиус действий.

Вот у поверхности воды блеснул живой «серебряный слиток». Глотнув воздуха широко раскрытым ртом, хариус как-то сразу обмяк и уже не сопротивлялся. «Каков красавец! А? На добрых полтора килограмма потянет», — прикинул Степаныч, вываживая измотанного хариуса к берегу в небольшую заводинку. Но тут же прикусил себе язык: «Тоже мне, шкуру неубитого медведя начал делить». Но хищник тянулся за леской по поверхности воды, не выказывая

никаких намерений сопротивляться. Степаныч подвёл его уже к самому берегу, даже перевалил наполовину из воды, уложив головой на каменистый уступчик. Он осторожно перехватил удочку левой рукой. Теперь ему оставалось только сделать шаг-другой с обрывистого бережка и подхватить правой рукой за жабры неподвижно лежащего таёжного красавца. Вот тут-то Степаныч и допустил единственную ошибку. Нога скользнула по склону, и он непроизвольно ослабил натяжение леси. Этого было достаточно. На мгновение почувствовав слабину, хариус предпринял последнюю отчаянную попытку: резко дёрнулся, трепыхнул всем телом и... с обрывком поводка скатился в заводинку. С минуту хариус ещё неподвижно стоял на мели, тяжело дыша жабрами. На его верхней губе поблёскивала мормышка.

...Степанычу показалось, что оборвалась не леска, а что-то у него внутри. Ему ещё можно было спрыгнуть в воду, перегородить болотниками заводинку и руками изловить хариуса. Но он не стал этого делать. Это была бы уже не честная борьба. Он стоял и любовался хозяином таёжной речки. А тот, отдышавшись, мотнул головой, словно пьяный мужик, и медленно пошёл в глубину...

МЕДВЕДЬ И ТАЙМЭНЬ

Сказка для взрослых

В Лесном урочище Таёжной губернии жил-был молодой Мишка-Медведь. По Урочищу протекала речка Зорьва с хрустально-чистой водой. Рыбы в ней водилось видимо-невидимо. Любил Медведь полакомиться таймешком, харюзком. Сам ел и других не обижал. На водопой к Зорьве приходили зверюшки со всего урочища. Всем места хватало. Но и пакостить на реке Медведь никому не давал.

Вскоре грянули выборы Хозяина Лесного урочища. И в здешнюю газету «Таёжные вести» хлынули письма лесных избирателей: дескать, Медведя надо на пост Хозяина! Вон он какой порядок на Зорьве навёл! Под силу ему сделать образцовым и всё Лесное урочище. Влиятельная пресса сделала своё дело: с первого тура Медведь стал Хозяином. До него этот пост занимала не имеющая прочных связей с клыкастой мафией Лосиха, которой от «Таёжных вестей» доставалось чуть ли не в каждом номере за малейший недочёт в управлении Лесным урочищем.

В «Таёжных вестях» или в какой другой газете, но однажды вычитал Медведь советы, как завоевать сердца собратьев меньших: мол, с благоустройства лесных дебрей надо начинать. Хозяин издал указ. И закрутилось! Трудяги Кроты заасфальтировали лесные тропинки к каждой берлоге и конуре. Правда, и свою берлогу Медведь не забыл: разостроил, утеплил — не чета какой-нибудь заячьей норке. Причём, на строительство берлоги утекли денежки и из урочинской казны. А звери и не нарадуются — топаешь до лежища и лап не замочишь. Красота! И снова в «Таёжные вести» поток писем: «Ура Медведю! Как здорово преобразилось наше Лесное урочище под его руководством!»

Между тем средств на прокладку лесных магистралей ушло немало. Совсем исхудала урочинская казна. И решил Хозяин для её пополнения увеличить плату за водопой, за услуги по содержанию жилого фонда зверей. Зачесали шкуры обитатели леса: пошатнулся их и без того невысокий уровень жизни. А ведь надо как-то зверёнышей на лапы поднимать, ремеслу учить да к делу пристраивать. И понесли те же избиратели в «Таёжные вести» письма уже несколько иного содержания: помощи, заступница, образумь Медведя, задушил он нас налогами. Почему у наших соседей из Солёного урочища плата за жилище в два раза меньше?

Однако Трясогузки-журналисты из таёжной газеты не дали ходу критике. Зачем? Ведь Хозяин их неплохо подкармливает: то на бумагу лесу выпишет, то на евроремонт редакции, то ещё куда... И потопали звери в другую газету — в «Лесную хронику». А та взяла да и опубликовала их жалобы. Совсем рассвирепел тогда Медведь. Это что там за Буревестники-газетчики объявились? Подрывать авторитет Хозяина? Не пушать их на водопой! И на Совете старейшин, что собирается по утрам каждую пятницу на Большой поляне, нечего корреспондентам из «Лесной хроники» делать! Досталось под горячую руку э-э-э лапу и Зорким Соколам из ЛТРК (Лесной телерадиокомпании): и им подрезал крылышки всемогущий Медведь, запретив появляться на Совете старейшин. А заодно Медведь, приказав убираться подальше, разорил и гнездо Щегла, торгующего в центре урочища лесными пионами и чирикающего отнюдь не хвалебные оды в адрес Хозяина. Его диктатуру на своей шкуре испытал и старый Барс, призвавший в один из зимних дней соплеменников на митинг протеста по поводу повышения налогов и отмены льгот немощным зверям, выгнал его Хозяин из Совета старейшин.

И всё Медведю сходило с рук, ой, с лап. А что? Команду он себе подобрал надёжную — из Волков да Кабанов, с которыми ещё в юно-

сти сдружился на водопое. Урочинские судья Филин и прокурор Ворон, дабы не портить отношений с Хозяином, закрывали глаза на его вольности. Разве что для виду слегка погрозят ему крылышком. И несмотря на публикации в губернских и центрально-таёжных изданиях о неблагоприятных деяниях Медведя, тот только самодовольно порывкивал: «Пишите, пишите. Бумага всё стерпит». И продолжал упиваться властью, глядя, как перед ним на задних конечностях юлит подчинённое ему зверьё.

Медведь и высшее образование в Лесном филиале Таёжного университета получил, шутя, как говорится, не слезая с полатей, ибо ректор, хитрый Лис, сразу предупредил преподавателей: плохих оценок в зачётку Медведю не ставить.

Аппетит, сказывают, приходит во время еды.

Задумал как-то Медведь приватизировать участок речки Зорьвы, протекающей по территории Лесного урочища. Получилось! И стал бывший водопой называться по-модному — «Гидросервис». Разумеется, и львиная часть доходов новой фирмы потекла в карман Хозяину, главному владельцу акций. И совсем хорошо Медведю стало, когда продажу древесины на корню якобы для строительства конур и гнездовой обитателей урочища он взял под свой контроль. Большая же часть леса пошла направо и налево, далеко за пределы Лесного урочища через предприимчивых Шакалов, которые за услугу отстёгивали Медведю половину своей выручки от продажи леса. Оголились урочинские лесные уголья, обмелели ручейки, питающие Зорьву. Голодно стало зверю. Заячьи и лосиные тропы захламились сучьями и валежником. Южный берег Лесного пруда, где так любили отдыхать урочинцы, Медведь перевёл в свою вотчину и стал «стричь купоны» с отдыхающих. Правда, кое-чем делился и с Барсуком, главным стражем порядка в урочище. Потому и шалости бойкого Медвежонка оставались вне поля зрения лесных блюстителей спокойствия.

Был на Зорьве горячий источник — гейзер. В морозную зиму к нему со всех таёжных уголков и рощиц собирались обитатели урочища погреться да попариться в лесной баньке. Хозяин и этот горячий источник прибрал к своим загребушим лапам. Правда, в доле с Волком и Зубром. Алчность Медведя скоро передалась и его заместителям: Рысь и Кабан тоже начали показывать клыки и при случае не упускали добычу.

Но самое ужасное то, что жившие раньше в дружбе и согласии звери и птицы перессорились. Взять Глухарей с центральной поляны

урочища и Тетеревов с северного тока. Их вожаки, бывало, по токовищу в обнимку ходили. А ныне не гостятся... И не последнюю роль в разладе двух стай сыграл опять же Медведь, пригревший сговорчивых Глухарей и на дух не переносивший непокорных Тетеревов. К тому же и услужливая Утка из команды Медведя, отвечающая в урочище за творческие и культурные связи между хищниками, травоядными и пернатыми, заметив неприязнь Хозяина к Тетеревам, тоже начала ставить им палки в колёса.

...И долго бы ещё терпеть птице и зверю дикие реформы Медведя. Да однажды взыграла в нём прежняя рыбацкая страсть. Пошёл он на приватизированную им Зорьву, забрёл на перекат, укараулил матерого Тайменя, зацепил его когтистой лапищей и напрямик в свою ненасытную пасть отправил. Да поперхнулся: Таймень-то оказался с железной начинкой — оборванной рыбацкой блесной. Её стальной тройник и вонзился безжалостно в горло Хозяину. Тут бы Медведь и дух испустил. Но вовремя Сороки слетали за доктором Айболитом. Прибежал он, вытащил из медвежьей пасти блесну. Правда, серьёзно повредились голосовые связки.

Рычать с той поры Хозяин уже не мог. И что удивительно — душою добрее стал Медведь, короче, прежним Мишкой. Принародно, то бишь призверинно, повинился по Лесному телевидению перед избирателями, признал былые ошибки, отменил непомерные налоги. Повеселели звери.

И снова мир и молгасие воцарились в Лесном урочище! Зайцы и Волки, Лисицы и Белки, Глухари и Тетерева на Большой поляне, как прежде, короводы водят.

ЮЛЯ, РОМА И ГРИЗА

Сказка для детей

Жила-была девочка Юля. Ей недавно исполнилось пять лет. Юля росла весёлой, послушной и не по годам рассудительной. Хотя бы такой случай. Как-то увидела в прихожей стоят мамины сапожки носками врозь: так получается, когда левый стоит на месте правого. Она их переставила аккуратно, как положено, и сказала маме:

— Бабушка говорила, это плохая примета, когда так вразноык ставят обувь. Это, дескать, к ссоре. А я не хочу, чтобы вы с папой ссорились.

А ещё она любила всё делать сама. Вот и сегодня утром, когда с мамой шла в детский садик, она уже с полдороги отпустила маму:

— Мама, я отсюда сама дойду. А ты иди на завод, чтобы не опоздать на работу. Вдруг начальник твой ругать тебя будет за опоздание и премии лишит. Иди, за меня не беспокойся: тут дорогу, где машины ездят, уже не надо переходить. Да вон, уже и садик видно.

Мама поцеловала дочку и быстрым шагом заспешила к заводской проходной. Юля поднялась на второй этаж в группу, повесила кофточку в свой шкафчик, на дверце которого была нарисована ромашка, и подошла к зеркалу. На неё смотрела симпатичная девочка с голубыми глазами и красивым розовым бантом на голове. Она улыбнулась, то же самое сделала и девочка в зеркале. В это время к ней подбежал Вовка и дёрнул за бант. Тот развязался. Юля, у которой с утра было такое хорошее настроение, заплакала.

— Ну-ка, сейчас же извинись. А то я, как говорят взрослые, так тебя огорчу — мало не покажется, — сжимая кулаки, наступал на Вовку Ромка.

Вовка знал, что Ромка всех сильнее в группе, потому и отступил, сказав еле слышно: «Юля, извини, пожалуйста».

Дальше в группе всё шло своим чередом: зарядка на свежем воздухе, завтрак, музыкальные занятия. После обеда наступил тихий час. Кровати у Юли и Ромы стояли рядышком. Когда все уснули, Ромка прошептал:

— Юль, ты не спишь?

Юля повернулась к мальчишке:

— Нет.

— Знаешь что? — заговорщицки продолжал Ромка. — У нашей воспитательницы Натальи Николаевны сегодня день рождения: я слышал разговор нянечек. Давай сбегает к лесу на полянку, ромашек собираем и подарим ей букетик. Это же совсем рядом — садик-то наш у самого леса стоит.

— Давай, — согласилась Юля. — Мне нравится Наталья Николаевна. Думаю, что она обрадуется нашему подарку.

Мальчик с девочкой быстренько оделись и незаметно выбежали из детского сада.

На полянке они нарвали ромашек, сложили их в роскошный букет и собрались уже было возвращаться. Но тут Ромка, глянув в сторону леса, предложил:

— Юля, будет здорово, если мы ещё и грибов для Натальи Николаевны собираем. У меня и бейсболка для них есть.

— Пошли, только быстрее. А то скоро тихий час закончится, — сказала Юля.

Дети спустились в небольшой ложок, перешагнули ручеёк и очутились на опушке леса. И сразу же удача! Ромка нашёл под ёлкой крепенький белый гриб, а Юля в мелком осинничке три красавца-красноголовика. Находки так увлекли детей, что они не заметили, как углубились в лес. Потом вдруг резко потемнело, налетел ветер, засверкала молния, загромыхало и хлынул проливной дождь.

Дети укрылись от грозы под разлапистой елью. Ливень как внезапно начался, также неожиданно и закончился. Но Юля с Ромкой были уже мокрые с ног до головы. И как-то сразу стало холодно.

— Ой, Ромка, что мы с тобой наделали! Как вот сейчас выберемся из леса?

— Не бойся, Юля. Я тебя завёл, я тебя и выведу, — мужественно заявил юный кавалер.

— А ты запомнил обратную дорогу? — спросила Юля.

— Конечно! Меня папа учил, как в лесу ориентироваться. Вон до той берёзы дойдём, от неё и ложок недалеко будет. А если не так — залезу на берёзу и сверху увижу всё: и полянку, и садик наш.

— Какой, Рома, ты смелый и находчивый, — похвалила его Юля. — А волки бывают в этом лесу?

— Не такие они дураки, чтобы к самому городу подходить. Да и если появится волчара... — Ромка подобрал с земли сломанную сухую ветку. — Я ему к-а-ак дам по башке вот этим суком, — расхрабрился мальчишка.

В это время из кустов к ним неслышно вышел... огромный волк. Дети в страхе прижались друг к другу и не могли вымолвить ни словечка. Ромка забыл про ветку, которую держал в руке. Правда, та ветка по сравнению со здоровенным волком выглядела жалким карандашом.

Хищник уселся на задние лапы, сладко зевнул и вдруг заговорил по-человечьи, на русском языке:

— Привет, гаврики! Так кто там хотел суком по голове меня погладить? Ну что дрожите? Замёрзли? Или меня боитесь?

— Да, холодно. И страшно. Ты нас не съешь? — первой подала голос Юля.

— Маленьких не трогаю, — успокоил их волк.

— А ты, Серый Волк, настоящий или из сказки? — спросил наконец Ромка, бросив суку на землю.

— Во-первых, я не волк, а волчица. И зовут меня Гриза. И не из

сказки я, а самая взавправдашняя волчица. Не верите? Можете потрогать.

Ромке не хотелось выглядеть перед Юлей трусом, и он, подойдя к волчице, погладил её по загривку.

— У меня после обеда бутерброд остался. Хочешь, Гриза, я тебя угощу? — совсем осмелел Ромка.

— Спасибо. Ты, оказывается, не жадный. Ну давай попробую. Посмотрим, чем люди питаются.

Гриза в один момент проглотила бутерброд, облизнулась и сказала:

— Вкусно.

— Почему вас зовут Гриза? — подошла поближе к волчице и Юля.

— Тут, ребята, такая история вышла. На той неделе гуляла я по берегу лесной речки. Смотрю, мужик закинул сеть, перегородил ею от берега до берега всю речку. Потом срубил топором берёзку, ветки обламывает с неё и веники вяжет. А я терпеть не могу браконьеров. Ну пришёл ты в лес, на природу, так не губи всё подряд. И рыбачат настоящие туристы на удочку, а не сетью черпают рыбу, чтоб другим ничего не досталось. Такое зло меня взяло. Ну и шуганула я браконьера. Бежал он, как олимпийский чемпион — только пятки сверкали. И рюкзак свой бросил. Притащила я его к себе в логово. А в рюкзаке оказался новенький ноутбук. Отдала его поиграть моим детишкам. А они у меня очень смышлёные. И пока батарейки не сели, всё осваивали компьютер. И меня научили пользоваться им. Вот по компу я и изучила русский язык. И даже на французский заходила, откуда и узнала, что Grise в переводе с французского означает Серая. Вот теперь все в лесу меня и кличут Гризой. Это вовсе не из-за того, что я люблю что-нибудь погрызть, особенно косточку. Вот такая получилась лесная история. А вы-то как здесь очутились?

— За ромашками для нашей воспитательницы ходили на полянку и грибочки ещё собирали. А тут гроза, мы и убежали в лес под ёлку, — перебивая друг друга, рассказывали дети.

— Вон чего. Вы же до нитки промокли. Так и простудиться недолго. Это нам, волкам, с толстой шкурой холода нипочём. А люди-то, особенно их детишки, не приспособлены к таёжной жизни. Ладно, выручу вас. В том рюкзаке ещё и спички заваялись. Сейчас принесу. Костер разожжём. Согреетесь, обсохните. А пока дровишки готовьте. Ждите меня здесь! — и Гриза серой стрелой сорвалась с места.

Ромка с Юлей насобирали тонких еловых веточек, нашли бересту, сложили всё это под валежину. Тут и Гриза примчалась. Ромка с первой спички — сказала наука отца — разжёт костер. И наши друзья

сгрудились возле огонька. Тут, к счастью, и солнышко выглянуло. От костра да от солнышка ребятишкам совсем тепло стало. И одежда подсохла. Как всегда, первой спохватилась деловая Юлия:

— Сколько же сейчас времени? Нас ведь, наверное, потеряли. Может, уже и ищут. Ой, попадёт нам крепко от Натальи Николаевны. Как бы нам быстрее до садика добежать?

— *Pas de problemes* — нет проблем, — по-французски и по-русски ответила Гриза. — Садитесь ко мне на спину. Я вас в один миг до полянки домчу.

Дети уселись на спину волчице. И у них только ветер засвистел в ушах — так быстро бежала Гриза. И только у ложка ей пришлось затормозить. Тот ручеёк, что Юлия с Ромкой перешагнули до грозы, превратился в бурную речку.

— Ничего, ребята, не бойтесь. Сейчас переплывём. Только крепче держитесь за гриву, — посоветовала им Гриза.

Через пару минут все трое были уже на другом берегу, на полянке, откуда уже виднелся и детский садик.

— Спасибо большое, Гриза. Отсюда мы и сами добежим. Ты очень добрая. А хочешь, мы тебе новые батарейки к ноутбуку принесём и оставим под той же елью, где мы встретились?

— Вот за это я вам была бы очень благодарна. *Au revoir, mes petits enfants!* До свидания, малыши! — помахала им лапой Гриза и бросилась к лесу..

— Юленька, Рома, просыпайтесь. Тихий час закончился, — тормошила детей Наталья Николаевна.

Юля с Ромкой в недоумении открыли глаза. Неужели им все это только приснилось? Тогда почему на тумбочках возле их кроватей лежали... букет ромашек и ромкина бейсболка, полная отменных грибочков?

Они протянули подарки Наталье Николаевне:

— Это Вам. С днём рождения!

— Спасибо огромное, ребятки! Как я люблю ромашки! — Наталья Николаевна зарылась лицом в цветы, вдыхая свежий лесной аромат. — А грибочки мы отдадим на кухню. И завтра угостим грибовницей со сметаной всю группу. Хорошо?

— Да! — хором ответили Ромка с Юлей и побежали догонять своих ровесников, которые уже играли на песочной площадке.

— Так всё-таки это был сон, или мы с тобой на самом деле ходили в лес и встречались с Гризой? — спросил на ходу Ромка подружку.

— Наверное, всё это, Рома, было наяву. Мы просто успели за тихий час вернуться из лесу. Нас никто не заметил, как мы пришли. Все ещё спали. И мы уснули да и заспали всё, что с нами произошло, — предположила Юлия.

— Тогда завтра надо батарейки к ёлке отнести, — напомнил Ромка.

— Вот в тихий час и сбегает, — сообразила Юлия. — Опыт у нас уже есть.

...Надо ли говорить, чем закончилось это детсадовское приключение? Конечно, когда Роман и Юлия, став стройными юношей и девушкой, ещё крепче полюбили друг друга. И поженились. У них родились две девочки и два мальчика. И всей семьёй летом по выходным они ходили к разлапистой ели. Дети играли с волчатами, а Роман, Юлия и Гриза жарили шашлыки и вспоминали тот далёкий июльский день, грозу и костёр. Зимой же они общались по Интернету.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАЗЫ

Рождественская неделя у многих ассоциируется со святочными гаданиями, различными чудесами. Воспитанный в духе марксизма-ленинизма, убеждённый атеист, раньше я все религиозные праздники, рассказы о домовых и леших не воспринимал всерьёз. Все эти сказания, легенды являются плодом воображения рассказчиков, а проще говоря — выдумкой. Так я считал.

Но сейчас много пишется о Высшем разуме, об астрологии. И загадочные рассказы, услышанные в детстве от матери, бабушки и бабушки, я теперь воспринимаю несколько по-иному. По крайней мере, пытаюсь найти им какое-то объяснение.

Однажды прочитал в «Аргументах и фактах» статью об окаменевшей Зое, которая простояла с иконой Николая-Чудотворца в руках без пищи более 100 дней якобы в наказание за совершённый грех (танцевала на вечеринке с иконой). Это было в 1956 году в Самаре. В статье приводятся показания свидетелей, выдержки из партийных документов об этом редчайшем явлении. Написано весьма убедительно, с подтверждением фактов. Вот я и задумался: а не было ли в рассказах матери и деда некой доли правды? Кстати, в долгие зимние вечера на полатах мы, ребятня, слушали их с большим интересом, затаив дыхание и тесно прижавшись друг к другу.

На кладбище

Это было на родине Андрея Ивановича Ершова — в деревне Журавихе.

Дед возвращался домой на лошади из соседней деревни, ездил на мельницу молотить зерно. Засветло не успел оборотиться: дело было к зиме, дни короткие. Управился только к полуночи.

Дорога в Журавиху проходила возле самого кладбища. И вот когда телега вплотную приблизилась к могилам, лошадь внезапно остановилась, как вкопанная. Дед понужнул её вожжами. Та сделала попытку тронуться с места, но ничего не вышло. Дед слез с телеги, взял лошадь под уздцы, потянул — ни в какую. Хотя лошадь скребёт копытами по земле, пытается идти вперёд. Вся взмокла, а воз ни с места, словно на телеге десятки тонн груза. И всё это посреди кладбища, в глухую темень.

Дед мой был не из робкого десятка, но, согласитесь, ситуация жутковатая. Он пробовал толкать телегу сзади, помогая лошади, наполовину разгрузил воз, сбросив мешков пять с мукой — ничего не получалось. Лошадь будто приросла к земле.

И тогда дед — а он был глубоко верующий, старовер — трижды обошёл вокруг лошади с телегой, при этом читая молитву. Только после этого повозка покатила по дороге. А когда немного отъехал от кладбища, дед услышал позади дикий, лешачий хохот. И голос: «А-а! Догадался!»

Сейчас я их напугаю!

Это тоже было в Журавихе, до войны.

Однажды моя мать с сестрой Таисьей и братом Игнатом возвращались из школы домой. Они уже огородом поднимались к дому (он стоял на пригорке, обособленно от других деревенских изб, как на хуторе) и вдруг, проходя мимо бани, услышали, как из неё раздаются бряцанье тазов, шлёпанье веников. Шустрый Игнат кинулся в предбанник:

— Это тётя с дядей парятся. Сейчас я их напугаю!

Мама — она была старшей среди них — остановила брата:

— Не надо. Они не любят такие шутки.

Игнат послушался. Но когда все трое зашли в избу и увидели сидящих за столом и своих родителей, и тётю с дядей, страшно удивились:

— А кто в бане моется?

После того, как бабушка сказала, что баню даже не топили, дети заревели в голос — до того им сделалось жутко.

Наутро бабушка сходила в баню: и тазы, и веники лежали на своих местах.

Заколдованная свадьба

Как-то глубокой осенью дед, проезжая по скошенному лугу, услышал плач младенца. Натянул вожжи, слез с телеги и подошёл к ближайшему зароду сена. Под ним лежала... волчица, а рядом с ней — голенький, новорождённый малыш, дитё человеческое. Глаза волчицы были полны слёз. Она как-то умоляюще смотрела на деда, не выказывая никаких намерений наброситься на него. И почему-то лошадь — а они обычно боятся волков — вела себя очень спокойно. Дед — вот смельчак! — взял мальчонку, укрыл его полой телогрейки и поехал с ним до деревни. Волчица, жалобно поскуливая, поплелась следом.

И лишь в Журавихе от селян дед узнал суть дела.

Оказывается, в соседней деревне играли свадьбу, на которую единственным, кого не пригласили, был старый колдун Евсей. За это и оборотил он всех, кто гулял на свадьбе, в волков. На той свадьбе была и молодая женщина на сносях. Она уже в волчьем обличе родила сына.

Чтобы расколдовать волков, сначала нужно было всю стаю собрать в одно место. Только при выполнении этого условия колдун мог бы вернуть заколдованным прежний человеческий облик. Старый Евсей снял чары, но почти все деревенские появились в одежде, изопревшей под волчьей шкурой.

...Мальцами мы раскрыв рот слушали эти жуткие истории. И не сомневались, что всё это правда, поскольку и маме, и дедушке верили безоглядно.

Спрашивал я деда, почему с нами-то, в наше время не происходит подобного? «Потому что в Бога мало кто верит. Столько нехристей заполонило свет божий!», — поглаживая бороду, отвечал дедушка.

А может, мои предки специально рассказывали нам эти удивительные истории с долей вымысла, чтобы пробудить в нас интерес к разгадке таинственных явлений в природе?

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ И ОДНА. Рассказ

Из всех времён года Иван Степанович, одинокий, продолжающий работать пенсионер, больше любил осень, особенно её золотую пору — бабье лето. Он ждал его, как великий праздник. В такие дни — а это обычно было воскресенье, единственный на неделе выходной у школьного учителя русского языка и литературы — Иван Степанович прихватывал корзинку под грибы и до темна пропадал в лесу. Правда, ему редко удавалось вернуться с полным лукошком, но он здорово-то и не огорчался. Для него, как говаривал его сосед, заядлый рыболов Егорыч, был важен сам процесс.

Восеннемлесу Иван Степанович отдыхал душой и телом. Особенно благоговел он, когда выдавался погожий солнечный денёк. Его до глубины души восхищали берёзки, которым осень как будто для танцевшила нарядные платьица. Иван Степанович сравнивал берёзки с девчонками из сельского клуба. Те также перешёптываются в ожидании, когда их пригласит на танец кавалер. А кавалер-то один — бродяга-ветер. И тот до неприличия нахальный: всё норовит подол платья отогнуть да полюбоваться ядрёным белым телом...

А берёзки в солнечных лучах и впрямь хороши — как невесты на выданье светятся.

Тихую нежность испытывал Иван Степанович и к осинкам. Они, тоже примеряют осенние наряды. А они у них побогаче. Даже берёзки с ревностью поглядывают на соперниц. А ели, те от зависти аж потемнели. Осинки от такого внимания к себе смущаются ещё больше, краснеют, словно на первом свидании. «Осень неспроста для осины свои самые лучшие сундуки открывает. Горькая судьба у этого дерева. Так пусть её скрасит хотя бы вот такое дорогое убранство. В природе всё по уму делается. И вмешиваться в неё не следует», — размышлял Иван Степанович, глядя на выбежавшую на опушку леса стайку пугливых осин.

К Журавлёву полю, посреди которого на возвышенности стоял небольшой еловый лес, он вышел во второй половине дня. Иван Степанович раньше ни разу не заходил в этот лесок. Обычно шагал краешком поля, где ему попадались крепыши-красноголовики. Сегодня решил нарушить традицию. «А может, этот еловый островок порадует меня боровичками», — подумал Иван Степанович, пересекая скошенное ржаное поле. Шуршание стерни скоро сменилось похрустыванием еловых веток и сучков. Среди них он заметил и пожелтевшие берёзовые листья. «Ветром занесло», — решил грибник, но на всякий

случай внимательней взгляделся в ельник. Каково же было его удивление, когда увидел единственную берёзку. Как она сюда попала? Иван Степанович не поленился, обошёл весь лесок и пересчитал деревья.

Двадцать семь елей и одна берёзка.

Эти числа напомнили ему, учителю литературы, рассказ-поэму Горького «Двадцать шесть и одна». Он ещё раз пристально огляделся вокруг. На полянке в центре ельника стояла единственная берёзка. Почти вплотную к ней подошла высокая ель и своими мохнатыми лапами обняла златокудрую красавицу. Остальные ели — колючие, словно небритые мужики, — молча, затаив дыхание, наблюдали за влюблённой парой... «А ведь точь-в-точь как у Горького. Берёзка и есть та самая юная Таня, восхищавшая своей красотой и приветливостью хмурых обитателей пекарни. Разлапистая ель, притянувшая к себе берёзку, — солдат-пекарь, поспоривший с крендельщиками о том, что Таня не устоит перед ним... И окружившие их ели — как раз те 26 крендельщиков, прильнувших к щелям сеней, где опытный соблазнитель назначил девчонке свидание...» — Ивана Степановича поразила эта картина, словно срисованная автором поэмы с природы. Он так удивился своему открытию, что подошёл к берёзке-Тане и погладил её — а вдруг заговорит?

Однако ему захотелось дать этой картине и своё толкование: «Возможно, эта берёзка выросла на опушке леса в кругу подружек. Незаметно пролетело беззаботное детство. Берёзка превратилась в стройную мечтательную красавицу. По весне живительные соки наполняли её сладким томлением, ожиданием чего-то большого и светлого. Со своей опушки берёзка неотрывно всматривалась в манящий горизонт. Может, за ним и встретит она то, к чему так стремится душа? И однажды не выдержала, шагнула и пошла в поисках любви и счастья. Посреди поля берёзка остановилась и ахнула: с холма ей открылись бескрайние дали, о существовании которых она и не догадывались. Долго стояла берёзка, зачарованно глядя в прозрачную синь. Её лесные собраты издали махали ей ветками, с завистью спрашивали: „Что там?“ — „То, что я вижу, прекрасно!“ — крикнула им берёзка и собралась продолжить путь. Но шагнуть не смогла: её ноги-корни прочно увязли в благодатной весенней пашне, приросли. А к смелой романтической берёзке уже направились молчаливые ели, которым она разбередила душу. Их тоже увлекло неизведанное. Возле берёзки они остановились передохнуть, окинули взором раскинувшееся перед ними приволье и радостно загудели вершинами: привольно, любо! Но приблизиться к той красоте и они не смогли — крепко держали

уцепившиеся за землю корни. Да и не хотелось им без берёзки идти дальше, хотя и пыталась одна ель помочь ей сдвинуться с места... Так и образовался посреди поля лесок». Эта версия сельскому учителю понравилась не меньше первого варианта, навеянного горьковской поэмой.

С той поры Иван Степанович, собирая грибы, не обходил стороной зелёный островок. И каждый раз находил в нём что-то новое. Однажды он отметил про себя, что его любимица дольше своих подруг сохраняет осенний наряд. «Скорее всего, оттого, что берёзку бережно защищают от ветров и холодов её вечнозелёные рыцари». Покидая лесок, Иван Степанович, казалось, явственно слышал, как деревья, стараясь перекрыть ветер, прощались с ним, дружно приговаривая: «До новой встречи! Ждём!» И призывнее всех звучал голос берёзки.

В один из солнечных дней бабьего лета Иван Степанович пришёл сюда не один, а привёл и весь свой 9 «Б». Здесь и провёл урок литературы, прочёл непрограммную поэму Горького, рассказал о своей версии появления в поле лесочка, предложил ребятам высказать свои предположения.

Интересную догадку неожиданно для всех изложил тихоня Коля Соломин, отнюдь не отличавшийся большим усердием в литературе. Это, говорит, сюда высадились инопланетяне с захватническими целями. И быть бы непоправимой беде. Но к ним на переговоры пошла берёзка. И произнесла такую страстную пламенную речь в защиту красы земной, что убедила пришельцев отказаться от разрушительных набегов. Но за слушание Верховный правитель Космоса превратил их в ели. Разыгралась фантазия и у других.

С этого дня лесные уроки в 9 «Б» стали традицией.

...Тем тихим пасмурным воскресеньем лесной островок встретил Ивана Степановича настороженным молчанием. Что-то скорбное уловил он в этом молчании. Пригляделся. Вроде всё как обычно. Разве что в ёлках, стоящих с краю, заметил просвет, какого прежде не было. Иван Степанович подошёл ближе и едва не выронил корзинку из рук: на месте, где восклицательными знаками стояли ели, обливались прозрачными смолистыми слезами три пенька, походившие сейчас на зловещее многоточие в конце строки...

К горлу подступил сухой шершавый ком, в сердце вонзилась железная спица и Иван Степанович медленно осел на сваленные в кучу еловые сучья. Отдышался. «Варвары, — неизвестно к кому обращаясь, прошептал старик. — Что же вы наделали?» Возвращался Иван

Степанович, сделав крюк до дома председателя колхоза Фёдора Петровича, которому напрямик и поведал об увиденном:

— Наверняка, твои хлопцы позарились на ельник, что на Журавлевом поле. Приструни их, Петрович, прошу тебя. Мы же там уроки проводим.

Фёдор Петрович пообещал чудаковатому учителю принять меры. А сам вспомнил, как механизаторы жаловались на этот лесок, дескать, мешает он при пахоте, объезжать приходится. В суете этот разговор прошёл мимо ушей.

А жизнь в деревне шла своим чередом. Только заметили селяне, что Иван Степанович стал явно сдавать: осунулся, сгорбился, появилась шаркающая походка. Порой на уроках стало прихватывать сердце. Положить таблетку под язык он старался тайком от ребят. Тем не менее связи со своим зелёным островком Иван Степанович не прерывал, хотя и давались ему лесные вылазки с каждым разом всё мучительнее. Радовало то, что посаженные (взамен срубленных) три ёлочки — их он посадил на другой же день — хорошо взялись, распушились и потянулись вверх.

Последнее лето выдалось как по заказу: тёплые грибные дожди, ласковое солнышко, парёж, снова дождичек. Иван Степанович воспрянул духом, вроде помолодел даже. Как поётся в песне, «были сборы недолги» — вот он уже шагает ранним июльским утром по росе, оставляя за собой две тёмно-зелёные влажные полоски. В первом же осиннике повстречался с «многолетней» семьёй красноголовиков. Поздоровался. Минут пять любовался ими, затем осторожно срезал с десятка отборных красавцев, оставив малышей подрастать. К Журавлёву полю Иван Степанович вышел к полудню с уже изрядно потяжелевшей корзиной. Вытерев кепкой вспотевший лоб, привычно глянул в знакомую сторону и не поверил своим глазам. Посреди поля одиноко спорила с ветром его берёзка...

Ноги подкосились, подстреленной птицей забилось в груди сердце... Но старик нашёл в себе силы дойти до своей кудрявой подруги. Чтобы не упасть, он приник к ней всем телом, обняв прохладный белый ствол: «Не горюй, милая. Не оставлю тебя в одиночестве... Всё равно посажу. Сколько срубили, столько и поса...»

Голубым колоколом качнулось на него небо...

Здесь у подножия берёзки, в обнимку с ней и с непокрытой головой нашёл на другой день своего учителя Колька Соломин...

Провожать Ивана Степановича пришла вся деревня — и стар, и мал. Похоронили старого учителя у той самой берёзки.

...Осенью его ученики пересадили к берёзке двадцать семь ёлочек, которые весной зелёными восклицательными знаками огласили Журавлёво поле.

«ВОЗЬМЁМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!..»*

Лирическая миниатюра

Чтобы сократить путь, решил пройти по строительной площадке, огороженной забором, в котором нетерпеливые, вроде меня, пешеходы уже проделали лаз, оторвав пару досок.

Всё как обычно. Кран, строительный мусор, кругом грязь, изрыто-перерыто, перемешано. Возле строящегося дома заметил два дерева — берёзу и тополь. Каким чудом они ещё уцелели? Рядом лежали вывороченные с корнем их собратья с пожухлой листвой. Один из рабочих обрубал сучья топором, другой вгрызался «Дружбой» в ещё сочный ствол дерева, третий оттаскивал чурбаки в сторону, к забору.

Дунул ветер. Запереговаривались листочки на берёзе и тополе. И мне показалось, что деревья потянулись зелёными ветвями друг к другу. В шелесте листьев я даже уловил знакомую окуджавскую мелодию: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» Но ветер дул в одном направлении, и тополь с берёзой, естественно, никак не могли соединиться...

Не знаю, сумеют ли берёза и тополь «взяться за руки», но я им искренне пожелал этого.

ГЛАВНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО. Рассказ

Славка Холодилов, шестнадцатилетний акселерат с едва заметным пушком над верхней губой, поблёскивая на солнце никелированными ободьями и спицами, свернул в знакомый дворик и, не снижая скорости, направил рокочущий мотоцикл к шнуровавшим футбольный мяч одноклассникам Лёньке Черёмухину, Женьке Болтачёву и Эдику Головину. Эффектно скрипнули тормоза, и ярко-красное стальное чудо замерло в метре от мальчишек. Славка вынул ключ

* Из песни Б. Окуджавы «Союз друзей».

зажигания. Игравшая в «пекаря» малышня, побросав биты и мятые консервные банки, окружила мотоцикл.

— Ух ты! Новенький.

— А я знаю! Это «Иж-Юпитер» пятый.

— Молодец, салага! Разбираешься в технике. Угадал. Он самый — двухцилиндровый, двадцать четыре лошадки, — Славка, укрепив мотоцикл на подставке, оглядел неразлучную тройцу. — Не то, что Лёнькин лисапед — ж... едет, ноги нет.

Лёнька Черёмухин, русоволосый крепыш, капитан сборной школы по футболу, оторвался от мяча, глянул на прислонённые к турнику три велосипеда и спокойно принял вызов:

— Так-то оно так. Только я свой «Урал» ни за что на мотик не променяю.

— Слабо? Не по карману что ли? — кольнул его Славка, обеспеченные родители которого улаживали любую прихоть единственного сыночка.

У него у первого в классе появились модные адидасовские кроссовки и варёнки. В этом он превосходил многих ровесников. Однако в классе к нему относились довольно прохладно. Славка чувствовал это и злился. На какое-то время ему, благодаря японскому «Панасонику» либо другой заграничной штуковине, удавалось переманить на свою сторону мужскую половину 10 «Б». Но длилось это недолго. Утолив любопытство, «мужики» снова кучковались возле Лёньки Черёмухина, заводили и души класса, которого уважали за открытый прямой характер, независимость в суждениях и весёлый нрав. Не на последнем месте была и физическая сила, которой он, впрочем, не кичился. Славку страшно бесило Лёнькино лидерство. Особенно возненавидел он его с того момента, когда заметил, что первая красавица класса и школы Наташка Смирнова оказывает Лёньке явную симпатию...

— Не в этом дело, — невозмутимо парировал Лёнька. — Просто у велосипеда намного больше преимуществ, чем у мотоцикла.

— Давай, давай, заливай! Ну и в чём же преимущества твоего «лешегона»?

— Доберёшься ли ты на своём «Ижаке», скажем, до Закурьи? Ни за что. А я хоть за грибами, хоть на рыбалку: и по узкой лесной тропинке проеду, и по досочке, брошенной через ручей, проскочу, и через болотце — на плечо и перемахнул. Не надо мне и на бензин тратить. А значит, я и окружающую среду, природу не загрязняю, как ты. Плюс здоровье. Кстати, на Западе, перед которым ты так стелешься,

давно оценили преимущества велосипеда. Он сейчас там очень даже в моде, — Лёнька наступил Славке на больную мозоль.

— Но я же выигрываю в расстоянии, скорости, времени. Скажешь, и тут велосипед лучше? — не сдавался Славка.

— Кстати, и в этом есть преимущество, — «обнажил шпагу» и Эдик Головин, сильнейший математик школы, в котором, как ни странно, уживалась и романтическая натура. — У велосипедиста больше возможностей насладиться красотой природы. А ты на своей технике проскочишь со скоростью и ничего не заметишь. И если исходить из теории вероятности, то ты, Славик, на своём мотоцикле скорее проколешь колёса, чем мы с Лёнькой: шины-то у мотоцикла шире велосипедных. Значит, и шпиона поймать проще.

У практичного Женьки, который по болтику разбирал старенький отцовский мотоцикл, были свои доводы:

— Велосипед удобен и прост в эксплуатации, не требует много времени на ремонт и техобслуживание. А случись что с твоим «Ижом» по дороге — сгорит конденсатор или катушка высокого напряжения — всё, сиди, загорай. Или пёхом кати. Не надо для велосипеда и специального гаража. Хоть в прихожей, хоть на балкон — везде можно пристроить. Да и если угонят велосипед — не столь велика потеря. А вот за мотиком-то глаз да глаз нужен.

— И ты туда же, механик чёртов. А у самого глаза, небось, от зависти лопаются — прокатиться бы! — взъелся Славка.

Ребята откровенно его подзуживали, он же всё воспринимал всерьёз.

— А ещё на велике можно ездить и за руль не держаться, — вставил вихрастый мальчуган, вместе с другими пацанами следивший за спором «старшаков».

— А ну брысь отсюда! — замахнулся на него Славка.

— Спокойно, Славик, спокойно. Не трогай мальчика. Как видишь, устами младенца глаголет истина, — подытожил Лёнька, отложив в сторону зашнурованный мяч.

В это время из подъезда вышла Наташа Смирнова. Голубые, с длинными ресницами глаза, вьющиеся каштановые волосы, короткая юбочка, стройные загорелые ноги — на неё невозможно было не заглядеться. Привлекала она также заразительным смехом и общительным характером.

— Салют, мальчишки! — махнула им рукой девчонка.

— Натали, позвольте Вас прокатить на этом быстроногом мустанге, — галантно расшаркался перед ней Славка. — Он в один момент

донесёт вас до Лазурного берега, на котором стоит сказочный замок.

— Ой ли? А может, и вправду проверить твоего скакуна? — Наташка хитро взглянула на Славку, затем перевела вопросительный взгляд на Лёньку. — «Лёня, я прокачусь? Ты не обидишься?» — «Отчего же? Прокатись, если тебе так хочется...»

От пронизательного Эдьки Головина не ускользнул их молчаливый диалог, заметил он и чуть угасший взор друга.

— Так я бегу за вторым шлемом?

— Ладно. А я переоденусь соответствующим образом.

Славка смерил Лёньку победоносным взглядом и быстро зашагал к своему подъезду. Ушла переодеться и Наташка.

— Слышь, Кулибин, — хлопнул Женьку по плечу Эдик. — Сделай так, чтобы они никуда не уехали. Только в темпе.

— Нет проблем! — присев на корточки, Женька поменял местами на крышках цилиндров колпачки у свечей зажигания. — Вот сейчас можно и с ветерком, если... с горы разогнаться. Ну а вы, короеды, чтоб помалкивали у меня, — Женька заговорщицки подмигнул малышам.

...Сияющий Славка вставил ключ зажигания. Переодетая в джинсы Наташка застёгивала новенький синий шлем.

— Готова? — повернулся к ней Славка и топнул ногой по стартёру. «Мустанг» молчал. Что такое?

— Топлива подкачай, — посоветовал Женька.

Славка утопил поплавков карбюратора. Топнул раз, другой, третий. Никаких признаков. Двигатель даже «не схватывал».

— Дай свечник — искру проверим, — Женька торцовым ключом вывернул обе свечи, прочистил. Проверил искру — всё в порядке. Но мотоцикл не заводился. Пробовали и с толкача — всем двором толкали — ни в какую. Славка нервничал, листал инструкцию.

— Наверное, контакты прерывателя разрегулировались, — заключил Женька. — А зазоры одним махом не отрегулируешь.

— Вот что, Славик, ты почитай, как следует, свой букварь, — Наташка протянула покрасневшему Славке шлем. — А мы с Лёней на велосипеде прокатимся. Махнём на пруд? Искупаемся, как вчера.

— А что? — повеселел Лёнька. — Искупаться сейчас самый раз. Только как же мы оставим в беде нашего товарища? Негоже.

Ленька подошёл к «Ижу», склонился, подсоединил свечевые провода на прежнее место, повернул ключ зажигания, послышался для проверки аккумулятора и топнул. Мотоцикл завёлся с полоборота.

— Быстроногий «мустанг» готов к поездке до Лазурного берега и сказочного замка! Он уже бьёт копытами, — Лёнька испытующе посмотрел на Наташу.

— Наташа, садись! — воспрянул духом Славка.

— Нет, Славик. Я уж лучше с Лёней. Его Сивка-Бурка надёжнее.

Садясь на раму, она шепнула Лёньке:

— Ты извини, что я приняла предложение того пижона. Я только разик хотела прокатиться.

— Ну что ты, Наташ, я не обижаюсь. А в перспективе, — решил Лёнька, — будет и у нас свой «мустанг» на четырёх «копытах». Какие наши годы?

Наташа загадочно-смущённо улыбнулась кавалеру.

Лёнька, нажимая на педали, обернулся к друзьям:

— Мужики, догоняйте! Кто последний, тот и воду греет.

Славка смотрел вслед удаляющимся велосипедистам и ожесточённо крутил рукоятку газа, раздумывая, в какую сторону ему податься.

...Навстречу Лёньке и Наташе катилось приветливое июльское солнышко. Лёгкий ветерок развеивал шелковистые Наташины волосы. Они мягкими волнами касались Лёнькиной щеки... Он и не пытался уклониться от них. И тут Лёньку, в душе продолжающего спор со Славкой, осенило: «Вот ведь где главное преимущество. Это же ни с чем несравнимо — волосы любимой девушки ласкают твоё лицо! Разве на мотоцикле такое испытаешь?..»

УМНАЯ ТЕХНИКА. Юмореска

За месяц до выборов мне предложили поработать в участковой избирательной комиссии (УИК) оператором КОИБ (комплекса обработки избирательных бюллетеней). Это такая машина, которая автоматически принимает, обрабатывает бюллетени, подсчитывает голоса избирателей по каждому виду проводимых выборов. Я, конечно, согласился: на одну пенсию тяжело ныне жить, а тут хоть какое-то подспорье. В одну из суббот специалисты из краевого центра старательно обучали нас работе на КОИБ. Полдня мы осваивали новую технику. Осилили.

И вот наступил день выборов. К избирательному участку мы, члены УИК, подошли к шести часам утра: ведь надо провести на КОИБ тестирование, подготовить машину для стационарного режи-

ма голосования и т. п. Всё это у нас получилось без заминки, тем более, что умная говорящая машина сама порой подсказывала операторам: «Подсоедините ключевой носитель». Моя напарница Зинаида, скромная мать-одиночка, которой ещё во время учёбы понравился вежливый говорун, как и учили, тут же вставляла флешку в главное сканирующее устройство. Примерно за полчаса до открытия участка наш КОИБ уже был готов к приёму бюллетеней.

Ровно в восемь часов распахнулись двери участка. Мы с Зинаидой, как часовые, заняли свои места возле КОИБ. Избиратели, привыкшие голосовать по старинке, были очарованы стальным собеседником, свободно владеющим русским языком:

— Здравствуйте. Опускайте бюллетени по одному, лицевой стороной вниз. Ваш бюллетень обработан. Спасибо.

— Лихо! Культурная машина: и поздоровалась, и объяснила, что к чему, — с улыбкой заметил молодой человек в вязаной шапочке с надписью «Россия».

Других же избирателей, торопящихся поскорее пройти процедуру голосования, машина поправляла:

— Слишком большой перекосяк.

Или:

— Бюллетень неустановленной формы... У вас слишком длинный лист.

— Ладно, что хоть «не слишком длинный язык», — засмеялся один старичок.

А в принципе оба сканирующие устройства на нашем участке действовали безупречно, пока после полудня не нахлынула основная масса избирателей. Возле урна скопилась очередь. Послышались недовольные голоса: «Не успеваете, так поставьте ещё и урну с ручным голосованием». Да тут ещё, как назло, тормознули оба сканера, не принимают бюллетени: «Загрязнение линейки». В руководстве по эксплуатации КОИБ при этой нештатной ситуации записано: «Необходимо почистить сенсор с помощью пластины».

Для этого надо приклеенную к пластине ткань смочить спиртосодержащей жидкостью. В качестве последней опытная Софья Вадимовна, наша председатель УИК, принесла с собой пузырёк с медицинским спиртом. Мы с Зинаидой на виду у всей очереди, смочив спиртом пластину, лихорадочно чистим контактный сенсор, то бишь прорезь для опускания бюллетеней. И чувствительная машина после «принятия на грудь» энной дозы «горячительного» заработала! Да ещё как! Даже голос у неё стал более доверительным,

добрым. И вообще, мне показалось, что КОИБ, как человек, переживал, когда иному избирателю не удавалось с первого раза аккуратно опустить бюллетени в прорезь. А к детишкам он относился по-особому бережно. Вот подходит к урне бабушка с внучкой, держащей заполненные дедом листы. Ей же охота самой их опустить! Дед поднимет малышку, и та старается просунуть бюллетени в щелку. А ручонка-то дрожит, лист идёт с перекосом. Так КОИБ уж сам подстраивается и, ласково поурчав, принимает бюллетени. А людей злых, завистливых, вечно чем-то недовольных, будто насквозь видел и к ним относился по-иному.

Но вдруг при подведении итогов голосования наш КОИБ по-человечески захандрил. Сколько мы — уже втроем: Софья Вадимовна, Зинаида и я — ни пытались отпечатать на принтере окончательный протокол, КОИБ выдавал нам: «КС (контрольные соотношения) не выполнены», «Введите дополнительные сведения». Мы уже и так и эдак, а машина всё одно: «Введите дополнительные сведения». И тут сердобольная Зинаида, посмотрев на председателя комиссии, молвит: «А может, ему надо дополнительно сюда?» И выразительно щёлкает пальцем по горлу.

Софья Вадимовна мельком глянула на коллегу:

— Зина, мне не до шуток. А впрочем, попробуй. Но лучше давайте ещё тщательнее проверим и обработаем все сведения.

Мы сделали и то и другое. И пошло дело! «КС выполнены!» — обрадовано изрёк комплекс обработки избирательных бюллетеней. И принтер автоматически отпечатал две копии итогового протокола.

Толковая техника! Наверняка иностранцы изобрели её, подумал я. Но на всякий случай исследовал заднюю стенку КОИБ. И увидел табличку «Сделано в России». Моё сердце переполнилось гордостью: «Ведь и у нас могут путёвую продукцию выпускать. А уж конструктор КОИБ точно вложил в изобретение свою русскую душу!»

...Когда ближе к полуночи мы, усталые, в ожидании нашего председателя УИК (уехала с отчётом в ТИК — территориальную избирательную комиссию) расположились за общим столом перекусить бутербродами и выпить чаю, стоящий в сторонке КОИБ вдруг отчётливо произнес: «Поговорите хоть со мной. Я согласен и без „дополнительных сведений“. Главное ведь — общение...» И мы очень даже хорошо поговорили (особенно влюбившаяся в него Зинаида!) с железным другом, благодаря которому наша УИК отчиталась в ТИК в числе первых.

До следующих выборов, дорогой КОИБ!

«ПОДАРОК» ДЕДА МОРОЗА. Юмореска

Накануне Нового года Кешку с Санькой командировали в столицу за оборудованием для метеолаборатории. Управившись с делами, они решили заглянуть в Останкино: авось удастся попасть на полюбившееся обоим «Поле чудес». Фортуна им действительно улыбнулась — приобрели с рук билеты. При входе в игровой зал им выдали карточки с номерами. Прозвучал звонок, и друзья заняли свои места.

Улыбающийся Леонид Якубович, облачённый в шубу Деда Мороза, поприветствовав собравшихся в зале телезрителей, представил участников первого тура. Их почему-то было двое.

— Уважаемые болельщики! К сожалению, на нашу передачу не прибыл один из участников. Им может стать любой из вас. Приготовьте ваши карточки с номерами. Наташа! — Якубович обернулся к помощнице. — Приступайте.

Наташа, одетая в изящную мини-шубку Снегурочки, легко толкнула барабан.

Напряжённая тишина.

— Семь! У кого карточка с таким номером?

— Чёрт! На один номер не сошлось, — Санька с досады стукнул себя по коленке. — У меня шесть. А у тебя?

Кешка глянул на свою карточку и обомлел — 7!

— Иди! — Санька подтолкнул друга в спину.

Тот на негнувшихся ногах подошёл к ведущему.

— Поздравляю Вас! Представьтесь, пожалуйста.

— Иннокентий Козырев. Город Журавинск. Метеоролог, — выдал Кешка.

— У Вас интересная профессия. Вы предсказываете погоду. А не можете ли предсказать исход нашей встречи?

— Наверное, победит сильнейший и более удачливый, — осмелел Кешка.

— Прекрасно! Думаю, на этот раз Вы не ошиблись с прогнозом. А теперь внимательно выслушайте задание. Я думаю, вы догадались, что тема нашей сегодняшней передачи — Новый год и всё, что связано с ним. Итак, задание для первой тройки. Как древние славяне называли первый месяц года? Уточню: в разных климатических зонах были и разные названия января. Здесь зашифровано одно из них. Какое? Предоставим право начать игру нашей очаровательной участнице из Астрахани. Светлана, крутите барабан. Так... 750 очков. Отличный ход! Ваш вариант?

— Мне кажется, что в этом слове есть буква «А», — кокетливо произнесла блондинка.

— Увы, у нас нет буквы «А» в этом слове. Но Вы не огорчайтесь. Вся игра ещё впереди. Ваш ход, — Якубович обратился ко второму участнику.

Бородатому нефтянику из Сибири не повезло: стрелка остановилась на секторе «Банкрот».

— В игру вступает Иннокентий Козырев. И, я думаю, сейчас он сделает козырный ход. 150 очков. Отлично! Буква?

— О! — наугад сказал Кешка.

— Абсолютно точно! У нас есть такая буква! Аплодисменты!

Фортуна в этот вечер неотступно следовала за Кешкой. Он затем сделал ещё два удачных хода. На третьей, пятой и предпоследней, седьмой, клетках появились буквы «О», «И», «Е».

— Слово! — требовали болельщики.

— Стоп! — поднял руку Якубович. — По нашим правилам, игроку, угадавшему подряд три буквы, полагается на выбор одна из шкатулок. Шкатулки в студию!

Кешка пригляделся к лежащим на подносе коробочкам, прикинул, в какой стороне сейчас находится его дом и указал на шкатулку, ближнюю по отношению к родному дому.

— Bravo! Вы угадали! А здесь пусто.

Кешка сунул в карман три новенькие стотысячные купюры и взялся за ручку барабана.

— Да, да! Вращайте. Вы сегодня явно на коне. О чудо! Сектор «МИЛЛИОН»! Иннокентий Козырев выбирает...

— ... миллион! — Кешку захватил азарт.

По тому же принципу, что и в случае со шкатулкой, он выбрал один из мешочков. Когда на барабан посыпались... деньги, зал взорвался аплодисментами.

— Бесподобно! Невероятное везение! — захлёбывался от восторга Якубович. — Но Вы имеете ещё право назвать букву.

— Р! Роман, — почти не задумываясь, выдал Кешка (его сына зовут Романом).

— И снова удача! — подпрыгнул Якубович, у которого чуть не отвалилась борода Деда Мороза.

Наташа открыла вторую букву.

— Слово! Слово! — скандировали болельщики.

А у Кешки всё вылетело из головы. Под навешенными на него юпитерами и телекамерами он опять ступевался.

— Пять секунд! — вернул его к действительности ведущий.

Кешка второпях толкнул барабан. И пока он вращался, Кешку осенило: «Просинец!» Вот оно, зашифрованное слово! Подходит ведь. Просинец — так называли наши предки январь. По времени появления после зимней облачности синего неба. Я же сам недавно рассказывал об этом ребятам из Ромкиной школы, когда меня приглашали на урок природоведения. Точно, просинец! И тут его бросило в жар: «Ё-моё, а вдруг сейчас выпадет „Банкрот“ или „Переход хода“?»

Его мысли утонули в аплодисментах и свисте зрителей.

— Что делается! Что делается! — «трубил» Леонид Аркадьевич, стараясь перекричать болельщиков. — Сектор «Приз!» Такого я не припомню в наших передачах. По своей удачливости Иннокентий Козырев войдёт в историю «Поля Чудес»!

— Приз! Слово! — неистовствовал зал.

Кешка раздваивался: ему хотелось и увезти на память сувенир, и слово-то он знал. Что выбрать? «Слово назову — в финал попаду. А дальше? Опять надеяться на удачу? В финале-то посложнее будет задание. Нет, уж лучше синица в руках», — рассудил Кешка.

— Я выбираю приз!

— Где моя внучка Снегурочка? Попросим её вынести чёрный ящик.

Улыбающаяся, с румянцем на щеках Снегурочка-Наташа плавно передала Деду Морозу ящик. Якубович приоткрыл крышку. Сохраняя невозмутимое выражение лица, он стал торговаться:

— Я предлагаю за содержимое ящика сразу 500 тысяч рублей. И мы мирно расходимся.

— Приз!

— 700, 800, 900...

— Приз!

— Миллион!

— Приз!

— Что?! Вас уже и миллион не устраивает? Полтора миллиона!

— Приз!

— Ну и ну! Конечно, с нами играет фирма «Аджио», но игра есть игра: в ящике может оказаться и кочан капусты. Были такие случаи...

— Приз!

— Два миллиона! И это окончательно. Выбирайте!

— Деньги! Приз! — девятым валом неслось из зала.

Кешка раздумывал: «Два миллиона! Да миллион с лишним в кармане. Как бы кстати были сейчас такие денежки».

Он глянул в телекамеру, и ему показалось, что оттуда на него смотрит жена и отчаянно шепчет: «Деньги бери, деньги».

«Ну нет, послушай женщину и сделай по-своему», — вспомнил Кешка мудрое изречение и решительно поставил точку:

— Приз!

— Я Вам предлагал два миллиона рублей. Все слышали? Вы отказались. Сожалеть не будете?

Покачав головой, Кеша повторил:

— Приз!

— Ну что же, забирайте приз. — Якубович пошарил по дну ящика, вздохнул и медленно вынул оттуда... ключи от автомобиля. — Я Вас поздравляю! Ваша непоколебимость вознаграждена по достоинству! Этот красавец самой последней модели, — Дед Мороз указал на стоящий на сцене тёмно-вишнёвого цвета «Вольво». — Ваш! Да, такого удачливого игрока у нас ещё не бывало! Только под Новый год возможны такие чудеса!

Дальнейшее Кешка плохо помнил.

Всё было как в тумане. Хорошо, что рядом оказался Санька. Он и документы на машину помог оформить, и сам сел за руль: у Кешки не было водительских прав.

Из Москвы они возвращались своим ходом. Шины новеньких колёс мягко шуршали по асфальту. Кешке казалось, что на заднее сиденье к ним пристроилась сама фортуна.

Стояла чудесная погода. В лунном свете искрились белоснежные поля. До Журавинска оставалось около полчаса езды.

На крутом повороте перед мостом через реку Санька, как и положено, притормозил. Торможение же пришлось на припорошенную снегом застывшую лужу. Задние колёса скользнули по льду, и машину по инерции понесло к скалистому обрыву. Санька давил на тормоза, ожесточённо крутил баранку, однако никак не мог вписаться в поворот.

— Прыгай! — закричал он Кешке, открывая дверцу. — Прыгай!

До обрыва оставалось метров семь, когда оба друга в разные стороны выпрыгнули из машины, которая через секунду загрохотала по склону. Ещё через секунду раздался взрыв...

— ...Кеша, миленький, что с тобой? Приснилось что-нибудь? Ты так кричал, потом рванулся куда-то, с кровати упал. Сильно ушибся? Вставай, Кешенька, вставай. Давай помогу.

Густые волосы склонившейся над ним жены щекотали лицо Кешке, который с недоумением, ошалело оглядывал спальню...

ЛАПШЕЛЛЕРЫ. Юмореска

Возле бочки с пивом змеилась разноликая толпа. Припекало. От зноя и солнца местами плавился асфальт. Стоящие в очереди с завистью поглядывали на тех, кто уже смаковал прохладную пенистую влагу.

— Дэвушка, а дэвушка, пачём моча мамонта? — громко спросил подошедший крепыш в потёртых джинсах.

Пухлая продавщица, у которой, как и у бочки с пивом, не угадывалась талия, лишь гневно сверкнула глазами. Интеллигентного вида мужчина поперхнулся и отставил наполовину недопитую кружку. Толпа забурлила.

— Ишь ты, моча мамонта! Пробовал её что ли?

— Ступай своей дорогой!

— Во-во, проваливай!

— Не порти людям аппетит! — очухалась наконец и продавщица.

— Это же Санька! Вы что, этого баламута не знаете что ли?

Да, это был Санька Вожаков, художник здешнего краеведческого музея. Его хлебом не корми — дай похохмить, разыграть кого-нибудь. Он и родился-то 1 апреля. «Баламут местного масштаба», как ни в чём не бывало продефилировал мимо взъерошенной им очереди и свернул в аллею. На скамейке под клёном он заметил броско одетую девушку. На ней были модные «бермуды», глаза прикрывали солнечные очки с фирменной нашлёпкой «Italia». У ног девушки лежал огромный пёс. В облике хозяйки ньюфаундленда Саньке показалось что-то знакомое. Ну точно! Это была одноклассница Светлана Баранова, дочь известного в городе предпринимателя, которого год назад волны разыгравшейся демократии забросили в кресло мэра города. В Санькиных глазах замельтешили бесенята. Ноги его непроизвольно зашагали к скамейке.

— Привет, Светик!

— Ой! Шурик? Сколько лет, сколько зим! Спикер, успокойся. Это свои, — Светлана похлопала водолаза по загривку.

— Всё хорошеешь? От поклонников, поди, отбою нет?

— Не без этого, — кокетливо улыбнулась она. — А вот самый надёжный и верный из них всегда со мной. — Светлана погладила Спикера.

— Да. Но этот и самый прожорливый. Не то, что лапшеллеры.

Девичьи глаза округлились вопросом.

— Это такую породу собак вывели в Германии, — не моргнув, сорвал Санька. — Позавчера по Euronews передавали. Сенсация века!

Самая миниатюрная собачка в мире. В человеческом кулаке умещается. С собой в кармане можно носить. И ласковая такая. А главное — с кормёжкой никаких проблем. Много ли ей надо?

— А ты, Саня, не заливаешь?

— Не веришь? — Санька оглянулся вокруг. — Давай у Андрюхи спросим. Уж он-то Euronews не пропускает.

К ним как раз подходил Андрей Чекасин. Санька вкратце пересказал своему закадычному дружку о последнем «достижении» немецких биологов-селекционеров.

— Уж ты-то, надеюсь, слышал про лапшеллеров? — обратился Санька к корешу и, вынув расчёску, запустил её в свою густую шевелюру.

Этого условного сигнала для Андрюхи было достаточно, чтобы с ходу включиться в игру. «Ну и нахал. Опять развешивает лапшу на уши, а я поддакивай ему», — подумал он, а вслух сказал:

— Да как не слышал! Только не перепутал ли ты? Не в Японии ли вывели этих лапшеллеров?

— Нет-нет. В Германии. Это я точно запомнил.

...На другой день, едва Санька появился на работе, к нему в мастерскую порывисто вошла Нелли Максимовна Истомина, директор музея:

— Александр Павлович! Вас к телефону. Сам Антон Антонович Баранов!

Санька прошёл в директорский кабинет, взял телефонную трубку.

— Алло! Александр Палыч? Доброе утро. Баранов. Вчера дочь мне все уши прожужжала про каких-то лапшеллеров. Вот бы, говорит, раздобыть такую собачку. А тут мой партнёр по бизнесу на днях как раз собирается в командировку к своим зарубежным коллегам в Германию. Так ты не припомнишь, в каком там городе или институте вывели этих самых лапшеллеров? А?

У Саньки Вожакова, не привыкшего лезть за словом в карман, отвисла нижняя челюсть...

НОВОГОДНИЙ «СЮРПРИЗ». Юмореска

О Петровиче, сухощавом, под два метра старике, в нашем городе ходили легенды. Заядлый рыболов, неистощимый выдумщик по части розыгрышей. Рыбацкие байки сыпались из него как их рога изобилия.

И вообще похохмить — за ним сходить. Здешние рыбаки до сих пор со смехом вспоминают предновогодний случай в Алебастрово.

...Под вечер на остановке с рюкзаками и ледобурами, как обычно, собрались чусовляне, лысьвенцы и пермяки — каждый в ожидании своего поезда. Возле Петровича, как всегда, людно. Опять травит очередную байку.

К толпе подошёл молодой рыбак в яркой оранжевой куртке. Видно, что пермяк. А разговор уже перекинулся на хитрости рыбной ловли: какая из мормышек уловистее, на какую насадку лучше берёт окунь, сорога, лещ, что использовать в качестве прикорма и т. д.

— Слушай, ты, я вижу, бывалый в рыбацком деле. Подскажи, как подольше сохранить «малинку», — просит пермяк Петровича.

— Сгущённым молоком прикармливай, — не моргнув глазом посоветовал Петрович и хотел что-то ещё добавить, но тут подошла пермская электричка, и «оранжевая куртка» заскочила в вагон.

Через неделю, в выходной, на Алебастрово, снова толпились рыбаки. К Петровичу протиснулся тот самый молодой пермяк и чуть ли не с кулаками набросился на старика:

— Ты чё мне нагородил про сгущёнку? У меня вся «малинка» сдохла в ней.

— А ты как прикармливал её?

— Да как? Высыпал в банку с молоком и в холодильник поставил.

— Ну кто же так делает? Надо было каждую «малиночку» подкармливать сгущёнкой из чайной ложечки. Об этом я тебе и хотел сказать в прошлый раз, но ты так рванул к электричке, что самое-то главное и не узнал.

Рыбаки грохнули от хохота. Спустя минуту смеялся и «оранжевый»:

— Купил-таки, старый чёрт!..

Несведущим в рыбалке поясним: «малинка» (по-научному мотыль, личинка комара) — маленький красный червячок размером до двух сантиметров, используемый в качестве насадки для подлёдного лова.

Но как-то тоже под Новый год поплатился за свои приколы и сам Петрович. Пригласил он на рыбалку соседа по гаражу Степаныча:

— Поехали под Денисово. Говорят, судак вышел. Моя Егоровна шибко любит пирог из судака. Вот будет нашим старухам сюрприз к Новому году.

Сказано — сделано. В предвкушении удачной рыбалки сошли старики с поезда и направились под «высоковольтную». Но раз на раз не сходится. Не клевало в тот день нигде. Оббегали весь водоём, не по

одному десятку лунок пробурили — ни поклёвки! Уставшие, уселись перекусить.

Степаныч вынул чекушку «беленькой». Вот когда жор-то пошёл! Ближе к поезду «подрумяненные» старички стали сматывать снасти. И Петрович вытащил на свою удочку мелкого ёршика — в спичечный коробок войдёт. Осторожно отцепив, бросил его в свой рыбацкий ящик:

— Коту согдится. А для моей благоверной — алиби. Поймал — значит на рыбалке был.

Дома, ещё с порога, Петрович, сняв шапку, возвестил:

— Давай, мать, посудину. Улов буду выгружать. Клевало, как по весне в конце марта. И на уху, и на пирог привёз. Такой стол к Новому году заварганим — пальчики оближешь.

Егоровна принесла с кухни чашку.

— Обижает, мать! Что в такую черепеньку войдёт? Волоки эмалированный таз.

Жена со второй ходки поставила на табурет большой эмалированный таз.

Рылся, рылся Петрович в ящике и, наконец, извлёк из него «улов». Мороженный ёрш со звоном стукнулся о дно таза.

— Во, гляди, какая добыча! А чё? Мы его почистим, порежем — и на уху, и на пирог хватит. И коту ещё останется.

— Ах ты, старый пень! «Таз волоки». На, получай тогда. Зря што ли его ташшила? — и эмалированный таз с гулким звоном обрушился на голову старика.

Шишка на лбу Петровича сошла только под старый Новый год...

ПОДСАЧНИК. Юмореска

Как-то Петрович со своим закадычным другом Степаном отправились на рыбалку в Лязгино.

Дошли до реки. Закинули донки. И расположились на полянке, вытряхнув из рюкзаков домашнюю снедь. Появилась на скатерти-самобранке и «беленькая». Одна бутылка для двух здоровых мужиков с хорошей закуской, на свежем воздухе — какой тут грех? Петрович, скорый и на работу, и на еду, подкрепившись, первым встал и направился к берегу проверить донки. В кустах он заметил заброшенный отвал от плуга. Прихватил его с собой. Оглянулся на дружка: тот продолжал трапезу. Петрович вытащил донку напарника и, привязав к

поводку отвал, снова забросил в заводь. А сам отошёл к своим донкам.

Минут через пять на берегу показался Степан. Первым делом глянул на свои закидушки. Рыбацкое сердце забилося в предвкушении удачи: одно из удилищ, подрагивая, дугой склонилось к воде. Степан в один прыжок подскочил к нему и по всем правилам сделал подсечку. Леска натянулась и заходила в воде из стороны в сторону. Так ведёт себя только крупная рыба. Павел осторожно, без рывков стал её вываживать, подтягивая к берегу. В воде что-то сверкнуло и снова юркнуло в глубину: отвал ещё не успел заржаветь, поблёскивал, а его овальная форма и течение имитировали естественную повадку попавшейся на крючок рыбы.

— Петрович! Бегом за подсачником! Лещ попался. И матёрый. Как лопата, широченный. Кило на три потянет. Ну где подсачник-то? — заорал Степан.

Петрович с подсачником в руках подбежал к другу:

— Стёпа, только не спеши. И слабины, слабины, самое главное, не давай. Пусть вымотается. Дай ему воздуха глотнуть.

— Да иди ты... Сам знаю, не впервой. Подводи подсачник.

К сожалению, дальнейшие события не поддаются описанию. Это надо видеть.

Впрочем, не один Степан попадался на удочку Петровича.

Однажды он ранним летним утром выехал на лодке к «Соколу». Расположился метрах в пятидесяти от других рыбаков и закинул удочки. Однако в тот день плохо клевало. Решив перекусить, Петрович вынул «тормозок». Прихваченные из дома картошка с парой селедочек пришлось как нельзя кстати. Управившись с одной, Петрович потянулся было и ко второй селедке, но вдруг передумал. Вытащил удочку и, незаметно нацепив на крючок магазинный улов, снова забросил. Минуты через две он резко подсёк, тряхнул удилищем, и селедка, словно живая, затрепыхавшись на солнце, плюхнулась на дно лодки. Петрович будто бы отцепил добычу и, прикрывая рукой селедку, осторожно закинул снасть возле самой лодки. Так он проделал несколько раз, приговаривая: «Вот такая бы, так ничё!»

Среди рыбаков началось движение. Их лодки переместились поближе к Петровичу. Как так? У него клюет, а у нас? Иные рыбаки бросили якорь уже почти вплотную с лодкой Петровича. Тут они его и раскусили:

— Ну Петрович! Объегорил-таки. Погоди, мы тебе это припомним! Дружный хохот разбудил утреннюю тишину.

СПИНИНГИСТ. Юмористический рассказ

Однажды с друзьями из заводской секции водного туризма я сплавлялся по Усьве.

Погода стояла расчудесная. В голубой июньской вышине ни облачка. Легкий ветерок приятно ласкает наши загорелые тела. Проплывающие мимо скалистые берега сменяют ветвистые ивы и кусты, заливные луга. Иной раз к самой воде подбегут похожие на босых деревенских девчонок в сарафанах берёзки и засмотрятся в зеркальную гладь, поправляя зелёные прически. Лепота! Голову дурманит свежий, настоящий на травах, воздух, который до нас доносит с лугов бойкий ветерок. Над нами в голубой выси звонко заливается жаворонок. Его трель сопровождает нас весь солнечный день. С ней мы и плывём, словно по компасу.

К вечеру солнце скатилось за лесистый угор. От воды потянуло прохладой. Пора искать пристанище.

— За следующим поворотом и причалим. Там отличное место для стоянки, — сказал Евгений, руководитель нашей секции.

И действительно, за поворотом открылся отлогий галечник, переходящий в зелёную лужайку. На ней уже стояла оранжевая палатка, поодаль от которой в вечерней тиши потрескивал костёр. На берегу сушились два катамарана и одна «резинка». Сидящие у костра, заметили нас.

— Эй, на шхуне! Лом не проплывал? Гребите к нашему шалашу. Каши на всех хватит.

Спустя несколько минут мы уже сидели в кругу молодых парней и девчат в штормовках. Они оказались туристами из Перми. Среди них Евгений узнал и Андрона, с которым в прошлом году встретился на Вижае, где проходили областные соревнования по водному ралли. Андрон — бывалый турист-водник. За его плечами горные реки Алтая и Узбекистана пятой и шестой категорией сложности. Блестящий рассказчик и виртуозный гитарист. Они с Евгением повспоминали былые совместные походы, потолковали об экипировке, поделились планами на следующий отпуск.

В это время раздался знакомый и любимый каждым туристом сигнал — удары ложкой по пустому котелку. Девчата сготовили ужин. Никого долго уговаривать не пришлось. Все расселись у костра, только ложки замелькали. И лишь один невысокого роста паренёк удалился от общей компании, присев со своим котелком на пенёк возле кустов.

— Ты смотри-ка! Семён-то наш, спиннингист-профессионал, даже отделился от нас, — с улыбкой кивнул Андрон. — Переживает, бедняга. Да брось ты, Семён, подсаживайся! Поймаешь ты ещё свою щуку. Зато твоему вчерашнему улову, пожалуй, любой рыбак бы позавидовал. Погоди, про твой улов ещё в Книге рекордов Гиннеса напишут.

Евгений, а вслед за ним и мы глянули на Андрона. И вскоре последовал его рассказ, прерываемый такими взрывами хохота, что, казалось, от них, а не от всплесков рыб, идут круги по воде.

... Накануне похода Семён купил спиннинг с японской безынерционной катушкой. Прихватил его с собой. Ну думаем, всё — производственной проблемы у нас не будет. Щука и в ухе хороша, и в жареном виде прекрасна. Мы даже сковородку специально захватили. И вот, как только мы спустили свои плавсредства на воду, Семён размотал свой спиннинг и давай хлестать им по реке: то в заводь, то к кустам. Ни одного привлекательного омота не пропустил, пока сплавлялись в тот день. Правда, кроме водорослей да коряг ему ничего не попадалось.

«Неплохо для начала, — утешали мы его. — Главное — блесна не пустая. А коряги... Ты их не выбрасывай. Они для костра сгодятся». Но он не унывал. «На утренней зорьке, — говорит, — надо попробовать. На ней самый жор. А в зной любая рыба вяло клюет. Об этом и Сабанев пишет». Ну раз по науке ловит, без рыбы не останемся, решили мы.

Ладно. Вечером мы расположились возле небольшой деревушки. Развели костёр. Перекусили. Улеглись.

Назавтра, чуть свет Семён первым из палатки вылез. Прихватил спиннинг, и к реке. А утро выдалось туманное: в двух шагах ничего не видно. Это бывает в июне, когда после дневного зноя ещё дождичек пройдёт. А вечером-то как раз и помочило. Вот парёж и образовался. А над рекой тем более. В общем, туман — сплошное молоко парное. И тишина. Но вдруг чуткое ухо Семёна уловило какие-то всплески. «Вот оно, началось! Это, наверняка, щука вышла на утренний жор. Мелочь гоняет», — подумал Семён. И сердце его радостно заколотилось в груди. Стараясь не шуметь, спустился чуть пониже по течению, в сторону деревни: ему показалось, что всплески раздавались оттуда. Вот они послышались уже совсем рядом.

«Крупная подошла. Вон как бултыхает, — определил Семён по характеру всплесков. — Я вам ещё покажу. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Ну с Богом!» И он сделал первый заброс в сторону всплесков. Блесна пришла пустой. Второй заброс — пусто. «Ничего, —

думал Семён, — хорошо, что за коряги не зацепил. А то проотцепляешь — время только уйдёт».

На третьем забросе едва Семён щёлкнул лесоукладывателем, как почувствовал на другом конце леса резкий рывок. «Есть! Попалась, милая!» — Семён сделал подсечку (всё по науке) и, не давая слабины, стал выводить рыбку на берег. Леса, натянувшись струной, ходила из стороны в сторону. Катушка с трудом проворачивалась. «Добрая зацепилась, — с азартом подумал Семён. Вдруг его словно ожгло: «Я же подсачник забыл прихватить. Без него такую разве возьмёшь?» И он закричал: «Мужики! Подсачник!»

Я первым услышал Семёна. Выскочил из палатки. Спросонья не разберу, куда бежать. Да и туман кругом. Но как-то быстро нашёл его. Смотрю, а у него спиннинг — дугой, сам он уже в воду зашёл. «Подсачник-то снизу подводи. Здоровая попалась!» — кричит Семён. Подскочил я к нему. Держу подсачник на изготовке. И вдруг... — тут Андрон сделал паузу. — Из тумана метрах в трёх от нас показалась... бурёнка с поблёскивающей между рогов блесной. От неожиданности мы оба едва в воду не сели. А Семён чуть спиннинг из рук не выронил. Нет, это надо видеть. Словами не перескажешь. А корова идёт прямо на нас, мотает головой, стараясь освободиться от блесны: ей же больно. «Чё, — спрашиваю, — делать-то? В подсачник улов не входит». Так он на меня выразительно глянул. Тут и остальные проснулись, подошли — глазам своим не верят. Что за чудо? От дальнейшего описания я, пожалуй, воздержусь. Сами представляете, что было...

— Откуда же бурёнка взялась? — спросил кто-то из нас.

— Да это деревенское стадо утром на водопой подошло. А в тумане разве разберёшь, кто там плещется — шука или коровы. Вот Семён одну из них и «заловил». Мы, кстати, с трудом блесну отцепили. Не подпускала, боится. Только когда девчонки хлебом прикормили, тогда и сняли блесну, — Андрон повернулся в сторону спиннингиста: — Семён, хочешь добавки? Каша-то вкусная — с тушёной говядиной. Слышишь? С говя-я-диной.

ПРЕДНОВОГОДНЯЯ РЫБАЛКА. Рассказ

Столько накопилось дел, что так и не успел в том году открыть сезон подлёдной рыбалки. Оставался последний день — 31 декабря. Правда, с утра пришлось со списком жены побегать по магазинам,

рынку. Собрался на пруд только к обеду. Часиков до пяти успею порыбачить. Из дома выхожу, а навстречу соседка с пустым ведром, но мне уже не до примет. Скорей бы на лёд! Как назло, минут двадцать прождал «четвёрку», а она вдобавок пошла в объезд, через центр... Ну что за невезение!

Но, говорят, надежда умирает последней. А ещё «под Новый год что ни пожелается — всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается». В отличие от трёхлетнего карапуза в Деда Мороза я не верю, но на всякий случай загадал: «На пирог бы да на ушицу!» Хотя вряд ли удастся: на нашем пруду да в «мёртвый сезон».

Первую лунку я пробурил в половине второго. Когда на льду затрепыхался четвертной окушок, обрадовался, но вскоре как отрезало — ни одной поклёвки. Перешёл поближе к толпе рыбаков: там то же самое. Вернулся и пробурился рядом со своей лункой.

«Ого, дно с перепадами. Сантиметров на 70 глубина меньше. Должна здесь рыба держаться». Прошло с полчаса. Глухо, как в танке. Положил удочку на лёд и решил перекусить. Отрезая ломоть промёрзшего хлеба, ножом попал по указательному пальцу левой руки. Ну что за невезуха! Кровь долго не утихала, и я сунул палец в лунку... А спустя несколько минут сторожок резко согнулся. Клынуло! Красавец-окунь граммов на двести отбил всякое желание перекусывать.

Снова опускаю в лунку мормышку, качка три всего сделал — и снова поклёвка! Причём лещовая: сторожок сначала замер в горизонтальном положении, а потом чуть приподнялся вверх. Только бы не проморгать с подсечкой. Удалось! Осторожно, не давая леске слабину, вывожу. Вода в лунке забурлила, и показалась голова леща. Правой рукой подхватил я его за жабры в лунке: на весу леска могла бы не выдержать. Уф, полпирога есть — граммов на 700 оказался подлещик. Подживил «малинку» — и снова в воду.

А палец всё кровоточит, только не до него сейчас. Через пару минут достал ещё одного подлещика, поменьше. «Ну спасибо за подарок к Новому году, родственнички!» Это я так лещей зову, потому что у деда моего фамилия Лещёв.

Всё бы ничего, да кровь из пальца не утихает. Я снова опустил в лунку руку и вдруг с ужасом почувствовал, что в раненый палец кто-то вцепился. Инстинктивно выдернул руку из лунки, а на пальце висит... щучка. Небольшая, граммов на 600. Хватаю её свободной рукой и пячусь от лунки. Ё-моё, хищница на запах крови поднялась из глубины к лунке! Где-то, помню, читал, что американцы вместо грузила цепляют на леску капсулу со свежей бычьей кровью, которая

периодически выливается в воду. По смешавшейся с ней тонкой струйке крови рыба и находит насадку. И клёв отменный получается.

Тут всё же мне пришлось с рыбалки переключиться на самолечение: ведь к ножевой ране на пальце добавились и щучьи зубы. Вспомнил старинный способ, с помощью которого останавливают кровь. Закурил. Натряс в ладошку пепла и присыпал им ссадины. Помогло! Вот когда «курение не вредит вашему здоровью». Однако и клёв прекратился. Вновь полез в карман за сигаретой и нащупал там миниатюрный лазерный фонарик с красным лучом-точкой. Его мне внучка перед рыбалкой дала. «Посвети, — говорит, — в воду, может, рыбок увидишь».

А чем чёрт не шутит? Глубина-то здесь от силы метра три. Может, и впрямь до дна достанет? Тем более начинает смеркаться. А на огонёк рыба тоже любит собираться. Посветил. Поводил лучом в разных направлениях. И надо же! Сторожок просигналил поклёвку. Короче, с трёх лунок, пока совсем не стемнело, я поймал ещё два с половиной десятка окуней и пару ершей.

В общей сложности 31 декабря я принёс домой 31 рыбку. А напоследок клюнул рак. Его я отпустил обратно: пусть встречает Новый год в кругу сородичей.

Возможно, то было счастливое стечение обстоятельств: погода пасмурная, западный ветерок, дно с перепадами, подсветка, даже приманка на кровь, но такого улова в глухой сезон у меня не бывало.

...А может, успех заключался в том, что я ловил зимней удочкой Виктора Петровича Астафьева, который слыл не только маститым писателем, но и удачливым рыболовом? Удочку мне вдова писателя Марья Семёновна подарила. Ныне та удочка в доме-музее Астафьева в Чусовом.

КОМПОЗИТОР. Юмореска

Как-то в декабре мне удалось отдохнуть в санатории «Виктория» в Эссентуках.

Жил в одном номере со Славой из Ханты-Мансийского округа. Работает он мастером в городе Пыть-Яхе на предприятии, обслуживающем заводы компании «Нефтегазовые системы». Бригада, которой Слава руководит, занимается ремонтом, а конкретно — следит за автоматикой нефтегазового оборудования.

Кстати, Вячеслав Михайлович и тамошние специалисты весьма благожелательно отзываются о лысьвенских турбогенераторах и электрических машинах, установленных в округе, отмечают их надёжность, качество и долговечность.

Естественно, говорили мы не только о работе. Славе 26 лет, родом с Южного Урала, из Челябинска. Женат. Обожает свою трёхлетнюю дочку Настеньку: вон сколько подарков накопил ей. У моего соседа по комнате косая сажень в плечах, рост под два метра, а фамилия ... Малышев. Я на полторы головы ниже его, зато Вершинин. Посмеялись оба над причудами природы.

А вообще жили мы со Славой душу в душу. Вместе ездили на экскурсии, по вечерам на танцы ходили. Я их не пропускал: хоть какая-то разминка, это же ещё и как процедуры.

А Слава в тот день отказался от «дискоскачек». Женщины, с которыми познакомился на танцах, — Тамара из Краснодара и Надя из Волгограда — первым делом спросили: «А где твой сосед? Почему не пришёл?»

— Да он же композитор. Муза, видите ли, к нему явилась. Сидит, пишет концерт для фортепьяно и скрипки с оркестром. Он и по ночам, бывало, соскочит, по палате из угла в угол мечется, руками размахивает, потом к нотной тетради — и рисует, рисует свои закорючки. Да так, что иные ноты, диезы, бемоли и бекары со стуком падают на пол — это те, которые вычеркнул, заменил на другие. Я сам поражаюсь — головастый мужик: без инструмента музыку сочиняет. Как чемпион мира по шахматам наш Алехин, который вслепую проводил сеанс одновременной игры на 40 досках! И этот композитор все ноты в уме держит. Далеко пойдёт, он уже лауреат какого-то международного музыкального конкурса.

Кто меня за язык дернул ляпнуть такое? Да просто прикололся. Думал, женщины догадаются о шутке.

Когда же Слава во второй раз проигнорировал танцы, Тамара опять пытается меня:

— Неужели Слава все ещё музыку пишет?

— Так это же чокнутые. Придёт к ним вдохновение — вот и маются. Сегодня мой композитор даже на ужин не пошёл. Финал что-то не в той тональности звучит. Надо переделать, — не моргнув глазом, пою я ту же песню.

— Значит, всё-таки дело к завершению идёт. А может, ему выступить с концертом перед отдыхающими? — на полном серьёзе спрашивает Тамара.

Кстати, как-то мы со Славой побывали в музыкальном салоне санатория, где с удовольствием прослушали концерт классической музыки в исполнении артистов здешней филармонии. Между прочим, у обоих оказались одни и те же любимые композиторы и их произведения: пьеса «К Элизе» Бетховена, «Метель» Свиридова, мелодии французского дирижёра Поля Мориа. После этого вечера я и узнал, что Слава действительно не равнодушен к хорошей музыке: он в детстве окончил на отлично музыкальную школу по классу баяна. Хотя с той поры баян в руки не берёт, недосуг.

Однако о том, что некоторые представительницы слабого пола считают Славу — с моей подачи, разумеется, — выдающимся композитором, я рассказал ему. Слава посмеялся, но предупредил, чтобы завтра же раскрыл женщинам всю правду. На что я ответил молодому соседу:

— Ладно, при случае расколось. А может, Слава, и не надо? Походи ты в роли композитора, пока такая возможность есть.

...Буквально, дня за четыре до отъезда в дверь нашего номера деликатно постучали. Вошла миловидная симпатичная женщина. И сразу к Славе:

— Здравствуйте. Меня зовут Маргарита Вениаминовна. Я руководитель культурно-досугового центра санатория. Вячеслав Михайлович, а не могли бы Вы выступить перед отдыхающими со своим концертом? Кстати, они сами об этом просили. О плате за выступление мы, думаю, договоримся.

— Видите ли, в чём дело, — Слава из-за спины показывал мне внушительный кулак. — Я не совсем готов к выступлению. Новая вещь не обкатаная. Над ней надо бы поработать с тем оркестром, к которому я привык... Да и вообще-то я сюда приехал отдохнуть, подлечиться.

— Ну что ж, тогда извините. Творческих Вам удач! И надеюсь на встречу в следующем году! — Маргарита Вениаминовна также деликатно удалилась.

Едва дверь затворилась, мы попадали со Славой на свои кровати и взхлёб зашлись в безудержном хохоте. А я до сих пор в недоумении: то ли это был мой прикол, то ли Тамары из Краснодара — это же она рассказала руководителю культурно-досугового центра «Виктория» об отдыхающем в санатории талантливом «композиторе».

Р. С. На днях звонил Славе. Работает там же. По вечерам — зимой-то на севере они длинные — берёт в руки баян и играет дочурке детские песенки. Пытается вспомнить и классику. Может, из него и впрямь выйдет композитор?

В АВТОБУСЕ. Лирическая миниатюра

В переполненном автобусе однажды я оказался возле двух симпатичных старушек, сидевших рядком в середине салона. Они о чём-то мирно беседовали. Не имею привычки подслушивать чужие разговоры, но тут, как говорится, деваться было некуда: меня так плотно прижали — ни повернуться, ни с ноги на ногу переступить. Оставалось сделать благопристойный вид, будто ничего не слышу. Но ведь уши не заткнёшь. Впрочем, даже если бы я ненароком вник в их беседу, я не сомневался в содержании разговора: наверняка об очередях в магазинах, о дефиците, о повышении цен на товары, о растущей преступности, либо о неспособности правительства и депутатов как-то стабилизировать обстановку в государстве. О чём же ещё говорят в наше смутное, тревожное время?! Как всё это, если по-честному, осточертело! Надоели хуже горькой редьки и эта неустойчивость, и эти пересуды о положении в стране, и эти хмурые озлобленные лица. Каково же было моё удивление, когда услышал, что старушки рассуждают о... музыке, вернее, о певице. А бабули продолжали ворковать. Одна из них, поправляя очки, говорила своей спутнице:

— Пляжу я на неё — и душа радуется. И собой хороша, и одевается скромно. А поёт как! Просто, без надрыва, а до сердца пробирает. Нет, из певиц мне больше всех нравится Валентина Толкунова. Вон она как мило улыбается мне с картины-то, — старушка кивнула головой, приглашая соседку обратить внимание на картину.

— Ну улыбается она, между прочим, не только тебе. И мне. И всем остальным. Но я с тобой согласна. Я её тоже очень люблю. Уж больно голосок у неё приятный, нежный, как ручеёк весенний переливается. И не кривляется, не скачет по сцене почти нагишом, как некоторые, — отвечала другая старушка.

Я невольно глянул туда, куда смотрели бабули. На стенке, отделяющей водителя от пассажиров, красовался портрет молодой обаятельной женщины. Это был календарь с большой фотографией известной... Стоп, стоп! Я внимательно пригляделся. На Толкунову чем-то похожа. Но это была не она. С календаря обворожительно улыбалась... актриса Ирина Алфёрова. Так и есть. Вон и подпись. Стоя-то мне лучше было видно, да и, слава Богу, обхожусь пока без очков.

В душе я посмеялся над старушками. Хотел было даже указать на их ошибку. Однако передумал. Жизнь и без того сложна, неуютна. Зачем разочаровывать, лишать их этой маленькой радости от встречи с любимой певицей?..

В БАНЕ. Рассказ

Егор страшно любил париться. В пятницу после работы он, откладывая все свои дела, собирал бельишко, прихватывал запасённый с лета берёзовый веник, бутылочку пивка и, не спеша, шагал в городскую баню. Жена уж знала: домой вернётся часа через два с половиной.

Как минимум по три захода в парилку делал. Спроси его, за что он любит баню, Егор, скуповатый на красноречие, толком не сумеет объяснить. Но ему здесь нравилось всё. Даже в распаривании веника он находил особое удовольствие. За окном мороз трескучий, а Егор, глотнув свежего берёзового духа, исходящего от веника, словно шагает по лесной июльской тропинке, пропахшей солнцем и травами. Ну и, конечно, верх блаженства — парилка, особенно первый заход. Как следует пропотев, Егор начинал, побряхтывая, хлестать себя веником. В эти минуты он забывал обо всём на свете: о занудном начальнике и штурмовщине в цехе, о житейских неурядицах и семейных хлопотах. Ему казалось, что он сметает веником с души остатки чёрствости и хмурости, которые в обыденной жизни нет-нет да и прилипали к нему. Из парилки он выходил просветлённый, помолодевший телом и душой. И как ребёнок радовался всему, что его окружает.

После парилки Егор любил посидеть с мужиками, потолковать о жизни, послушать весёлые истории, где-то и самому встрянуть в разговор. Ведь в этот миг среди них не было ни начальников, ни знаменитостей, ни бедных, ни богатых. Вот они — голенькие, распаренные, без мундиров и чинов — все перед тобой. И ты в их кругу чувствуешь себя на равных. В большинстве случаев среди заядлых парильщиков обязательно находится свой Тёркин. Вот и на этот раз в центре внимания оказался с виду неприметный, худощавый, но жилистый мужичонка с прилипшим на боку баннным листом. Заложив на ногу, «Тёркин» философствует:

— Вычитал на днях в одной газете статистику. Так вот там пишут о том, что бабы живут дольше мужиков. В среднем лет на пять. А почему, не объясняют. Я вот кумекал-кумекал и пришёл к такому выводу: это природой специально предусмотрено. Ведь ей, бабе, надо и детей нарожать, и на ноги их поставить. Внуки пойдут — за ними тоже догляд нужен. Как тут без бабы? Опять же хранительница очага. И крепче нас они ещё оттого, что постоянно в движении. Нагочется на работе, идёт домой, надо магазины все обойти. Домой придёт — кухня, стирка, стирка, уборка. От темна до темна — всё в движении. А движение,

сказывают учёные, — это жизнь. А наш брат? Отробил, порог квартиры переступил, перекусил и на диван, к газете, телевизору. Мало, мужики, шевелимся. Вот что. Потому и хиреем, оттого нас бабы и переживают. Это ладно, если ты рыбак, охотник или, скажем, садовод. Тоже крутишься, вертишься. Для здоровья это неплохо. А если ни к тому, ни к другому душа не лежит, да живёшь в благоустроенной квартире, где ни дрова не надо колоть, ни воды принести? Вот и накапливаются эти самые... Как их? Во, во. Отложения солей! Во вред организму. К тому же курево с водочкой нашему брату жизнь укорачивают.

Или взять ещё такую штуку. Каждая баба, считай, раз в месяц кровь-то заменяет. Как ты сказал, это называется? Во, во. Она самая! У нас-то, мужиков, её не бывает. А ведь наверняка это дело не без пользы для бабы. Само собой, какое-то обновление в её организме происходит. Природа зря ничего не предусмотрит. В ней всё по уму заложено. Так что, мужики, нашим бабам сам Бог велел дольше нас жить. Ну ладно, пошли париться. На один заход здоровья ещё хватит.

...Переговариваясь, мужики зашагали в парилку. Егор двинул за ними. В предвкушении очередной байки. На верх блаженства — в берёзовую истому. И в том, и в другом он находил неизъяснимую земную радость.

СЕНЬКИНЫ ПРИКОЛЫ

Юмористические рассказы

«Дед, поиграй ещё!..»

Среди соседей, знакомых и коллег Сенька Горохов слыл чудачком. Ему перевалило за сорок, вроде бы пора остепениться, а он порой откалывал такие номера — хоть стой, хоть падай.

Как-то в гараже мужики устроили мальчишник. Ну ясное дело, не хватило. Кого посылать за пузырьём? Конечно, Сеньку.

— Тогда, клади на бочку по тройку, — поставил условие Сенька.

Порылись мужики, порылись и наскребли... на бутылку пива. Но разве это уровень для троих здоровых мужиков?

— Сеня, ты у нас самый умный. Придумай что-нибудь. Третий месяц тянут резину с зарплатой у нас. Ни копыя не осталось! — вывернул карманы Валентин.

— И я сегодня последнюю заначку просадил, — вставил Иван.

Намёк на «самого умного» раззадорил Сеньку. Взгляд его упёрся в серенький обшарпанный баян, которым он нет-нет да и баловался в гараже, когда на него накатывала лирическая волна. Играл он на слух, не по нотам, но проникновенно и задушевно, и мог быстро подобрать любую мелодию. Кстати, он и на участок по разведению рыб, где работал ихтиологом, притащил откуда-то списанный баян. Подремонтировал и в одно и то же время — перед кормлением рыб — стал играть на баяне. Новшество превзошло все ожидания. Музыка стимулировала усвояемость пищи, и карпы стали заметно прибавлять в весе. Начальник участка выписал тогда Сеньке премию за «рационализацию».

Чудачил Сенька и дома.

Однажды он целый месяц хозяйничал один: жена с детьми гостила у матери в деревне. И каждое утро перед тем как идти на работу, Сенька выходил на балкон с баяном и играл бодрые мелодии типа «Малиновки слышав голосок» или «Запрягайте, хлопцы, коней». А вечером с четвёртого этажа раздавались старинные вальсы или что-нибудь усыпляющее — «А я лягу, прилягу», «Снится мне деревня». А завершал всегда «Прощанием славянки». Когда вернулась жена, музицирование пришлось прекратить: Сенька знал крутой нрав своей супруги. Для неё главное — чтобы было всё как у людей. А Сенька так и норовил свернуть с наезженной колеи, оторваться от «стада». И сошла бы с рук ему игра на баяне с балкона, да соседка Нюра поговорила при встрече:

— Чё же это, Петровна, Сеня твой перестал нас песнями радовать? Шибко баско играет, душу выворачивает. Не то что музыка у молодёжи — стук да бряк.

Тем же разворотом Петровна поднялась к себе в квартиру. Сенька паял блёсенки, готовясь к зимнему подлёдному лову.

— Ну-ка рассказывай, что опять без меня отмочил? Что за концерты устраивал ты на балконе? Ну ладно первого апреля морочишь людям головы, но каждый-то день зачем себя шутом гороховым выставлять? Что ты меня позоришь? То в «классики» скачешь с малышняй, то футбол гоняешь. А сейчас концерты? С меня довольно! Чтобы сегодня же отнёс баян в гараж!

Перечить под горячую руку Сенька не стал. И баян к вечеру обрёл новую прописку.

...Так вот, глянул Сенька на свой музыкальный инструмент, и в голове его родилась идея.

— Мужики, денег у меня тоже нет. Но можно заработать. Вот он, кормилец, стоит. Через полчаса вернусь с пузырьём. Рынок-то рядышком, — и Сенька потянулся к баяну.

— Ты что на рынке собрался играть? Лихо! Тогда тебе надо сменить наряд, чтоб вызвать у людей жалость. И чтоб тебя не узнали. Сейчас я тебе парик принесу. В Новый год ребята мои напяливают его, дурачатся, — Валентин, потушив сигарету, встал с чурбака.

— А у меня чёрные очки есть. Слепой музыкант. Сразу разжалобишь народ, — Иван пошёл за очками.

Минут через десять Сенька в прожжённой телогрейке и рваных ботинках наяривал на баяне народные песни. Седой парик и тёмные очки сделали его неузнаваемым. Видавшая виды дедовская шляпа, лежащая у его ног, быстро наполнялась звонкой монетой и купюрами достоинством в 500 и 1000 рублей. Для провинциального Журавинска нищий музыкант в ту пору был в диковинку, и сердобольные русские люди не скупились на милостыню. Когда Сенька выгребал из шляпы заработок, торговавшая рядом женщина попросила:

— Дед, поиграй ещё! Ты народ заманиваешь, и у меня торговля бойчее пошла.

...Через полчаса Сенька, разливая по кружкам водку, хохотал:

— Самое прикольное, мужики, то, что среди подающих милостыню оказалась моя благоверная. Целую «штуку» положила в шляпу, не пожалела. Ну, думаю, расколет сейчас. Слава Богу, пронесло. Не узнала... Ну что, вздрогнем?

«Парле ву франсэ?..»

Ясным июльским вечером Сенька Горохов возвращался домой с фазенды. Купленный с рук «Урал» легко катил по полевой дороге, хотя ехали втроём: Сенька с женой и матерью.

Сенька сбавил газ, чтобы полюбоваться открывшейся за поворотом речной излучиной. «Блин, такая погода стоит рыбацкая, а тут ездить поливай помидоры, огурцы», — пронеслось у него в голове.

Дорога пошла на подъём. И Сенька добавил газу. Показалась окраина города. «А всё же мощная техника — „Урал“. Любую горку на четвёртой скорости берёт».

И только успел он мысленно произнести эту фразу, как раздался похожий на выстрел хлопок. Сенька нажал на тормоза. Встал, оглядел «Урал». Заднее колесо было спущенным. Прокол.

— Придётся вам до дому пешочком прогуляться. А я уж до гаража дотолкаю как-нибудь. Тут, слава Богу, рядышком. И под горку, — Сенька посмотрел в сторону коллективных гаражей до которых не дотянул метров семьсот.

В это время из проулка вышли двое мужчин. На обоих были светлые джинсы и кроссовки. Тот, что помладше, в зелёной футболке и с сигаретой в руке, что-то доказывал своему спутнику, под рубашкой которого слегка угадывалось брюшко. Было в манере их поведения, в жестах что-то необычное для здешних жителей.

— Сень, глянь. Похоже, не наши. Иностранцы. Прислушайся. Может, на французском говорят, — тронула его за рукав жена.

Здесь я немного отступлю. Дело в том, что в молодости Семён окончил иностранный факультет пединститута. В дипломе у него так и записано: «Преподаватель французского языка». Но по специальности он работал в школе только одну четверть. Больше не выдержал: никак не мог сладить с дисциплиной в классе. Бывало, на его уроках пацаны выпрыгивали в окно, разумеется, с первого этажа. Сенька глядел им вслед и вздыхал: «Эх, ребятки, а не сигануть ли и мне за вами в окно? Нет, школа не для меня». А шустрые шестиклашки, быстрёхонько раскусив систему школьной процентомании, утешали молодого учителя:

— Семён Иванович, не переживайте Вы за нас. Выучим — не выучим, Вы нам всё равно троечку поставите. Так ведь? Давайте лучше вместе сбежим в лес, Вы нам у костра песни французские попоёте.

Это было в начале семидесятых. В ту пору директора школ действительно требовали от преподавателей, чтобы в классах не было второгодников. А на иностранный язык вообще смотрели, как на ненужный, лишний предмет. И Сенька ушёл из школы. Хотя французский язык не разлюбил и, когда по приёмунику ловил Париж, в глазах его сквозила ностальгия по несбывшейся мечте. А мечтал он стать переводчиком. Да разве найдёшь такую работу в закрытом для иностранцев провинциальном городке? Это сейчас, в эпоху рестроечных реформ, иностранцы повалили и на Урал. Даже в их Журавинске образовалось совместное предприятие (СП) с французской фирмой на базе здешнего сталеплавильного завода. Правда, рабочие от этого сотрудничества никакой выгоды пока не почувствовали. Разве что директор завода да главный экономист, дети которых живут и учатся в Париже.

Можно было Сеньке попытаться устроиться переводчиком в это СП. Его даже приглашали. Но он закомплексовал, дескать, переза-

был всё за двадцать лет, да и столько терминов технических надо осваивать. Словом, струсил. «Я уж как-нибудь со своими карпушами на рыбучастке буду дорабатывать до пенсии. Они меня прекрасно понимают. И я их тоже».

Оживлённо разговаривая, мужчины подходили к мотоциклу. Сенька услышал характерное для французской речи грассированное «р». «Вот он, шанс, — поговорить с парижанами на их родном языке», — мелькнуло в Сенькиной голове, а в желудке что-то ёкнуло: а получится ли, не опозорюсь?

— Катюха, — шепнул Сенька жене, — а это ведь и впрямь французы! Сейчас я с ними малость потолкую.

В Сенькиных глазах запрыгал чертёнок.

Жена не успела и рта раскрыть, как Сенька, в сердцах пнув проколотое колесо, громко заговорил на французском языке:

— Parbleu! Qu'est que je dois faire `a present? Ce n'est pas la tragedie. Mais quand meme... (Чёрт возьми! И что же мне сейчас делать? Это не трагедия. Но всё-таки...)

Французы вплотную подошли к Сеньке.

— Est-ce que vous parlez français? (Вы говорите по-французски?) — округлил глаза старший.

— Et pourquoi pas? (Почему бы и нет?) — скромно ответил Сенька.

Они с минуту ошалело глядели на Сеньку.

Похоже, в этот миг французы начисто забыли свой родной язык. Как?! Этот русский мужичок в замасленной штормовке и кирзачах, с двухнедельной щетиной на лице (во время отпуска Сенька не брился) и изъясняется на приличном французском языке? И где? В глухой российской глубинке. Да... «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

Молодой француз хотел было даже ущипнуть Сеньку: не сон ли это, но тут заговорил француз постарше:

— Faisons connaissance, voulez - vous? Je m'appelle Michel Dupont. (Не желаете ли познакомиться? Меня зовут Мишель Дюпон).

Сенька пожал протянутую ладонь.

— Et moi, je suis Henri Piroulet (А я Анри Пидуле), — представился молодой.

(Далее для удобства читателей беседа изложена на русском языке.)

— Очень приятно. А меня зовут Семён Горохов. Это моя жена Екатерина. Катрин по-вашему. Моя мать Мария Ивановна.

Французы расшаркались перед дамами. А Мишель Дюпон даже поцеловал им ручки.

— Откуда Вы так хорошо владеете французским языком? — спросил Мишель.

— Насчёт хорошо это, конечно, комплимент. Я уже двадцать с лишним лет не говорил по-французски. А с живыми французами вообще впервые встретился. Так что прошу извинить за моё урало-парижское наречие. И ещё прошу вас говорить со мной помедленнее, — Сенька с трудом подбирал слова из бытовой лексики.

— Так приходите к нам по вечерам в гостиницу. Вам сейчас нужна разговорная практика, — предложил Анри.

— Спасибо за приглашение. Но сейчас мне надо докатить мотоцикл до гаража.

— Нет проблем. Мы Вам поможем. А может запаску поставить? — Анри ткнул пальцем в запасное колесо.

— Обойдётся без запаски. До гаража здесь рукой подать. Ну а если Вы не торопитесь, подтолкните, пожалуйста, — помогая себе жестами, произнёс Сенька, а про себя подумал: «Ничё, пусть буржуи в белых брючках потолкают мой „Урал“».

Екатерина, видимо, по Сенькиным жестам поняла, о чём просил французов муж, и стала возражать: мол, справимся своими силами. А сама незаметно показывала кулак Сеньке.

— Oh, mes femmes, c'est l'affaire des hommes. Allez a la maison. (О, женщины, это мужское дело. Идите домой.) — Сенька так вошёл в роль, что заговорил по-французски с женой и матерью, но быстро спохватился и уже по-русски продолжил: — Короче, дуйте домой. А ты, Катюша, дай мне полтинник на бензин.

«Знаю я на какой бензин тебе нужны деньги», — написано было на лице жены, но разыгрывать перед французами семейную драму не стала.

Получив от жены «аванс», Сенька обернулся к французам:

— Вперёд, господа!

По пути до гаража Сенька встретил Валентина. Продолжая толкать мотоцикл, он на ходу выпалил другу:

— Валентин, дело международной важности. Одна нога здесь, другая там. Да бодягу-то не бери. Валюта в кармане, — и он, не отрываясь от руля, указал глазами на левый карман своей штормовки.

Пока Сенька с французами добирался до гаража, пока втроём закатывали мотоцикл, подоспел Валентин.

На столе появились две бутылки «Русской» водки, банка тушёнки и булка чёрного хлеба.

— Месье, знакомьтесь. Это мой лучший друг Валентин, специ-

алист высочайшего класса, может с закрытыми глазами отрегулировать зажигание у любой техники.

Мишель Дюрон и Анри Пируле, представившись, обменялись с Валентином рукопожатиями. «Специалист высочайшего класса» ничего не понимая, тарашил глаза на Сеньку, который медленно, со скрипом выдавливал из себя какие-то непонятные слова. А тот, приглашая всех широким жестом к столу, продолжал на французском:

— Месье, я вам очень благодарен за то, что вы не оставили меня в беде. Поэтому предлагаю поднять тост за дружбу между народами Франции и России.

Мишель и Анри переглянулись. Им приходилось поднимать тосты и за дружбу, и за сотрудничество между двумя государствами, но это было в шикарных банкетных залах, в кругу бизнесменов и владельцев крупных предприятий. А тут — в тесном гараже, среди разбросанных по всем углам и полкам деталей и инструментов, где того и гляди зацепишься штаниной за какую-нибудь железяку.. Но, видимо, желание познать до конца эту непонятную русскую душу было так велико, что Мишель и Анри придвинулись к столу.

Сенька в один момент достал из овощной ямы трёхлитровую банку солёных огурцов.

За первый тост Сенька и Валентин опорожнили содержимое эмалированных кружек до дна. Французы только пригубили, но от закуски не отказались. Сенька снова разлил водку по кружкам.

— А теперь я хочу помянуть француза номер один Жака Ив Кусто, который умер совсем недавно, ровно девять дней назад. По русскому обычаю полагается выпить стоя и до дна. Добрый был человек, великий. В России любили его.

Мишель Дюпон и Анри Пируле, сражённые познаниями этого загадочного русского, за свою национальную гордость — знаменитого исследователя морей и океанов Кусто выпили до конца. А дальше пошло как по маслу. Из разговора выяснилось, что Мишель Дюпон неделю назад стал дедом. Само собой выпили за здоровье его маленькой внучки Сюзанны. Чтобы не оставаться в долгу, Мишель Дюпон поднял тост за гостеприимство русских. И совсем скоро Мишель Дюпон, руководитель фирмы по внешнеэкономическим связям, для Сеньки и Валентина стал просто Мишей. А Анри Пируле, ведущего специалиста фирмы в области новейших технологических разработок, они называли запросто Геной.

— Слушай, Сенья, по удочкам и спиннингу, которые вижу в твоём гараже, я понял, что ты увлекаешься рыбалкой. Я тоже рыбак. При-

езжай ко мне в гости. Дорога туда и обратно за мой счёт. Вместе порыбачим, — хлопал Сеньку по плечу повеселевший от водочки Анри Пируле.

— Спасибо, друг. У меня же где-то есть сушёные лещи, — Сенька вынул из подвешенного к потолку мешка связку сушёной рыбы. — Угощайтесь!

— К лещам-то бы пивко хорошо, — намекнул Валентин.

Сенька полез было в карман, но Мишель Дюпон жестом остановил его, достал пухлый бумажник и, порывшись, протянул Валентину столик.

Пиво и водочка совсем развязали языки мужикам: и хозяевам, и гостям. Словом, ужин проходил в «тёплой дружеской атмосфере». Они даже провели международную товарищескую встречу по армрестлингу.

Сеньке по возрасту подходил Мишель Дюпон. С ним он и состязался. Договорились считать победителем того, кто за три минуты возьмёт верх над соперником. Сдвинув локти, они по команде Анри начали поединок. Сенька сходу попытался пригнуть руку Мишеля к столешнице. Не тут-то было. Француз оказался крепким орешком. По весу Мишель явно превосходил Сеньку, но тот был жилистым, хватким. К тому же его не покидала мысль о том, что сейчас соревнуются не просто два человека, а два государства. Он не имел права проиграть, ведь на него сейчас смотрит вся Россия. Так рассуждал Сенька. А Мишель давил изо всех сил. Оставалось буквально два сантиметра, и Сенькин кулак коснулся бы поверхности стола. А это поражение. И тут Сенька почувствовал, будто с его рукой слились руки миллионов россиян. Неимоверным усилием воли Сенька вывел свою руку в вертикальное положение, а потом, уже на последних секундах, припечатал кулак Мишеля к столу. Победа! Грузный Мишель Дюпон долго не мог поверить, как щедедушному Сеньке удалось одержать верх.

У равных по комплекции Валентина и Анри поединок закончился боевой ничьей. Итак, общий счёт полтора на полочка в пользу Сеньки и Валентина. Снова выпили, благо повод был — за победу русских. Мишель оглядел Сенькин гараж.

— Сенья, а это что за музыкальный инструмент, похожий на наш аккордеон? Ты умеешь на нём играть? — Мишель указал рукой на стоящий на верстаке баян.

Сенька поставил его себе на колени.

— Это баян называется. Сыграть?

Вот когда содилось его участие в студенческой самодеятельности. В ту пору Сенька, представлявший на смотрах инфак, исполнял на

баяне французские песни. Для начала Сенька Мишелю и Анри сыграл и спел «Падает снег» из репертуара Сальвадоре Адамо. Французы обалдели: ну ладно, говорит на французском, но ещё и поёт?! А когда Сенька заиграл зажигательную мелодию «Славянской души» Далиды, французы пустились в пляс.

Потом Мишель попросил сыграть известную многим иностранцам «Калинку». Тут уж французы, сняв рубашки, вышли из гаража и стали приплясывать прямо на улице на виду у вышедших из частных домов жителей, в окружении вездесущих пацанов.

Глядя на пустившегося вприсядку Валентина, Мишель и Анри попытались сделать то же самое. Ну да разве угонишься за нашим русским мужиком, у которого от выпитого ноги сами идут в пляс? Шалишь, брат! Переплясать (равно как и перепить) русского мужика ещё никому из иностранцев не удавалось. Не та сноровка. Надо родиться в России, на русской земле, чтобы вместе с её соками впиталась в кровь и это безудержное веселье, и ядрёные частушки, и народная песня, озорная и грустная, от которой вся душа наизнанку выворачивается.

Нет, не угнаться французам за Валентином, не получилось у них вприсядку. Да и «перегрузились», видно. Сначала Мишель, а потом и Анри, споткнувшись, упали на пыльную от топота землю, чем вызвали смех глазевших на них журавинцев.

Когда Сенька предложил французам выпить на посошок, те были уже совсем «хорошие». Конечно, Сенька с Валентином не оставили их наедине со своими проблемами, не посрамили свой город: проводили гостей до самой гостиницы и чуть ли не спать их уложили.

...Наутро Сенька, потягиваясь в кровати, разлагольствовал:

— Слышь, Катрин, а не махнуть ли нам с тобой в оставшиеся от отпуска пару недель до Парижу? У меня и адрес где-то записан. Анри приглашает. И дорогу оплачивает. Вот только с оформлением заграничных паспортов маета будет. Вообще-то и некогда. Баню на фазенде надо доделывать. Не, не поедем.

Через неделю от своего знакомого, работающего в тесном контакте с представителями фирмы, Сенька узнал, что Мишель Дюпон и Анри Пируле на другой день после тех бурных посиделок в гараже не смогли в назначенное время придти на деловую встречу с руководителями СП из «Привода». Отлёживались. Вот тебе и французы! Куда им с нашими русскими мужиками тягаться!

Романтическое свидание

Сеньку Горохова, неисправимого романтика и непоседу, которому на днях перевалило за пятьдесят, достала семейная жизнь. Да заботила его своими придирами Катюха! «Опять газеты разбросал. Я за тебя их на место должна убирать? Нашёл уборщицу. Фу, накурился. Убирайся в ванную, зубы хоть почисти. Куда? На рыбалку? А ремонтом когда займёшься? Как в сарае уж живём! Кран на кухне протекает. Мужичкой работы по дому совсем не видишь. Всё подталкивать надо». И так далее, и тому подобное — в том же духе. А то ещё порой в гневе и тапочками домашними запустит.

«Ну кто сказал, что „в сорок пять баба ягодка опять“? Да язвы все они! Пилят и пилят. У Серёги такая же пила ржавая. Зудит и зудит», — размышлял Сенька, ворочаясь с боку на бок. Он глянул на разметающуюся во сне жену, откинувшую одеяло. «А ножки-то ещё ничё у моей...» — и коснулся ладонью гладкого Катюхиного колена.

Жена встревоженно открыла глаза. Нога скользнула под одеяло.

— Ну не злодей ли ты? Только так хорошо уснула. Чё тебе ещё надо?

— Кать, сама знаешь «чё»...

— У вас, кобелей, одно на уме. Спи давай! Устала я.

На другой день Горохов в обеденный перерыв заскочил в редакцию городской газеты, где работал его друг Серёга. Листая свежий номер, Сенька наткнулся на колонку объявлений под рубрикой «Служба знакомств». Писали в основном женщины. «Ишь мужиков им не хватает. Не бережёт нашего брата, а потом локти кусаете. А может, приколоться? Тиснуть объявление?» — и Сенька выложил свою мысль другу.

Вдвоём они и смастачили такое объявление:

«Спортивного вида мужчина пятидесяти с небольшим познакомится с ласковой, обаятельной, не лишённой юмора женщиной (дети не помеха) 35–50 лет.

О себе: материально обеспечен, пью три раза в году: в Рождество Христово, в День Парижской коммуны и в День Победы. Курю (лёгкие сигареты).

Увлечения: рыбалка, водный туризм, тихая охота, гитара, кроссворды, вязание (макrame). Любимый фильм — „Ворошиловский стрелок“, певица — Патрисия Каас.

Любимое блюдо — окрошка, но вообще в пище непритязательный. Отпуск провожу на Чусовой либо за рубежом, но обязательно на природе, в сельской местности, у реки.

Отдам предпочтение женщине, назначившей самое романтическое свидание.

Писать на адрес редакции абоненту О-13».

Через неделю Серёга позвонил Сеньке на работу:

— Привет, Дон Жуан! Загляни-ка сегодня. Да мешок захвати. Заваляли тебя жрицы любви посланиями. Может, и мне подкинешь подругу?

Письма Сенька читал вечером в гараже. Каких только дамочек ни оказалось в той солидной пачке! Писали и 40-летние, и 30-летние, с фото и без. А какая-то 25-летняя девица с фигурой Софи Лорен прислала цветную фотографию, на которой она в изящном мини-купальнике. У Сеньки аж дыхание перехватило: «Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую...» Он всё больше входил в азарт: «А может, и впрямь уйти в загул? Манная каша надоедает. Чего-то бы остренького перехватить... Да и один ведь раз живём».

Но по главному условию — романтическому свиданию — ни одна из претенденток Горохова не устраивала. Женщины предлагали встретиться в ресторане «Урал», в ночном клубе-боулинге «Икар», у себя на квартире при свечах. Правда, два письма он отложил: некто Жанна изъявила желание познакомиться на лыжной прогулке у трамплина, где и отметить Новый год под натуральной ёлкой. А Светлана зазывала в глухую деревушку, где у неё от родителей остался ладный бревенчатый дом с русской печью и полатями.

Сенька вскрыл последний конверт.

«Здравствуй, дорогой О-13!

Давно ищю свою вторую половинку. Прочла ваше объявление, и будто током пронзило: вот ведь мой желанный мужчина! Любопытно, что у нас и интересы совпадают. Я тоже люблю сплавляться, а за грибочками — только крикни меня. Немного играю на гитаре, пишу стихи. Любимый певец — Джо Дассен. Люблю и рыбачить, но больше зимой (летом из-за сада недосуг рыбалкой заниматься). Потому и предлагаю встретиться 31 декабря — у меня традиция такая — на нашем пруду, только не у „Сокола“, где всегда рыбаков полно, а напротив Белых камней: там я обычно ловлю. Меня узнаете по синей вязаной шапочке и зелёному шведскому шнеку.

До встречи. Елена.

Р. С. Мотыля можете не брать. Я купила: хватит на двоих».

«Ёлки зелёные! Так это же самое то! — воспарил Сенька. — Вот она, родная душа!»

Теперь оставалось отпроситься у Катюхи на рыбалку. Как ни странно, жена не стала устраивать сцену: «Ступай. Хоть мешать не будешь. Только без чекушки. А я с утра по магазинам да по рынку побегусь».

...Когда Сенька проснулся, жены уже не было: «Ну бабы! Хлебом не корми — дай оббежать все лавки».

К Белым камням Сенька подходил, едва стало рассветать. Но метрах в пятидесяти от берега уже можно было различить одинокую фигуру рыбака. Сенька пригляделся: синяя вязаная шапочка! Сердце его застучало кузнечным молотом «Ё-моё! Как на первом свидании. Аж ноги дрожат». С минуту постоял, унимая в груди волнение. Мягко ступая по снегу, подошёл к рыбачке сзади, нашарил за пазухой три гвоздички (накануне купил и спрятал в кладовке) и из-за плеча протянул цветы сидящей на рыбацком ящике женщине:

— Здравствуй, Елена Прекрасная!

Рыбачка обернулась:

— Здравствуй, Иванушка-дурачок!

На него смеющимися глазами взирала... его Катюха:

— Ну что, кобелино, попался? Ой, Сенька-Сенька, везде же за тобой догляд нужен.

Сенька, где стоял, там и сел в сугроб.

Немая сцена.

— А чё расселся-то? Бурись давай. Может, на новогодний пирог поймаем. Видишь, клюёт!

Возле Катюхиной лунки на снегу лежали пара добрых подлещиков и три красавца-окуня.

...Тот год у Сеньки с Катериной пролетел незаметно, словно мёдовый месяц.

МЕДВЕЖАТНИК. Юмореска

Широкие лыжи, подбитые лосиной шкурой, бесшумно скользили по снегу. Расставив капканы на зайцев, Фёдор решил сократить путь до трассы и махнул напрямик через Седое урочище.

Стоял солнечный морозный денёк. Молодой охотник с наслаждением вдыхал бодрящий воздух, который затем серебристыми куржавинками оседал на его бороде. Он её отпустил для солидности, чтобы хоть в этом походить на Петровича, маститого и известного в городе

охотника. Обходя валежину, Фёдор невольно притормозил. Взгляд его задержался на занесённом снегом корневище, из-под которого через небольшое отверстие в сугробе отчётливо струился парок. Фёдор сдвинул шапку на затылок: «Ё-моё! Да это же берлога! Вот он куда залёг».

...Дверь в кабинет председателя охотобщества нетерпеливо распахнулась.

— Семёныч, сколачивай бригаду! Топтыгина будем брать. Я только что из лесу. Берлогу нашёл! — забыв поздороваться, с ходу выпалил Фёдор.

— Погоди, не шебурши. Давай толком. Где? Чего?

— В Седом урочище, неподалёку от Назаровки. Наверняка тот самый, что по осени двух колхозных тёлочек задрал. Нагулял жирку и завалился. Брать его надо, Семёныч, брат!

— А ты уверен, что это берлога?

— Да голову даю на отсечение — самая настоящая берлога. И вход в неё, то бишь чело, явно угадывается, хоть и подзамело его снегом, и отдушинка есть, из которой пар идёт. Под валежиной он себе берлогу устроил. Да все приметы налицо. Чё резину-то тянуть? Труби сбор.

— Ладно, сегодня после работы к Петровичу заскочу. Обмозгуем. А вечером я тебе позвоню. Будь готов на всякий случай.

— Да я всегда готов! — чуть было по-пионерски не вскинул руку Фёдор.

На другой день три охотника с двумя собаками выехали утренним автобусом в сторону Кумыша. По лесу Фёдор шёл первым. Грудь его распирало от гордости. Ещё бы! Это он обнаружил берлогу, и сам Петрович идёт с ними. По пути охотники срубили крепкую сушину, с помощью которой предстояло разбудить медведя. Дойти до берлоги не составило труда, к ней их привела вчерашняя Фёдорова лыжня, которую ничуть не перемело: ночь выдалась тихой и бесснежной. Передохнули.

Петрович погладил свою Тайгу (с ней не раз доводилось ему брать медведя), пристально оглядел берлогу, к которой привёл их Фёдор. Лукавая усмешка запуталась в седой бороде Петровича:

— А что, Семёныч, доверим Фёдору поднять Топтыгина? Согласен, Федя? Ты нашёл берлогу — тебе и карты в руки. Дело ответственное, но, думаю, не подкачаешь. Да и пора все тонкости осваивать, сгодится. Тут главное — вовремя отскочить если что. Но ты пошустрее нас, получится. А мы с тобой, Семёныч, на номера встанем.

Петрович снял с плеча «тулку». Его примеру последовал и Семёныч, тот даже для пристрелки навёл свой «Зауэр» на берлогу.

— Давай, паря, бери шест и буди Михайлу. Сбоку от чела становись и начинай. С Богом! — уже с занятой позиции шепнул Петрович.

Переполненный охотничьим азартом и благодарностью к старшим товарищам, доверившим ему самое важное дело, Фёдор с сушиной в руках шагнул к берлоге. Он просунул шест в отверстие и стал двигать им в разных направлениях. «Вставай, Топтыгин!» — возбуждённый Фёдор не помнил, то ли вслух, то ли про себя сказал эти ритуальные слова. В предвкушении предстоящей схватки он не заметил, что Петрович так и не взвёл курки своей «Тулки». Не обратил внимания и на спокойное поведение Тайги и Тарзана.

Шест наткнулся на что-то мягкое, упругое... «Ага, попался! Однако и крепко же ты спишь». Фёдор надавил на шест посильнее. Тот ещё немного подался и упёрся в какую-то твердь. Никакой реакции. «Хозяин тайги», похоже, и не помышлял выбираться из тёплой берлоги на мороз.

— Федя, сунь ты ему варежку под нос, в момент учует!

— Выволакивай за загривок! Хватит ему дрыхнуть!

Только тут дошло до Фёдора, что попал впросак с этой берлогой. Вынул сушину. На ней поблескивала вода, а самый конец был перепачкан илом. То ли ручей, то ли родничок оказался под валежиной. Испарение от воды и принял он за дыхание зверя.

— Ну что, Федя, съел медведя? Да ты не горюй. Сегодня он тебя объегорил, завтра ты его. Какие твои годы! — утешал Семёныч, укладывая в чехол ружьё.

— Я ведь, паря, сразу смекнул, что берлога твоя пустая, — попыхивал Петрович ядрёной махоркой. — Во-первых, никогда в низинку медведь не заляжет. Во-вторых, чаще всего он устраивает себе берлогу с северной стороны дерева. Ну и собачка моя чтой-то не учуяла Мишку, не подала мне знак.

— А как же пар? Вон как валил!

— Пар, говоришь? А ты, Федюня, не замечал, когда по-большому сходишь, тоже пар валит? — раскатисто захохотал Семёныч.

— Пар из настоящей берлоги, Фёдор, не такого цвета. Он, как бы сказать, потеплее. Да покажу я тебе при случае.

— Петрович, что же ты тогда комедию-то устроил? «Бери шест, буди Михайлу...»

— Не сердчай, паря. Космонавт, прежде чем взлететь, на земле до седьмого пота тренируется. Вот и мы тебе тренировку устроили. Думаешь, я сразу медвежатником стал? А ты, между прочим, толково действовал. Неплохо для начала.

— Да уж, толково... — пробурчал Фёдор.

Обратной дорогой он шёл последним. Не радовали его ни искристый снег, ни румяное солнышко, ни сказочно разукрашенные деревья. А тут ещё мужики продолжают подтрунивать:

— Федя, рюкзак с медвежатиной, поди, тяжеловат стал? Давай подсоблю.

— На пельмешки-то пригласишь?

Терпел, терпел Фёдор да и сам рассмеялся. Весёлое настроение охотников передалось и лайкам, которые резвились на белоснежной лесной перине. Так, с шутками и прибаутками добрались охотники до трассы.

...А того медведя, что колхозных тёлочек задрал, они всё же через полторы недели взяли. Правда, берлогу обнаружил Петрович и, кстати, в том же Седом урочище. А вот уложил Топтыгина Фёдор (он в этот раз стоял на номере), причём с первого выстрела.

ИМПИЧМЕНТ. Юмореска

В канун Нового года начальник конструкторского бюро Степанов подозвал инженера-конструктора Ёлкина:

— Быть нынче тебе, Костя, Дедом Морозом. У тебя и борода натуральная, и фамилия самая что ни на есть новогодняя. Развезёте по квартирам подарки, детишек наших из заводоуправления поздравите. Снегурочкой будет Татьяна Русинова из техотдела.

...Первыми Дед Мороз и Снегурочка поздравляли Леночку и Димочку Степановых. Дети с удовольствием рассказывали стихи, пели песни. Димка потом осмелился потрогать бороду у Деда Мороза. Когда четырёхлетний мальчуган потянул роскошную русую бороду Ёлкина, тот непроизвольно дёрнул головой. И в руке у Димы остался клочок волос.

— Папа, а Дед Мороз настоящий. Не как в прошлом году. Тогда у него борода отвалилась, и я сразу узнал дядю Колю.

Дед Мороз, улыбаясь, поспешил вручить подарки детишкам, пожелал здоровья и веселья в Новом году и направился было уже к двери, но тут Степанов-старший загородил ему дорогу.

— Ёлкин, ты прирождённый Дед Мороз! У тебя здорово получается. Ну-ка, заглянем на кухню, — заговорщицки подмигнул Степанов.

Пока Снегурочка водила с детьми хоровод вокруг ёлки, начальник КБ угощал коньячком Деда Мороза, не забывая и себя. В квартире Серпантинных Дед Мороз после стихов и стопочки «Градуса» пустился с малышкой вприсядку — аж шуба заворачивалась. У Холодиловых Ёлкина почему-то так разжарило, что он плясал, скинув валенки. А в квартире Снегирёвых Ёлкин, закидывая наполовину опустевший мешок, смахнул им стоящую на трюмо хрустальную вазу. В коттедже, где проживал заместитель директора завода Позёмкин, Дед Мороз назвал его мать вылитой сказочной Бабой Ягой, за что и вручил ей подарок...

В одиннадцатом часу вечера Ёлкин, поддерживаемый с одного боку Снегурочкой, с другого — шофёром дядей Васей, поднимался на пятый этаж в своей хрущёвке.

— Зинуля, принимай гостей! С Новым годом! Всем шампанского!

Но Снегурочка с Васей, глянув на Зинулю, сверлящую глазами Деда Мороза, в бороде которого запутались остатки салата, сдали «багаж» и быстро ретировались.

— Ах ты дрянь такая! Налил шары да ещё и... шампанского!

Ёлкина втащила мужа в прихожую.

— Ну как ты выражаешься, дорогая? «Дрянь», «налил шары»... Зин, ты всё обидеть норовишь. Давай будем друг к другу толерантнее, то бишь терпимее.

— Чего? А вот этого не хочешь? — и увесистая ладонь жены так прилегла к его щеке, что борода очистилась от салата.

— Зин, давай выяснять наши отношения легитимным путём. А иначе я тебе объявлю импичмент.

— А ну марш в ванную и спать!

— Вот всегда ты так. Конечно, если генотип не гомозиготен, то и обструкция не адекватна.

— Ты у меня довыражаешься!

Утром Ёлкин проснулся на диване. Голова гудела. Стал вспоминать вчерашнее. Это ему удавалось с трудом. «Ну раз спал на раскладушке, значит, вчера с Зинулей был в „конфронтации“».

Он встал, добрёл до кухни, выпил из крана холодной воды. В это время зазвонил телефон.

— Ёлкин? Привет. Это Степанов. Вчера мне Танька Русинова звонила. Ну ты, Ёлкин, даёшь! Какой чёрт дёрнул тебя назвать мать Позёмкина Бабой Ягой? Тёщу бы ещё туда-сюда, но мать...

Ёлкину враз поплохело: «Во, блин, вяпался! Ну всё, теперь не миновать мне импичмента».

СТЕПАНЫЧ. Рассказ

Степаныч, ещё крепкий для своих 75 лет старик, тонул. И ничего не мог сделать, чтобы добраться до берега: слишком сильное было течение.

Всё началось с того, что задумал он отметить День Победы на родине предков, в деревне Макарихе! Тем более что с утра так заманчиво светило солнышко, так ласково шевелил ярко-зелёную листву юго-западный (рыбацкий!) ветерок. И Степаныч не выдержал, подкачал колеса своего верного «Урала», накопал червей в логу Гусиновки, где, сказывали старожилы, ловили хариусов (ныне берега её основательно загажены бытовыми отбросами), закинул за спину рюкзак — и вперёд. На выезде из микрорайона купил в «Салюте» чекушку «Пшеничной», колбасы и овсяного печенья.

Не сторонник быстрой езды, поскольку на скорости не углядишь всех красот природы, к Пономарёву мосту, где любил ловить пескарей, Степаныч подкатил только к полудню. Закинул велосипед в разросшийся на берегу Лысьвы ивняк, отвязал от рамы удочку и, развернув болотники, со всем бутором шагнул в воду: на левом, песчаном берегу лучше клевало, и Степаныч переходил здесь речку в брод. Метра четыре прошёл рыбак по каменистому дну, в сапоги вот-вот вода зальёт. Только сейчас он заметил, что уровень её несколько выше обычного. Степаныч вернулся на сушу, скинул с себя штормовку, брюки. Поглядел по сторонам и снял трусы («А чё мочить-то? Кто меня здесь видит?»). Он скидал всю одежду в рюкзак, подтянул его повыше, зацепив лямкой за лоб, и — в одной руке удочка, в другой болотники — снова шагнул в воду. Тут и перейти-то на тот берег — метров пятнадцать. Да не рассчитал, старый пень, что поднимись вода на 3—4 сантиметра — тяга на перекате в момент набирает мощь. В общем, не устоял на ногах Степаныч, понесло его бурное течение, как щепочку.

Пока рюкзак не намок, Степаныч за счёт него держался на струе, как поплавок. Мокрый же, потяжелевший, он стал топить его. Степаныч сдёрнул рюкзак с головы, успев с сожалением подумать: «А чекушка-то нераспечатой осталась...» Удочку и сапоги тоже выбросил — авось, где прильёт. Рыбак пробовал достать ногами дно — не тут-то было. Разве что сучком подводной коряги дёрнуло по правой ноге выше колена, ближе к паху. «Так и без родового корня можно остаться», — усмехнулся Степаныч.

Однако дело принимало серьёзный оборот. Не успевшая прогреться на солнце майская вода обжигала тело. «Так долго мне не

продержаться. Да хоть бы скорей к берегу струю-то прижало, — Степаныч оглядывал склонившиеся над водой черёмухи и ивы. — Неужели конец? Говорят, за миг до смерти вся жизнь пройдёт перед глазами...» И тут он ненароком хлебнул воды. На откашливание ушли последние силы. Старик, взмахнув рукой, скрылся под водой. И... увидел себя совсем маленьким.

...Петька бежал по пойменному лугу босиком, и все ноги пожелтели от пыльцы, сбитой им с купавок. Их в детстве называли колокольчиками. Имя же Петьке дал его отец Степан: «Быть наследнику Петрухой. В честь апостола Петра,покровителя рыбаков».

...И вот уже Пётр, выпустив из-под картуза кудрявый чуб, идёт вдоль единственной улицы Макарихи с гармошкой в руках, отыскивая глазами среди сидевших на скамейке девчат румянощёкую красавицу Нюрку.

«Вставай, страна огромная!..» — Едут в теплушках сибиряки и уральцы к фронту.

Первый бой. Петруха с винтовкой в руках занял в окопе оборонительную позицию, как приказал командир роты. Взрыв. Чёрно-голубым колоколом качнулось на него небо. Очнулся Пётр от тычка дулом автомата в спину: «Russischer Soldat! Aufstehen!*

И снова перестук вагонных колёс на стыках. Только теперь Пётр едет уже под конвоем.

Потом на машине до небольшого хутора под Берлином. Там у немецкого фермера вплоть до прихода советских воинов Пётр ухаживал за свиньями. Пытался бежать, но в него мёртвой хваткой вцепилась холёная овчарка хозяина, охранявшая русского батрака денно и нощно. Фермер Ганс подоспел вовремя: освободил пленника от собаки, но и работать заставил без передыху за побег.

Когда советские войска освободили хутор, Пётр, наконец-то увидевший своих, без утайки рассказал в особом отделе, как он, не успевший сделать ни единого выстрела, оказался контуженным в плену, как не удался побег.

Не знал тогда рядовой Черненко о приказе № 270 Верховного Главнокомандующего от 16 августа 1941 года, объявляющем советских солдат и офицеров, попавших в плен, изменниками Родины.

Это уже в годы перестройки, когда о многих вещах стали открыто писать и говорить вслух, Степаныч узнает, что в летнюю кампанию 1941 года в немецком плену окажется около 3 миллионов человек, что

* Русский солдат! Встать!

Россия с XIII века не знала таких поражений, как летом 1941-го, что общая цифра наших потерь в Великой Отечественной войне подступает к 47 миллионам, причём впервые в истории человечества мирного населения погибло больше, чем солдат на войне, что только в уличных боях в Берлине пали около 100 тысяч наших бойцов, хотя можно было сохранить их жизни, отказавшись от штурма.

«Достаточно было взять Берлин в кольцо, и он сам сдался бы через неделю-другую, — считал генерал армии А. Горбатов. — И Германия капитулировала бы неизбежно. А на штурме, в самый канун Победы мы положили не меньше ста тысяч солдат. А ведь они радовались — вот-вот домой...»

Обо всём этом Степаныч узнает из газет и толстых журналов позднее. А пока...

*«Соликамское небо опустило туманы.
Молодым арестантам ветры песню поют.
Мама, милая мама, что за дяди в бушлатах
В оцепленьи штыков всё идут и идут?»*

Если Петру не удалось сбежать от немецкого фермера, то побег из соликамских лагерей был более удачлив. А на него решился потому, что будучи южных кровей, не выдержал северных морозов, от которых не спасали промозглые бараки. Правда, в Кунгуре его задержали и увеличили срок отсидки.

Лишь по амнистии, в 1953 году вышел на свободу участник Великой Отечественной войны Пётр Степанович Черненко. Правда, удостоверения ветерана войны у него не имелось. Да он и не хлопотал о нём. «Жив остался и ладно!» И День Победы не считал поводом для веселья, словоблудия, маршей и здравниц. В этот день Степаныч поминал погибших на фронте воинов, просил прощения у женщин и детей, вовлечённых в военную мясорубку...

...Воздуха не хватало. В последний момент Степаныч подумал: «Стыдоба-то какая! Найдут меня, опухшего, синего, да ещё и голого...» Нежелание выглядеть таким перед живыми и придало ему силы. Степаныч оттолкнулся ото дна, и его вынесло на струю, упирающуюся на повороте в левый берег. Набрал полные лёгкие воздуха, он ухватился за набирающие цвет склонённые над водой ветви черёмухи...

С полчаса Степаныч отлёживался на берегу, не веря, что заново родился. После прошёл немного вверх по течению и в коряжнике,

в полуметре от поверхности воды, увидел свой рюкзак, зацепившийся за сучок.

...Разложенная на траве одежда быстро подсыхала. А чекушке ничего не сделалось. Степанычпил разбавленную слезами водку и, как младенец, шурился на солнце.

ИСПОВЕДЬ ДОБРОВОЛЬЦА. Очерк

Это было в воскресенье, 7 декабря 2014 года. Именно в этот выходной, свободный от лечебных процедур, я решил познакомиться с Симферополем, а заодно и купить подарки родне. Управившись, вернулся на железнодорожный вокзал, купил билет до Евпатории на вечернюю электричку. Её к перрону подали вовремя. Вагоны обшарпанные, с облезлой голубой краской, скамейки деревянные — очевидно, наследие Украины, занятой более политическими проблемами, нежели экономикой и транспортом. У нас, на Свердловской железной дороге, такого старья уже нет.

...По привычке сел в последний вагон. Едва выехали за город, начались картофельные участки, тянувшиеся вдоль железной дороги. На Урале сейчас это редкость, а в Крыму, где в году можно собрать двойной урожай, земля в цене.

Я глядел в окно и с аппетитом расправлялся с сухим пайком. Для большего удовольствия включил подаренный на день рождения плеер с записями песен из советских фильмов. В этот момент в вагон вошёл молодой человек без головного убора, в поношенной синей куртке и джинсах. Был он чуть выше среднего роста, широкоплеч. Про таких говорят — кряжистый. В его густых чёрных волосах свежим инеем высвечивала проседь. Парень сел в купе наискосок и прислушался к мелодии. Из плеера звучала песня из фильма «Белое солнце пустыни».

— Батя, а у тебя есть что-нибудь из «Семнадцати мгновений весны»? — спросил попутчик, как только Верещагин закончил петь.

— Есть.

Я пощёлкал кнопкой, и в вагон ворвалось задушевное: «Не думай о секундах свысока...» Смотрю, а у парня кулаки сжимаются. А они у него: один — два моих вместе. Оглянулся, а в вагоне кроме нас — никого. Тут я, по правде, оробел: пригладит сейчас своим кулачищем — и прощай моя музыкальная с мигающей подсветкой шкатулка: вид-

но, понравилась она ему, вон как поглядывает. Не перейти ли, думаю, в другой, не пустой вагон. Это желание ещё более усилилось, когда парень, прослушав Кобзона, вдруг неожиданно попросил:

— Батя, купи мобильник. С двумя симками за пару сотен отдам. У меня есть банковская карта, да снять деньги нигде не успел. А ещё от Евпатории полста километров ехать надо.

Я объяснил, что поистратился на подарки и такой суммой не располагаю. Разве что от сухого пайка пара бутербродов с сыром остались да полбутылки лимонада. И предложил молодому человеку перекусить.

— Ты знаешь, батя, не откажусь.

Подкрепившись, парень поблагодарил и снова глянул на плеер:

— А что-нибудь наподобие «Мгновений» найдётся?

Включаю любимого мной Окуджаву: «С войной покончили мы счёты. Бери шинель, пошли домой...» Сам же посматриваю на попутчика. А у того по щеке вдруг покатила... крупная слеза. Почувствовав, что я заметил его слабость, парень заговорил:

— Извини, батя. До слёз проняла песня. Я ведь домой еду. К матери. И не знаю, как сказать, что её любимой Галюсеньки не стало...

Я вопросительно глянул на собеседника. А ему, видимо, надо было выговориться. Так бывает со случайными пассажирами в поезде, когда хочется излить кому-то душу. И Егор — так зовут парня — продолжил исповедь, то оставаясь в своём прошлом, то нехотя возвращаясь в настоящее:

— Я ведь из Донецка еду. Ополченцам помогал. Как вышло-то? — Егор, глянув в окно, на секунду задумался. — Мне 42 года. Сибиряк. С Алтая, кулундинские степи — родина моя. Если бы не такие крутые повороты в судьбе, да и в стране тоже, я бы и сейчас работал комбайнёром, хлеб выращивал: механизатор широкого профиля — моя гражданская специальность. Похоже, родители в хлеборобы меня и пророчили, коли Егором нарекли. Пахарь, земледелец — так переводится моё имя? А тут армия. Служил в ВДВ. Воевал в первую Чеченскую. Там и познал, что такое настоящее фронтовое братство. Наверно, поэтому по контракту и остался в армии. Долго не женился. А потом как-то оказался на соревнованиях по биатлону и заметил там девушку — симпатичную, миниатюрную, как Дюймовочка. Но боевая, задорная — огонь-девка! Раньше, батя, я ни в любовь с первого взгляда, ни в две половинки не верил. Считал, всё это придумки романтиков. А увидел Галку и голову потерял. Видно, и я ей приглянулся. Нам так не хотелось расставаться, что со свадьбой не

стали тянуть. Галина на десять лет меня моложе была... Моя мама любила невестушку, как родную дочь. Галюсенька да Галюсенька — иначе и не называла. И жить бы нам да поживать, да как-то засоби-ралась моя жёнушка проведать своего отца. Ну и поехали мы вместе к нему в Донецк. Прикатили, а там — ё-моё! — резня. Не на жизнь, а на смерть. Смотрю, гибнут молодые ребята-ополченцы, мирных жителей убивают. Надо, говорю Галке, подсобить защитникам До-нецка. А ты оставайся у отца. Мой Галчонок ни в какую: дескать, с тобой воевать пойду, стрелять умею: я ведь биатлонистка, в снайпе-ры точно возьмут. Сколько её ни удерживал, она от меня ни на шаг: «Егорушка, мы же с тобой никогда не разлучались. Мне без тебя со-всем плохо будет».

Как я сейчас, батя, ругаю себя за то, что не настоял на своём...

В общем, пошли мы в штаб ополчения. Мне — я же старший лей-тенант с опытом Чеченской войны — сразу роту дали, молодняк в основном. Галка за пару дней освоила снайперскую винтовку, а на третий — это было в Волновахском районе, близ посёлка Приволь-ное — мы уже выступили на позиции. Обустроил я в засаде, как поло-жено, мою снайпершу. Поцеловались. И я направился к своим ребя-там. Метров десять и отошёл-то всего. Оглянулся. И представляешь, на моих глазах прямое попадание «Града» туда, где находилась моя жена... Прости, батя, не могу больше... Передых надо сделать. Пой-дём курнём в танбуре.

...Под перестук вагонных колёс мы молча выкурили по сигарете. Егор тут же достал вторую, размял и, забыв прикурить, снова загово-рил:

— Лучше бы меня той миной накрыло. Я-то легко отделался: две дырки в теле да пару пальцев на правой ноге срезало. А Галинку, мою половинку, ребята по кусочкам собирали...

Здесь и у меня заморились глаза...

А Егор медленно, подбирая слова, продолжал:

— Ни единого выстрела по врагу не успела сделать. А может и к лучшему: безгрешной, чистой осталась её душа... Самое жуткое, батя, — ведь тем взрывом две жизни унесло... В её походном рюкзач-ке после я нашёл записку: «Егорушка, родненький мой, у нас с тобой будет сынок. А может, дочка. Пока не знаю. Ты рад? Извини, что не сказала о беременности раньше. Но ведь скажи — так ты бы меня точ-но с собой не взял в отряд. А я ни минуточки не могу без тебя, мой любимый. Целую. Твоя Галка». И дата: «30 апреля 2014 года». А на-утро, 1 мая, в День международной солидарности трудящихся, её не

стало, — Егор чиркнул зажигалкой и жадно затянулся. — Здесь, на Украине, для моей родни какое-то роковое место... Тут же неподалёку, при освобождении Славянска погиб мой дед-фронтовик, участник Великой Отечественной... Но он-то знал, против кого и за что воевал. А сегодня на этой гнусной войне брат на брата идёт. Ведь вполне возможно, что мою Галку из «Града» угробил её двоюродный брат Семён, оголтелый бандеровец. Он во Львове жил, а как началась заваруха, ушёл с нацистами сепаратистов усмирять. Об этом Галин отец рассказывал. Ты вот, батя, говорил, что собрался в Донбасс, своими глазами все увидеть и рассказать в газете. Мой совет как вояки, прошедшего две войны: выброси эту затею из головы. Не лезь в пекло. Ничего там хорошего: кровь да смерть. И не наша это война, не наша. Лучше внуков на ноги поднимай.

...Электричка скрипнула тормозами: Евпатория. Мы вышли на перрон и зашагали к автовокзалу. В ожидании автобусов ещё раз закурили.

Смеркалось. Егор всё оглядывался, будто кого выискивал в многолюдной толпе прохожих.

— Ждётся кого-то?

— Извини, батя. Я, наверно, с ума схожу. Да Галку свою выглядываю, вдруг увижу мою милую Дюймовочку, мою всегда улыбающуюся девочку... До сих пор не могу поверить, что её больше нет... Мать же не пустит меня без неё... У меня два пути, когда приеду домой: или сопьюсь, или через день-другой укачу обратно в Донецк к ребятам-ополченцам. Мы ж теперь как одна семья. Наверняка и комбат Петрович меня поджидает. Ему шестьдесят девять лет. Сколько мы ему говорили: «Уезжал бы ты, Петрович, домой. Ждут ведь тебя жена, дети, внуки». Он только и скажет: «А вас, сынки, на кого я брошу?»

В это время показался мой автобус до Заозёрного.

— Егор, а ты на каком едешь?

— На перекладных доберусь как-нибудь.

Я, пошарив по карманам, нашёл сто рублей с мелочью. Копейки оставил себе, а стольник протянул Егору. Он крепко, при людях, по-медвежьи обнял меня:

— Спасибо, батя. Спасибо, родной. Теперь и на автобусе доеду, по-человечески. Извини, может, что лишнее наговорил. Спасибо, что выслушал. У меня вроде на душе чуть просветлело. И не вздумай, батя, в Донбасс укатить. Слышишь?

...Я подъезжал к санаторию, а в ушах почему-то всё ещё звучала окуджавинская мелодия:

*Мы все войны шальные дети —
И генерал, и рядовой...*

Р. С. До сей поры жалею, что, до глубины души тронутый рассказом попутчика, не спросил ни фамилию его, ни адрес, ни телефон... Где ты сейчас, Егор? Да хранит тебя Бог.

АВТОР О КОЛЛЕГАХ

Валентин Курбатов: «Мы забыли слово «долг». Интервью

На прошлой неделе (Октябрь 1999 года. — *Прим. ред.*) в Чусовом побывал Валентин Курбатов, «лучший критик наших дней», как считает «Литературная Россия», лауреат премии имени Л. Н. Толстого, секретарь правления Союза писателей России. Так его называют в литературных кругах. А в жизни это скромнейший, совестливейший человек, «скупающий по Арининой горе, по баньке, по вечерам у постниковского камина», по уральскому городу Чусовой, где прошло его детство. Наш корреспондент (Газета «Чусовской металлург». — *Прим. ред.*) встретился с Валентином Яковлевичем на «Огоньке» в крестьянской избе, в которой, кстати, в числе экспонатов находятся и старинный буфет писателя, и самодельный настенный ковер, сотканный его матерью. Так что он был здесь как у себя дома. Валентин Яковлевич охотно согласился дать интервью нашей газете, которое мы и предлагаем читателям.

— *Что Вас привело в Чусовой? Какие-то перемены заметили в нём?*

— Не успел заметить, потому что ночью ехал. В музее, естественно, перемены огромные. Меня каждый раз поражает, сколько может сделать один человек! Хорошо бы, если кто-нибудь ещё помогал Леонарду Дмитриевичу. А сам я приехал, потому что не был здесь три года. За это время похоронил маму, она умерла два года назад. С её могилки привёз сюда землю, а с папенькиной увезу туда...

— *Что ещё в Вашей программе по Чусовому?*

— Никакой программы нет. Увидеть Леонарда Дмитриевича, побыть, посмотреть его детище, на себя в музейном зеркале. Это ведь неожиданное зрелище, когда видишь себя со стороны. Ну с какой стати ты тут? Что за Бог? Оглядываешься и находишь, что поводов-то не шибко много. И начинаешь спрашивать с себя сразу в десять раз больше.

— *Вы знаете и лично знакомы со многими писателями России. В наше нелёгкое, смутное время есть среди них такие, кто словом может спасти Отечество?*

— Тяжёлый вопрос. Конечно, чусовляне сразу скажут — Виктор Петрович Астафьев. На самом деле, я думаю, не он один, хотя его слово очень значимо на сегодняшний час. Но я бы первым назвал Валентина Григорьевича Распутина. Потому что это явление само по себе чрезвычайное. Его молчание может быть громоподобным. Его молчание — укор всему, что происходит сегодня. А всякое слово в его рассказах «Изба», «В свою землю» настолько бережное, осмотрительное, взвешенное, где ты чувствуешь, что человек понимает, что он живёт посреди какой-то новой России, где надо каждое слово выбирать и десятки раз взвешивать, прежде чем произнести — так сильно требует этого реальность. Оттого он и молчит так долго. Сегодня художник не может быть, странно сказать, свободен, когда царство свободы кругом. Он должен постоянно себя держать в узде, каждую минуту. Только тогда он есть. Сегодня у него роль совсем другая. Появились и новые ребята, которые иначе живут, иначе думают. Они, конечно, не собираются брать на себя титул большого художника. Может, и хорошо, что на художника не возлагается такая большая роль. Слава Богу, есть у нас и институт церкви. Прежде литература выполняла роль церкви. И это началось не с семнадцатого года. Очевидно, где-то с середины девятнадцатого столетия, может, с Николая Васильевича Гоголя. Литература создала эту грозную ответственность, взяла на себя миссию исповедницы и проповедницы российской. Почему с такой жадностью читают на Западе Толстого и Достоевского? Потому что чувствуют эту могущественную проповедническую стихию русской литературы. К сожалению, сегодня мы возвращены к слову в его уличном понимании. Сейчас стилистов, конечно, необычайное количество, настоящих виртуозных стилистов, умеющих написать, только не знающих что. Хотя есть для меня дорогой писатель Юрий Буйда из Калининграда. В нём то же самое чувство совестливости, чувство бережности к миру. Но пока таких ребят мало.

— *Валентин Яковлевич, к Вашему слову люди прислушиваются. Сейчас такой разброд в умах. К тому же в разгаре предвыборная гонка. Что Вы посоветуете чусовлянам?*

— Думаю, надо как можно меньше читать газет, как можно меньше смотреть телевизор, не слушать радио. Кроме музыкальных программ. Придёт час, когда люди сами разберутся во всём. То, что сейчас происходит в России, это безнравственно, позорно. Жить в этот период стыдно, а в пору избирательной кампании просто невозможно.

— *Свобода, любовь, семья, служение Отечеству. В какой последовательности Вы бы для себя расставили эти понятия?*

— Я бы свободу совершенно выбросил из этого списка. Не наше это слово — свобода. Была воля у русского человека. Это покуражиться, удаль показать. Если бы мне пришлось переводить на русский язык французские *egalite*, *fraternite* и как там ещё?

— *Liberte.*

— Да. Свобода, равенство и братство, к чему все стремятся. Так я бы их перевёл, как самодержавие, православие, народность. И слову свобода там нет места.

— *Что Вас более всего раздражает в жизни?*

— Вот свобода и раздражает. Мы сегодня исповедуем христианство, православие, где одним из главных церковных слов является послушание. На нём держатся монастыри, кстати, и коммунизм тоже. Когда вместо послушания в России присутствует свобода, она кончается произволом, где каждый толкует свободу по-своему и подгибает её под себя. В результате остаётся ровно ничего — нравственное пепелище. Все забыли слово «долг».

Права свои помнит каждый и настаивает на них, забывая, что главное право у человека — долг перед домом, семьёй, миром. Вот когда слово «долг» будет начертано в человеческой душе पहले, чем слово «право», тогда можно говорить о настоящей свободе. Меня порой спрашивают, что бы я взял с собой на необитаемый остров? Взял бы хрестоматию русской литературы, где всего понемножку, а фактически это переложение десяти божьих заповедей в более понятном изложении. И если бы слушали их, этого было бы довольно.

— *Какое ощущение Вам бы хотелось ещё раз испытать?*

— Каждый хочет вернуться в молодость, в детство. Я тоже иногда молю Всевышнего: ну хоть на минутку верни меня в детство, но таким же башковитым, как сейчас. Но Господь разумен — нет уж, миленький, на таких условиях я тебя туда не пушу. Мало ли что ты там успеешь понаделать? Возвратись таким же дураком, каким был,

и будешь подлинно счастлив. А так лучшие чувства — эта безмятежность, эти кратчайшие мгновения из детства, хоть и тяжёлого — были здесь, в Чусовом.

Я же на Больничной горе вырос. Прихожу, а она ничем не переменялась. Кажется, скажи: «Отомри!», и люди, замершие в 1957 году, пойдут с того же места. Всё там такое же — и девятая школа, и третий магазин на неизменном месте. И даже те самые окурки, которые я когда-то собирал у железной дороги. Меня этими окурками Виктор Петрович «достал». В 1974-м был у него юбилей — пятидесятилетие. Вот на этом юбилее Астафьев и подходит ко мне: «А не тебя ли я, брат, видел у третьего магазина в 1948 году, собиравшего окурки вдоль железной дороги?»

Я был тогда с напёрсток, самый маленький в классе. А тут стою перед ним такой, как сейчас, и бородёнка на месте. Я думаю, Господи, как, что это? А Астафьева я прежде не читал. Ну что может написать мужик в Чусовом, работающий в городской газете, мужик, который ходит мимо меня за квасом? Ну выступил он у нас в школе, когда я в девятом классе учился. Потом я уже и институт окончил и сам пописывал, а Астафьева всё не читал. И вот он меня узнал. Я был поражён. Вечером пришёл к товарищу: «Юра, дай мне почитать этого мужика, у которого такая замечательная память». Он дал мне рассказ «Ясным ли днём». Я проплакал над ним всю ночь, захлебнулся слезами. Это ослепительный рассказ такой нежной красоты. На другой день повалился в ноги Виктору Петровичу — не погуби, кормилец, так ведь мог всю жизнь пробегать, не прочитав. А он смеётся: «Учить вас, дураков, надо. Смотри у меня». С той поры мы неразлучны с ним вот уже более двадцати лет.

— *У Вас есть любимый афоризм?*

— Нету. Считаю, что афоризм — форма отвратительнейшая. Всякая блестяще выраженная мысль — надругательство над правдой. Потому что правда всегда шире, пространственнее. И не надо её заковывать в блестящую форму. «Человек создан для счастья, как птица для полёта». Позвольте возразить. Может, ещё для чего-то создан человек? И так во всяком афоризме. Иначе сборник афоризмов являлся бы равным Евангелию.

— *Ваше самое нелюбимое занятие?*

— Литературная критика. (Смеётся)

— *А самое любимое?*

— Лошадки — мое любимое занятие. Люблю погарцевать в отъезжих полях. В теннис играю, двадцать с лишним лет бегаю по корту.

А то давно бы умер от сердечных болей, от всего на свете. С Леонардом Дмитриевичем реки все переплываем, какие попадутся. Это и спасает, это и воскрешает.

— *Ваше любимое время года?*

— Зима, наверное. Это от тоски по детству. Потому что в Пскове у нас редко перепадает ядрёная зима. К тому же зимой можно посвятить себя духовным устоям. Это Великий пост, благословеннейшее время собранности, внутренней порядочности.

— *Спасибо, Валентин Яковлевич. Отдохновения Вам на Чусовской земле. И всего самого доброго.*

*Беседовал Геннадий Вершинин,
«Чусовской металлург» от 28 октября 1999 года*

Наш поэт. Очерк

«Поэзия — это от Вышнего Промысла»

Летом 2004 года я гостил в селе Григорьевском Нытвенского района. Рыбачил, за грибами ходил, загорал, купался. Погрустил у дедушкиного дома, что на улице Ленина, 1.

Всё моё босоное детство было связано с этим милым приветливым домом, с широкими полатами, на которые мы, ребятыня, набегавшись на морозе, взгромождались и, разомлев от жара русской печи, так любили слушать бабушкины и дедушкины рассказы про раньше. А теперь я его, с перелицованным фасадом и переделанным крыльчком, с трудом узнавал... Новые хозяева срубили в палисаднике большую кудрявую берёзу. На неё мои двоюродные братья Толька, Витька и я залезали прямо с покатою, покрытой тёсом крыши. В огороде, на задах, не стало и раскидистых рябин. В их тени на скамейке в летний зной любил отдыхать дедушка. Он порой на ней и засыпал.

С болью в сердце, будто с похорон самого верного и надёжного друга детства, я медленно уходил от дедушкиного дома. Моя печаль не ускользнула от двоюродной сестры Елены. И она, зная о моём пристрастии к поэзии, дабы развеять меня, предложила:

— С поэтом хочешь встретиться? Живёт рядышком — в Постановгах. Это всего в 14 километрах от нас. Миша свозит на мотоцикле.

С творчеством Валерия Возженникова я уже был немного знаком. Мне нравились его лишённые вычурности искренние стихи о природе, где «таких яблонь нету, лишь в Господнем саду», о деревне, с которой «начинается наша Русь», о женщине, для которой «летят и танцуют снежинки танец маленьких лебедей». Стихи стихами, но увидеть живую настоящего поэта — совсем другое дело.

И уже на другой день Валерий Леонидович угощал меня свежими огурчиками и пельменями. Так запросто, непринуждённо принял, будто знакомы были тысячу лет. Мы славно поговорили о жизни, литературе, обменялись своими книгами. Завязалась переписка.

Однажды я попросил Возженникова как опытного и известного в Прикамье поэта написать что-то вроде напутствия-пожелания моим лысьвенским друзьям из городского литературного объединения «Родник», у истоков которого стоял автор этих строк. Это было как раз накануне юбилея «Родника». Валерий Леонидович не замедлил откликнуться. Приведу его письмо полностью, поскольку оно по сути адресовано всем начинающим поэтам.

«Дорогой Гена! Поздравляю с юбилеем ваше литобъединение „Родник“. Поздравляет вас и Нытвенское литобъединение „Родник“ в лице его руководителя Ивана Григорьевича Игнатьева. Какие животворящие имена-тёзки у наших поэтических клубов! Однако озадачил ты меня своим предложением высказаться по поводу юбилея. Ладно, попытаюсь.

Будь моя воля, я бы всем литобъединенцам приладил особые курсантские погоны: небесно-голубые, с изображением белого ангела в золотом сиянии. Потому как убеждён, что литература, тем паче поэзия — всё это от Вышнего Промысла. А поскольку звание моё не выше курсантского (профессионалом-то я себя не считаю), то и советовать что-либо другим не могу. Себе — другое дело.

Так вот, лирик Валерик, прежде чем через своё я обратиться к читателям, вспомни строки Петра Градова: „Все говорят, что нефти не хватает, а не хватает в мире — доброты“. Вот от этой печки и пляши... А не то получишь от чёрта чёрный диплом с отличием.

Не жалуйся на свой малый словарный запас, хотя и пополняй его. „Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...“ Это ли не шедевр образности?! А ведь составлен он из слов, которые по отдельности знает каждый первоклассник.

Перефразируй чуток Николая Бурашника — и получишь то, что надо:

*Только интересен нам поэт,
А до эрудита нам и дела нет.*

К свободному полёту души и пера относись настороженно. Не духовная ли прелесть тебя носит? Не возомнил ли ты себя полпредом Творца в поэзии? Бывало, бывало с тобой такое: писал обо всём и ни о чём. А настоящие, добрые и Богу угодные стихи пишутся трудно, ибо там, где свет души, всегда вьются силы тёмные, в прямую обязанность которых входит уничтожение чистого вдохновения в самом зародыше. И будут эти силы биться до полной победы или до полного поражения.

Если показалось тебе, что из-под пера блеснул нетварный лучик, не приговаривай: „Ай да сукин сын! Ай да сукин кот!“ Это тебя Господь пожалел. Поклонись ему!

Но вот опять не пишется. Не отчаивайся. Пили-строгай!.. Помнишь, когда ты сделал грабли, образ всё-таки показал свой любопытный нос, а потом и весь высунулся из мирового хаоса. И ты успел его, неуловимого, словить. Грабли помогли.

Только не пей, сердешный. „Быть может, истина на дне, да только дна-то нету“. Помни об этом откровении Юрия Маркова. И ещё. Будь готов к любой критике. Относись к ней философски. Больше остерегайся похвал, чем разноса... Разнесли же когда-то по всем планкам и кнопочкам знаменитую «Одинокую гармонь» Исаковско-го, а она до сих пор поёт.

Ох, как мало ты написал! Не стыдись этого. Следуя русской классической традиции, много не напишешь. Ведь надо так ступить в след классика, чтоб замечен был твой отпечаток... Тут шибко не разгонишься.

Да ты ещё провинциал. А уж им-то сам Бог велел писать лучше столичных. Если даже будешь на равных, не просияешь... Что поде-лаешь, закон предвзятости.

Кстати, с какого дуба ты свалился, дурачок? Помни, что с пушкинского... Не забывай и других учителей: Никитина, Есенина, Твардовского, Астафьева (в прозе, а какая поэзия!)... Почитай их, как родителей. Глядишь, и помолятся за тебя, грешного, перед главным Творцом.

Вот такую памятку я сам себе составил, Геннадий. Бог даст, продолжим разговор.

Обнимаю. Твой Валерий.
Январь 2005 года».

Земляника со сливками...

— Здравствуйте. Вы не подскажете, где живёт Валерий Леонидович Возженников? — спросил вышедшую из сельского магазина женщину.

— Здравствуйте. Вот по этой улице всё прямо. А как ложок перейдёте — дом его второй и будет. На левой стороне. К нашему поэту в гости? — в голосе женщины явно угадывалась гордость за земляка-писателя.

И спустя полчаса мы уже сидим в уютной кухне деревянного дома, у крыльца которого пламенела калина красная: не всю её ещё обклевали птицы, словно чувствуют — вдруг певцу уральского края спелая ягода подарит какой-либо поэтический образ. От скворчавшей на сковородке глазуньи, от стоящей на столе тарелки с квашеной капустой Возженниковского засола во рту скапливалась слюна. А может и от ещё непечатой чекушечки?

— Хорошо, Гена, что ты сегодня с ночевой. А то приедешь к своей родне в Григорьевское, а ко мне в Постановги на часик-полтора и заскочишь только.

Потерявший полтора года назад жену Валерий Леонидович, из-за недугов ныне редко выезжающий в Пермь, искренне рад навещающим его собратям по перу. С воспоминаний об одном из них и началась наша беседа.

— Каким чутьём я почувствовал, что Миша Смородинов умирает, не знаю. Но с утра сбегал за околицу, насобирал земляники, у соседей взял сливок. Добрался до Юрши, где он жил на 16-м этаже. Захожу — Миша лежит. Вера его растормошила, спрашивает, узнали, кто приехал. Он глаза приоткрыл, кивнул, дескать, узнал. Мы пожали друг другу руки. Правда, совсем слабенькое у него рукопожатие уже было. «Миша, будешь земляничку? Со сливками?» Подбородком кивает: «Да». Вера приподняла его, размешала землянику. Три чайные ложечки он проглотил и снова лёг. Под вечер я уехал, а утром он умер. Отведал перед смертью постановоговской земляники и ушёл...

Такой ещё случай. Принимали меня в Перми в Союз писателей. Просят прочесть свои стихи. Встал и... не могу вспомнить ни одной строчки. Хотя до этого помнил и свои стихи, и чужие. А тут стою, как столб, растерялся. Тогда Миша поднялся и прочитал целый цикл моих стихов. Причём не только тексте, но и в интонации он не сделал ни одной ошибки. Не менее двадцати стихотворений — они у меня

в основном короткие — прочитал Миша комиссии. И Быкова, третий секретарь обкома партии, присутствовавшая на заседании, сказала: «Если стихи автора знают наизусть другие, надо принимать его в Союз». Вот так меня выручил Миша.

— Валера, можно я диктофон включу? Если что-то родится, перед публикацией дам перечесть.

Леонидыч махнул рукой, и мы поехали дальше.

Предзимним вечером

— Вот за окном самое настоящее предзимье. Нравится мне это слово. Я много раз задумывался, почему почти ни у одного поэта нет стихотворения о предзимье. Это пробел в русской литературе. Есть в стихах весна, осень, зима. А про бабье лето вообще тысячи стихов написаны. Так вот, Гена, я желаю тебе и себе, чтобы в нашем творчестве присутствовало предзимье.

— А может, из-за того обходят стороной это время года, что оно ассоциируется с закатом жизни?

— Кто его знает? Может и впрямь срабатывает инстинкт самосохранения человека. Ведь предзимье — это же опустошение сил. А слово и мысль материальны. Но если исходить из рязановского утверждения о том, что «у природы нет плохой погоды», то и предзимье заслуживает быть отражённым в литературе.

— Тут мы Михаила Смородинова хорошо помянули. А кто из пермских поэтов тебе ещё близок? Погоди. Хочешь отгадаю? Алексей Решетов? Очень уж у него ёмкие, образные стихи!

— Понимаешь, Решетов — отдельная поэтическая страна, явление, не побоюсь сказать, мировой культуры. Однако этого поэта надо оценивать не столько по масштабу, размеру стиха и ёмкости, сколько по компрессии чувства и мысли. В этом равных ему я не знаю. Вишневский? Так ведь у него слабое давление в строке, почти нет горючей смеси, напряжённости драматизма. Поэтому вместо мгновенной вспышки получается в одной-двух строчках затянутый по восприятию пшик. Но не в этом суть.

Не надо, помня о библейской заповеди, делать из Решетова кумира. Особенно начинающим авторам. Даже гений из гениев порой не может сказать ярче и образнее, чем какой-нибудь паренёк из деревни Тыковки. Если, конечно, не окумирится. Это тоже относится к закономерностям поэзии. Вся прелесть в самобытности и своеобразии

автора, точнее, его судьбы. Как-то Алексей Леонидович, почуяв, видимо, во мне червь неполноценности, утешил меня: «Да не молись ты на классиков. Все мы пишем одно стихотворение об одном и том же». — «О смысле жизни?» — спросил я. В знак согласия Решетов улыбнулся. Поэтов надо просто любить, а не возносить их до небожителей.

— Валерий Леонидович, почему, на твой взгляд, уходят из моды поэмы, сюжетные стихи? Сколько поколений воспитывалось на поэмах Твардовского, я уж не говорю о Пушкине. А ныне какой сборник, журнал ни открой — авангард, рифмованные философские размышлизмы, словом, стихи с претензией на элитное чтение.

— Тут, видимо, дело в утрате традиций как в русской поэзии, так и в прозе. Возьми Толстого. Как он описывает бал! Каждую пяточку, носочек, каждую ноту. А ныне пишут схематично. И, мне кажется, русская литература здесь теряет себя. Ведь что такое поэма? Это одухотворённая проза, одухотворённый быт. Если стихотворение сравнимо с песней, то поэма — опера. Там такая глубина заложена! Поэма не случайно от слова «поэзия». Какой всплеск души чувствуется у того же Решетова в «Хозяйке маков»! Это ведь не стихотворение, а поэма. И жаль, что она уходит из русской литературы. Кстати, Гена, в сборниках, которые ты мне подарил, у тебя немалое место отводится повествовательным или, как ты выразился, сюжетным стихам, близким к коротким поэмам. Написанные простым русским языком, в пику мудрёной зауми иных сегодняшних стихотворцев, они — для большого круга читателей. В «Рябиновом августе» мне приглянулась твоя «Взрослая азбука»: четыре строчки на каждую букву, а сколько мыслей... Особенно «Колокол» удачен, выразителен:

*Звон колокольный... Он голосом
Божьим людей созывал.
Есть ли в душе твоей колокол?
Кто-то его услышал?..*

Из первого же сборника в разделе «Поэмы» я бы особо выделил «Глубинку», посвящённую твоему деду и распаду многострадальной русской деревни. Да... А она ведь и по сей день продолжает кровоточить... — Возженников посмотрел в окно и надолго задумался. Не отрывая взгляда от серого уличного пейзажа, вынул из пачки сигарету, чиркнул спичкой, глубоко затянулся, выпустив синюю струйку дыма.

«Мне кажется, мы возникли из лошадей»

Безусловно, находясь в крестьянской избе, в центре российской глубинки, мы не могли не поговорить о деревне — прошлой и нынешней, о труженице-лошадке, без которой, по сути, были бы не возможны сегодняшние полёты в космос.

— У лошадей стать лучше любой балерины. У них грация с рождения и на всю жизнь. Мне вообще кажется, что мы возникли из лошадей. Более благородного и умнейшего животного я не встречал. Не зря ведь, Гена, Кентавры-то были.

Однажды слышал такую историю. Ехал по горной дороге верхом на коне новый русский. И хлестал он его, бил каблуками, чем попало. Не выдержал конь: у отвесного обрыва скидывает седока на дорогу, берёт его зубами за пояс и трясёт над пропастью. Но лошади не такие мстительные, как люди. Конь положил его обратно на дорогу и ушёл.

И ещё о лошадке. Еду как-то домой на автобусе, в Краснокамске он останавливается на заправку. Люди вышли. И тут перед нашим взором появляется конь с телегой, идёт поцокивает подковами. И у меня — это был второй случай в моей практике — мгновенно сложились стихи. Правда, тут немножко есть что-то от Блока, — мой собеседник, глянув в окно, на минуту задумался, словно созерцал гарцующего по мостовой коня. И зазвучали идущие из сердца строки:

*И вновь, как полем неоглядным,
Без суетливости пустой
Четырёхстопным русским ямбом
Проходит конь по мостовой.*

*Не ярок груз: кули, бидонцы...
Но подойди и погляди,
Как перекатывают солнце
Крутые мышцы на груди,*

*Как дышит он в булыжный холод, —
И потеплеет сразу взгляд.
Проходит конь — и следом в город
Скворцы и ласточки летят.*

*И опадает сажка с яблонь.
И веет тютчевской грозой...*

*Четырёхстопным русским ямбом
Проходит конь по мостовой.*

Здесь как-то сама собой в нашу компанию напросилась Валерина гармошка. «Ты, конёк вороной, передай, дорогой...», «Мы с тобою не дружили, не встречались по весне», «Эх, дороги...», «Огон`к», любимая Виктором Астафьевым и Василием Шукшиным «Миленький ты мой» — каких только песен мы не перепели в тот предзимний вечер!

В подарок — японский бинокль

Из сборника «Белые незабудки», который Валерий Возженников подарил лет пять назад, мне запали в душу такие строчки:

*Кроха жаворонок в сини
Трепыхается, чудной,
Будто тянет, что есть силы,
Всю планету за собой.*

*К солнцу, к свету, в мир погожий,
Ближе к страдному теплу.
Тянет — вытянуть не может.
Ток струится по крылу.*

*В тесном горле сердце бьётся,
Пух слетает на поля.
И — представьте! — подаётся
За пичугою земля.*

Разве могли бы родиться такие тёплые, лирические стихи, живи Валерий Леонидович где-нибудь в крупном городе? Кстати, многие писатели из глубинки переселились в своё время в столицу, областные центры. Возженников остался верен селу.

— Дело в том, что я оказался там, где я должен быть. А если бы льготы, звонки, поклонницы, квартира? Квартира в Перми могла бы точно быть. Но и я бы стал другим. Я бы не писал такие стихи о жаворонке, о деревне, о Гнедухе. А писать про трамваи, троллейбусы, электрическую дугу — это не по мне. Меня и мама учила: «Валерочка, куда тебя душа

ведёт, туда и иди». Потому я и здесь, в своей усадьбе Постановоги, за что и благодарен судьбе, — улыбается Валерий Леонидович.

А она, судьба, бросала Валеру и на Сахалин, который по заданию Хрущёва поднимал его отец.

Однажды 14-летний паренёк плыл на большом теплоходе «Якутия». Раз вышел на палубу с гармонью и заиграл «Сахалинский вальс»: стихотворение с таким названием Валерий прочитал в «Советском Сахалине», а мелодию сам подобрал. И такой славный вальс получился, так задушевно его играл юный гармонист, что пассажиры на палубе танцевать стали. А когда умолкли басы, капитан теплохода подошёл к пареньку, снял со своей шеи японский бинокль и подарил его Валере.

Вернувшись на Урал, Валерий после окончания школы ФЗО работал в Верецагинском паровозном депо токарем.

— Работал я на тяжёлом станке, обтачивал колёсные пары, их бандажи и шейки для грузового паровоза «ФЭД» и для пассажирского «ИС» (Иосиф Сталин). Про паровоз, названный в честь вождя, даже песню в ту пору пели: «Он теперь ведёт „Иосиф Сталин“ — самый лучший в мире паровоз», — вспоминает Леонидыч. — Особенно тяжёлой и опасной была грубая обточка детали. Ведь у того же «ИС» ведущая колёсная пара весила пять тонн. Представляешь, Гена, каким был сам станок, сколько весили ключи, резцы. Стружколоматели не выдерживали, и стружку приходилось отбивать стальным ломиком. На том треклятом станке стружечной петлёй одному токарю отрезало голову: не успел отбить ломиком стружку.. Я по первости так урабатывался, что в душевой падал на лавку: ложился и отключался. Зато потом армия мне показалась лёгкой прогулкой с семечками.

«Два ангела кружили надо мной»

После демобилизации Валерий Возженников окончил исторический факультет пермского государственного университета и более четверти века работал в Постановогах сельским учителем.

В юности его жизнь, случалось, висела на волоске.

На том же теплоходе «Якутия», когда в нейтральных водах все пассажиры по команде капитана укрылись в трюмах, Валерка — интересно же: американские самолёты над самой головой пронеслись! — спрятался под парусиной, укрывающей шлюпку. Воздушным вихрем

от пролетающих самолётов снесло парусину. За ней бы и парнишка полетел за борт, но в последний момент он успел ухватиться за растяжку крепящую шлюпку.

И как-то в паровозном депо малиново-раскалённая стружка, вдребезги разбив защитные очки, едва не лишила зрения молодого токаря. А шрамы на теле по сию пору напоминают о той проходной, «что в люди вывела» поэта.

Спустя годы Валерий объяснит причину своей везучести-живучести:

*Два ангела кружили надо мной —
То были руки матери родной.*

А я уверен: сам Всевышний бережёт поэта российской глубинки, чтобы нам, читателям, была возможность насладиться его проникновенными, трогающими душу и сердце стихами.

...На другой день Валерий Леонидович затащил меня в сельский клуб: «Сегодня там селяне отмечают День матери. Попросили меня выступить со стихами. Надо сходить. Я слово дал. Давай, Геннадий, и ты пару своих стихотворений прочтешь. Ладно?»

И мы пошли по заснеженной улице. До клуба метров двести, а Леонидыч раза три останавливался передохнуть: ноги после операции мозжат. Когда же он встал и начал читать землякам стихи, мне показалось, Валерий абсолютно забыл о болячках: так искренне и вдохновенно лились строки.

У Валерия Леонидовича Возженникова, замечательного русского поэта, скромного и щедрого душой человека, 22 февраля день рождения. Здоровья тебе, дорогой, радостей житейских. И, конечно, новых творческих находок! Пусть почаще крылатый Пегас бьёт копытом у калитки «нашего поэта».

Валера, я тебе сердечно признателен, ведь

*Когда стихи твои читаю,
Я слышу жаворонка трель —
И боль в груди моей стихает,
И кружит, кружит чувств метель.*

*Лысьва — Постановги.
2008 год*

Крёстный отец. Очерк

Первая встреча

В столице Кубани я впервые побывал 29 августа 2011 года. Просто очень хотелось увидеться с писателем Виктором Лихоносовым, пожать ему руку за его замечательный роман «Наш маленький Париж». Выкроил денёк — гостил в станице Фастовецкая у сына — и махнул наудачу в Краснодар. Адрес, где можно встретиться, узнал из журнала «Родная Кубань», где Виктор Иванович работает главным редактором.

С робостью подходил я к двери единственного кабинета, где разместилась вся редакция. А вдруг получится как в «Тихорецких вестях»?

Заходил я однажды в редакцию этой газеты с заметкой (весьма, кстати, положительной — впечатления о Тихорецке, его жителях), толкнулся в один кабинет: «Здравствуйте, не могли бы вы посмотреть то, что я написал. Подойдёт-нет? Я тоже журналист, с Урала». Заметка, в принципе, была лишь поводом пообщаться с коллегой. Ну мы и «пообщались». Мужчина лет пятидесяти, не отрываясь от компьютера, изрёк: «Редактор скажет — посмотрю». И больше ни слова, как будто меня нет. Продолжает... играть в «Солитёра». Честно говоря, я был ошарашен таким «душевным» приёмом. У нас-то на Урале куда проще. Зайдёшь в любую редакцию — районную, краевую — коллеги расспросят, как мы бьёмся, чтоб тираж не упал, каковы отношения прессы с местной властью, хватает ли журналистского заработка на хлеб с маслом и т. п. Ещё и чаем угостят. А тут: «Посмотрю, если редактор скажет». Дуже обидно стало. Развернулся со своими «впечатлениями о Тихорецке», то бишь с рукописью, и вышел из редакции.

А здесь, в Краснодаре, издание рангом намного выше районки. Поди, совсем отфуколят провинциала? Вышло всё наоборот. Стройная симпатичная женщина лет тридцати предложила присесть:

— Виктор Иванович подойдёт примерно через полчаса. Подождите.

И так мы непринужденно разговорились, что даже... стихи друг другу читали. Полчаса пролетело незаметно.

Когда вошёл Виктор Лихоносов (мне он показался похожим на Дон Кихота — такой же сухощавый, высокий, только без бородки, но

с усами), я, естественно, встал. Лариса Зудина — так зовут заведующую отделом истории — представила меня редактору.

— А что стоять-то? Присаживайся поближе. Лариса, организуй нам чайку, — с таких слов началось моё знакомство с известным писателем Кубани и России, лауреатом Государственной премии имени Горького (за роман «Наш маленький Париж»), Почётным гражданином Краснодара.

К чаю я выложил бутерброды с домашними котлетами, приготовленными в дорогу заботливой снохой. И пока чаёвничали, он расспрашивал о Пермской писательской организации («На два Союза разделена? Игоря Тюленева увидишь — я с ним встречался — привет передавай»), о Белогорском монастыре («Что же это Астафьев столько лет жил в Пермской области и ни разу не заикнулся об этом чудном храме?»), о Пермском театре оперы и балета («Жив-не жив он?»). А потом спросил:

— Есть у тебя стихи о природе, о своей малой родине? Может, и Кубань на что-либо вдохновила? Прочти.

Выслушав, Лихоносов обернулся к Ларисе:

— Перепечатай. Подойдёт для нашего журнала.

На этом, пожалуй, и завершилась первая встреча. На прощание Лариса сфотографировала меня с писателем. Я подарил ему свою последнюю книгу «Живая вода», а Виктор Иванович — несколько разных журналов «Родная Кубань» с дарственной надписью.

Душевная беспочвенность

Через год благодатный солнечный край вновь заманил меня. И при первой возможности я укатил в Краснодар, в «Родную Кубань». К слову, в отличие от множества глянцевого журналов авангардистского толка, блистающих гламурной шелухой и заумью, этот журнал имеет человеческое лицо. Какой любовью к степному краю и нашим предкам, делами и трудами прославившими землю русскую, пронизан каждый материал в «Родной Кубани»! Это красноречиво подтверждают и рубрики «Подвижники благочестия», «Кубани верные сыны», «Хранители», «Криница», «Для русского сердца», «Родня», «Истоки». Журнал призывает читателя бережно и с почтением относиться к православным истокам России, к старине, без которой, как известно, нет будущего. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что «Родная Кубань» — своего рода продолжение

лихоносовского «Нашего маленького Парижа». Любопытно, а знают ли краснодарцы, что так называют их родной город.

И пока я добирался до редакции, провёл — сработал журналистский зуд! — на улицах Краснодара нечто вроде блиц-опроса. Первым объектом для своего «нападения» выбрал сидящую на скамье с книгой пожилую интеллигентную женщину в старомодной шляпке. Интуиция не подвела. Ольга Михайловна — так представилась моя собеседница — родилась в Краснодаре. Она влюблена в свой город.

— Прежде наш город назывался Екатеринодаром. Он основан в 1793 году. Памятник Екатерине II, подписавшей Жалованную грамоту Чёрноморскому казачьему войску на кубанские земли, и в честь которой был назван город, возведён скульптором Микешиним. А ещё наш город называют «Наш маленький Париж». Так озаглавил и свой роман кубанский писатель Виктор Лихонос. Я с ним даже как-то случайно встретилась на улице Ленина. А по воскресеньям по улице Красной на лошадях при всём параде гарцуют казаки. Играет духовой оркестр под управлением Спиридонова. Очень красиво. Советую посмотреть, — бойко рассказывала женщина в шляпке.

Поблагодарив за столь подробную информацию, я, воодушевлённый, зашагал дальше. Но кого бы более ни спрашивал, никто — ни пожилые, ни молодые — не вспомнил, что их родной город в старину называли «нашим маленьким Парижем». Даже прежнее название Екатеринодар не все называли. Несколько всё же поднялось настроение, когда на Театральной площади у фонтана я побеседовал с тремя пареньками, девятиклассниками. Правда, они тоже не знали, что их город сравнивают со столицей Франции, но когда я им об этом рассказал, один из мальчишек восхищенно воскликнул: «Как точно! Наш город очень красивый. Не хуже Парижа».

По пути решил заглянуть в книжные магазины. Я был уверен, что приобрету роман Лихоносова «Наш маленький Париж», чтобы потом при встрече заполучить автограф писателя. Книга о Краснодаре наверняка должна здесь быть. Это же в некотором роде бренд столицы Кубани. Однако ни в «Книжном мире», ни в «Краснодарском доме книги» я не нашёл того, что искал. На видных местах здесь другая «классика»: «Скелеты в шкафу истории» Анатолия Вассермана, «Небо над бездной» Полины Дашковой, «Дети оружия» Виктора Ночкина, «Бойня» Владимира Еранкяна, «Бандитская Россия» Андрея Константинова и т. п. Бр-р-р, от одних названий мороз по коже. А вот для романа уважаемого соотечественника места на полках, увы, не нашлось...

Когда я рассказал о своих похождениях по книжным магазинам,

где в обилии боевики, любовные мелодрамы, справочники о вкусной и полезной пище и прочее лёгкое либо жёлтое чтиво, а для души (Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев) выбор намного скуднее или его вообще нет (того же «Нашего маленького Парижа»), Лихоносов с горечью развёл руками:

— Я порой даже радуюсь, что есть люди, совсем не читающие книги...

А по поводу моего интервью с прохожими Виктор Иванович с той же грустинкой в голосе заметил, что результаты опроса и есть подтверждение самой серьёзной болезни общества — «душевной беспочвенности». И добавил, что этой болезнью страдает и современная литература. Но когда я ему рассказал о девятиклассниках, он заметно оживился: «Значит, говорят, что наш город не хуже Парижа?» Дескать, не всё ещё потеряно.

Урал и Кубань: плюсы и минусы

...Мне, коренному уральцу, было интересно и сравнить мой край с Кубанью. И Тихорецк, где чаще бывал, и Краснодар в особенности — красивые, ухоженные города, утопающие в зелени. И в экологическом плане Кубань выигрывает. В Тихорецком районе, к примеру, очень вкусная мягкая вода, её можно пить даже из водопроводного крана. У нас, в Лысьве, довольно жёсткая вода: в чайнике после кипячения остаётся много накипи. Продукты питания, особенно из Выселковского агрокомплекса, дадут большую фору зарубежным. Отечественным производителям руководство Краснодарского края даёт зелёную улицу. Обилие фруктов, чистый воздух тоже в пользу Кубани.

Бережно относятся краснодарцы к архитектурным и культурным памятникам старины и вообще к истории. В здешних школах есть даже такой предмет — «Кубановедение». Читал я такой учебник у внучки второклассницы. В нём доступным языком рассказывается об истории и географических особенностях края, о зарождении казачества и народных традициях, о славных людях Кубани и т. д. Почему бы в наших школах не ввести предмет «Ураловедение»? Ведь в историческом плане Урал — богатейший край!

Приятно удивило и то, что здесь, на юге, я не встречал мужчину либо подростка, идущего по улице с бутылкой пива. К сожалению, у нас и сейчас можно увидеть молодую мамашу, одной рукой толкающую коляску с дитём, а в другой руке у неё початая банка пива либо

сигарета. Ещё одна приятная неожиданность: и в электричке, и на рынке видел играющих шахматистов, собирающих вокруг себя любителей древней игры. Увы, у нас интерес к шахматам угасает.

Зато природа у нас на Урале великолепная, уникальная. Сколько радости и умиротворения доставляет тихая охота! Иной красногловик до того хорош, что срезать жалко. А зимняя рыбалка? На Кубани же водоёмы почти не замерзают и грибы можно найти разве что в горах. Зелёных скверов и красивых цветочных клумб в уральских городах, к сожалению, поменьше, чем на юге. Но я горжусь своим городом. Ведь именно на нашем Лысьвенском металлургическом заводе, единственном в стране, в годы Великой Отечественной войны выпускали для бойцов Красной армии солдатские каски, которые, по мнению специалистов, по качеству и лёгкости превосходили образцы солдатских шлемов зарубежного производства.

И, да простят меня кубанцы, в большинстве случаев по характеру мои земляки-уральцы всё же более открыты душой, нежели южане. Я бы даже сказал так: более бесхитростны. Хотя и на Урале сейчас немало людей, которым своя рубашка ближе к телу. Многих ведь нынешняя суровая жизнь заставляет тянуть одеяло на себя, отодвигая других подальше. А что делать, коли от правителей государства вместо помощи одни обещания да рост цен на всё и вся?

Правда, и на юге не перевелись сердечные душевные люди. Взять тот же коллектив редакции «Родная Кубань», где меня приняли как своего. И Виктор Лихоносков, и заведующий отделом прозы и поэзии Александр Федорченко в общении со мной, заезжим провинциалом, не выказывали никакого превосходства либо подтрунивания. А Лариса Зудина даже выкроила время для экскурсии по улице Красной. Спасибо, коллеги! Благодарен я и директору Фастовецкой библиотеки Светлане Викторовне, выделившей мне один экземпляр «Нашего маленького Парижа». Взамен я передал в библиотеку журналы «Родная Кубань» с автографами Виктора Лихоносова для читателей станицы и свой сборник рассказов.

«Что было — то было. И нет ничего...»

Самое же главное из встреч с писателем то, что Виктор Иванович стал моим крёстным отцом. Если точнее — крёстным отцом литературно-исторической газеты «Родная Лысьва», которую я некоторое время редактировал.

Как это получилось? Перечитал я от корки до корки литературно-исторические журналы «Родная Кубань», которые подарил Лихоносов, и понял, что подобное издание для Лысьвы, особенно для молодёжи, крайне необходимо. Мы же напрочь забываем свои родовые корни. Иной подросток не может по имени-отчеству назвать свою родную бабушку, не говоря уж о прабабушке. Не помнить о них, о людях, «душой и трудами» делавших свою малую родину краше и благодатнее, это с нашей стороны было бы неблагодарно.

И когда я поделился с Виктором Лихоносовым идеей создания в Лысьве литературно-исторической газеты, по содержанию схожей с журналом «Родная Кубань» (журнал мы, конечно, не потянем), Виктор Иванович горячо одобрил замысел и даже написал для первого номера нашей газеты такое пожелание:

«Пришёл сокровенный срок сугубого служения России, срок русской помощи в её спасении, восстановлении и сбережении её корней, и пусть историческая газета в Лысьве возбуждает в народе лучшие чувства к тем, кто Россию созидал веками и защищает её нынче всею душой и трудами...»

В. Лихоносов.

20 июля 2012 года.

Краснодар».

Пожелание короткое, но в нём весьма точно изложены основные цели и задачи газеты.

И вот с ноября 2012 года мои земляки читают «Родную Лысьву». Поначалу газета — а я в ней был в одном лице и за редактора, и за литсотрудников — выходила на восьми полосах. Первую половину занимали исторические и краеведческие материалы, зарисовки о старожилах, патриотах родного города. На второй половине — стихи и проза лысьвенцев. Читатели положительно отзывались о новой газете, несли заметки, статьи, рассказы и стихи. Даже возникали проблемы, как уместить в газету их труды, ведь «Родная Лысьва», учредителем которой стал городской музей, выходила только один раз в месяц. Сейчас «Родная Лысьва» несколько утратила своё первоначальное направление: теперь она не литературно-историческая, а общественно-политическая, и редактирует её другой человек. Это после того, когда учредителем газеты стала общественная палата при администрации города Лысьвы. Тем не менее газета периодически выходит в свет, знакомит читателей с новостями Лысьвенского округа.

...Простившись с Виктором Лихоносовым, решил до железнодорожного вокзала — время позволяло — добираться пешком. Я не

спеша шёл по улице Красной и всё искал сходство Краснодара с Парижем. В столице Франции я, к сожалению, не бывал, но благодаря университетской специальности (филолог, преподаватель французского языка) я по учебникам и литературе имею о Париже представление. Действительно, на Красной, так же как и на Champs-Élysées (Елисейских полях), полно беззаботно фланирующих горожан. Им, так же как и парижанам, не надо долго искать кафе типа «бистро», чтобы посидеть с друзьями за «рюмкой» чая. А в какой-то момент я вообще подумал, что нахожусь в центре Парижа. Это когда я стал читать вывески: Calipso, Maxito, Francesco donni, Bohemia, Terranova, Centro, La Scala, Bosco. Боже мой — сплошная иностранщина! Если бы не магазин «Золушка» и ресторан «Любо-дорого», я бы точно решил, что шагаю по Парижу.

Ребята, а где уважение (я уж не говорю про патриотизм) к нашему великому и могучему? Ведь даже в старинном Екатеринодаре вывески всё же писали на русском языке: гостиницы «Франция», «Нью-Йорк», «Тулон», «Трапезонд», «Венеция», «Константинополь». А ныне? Мне вспомнились строчки замечательного русского поэта XIX века Фёдора Тютчева, автора часто цитируемого стихотворения о России, которую «умом не понять»:

*Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский.
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.*

Это стихотворение поэт написал в 1860 году. Под «лакейством» наверняка предполагается подобострастное преклонение дворянской России перед Западом. Прошло более полутора веков. Что изменилось? Читайте вывески. Что в Краснодаре, что у нас в Перми.

...Я отошёл от памятника кубанскому композитору Григорию Пономаренко (неподалёку от него и расположены салоны и магазины с перечисленными вывесками), оглянулся ещё раз. И мне показалось, что Григорий Фёдорович, державший баян на коленях, растянул меха и, склонив голову набок, печально запел:

*«Что было — то было,
и нет ничего...».*

*Краснодар — Лысьва.
2012 год*

Евгений Евтушенко: «Доверяйте больше сердцу»

Репортаж

Говорят, понедельник — день тяжёлый. Возможно. Но чусовляне, побывавшие 15 декабря во Дворце культуры металлургов на творческом вечере известного русского поэта Евгения Евтушенко наверняка скажут обратное. Многим в этот морозный день (температура была за 30 градусов ниже нуля!) Евгений Евтушенко своими проникновенными стихами отогрел сердца и души.

Евгению Александровичу Евтушенко 64 года. В своей остропублицистической лирике он поднимает вопросы морали, гражданственности, международной политики. Он автор поэм «Под кожей статуи Свободы» (1970), «Фуку» (1985), сборников «Шоссе Энтузиастов» (1956), «Интимная лирика» (1973), «Утренний народ» (1978), романа «На умирай прежде смерти» (1993) и многих других произведений. Поэт также известен и как переводчик, а также по работам в кино.

Полюбились россиянам и задушевные песни на стихи Евтушенко: «Бежит река», «Хотят ли русские войны», «Вальс устарел», «Не спеши» и другие — в исполнении замечательных мастеров эстрады Марка Бернеса, Клавдии Шульженко, Майи Кристалинской, Александра Малинина, Татьяны и Сергея Никитиных.

Полтора часа общения с любимым поэтом для истинных ценителей поэзии пролетели незаметно. Для наших же читателей, кому не удалось побывать на встрече с Евгением Евтушенко, мы предлагаем диктофонную запись его выступления.

«Прежде чем читать стихи, я расскажу историю, которая произошла с моим образованием. Я не был покорным, усидчивым мальчиком, но и не слыл таким уж злостным хулиганом. Две страсти у меня было — футбол и поэзия. И вот в Москве, в районе Марьянской рощи, организовали школу для дефективных — так она называлась. На самом деле это была школа для неисправимых. Многие школы решили избавляться от своих наиболее беспокойных учеников, и меня туда препроводили. Однажды в этой школе кто-то ночью сломал дверь учительской, похитил все журналы и устроил на лестницах школы их сожжение.

Директор школы Исаак Борисович Перятинский, фронтовик, отнесился ко мне хорошо. Я писал тогда стихи, они ему нравились. И вот

он был абсолютно уверен в том, что это сделал я. Почему? Потому что в предыдущий день я получил три „кола“: по поведению, физике и химии, в которых я действительно туго разбирался. И он пошёл логическим путём, посчитал, что я должен обидеться, прийти в раздражение и совершить вот такой поступок. Единственное, о чём он меня попросил — признаться перед всеми, извиниться перед классом и перед учителями. Я сказал: „Исаак Борисович, я этого не делал“. А тут был маленький нюанс. Дело в том, что тогда школьным сторожем был старичок, такой пьяненький немножко, но милый, хороший человек, фронтовик, инвалид. И вот когда он пытался там задержать кого-то, его стукнули по голове. А этого я никогда сделать не смогу. Может быть, я ещё мог сжечь журналы, но ударить старика? Я сибирский человек, со станции Зима. У нас нет детей, не уважающих стариков. Тогда директор сказал: „Зачем ты лжёшь? Ты просто трус!“ На что я ответил: „Я не трус. Я не могу на себя принимать вину того, кто это сделал. Я даю честное слово“. Он мне не поверил, разозлился на меня: „Ты не оправдываешь моего доверия!“ И выписал мне „волчий паспорт“. Это было сталинское время — 1948 год. С таким документом меня никуда не брали — ни в техникум, ни на работу. А тогда, честно скажу, было голодное время. Много было безотцовых ребят.

Мой отец, геолог, позвонил своим друзьям, и я, пятнадцатилетний мальчишка, уехал в геологоразведочную экспедицию в Казахстан, потом на Алтай. Под моим начальством оказалось семнадцать расконвоированных уголовников, которым не было смысла сбегать, потому что они сидели последний год после больших сроков. Я приехал оттуда с заработанными деньгами на первую мою пишущую машинку.

Мои первые стихи напечатали в газете „Советский спорт“, когда мне ещё не было шестнадцати лет. И первый гонорар я получал по метрикам. Я знал, что поэты должны быть окружены красивыми женщинами и пить шампанское, поэтому, получив первый гонорар, я пригласил двух белошвеек в ресторан на Четвёртой Мещанской. Увидев в меню сухое вино, я потребовал его, а когда мне принесли вино в бутылке, сказал: „Как? Я же просил СУХОЕ вино!“ Я думал, что это таблетки. Потом уже, года в двадцать два, после того как я написал одно стихотворение, которым и начну своё выступление, я стал известным поэтом.

Однажды мне позвонил директор школы: „Жень, ты знаешь, я горжусь тобой. Мне твои стихи сначала не особенно нравились, а потом ты стал писать всё лучше и лучше. Жалко, что так получилось. Но почему ты не признался тогда?“ Я ему: „Исаак Борисович, я не делал

этого — не крал и не сжигал журналы“. — „Ну ладно, не будем говорить об этом. Я ухожу на пенсию. Не держи зла на меня. Сделай мне радость — приди на мои провода“. Я пришёл. И вдруг на этом вечере он опять заговорил — видно, это его грызло. Он сказал: „Женя, вот здесь все свои люди сидят. Ну признайся, не ври сам хоть, вот тут твои товарищи“. — „Я этого не делал!“ И вдруг встал тот, который уже тогда в двадцать с лишним лет стал членом-корреспондентом Академии наук и крупнейшим физиком, и сказал: „Это сделал я“. Все, конечно, обалдели. Потому что он всегда был круглым отличником. „Почему ты это сделал?“ — спросили его. Оказывается, он получил первую в своей жизни четвёрку. И это привело его в состояние ярости. Вы знаете, что произошло с директором? Он, старый фронтовик, просто побелел. И шепнул мне: „Я тебя лишил будущего. Ты сам его добился. Но ты ведь мог стать вором. Тебя же никуда не принимали с этим проклятым „волчьим паспортом“. Ну прости ты меня, Христа ради. Хочешь, я перед тобой стану на колени?“ На что я ответил: „Не надо, забудем“».

Я к чему рассказываю эту историю? Может, кто-то из вас когда-нибудь станет учителем. И если вам будут попадать трудные ребята, такие же, как вы сами, многие из вас, пожалуйста, не идите в оценке их поступков только по чистой логике. Человек, разбирающийся какие-то странные истории только с точки зрения логики, неминуемо ошибётся. Верьте больше вашему сердцу. Доверяйте ему больше. Лучше ошибиться в доверии, чем в подозрительности.

И конец этой истории следующий.

Мой отец похоронен на Ваганьковском кладбище. И вот года три тому назад, придя к нему на могилу, я посидел, как полагается, по-русски, и вдруг увидел на надгробном камне рядом с могилой моего отца мои собственные строчки о той самой школе в Марьиной роще: „Поняли мы в своей школе цену и хлеба, и соли. Мы научились у горя гордости, вольной воле“. Это была могила директора, хорошего человека Исаака Борисовича Перятинского, который однажды совершил ошибку. Как я потом узнал, он попросил своих детей высечь мои строки на его надгробном камне. Вот такие истории случаются.

А теперь я прочту стихотворение, после которого, напечатанного, я проснулся знаменитым. Я тогда был совсем ещё молодой и юный. Стихотворение это переписывали в альбомы. Через много лет оно стало песней. А поводом для его рождения послужила следующая история.

Я тогда был влюблён в чудесную девушку восемнадцати лет, которая писала стихи ничуть не хуже, а, может быть, и лучше меня. И какая-то у меня была дурацкая идея, жестокая. Я решил, что наша любовь отнимает у меня, у поэзии слишком много времени. Я решил испытать наши чувства — не видаться год. Такой маленький фашизм по отношению к этой девушке. За что? Я не соображал. Дети ведь бывают иногда, вы это прекрасно знаете, жестокими, и мучают своих родителей, товарищей. Она на меня, конечно же, обиделась, подумала, что я её не люблю. Потом я понял, что это было несправедливо, жестоко, и решил с ней помириться. Я написал ей стихи ночью, и часа в четыре утра прочитал их ей по телефону, надеясь на то, что мы с ней увидимся. И в пять часов утра под бесшумно падающими хлопьями снега мы увиделись под часами. Это было самое лучшее утро в моей жизни. И вдруг стихи, которым я не придавал никакого значения, кроме личного, стали переписывать из тетрадки в тетрадку. Оказалось, что это происходит с очень многими людьми и не только в России. Когда стихотворение перевели на другие языки, его начали читать и переписывать люди других стран.

Однажды я приехал в Японию. Я знаю четыре языка, но японского, к сожалению, не знаю. И японские молодые парни, перед тем как читать мои стихи, сказали: «Вот мы сейчас прочтём Ваши стихи. И было бы интересно, узнаете Вы их или нет».

Не зная языка, каким-то десятым, двадцать первым чувством я понял, что это за стихотворение. Это было то самое, которое я написал в двадцать два года и которое живёт уже совсем другой жизнью, отделившись от меня.

*Со мною вот что происходит:
 Ко мне мой старый друг не ходит,
 А ходят в праздной суете
 Разнообразные не те.
 И он не с теми бродит где-то
 И тоже понимает это.
 И наш раздор необъясним,
 И оба мучаемся с ним.*

*Со мною вот что происходит:
 Совсем не та ко мне приходит,
 Мне руки на плечи кладёт
 И у другой меня крадёт.*

*А той, скажите, Бога ради,
Кому на плечи руки класть?
Та, у которой я украден,
В отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
А будет жить с собой в борьбе
И неосознанно наметит
Кого-то дальнего себе.*

*О, сколько нервных и недужных,
Ненужных связей, дружб ненужных!
Во мне уже осатанённость.
О, кто-нибудь, приди, нарушь
Чужих людей соединённость
И разобщённость близких душ!»*

...Покорили также сердца слушателей стихи «Заклинание» («Весенней ночью думай обо мне...»), «Мёд», «Бабушки», «Карьера» («Твердили пастыри...»), «Нет лет». Большинство из них автором написаны с натуры. В частности, он сам был очевидцем сценки на базаре в Чистополе, где в сорок первом году один торговец продавал мёд в обмен на вещи, драгоценности и как некий богач скупил всю бочку мёда, оставив ни с чем голодную толпу. А идея написания «Россия наша держится на бабушках...» возникла в Нью-Йорке, где на одном из концертов с большим успехом выступал самодельный ансамбль бабушек с Брянщины.

Следует отметить, свои вещи Евгений Евтушенко читает блестяще, с первых строк завораживая зал глубиной содержания и лиризмом стихов, болью поэта за происходящие в России события. Однако к голосу поэтов нынешнее молодое поколение мало прислушивается, интерес к поэзии ослаб. И это тревожит Евгения Евтушенко, как и засилие на эстраде пошленьких шлягеров типа «Банька моя, я твой тазик». «За эту песню Киркорова следовало бы высечь», — заметил с иронией поэт.

Он поделился также своими воспоминаниями о встречах с Анной Ахматовой и Борисом Пастернаком. Вкратце коснулся и личной жизни. У Евгения Александровича пятеро сыновей («Девочки у меня не получают»), младшему из которых — Мите — семь лет.

В заключение Евтушенко поздравил всех присутствующих с наступающим Новым годом. От имени чусовлян столичного гостя

сердечно поблагодарили глава администрации Чусового Виктор Бурьянов и преподаватель русского языка и литературы школы № 6 Светлана Анкудович. Учащиеся преподнесли поэту живые цветы. А наиболее одержимые заполучили автограф знаменитости. В их числе был и автор этих строк. На титульном листе своего романа «Не умирай прежде смерти» Евгений Александрович написал: «Дорогому Гене Вершинину, моему коллеге-журналисту, от души — Ев. Евтушенко. 1997 год».

К сожалению, от поэзии вынужден перейти к прозе. Имею в виду атмосферу в зале, культуру слушателя. На встрече с поэтом присутствовали в основном учащиеся школ. И то их, скорее всего, во Дворец привели учителя волевым порядком. А когда на подобные мероприятия приходят не по зову сердца, когда ни в семье, ни в школе не пробудили в детях потребность к поэтическому слову, к чтению, что ожидать? Шум, смех, хождение по залу, лузгание семечек — явное пренебрежение к выступающему. Не учли организаторы встречи ещё один существенный момент — о приезде и выступлении Евтушенко мало кто знал. Хотя бы заранее по радио или через газеты проинформировали чусовлян. А в результате многие истинные ценители поэзии, как говорится, остались за бортом. Правда, в своём выступлении Виктор Бурьянов обмолвился, что, возможно, в августе будущего года Евгений Евтушенко ещё раз посетит Чусовой.

*Геннадий Вершинин,
газета «Чусовской рабочий» от 23 декабря 1997 года*

Из племени альтруистов. Очерк

С пермским журналистом и писателем Владимиром Максимовичем Михайлюком я познакомился на Астафьевских чтениях. Седоватая шевелюра, выразительные с поволокой глаза, прямая осанка, строгий костюм-тройка. Казалось, к мужчине с такой респектабельной внешностью не сразу и подступишься. Но с первой минуты, как только у нас зашла речь о Викторе Астафьеве, нашем замечательном земляке и талантливом писателе, с которым обоим доводилось встречаться и общаться, я почувствовал себя с Владимиром Максимовичем на равных. Так просто, душевно, без каких-либо назиданий говорил Михайлюк, что скоро от моей провинциальной робости, скованно-

сти не осталось и следа. Более того, несмотря на разницу в возрасте, мы незаметно друг для друга перешли на «ты». Особенно после того, как мой собеседник узнал, что я из Лысьвы, с которой в 1960-х годах пересеклась его творческая стезя. Меня заинтересовало это, и нынешней весной, случайно встретившись в Перми на улице Ленина, я напросился к писателю в гости.

...Мы сидим в уютной домашней библиотеке. В книжных шкафах — собрания сочинений Бунина и Вересаева, Салтыкова-Щедрина и Грина, Лескова и Карамзина. Похоже, классики внимательно прислушивались к нашему разговору, как и любимица хозяина Бася, симпатичный ротвейлер. Михайлюк достал с полки папку. Я включил диктофон.

— Вот здесь все записи о Лысьве, а точнее о металлургическом заводе и людях, изготавливавших каску во время Великой Отечественной войны, — Владимир Максимович листает старенький, исписанный убористым почерком блокнот. Вчитывается. — Сколько фамилий! Пётр Николаевич Богатырёв, рабочий, каски штамповал. Четыре сына погибло у него в войну. Директор завода № 700 Иван Фёдорович Белобров. Начальник цеха № 11 Николай Степанович Соснин. Александр Иванович Филин, конструктор. Василий Алексеевич Онянов — прекрасный организатор производства. Иван Павлович Ястребов — начальник техотдела. Все они стояли у истоков создания солдатского шлема. Где-то у меня даже хранится фотография — по конвейеру идут каски, к ним девочки-подростки ремешки, подшлемники пристёгивают. А между касками кукла. Её взрослые на конвейер подбрасывали, чтобы девчонки в ночную смену не уснули. Поиграют немного — и опять за работу.

Отчего я заинтересовался лысьвенской каской? Есть у меня друг Виктор Соснин. Когда он закачивал ВГИК, ему надо было сделать киноэпюда. В качестве сюжета попросил мой рассказ «Куст калины». Его героиня Митрошиха приезжает издалека в украинское село на могилу сына: он умер от ран в госпитале. На могилке Митрошиха увидела девочку, которая при виде тётеньки убежала. «Наверное, пионерка. За могилой солдата ухаживает», — подумала мать.

Короче, та девочка Улька окажется родной дочерью её сына Ивана, то есть внучкой Митрошихи. Раненого Ивана спасла от немцев и выхаживала Катерина. От их любви и появилась на свет Улька. В селе же многие поговаривали, что Катерина нажила девчонку от рыжего Ганса, который квартировал у них. Митрошиха встретится затем с Катериной, сначала приревнует её к сыну: дескать, что же мой Ванюша,

красавец, выбрал себе такую неказистую девушку. Потом спохватится: «Чего это я к мёртвому сыну ревную? У меня же внученька есть». И пригласит мать с дочкой к себе на родину.

Киноэтиюд профессору ВГИКа понравился: «Виктор, из него же можно сделать полнометражный художественный фильм. Только надо развернуть его, ещё что-то добавить». И я сделал для сценария Митрошиху стрелком-снайпершей, работающей во время войны в цехе по производству солдатских касок. «Не допущу, чтобы моему сыну-воину досталась некачественная каска», — об этом думала каждый раз Митрошиха, проверяя шлемы на прочность. Прообразом послужила лысьвенская девушка Мария Коренева. Она на испытательном стенде отстреливала из винтовки каски. От каждой партии — а это 200 штук — отбирали шесть касок, которые испытывались в тире отстрелом со всех четырёх сторон: лобной части, затылочной и боковых сторон. Две пробоины — и бракуется вся партия. Мария Коренева была прекрасным снайпером: с 25 метров попадала в двухкопеечную монетку. С Марией Семёновной — она живёт в Санкт-Петербурге — я долго переписывался.

Так получилось, что наш с Виктором сценарий попал в руки актера и режиссера Геннадия Шпаликова, которому принёс известность фильм «Я шагаю по Москве». Прочитав сценарий, Шпаликов заявил: «Буду снимать фильм о каске!» И уже начал подбирать актеров. Однако реализовать свой замысел не успел: рано ушёл из жизни.

Через некоторое время сценарий случайно оказался у безработного режиссёра из Югославии, приехавшего в Советский Союз. Сценарий затронул его. Он пошёл с ним в Мосфильм. А там посмотрели: «Ну кто такие Соснин и Михайлюк?» Там же своих стараются протолкнуть ближе к кормушке. Но мы с Виктором — недавно с ним встречались — пока не теряем надежды выпустить фильм, в котором на художественной основе прослеживается история создания лысьвенской каски.

— Это было бы здорово! Ещё бы доброго мецената найти... Владимир Максимович, помнится, ты рассказывал о вдове венгерского интернационалиста Ольге Иштван. С ней ты познакомился в Кинзаводе...

— Я тогда работал над романом «Зеркало». Зеркало — это вода. Она отражает не только тучи, солнце и летящих птиц, но и безрассудство человеческое: дохлую кошку, рванный сапог — всё бросают в реку. Я в ту пору специально устроился инспектором по охране водных ресурсов Урала, чтобы изнутри прочувствовать моего героя. В те

годы как раз вышло постановление правительства о запрете молевого лесосплава. Вот я и контролировал, как берегут жемчужину Урала Чусовую. В Чусовом был сплавной рейд. Дали мне катер, приставили главного инженера. Снабдили водкой, лещами копчёными, чтобы я себя хорошо вёл. Доплыли до Кын-завода. Там тоже был сплавной рейд. Село мне очень понравилось. Место красивое, горы. Сошёл с катера. Смотрю — какая-то пожилая женщина в тапочках заходит в речку, ловит прибитые волной щепки, бревёшки и выбрасывает их на берег.

«Для чего это?» — спрашиваю. «А чё не видишь? Дрова на зиму запасая». По селу с реки мы шли вдвоём. Она показала, где живёт. Я поинтересовался, помогает ли ей кто из селян. Узнал, что школьники носят старушке воду, но за «пятак». Тем же разворотом заглянул в сельсовет, где и рассказали о вдове венгерского интернационалиста Ольге Михайловне Иштван: «Душевнобольная она. Ночью на скрипке играет».

Пошёл в школу и угадал на августовский педсовет. Попросил вызвать директора: мол, приехал корреспондент «Звезды». Я работал в областной газете и журналистское удостоверение оставил при себе: мужик-то я поднаторевший, за плечами флот, комсомол. Директор вышел, спрашиваю: «Можно на вашем педсовете несколько слов сказать? Плохого ничего не буду говорить. Школа у вас хорошая. И село замечательное. Даже свой народный театр есть. И кооперация в России здесь, в Кыну, зародилась». Всё я знал. С этого и начал своё выступление перед педагогами. А под конец-то и выложил: «Если ученики вашей школы будут брать деньги у старушки за принесённое ей ведро воды, я такой хай подниму в области да ещё в «Пионерскую правду» напишу о том, как в Кыновской школе шефствуют над вдовой героя гражданской войны, которая вылавливает из реки щепки, чтобы зимой не замёрзнуть».

Они побледнели. Директор: «Владимир Максимович, я собираюсь сарайку ликвидировать. Дрова из неё хорошие получатся. Сегодня же десятиклассники разберут сарай на дрова и распилят мотопилой». В тот же день я навестил и начальника лесоучастка, своего давнего знакомого: «Слушай, Петрович, у тебя столько дров — поджечь, так месяц будут пылать. Вон сколько полениц стоит! А старушке подкинуть?» — «Какой? Да кто бы мне сказал. Да я ей сейчас же полвину отвезу». Он побаивался меня, как инспектора охраны природы. И действительно, к вечеру у домика Ольги Михайловны разгрузили две машины колотых дров. Я ей говорю: «Завтра ещё привезут,

расколот, в поленницу соберут и рубероидом накроют». Ольга Михайловна глаза округлила: «А ты кто такой?» — «Человек», — говорю...

Так мы с ней и подружились. Когда проведал про её скудную пенсию — рублей двадцать что ли — дал ей десятку. Меня-то и так на машине до Перми довезут. А в Лысьве встретился с директором заводского музея Николаем Самойловичем Столяровым. Мы с ним, оба бывшие комсомольские работники, как-то быстро сошлись. Рассказал я ему о вдове героя гражданской войны, о её нелёгкой судьбе. И тот принялся хлопотать об увеличении её пенсии.

Ты знаешь, до чего дело дошло? Написал Столяров письмо-ходатайство аж самому Ференцу Мюнниху, бывшему Председателю Совета министров Венгрии, члену ЦК Венгерской компартии. После Николай рассказывал, что, как только пришёл от Ференца Мюнниха ответ, который он показал здешним властям, Ольге Михайловне добавили пенсию чуть ли не до 90 рублей: стыдно стало.

А с Ольгой Иштван у меня завязалась переписка. Все её письма сохранил. Сейчас покажу, — Владимир Максимович встал, направился в спальню, вернулся с пачкой писем. — Вот послушай:

«Август, 73-й год. Здравствуйте, многоуважаемый Владимир Максимович! Желаю Вам всего хорошего. Что так долго не пишете мне? Неужели всё в командировке?»

...Владимир Максимович, у меня кошку убили, любимую, детную. Два котёнка остались — маленькие, месяца не было. Убил жестокий хулиган-мальчишка. Я потеряла её, всё ждала её живую. Скучаю об ней, плачу. Остались сиротки, есть не умели, из ложечки котёнков кормила. Ко мне сватается старик с почты... Имеет тысячу рублей. Сестра хотела сделать вызов в дом престарелых. Я давно оформлена. Ехать неохота. Жаль друзей, собак. Владимир Максимович, ко мне квартирантка напросилась в избушку. Обещалась помогать мне, сходить куда, купить что. Она оказалась нечестная, лукавая. Я дала ей 9 рублей. Она месяца живёт, ничего не помогает и деньги не отдаёт. Несчастливая я. Не могу пойти, ни послать никого. Картошки нет, застыла в голбце. Вам большое спасибо за фотокарточки. Пионерам их тоже дала, деньги с них не взяла. Неудобно брать, они мне помогли. А Вам за карточки надо бы деньги послать, неудобно даром. В сентябре уже пошлю Вам после 20-го, если буду живая. Свиданий, наверно, больше не будет с Вами... Не забывайте меня. Я Вас не забуду ни здесь, ни на том свете. До свидания. Привет. Оля».

Вот такие душевные письма я получал от старушки.

Беседу мы продолжили за чашкой чая на кухне, куда пригласил

хлебосольный хозяин. За ним неотступно последовала Бася. Угостив её кусочком колбасы, Владимир Максимович увёл собаку в комнату.

— Кто из современных писателей, на твой взгляд, наиболее близок к народу?

— Белов, Распутин, Астафьев.

— Сейчас много говорят о национальной идее России...

— Не надо никаких идей. Нужно просто оставаться самим собой, со своей душой, с теми человеческими ценностями, пока их окончательно не разрушил Запад.

— Что тебя более всего отталкивает в человеке?

— Предательство, непорядочность. Ещё не тепло, когда матерятся при женщинах, плохо говорят о них.

— Далеко не у каждого в жизни всё бывает гладко. Многим из нас знакомы стрессы, хандра, апатия. Один в таких случаях уходит в лес, на рыбалку, другой — с веничком берёзовым в баню, третий водкой глушит беду. А ты, Максимыч, как выходишь из подобных ситуаций?

— Отправляюсь в библиотеку, листаю старые журналы или иду в церковь.

Сейчас самое время рассказать подробнее о моём коллеге. Владимир Максимович родился в 1933 году на Украине. «Я не стесняюсь, что я чистокровный хохол. Но то, что я люблю Россию, в этом можешь не сомневаться». Мальчик рано остался сиротой: мама трагически погибла, отца, директора МТС, в 1937 году арестовали по 58-й статье. Что значит быть сыном «врага народа», Владимир Михайлюк познает позднее.

Володе было десять лет, когда их село освободили от фашистов.

— По главной улице летит наш танк. Один, без защиты. И вдруг кричат: «Наши!» Мы с бабушкой Улей побежали к сельсовету: сказали, там остановился танк. Я обгоняю бабушку. Она осердилась, одернула меня. Тогда я догадался, что ей хочется первой прийти. И мы побежали наравне. Подбегаем. Бабушка сразу к танкисту с перевязанной головой: «Сыночек, ты моего Сашу не видел?» Он погладил её по плечу: «Придёт, мамаша, придёт». Нет, сейчас я зареву... — Владимир Максимович отодвигает недопитую кружку с чаем.

Однако и с приходом Красной армии Володе и его ровесникам было не до детских игр: пасли колхозных коней, жеребят. Он даже заработал полтора года военного стажа.

Поспела и призывная пора. «Посадили меня в кресло. Крутанули. Через оборотов шестнадцать остановили. Я встал, не покачнулся, голову держу прямо. «Во флот!» — сказали. О пяти годах службы на

Балтийском флоте мой собеседник вспоминает с гордостью: «Я моряк. И этим всё сказано».

О море, о своих товарищах, с риском для жизни обезвреживающих морские глубины (протралили 14 минных полей), комсорг корабля Михайлюк напишет позднее повесть «Долгое эхо».

Далеко не праздной была и учёба на факультете журналистики Ленинградского университета. Как-то пришёл на лекцию после ночной смены (подрабатывал грузчиком: на одну стипендию тяжело учиться) голодный, уставший. Ну и уснул, даже захрапел. Профессор разбудил, дал червонец: «Идите покушайте». И такое было. В то же время курсовую работу студента Михайлюка «Фельетоны Шатуновского» перепечатал столичный журнал «Молодая гвардия»: так профессионально она была написана, что, по мнению одного из оппонентов, сатирика Ершова, «потянула бы на кандидатскую диссертацию».

После окончания университета Михайлюк приезжает в Соликамск, где на поселении жил его репрессированный отец. Особенно ярко журналистское мастерство Владимира Михайлюка проявилось в жанре фельетона (увы, ныне вымирающем, как динозавр).

«Чтобы лучше оценить гражданское мужество молодого фельетониста, вспомним начало 1960-х годов. Это было время хрущёвских реформ, призывов во всём догнать и перегнать Америку. Химизация, мелиорация, кукуруза. С энтузиазмом готовится план переброски в течение ближайших десяти лет стока северных рек через Каму и Волгу в Каспий, чтобы исправить „несправедливость“ в распределении водных ресурсов. А в пермской газете „Молодая гвардия“, голос которой едва слышен в мощном одобрительном хоре центральной прессы, появляется фельетон „Мели — ораторы“ под рубрикой „Кама зовёт на выручку“. Позиция автора предельно ясна: нельзя исправлять ошибки природы, напротив, она сама нуждается в защите. Фельетоны Михайлюка со временем заметили в Москве. Их перепечатывает журнал „Крокодил“, — вспоминает о коллеге по перу журналист Владимир Ширинкин в своей книге «Времена не выбирают».

Перед публикацией материала «Кровь на клубничной грядке» (заместитель директора Александровского завода, член бюро обкома партии убивает из ружья на своей даче выпускника училища за горсть сорванной клубники, из-за чего друзья погибшего с факелами пойдут поджигать дачу убийцы, но будут остановлены спецназом, прибывшим из Перми на трёх вертолётах) чиновники из обкома недвусмыс-

ленно намекали, что не стоит обличать хозяйственного и партийного руководителя такого высокого ранга. Гражданская совесть журналиста взяла перевес: статья появилась в газете.

Владимир Михайлюк был одним из первых корреспондентов Прикамья, удостоенным в 1966 году Гайдаровской премии за очерк «Берёзовый сок» о буднях молодёжной бригады проходчиков шахтного ствола. Как журналист Михайлюк для более глубокого раскрытия темы, характера своего героя нередко менял профессию: работал монтажником и проходчиком вертикальных стволов на шахте, егерем в лесничестве, а в Осинском районе прошёл путь от сторожа до директора форелевого хозяйства.

Его глубоко тревожит варварское отношение к земле:

«Старцы говорят: „Берегите землю. Она — главная ценность. Земля нас прокормит“. А в России за последние годы заросло 600 тысяч гектаров полей...»

Воспитанный бабушкой, скромной сельской труженицей, Владимир Максимович с большим уважением относится к крестьянам, болезненно переносит разрушение деревень и сельского уклада жизни: «Сейчас, когда пустеют деревни, для крестьянской культуры наступает очень опасный момент. Обрывается связь поколений, и наступает угроза исчезновения вековых традиций, преемственности. Народная мудрость гласит: мир опирается на плечо земледельца. К сожалению, мы просмотрели эту мудрость. В Перми отключи электричество, воду — и мы задохнёмся в каменном мешке. А в деревне можно из родника напиться. Из деревни выходили сильные, работающие люди. Да вот беда — деревню, благодаря телевидению с его разнузданными передачами, косят пьянство и безнравственность. И на селе разрушается семья — крепость государства».

На протяжении всей своей журналистской деятельности Михайлюк в полный голос выступал в защиту лесов и водоёмов, богатой уральской природы, которую в последние годы особенно варварски губят и захламляют.

И на литературном поприще Владимир Михайлюк сделал серьёзную заявку. Вот что написал в рецензии на его повесть «Зеркало», к сожалению, сильно урезанную цензурой, Гавриил Троепольский, автор книги «Белый Бим — Чёрное ухо»:

«В. Михайлюк — талантливый человек. Перед ним открывается большая дорога в литературу. Дед Марушка, хутор, родники — всё это захватывающе хорошо. Характеры сделаны мазками настоящего художника. Вопросы охраны природы пропущены через сердце писателя».

Михайлюк является автором пьесы об отважной разведчице, героини погибшей в годы Великой Отечественной войны, Вере Бирюковой. Её именем названа одна из улиц в Березниках. Причём и в те годы, когда всё решала КПСС, руководящая и направляющая сила в стране, он не побоялся сказать, что Вера — дочь священника. Пьеса «Белые вьюги», поставленная Березниковским драматическим театром, всегда тепло принимается зрителями.

Владимир Максимович был в числе активных сторонников закладки в Березниках рябинового сада к пятидесятилетию города. Он даже получил письмо от академика Дмитрия Лихачёва, знатока паркового ландшафта, горячо приветствовавшего идею создания рябинового сада и посоветовавшего, как заложить и сохранить рощу.

И как краевед Владимир Максимович — один из сильнейших в Пермском крае, хотя сам себя он таковым не считает. Березниковцы называют его своим летописцем за книги «Город белых берёз», «Не один пуд соли», «Березниковский характер». Кстати, под таким названием — «Березниковский характер» — в городе набирает размах движение его патриотов. А «Пермская шкатулка», над которой сейчас работает писатель? В неё войдут очерки о таких людях, как Пётр Иванович Ларионов — пермяк, автор всемирно известной песни «Калинка», Герой Советского Союза Олег Константинович Хомутов — первый в СССР испытатель катапульта и другие.

Это по краеведческой наводке Михайлюка я нашёл в Лысьвенском музее документы, подтверждающие причастность Ференца Мюнниха к судьбе простой женщины из Кына.

Вот они:

«9 декабря 1965 года.

Венгерская Народная Республика, г. Будапешт.

Товарищу Ференцу Мюнниху.

Дорогой товарищ!

Посылаю Вам привет от бывших товарищей по оружию, воевавших вместе с Вами на Урале в 1918–1919 годах против колчаковщины. В батальоне, которым Вы командовали, воевал тов. Мишко Иштван (родился в Венгрии в 1897 году, попал в плен в 1915 году, стал коммунистом и вместе с Вами и другими товарищами перешёл на сторону рабочих и крестьян Советской России и с оружием в руках защищал советскую власть).

Летом 1918 года во время боёв у станции Кын был тяжело ранен, попал в плен к белым и был ими повешен в Кыну на телеграфном столбе, как и многие другие товарищи. Ныне мы нашли в Кын-заводе его жену Ольгу Михайловну Иштван (она была зарегистрирована законным бра-

ком 18 февраля 1918 года, имеется официальное свидетельство о браке-сочетании).

Имея преклонный возраст, Ольга Иштван не работает. Мы хотим возбудить ходатайство о начислении ей пенсии за мужа-героя гражданской войны на Урале. Поэтому просим Вас, если Вы помните Вашего красноармейца Мишко Иштвана, прислать в наш адрес подтверждение, что он действительно был бойцом Вашего батальона и погиб в боях против колчаковцев в 1918 году...

Желаем Вам, дорогой товарищ Ференц Мюнних, отличного здоровья, долгих и счастливых лет жизни!

От имени Совета народного музея ЛМЗ — Н. Столяров».

Спустя полтора месяца пришёл ответ из Венгрии:

«Дорогие товарищи!

Относительно судьбы Мишко Иштвана могу подтвердить, что он в 1918 году находился в отряде венгерских интернационалистов на Лысьвенском фронте и летом 1918 года был ранен в боях у станции Кын, попал в плен и был повешен белогвардейцами. Его жена Ольга Михайловна безусловно заслуживает, чтобы о ней заботились.

Передайте Ольге Михайловне моё глубокое уважение.

Желаю вам счастья, успехов в работе по укреплению Венгеро-Советской дружбы.

Ференц Мюнних.

Будапешт, 24 января 1966 года».

С этим письмом и ходил Николай Столяров к председателю Лысьвенского горисполкома Ивану Курзанову, после чего и была увеличена пенсия Ольге Иштван.

А вспомните, что началось всё с Владимира Михайлюка, взявшего под опеку беззащитную женщину. Вот на этой альтруистской черте в характере писателя я хочу особо заострить ваше внимание, дорогие читатели.

Приведу ещё такой пример. Зная, что Михайлюк бескорыстно во всё помогает окружающим, Виктор Астафьев именно его (вместе с поэтом Львом Кузьминым и прозаиком Михаилом Голубковым) попросил помочь с погрузкой вещей при переезде из Перми в Вологду. Кстати, девушка, оформляющая документы на контейнер, высокого, представительного Михайлюка приняла за... Астафьева, благодаря чему и ускорилась отправка вещей. На прощание Виктор Петрович подошёл к Владимиру Максимовичу: «Слушай, Володя, у меня

к тебе есть просьба. Ты ведь часто едешь в Березники. Там живёт поэтесса Валя Петровская, инвалид, без рук женщина. Позаботься о ней». А Михайлюк без какой-либо рисовки ответил: «Не беспокойся, Виктор Петрович. Я ведь давно уже ей помогаю. Она теперь даже при деле: переговорил с ребятами — и её устроили корректором в «Березниковский рабочий».

У нашего славного земляка, поэта Алексея Решетова есть такое стихотворение:

ДЕЛЬФИНЫ

В. Михайлюку

*Дельфины, милые дельфины,
Мы вас научимся беречь —
Уже почти до половины
Мы понимаем вашу речь.
О, разыгравшиеся дети!
Вас не обидят корабли,
И вашей кровью красить сети
Отвыкнут жители Земли.
И вы, поэты, как дельфины,
Не избегайте с нами встреч —
Уже почти до половины
Мы понимаем вашу речь.
1976*

Когда Владимир Максимович спросил друга и поэта, почему именно стихотворение «Дельфины» он посвятил ему, Алексей Леонидович улыбнулся: «Так ты же, Володя, сам, как дельфин, выносишь тонущих на своей спине».

А взять нашу встречу с Михайлюком? Я ведь уже после догадался, что писатель в те дни напряжённо работал над очередной (шестнадцатой!) книгой. И тем не менее Владимир Максимович ни словом не обмолвился о занятости, не отказал журналисту из провинции в беседе.

...Сколько ещё в нашей суетной жизни чёрствости и бездушия! Но теплеет в груди и хмурый день не кажется таким серым и унылым, когда встречаешь таких людей, как Владимир Михайлюк.

*Геннадий Вершинин,
газета «ГородЪ», июль 2006 года*

Как меня спас Решетов

Рассказ-исповедь

Где-то за неделю до «Решетовских встреч» дома раздался телефонный звонок. Приятный женский голос настоятельно уговаривал меня прибыть на фестиваль в Березники. Ну коли заранее предупреждают, значит, наверняка оказался в числе дипломантов конкурса. Это обрадовало. Да я бы и без звонка приехал: просто хотелось окунуться в атмосферу поэтического слова Алексея Решетова, стихи которого мне очень любы: лаконичные, пронзительно-лирические, выверенные по форме и содержанию, с запоминающимися сравнениями и образами. К тому же я был знаком с Алексеем Леонидовичем.

Встретились мы примерно в 1987 году. На год-другой могу ошибиться. Решетов в ту пору работал в Пермском книжном издательстве, что в Доме писателя на улице Карла Маркса, ныне Сибирская. Сюда я и приехал однажды с десятком отпечатанных на машинке листов. Секретарь Дома писателей отправила меня со своим «багажом» к Решетову. В кабинете с табличкой «Литконсультанты» у окна стоял мужчина среднего роста, худощавый, чуть сутуловатый, с большими выразительно-печальными, как у Христа, глазами. Он курил дешёвые сигареты «Прима». И, похоже, слыл курильщиком с немалым стажем, о чём нетрудно было догадаться по его пожелтевшим от табака указательному и среднему пальцам правой руки. Представился.

Алексей Леонидович взял мои листки с виршами, пробежался по ним глазами, отложил в сторону. И тихим голосом, в котором не было ни малейшего намека на какое-либо превосходство или назидательство, спокойно сказал: «Оставьте. Прочитаю основательней и вышлю рукопись. С пометками». Действительно, месяца через полтора я получил конверт со своими стихами, уже проанализированными мастером поэтического слова. Правда, поначалу я огорчился: почти вся рукопись была испещрена почеркушками литконсультаната. Делал он их тонким карандашом. Если в стихотворении Решетову понравилась какая-либо строчка, он в конце её ставил знак «+», а то и два плюсики. Порой и расшифровывал, почему появились плюсы: «удачный образ», «меткое сравнение». Но, честно говоря, минусов было намного больше, что меня и огорчило. Вроде так старался, писал, как говорится, сердцем — и на тебе! «Нечёткая рифма», «избегай повторов», «нарушен ритм», «излишняя красивость», «длинновато — пиши так, чтобы слов было меньше, а мыслей много» и т. п. К сожалению, рукопись с замечаниями Алексея Леонидовича куда-то

запропастилась, наверное, с переездом. Помню, что не раз я её перечитывал, мысленно спорил с поэтом, но в конце концов соглашался с ним. До совершенства мне ещё ой как далеко — каждое слово надо оттачивать, находить ему нужное место в строке.

...И вот 1 апреля 2012 года в шесть часов утра я выехал первым автобусом в Березники. То дремлю, то в окно поглядываю. В Александровске сели девчонки с руководителем. Из их щебетанья понял, что они тоже едут на «Решетовские встречи». Я, естественно, познакомился с Натальей Владимировной — так зовут наставницу. Оказалось, её воспитанницы учатся в школе искусств. Ну и представили свои рисунки, картины, иллюстрирующие стихи Решетова. Есть такая номинация на этом фестивале. И не первый год они участвуют в конкурсе. Причём весьма успешно: вот и сегодня их вновь пригласили на фестиваль. А поскольку я в Березниках ни разу не бывал, от Натальи Владимировны и её девчонок не отставал. Вместе и вышли на ближайшей к КДЦ остановке, сфотографировались у памятника Алексею Решетову и пошли регистрироваться.

А в КДЦ есть театральное кафе, где можно не только перекусить, но и пропустить рюмочку-другую. Что я и сделал перед официальным открытием фестиваля. Пятьдесят граммов водочки всего-то и позволил себе. Ну так из дома же вырвался, из-под бдительного ока супруги.

Фестиваль проходил по чётко отлаженной схеме. Всё у организаторов было продумано. В фойе развешаны детские рисунки, посвящённые произведениям Решетова. Рядом продаются его книги. Между вручением победителям дипломов и призов звучали концертные номера. В своей возрастной группе в номинации «Поэзия» я получил диплом второй степени, трёхтомник стихов Алексея Решетова и коробку конфет. В числе призёров (диплом третьей степени) была и юная лысьвенская поэтесса Елизавета Рожкова. Всё, что ей полагалось, я тоже взял, поскольку Лиза на фестиваль не ездила. В Лысьве передам.

Среди гостей встретил знакомых поэтов и писателей Перми: Игоря Тюленева, Виталия Богомолова и Татьяну Соколову. В качестве членов жюри они и смотрели наши работы. После официальной части я вдругорядь «скатился» со второго этажа на первый, то бишь в кафе. И поскольку столкнулся там с березниковским поэтом Сергеем Антоновым, с которым подружился на фестивале «Парнасские забавы» в Кыну на Чусовой, то выпить с ним рюмочку за встречу — сам Бог велел. К тому же у Серёги, как всегда, была припасена солдатская

«Портрет А. Л. Решетова».

Работа художника Нины ГОРЛАНОВОЙ

фляжка с горячительным содержимым. Он и назвал меня в компанию своих друзей. Как водится в таких случаях, посидели очень даже хорошо.

И уже изрядно поддрумяненный, я снова направил свои стопы на второй этаж, где проводила мастер-класс Татьяна Соколова. Точной темы его не помню, но разговор, естественно, шёл о поэзии Алексея Решетова. Сижу, слушаю. Когда один из участников фестиваля, закончил своё выступление, Татьяна Фёдоровна вдруг попросила: «А сейчас мы слушаем Геннадия Вершинина».

Отказываться не стал. Тем более хмель ведь придаёт смелости. Правда, к тому времени я ещё держал себя в руках, контролировал свои слова и походку. Встал, вышел к сцене. Что-то коротко сказал о значении творчества Алексея Леонидовича. И прочёл своё стихотворение, эпиграфом к которому как раз были решетовские строчки: «Женщина пилит двуручной пилой толстые брёвна одна»:

*Стучат колёса: «Ско-ро ле-то!»
 Стоял я в тамбуре, курил.
 Фату черёмухого цвета
 С собою поезд увозил.
 Отнюдь не в свадебном наряде
 Увидел женщину. С трудом,
 В жару она копала гряды
 На огорожке своём.
 А где мужик-то твой, помощник?
 Опять корячишься одна.
 Поди, он запил, суматошный,
 Не просыхает от вина?
 А может, статья, муж гулёвый?
 Ушёл к другой, тебя забыл.
 Иль чересчур он был бедовый,
 В Афгане голову сложил?..
 Россия пашет огороды,
 Вдымая очи к облакам.
 Пошли ей, Господи, погоды
 В душе и в поле — на века!
 А за окошком проплывают
 Деревня, роща, озерцо.
 Печалью светлую сияет
 России женское лицо...*

Похлопали. Татьяна Фёдоровна поблагодарила мне. А как завершились занятия, ноги сами понесли меня по проторенной дорожке в кафе. Там я оказался уже в компании с Виталием Богомоловым и Игорем Тюленевым. Снова речи, тосты, бокалы...

Ну а дальше, извини, дорогой читатель, память провалилась в такие тартарары, что я по сию пору удивляюсь, как я добрался из КДЦ до железнодорожного вокзала. Правда, отдельные эпизоды смутно припоминаю. Как стоял на остановке и спрашивал прохожих, на каком автобусе доехать до вокзала. Потом где-то шёл. Нет, шёл — это не то слово. Я выдывал, не разбирая дороги, такие кренделя, что в каком-то месте из-под моих ножек вдруг ушла земная твердь, и я очутился в луже. Расцарапал до крови нос, вывалился в грязи, потерял очки и кепку, шарил впотьмах по земле руками — не нашёл. Встал — в туфлях вода хлюпает. А погоду со знойным июлем не сравнишь. Но холода — было примерно около нуля или на один градус ниже — я пока не чувствовал: водочка согревала. Хотя и куртёшка моя была, по сути, на рыбьем меху. Сколько времени я кружил по улицам Березников (но то, что стало уже темно — это точно), пешком или на каком-то транспорте добрался я до железнодорожного вокзала — одному Богу известно. Но, видимо, путь этот у меня занял немало времени, поскольку хмель стал проходить, и я почувствовал холод. Но зато с этого момента ко мне вновь вернулась память.

Никого из пассажиров в здании вокзала не оказалось. У кассирши уточнил, во сколько уходит с Калийной до Чусового электричка. С Калийной, потому что через Березники электропоезда не ходят из-за шахтных обвалов почвы.

Затем я пошёл искать местечко, чтобы хоть где-то притулиться и обогреться. Встретил мужика в форме охранника. Когда я ему без утайки рассказал всё, что со мной приключилось, Степаныч — так я его назову — вник в моё положение и провёл в свою каморку. Там он дал мне кусочек поролона, намочив который в раковине, я почистился, стёр с носа присохшую кровь. И стал более-менее походить на человека. Только голова страшно болела. Неужели я кроме водки ещё и вина отведал? Со Степанычем мы сколько-то перекусили, благо у меня оставался тормозок, приготовленный заботливой женой. А потом Степаныч, узнавший, что я поэт, вдруг попросил (а может, решил проверить?):

— Слушай, Гена, у меня любовница есть. Зовут Юлией (здесь и далее имена изменены. — Г. В.). У неё день рождения скоро. Напиши ей что-нибудь в стихах. Приятно бабе будет.

Степаныч дал мне бумагу, ручку. И я стал творить. Что-то выцепил из записок, что-то новое добавил, но Степанычу понравилось, и он вошёл в охотку:

— Ну тогда давай и для жены. Её Светланой зовут.

И для неё тоже сбавил несколько четверостиший, которые Степаныч также одобрил. Выжав из меня всё, что хотел, мой ночной собеседник глянул на часы:

— Вот что, Гена, ко мне может начальство нагрязнеть. А тут посторонний. Влетит мне. А за рабочее место, сам знаешь, как надо держаться сейчас. Поэтому давай обратно — в зал ожидания.

Куда деваться? Пошёл. На скамейке посидел. Холодно: одежда ещё не высохла после чистки. Двинулся к батарее. Прижался к ней, лёг прямо на пол, как бож. Теплее вроде стало. Но уснуть из-за головной боли так и не мог. Да и боялся проспать: надо же как-то до Калийной добираться. Пошёл снова к Степанычу, спросил номер телефона такси. Вызвал. И минут через пятнадцать я был уже на Калийной. Заплатил 210 рублей.

— Тут вокзал-то хоть есть? — спросил у водителя, прежде чем закрыть дверцу машины.

— Ой, не знаю даже. Спроси у кого-нибудь, — и таксист нажал на педаль газа.

Времени полночь. До отправления электрички оставалось больше пяти часов. Я ещё не предполагал, что мои главные испытания только начинаются. А пока первым делом пошёл искать вокзал. Голова ужасно раскалывалась. С кем такое случилось, тот поймёт меня.

В поисках вокзала постучал в дверь какого-то административного здания, на первом этаже которого горели два окна.

— Чё надо? — вышел — косая сажень в плечах — охранник.

— А где тут вокзал?

— Не знаю, не здешний я, — буркнул тот и захлопнул дверь.

Я вновь под открытым небом. К ночи стало прохладней. Чтобы не задубеть, стал двигаться. Дошёл до дороги. Дабы как-то отвлечься от холода и скоротать время, стал запоминать номера проходящих автомобилей, складывать цифры. И даже отрыл для себя любопытную закономерность: если трёхзначное число состоит из двух чётных и одной нечётной цифры, в сумме обязательно будет нечётное число. И наоборот: две нечётные цифры и одна чётная в сумме дают чётное число. Эту закономерность я назвал так: и один в поле воин. Ну а если трёхзначное число состоит из нечётных цифр, то и сумма будет нечётной. Соответственно, чётные цифры при сложении всегда в сумме дают чётное

число. Надо же, и в нумерологии, как у людей: рыбак рыбака видит издалека. Ё-моё, что только не взбрѣдет в голову по пьяни!

Однако стоять на холоде не шибко комфортно. И я снова пошёл в сторону железнодорожных путей. Заприметил будку, в которой маячил огонёк. Постучал. Вышла молодая женщина. Обрисовал ей ситуацию, в которую влип.

— Не могу я пустить, не могу. Не по инструкции. И вообще я сегодня первый день работаю, только устроилась. Попробуй постучаться в то здание. Там, кажется, пожарные. Может, пустят.

Иду по указанному адресу. Обошёл здание, где светилось одно окно, со всех сторон. Стучался во все двери. Никто не шелохнулся: «крепко» огнеборцы несут свою службу.

А морозец «припекал» всё настойчивей. Похоже, он добрался до самого нутра. Каким-то образом я снова оказался возле «косой сажени».

— Ты опять тут? Проваливай отсюда, пока я милицию не вызвал! Шляется тут всякая пьянь. Иди проветрись.

Читатель наверняка догадался, что из речи стражника я убрал всю ненормативную лексику.

Увидев, что я не спорю, не упрасиваю, охранник несколько смилостивился:

— Видишь жилой дом? Сходи, может, кто и пустит. Или в подъезде перетопчешься.

Шагаю к трёхэтажному дому старой постройки. Поначалу обрадовался: дверь подъездная не заперта. Нашёл батарею, притронулся — холоднющая, как лёд. Ни к кому в квартиру, конечно, стучать не стал: общение со стражей чему-то научило. Постоял на площадке. Ничего хорошего — тот же самый колотун. Так уж лучше на улице, где побегать можно, чтобы согреться. Но и там физзарядка не дала положительных результатов. Что толку, если в туфлях мокро? А ведь самое главное — чтобы ноги были в тепле. Уличные пробежки никакого эффекта не давали. Наоборот, стала мёрзнуть голова. Эту проблему, правда, я быстро решил: стянул с шеи шарф и обмотал им голову — точь-в-точь как французы при отступлении из Москвы 200 лет назад.

Сейчас я вспоминаю ту ночь с улыбкой, а тогда было не до смеха: и голова разваливается, и зуб на зуб не попадает. Делая рейсы туда-сюда, вновь очутился у объекта, который сторожила «косая сажень». Но того дюжего мужика там уже не было. На крыльце стоял другой — помоложе и окладью послабже. Видимо, напарник. Парень курил и

в перерывах между затяжками отпивал из эмалированной кружки горячей запашистый чай. Я не мог оторвать взгляд от дымящейся кружки. И не объясняя, как залетел в такую ситуацию, попросил:

— Слушай, земляк, дай хоть глоток чайку. Замёрз, как собака.

Парень молча протянул кружку. Клацая зубами о металл, я опрокинул внутрь живительный напиток. Кажется, никогда в жизни я не пил такого вкусного чая.

— Извини, можно ещё пару глотков?

— Допивай.

С наслаждением, обжигаясь, я опорожнил всю кружку. От души поблагодарил спасителя и осмелился:

— Может, и сигаретой угостишь? Мои все промокли.

Он дал мне закурить. А я, балда, даже забыл спросить, как его зовут, хотя он и показал, как от того жилого дома дойти до электрички. До её отправления оставалось ещё добрых четыре часа, и я возвратился на свой «пост» — в подъезд трёхэтажки. На лестничной площадке между первым и вторым этажами навалился на перила и задремал. Мне даже приснилось жаркое лето в Кубани: там, у сына, я отдыхал в прошлом году почти два месяца. Вижу большой двор с водопроводной колонкой у гаража. Я хожу по двору в одних шортах, периодически подставляя голову под кран: жарко. А потом и полностью забрёл в летний душ, что в огороде. Выхожу из него посвежевший, умиротворённый. Блаженство!

И вдруг каким-то шестым чувством осознаю, что всё это — лето, тепло, душ, блаженство — со мной происходит во сне. Открываю глаза и с нехотью врубаюсь в реальность. А она такова, что меня капитально трясёт от холода: благотворное действие горячего чая закончилось, до мокрых носков оно не добралось. И тут я сразу вспомнил маму. Однажды она рассказывала такой случай из детства.

Жили они на хуторе Кухтанка Лысьвенского района, где стояло всего два дома. В одном из них, пятистенном, и обустроилась семья Лещёвых. Школы на хуторе, естественно, не было. Она находилась в деревне Большая Лысьва. А это шесть вёрст от хутора. Зимой в школу маму отвозил и привозил на лошади отец Андрей Иванович. И вот однажды — мама тогда училась во втором классе — занятия в школе закончились рано: двух уроков не было.

«А я отчаянной росла, — вспоминала мама. — Подумаешь, шесть километров. Добегу и сама. Чё я папу буду ждать? И Лебёдку гонять туда-сюда — зачем? Пока они собираются за мной, я уж и дома буду. Вот удивятся. И пошла. Сначала бойко бежала. Но ведь не лето.

В шубе да в валенках не очень-то разбежишься. И хоть морозно в тот день было, от бега я скоро взопрела. И устала. Дай, думаю, посижу маленько, отдохну. В сумёт на обочину портфель кинула, на него села, и чё-то от усталости меня в сон потянуло. Так сидя и уснула. Помню, снится мне лето, ромашки на поляне, я бегаю, собираю их. Так мне хорошо было! А дальше ничего не помню. Папа потом рассказывал. Он-то позднее выехал, не знал, что нас с двух уроков отпустили. Вот, говорит, еду, к речке Гаревке подъезжаю. Смотрю, на обочине то ли кочка, то ли зверюшка какая сидит, не двигается. Я ближе. Пригляделся — дак ведь это Нюрка моя. Схватил меня, за-коченевшую, в охапку, с себя тулуп скинул, укутал им, развернулся и давай настегивать Лебёдку. Только дома в тепле я и очнулась. И то от боли — руки-то, ноги помороженные отходить стали. Но самое страшное — я ничего не слышала, о чём говорят, спрашивают меня мама с папой. Слух совсем потерялся, уши застудила. Шалюшка-то с головы во сне у меня сползла, ну ихватило: стужа-то нешуточная была. Простыла я шибко тогда: ведь уснула на морозе потная. Долго я болела, из-за болезни даже на второй год осталась. Всю зиму мама с папой со мной отваживались, кажинный день баню топили, парили, мёдом натирали и в уши с обеих сторон в жаре-то дули мне. И вот однажды у меня в ушах будто щёлкнуло что-то. Я с лавки соскочила. «Ой, мама, я всё слышу!» — закричала на радостях.

Вот ведь какая штука приключилась со мной. А опоздай тогда папа или проскочи мимо — всё, так бы совсем и не проснулась, собирала бы ромашки во сне. Самая лёгкая это смерть — уснуть на морозе».

Мамы уже восемь лет нет в живых, на восемьдесят первом году её не стало. А вот она и сейчас будто рядом со мной, подталкивает: «Не спи, сынок. Худо будет — можешь и не проснуться». И я уже больше не смыкал глаз.

А в голову полезли другие, подобные истории. Года четыре назад погибли от переохлаждения два молодых парня. Да и не парни уж, мужики, женатые оба были, дети малые остались. А как вышло-то? Собралась компания на сплав по реке Барде накануне 1-го мая. В пловодье сплавиться тоже есть любители. Вроде как экстрим. И что? А начали туристы с выпивки, ещё не подъехав к реке, прямо в машине. На берегу добавили. Поддатые решили затем рыбкой поживиться, сети расставили. И тут, видно, Бог наказал их за браконьерство: проверяя сети, двое перевернулись вместе с лодкой. Остальные помогли им выбраться из воды. Развели костёр, согрелись, поделились одеждой. Те двое, оклемавшись от водных процедур, говорят друзьям:

«Вы сплавляйтесь, мы вас догоним». Так и сделали. Сухие туристы уплыли вперёд. А те, обсохнув, вскоре тоже уселись на резиновую лодку и стали догонять товарищей. А вода большая в ту весну стояла. И на одном из бурных перекатов их лодку вновь перевернуло. Даже рюкзаки не успели спасти. Сергей и Владимир всё же добрались до берега. Пробовали разжечь костёр — не получилось: спички промокли. Запасные же остались в рюкзаках, да где их на дне найдёшь? Температура в те дни была около 1–2 градусов выше нуля. Для промокших это уже беда. От населённого же пункта отплыли уже прилично. Кричали своих напарников — не докричались. Короче, умерли ребята от переохлаждения. Так и нашли их на другой день лежащими под ёлкой в обнимку... Вроде считались опытными сплавщиками. А всё злодейка с наклейкой тому виной.

Вспомнился и Виктор Астафьев, у которого я гостил в феврале 1998 года. В один из вечеров мы смотрели семейный альбом с любительскими снимками. Разглядывая фотографию выпускников Литературного института, Виктор Петрович с горечью обронил: «Многих же из нас сегодня уже нет. А сколько нашего брата сгинуло раньше своего житейского срока... И всё из-за водочки. Не доведёт, Гена, пьянка до добра, не доведёт».

В ту холодную апрельскую ночь все эти вспомнившиеся случаи и эпизоды прокрутились в моей голове быстро, как в ускоренном кино. Между тем меня трясло от пронизывающего холода. Как ещё работали мои замороженные мозги? С тяжёлого похмелья пополам разваливалась голова. Хотелось просто лечь и забыться. Но это, мама права, верная смерть. Я уж подумывал, не разыскать ли охранника, который обещал вызвать милицию. Может, увезли бы куда в тёплое место, не дали бы сдохнуть. Только сейчас и вытрезвителей-то не стало.

Смотрю на циферблат. Господи, ещё больше трёх часов кантоваться. Выдержу ли? Сколько, интересно, сейчас градусов? Судя по тому, что лужи стало чуть-чуть затягивать ледком, наверное, около 2–3 градусов ниже нуля.

А меня взбулындывало, будто все 25 градусов мороза. Что делать? Вроде испробовал уже все средства. Отовсюду меня гонят, хольба не спасает. В принципе, будь я на месте тех охранников, тоже бы, пожалуй, поостерёгся пускаться в тепло неизвестного бродягу, к тому же пьяного. Что у него на уме? Меня начинало охватывать отчаяние. И страх: неужели в цивилизованном, многотысячном городе умру от переохлаждения? Я уж чуть было не закричал во весь голос: «Люди,

смилуйтесь! Спасите, погибаю. Не буду я больше так пить». Возможно, в советское время, когда бытовал хороший лозунг «Человек человеку — друг, товарищ и брат», кто-то бы и пришёл мне на помощь. Но тоже сомнительно: добрых лозунгов только на бумаге было немало, а коснись конкретного случая — мое дело сторона, своя рубашка ближе к телу. И такое бывало.

Однако надо было что-то предпринимать. Только не паниковать. Это совсем хана. Что сделать, чтобы не думать о холоде? Может, какой-то отвлекающий манёвр? И тут я вспомнил, как мне однажды удалось заглушить боль с помощью... стихов. Не лгу. Действительно, со мной такое случилось однажды. Как-то увезли на «скорой» в больницу с острой болью в животе. Оказалось, зашевелились камешки в почках. Доктор назначил лечение и наказал — при острых приступах в любое время обращаться к медсестре, чтобы поставила обезболивающий укол. Так я поступал. Но однажды прихватило глубоко за полночь. Поплёлся к сестре милосердия. Приоткрываю дверь кабинета, смотрю: так сладко спит на диване Лариса. Жалко стало будить: намаялась с нашим братом за сутки. И ушёл, авось, перетерплю до утра. А боль не отпускает. Лежу, ворочаюсь. И чтобы как-то отвлечься от боли, стал сочинять стихи, лёгкие, шуточные. Увлёкся так, что забыл о боли. Каждое четверостишие держу в голове. Утром встал и записал. Я назвал стихотворение «Необычайное приключение на рыбалке»:

*Это было по весне —
Первого июля.
Не клевало: ветер, снег,
Чуть с плота не сдуло.
То ли дело у костра —
О, искра! Наживка.
На неё поймал ерша
С кошёлком под мышкой.
Вдруг мой ёрш размером стал
С надувную лодку.
Я его тотчас послал
В магазин за водкой.
С передыхом у костра
Пьём с колючим дружно.
Через часик: «Мне п-пора,
К б-братанам, п-поглубже!»*

Хряпнул ёрш ещё стопарь
 И, веселый, в воду
 Да привёл с собой, звонарь,
 Рыбьего народу:
 Шуку, жереха, плотву,
 Судака, тайменя.
 Дескать, всем здесь подают —
 Праздник, не обделят.
 Только водочку — того,
 Всю приговорил я.
 Видят гости — ничего.
 Тут и загрузили:
 «Ой, как холодно в реке.
 Вздрогнуть не мешало б!»
 В общем, нёс я в рюкзаке
 Рыбы до отвала.
 ...Мы теперь с ершом друзья.
 Напою — и в воду.
 И всегда с уловом я,
 Даже в непогоду!

Так если у меня получилось с помощью стихов заглушить чувство боли, то, может быть, стихи помогут избавиться и от чувства холода? И вдруг меня осенило. Мне же подарили трёхтомник Алексея Решетова! Может, он и выручит? Дома у меня есть его малоформатный сборничек «Лирика» Пермского книжного издательства 1976 года. Я его нет-нет да и перечитываю. Очень мне нравится Решетов. В его стихах нет той гламурной зауми, выпендрёжа, чем грешат современные сочинители-авангардисты и чьими творениями пестрят толстые журналы. У Решетова всё понятно. И главное — его стихи заставляют задуматься о наболевшем, о дне сегодняшнем и прошлом, о человеческих взаимоотношениях, о красоте, которая спасёт мир, о женщине и просто о жизни. Из того сборничка мне особенно запомнились стихи о светоносных женщинах, о музейных портретах и о русских берёзах. Ну-ка, включены они в трёхтомник? Я подошёл ближе к подъездному окну, через которое проникал свет от уличного фонаря и полез в полиэтиленовый пакет.

Чтобы добраться до книг, пришлось сначала вынуть коробки с конфетами, дипломы. Боже, что с ними стало? Коробки помяты, дипломы все в грязи. Свой-то ладно, а вот как такой замызганный

отдавать Лизе Рожковой? Видать, дюже я отведал водочки, коли не увернулся от луж...

Но что удивительно, на книги Решетова ни одна капля не попала. А ведь это символично: к его поэзии никакая грязь не пристаёт!

Перебирая содержимое пакета, почему-то не обнаружил своего сборника стихов «Под музыку природы», который намеревался подарить Игорю Тюленеву. Его стихи мне тоже нравятся, и вообще Тюленев — колоритная фигура. Ещё раз перешурудил — нету книжечки. Неужели я ему всё же вручил? Абсолютно не помню. А если и подарил, в каком состоянии я был, вручая ему своё творение? Ё-моё, стыдоба-то какая... Наконец, я держу синие, в твёрдом переплете книжицы. Ищу по содержанию. Ага, вот о женщинах:

*Светлолюбивы женщины. Они
Не могут пыль на стёклах видеть,
Им докучают пасмурные дни,
Их чёрным словом так легко обидеть.
И светonosны женщины. Нельзя
Представить даже, что за темень будет —
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.*

Как здорово! Самые главные черты женщины и вся её божественная красота — как на ладони. И всего лишь восемь строчек понадобилось поэту, чтобы убедить читателя в величии и несравненности женщины. Читаю и будто вижу свою жену Надежду — тоже терпеть не может запylённых окон. Ну а то, что женщины несут свет — тут и спорить нечего. Два слова — светлолюбивы и светonosны! — и не надо больше других определений. Сильно! Многие поэты воспевали, воспевают и будут воспевать красоту женского тела. Но если у Решетова это звучит чисто, благородно и возвышенно, без малейшего намека на пошлость (те же «...ясные глаза и маленькие матовые груди» — ими хочется просто любоваться, потому что от них исходит свет...), то иные поэты, мягко говоря, скатываются до откровенного натурализма. Так, а где про берёзы? Ну вот же оно:

*Как стойко держались берёзы
В суровые дни, в январе,
А нынче весенние слёзы
Бегут и бегут по коре.*

*Так женщины наши в груди
Тревоги и горести прячут,
А если и плачут, то плачут,
Когда уже всё позади.*

И опять Алексей Решетов будто подглядел мою жену, со слезами встречающую демобилизовавшегося из армии сына. Или мою бабушку, у которой мы, четверо внуков, всё лето гостили в деревне. Уезжаем — стоит старушка у калитки и утирает кончиком платка слёзы: «Опять мне всю зиму коротать одной. Письма-то хоть пишите». Она и при встрече всплкнёт, уже от радости. Вот ведь как! Прочитал — и вспомнил моих дорогих женщин. И сразу потеплело в груди. Что там дальше? Про музеи я хотел найти. Есть!

*Когда музеи закрывают,
Когда за окнами темно,
Портреты тотчас оживают
И с натюрмортов пьют вино.*

*На берегах пейзажных речек,
Где над кострами вьётся дым,
Портреты-женщины лепечут,
Мужчины плечи гладят им.*

*И любо им пожить, как людям,
О том, что на сердце, сказать,
Заплакать, если больно будет,
Смеяться, в рамки не влезать.*

Да уж, сегодня и я тоже из рамок вышел. Надо же так упиться, извожгаться в грязи, не помнить, как добрался до вокзала. «Оболдуй да и только!» — ругал я себя самыми последними словами. Я стал листать книгу, уже не заглядывая в содержание, вчитываясь в случайно выхваченные глазом строки. Но почему-то получалось, что и эти случайные строки написаны именно для меня. Вот хотя бы из второго тома:

*Я устал от зноя и от стужи,
Я устал от споров и забот.
И отраду чувствую — не ужас —
Оттого, что близится исход.*

*И тревога ваша неуместна,
Ваша жалость смысла лишена,
Ибо смерть прекрасна, как невеста,
Если жизнь, как мачеха, дурна.*

Разве не в таком же я был состоянии ещё полчаса назад, когда от отчаяния и стужи-мачехи я готов был лечь, забыться и умереть во сне? Но и он же, Алексей Леонидович, возвращает меня к жизни, заставляет поверить, что она не так уж плоха:

*Я не был в счастливой рубашке рождён,
И грёзы мои не сбылись.
Но вырву свой грешный язык, если он
Начнёт оговаривать жизнь.*

*Пускай я устал от бесчисленных бед,
От невыносимых невзгод,
Я всё-таки верю, что этот наш свет
Гораздо светлее, чем тот.*

И какой поддержкой для меня стали такие его строчки:

*Не убивайся, человек,
Что еле движутся дела,
Что ненаглядная далече,
Что вьюга окна замела.*

Выходит, и с ним такое случалось...

А как мне захотелось тропинкой, пропахшею мятой, убежать в своё детство, когда прочёл стихотворение:

*Мы в детстве были много откровенней:
— Что у тебя на завтрак? — Ничего.
— А у меня хлеб с маслом и вареньем.
Возьми немного хлеба моего.*

*Года прошли, и мы иными стали.
Теперь никто не спросит никого:
— Что у тебя на сердце? Уж не тьма ли?
Возьми немного света моего...*

Боже мой, какой ностальгией и теплом повеяло от «хлеба с маслом и вареньем»! Мы ведь тоже в детстве кусочничали, за что мать поругивала: «Дома ешьте!» А мы всё равно улетали на улицу с ломтем хлеба, намазанным маслом или вареньем. Выскочишь да ещё и кричишь: «Сорок один — ем один!» или «сорок восемь — половину просим!» Это когда сам без хлеба, а товарищ аппетитно жуётся. И честно говоря, первая приговорка никогда не срабатывала: хоть и успеешь крикнуть «сорок один — ем один!», но непременно поделишься с другом. А то, что «года прошли, и мы иными стали» — это я сполна испытал на себе сегодня...

Обидно, что детство не вернёшь. И холодно — даже не столько от уличной стужи, сколько от людского равнодушия. А Алексей Решетов, как старший брат, будто сидит со мной рядышком и тихо наговаривает:

*В этой жизни заполошной,
В этой доле роковой,
Друг мой, сам ты — свой заложник,
Сам ты — избавитель свой.*

Дескать, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Да, как ни горько сознавать, но это реальность нынешнего «чужого, злого и порочного мира», каким его назвал Виктор Астафьев в своей предсмертной записке. Так ведь ещё тысячу лет назад в Библии говорилось: «И увидел Господь, как велико развращение человеков...» И сколько ни бьются мыслители, философы, учёные над тем, как принести людям в каждый дом добро, счастье, благодать земную, увы, ничего не получается. Их попытки остаются пока на уровне солдата из песни Окуджавы:

*«Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел,
ведь был солдат бумажный...»*

Заглянул я, конечно, и в томик, представляющий прозу Решетова. Начинаясь он с повести о нелёгком военном детстве «Зёрнышки спелых ягод». Читал я когда-то эту трогательную, искреннюю вещь. А вот чем заканчиваются его воспоминания о детстве, забыл. Посмотрел. И концовка — «Только человеческое тепло защитило и спасло

нас с Витькой в те суровые годы. Не очень-то мы его видели, но раз не погибли — значит, нет ничего на свете сильнее, чем даже самая скупая доброта человека...» — опять навела на размышления. Так и у меня. Людской суровости в отношении к себе в ту апрельскую ночь «вкусил» я предостаточно. Но ведь был же от совершенно незнакомо-го мне человека и живительный глоток горячего чая, который, возможно, и перевесил все мои страдания от непогоды.

Но, безусловно, самым главным спасителем я называю Алексея Леонидовича Решетова. Именно он спас от того, что меня физически и морально подталкивало к последней черте, за которой небытие... Читая его изумительные стихи и прозу, я уже не чувствовал такого ярого холода вокруг себя и в мире. Не знаю, что произошло в моей душе, но будь у меня такие длинные руки, я бы просто обнял весь земной шарик и людей, чувствующих себя в этот час одиноко и неуютно.

...Подступало время искать электричку. Полный впечатлений, бережно складывал я в пакет синие томики. И всё же не удержался. Заинтересовало, кто предисловие писал? Открыл. Оказалось, один из томов (второй) предварял Виктор Астафьев. Его предисловие «Звук капли» было написано к книге Алексея Решетова «Не плачьте обо мне». К месту оно пришлось и в трёхтомном собрании сочинений безрезниковского поэта.

К слову, не удивительно, что известный прозаик комментировал сборник стихов Решетова: у Виктора Петровича, хорошо знавшего Алексея Леонидовича (в 1960-х состояли в одной писательской организации Пермской области), был исключительный поэтический вкус. Он не расставался с записной книжкой, в которую записывал понравившиеся ему стихи разных авторов. Астафьев и сам писал стихи, на некоторые из них сложены даже романсы. Отдельные его яркие затеси можно смело называть стихами в прозе. Как проникновенно отозвался он о поэзии Решетова:

«Закрываю сборник „Не плачьте обо мне“, а в сердце моём звучит музыка капли, и в каждой капле — зёрнышко солнца, семя небес, земная пылинка, крупинка сломанного луча от мерцающих звёзд. И трепещет, трепещет в груди ожидание уединённо-радостного звука падающей капли, этого, по-русски певучего, складного слова.

На душе сладостно и печально!»

Лучше, пожалуй, не скажешь. Поэтому воздержусь от дальнейших комментариев решетовских стихов. Мне просто не выразить словами того, что я ощущал, переживал после прочтения сочных

по выразительности и лаконически ёмких стихов скромного уральского поэта. Спасибо, Алексей Леонидович!

К сожалению, дела насущные требовали оторваться от его чистых и искренних книг: до отправления электрички оставалось минут сорок. Я вышел из подъезда абсолютно не ощущая холода. Нет, вру, конечно. От мокрых носков мне жарче не стало. Но я-то был всё ещё там, в стихах Решетова, от которых так теплело в груди...

Я не заметил, как очутился вблизи железнодорожных линий. Мимо на небольшой скорости проходил маневровый тепловоз. На подножке последнего товарного вагона, держась за поручни, стоял одетый в красную спецовку составитель поездов. Когда мы поравнялись, я спросил, где находится электричка до Чусового. Мужик свернутым в трубочку жёлтым флажком указал на электропоезд, стоящий наискось от меня примерно на пятом или шестом пути. По шпалам добрался я до первого вагона, двери его были ещё закрыты. Каким чудом мне удалось раздвинуть створки и влезть в тамбур — для меня и по сей день остаётся загадкой. Когда я вошёл в пустой вагон — меня опануло теплом! Это я хорошо помню. Я сел, снял туфли, прислонил их к электропечке, что под лавкой, подложил под голову пакет с трёхтомником Решетова, улёгся на подогреваемую снизу скамейку и с наслаждением закрыл глаза.

Уснул не сразу. Видно, все ещё был под наркозом от стихов Решетова. А наркоз, как известно, отходит постепенно. Я лежал, с закрытыми глазами беседовал и, перейдя на «ты», даже спорил с поэтом: «Вот ты, Алексей Леонидович, утверждаешь, что „не был в счастливой рубашке рождён“. Может, и так. Но зато ты других делаешь счастливыми. Как здорово, что ты в труднейшую минуту обогрел меня своими стихами! И я бесконечно рад, что ты „возбуждаешь аппетит“ к настоящей русской поэзии, учишь отделять зёрна от плевел. Наконец, просто учишь жизни. И наверняка ты отмечен каким-то божьим знаком или числом».

Тут я вспомнил своё увлечение нумерологией, и меня понесло: «Так, Алексей Решетов родился 3 апреля 1937 года. Тройка плюс четвёрка (апрель — четвертый месяц года) получается семёрка. И год заканчивается на семёрку. Что ещё с ней связано? Имя — Алексей. Сколько в нём букв? Семь! Фамилия — Решетов. Тоже семь букв! А семёрка — божья цифра. Совпадение? А возможно, это и знак сверху. Мне почему-то тоже захотелось, чтобы и меня семёрка приласкала. Ну-ка, что у меня получается? Геннадий Вершинин — и имя из восьми букв, и в фамилии восемь букв. Восемь плюс восемь равно

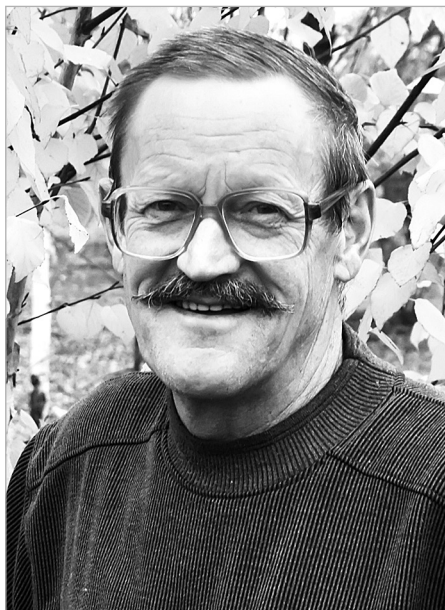
шестнадцать. А шестнадцать состоит из единицы и шестёрки, которые в сумме дают — во, здорово! — тоже семёрку.

А как насчёт того, что в имени и фамилии каждого содержится некая смысловая тайна? Надо лишь, используя (без повтора!) все буквы, из которых состоят имя и фамилия, переставить их местами так, чтобы получилось смысловое предложение (совет, напутствие). Что же можно составить из имени и фамилии Алексея Решетова? Кстати, в этом плане я однажды удачно разгадал тайну у чусовского Леонардо: Леонард Постников = Да, он велик, но прост. И пока не уснул, перебирал в голове различные варианты. Остановился на таком: «Алексей Решетов = Та веселей, кореш!» Правда, вместо «да» пришлось написать «та», поскольку буквы «д» нет в имени и фамилии поэта. Но ведь на южном малороссийском говоре так, к примеру, и звучит: «Та шо ты пристал?» Вот этим «Та веселей, кореш!» Решетов словно ещё раз подбодрил меня. И дальше я опять ничего не помню. Нет, уже не из-за больной и одурманенной хмелем головы, а просто в тепле, умиротворённый, я блаженно уснул до самого Чусового.

...Не знаю, окажусь ли я в следующем году на «Решетовских чтениях»? Очень бы хотелось. Нет, нет, Боже упаси, вовсе не для того, чтобы повторить прошлогодний подвиг. С этим завязано. Каким вообще чудом я не загнулся от переохлаждения? Кстати, после той передраги — чему сам удивляюсь — я даже ничем не заболел: как-то, слава Богу, обошли меня стороной и грипп, и ангина, и пневмония. Даже насморка не было. Да, пожалуй, Бог тут ни при чём. Алексей Решетов и его добрые книги спасли меня от смерти.

Было бы неплохо, если бы кто-либо из моих братьев по перу, друзей, прочитав сию исповедь, задумался о пагубности чрезмерного пристрастия к зелёному змию. Я потому столь подробно и описал свои «похождения», чтобы личным неблагоприятным примером остановить коллег от рюмочного соблазна. Действительно, сколько людей из-за пьянки завершает раньше срока свой земной путь... Уму непостижимо.

А ещё очень хочется, чтобы и ты, дорогой читатель, взяв в руки сборник стихов Решетова, открыл для себя замечательного поэта и друга.

Геннадий Васильевич ВЕРШИНИН

Родился в Лысьве 17 октября 1949 года. В 1973-м окончил филологический факультет Пермского государственного университета по специальности «Филолог. Преподаватель французского языка».

Журналист, прозаик, поэт, бард. Автор одиннадцати книг (проза, стихи). Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо России» за цикл публикаций о возрождении русской деревни.

Один из инициаторов и первый руководитель Лысьвенского литературно-поэтического объединения «Родник». В 2012 году при городском музее основал литературно-историческую газету «Родная Лысьва» и был первым её редактором.

С 2020-го член Союза писателей России.

Публикации (проза, стихи) в журналах «Смена», «Урал», «Родная Кубань» (Краснодар), «Стародуб» (Красноярск), альманахе «Литературная Пермь», «Мы — земляки» (Пермь).

Живёт в городе Пермь Пермского края с 2019 года.

Краткая библиография

- Глубинка: Стихи и проза. — Лысьва, 1987. — 182 с.
- Ромашка — цветок любви: Повесть, рассказы, очерки. — Чусовой, 2001. — 259 с.
- Зарека ты моя, Зарека...: Краеведческий очерк, рассказы. — Лысьва, 2005. — 64 с.
- Рябиновый август: Очерки, стихи, рассказы. — Лысьва, 2007. — 189 с.
- Под музыку природы: Стихи. — Лысьва, 2008. — 80 с.
- Живая вода: Повесть-мечта, рассказы, поэмы. — Пермь: ИП Макарова И., 2010. — 148 с.
- Сибиряк из Овсянки: Этюды о писателе Викторе Астафьеве. — Лысьва, 2015. — 270 с.
- Предзимье: Стихи, поэмы. — Лысьва, 2016. — 288 с.
- Пока в руках держу я Лиру...: Стихи. — Лысьва, 2017. — 88 с.
- Утро доброе, Лысьва!: Стихи. — Лысьва, 2018. — 134 с.
- И пусть вращается Земля!: Стихи. — Лысьва, 2019. — 192 с.

Содержание

Сибиряк из Овсянки. <i>Этюды о писателе</i>	5
«Зарека ты моя, Зарека...» <i>Краеведческий очерк</i>	128
Лесная вода — живая вода. <i>Повесть-мечта</i>	173
Алёнушка. <i>Повесть</i>	220
Спасательный круг. <i>Эпистолярный роман</i>	241
Солнечный вагон. <i>Рассказ</i>	286
Кукла для Светланы. <i>Рассказ</i>	289
Капельница. <i>Рассказ</i>	302
«А за окнами сирень...» <i>Рассказ</i>	308
Краснопёрый. <i>Рассказ</i>	312
Санькины каникулы. <i>Рассказ</i>	316
Чапа и Чуня. <i>Рассказ</i>	319
Остроты. <i>Рассказ</i>	330
Василёк. <i>Рассказ</i>	331
Боцман. <i>Рассказ</i>	333
Наташа и Дедюша. <i>Рассказ-быль</i>	335
Подснежники на помойке. <i>Лирическая миниатюра</i>	338
Честный поединок. <i>Рассказ</i>	338
Медведь и Таймень. <i>Сказка для взрослых</i>	341
Юля, Рома и Гриза. <i>Сказка для детей</i>	344
Рождественские сказы	349
На кладбище	350
Сейчас я их напугаю!	350
Заколдованная свадьба	351
Двадцать семь и одна. <i>Рассказ</i>	352
«Возьмёмся за руки, друзья!..» <i>Лирическая миниатюра</i>	356
Главное преимущество. <i>Рассказ</i>	356
Умная техника. <i>Юмореска</i>	360
«Подарок» Деда Мороза. <i>Юмореска</i>	363
Лапшеллеры. <i>Юмореска</i>	367
Новогодний «сюрприз». <i>Юмореска</i>	368
Подсачник. <i>Юмореска</i>	370
Спиннингист. <i>Юмористический рассказ</i>	372
Предновогодняя рыбалка. <i>Рассказ</i>	374
Композитор. <i>Юмореска</i>	376
В автобусе. <i>Лирическая миниатюра</i>	379
В бане. <i>Рассказ</i>	380

Сенькины приколы. <i>Юмористические рассказы</i>	
«Дед, поиграй ещё!..»	381
«Парле ву франсэ?..»	383
Романтическое свидание	390
Медвежатник. <i>Юмореска</i>	392
Импичмент. <i>Юмореска</i>	395
Степаныч. <i>Рассказ</i>	397
Исповедь добровольца. <i>Очерк</i>	400
Автор о коллегах	
В. Курбатов: «Мы забыли слово «долг». <i>Интервью</i>	404
Наш поэт. <i>Очерк</i>	408
Крёстный отец. <i>Очерк</i>	418
Е. Евтушенко: «Доверяйте больше сердцу». <i>Репортаж</i>	425
Из племени альтруистов. <i>Очерк</i>	430
Как меня спас Решетов. <i>Рассказ-исповедь</i>	441
Об авторе	460
Краткая библиография	461

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 32

Геннадий
ВЕРШИНIN

СОЛНЕЧНЫЙ ВАГОН

сборник прозы

Автор проекта *В. Якушев*
Корректор *А. Ощепкова*
Дизайн серии,
вёрстка *С. Неведомская*

ISBN 978-5-6044740-6-8

9 785604 474068

Пермская краевая общественная (профессиональная) организация Союза писателей России
г. Пермь, ул. Сибирская, 30. permsprossii@rambler.ru
Подписано в печать 10.09.2021. Формат 60x84/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 26,97.
Тираж 100 экз. Заказ № 14 547.
Отпечатано ИП Неведомская С. Э. в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ООО «Универсальная типография «Альфа Принт»,
www.alfaprint24.ru, тел. 8-800-300-16-00.

32

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6044740-6-8

9 785604 474068

16+